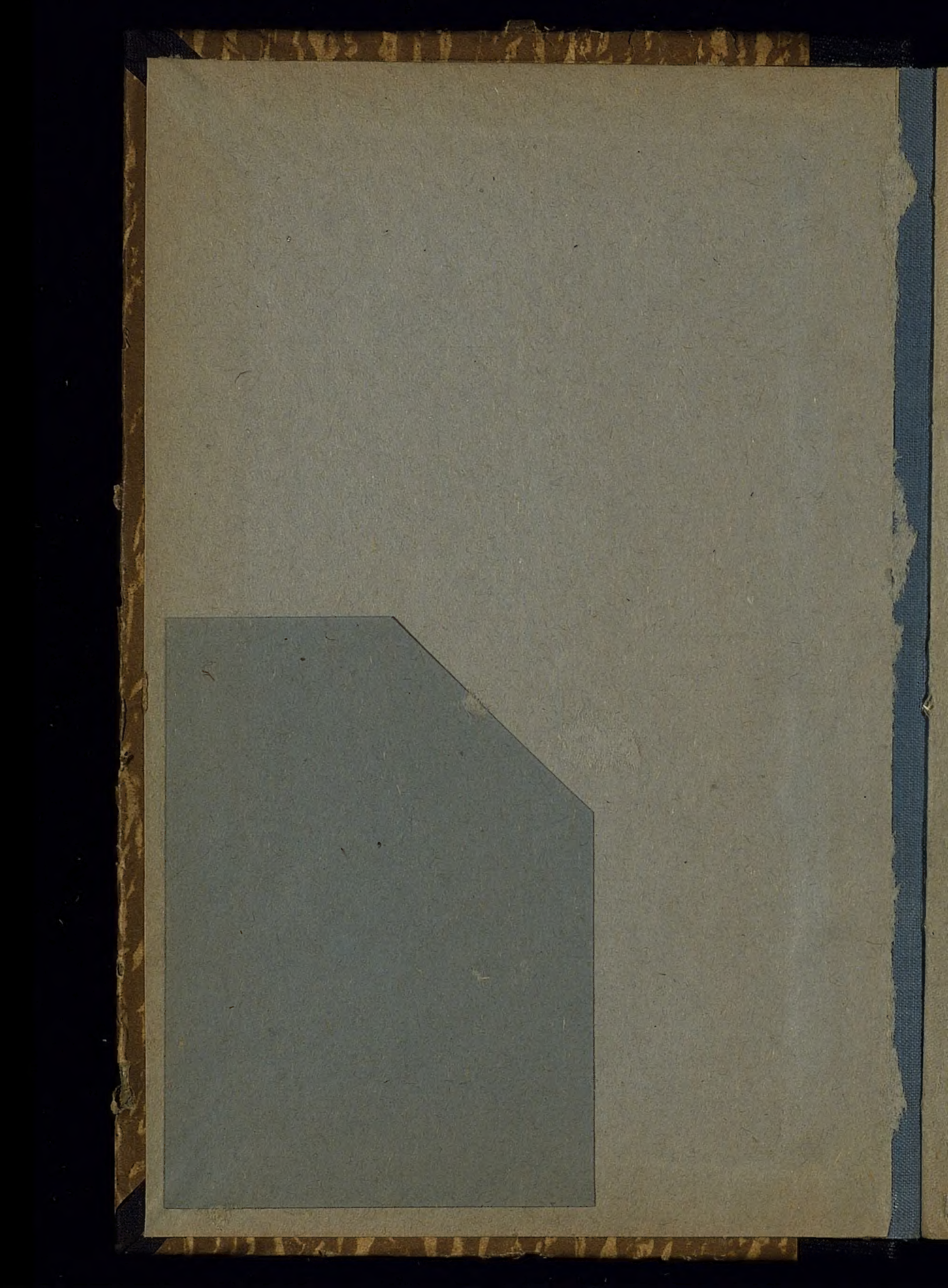
Русскій
Вѣстник.
1888. №11-12

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

1888.

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. НА СОБЫТІЕ 17 ОКТЯБРЯ. Стих. А. Н. Майкова.
II. РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ (1853—1863 г.). С. С. Татищева.
III. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ГОГОЛЯ И ЖУКОВСКАГО. И. А. Бычкова.
IV. МОЛОДЕЖЬ. Романъ, часть третья, гл. III—V. К. Ѳ. Орловскаго.
V. СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. Полонскаго.
VI. ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРАГѢ. (Изъ воспоминаній). А. Д. Погодина.
VII. ОТЕЦЪ-КОМАНДИРЪ. Разсказъ К. В. Тхоржевскаго.
VIII. ИЗЪ „ШАХЪ НАМЕ“ Стихотвореніе Кн. Д. Н. Цертелева.
IX. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ. С. А. Рачинскаго.
X. МИТРОПОЛИТЪ ИННОКЕНТІЙ НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ. И. Н. Сугорскаго.
XI. СТИХОТВОРЕНІЕ. С. А. Андреевскаго.
XII. ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ (окончаніе). Б. В. Струве.
XIII. ЗА РАБОТОЙ. Разсказъ. Д. И. Стахѣева.
XIV. ПИСЬМА ИЗЪ РИМА И НЕАПОЛЯ. И. В—ва.
XV. КРИТИКА. I. О личной свободѣ. Н. В.—II. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. А. М.
XVI. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенсъ. Т. VIII.—II. Кіевъ теперь и прежде. М. М. Захарченко.—III. Н. С. Суворовъ. Вѣра и дѣла.—IV. П. П. Гнѣдичъ. Семнадцать разсказовъ.—V. Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel. v. Dr. Georg Schmid.

XVII. ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ. I. Хозяйственное винокуреніе. **Кн. Д. В. Друцкого-Сокольницкаго.**

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Крушеніе Императорскаго поѣзда.—Высочайшій манифестъ 23 октября.—Исполненіе государственной росписи за 1887 годъ.—Упорядоченіе дѣла общественнаго призрѣнія и благотворительности по почину московскаго городскаго управленія.—Надѣленіе народныхъ школъ землею.—Опять раскаявшійся террористъ.

XIX. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Путешествіе по Европѣ императора Германіи.—Ожидаемые и дѣйствительные результаты этого путешествія.—Пребываніе въ Римѣ и визитъ въ Ватиканъ.—Обновленіе „лиги мира“.—„Мирныя цѣли“ императорскихъ визитовъ.—Другая Императорская поѣздка.—Невольное сравненіе.—Новыя австрійскія интриги.—Подвиги короля Милана.—Во Франціи: пересмотръ конституціи и успѣхи буланжизма.

XX. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. I. Неизданное письмо Гизо о русской политикѣ на востокѣ въ 1853 году. (Сообщ. С. С. Татищевымъ).—II. Еще о Слѣпцовѣ. (Сообщ. Д. Д. Ахшарумовымъ).—III. Народное чтеніе 23 октября. (Сообщ. И. П—вымъ).

XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

XXII. ПРИЛОЖЕНІЕ: I. ЛОНДОНЦЫ. Романъ въ двухъ частяхъ **Э. Х. Муррея.** ч. I-я Главы III—IV.
II. ПРОРИЦАТЕЛЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. **Вальтера Безанта.** Часть первая. Прологъ. Главы I—III.

На событіе 17-го октября.

Не намъ—что наше вдохновенье!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что значитъ пташки малой пѣнье
Небеснымъ вторящей громамъ!

Тутъ—ураганы! Тутъ—стихіи!
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!

Предъ ней, предъ всею стомильонной,—
Одно изъ Божіихъ чудесъ:
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ,

И, средь крушенья массъ желѣзныхъ,
Хранитъ Царя, Его семью;
И Самъ Господь, съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ Ними длань Свою...

И зримъ—отъ хладной Полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей...

А. МАЙКОВЪ.

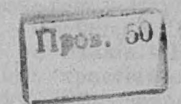
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

1888.

Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1888.

Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ[1].
(1853—1863 г.).

III.

Размолвка съ Франціею и начало польскихъ смутъ.

Разладъ Франціи съ Англіей.—Заявленіе Наполеона III англійскому послу.—Возбужденіе итальянскаго вопроса.—Сообщеніе Императора французовъ великому князю Константину Николаевичу.—Соглашеніе Франціи съ Россіей.—Тронная рѣчь Императора французовъ.—Россія предлагаетъ конгрессъ.—Тревога въ Англіи и въ Германіи.—Начало итальянской войны.—Циркуляръ князя Горчакова.—Виллафранкское перемиріе.—Варшавское совѣщаніе 1859 года.—Неудовольствіе Императора Александра II на Наполеона.—Посѣщеніе Парижа членами императорской фамиліи.—Движеніе въ Италіи.—Восточныя дѣла.—Заступничество Россіи за турецкихъ христіанъ.—Соглашеніе съ Франціей по этому вопросу.—Встрѣча Наполеономъ и Евгеніею Императрицы Александры Өеодоровны въ Ліонѣ.—Русскій циркуляръ по восточнымъ дѣламъ.—Сирійская рѣзня.—Конференція въ Парижѣ.—Свиданіе въ Варшавѣ Императора Александра II съ Императоромъ австрійскимъ и принцомъ-регентомъ прусскимъ.—Государь отклоняетъ союзный договоръ съ Франціею.—Письмо принца-регента о совѣщаніи государей въ Варшавѣ.—Соглашеніе Россіи съ Пруссіею и Австріею.—Значеніе его.—Первые безпорядки въ Царствѣ Польскомъ.—Исполненіе Франціею русскихъ требованій.—Отозваніе Киселева и замѣна его барономъ Будбергомъ.—Прощальная аудіенція Киселева у Императора и Императрицы французовъ.—Назначеніе Друэна де Льюиса французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и Бисмарка прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ.—Возростающее значеніе Пруссіи.

Политическая связь, въ которую Россія и Франція вступили между собою въ Штутгардтѣ, не была бракомъ по стра-

---

[1]) См. „Р. В.“ кн. X, 1888.

*

сти, а развѣ по разсчету. Не мудрено, что медовый мѣсяцъ ихъ продолжался не долго: не болѣе трехъ лѣтъ, да и то съ довольно частыми и продолжительными перерывами.

Сначала, однако, обстоятельства сложились такъ, что оба императорскіе двора, русскій и французскій, сближались болѣе чѣмъ, быть можетъ, предполагали сами. Поводомъ къ тому послужилъ разладъ наполеоновскаго правительства съ Англіею изъ-за убѣжища, которое находили въ этой странѣ итальянскіе заговорщики, злоумышлявшіе на жизнь Императора французовъ. Послѣ неудавшагося покушенія Орсини, тюильрійскій кабинетъ потребовалъ отъ сентъ-джемскаго установленія за политическими выходцами строгаго надзора. Пальмерстонъ готовъ былъ согласиться на это, но негодующее общественное мнѣніе произвело давленіе на парламентъ, который высказался противъ министерства. Виги подали въ отставку и были замѣнены у власти торіями. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Мальмсбери обмѣнялся съ графомъ Валевскимъ дружественными объясненіями, но долго еще не умолкали громы, которые метали въ Наполеона и Францію разъяренные англійскіе публицисты и парламентскіе ораторы.

Охлажденіе правительствъ отразилось и на личныхъ отношеніяхъ Императора Наполеона къ англійской королевской четѣ. Письма, которыми онъ обмѣнивался съ нею, не были уже проникнуты прежнею теплотою и задушевностью. Къ концу лѣта 1858 года, когда волненіе, возбужденное въ обѣихъ странахъ, нѣсколько улеглось, Императоръ французовъ хотя и пригласилъ королеву Викторію и принца Альберта присутствовать при открытіи новой военной гавани въ Шербургѣ, хотя и провозглашалъ въ произнесенной по этому случаю рѣчи незыблемость союза своего съ Англіею, но самое свиданіе отличалось натянутостью и холодностью съ обѣихъ сторонъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ, занесенныхъ Принцомъ-супругомъ въ свой дневникъ: „Свиданіе было полезно, хотя я убѣдился въ перемѣнѣ Императора“.

Раздраженіе англичанъ противъ Наполеона было вызвано, главнымъ образомъ, поѣздкой его въ Штутгардтъ на свиданіе съ русскимъ Императоромъ и предполагаемымъ вступленіемъ въ союзныя обязательства съ Россіей. Ему едва-ли не ежедневно приходилось выслушивать упреки въ томъ отъ англійскаго посла. Императоръ оправдывался, но довольно вяло, объясняя лорду Коулею: „Мнѣ говорятъ, что политика моя извилиста, но меня не понимаютъ. Порицаютъ меня за то, будто я сегодня кокетничаю съ Австріею, завтра съ

Россіею, и заключаютъ изъ этого, что на меня нельзя положиться. Но моя политика очень проста. Достигнувъ нынѣшняго моего положенія, я нашелъ, что Франція хочетъ мира и рѣшился поддерживать миръ и соблюдать договоры 1815 года, доколѣ Францію станутъ уважать, а сама она сохранитъ мѣсто въ совѣтахъ Европы. Но я также рѣшился, если вынудятъ меня къ войнѣ, не заключать мира, пока равновѣсіе не будетъ обезпечено Европѣ. Я не питаю честолюбивыхъ замысловъ, подобно первому Императору, но если другія государства пріобрѣтутъ что-либо, то и Франція должна пріобрѣсть. Такъ, будучи вовлеченъ въ войну съ Россіей, я находилъ, что никакой миръ не будетъ удовлетворителенъ, если не воскреснетъ Польша, и я ласкалъ Австрію въ надеждѣ, что она поможетъ мнѣ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Я обманулся въ ней и по заключеніи мира сталъ заботиться объ улучшеніи участи Италіи, а потому и сблизился съ Россіей. Въ этомъ вся тайна моей политики" [1]).

Дѣйствительно, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго предсмертнымъ письмомъ Орсини, всѣ помыслы Наполеона III были направлены къ разрѣшенію италіанскаго вопроса. Къ этому времени относятся таинственное появленіе графа Кавура въ Пломбіерѣ и заключенная съ нимъ лично Императоромъ сдѣлка, въ силу которой Франція обязалась содѣйствовать присоединенію Ломбардіи къ Сардиніи, а та— вознаградить ее уступкою Ниццы и Савойи.

Пока Наполеонъ III дѣятельно приготовлялся къ новой войнѣ за освобожденіе Италіи, военныя силы Россіи были поглощены довершеніемъ покоренія Кавказа, а вниманіе нашего правительства сосредоточивалось на внутреннихъ преобразованіяхъ и, прежде всего, на самомъ крупномъ изъ нихъ: отмѣнѣ крѣпостнаго права. При этихъ условіяхъ внѣшняя политика Императорскаго кабинета могла быть только выжидательною. Отношенія наши къ большей части великихъ державъ были неудовлетворительнаго свойства. Не говоря уже о неизмѣнной враждѣ къ намъ Англіи и Австріи, даже въ Пруссіи переходъ власти изъ рукъ больнаго короля къ принцу-регенту, казалось, сулилъ намъ непріятности въ будущемъ. Первое министерство свое принцъ Вильгельмъ набралъ въ рядахъ либеральной партіи, ненавидѣвшей Россію, а портфель военнаго министра вручилъ генералу Бонину, удаленному отъ этой должности во время

---

[1]) Изъ донесенія лорда Коулея лорду Кларендону, напечатаннаго въ Martin: The life of the Prince Consort, II стр. 315.

Крымской войны за дерзкую выходку противъ русскаго союза, который онъ сравнилъ съ „отцеубійствомъ". Новый берлинскій кабинетъ, да и самъ принцъ-регентъ обнаруживали неудержимое тяготѣніе къ Англіи. Князю Горчакову поневолѣ приходилось дружить съ Франціею, если и не совсѣмъ искренно къ намъ расположенною, то усердно заискивавшею въ насъ.

Въ декабрѣ 1858 года Императоръ Наполеонъ воспользовался трехдневнымъ пребываніемъ въ Парижѣ великаго князя Константина Николаевича, чтобы въ довѣрительной бесѣдѣ съ его высочествомъ развить свою политическую програму. Австрія выставлялась заклятымъ врагомъ какъ Франціи, такъ и Россіи. Пока Франція займется вытѣсненіемъ ея изъ Италіи, Россія должна возбудить противъ нея подвластныхъ ей славянъ, за что при мирѣ получитъ Галицію, независимо отъ пересмотра въ ея пользу парижскаго трактата. Всесильною явилась бы тогда на европейскомъ материкѣ коалиція, съ Франціею и Россіею на окраинахъ, съ Пруссіею и германскими государствами—въ центрѣ. Англія потеряла бы всякое значеніе, могущество ея было бы окончательно поколеблено, подъ условіемъ, конечно, чтобы Россія, Франція и Пруссія дѣйствовали дружно и стремились и къ одной и той же цѣли, не дозволяя враждебнымъ проискамъ совращать ихъ съ общаго намѣченнаго пути [1]).

Такъ разсуждалъ Императоръ французовъ, а тѣмъ временемъ между Лондономъ и Берлиномъ шли дѣятельные переговоры о заключеніи союза Австріи съ Пруссіею, къ коему приступила бы и Англія, съ цѣлью противодѣйствовать единенію Россіи и Франціи. Слухи объ этихъ замыслахъ, вдохновителями которыхъ считали короля бельгійцевъ и племянника его принца Альберта, тревожили тюильрійскій дворъ. Въ послѣдній день 1858 года по новому стилю, русскій посолъ въ Парижѣ имѣлъ продолжительное совѣщаніе по этому предмету съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Валевскій старался развѣдать, какого содѣйствія можетъ ожидать Франція отъ Россіи въ случаѣ войны съ Австріею изъ-за Италіи? Графъ Киселевъ отвѣчалъ: „Главныя основанія взаимныхъ дѣйствій при подобной случайности были опредѣлены въ Штутгардтѣ, и обѣщанное содѣйствіе будетъ свято выполнено моимъ Августѣйшимъ Государемъ; что же касается до подробностей, то нужно будетъ войти въ ближайшее со-

[1]) Изъ дневника графа Киселева 10 (22) декабря 1858 г.

глашеніе. Въ настоящую минуту могу сказать только одно, что въ Россіи не сочувствуютъ войнѣ наступательной, но между Россіею и Франціею могутъ быть возбуждены переговоры на счетъ постановки на границѣ Австріи наблюдательнаго корпуса или арміи, въ составѣ достаточномъ для отвлеченія части ея военныхъ силъ". — „А на какихъ условіяхъ и въ какомъ именно составѣ?" спросилъ министръ. Посолъ уклонился отъ отвѣта, находя вопросъ „нѣсколько нескромнымъ и, главное, преждевременнымъ" [1]).

Слова, сказанныя Императоромъ французовъ австрійскому послу на торжественномъ пріемѣ въ первый день новаго 1859 года, были поняты въ Европѣ какъ предвѣстіе близкой и неизбѣжной войны. Въ Лондонѣ хотя и сочувствовали національнымъ стремленіямъ итальянцевъ, но боялись, что какъ бы изъ-за Италіи не произошло у Франціи столкновенія съ соединенными силами Германіи, которое, при участіи Россіи, легко могло разгорѣться во всеобщую войну, а та — повести къ территоріальному расширенію обѣихъ союзныхъ Имперій. Отсюда усилія сентъ-джемскаго двора убѣдить Наполеона не нарушать мира, только раздражившія Императора французовъ, который не безъ досады говорилъ великобританскому послу: „Взгляните на различіе вашихъ дѣйствій въ настоящую минуту съ дѣйствіями Россіи. И вы, и она, заинтересованы въ поддержаніи мира. Англія выставляетъ мнѣ постоянно на видъ отвѣтственность, которая падетъ на меня, если начнется война, и требуетъ, чтобы я соблюдалъ миръ. Съ другой стороны, Россія заявляетъ мнѣ, что миръ составляетъ предметъ ея желаній, что поддержаніе мира въ интересахъ всѣхъ государствъ, но что если я, взвѣсивъ обстоятельства, вынужденнымъ найдусь взяться за оружіе, то она окажетъ мнѣ содѣйствіе въ предѣлахъ своихъ силъ, выставивъ такую армію на границѣ, которая послужитъ предостереженіемъ Австріи и Пруссіи" [2]).

Недѣли двѣ спустя, въ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи законодательной сессіи, Наполеонъ не безъ умысла оттѣнилъ отношенія свои къ Англіи и Россіи. О первыхъ онъ сказалъ: „Союзъ Франціи и Англіи, для скрѣпленія котораго я не щадилъ ничего, утвердился вслѣдствіе счастливо установившейся взаимности чувствъ съ королевою и ея государственными людьми всѣхъ партій". А о вторыхъ:

---

[1]) Изъ того же дневника 19 (31) декабря 1858 г.

[2]) Лордъ Коулей лорду Мальмсбери, 8 (20) января 1859 г.

„Отношенія мои къ русскому Императору носятъ, со времени заключенія мира, отпечатокъ самой искренней дружественности, потому что по всѣмъ спорнымъ вопросамъ мы пришли къ соглашенію“ [1]).

Императорскій кабинетъ откликнулся на эти слова, и пока Англія навязывала свое посредничество между Франціею и Австріею, Россія, отвѣчая тайному желанію Наполеона, предложила обсудить и разрѣшить возникшія недоразумѣнія по итальянскому вопросу на обще-европейскомъ конгрессѣ [2]).

Въ Англіи забили тревогу. Тамъ всѣ были до того убѣждены, что русское предложеніе истекло изъ предварительнаго уговора съ Франціею, что газета „Times“ напечатала даже, разумѣется, вымышленный текстъ франко-русскаго союзнаго трактата, оборонительнаго и наступательнаго. Вѣсть эту общественное мнѣніе приняло съ негодованіемъ. Оффиціальные запросы полетѣли въ Парижъ и въ Петербургъ. Газеты подняли страшный шумъ, нашедшій себѣ отголосокъ въ Германіи, гдѣ также забряцали оружіемъ, готовясь отразить воображаемое нашествіе французовъ на Рейнъ и русскихъ—на нижнюю Вислу. „Станемъ бодрствовать и вступимъ въ соглашеніе“ — писалъ принцъ-регентъ прусскій супругу королевы Викторіи.

Въ письмѣ къ королевѣ Наполеонъ III не скрылъ впечатлѣнія, произведеннаго на него этимъ взрывомъ ненависти, проявившейся среди англичанъ и въ особенности нѣмцевъ. „Признаюсь вашему величеству“ — писалъ онъ — „что такое поведеніе Германіи вызываетъ меня на серьезныя размышленія и что я усматриваю въ немъ великую опасность для будущаго, потому что я всегда буду уважать договоры. Я знаю, что ихъ нельзя измѣнить иначе, какъ съ общаго согласія; но уваженіе къ договорамъ не противорѣчитъ моему долгу, заключающемуся въ томъ, чтобы всегда слѣдовать политикѣ, наиболѣе соотвѣтствующей чести и пользѣ моей страны“ [3]). Краснорѣчивымъ комментаріемъ къ этимъ строкамъ служило заявленіе, сдѣланное Императоромъ французовъ русскому послу на балѣ въ Тюильри, что нынѣ де представляется удобный случай войдти въ соглашеніе съ Россіею относительно одновременнаго пересмотра вѣн-

---

[1]) Рѣчь Наполеона III при открытіи Палатъ, 26 января (7 февраля) 1859 г.

[2]) Князь Горчаковъ графу Киселеву, 22 февраля (5 марта) 1859 г.

[3]) Наполеонъ III королевѣ Викторіи, 2 (14) февраля 1859 г.

скаго и парижскаго трактатовъ 1815 и 1856 годовъ, которые одинаково-де тяготѣютъ надъ обѣими Имперіями [1]). Если вѣрить показанію принца Альберта, то князь Горчаковъ былъ не прочь пойти на такую сдѣлку и высказался въ этомъ смыслѣ предъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ [2]).

Но до этого дѣло не дошло. Война вспыхнула внезапно вслѣдствіе отказа Австріи принять участіе въ конгрессѣ и послѣдовавшаго затѣмъ нападенія ея на Сардинію. Въ самый день отъѣзда своего въ армію Наполеонъ III пожаловалъ графу Киселеву большой крестъ Почетнаго Легіона.

Цѣль войны Императоръ французовъ опредѣлилъ въ слѣдующихъ словахъ воззванія своего къ итальянскому народу: „Италія, свободная отъ Альповъ до Адріатики!“ что впрочемъ не помѣшало нѣмецкой печати отвѣчать на эту програму предъявленіемъ правъ Германіи на Альзасъ и Лотарингію, отвоевать которыя слѣдовало-де въ Парижѣ. Несмотря на натянутыя отношенія къ вѣнскому двору, Пруссія мобилизовала свою армію. По ея предложенію франкфуртскій сеймъ постановилъ держать въ боевой готовности всѣ союзные контингенты. Въ эту критическую минуту Императорскій кабинетъ выступилъ на помощь Франціи.

Въ циркулярной депешѣ на имя русскихъ дипломатическихъ представителей при нѣмецкихъ дворахъ, князь Горчаковъ взялъ на себя посредничество между Франціею и Германіею.

Упомянувъ о томъ, что нѣкоторыя государства Германскаго Союза, встревоженныя войною Франціи противъ Австріи, опасаются за свою будущность, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ успокоивалъ ихъ, напоминая о торжественномъ заявленіи французскаго правительства, что никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Германіи оно не питаетъ. Такое заявленіе, продолжалъ князь Горчаковъ, горячо и сочувственно принятое всѣми великими державами, налагаетъ и обязательства. Въ этомъ смыслѣ Россія выразила ей свое сочувствіе, та самая Россія, что напрасно старалась достигнуть разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ на ею же предложенномъ конгрессѣ. Сожалѣя, что вѣнскій дворъ не оцѣнилъ по достоинству его примирительныхъ намѣреній, Императорскій кабинетъ стремится нынѣ лишь къ тому, чтобы возникшая война ограничилась тою мѣст-

[1]) Изъ дневника графа Киселева, 25 марта (6 апрѣля) 1859 г.

[2]) Принцъ Альбертъ королю Леопольду, 24 марта (5 апрѣля) 1859 г.

ностью, на которой столкнулись породившіе ее интересы. Князь Горчаковъ указывалъ, что Пруссія приняла на себя защиту неприкосновенности Германіи и охрану равновѣсія Европы; что возвышенно-рыцарскій характеръ принца-регента, располагающаго къ тому же значительными военными силами, можетъ, кажется, служить достаточнымъ залогомъ спокойствія Германіи; что Россіи едва-ли нужно напоминать, ссылаясь на исторію, въ какой степени ей не чужды интересы Германіи и что она не щадила жертвъ тогда, когда интересамъ этимъ грозила дѣйствительная опасность; наконецъ, что германскій союзъ—комбинація исключительно оборонительнаго свойства и что только въ этомъ значеніи она получила мѣсто въ европейскомъ международномъ правѣ, на основаніи договоровъ, въ подписаніи коихъ участвовала Россія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, если нѣмецкія государства, руководясь догадками, ни на чемъ не основанными, предпримутъ враждебныя дѣйствія противъ Франціи, то нарушатъ цѣль учрежденія Союза и поступятъ противно духу договоровъ, узаконившихъ его существованіе [1]).

Во Франціи нравственная поддержка Россіи принята была съ признательностью. Французскіе генералы говорили графу Киселеву, что циркуляръ князя Горчакова стоитъ стотысячной арміи [2]).

Но уже шесть недѣль спустя миръ былъ подписанъ въ Виллафранкѣ непосредственно Императорами Наполеономъ и Францемъ-Іосифомъ.

Австрійскаго Императора побудили къ тому его военныя неудачи, а также опасеніе, какъ бы вмѣшательство Пруссіи, хотя и предпринятое въ его пользу, не доставило ей слишкомъ вліятельнаго положенія въ Германіи. Наполеонъ III, напротивъ, не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы одному вести борьбу съ соединенными силами Австріи и всей Германіи. Прежде чѣмъ рѣшиться на миръ, онъ обратится съ вопросомъ къ состоявшему при его главной квартирѣ русскому флигель-адъютанту графу П. А. Шувалову: объявитъ ли Россія войну Пруссіи, въ случаѣ, если та под-

---

[1]) Циркуляръ князя Горчакова отъ 15 (27) мая 1859 г. Онъ вызвалъ смѣшной по своей притязательности отвѣтъ Саксонскаго министра барона Бейста, напечатанный въ посмертныхъ его запискахъ. (Aus drei-Viertel-Jahrhunderten, II стр. 260).

[2]) Изъ дневника графа Киселева 2 (14) іюня 1859 г.

ниметъ оружіе противъ Франціи?—„Ни за что на свѣтѣ“— былъ отвѣтъ русскаго офицера [1]).

Конецъ итальянской войны можетъ считаться поворотной точкой въ кратковременномъ согласіи Россіи и Франціи. Обѣ державы вынесли изъ нея впечатлѣніе разочарованія, Франція — потому, что не нашла у насъ той вещественной поддержки, на которую разсчитывала, Россія—потому, что не ожидала развязки, столь быстрой и столь ничтожной, широко задуманнаго предпріятія. Какъ бы то ни было, миръ, заключенный въ Виллафранкѣ, создавалъ въ Европѣ новое положеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на соотношенія великихъ державъ.

Въ первыхъ числахъ октября, ко дню прибытія Государя въ Варшаву, вызваны были туда для совѣщанія въ высочайшемъ присутствіи, подъ руководствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, представители наши при большихъ европейскихъ дворахъ: изъ Парижа—графъ Киселевъ, изъ Лондона—баронъ Брунновъ, изъ Берлина – баронъ Будбергъ, изъ Вѣны—Балабинъ. Къ тому же времени стеклись туда члены разныхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ: эрцгерцогъ Альбрехтъ Австрійскій, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцы Вильгельмъ Нидерландскій и Августъ Виртембергскій. Императоръ Александръ Николаевичъ прибылъ въ Варшаву въ сопровожденіи князя А. М. Горчакова. Въ свитѣ его находился незадолго до того назначенный прусскимъ посланникомъ при Императорскомъ дворѣ г. фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ.

Обиліе нѣмецкихъ гостей достаточно указываетъ на характеръ варшавскихъ совѣщаній. Открылись они не прежде, какъ Государь съѣздилъ въ Бреславль, гдѣ имѣлъ свиданіе съ принцемъ-регентомъ прусскимъ. Принимая Киселева, его величество весьма неблагосклонно отозвался объ Императорѣ французовъ. „Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Лудовика-Наполеона“—сказалъ онъ—„сильно поколеблено. Его пріемы не безупречны. (Ses allures ne sont pas correctes.) Нужно вниманіе, чтобы не вдаться въ обманъ. Я читалъ вашу записку. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено не иначе, какъ послѣ

---

[1]) Изъ письма англійскаго военнаго агента во французской арміи полковника Кларемонта къ лорду Коулею, изъ Валеджіо отъ 23 іюня (5 іюля) 1859 г. Графъ Шуваловъ (Павелъ Андреевичъ, нынѣшній посолъ въ Берлинѣ, самъ подтвердилъ это показаніе, сказавъ графу Киселеву по возвращеніи въ Парижъ, что много способствовалъ Наполеону въ заключеніи мира. См. Дневникъ графа Киселева 5 (17) іюля 1859 г.

заключенія мира или послѣ конгресса [1]. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія". Государь припомнилъ, что, являясь къ нему въ Варшавѣ, принцъ Наполеонъ именемъ Императора говорилъ ему, что тотъ рѣшился вести войну до Вѣны, чтобы принудить Австрію къ заключенію мира прочнаго и окончательнаго. „И вотъ"—продолжалъ Александръ Николаевичъ,—„ни съ того, ни съ сего онъ предлагаетъ миръ, *не предупредивъ никого*. Дѣйствія эти не могутъ мнѣ внушить довѣрія и въ виду такой неопредѣленной политики заставляютъ быть насторожѣ" [2].

На Варшавскомъ съѣздѣ 1859 года выяснилась уже вполнѣ перемѣна, совершившаяся въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи. То не былъ еще разрывъ, но существенное уклоненіе отъ обязательствъ, принятыхъ въ Штутгардтѣ. Франція переставала быть нашею главною союзницею, и мѣсто ея занимала Пруссія, скоро утвердившая его за собою на долгіе годы, благодаря личной дружбѣ, связывавшей Императора Александра II съ дядею его, принцемъ-регентомъ, а впослѣдствіи королемъ Вильгельмомъ, и столь же смѣлому, сколько и умѣлому образу дѣйствій новаго прусскаго представителя въ С.-Петербургѣ.

Наружно перемѣна обозначилась не сразу. Члены русской царственной семьи продолжали ѣздить въ Парижъ и принимались тамъ съ радушіемъ и почетомъ. Такой пріемъ былъ оказанъ въ самый разгаръ войны Императрицей-регентшей великой княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ и ея супругу, которымъ было предложено гостепріимство въ тюильрійскомъ дворцѣ. Позднею осенью французскій дворъ посѣтила великая княгиня Марія Николаевна съ дѣтьми и провела въ Парижѣ тоже цѣлый мѣсяцъ [3].

Предупреждая Киселева въ Варшавѣ о предстоящемъ путешествіи во Францію ея высочества, Государь сказалъ: „Поручаю вамъ сестру мою Марію. Я ей писалъ, чтобъ была осторожна въ разговорахъ, когда очутится въ этой компаніи (lorsqu'elle se trouvera en face de tout ce monde). Она должна совѣтоваться съ вами, и вы не откажете давать ей наставленія" [4].

---

[1] Окончательный мирный договоръ между Франціею и Австріею былъ подписанъ лишь 29 октября (10 ноября) 1859 г. въ Цюрихѣ.

[2] Изъ дневника графа Киселева 9 (21) октября 1859 г.

[3] Съ 24 октября (5 ноября) по 19 ноября (1 декабря) 1859 г.

[4] Изъ дневника графа Киселева 9 (21) октября 1859 г.

Положеніе великой княгини въ Тюильри было тѣмъ щекотливѣе, что ея покойный мужъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій приходился двоюроднымъ братомъ Императрицѣ французовъ, а дѣти ея — внучатными племянниками. Она сама просила Киселева указать ей, въ какомъ смыслѣ должна она отвѣчать на политическіе вопросы. „Отвѣчайте"—совѣтовалъ посолъ—„что братъ вашъ прежде всего честный человѣкъ, вполнѣ искренній и правдивый; что онъ исполнитъ все, что обѣщалъ, и не откажется отъ принятыхъ на себя обязательствъ. Когда будете выражать мнѣнія, то, во избѣжаніе ложнаго толкованія рѣчей вашихъ, отмѣчайте тѣ, которыя принадлежатъ лично вамъ. Наконецъ не теряйте изъ вида совѣта вашего августѣйшаго брата, состоящаго въ томъ, чтобы не вчинать политическихъ преній, а когда станутъ говорить съ вами о политическихъ дѣлахъ, то отвѣчайте общими мѣстами, не имѣющими значенія [1]). Во все время, проведенное въ Парижѣ, ея высочество строго сообразовалась съ этимъ наставленіемъ.

Охлажденіе не проявлялось пока и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ Петербурга съ Парижемъ. Когда, въ концѣ 1859 года, Франція предложила конгрессъ для окончательнаго устройства итальянскихъ дѣлъ, Россія не только приняла это предложеніе, но князь Горчаковъ извѣстилъ графа Киселева, что лично прибудетъ во французскую столицу въ качествѣ перваго русскаго уполномоченнаго на конгрессѣ [2]). Но посолъ нашъ въ Парижѣ, искренно преданный дѣлу сближенія съ Франціей, не обманывался относительно истинныхъ намѣреній Императорскаго кабинета. Послѣ продолжительнаго разговора съ прибывшимъ изъ Петербурга для посѣщенія старца отца своего, барономъ А. Г. Жомини, уже тогда занимавшимъ вліятельное положеніе въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, графъ Киселевъ записалъ въ свой дневникъ: „Такъ рушились плоды моихъ постоянныхъ усилій въ теченіе трехъ лѣтъ для скрѣпленія союза и поддержанія взаимнаго довѣрія [3]).

1860-й годъ начинался подъ грозными предзнаменованіями для Наполеона. Каждый день приносилъ новыя затрудненія. Цюрихскій мирный договоръ оказался неудобоисполнимымъ. Населеніе Тосканы, Модены и Пармы отказалось принять обратно герцоговъ, изгнанныхъ въ прошедшемъ году. Ро-

---

[1]) Изъ того же дневника 26 октября (7 ноября) 1859 г.

[2]) Князь Горчаковъ графу Киселеву 5 (17) декабря 1859 г.

[3]) Изъ дневника графа Киселева 22 декабря 1859 (3 января 1860 г.).

манья и Мархія не признавали папскихъ властей. Всѣ эти области единодушно высказывались въ пользу присоединенія къ Сардиніи. Народное движеніе въ Италіи показалось Императору французовъ неудержимымъ. Онъ рѣшился не противиться ему, выговоривъ себѣ соотвѣтствующее вознагражденіе отъ Туринскаго двора. Рѣшеніе это было равносильно оставленію папы на произволъ судьбы и нарушенію обязательствъ, принятыхъ относительно Австріи. Оно имѣло послѣдствіемъ отставку Валевскаго и замѣну его въ должности министра иностранныхъ дѣлъ Тувенелемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя, что Россія ускользаетъ отъ него, Наполеонъ снова сталъ заискивать въ Англіи, просить ея поддержки. Новую эту эволюцію облегчило ему паденіе торійскаго министерства и возвращеніе виговъ къ власти, съ лордомъ Пальмерстономъ во главѣ.

Какъ Пальмерстонъ, такъ и занимавшій въ его кабинетѣ постъ министра иностранныхъ дѣлъ лордъ Джонъ Россель, издавна сочувственно относились къ національнымъ стремленіямъ итальянцевъ. Они взялись выручить Императора французовъ изъ бѣды, выработавъ въ согласіи съ нимъ основанія будущаго устройства Италіи, которыя имѣли быть утверждены на конгрессѣ представителей всѣхъ великихъ державъ. Въ благодарность за такую помощь, Наполеонъ III подписалъ торговый договоръ съ Англіей, составленный по всѣмъ правиламъ манчестерской доктрины и отмѣнявшій почти всѣ таможенныя стѣсненія въ товарномъ обмѣнѣ обоихъ государствъ.

Такое скрѣпленіе союзной связи морскихъ державъ произвело въ Петербургѣ крайне непріятное впечатлѣніе и вызвало вѣжливый, но категорическій отказъ Россіи отъ участія въ конгрессѣ. Въ депешѣ къ Киселеву князь Горчаковъ пояснялъ, что не стоитъ собирать конгресса для того только, чтобы утвердить сдѣлку, заключенную между Франціею и Англіею помимо другихъ державъ. Когда нашъ посолъ сообщилъ о томъ Наполеону, тотъ не скрылъ своего неудовольствія, замѣтивъ, что ему не нравится тонъ дипломатическихъ переговоровъ петербургскаго кабинета, который измѣняетъ-де свою политику относительно Франціи, по поводу анонимной брошюры. Императоръ разумѣлъ появившуюся незадолго до того въ Парижѣ брошюру „Папа и конгрессъ“, ратовавшую противъ свѣтской власти папы и которая была написана виконтомъ Лигероньеромъ по указаніямъ самого Наполеона. Въ другой разъ на балѣ въ Тюильри, подойдя къ графу Киселеву, онъ довольно громко

сказалъ, что недружелюбное расположеніе къ нему не прекращается въ Петербургѣ [1]).

Возстановленное между дворами тюильрійскимъ и сентъджемскимъ согласіе продолжалось однако недолго. Въ концѣ января (началѣ февраля) въ Лондонѣ одновременно узнали и о возсоединеніи съ Сардиніею Тосканы, герцогствъ и легатствъ, и объ уступкѣ Франціи Ниццы и Савойи.

Трудно себѣ представить бурю, которую вызвала по ту сторону Ла-Манша вѣсть о новыхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Франціи. „Мы кругомъ обмануты"—писала королева Викторія лорду Джону Росселю—„возвращеніе къ англійскому союзу, всеобщій миръ, уваженіе договоровъ, торговое братство—все это одна личина, чтобы прикрыть предъ Европой политику разбоя!" [2]) Напрасно Наполеонъ доказывалъ англійскому послу, что съ той минуты, какъ Италія сплотилась въ сильное государство, Франція не могла оставить въ ея власти альпійскіе проходы и должна была озаботиться пріобрѣтеніемъ болѣе надежной и крѣпкой границы [3]). Въ Англіи не принимали никакихъ доводовъ. Снова раздались громовыя рѣчи въ парламентѣ, появились въ печати бранныя статьи, изливавшія зависть, злобу и страхъ. Императора французовъ обвиняли въ нарушеніи даннаго слова, въ коварствѣ, въ предательствѣ, приписывая ему намѣреніе возвратить Франціи ея „естественныя границы" не только на Альпахъ, но и на Рейнѣ.

Наполеонъ ясно увидѣлъ, что отъ Англіи ему нечего ожидать споспѣшествованія пользамъ Франціи, что она напротивъ всегда будетъ противиться всему, что можетъ увеличить силу и значеніе ея недавней союзницы и вѣковой соперницы. Терпѣніе его истощилось. 22 февраля (6 марта) на придворномъ концертѣ въ тюильрійскомъ дворцѣ онъ, подойдя къ группѣ пословъ, сказалъ Киселеву такъ, чтобы могъ его слышать и Коулей, что поведеніе Англіи необъяснимо. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, дабы жить съ ней въ дружбѣ, но всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Да и какое дѣло Англіи до Савойи? Что бы было, еслибъ онъ, когда она овладѣвала островомъ Перимомъ, необходимымъ для безопасности ея восточныхъ владѣній, сталъ предъявлять

---

[1]) Изъ того же дневника 10 (22) 15 (27) января и 7 (19) февраля 1860 г.

[2]) Королева Викторія лорду Джону Росселю 24 января (5 февраля) 1859 г.

[3]) Лордъ Коулей лорду Джону Росселю 29 января (10 февраля) 1859 г.

тѣ же возраженія, которыя предъявляетъ нынѣ она по поводу присоединенія Савойи, одинаково необходимой для безопасности Франціи? [1])

Дѣло не ограничилось этою сценою, живо напоминавшею рѣзкое объясненіе перваго консула Бонапарта съ лордомъ Витвортомъ, наканунѣ расторженія амьенскаго мира. Оно дошло до словеснаго и письменнаго обмѣна упрековъ и даже угрозъ между обоими правительствами. Французскій чрезвычайный посолъ въ Лондонѣ, графъ Флао, принесъ жалобу Пальмерстону на Джона Росселя за то, что тотъ выразилъ ему недовѣріе свое къ Императору Наполеону. Пальмерстонъ отвѣчалъ, что нельзя вѣрить человѣку, постоянно мѣняющему свой образъ дѣйствій въ политикѣ. Флао возразилъ, что слѣдуетъ во что бы то ни стало помѣшать войнѣ между Англіею и Франціею и получилъ въ отвѣтъ, что по всѣмъ признакамъ Императоръ желаетъ этой войны и что Англія готова принять ее безъ боязни, будь то въ союзѣ съ другими державами или даже одинъ на одинъ. Исторія доказываетъ, прибавилъ благородный лордъ, что всѣ столкновенія обоихъ государствъ оканчивались всегда въ пользу Англіи. Замѣчаніе это задѣло француза за живое, и онъ воскликнулъ, что самъ, бывъ участникомъ Ватерлоской битвы, знаетъ цѣну англійскихъ войскъ, но что съ тѣхъ поръ французская армія далеко ушла впередъ. „Не дальше англійской" прервалъ его Пальмерстонъ. Флао продолжалъ, что Англія должна ожидать вторженія французовъ, вполнѣ возможнаго при паровомъ судоходствѣ, а Пальмерстонъ замѣтилъ на это, что паръ одинаково усилилъ средства какъ нападенія, такъ и обороны, и что вторженіе можетъ быть только временное и что ни одинъ англичанинъ не сомнѣвается въ его исходѣ [2]).

Прошло болѣе полугода и взаимное раздраженіе англичанъ и французовъ все еще не улеглось. Осенью возвратился въ Лондонъ и снова вступилъ въ управленіе посольства и графъ Персиньи, тотъ изъ французскихъ государственныхъ людей, который всегда былъ наиболѣе горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ тѣснаго единенія съ Англіею. Онъ говорилъ англійскимъ друзьямъ своимъ, что Импера-

---

[1]) Лордъ Коулей лорду Джону Росселю 23 февраля (7 марта) 1860 г. Объ этомъ инцидентѣ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ и графъ Киселевъ съ слѣдующимъ дополненіемъ: „Я счелъ нужнымъ вставить нѣсколько успокоительныхъ словъ, за которыя товарищъ мой въ тотъ же вечеръ выразилъ мнѣ свою благодарность".

[2]) Меморандумъ лорда Пальмерстона 15 (27) марта 1860 г.

торъ Наполеонъ по-прежнему желаетъ мира со всѣми и союза съ сентъ-джемскимъ дворомъ, но что отъ послѣдняго зависитъ сохраненіе этого союза; что народныя массы во Франціи недружелюбно расположены къ Англіи; что сдерживать ихъ Императоръ можетъ только до тѣхъ поръ, пока англійское правительство дружественно относится къ Франціи и не возбуждаетъ противъ нея обще-европейской коалиціи. Въ послѣднемъ случаѣ война-де между обѣими странами неизбѣжна. Въ войнѣ этой всѣ преимущества на сторонѣ Франціи. Французскіе броненосцы разрушатъ англійскіе доки и въ концѣ концовъ Франція станетъ сама во главѣ коалиціи, направленной противъ Англіи, одинокой столько же по причинамъ политическимъ, какъ и географическимъ.

Пальмерстона въ это время не было въ Лондонѣ, но, узнавъ о рѣчахъ французскаго посла, онъ счелъ долгомъ написать ему письмо, въ которомъ съ чисто англійскою безцеремонностью возражалъ на его доводы. И въ Англіи, писалъ онъ, всѣ хотятъ мира и никто—войны. Но если суждено быть войнѣ, то англичане ея не страшатся. Французскія войска безспорно храбры, но у англійскихъ на десять минутъ больше стойкости, а при ровной храбрости стойкость рѣшаетъ участь сраженія. Въ обѣихъ странахъ наука и механическое искусство одинаково примѣняются къ военному и морскому дѣлу, но у Англіи больше желѣза и каменнаго угля, и англійская промышленность развитѣе французской. Разница между ними лишь та, что въ Англіи всѣ приготовленія на сушѣ и на морѣ оборонительнаго, во Франціи—наступательнаго свойства. Что же касается до коалиціи, то весьма естественно, что европейскія державы помышляютъ объ огражденіи себя сообща отъ задора и захватовъ Франціи, и она на это жаловаться не можетъ. Ни одинъ англичанинъ никогда не подумаетъ объ образованіи коалиціи противъ Франціи, спокойной и мирной, но всякій напряжетъ всѣ свои усилія, чтобы создать коалицію съ цѣлью обуздать Францію, честолюбивую и завоевательную [1].

Въ предположеніи, что рѣчи Персиньи были внушены свыше, Пальмерстонъ не удовольствовался отправленіемъ своего письма по назначенію, но списокъ съ него сообщилъ великобританскому послу въ Парижѣ съ порученіемъ прочесть его французскому министру иностранныхъ дѣлъ [2],

[1]) Лордъ Пальмерстонъ графу Персиньи, 6 (18) октября 1860 г.
[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Коулею 21 октября (2 ноября) 1860 г.

Подозрѣніе французовъ, что Англія въ тайнѣ хлопочетъ о составленіи враждебной Франціи коалиціи, не было лишено основанія. Въ письмѣ къ лорду Пальмерстону, королева требовала установленія немедленнаго соглашенія Англіи съ Пруссіею и Австріею, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ этихъ державъ обязалась „дать знать обѣимъ другимъ о всякомъ заявленіи или предложеніи, которое могло быть сдѣлано ей со стороны Франціи и клонилось бы къ перемѣнѣ настоящаго положенія территоріальнаго владѣнія въ Европѣ, и чтобы на такое заявленіе или предложеніе не было даваемо отвѣта прежде чѣмъ состоится уговоръ съ двумя прочими державами“ [1]). Въ этомъ смыслѣ лондонскій кабинетъ обмѣнялся мнѣніемъ съ дворами берлинскимъ и вѣнскимъ. Первый отвѣчалъ, что „какъ только до свѣдѣнія его дойдетъ какой-либо фактъ, оправдывающій опасенія Европы, прусское правительство сочтетъ непремѣннымъ долгомъ войдти въ сношеніе съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ съ цѣлью согласиться относительно общаго образа дѣйствій“. Приблизительно такой же отвѣтъ полученъ былъ въ Лондонѣ и изъ Вѣны [2]).

Въ то время, когда, подстрекаемыя Англіею, обѣ великія германскія державы замышляли тройственный союзъ, направленный противъ Франціи, надѣясь привлечь къ нему и Россію, которая, какъ выражался принцъ-регентъ прусскій въ письмѣ къ супругу королевы Викторіи, „не можетъ-де признать начало народнаго самодержавія“, [3]) въ это самое время Императорскій кабинетъ чувствовалъ снова потребность сблизиться съ тюильрійскимъ дворомъ. Потребность эта была вызвана оборотомъ, принятымъ дѣлами на востокѣ.

Съ самаго заключенія парижскаго мира Франція придерживалась по отношенію къ восточнымъ дѣламъ политики, весьма сходной съ нашею, постоянно благопріятствуя христіанскимъ народностямъ и содѣйствуя развитію ихъ автономіи. Такъ, въ Дунайскихъ княжествахъ она вмѣстѣ съ нами высказалась за соединеніе; въ Сербіи—за водвореніе національной династіи Обреновичей и за признаніе за нею наслѣдственнаго права. Когда между Турціею и Черногоріею завязалась кровопролитная борьба, одно появленіе въ Адріатическомъ морѣ русскихъ и французскихъ военныхъ судовъ

---

[1]) Королева Викторія лорду Пальмерстону 22 мая (3 іюня) 1860 г.
[2]) См. Martin: The life of the Prince Consort. II стр. 121.
[3]) Принцъ-регентъ прусскій принцу Альберту 20 февраля (4 марта) 1860 г.

рѣшило ее въ пользу княжества. Дѣйствуя сообща, Россія и Франція постоянно приходилось пререкаться съ Англіею и Австріею, упорно отстаивавшими права Порты и начало цѣлости и независимости Оттоманской Имперіи.

Освободительное движеніе, увѣнчавшееся въ Италіи полныхъ успѣхомъ, не могло не отразиться на подвластныхъ Турціи христіанскихъ племенахъ. Волненія, проявившіяся въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 года въ Босніи и Герцоговинѣ, въ Болгаріи и Македоніи, въ Ѳессаліи и Эпирѣ, турки подавили съ возмутительною жестокостью и съ полнымъ забвеніемъ гарантій, предоставленныхъ христіанамъ пресловутымъ гатти-гумаюномъ 1856 года. Хотя парижскій трактатъ и лишилъ Россію принадлежавшаго ей, въ силу прежнихъ договоровъ ея съ Портою, права покровительства православнымъ подданнымъ Султана, перенеся это право на совокупность великихъ державъ Европы, но по привычкѣ, освященной вѣками, угнетаемые продолжали обращать къ русскому Царю свои жалобы и мольбы о помощи. Сверхъ того во многихъ мѣстностяхъ притѣсненія турокъ вызвали такое остервенѣніе въ населеніи, что можно было опасаться близкаго и поголовнаго возстанія всѣхъ христіанъ.

Все это побудило князя Горчакова поднять предъ Европою вопросъ о бѣдственномъ положеніи христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, причиненномъ отступленіемъ Порты отъ торжественно принятыхъ на себя обязательствъ, и объ опасностяхъ, коими угрожало оно всеобщему спокойствію. Въ дѣлѣ этомъ онъ не могъ разсчитывать на поддержку ни Австріи, ни Англіи, съ которыми только-что вступила въ тѣсное соглашеніе Пруссія. Оставалось заручиться содѣйствіемъ Франціи, располагавшей тогда въ европейскомъ концертѣ, сверхъ собственнаго голоса, еще и голосомъ Сардиніи, уже готовившейся преобразиться въ Итальянское королевство. Явленіе поразительное по постоянству, съ коимъ оно повторялось. Всякій разъ когда Россія принималась за исполненіе своей исторической задачи на востокѣ, она была вынуждена искать сближенія съ Франціей, съ тою самою Франціей, отъ которой удаляли ее на западѣ отвлеченныя политическія начала, усвоенныя съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія ея дипломатіею.

Предварительно оффиціальнаго обращенія къ великимъ державамъ, Императорскій кабинетъ пожелалъ узнать, въ какой мѣрѣ тюильрійскій дворъ расположенъ будетъ поддерживать его предложенія, и графу Киселеву поручено было

*

войдти съ нимъ въ подготовительное соглашеніе по восточнымъ дѣламъ [1]).

Запросъ русскаго двора пришелся какъ нельзя болѣе кстати французскому правительству. Оно тотчасъ возымѣло намѣреніе обратить его для себя въ исходъ изъ затрудненій, созданныхъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи. Вотъ почему оно отнеслось въ высшей степени предупредительно къ заявленію графа Киселева. Тувенель отвѣчалъ послу, что Императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе петербургскаго кабинета, какъ доказательство дружескаго довѣрія Императора Александра; что онъ расположенъ войдти въ довѣрительное соглашеніе съ русскимъ дворомъ по возбужденному имъ важному предмету; что вопросъ восточный можетъ быть разсматриваемъ въ связи съ итальянскимъ вопросомъ и что нужно поэтому обсудить, нельзя ли взамѣнъ Венеціи, безъ которой не можетъ обойтись Италія, отдать Австріи все восточное побережье Адріатическаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, по собственному почину, намекнулъ Киселеву, что Россіи-де слѣдуетъ овладѣть Батумомъ, дабы имѣть на азіатскомъ берегу Чернаго моря безопасный портъ. Все сказанное онъ просилъ сохранить въ глубочайшей тайнѣ, изъ опасенія, какъ бы англичане, провѣдавъ о соглашеніи Россіи и Франціи, не рѣшились овладѣть проливомъ и даже Константинополемъ и основать свое право на совершившемся фактѣ [2]).

Сообщеніе это сопровождалось крайне любезнымъ обхожденіемъ Императорской четы съ нашимъ посломъ. Снова ему засіяли улыбки очаровательной Императрицы Евгеніи, а Наполеонъ лично выразилъ ему благодарность за „нравственную“ поддержку, оказанную Франціи Императоромъ Александромъ въ вопросѣ о Ниццѣ и Савойѣ [3]). Отразилось это настроеніе и на пріемѣ, оказанномъ посѣтившимъ Парижъ членамъ Императорскаго дома: великому князю Николаю Николаевичу, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Всѣ они были встрѣчены съ изысканною любезностію и вынесли изъ Парижа самыя пріятныя впечатлѣнія. Когда же Наполеонъ III узналъ, что вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна намѣревается изъ Ниццы прослѣдовать въ Швейцарію

---

[1]) Князь Горчаковъ графу Киселеву 20 февраля (4 марта) 1860 г.
[2]) Изъ дневника графа Киселева 1 (13) марта 1860 г.
[3]) Изъ того же дневника, 8 (20) и 13 (25) марта 1860 г.

чрезъ Францію, то пожелалъ, вмѣстѣ съ Императрицею Евгеніею, выѣхать ей навстрѣчу въ Ліонъ.

Свиданіе французскихъ величествъ съ Императрицею-матерью состоялось въ Ліонѣ 20 мая (1 іюня). Прибывъ туда въ 9 часовъ вечера, они тотчасъ же посѣтили Александру Θеодоровну въ Hôtel de l'Univers. На другой день вдовствующая Государыня, несмотря на болѣзненное свое состояніе, приняла завтракъ въ ратушѣ, гдѣ Императоръ и Императрица французовъ встрѣтили ее внизу главной лѣстницы. Послѣ завтрака ея величество тотчасъ же отправилась на желѣзную дорогу. Наполеонъ провожалъ ее и самъ усадилъ въ вагонъ [1]).

Между тѣмъ Императорскій кабинетъ рѣшился на важный шагъ. 4 (16) мая князь Горчаковъ, собравъ у себя представителей великихъ державъ въ С.-Петербургѣ, просилъ ихъ обратить вниманіе своихъ правительствъ на безпорядки, не прекращающіеся въ различныхъ областяхъ Европейской Турціи и на необходимость общими усиліями положить имъ конецъ. Двѣ недѣли спустя разосланъ былъ циркуляръ, въ коемъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ выражалъ, что хотя онъ и далекъ отъ мысли предложить какое-либо оскорбительное для турецкаго правительства вмѣшательство въ его дѣла, но что, въ виду ужасныхъ притѣсненій, которымъ подвергаются христіанскіе подданные Султана, необходимо условиться, какія преобразованія могли бы принесть существенное улучшеніе въ бытѣ этой части населенія Турціи, а для сего надлежитъ, чрезъ делегатовъ европейскихъ державъ, произвесть на самыхъ мѣстахъ изысканія, которыя затѣмъ подвергнуть разсмотрѣнію въ конференціи изъ представителей великихъ державъ. Дѣло это, въ коемъ акты политическіе воплощаютъ въ себѣ интересы человѣколюбія, одно только способно-де упрочить спокойствіе Европы. Циркуляръ оканчивался намекомъ на народное движеніе въ Италіи и на сочувствіе, выраженное ему Франціею и Англіею. „Волненіе христіанъ на востокѣ“—заключалъ князь Горчаковъ—„усилилось еще болѣе оглашеніемъ событій, совершившихся на западѣ Европы, ободряя ихъ новыми надеждами“. Въ частномъ письмѣ къ Киселеву, министръ нашъ, какъ извѣстно, большой охотникъ до рѣзкихъ фразъ, замѣчалъ: „Мы освятимъ маякомъ подводный камень“ [2]).

---

[1]) Изъ того же дневника 20 и 21 мая (1 и 2 іюня) 1860 г.

[2]) Циркуляръ князя Горчакова и частное письмо его графу Киселеву отъ 20 мая (1 іюня) 1860 г.

Вслѣдъ за сообщеніемъ русскаго двора, какъ разительное подтвержденіе изложенныхъ въ нёмъ мнѣній, разнеслась по Европѣ вѣсть о кровавой рѣзнѣ, учиненной въ Сиріи мусульманами надъ христіанами. Событіе это устранило всѣ сомнѣнія и колебанія. Въ половинѣ (концѣ) іюля собралась въ Парижѣ обще-европейская конференція по восточнымъ дѣламъ. Она рѣшила занять временно Сирію семитысячнымъ французскимъ корпусомъ и поручить производство разслѣдованія и переустройство Ливана коммисіи изъ делегатовъ великихъ державъ. Русскому уполномоченному въ конференціи, графу Киселеву, не удалось, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія Англіи, включить въ конвенцію, въ которой были изложены вышеприведенныя рѣшенія, дополнительную статью, проектированную въ Петербургѣ, но сущность ея была воспроизведена въ одномъ изъ протоколовъ конференціи, гласившемъ, „что, вспоминая документъ, высокое значеніе коего признано въ статьѣ IX договора 30-го марта 1856 года (подъ этими словами разумѣлся гатти-гумаюнъ), уполномоченные великихъ державъ не могутъ не заявить, что правительства ихъ нетерпѣливо ожидаютъ, чтобъ, во исполненіе торжественнаго обѣщанія высокой Порты, приняты были серьезныя административныя мѣры къ улучшенію участи христіанъ всѣхъ исповѣданій, живущихъ въ Оттоманской Имперіи[1]).

Первый этотъ успѣхъ ободрилъ князя Горчакова, и онъ рѣшился сдѣлать еще шагъ по пути единенія съ Франціею. Отклоняя предложенный ею въ пользу Австріи обмѣнъ Венеціи на восточное побережье Адріатики, онъ поручилъ графу Киселеву развѣдать, не пожелаютъ ли въ Парижѣ облечь соглашеніе съ Россіею въ форму письменнаго договора, присовокупляя, что, по мнѣнію его, тѣсный союзъ между Франціею и Россіею обезпечилъ бы взаимныя политическія выгоды обоихъ государствъ, и что Франція всегда можетъ разсчитывать на готовность нашу къ тому. (Elle nous y trouvera toujours prêts). „Мы просимъ только одного“—продолжалъ министръ — „чтобъ не нарушали нашихъ принциповъ, пожертвовать которыми мы не можемъ. Императоръ Александръ далъ понять это еще въ Штутгардтѣ. Выражая такъ открыто свои дѣйствительные политическіе виды, мы просимъ, чтобъ и Франція платила намъ такимъ же откровеннымъ прямодушіемъ“ [2]).

---

[1]) Протоколъ парижской конференціи по сирійскимъ дѣламъ, 22 іюля (3 августа) 1860 г.

[2]) Князь Горчаковъ графу Киселеву, 6 (18) августа 1860 г.

Между графомъ Киселевымъ съ одной стороны, Тувенелемъ, Морни и самимъ Императоромъ—съ другой, завязались оживленные переговоры на предложенныхъ русскимъ дворомъ основаніяхъ. Выработали слѣдующую программу соглашенія: Обоюдное желаніе сохраненія Оттоманской Имперіи, доколѣ это будетъ возможно, и согласіе избѣгать всякаго удара извнѣ, который могъ бы ускорить ея паденіе. Въ случаѣ рѣшительнаго кризиса, взаимное обязательство не преслѣдовать никакой исключительной выгоды. Обѣщаніе дѣйствовать сообща, съ цѣлью не дозволять, чтобы какая-либо великая держава воспользовалась кризисомъ, дабы извлечь изъ него для себя выгоды, противныя европейскому равновѣсію и интересамъ Россіи и Франціи. Наконецъ, соглашеніе относительно окончательнаго въ этомъ случаѣ разрѣшенія вопроса путемъ образованія на Балканскомъ полуостровѣ небольшихъ независимыхъ государствъ, въ предѣлахъ ихъ естественныхъ границъ, соединенныхъ федеративными узами и имѣющихъ общую столицу въ Константинополѣ, провозглашенномъ вольнымъ городомъ [1]).

Оставалось только подписать, предложенный также княземъ Горчаковымъ, оборонительный договоръ Россіи съ Франціею, долженствовавшій послужить ручательствомъ и обезпеченіемъ соглашенія ихъ по дѣламъ Востока, какъ вдругъ въ Парижѣ разнесся слухъ о предстоящемъ съѣздѣ въ Варшавѣ Императора Александра II съ Императоромъ австрійскимъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ.

Съѣздъ этотъ былъ прусскимъ дѣломъ. Съ первыхъ лѣтъ своего правленія, принцъ-регентъ проявлялъ удивительныя подвижность и разнообразіе въ своей внѣшней политикѣ. Лѣтомъ 1860 года онъ созвалъ въ Баденъ-Баденъ для совѣщанія большинство нѣмецкихъ владѣтелей, тамъ же встрѣтился съ Императоромъ французовъ и прямо оттуда поѣхалъ въ Теплицъ на свиданіе съ Императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Любопытно, что о всѣхъ переговорахъ своихъ съ этими государями онъ отдавалъ подробный отчетъ въ письмахъ къ своему задушевному другу, принцу Альберту, супругу королевы Викторіи [2]).

Въ Теплицѣ онъ взялъ на себя примирить австрійскаго

---

[1]) Переведено дословно изъ упомянутаго въ предшедшей главѣ полуоффиціальнаго сообщенія „Journal de St.-Pétersbourg“.

[2]) Письмо принца-регента прусскаго о свиданіи съ Наполеономъ III, въ Баденѣ напечатано у Martin: The life of the Prince Consort V, стр. 124; о теплицкомъ свиданіи его съ Императоромъ австрійскимъ смотри тамъ же, стр. 159.

Императора съ другомъ и племянникомъ своимъ Императоромъ всероссійскимъ. По просьбѣ его, Государь Александръ Николаевичъ изъявилъ согласіе на свиданіе.

Вѣсть о съѣздѣ въ Варшавѣ государей Россіи, Австріи и Пруссіи глубоко смутила и встревожила Наполеона III и его совѣтниковъ. Ревностнѣйшій изъ нашихъ сторонниковъ при тюильрійскомъ дворѣ, Морни, тотчасъ заявилъ Киселеву, что Императоръ французовъ крайне недоволенъ этою демонстраціею, представлявшеюся ему какъ бы воскресеніемъ столь же ненавистнаго, сколько и опаснаго для Франціи Священнаго Союза. Онъ говорилъ, что Наполеонъ не въ состояніи понять, съ какою цѣлью Императоръ Александръ соглашается принять визитъ австрійскаго Императора. Манифестація эта сама по себѣ лишена всякаго основанія, но во мнѣніи Европы она получитъ значеніе. „Это очень досадно", нѣсколько разъ говорилъ онъ, „и наводитъ на раздумье. Положимъ, Императоръ не опасается коалиціи, конечно, нѣтъ! Но это можетъ вредно повліять на предрасположеніе къ согласію нашихъ обоихъ правительствъ". Посолъ старался успокоить своего собесѣдника, выставляя ему на видъ, что Государю неудобно было отклонить просьбу сосѣда, желающаго принести повинную за прошлые грѣхи, дабы воскресить утраченную дружбу. Но доводы такого рода не дѣйствовали на французскихъ государственныхъ людей. Тѣмъ не менѣе, они не прервали переговоровъ о союзѣ. Отправлявшійся въ Варшаву Киселевъ повезъ собственноручное письмо къ Государю Наполеона III съ приложеніемъ меморандума, въ которомъ тюильрійскій кабинетъ выражалъ готовность „содѣйствовать Россіи въ попыткѣ ея предупредить кризисъ, угрожающій Европѣ"[1]).

Императоръ Александръ Николаевичъ пріѣхалъ въ Варшаву 8 (20) октября. Вслѣдъ за нимъ прибылъ туда Императоръ Францъ-Іосифъ и принцъ-регентъ Вильгельмъ. Перваго сопровождалъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рехбергъ, втораго — первый министръ принцъ Гогенцоллернъ. Въ свитѣ Государя находился князь Горчаковъ и также, какъ и въ предшедшемъ году, прусскій посланникъ г. фонъ-Бисмаркъ. Въ Варшаву, по примѣру прошлаго года, были вызваны и дипломатическіе представители Россіи при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ.

Опять встрѣтилъ Государь Киселева выраженіемъ недовѣрія къ „Лудовику-Наполеону", повтореніемъ упрековъ ему

[1]) Изъ дневника графа Киселева, 18 (30) сентября 1860 г.

за вилафранкское перемиріе, неодобрительными отзывами о его политикѣ въ Италіи. Слова эти уже предрѣшали участь привезенной Киселевымъ записки *„о пользѣ оборонительнаго союза съ Франціею съ точнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ обязательствъ договаривающихся сторонъ“*. Ознакомясь съ нею и возвращая ее князю Горчакову, его величество надписалъ: *противъ кого?* Записка и самый проектъ договора остались безъ послѣдствій [1]).

Рѣшеніе это было, конечно, результатомъ совѣщаній, состоявшихся въ величайшей тайнѣ въ бельведерскомъ дворцѣ между тремя государями, и къ коимъ не былъ допущенъ никто, кромѣ главныхъ министровъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Мы, конечно, ничего не узнали бы о томъ, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ, еслибы одинъ изъ участниковъ, а именно принцъ-регентъ, не счелъ себя вправѣ нарушить ихъ тайны и подробно изложить ихъ содержаніе въ письмѣ къ принцу Альберту, который въ свою очередь не замедлилъ передать полученныя изъ перваго источника свѣдѣнія лорду Джону Росселю. Вотъ что писалъ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ супругъ королевы:

„Принцъ-регентъ заявляетъ, что всѣ предположенія газетъ, будто Россія просила о пересмотрѣ договора 1856 года, Австрія о ручательствѣ за Венецію или о прусской помощи въ Италіи или Венгріи,—ничто иное, какъ басни, и что на предметы эти не было даже сдѣлано намека въ разговорахъ. Съ другой стороны было единогласно признано, что если на Австрію будетъ произведено нападеніе въ Венеціи и она выйдетъ изъ него побѣдительницею, и вновь завоюетъ Ломбардію, то отъ нея пока нельзя требовать обѣщанія, что она не удержитъ за собою своихъ завоеваній, а рѣшеніе участи Ломбардіи будетъ въ такомъ случаѣ отложено до переговоровъ о мирѣ.

„По поводу намековъ на то, что предметы, обсуждаемые въ совѣщаніи, могутъ быть опредѣлены впослѣдствіи на конгрессѣ, принцъ-регентъ поставилъ условіемъ, что Англія должна быть увѣдомлена о всемъ предварительно постановленія рѣшенія. Это было, повидимому, принято и усвоено въ особенности Австріею, какъ conditio sine qua non...

„Принцъ говоритъ, что не было и рѣчи о договорѣ или даже о *пунктуаціяхъ*, ни о возрожденіи Священнаго Союза. Государи выразили единодушное убѣжденіе объ опасностяхъ,

---

[1]) См. упомянутое выше сообщеніе „Journal de St.-Pèterbourg“. Ср. дневникъ графа Киселева 10 (22) октября 1860 г.

возбуждаемыхъ загадочною политикою Императора Наполеона и о необходимости потребовать отъ нея гарантій *съ цѣлью сохранить миръ Европы, поддержать расшатанныя основы народнаго права, и остановить успѣхи всеобщей революціи*. Разногласіе между ними заключалось лишь въ томъ, что Россія находила достаточными уже данныя имъ ручательства и полагала, что, выказывая Императору довѣріе, можно перетянуть его на сторону консерватизма. Во всемъ этомъ принцъ признаетъ стремленіе, хотя и не высказанное, изолировать Англію, вслѣдствіе чего онъ неоднократно протестовалъ противъ соглашенія даже на словахъ безъ ея вѣдома. Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что австрійскій Императоръ самымъ утвердительнымъ образомъ призналъ важность тѣсной дружбы съ Англіею, какъ съ самою надежною союзницею въ случаѣ Наполеоновскаго нападенія на Германію.

„Принцъ не отрицаетъ, что на недавнюю политику Англіи въ итальянскихъ дѣлахъ взирали съ весьма большимъ сожалѣніемъ... Онъ, кажется, крайне опечаленъ обнародованною послѣднею депешею лорда Джона Росселя, которую онъ называетъ жесткимъ и неудобоваримымъ кускомъ, въ которой видитъ отступленіе отъ народнаго права въ томъ смыслѣ, въ какомъ его признавалъ доселѣ, и отъ священныхъ узъ, связывающихъ народы съ государями, а также заявленіе со стороны Англіи, что всюду, гдѣ только существуетъ нерасположеніе въ народѣ, онъ пользуется преимуществомъ изгнать своего государя, будучи заранѣе несомнѣнно увѣренъ въ сочувствіи Англіи. Принцъ видитъ большія затрудненія въ способахъ будущаго соглашенія съ Англіей, если таковы будутъ основанія политики и сожалѣетъ о послѣдствіяхъ, ими вызванныхъ и состоящихъ въ томъ, что разсѣялись симпатіи, которыя начинали было проявляться по отношенію къ ней на материкѣ.

„Императоръ австрійскій возобновилъ заявленіе о намѣреніи своемъ не дѣйствовать наступательно въ Италіи. Желаніе князя Горчакова—тѣсный союзъ съ Франціею, къ каковой системѣ онъ хочетъ привязать Австрію и Пруссію и, такимъ образомъ, противостоять революціи“ [1]).

Нескромное сообщеніе принца-регента прусскаго проливаетъ яркій свѣтъ на переломъ, совершившійся въ политикѣ русскаго двора, въ особенности если сопоставить его съ событіями, происходившими незадолго до того на южной окраинѣ

[1]) Приведенное нами въ дословномъ переводѣ письмо принца Альберта лорду Джону Росселю напечатано у Martin: The life of the Prince Consort V, стр. 225—26.

Европы. Тамъ торжествовала революція, олицетворенная Гарибальди, низвергнувшая неополитанскій престолъ и возложившая на голову Виктора-Эммануила вѣнецъ короля Италіи. Вотъ что удалило Петербургъ отъ Парижа и снова сблизило его съ Берлиномъ и даже съ Вѣной. Съ точки зрѣнія положительныхъ и осязательныхъ интересовъ Россіи, намъ, конечно, было мало дѣла до всего, случившагося въ Сициліи и Неаполѣ, и гораздо ближе касались насъ происшествія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ Франція выражала готовность идти съ нимъ рука объ руку. Но,—напѣвали намъ наши прусскіе и австрійскіе сосѣди,—въ Италіи торжествуетъ революція, этотъ общій врагъ престоловъ, а Франція поддерживаетъ ее. И этого оказалось достаточнымъ, чтобы порвать еще не успѣвшія окрѣпнуть связи наши съ Франціею и увлечь насъ снова въ охранительный лагерь, столь недавно еще доказавшій намъ на дѣлѣ, что отвлеченныя начала порядка и законности обязательны только для Россіи, а что Австрія и Пруссія вольны отступать отъ нихъ и даже дѣйствовать намъ наперекоръ, каждый разъ, когда требуютъ этого своекорыстные интересы. Положеніе, занятое нами въ 1860 году, походило во всемъ на образъ дѣйствій, усвоенный русскимъ дворомъ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда вспыхнувшая въ Италіи революція не только отвлекла вниманіе Императора Александра I отъ востока, но даже побудила его принести преданія и пользы Россіи въ греческомъ вопросѣ въ жертву тому, что онъ вполнѣ искренно считалъ общимъ дѣломъ монархической Европы. Сколько съ тѣхъ поръ совершилось событій, доказавшихъ всю несостоятельность такого взгляда, все лицемѣріе и ложь ученій, на коихъ онъ былъ основанъ, а между тѣмъ мы упорно возвращались къ нему и, увы! не въ послѣдній разъ. Невольно приходятъ при этомъ на память вѣщія слова Ростопчина: „Для настоящаго времени прошедшее есть самый полезнѣйшій урокъ; но, къ несчастію человѣческаго рода, все забывается, и люди живые думаютъ всегда быть умнѣе умершихъ“ [1]).

Едва успѣли разъѣхаться государи изъ Варшавы, какъ на политическомъ горизонтѣ Европы показалась черная туча, грозившая превратить въ окончательный разрывъ происшедшую между Россіею и Франціею размолвку. То были первые уличные безпорядки въ столицѣ Царства Польскаго,

[1]) Записка графа Ѳ. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи, конфирмованная Императоромъ Павломъ 2 (14) октября 1800 г.

предвѣстники близкаго возстанія, и соучастіе въ нихъ польской эмиграціи, средоточіемъ которой, какъ извѣстно, служилъ парижскій Hôtel Lambert.

Въ послѣдній день 1860 года по новому стилю графъ Киселевъ получилъ изъ Петербурга телеграмму съ выраженіемъ *неодобренія и упрековъ*. Ему поручалось потребовать отъ тюильрійскаго кабинета объясненій по поводу того, что въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона, образовалось цѣлое скопище польскихъ выходцевъ, которые, мечтая о возстановленіи Польши, высылаютъ въ наши польскія и литовскія земли зажигательныя воззванія и эмиссаровъ съ обѣщаніемъ денежныхъ средствъ, оружія и сочувственныхъ пожеланій искони дружественной и единовѣрной Франціи [1])

Посолъ нашъ испросилъ аудіенцію у Наполеона и лично передалъ ему жалобы русскаго двора на тайные происки въ Польшѣ двоюроднаго брата Императора французовъ. „До свѣдѣнія Императорскаго петербургскаго кабинета", сказалъ онъ ему, „дошли слухи, что въ Парижѣ существуетъ комитетъ по польскимъ дѣламъ и что комитетъ этотъ состоитъ подъ покровительствомъ лица, имени котораго произнести я бы не рѣшился, еслибы мой Августѣйшій Государь, полагаясь вполнѣ на искренность отношеній къ нему вашего величества, не повелѣлъ мнѣ говорить съ вами, государь, отъ имени его безъ обиняковъ. Онъ приказалъ доложить вамъ, что Пале-роялю [2]) приписываютъ участіе въ польской агитаціи. Такое откровенное заявленіе можетъ служить доказательствомъ того, что мой Августѣйшій Государь желаетъ оставаться съ вашимъ величествомъ въ самомъ искреннемъ согласіи. Прямодушныя объясненія нерѣдко устраняютъ много поводовъ къ недоразумѣніямъ" [3]).

Наполеонъ III съ величайшею предупредительностью удовлетворилъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. По его приказанію, принцъ Наполеонъ явился самъ къ Киселеву для представленія оправдательныхъ объясненій. Когда же получено было въ Парижѣ извѣстіе о варшавскихъ демонстраціяхъ, начавшихся на улицахъ и площадяхъ и скоро перешедшихъ въ костёлы, французское правительство рѣшилось гласно выразить свое осужденіе этимъ безпорядкамъ и отнять у поляковъ всякую надежду на поддержку со стороны Франціи.

10 (22) апрѣля рано поутру въ русское посольство при-

---

[1]) Изъ дневника графа Киселева, 19 (31) декабря 1860 г.
[2]) Дворецъ, въ которомъ жилъ принцъ Наполеонъ.
[3]) Изъ того же дневника 22 декабря 1860 (3 января 1863 г).

былъ самъ министръ иностранныхъ дѣлъ и просилъ, чтобы его приняли тотчасъ же. Киселевъ вышелъ къ нему не вполнѣ одѣтымъ. Тувенель извинился, что потревожилъ посла въ столь неурочный часъ, заявивъ, что пріѣхалъ прямо отъ Императора и по его приказанію съ тѣмъ, чтобы прочесть графу изготовленное для „Монитёра", оффиціальной газеты французскаго правительства, *сообщеніе* и спросить, находитъ ли посолъ его удовлетворительнымъ? Затѣмъ онъ прочиталъ привезенную бумагу, выслушавъ которую, Киселевъ отвѣчалъ, что, принимая въ соображеніе ту среду, въ коей онъ находится, онъ признаетъ, что въ сообщеніи достаточно внятно выражено доброжелательство Императора Наполеона къ русскому Государю, въ той мѣрѣ, насколько это найдено удобнымъ его величествомъ, и что онъ надѣется, что въ такомъ же смыслѣ оно будетъ понято и въ Россіи. Тувенель ссылался на невозможность болѣе рѣзкаго и строгаго осужденія во вниманіе къ вѣковымъ симпатіямъ Франціи къ Польшѣ и воспоминаніямъ о товариществѣ по оружію [1]).

Правительственное сообщеніе появилось въ „Монитёрѣ" на другой же день. Оно предостерегало общественное мнѣніе и періодическую печать отъ увлеченій и предположеній, будто Императорское французское правительство поддерживаетъ надежды поляковъ, осуществленіе коихъ—не въ его власти. „Великодушный образъ мыслей Царя"—заключало сообщеніе — „служитъ вѣрнымъ ручательствомъ того, что онъ желаетъ провести на дѣлѣ преобразованія, возможныя въ настоящемъ положеніи Польши и надо желать, чтобы этому не послужили помѣхой его манифестаціи, которыя способны раздражить его" [2]).

Статья „Монитёра" служила отвѣтомъ на сочувственные Польшѣ возгласы большинства французскихъ газетъ, а также на слова, произнесенныя въ сенатѣ принцемъ Наполеономъ, не смотря на строгій выговоръ главы государства не переставшимъ обнадеживать поляковъ его помощью. „Будьте увѣрены", — ораторствовалъ онъ, — „что Императоръ что-нибудь да сдѣлаетъ для Польши... Какъ? какими путями? сказать вамъ не могу... у меня нѣтъ подъ руками портфёля Меттерниха, но Императоръ что-нибудь сдѣлаетъ въ пользу Польши" [3]). Такимъ рѣчамъ своего родственника Наполеонъ III высказалъ громкое порица-

---

[1]) Изъ того же дневника 10 (22) апрѣля 1861 г.
[2]) „Монитёръ" 11 (23) апрѣля 1861 г.
[3]) Рѣчь, произнесенная въ сенатѣ принцемъ Наполеономъ 7 (19) марта 1861 г.

ніе и, какъ сообщила принцесса Матильда Киселеву, самъ отзывался о полякахъ весьма строго, называлъ ихъ неисправимыми и безумными поджигателями, а мечты ихъ нелѣпыми и нарушающими миръ и спокойствіе Европы [1]).

Впрочемъ не въ одномъ Парижѣ, а во всѣхъ столицахъ западной Европы общественное мнѣніе, враждебно настроенное противъ Россіи, высказывалось въ пользу польскихъ притязаній и выражало сочувствіе варшавскимъ манифестаціямъ, не прекращавшимся впродолженіе двухъ лѣтъ. Отрезвить его не могло даже сильное впечатлѣніе, произведенное заграницею великимъ актомъ освобожденія крестьянъ. Въ англійскомъ парламентѣ произносились громовыя рѣчи, крайне оскорбительныя для Россіи. Даже прусская Палата депутатовъ приняла резолюцію, въ которой, перечисливъ права, яко бы истекающія для поляковъ изъ постановленій вѣнскаго конгресса, а также изъ жертвъ, принесенныхъ ими отечеству, приглашала королевское правительство оказать содѣйствіе тому, „чтобы были приведены въ дѣйствіе и исполненіе, положительнымъ международнымъ правомъ гарантированныя, территоріальное единство бывшаго польскаго государства 1772 года, а также принадлежащія полякамъ въ этихъ предѣлахъ національныя политическія права, и чтобы права эти не были впослѣдствіи нарушаемы, по произволу связанныхъ обязательствами державъ, коимъ, на основаніи вѣнскихъ договоровъ и подъ занесенными въ нихъ условіями, присуждены части Польши“ [2]).

И все же въ Петербургѣ были въ особенности недовольны тюильрійскимъ дворомъ, не смотря на то, что въ восточныхъ дѣлахъ онъ продолжалъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ нами. Это приводило въ отчаяніе посла нашего въ Парижѣ, какъ уже неоднократно замѣчено выше, искренно расположеннаго въ пользу французскаго союза. Осенью 1861 года онъ не могъ уже сомнѣваться во враждебности Императорскаго кабинета къ Наполеоновской Франціи и приписывалъ ее не столько образу дѣйствій французскаго правительства сколько впечатлѣніемъ, произведеннымъ у насъ при дворѣ и въ обществѣ сплетнями разныхъ русскихъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ туристовъ, на тюильрійскій дворъ, на французское общество, на госу-

---

[1]) Изъ того же дневника 15 (27) апрѣля 1861 г.

[2]) Резолюція эта со всѣми предшествующими ей соображеніями напечатана въ анонимной брошюрѣ оффиціознаго происхожденія, озаглавленной Bismarck und Russland (стр. 46) и появившейся въ Берлинѣ въ 1887 году.

дарственныхъ и общественныхъ дѣятелей Франціи. Чрезвычайно любопытны занесенные имъ въ свой дневникъ разговоры его по этому поводу со вновь посѣтившимъ Парижъ барономъ А. Г. Жомини.

„Я говорилъ съ нимъ между прочимъ о неустойчивости нашей политики и о томъ, что въ Петербургѣ судятъ о дѣлахъ и людяхъ по впечатлѣніямъ, которыя производятъ событія дня, и по разсказамъ путешественниковъ обоего пола, послѣ короткаго пребыванія ихъ въ Парижѣ. На основаніи подобныхъ сплетень составляютъ себѣ въ высшихъ сферахъ Петербурга ложныя мнѣнія, а какъ нерасположеніе къ *выскочкѣ* очевидно, то и позволяютъ себѣ пускать въ ходъ нескромныя рѣчи и злословія, которыя легко дѣлаются извѣстными здѣсь и вліяютъ на охлажденіе отношеній между двумя дворами. Я дѣлаю видъ, будто не замѣчаю этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараюсь какъ можно рѣже бывать въ Тюильри. Такъ, съ 19 мая [1]) я не видѣлся и не говорилъ съ Императоромъ. Въ политикѣ не слѣдуетъ руководиться впечатлѣніями. Если въ интересахъ нашихъ союзъ съ Франціею оказывается непригоднымъ, то пусть прінщутъ другой. Но пока другаго не нашли и союзъ съ Франціей представляется единственно возможнымъ, скажу болѣе: единственно намъ полезнымъ, какъ я позволяю себѣ думать, — должно стараться сохранить его, не провѣряя нескромною и по меньшей мѣрѣ безполезною болтовнею. Если наши ультра-консервативные принципы не согласуются съ принципами, исповѣдуемыми Франціею 1789 года, то слѣдуетъ принять согласное съ симъ рѣшеніе, т. е. отказаться отъ мнимаго дружественнаго союза съ Лудовикомъ-Наполеономъ, который—говорю это безъ обиняковъ—оказалъ намъ, со времени заключенія мира въ 1856 году, большія услуги. Такой союзъ подвергать опасности неосторожно“ [2]).

Передъ отъѣздомъ барона Жомини въ Петербургъ, Киселевъ возобновилъ съ нимъ бесѣду о томъ же предметѣ. „Мы опять разговорились о нашемъ союзѣ съ Франціею“—читаемъ въ дневникѣ графа—и о толкахъ о немъ въ Петербургѣ. Они кажутся мнѣ построенными на такихъ шаткихъ основаніяхъ, что невольно приходишь къ заключенію, что вы (министерство иностранныхъ дѣлъ) имѣете наготовѣ иной союзъ болѣе прочный и выгодный“. На отрицательный отвѣтъ Жомини я сказалъ ему: „Въ такомъ случаѣ вы добровольно сами создаете себѣ затрудненія и недочеты, которые отзо-

[1]) По нов. стилю. Разговоръ происходилъ 6 (18) октября 1861 г.
[2]) Изъ того же дневника 6 (18) октября 1861 г.

вутся на отношеніяхъ нашихъ не съ одною только Франціею, но и съ прочими державами, коимъ хорошо извѣстны наши внутреннія неурядицы. Зная наши затрудненія внутри государства и что мы лишились мощнаго союзника, великія державы станутъ придавать менѣе вѣса нашему голосу въ дѣлахъ обще-европейскаго интереса. Установившееся мнѣніе о тѣсномъ союзѣ нашемъ съ Людовикомъ-Наполеономъ составляетъ въ настоящее время наше могущество. Уничтожьте этотъ союзъ, и вы увидите, какая произойдетъ перемѣна въ тонѣ рѣчей и въ дѣйствіяхъ тѣхъ кабинетовъ, которые теперь кажутся намъ дружелюбными. Грустно подумать, что все это можетъ разразиться надъ нами, вслѣдствіе нескромныхъ рѣчей, основанныхъ на преувеличенной въ глазахъ нашихъ оцѣнкѣ степени нашей дѣйствительной и относительной мощи. Самообольщеніямъ нѣтъ больше мѣста. Туманныя представленія о нашей силѣ рушились послѣ Крымской войны, какъ это показываетъ вексельный курсъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ. Нужно оцѣнивать обстоятельства соотвѣтственно ихъ дѣйствительности и, когда понадобится, изыскивать средства пособить имъ. Всякая другая политика не пригодна и можетъ только поставить насъ въ безвыходное положеніе“ [1]).

Между тѣмъ, броженіе въ Царствѣ Польскомъ, подъ вліяніемъ подстрекательствъ и обнадеживаній извнѣ, принимало съ каждымъ днемъ все большіе размѣры. 1861-й годъ отошелъ въ вѣчность, безъ того, чтобы водворились спокойствіе въ умахъ поляковъ, а порядокъ—на улицахъ Варшавы. Въ началѣ слѣдующаго года, Наполеонъ III подошелъ къ Киселеву на балѣ въ Тюильри и выразилъ надежду, „что все, что происходитъ кругомъ, не нарушитъ его добрыхъ отношеній къ Императору всероссійскому“ [2]). И дѣйствительно, вскорѣ по просьбѣ посла, французское правительство согласилось установить за проживающими въ Парижѣ поляками бдительный надзоръ тайной полиціи и воспретить предположенное изданіе органа эмиграціи подъ именемъ „Польскаго обозрѣнія“ и подъ редакціею Мѣрославскаго [3]). Но въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ ораторы всѣхъ партій вопили противъ жестокостей русскихъ властей въ Польшѣ, и парижская печать дошла до крайнихъ

---

1) Изъ того же дневника 20 октября (1 ноября) 1861 г.
2) Изъ того же дневника 21 декабря 1861 (2 января 1862 г.).
3) Изъ того же дневника 8 (20) февраля 1862 г.

предѣловъ неблагопристойности въ обсужденіи варшавскихъ происшествій.

Въ Петербургѣ давно уже были недовольны Киселевымъ и помышляли объ отозваніи его изъ Парижа, считая его обойденнымъ Наполеономъ и не полагаясь на его умственныя силы, начинавшія видимо ослабѣвать отъ старости. Еще осенью 1860 года въ Варшавѣ, Государь самъ предложилъ ему постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, но старикъ, привязавшійся къ посольской дѣятельности и къ удобствамъ парижской жизни, отклонилъ это предложеніе. Въ половинѣ 1862 года ему сообщили о скоромъ прибытіи въ Парижъ, для облегченія ему бремени управленія посольствомъ, барона Будберга, бывшаго до того посланникомъ въ Берлинѣ. Киселевъ понялъ намекъ и подалъ въ отставку. Въ ней было ему отказано, и онъ былъ лишь уволенъ отъ должности посла съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютантомъ, въ каковомъ званіи онъ состоялъ со времени царствованія Императора Александра I.

Отозваніе Киселева изъ Парижа имѣло и политическое значеніе. Оно знаменовало окончательное оставленіе русскимъ дворомъ политики, которой маститый графъ служилъ проводникомъ въ продолженіе шести лѣтъ. Преемникъ его, баронъ Будбергъ, былъ дипломатъ Нессельродовской школы, вскормленный молокомъ Священнаго Союза, душою преданный соглашенію съ Австріей и Пруссіей, не долюбливавшій французовъ и называвшій ихъ „народомъ зуавовъ". Все это было крайне непріятно Наполеону, и онъ далъ почувствовать это Киселеву, когда тотъ сообщилъ ему о предстоящей перемѣнѣ. При всемъ томъ, Императоръ благопріятно отозвался о мѣрахъ, принятыхъ русскимъ правительствомъ относительно Польши, одобрилъ назначеніе намѣстникомъ въ Варшаву великаго князя Константина Николаевича, хвалилъ его за умъ и признавалъ въ немъ способность управлять сообразно видамъ Государя. Первая просьба Будберга объ отозваніи изъ Варшавы французскаго генеральнаго консула Сегюра, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ агитаторами, была уважена [1].

Такая податливость Императора французовъ свидѣтельствовала тѣмъ болѣе о живѣйшемъ желаніи его жить съ Россіею если не въ союзѣ, то по крайней мѣрѣ въ мирѣ, что вокругъ него всѣ соединились, дабы побудить его вступиться за поляковъ. Въ этомъ отношеніи были согласны

---

[1] Изъ того же дневника 27 мая (8 іюня) и 5 (17) іюня 1862 г.

между собою Императрица Евгенія и принцъ Наполеонъ, дотолѣ постоянно противорѣчившіе другъ другу [1]). Не было недостатка и въ задирательствахъ со стороны англичанъ, съ которыми, послѣ размолвки съ Россіей, Наполеонъ III вынужденъ былъ снова искать сближенія. Такъ, весною 1862 года, лордъ Пальмерстонъ, въ одной изъ рѣчей своихъ, какъ бы на зло ему, восхвалялъ поляковъ, прославляя ихъ „неодолимый, нескончаемый, неистощимый“ патріотизмъ и напоминая о „разочарованіяхъ“, причиненныхъ имъ нѣкогда первымъ французскимъ Императоромъ [2]). Все, что позволилъ себѣ Наполеонъ III, было намекнуть барону Будбергу, едва-ли не на первой данной ему аудіенціи, что европейскій конгрессъ составляетъ, по мнѣнію его, самое дѣйствительное средство мирнаго разрѣшенія многихъ затруднительныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и польскаго.

Хотя новый русскій посолъ и прибылъ къ мѣсту своего служенія еще въ половинѣ (концѣ) мая, но графъ Киселевъ лишь въ октябрѣ представилъ свои отзывныя грамоты. Прощаніе его съ французскою Императорскою четою было трогательно. Императоръ былъ сдержанъ и не касался политики, но въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ посла за шестилѣтнія усилія его къ поддержанію дружбы между Россіею и Франціею. Онъ признался ему при этомъ случаѣ, что учится читать по-русски и прочелъ уже двѣ страницы, но что никакъ не можетъ выговорить слово *былъ*, которое всегда выходитъ у него *билъ* и вообще жаловался на трудность русскаго произношенія.

Императрица Евгенія была гораздо сообщительнѣе и прямо спросила Киселева: каковъ характеръ его преемника? „Мнѣ говорили“, сказала она, „что Будбергъ человѣкъ сухой и сдержанный; мнѣ это было бы досадно, потому что— вы знаете—мой характеръ совершенно противоположный“. Киселевъ сказалъ нѣсколько словъ въ защиту барона. Затѣмъ разговоръ коснулся Польши. Императрица пожелала узнать, утихаетъ ли тамъ волненіе и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжала: „Еслибы спросили меня, то я посовѣтовала бы предоставить поляковъ самимъ себѣ, съ правомъ выбрать себѣ короля. Россія при своемъ могуществѣ всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и у себя, и въ отношеніи другихъ. Всякія другія мнимыя примиренія, которыя выдумаютъ, не установятъ прочнаго спокойствія, столь

[1]) Изъ того же дневника 19 (31) августа 1861 г.

[2]) Рѣчь, произнесенная лордомъ Пальмерстономъ 23 марта (4 апрѣля) 1862 г.

желаемаго Европой и котораго должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то же время въ интересахъ Россіи и Европы". Графъ Киселевъ не оставилъ этихъ словъ безъ возраженія и, не взирая на то, что былъ очень тронутъ ласкою своей собесѣдницы, съ твердостью отвѣтилъ, что споръ русскихъ и поляковъ—дѣло семейное, и что Россія ни подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться отъ Царства Польскаго [1]).

Оставленіе графомъ Киселевымъ поста русскаго посла при тюильрійскомъ дворѣ совпало съ двумя крупными перемѣнами въ личномъ составѣ парижскаго дипломатическаго міра. Въ Наполеоновъ день 3 (15) августа Тувенель былъ замѣненъ въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ Друэнь-де-Льюнсомъ, уже занимавшимъ эту должность во время Крымской войны и отличавшимся тогда крайнею враждебностью къ Россіи. За два мѣсяца передъ тѣмъ, прибылъ въ Парижъ, въ качествѣ прусскаго посланника, перемѣщенный тогда изъ Петербурга г. фонъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о значеніи кратковременнаго его пребыванія во Франціи, въ промежутокъ между Петербургомъ и назначеніемъ на постъ президента Совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ Пруссіи.

Такимъ образомъ, къ началу 1863 года, разстроились окончательно образовавшіяся послѣ парижскаго мира политическія сочетанія великихъ державъ. Европа представлялась въ состояніи хаотическаго неустройства. Старые союзы распались и ихъ еще не замѣнили новые. Отношенія между дворами были натянутыя, въ высшей степени недовѣрчивыя. Всѣ они заподозрѣвали другъ друга въ неискренности, въ тайныхъ проискахъ и честолюбивыхъ замыслахъ. Разладъ между Англіею и Франціею, побудившій нѣкогда послѣднюю искать сближенія съ Россіей, не могъ быть устраненъ охлажденіемъ, происшедшимъ между Петербургомъ и Парижемъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами и соперниками, Австрія рѣшительно не знала, въ комъ изъ нихъ искать опоры. Италія находилась еще въ состояніи броженія, но уже тяготилась опекою Франціи и искала себѣ иныхъ покровителей въ Лондонѣ и Берлинѣ. Одна Пруссія была какъ нельзя болѣе довольна раздорами прочихъ державъ и умѣло пользовалась ими для того, чтобы стать на дружественную ногу со всѣми. Австріи шептала она о племенномъ родствѣ и нѣмецкой вѣрности, Англіи—о

[1]) Изъ того же дневника 6 (18) октября 1862 г.

*

солидарности протестантскихъ государствъ; Францію и Италію старалась прельстить признаніемъ принципа національностей, Россію—исповѣданіемъ строго монархическихъ и охранительныхъ началъ. Чтобы стать дѣйствительнымъ средоточіемъ европейской политики, ей недоставало пока лишь устойчивости въ собственномъ правительствѣ и твердой и опредѣленной государственной программы.

Но въ самомъ началѣ 1861 года принцъ-регентъ вступилъ на престолъ подъ именемъ короля Вильгельма I, а въ концѣ 1862-го онъ уже поставилъ во главѣ управленія министра, который успѣлъ въ короткое время осуществить вѣковые помыслы прусской династіи и народа и обезпечить за Пруссіею преобладающее положеніе не только въ Германіи, но и во всей Европѣ.

IV.

Политика Пруссіи въ польскомъ вопросѣ.

Личная политика принца-регента прусскаго. — Рѣчь его къ министерству. — Составъ его кабинета. — Переводъ Бисмарка изъ Франкфурта въ Петербургъ.—Несочувствіе его либеральной политикѣ прусскихъ министровъ.—Заботы о сближеніи съ Россіей.—Отношенія ко двору, къ дипломатіи и къ обществу. — Наблюденіе за развитіемъ польскаго вопроса. — Опасность для Пруссіи отъ возстановленія Польши.—Назначеніе Бисмарка министромъ-президентомъ.—Развѣдочная поѣздка во Францію.—Обостреніе отношеній прусскаго правительства къ Нижней Палатѣ.—Открытіе Ландтага въ началѣ 1863 года.—Большинство обвиняетъ министерство въ нарушеніи конституціи.—Мятежъ въ Царствѣ Польскомъ.—Предупредительныя мѣры прусскаго правительства.—Отправленіе Альвенслебена и Рауха въ Варшаву и Петербургъ.—Заключеніе тайной конвенціи съ Россіей.—Условія конвенціи.—Запросы въ Палатѣ депутатовъ.—Рѣчи Бисмарка въ засѣданіяхъ 4 (16) и 6 (18) февраля.—Резолюція большинства. — Рѣчи Бисмарка въ засѣданіяхъ 14 (26), 15 (27) и 16 (28) февраля. — Предложеніе объ отмѣнѣ конвенціи. — Рѣчь Бисмарка въ засѣданіи 19 (31) марта.—Дерзкія рѣчи членовъ оппозиціи.—Разъясненія Бисмаркомъ его политики въ рѣчи, произнесенной въ январѣ 1886 г.— Тайная цѣль его. — Заявленіе вице-президенту Палаты Беренду. — Вѣроятныя послѣдствія занятія Царства Польскаго прусскими войсками. — Традиціонные политическіе пріемы берлинскаго двора. — Судьбы привислинскаго края.—Кнезебекова граница.—Отзывъ о ней Бисмарка.—Политическая программа генерала Кнезебека.—Довѣрчивость русской дипломатіи.—Пробужденіе русскаго самосознанія.— Слова Бисмарка о союзахъ между великими государствами.

Воцареніе въ Пруссіи короля Вильгельма I и назначеніе г. фонъ-Бисмарка-Шёнгаузена предсѣдателемъ Совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ открываютъ новую эру въ политической исторіи современной Европы.

Болѣе двухъ лѣтъ принцъ Вильгельмъ правилъ государствомъ при жизни брата своего, слабоумнаго короля Фридриха-Вильгельма IV, но политика, которой онъ слѣдовалъ въ званіи регента, во многомъ отличалась отъ той, что была усвоена имъ впослѣдствіи, по утвержденіи на престолѣ. То была личная его политика, выраженіемъ которой служитъ рѣчь, обращенная имъ къ первому своему министерству и представляющая попытку согласовать вѣковыя охранительныя основы, на коихъ зиждется прусская монархія, съ требованіями новѣйшаго времени. Въ ней во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ строгая законность противополагается произволу, но съ особеннымъ удареніемъ доказывается необходимость преобразовать армію, „создавшую величіе Пруссіи и добывшую ея приращенія". „Прусская армія" — заявлялъ принцъ-регентъ — „должна быть могущественна и почитаема, дабы имѣть возможность, когда нужно, бросить на вѣсы тяжеловѣсную политическую гирю". О внѣшней политикѣ говорилось, что Пруссіи слѣдуетъ жить въ дружбѣ со всѣми державами, въ Германіи довольствоваться „нравственными" завоеваніями и всюду быть готовой защищать право[1]).

Политическая программа принца-регента не заключала въ себѣ ничего такого, что могло бы возбудить неудовольствіе русскаго двора. Но этого далеко нельзя было сказать о лицахъ, коимъ онъ ввѣрилъ приведеніе ея въ исполненіе. По свидѣтельству нашего посланника въ Берлинѣ, министерскія назначенія состоялись подъ непосредственнымъ вліяніемъ принцессы прусской. „Новые министры — утверждалъ баронъ Будбергъ — задорныя посредственности изъ либераловъ, ярые противники нашей политической системы. Глава кабинета, принцъ Гогенцоллернскій, велъ себя недостойно въ 1848 году. Министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Шлейницъ — олицетворенная слабость, жалкій государственный человѣкъ. Прочіе министры — теоретики, доктринеры, утописты". На увѣреніе Шлейница, что желаніе принца-регента продолжать съ Россіею установившіяся искренно дружескія отношенія, Будбергъ отвѣчалъ, что мы будемъ отплачивать берлинскому кабинету тѣмъ же, чѣмъ онъ будетъ платить намъ[2]).

Министрамъ такого пошиба г. фонъ-Бисмаркъ, занимавшій около восьми лѣтъ постъ уполномоченнаго Пруссіи во

[1]) Рѣчь принца-регента прусскаго къ государственному министерству, произнесенная 27 октября (8 ноября) 1858 г.

[2]) Баронъ Будбергъ князю Горчакову, 8 (20) ноября 1858 г.

франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ, долженъ былъ показаться дипломатомъ отсталымъ, неисправимымъ реакціонеромъ, но способнымъ проводить въ Германіи, по рецептамъ 1848 г., либерально-доктринерскую политику перерожденнаго берлинскаго кабинета. Въ началѣ 1859 года они распорядились отозваніемъ его изъ Франкфурта и, какъ самъ онъ выражался, рѣшились содержать „въ холодкѣ", назначивъ посланникомъ въ Петербургъ [1]).

Въ русской столицѣ г. фонъ-Бисмарку пришлось представлять политику, которой онъ не только не сочувствовалъ, но которую считалъ въ высшей степени вредною для Пруссіи. Изъ восьмилѣтняго своего пребыванія во Франкфуртѣ онъ вынесъ убѣжденіе, что Пруссія не можетъ довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое предоставлялось ей въ Германіи союзнымъ актомъ 1815 года. По мнѣнію его, охрану и защиту обще-нѣмецкихъ интересовъ Пруссія могла бы взять на себя не ранѣе, какъ по слитіи ихъ со своими собственными; союзное же отношеніе Пруссіи къ мелкимъ германскимъ государствамъ онъ прямо называлъ недугомъ, который, рано или поздно, придется исцѣлять „желѣзомъ и огнемъ" [2]).

Слова эти ясно означали, что Бисмаркъ считалъ неизбѣжною войну съ Австріею, которая никогда добровольно не согласилась бы на объединеніе Германіи подъ прусскимъ главенствомъ. А между тѣмъ, эту самую Австрію берлинскій кабинетъ поддерживалъ въ борьбѣ ея съ Франціею изъза господства въ Италіи, мирилъ съ Россіей, и все это во имя солидарности монархическихъ и охранительныхъ интересовъ. Признавая въ такомъ ученіи опасную политическую ересь, Бисмаркъ энергично возставалъ противъ нея. „У насъ"—писалъ онъ по этому поводу—„посреди нашихъ лучшихъ друзей, много доктринеровъ, которые требуютъ отъ Пруссіи совершенно одинаковыхъ обязательствъ относительно защиты правъ чужихъ государей и странъ, какъ и собственныхъ подданныхъ. Эта система повсемѣстной солидарности консервативныхъ интересовъ есть опасная фикція, доколѣ не будетъ соблюдаться всюду полнѣйшее и честнѣйшее взаимство. Будучи проводима одною лишь Пруссіею, она становится донкихотствомъ, которое только ослабляетъ самого короля и правительство при исполненіи ихъ собственной задачи, состоящей въ томъ, чтобы блюсти ввѣрен-

---

[1]) Бисмаркъ сестрѣ, 28 ноября (10 декабря) 1858 г.
[2]) Бисмаркъ барону Швейницу, 30 апрѣля (12 мая) 1859 г.

ную Богомъ прусской коронѣ защиту Пруссіи отъ посягательствъ внѣшнихъ и внутреннихъ"[1]).

Поневолѣ приходилось г. фонъ-Бисмарку быть въ Петербургѣ, выражаясь его же словами, „наблюдающимъ естествоиспытателемъ" внѣшней политики собственнаго правительства. Но не вѣря въ прочность „либеральнаго" кабинета, онъ не терялъ времени и, по собственному побужденію и на свой личный страхъ, взялъ на себя скрѣпить традиціонныя узы, искони соединявшія Пруссію съ Россіей. Обстоятельства крайне благопріятствовали ему въ достиженіи намѣченной цѣли. Императоръ Александръ II, какъ мы видѣли, съ самаго воцаренія былъ предрасположенъ въ пользу Пруссіи, въ особенности же со дня перехода власти въ руки принца-регента, съ которымъ связывала его тѣсная дружба. Самъ онъ и большинство нашихъ дипломатовъ были увѣрены, что во время Крымской войны берлинскій кабинетъ не только не перешелъ въ лагерь нашихъ противниковъ, но еще оказалъ намъ немаловажныя услуги. Въ Петербургѣ знали также, что такой образъ дѣйствій былъ внушенъ королю Фридриху-Вильгельму IV именно его посланникомъ при франкфуртскомъ сеймѣ, чего было вполнѣ достаточно, дабы обезпечить г. фонъ-Бисмарку почетный и радушный пріемъ со стороны какъ русскаго двора, такъ и общества. Самая вражда его къ Австріи, громко исповѣдуемая имъ въ петербургскихъ гостиныхъ, была съ руки русскимъ государственнымъ людямъ того времени, не прощавшимъ вѣнскому кабинету его предательства въ эпоху послѣдняго восточнаго кризиса.

Бойкій прусскій дипломатъ умѣлъ ловко воспользоваться всѣми этими, крайне для него благопріятными, условіями, чтобы внушить, гдѣ слѣдовало, что на случай новыхъ европейскихъ усложненій, Россія заинтересована въ усиленіи Пруссіи, единственной вѣрной и преданной своей союзницы. Въ качествѣ представителя родственнаго двора, онъ имѣлъ доступъ къ членамъ Императорской семьи, къ отличавшей его особою благосклонностью вдовствующей Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, наконецъ, къ самому Государю, скоро полюбившему его за прямой и большею частью веселый нравъ. Смѣлыя рѣчи его откровенностью своею поражали его царственнаго собесѣдника. Одновременно, давно уже зная слабую сторону князя Горчакова, онъ льстилъ его самолюбію, называя себя его ученикомъ. Въ придворномъ

[1]) Бисмаркъ 6 (18) сентября 1861 г.

и военномъ мірѣ онъ завязалъ обширныя связи, при каждомъ случаѣ обнаруживая сочувствіе свое къ Россіи и къ ея народнымъ особенностямъ, даже выучился читать и говорить по-русски.

Г. фонъ-Бисмаркъ находился еще въ Петербургѣ, когда произошли въ Варшавѣ первые уличные безпорядки, столь бѣдственно отразившіеся на дальнѣйшей судьбѣ Царства Польскаго. По отношенію къ нимъ въ нашихъ правительственныхъ кругахъ обнаруживались два теченія: одни требовали принятія строгихъ мѣръ для возстановленія спокойствія и примѣрнаго наказанія виновныхъ; другіе были расположены удовлетворить національныя стремленія поляковъ и связать ихъ съ Россіею узами признательности. Прусскій посланникъ усердно слѣдилъ за борьбою между этими противуположными направленіями, какъ много лѣтъ спустя самъ признавался въ одной изъ парламентскихъ рѣчей своихъ. „Я могъ"—говорилъ онъ—„наблюдать въ Петербургѣ за русскимъ дѣломъ въ Польшѣ изблизи, вслѣдствіе высокаго личнаго довѣрія, коимъ дарилъ меня покойный Императоръ Александръ. Я пришелъ къ убѣжденію, что въ русскомъ кабинетѣ дѣйствуютъ два начала: одно—я могъ бы назвать его противунѣмецкимъ,—желавшее пріобрѣсть благоволеніе поляковъ и французовъ, главными представителями коего служили: вице-канцлеръ князь Горчаковъ, а въ Варшавѣ маркизъ Велепольскій; другое, носителями котораго были преимущественно самъ Императоръ и прочіе его слуги, основанное на потребности твердо придерживаться во всемъ дружественныхъ отношеній съ Пруссіею. Можно сказать, что въ средѣ русскаго кабинета вели борьбу за преобладаніе дружественнаго расположенія къ Пруссіи антипольская политика съ политикою польскою, дружественно расположенною къ Франціи" [1]).

Такой взглядъ нѣмецкаго канцлера на побужденія русскихъ государственныхъ дѣятелей, очевидно, страдаетъ односторонностью и пристрастіемъ, такъ какъ позволительно предположить, что, обсуждая отношенія поляковъ къ Россіи, они и не думали связывать ихъ съ соображеніями, истекавшими изъ предпочтенія къ той или другой иностранной державѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ ярко характеризуетъ собственныя воззрѣнія тогдашняго прусскаго посланника въ Петербургѣ на совершавшіяся у него передъ глазами событія.

---

[1]) Рѣчь князя Бисмарка, произнесенная въ прусской Палатѣ депутатовъ въ январѣ 1886 г.

Г. фонъ-Бисмаркъ весьма естественно не могъ сочувствовать попыткѣ примиренія поляковъ съ русскими, не столько потому, что вообще не одобрялъ системы правительственныхъ уступокъ, сколько по причинѣ того, что успѣшное осуществленіе программы маркиза Велепольскаго грозило бы Пруссіи величайшими бѣдствіями и даже подвергало бы опасности самое существованіе ея въ качествѣ великой европейской державы.

Изъ трехъ державъ, участницъ польскихъ раздѣловъ, Пруссія всѣхъ менѣе можетъ допустить мысль о возстановленіи польскаго государства въ какомъ бы то ни было видѣ, не подрывая территоріальныхъ основъ, на которыхъ зиждется ея собственное могущество. Возстановить Польшу—значитъ для нея лишиться не только Познани и части Силезіи, но и такъ называемой западной Пруссіи, соединяющей Пруссію восточную съ остальными областями монархіи, и устьевъ Вислы съ Данцигомъ. Что же тогда останется отъ прусскаго королевства и на какую роль можетъ оно послѣ того выражать притязаніе въ Германіи и въ Европѣ?

Впрочемъ, оставляя Петербургъ весною 1862 г., г. фонъ-Бисмаркъ могъ успокоиться, такъ какъ къ тому времени примирительная система успѣла уже доказать въ примѣненіи къ Польшѣ полную свою несостоятельность.

Несостоятельнымъ оказалось и прусское „либеральное" министерство, не совладавшее съ большинствомъ Палаты депутатовъ при обсужденіи въ ней представленнаго правительствомъ проекта преобразованія арміи. Разочарованный въ своихъ совѣтникахъ, король сталъ искать имъ замѣстителей. Не далѣе какъ за восемь лѣтъ до того, будучи еще принцемъ прусскимъ, онъ отозвался о г. фонъ-Бисмаркѣ какъ „о человѣкѣ, имѣющемъ идеи школьника", за мнѣніе, выраженное послѣднимъ о необходимости для Пруссіи крѣпко держаться русскаго союза [1]). Нынѣ за скрѣпленіе этого самаго союза, король рѣшился поставить его во главѣ кабинета и, ввѣряя его руководству свою внѣшнюю политику, самъ подчинился его политическимъ воззрѣніямъ. Но прежде назначенія на должность перваго министра, г. фонъ-Бисмаркъ пожелалъ ознакомиться съ настроеніемъ тюильрійскаго двора и въ іюнѣ отправился въ Парижъ въ званіи прусскаго посланника.

---

[1]) Объ этомъ разсказывалъ самъ Бисмаркъ нашему повѣренному въ дѣлахъ во Франкфуртѣ. См. донесеніе Глинки графу Нессельроде 23 сентября (5 октября) 1854 г.

Величественный замыселъ объединенія Германіи подъ властью Гогенцоллернскаго дома давно созрѣлъ въ умѣ геніальнаго государственнаго мужа. Осуществленіе его, путемъ открытой борьбы съ Австріею, зависѣло отъ довѣрія и благорасположенія къ Пруссіи двухъ сильнѣйшихъ державъ европейскаго материка: Россіи и Франціи. Первыми г. фонъ-Бисмаркъ заручился въ трехлѣтнее пребываніе въ Петербургѣ. Чтобы запастись вторыми, потребовалось ему не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ сентябрѣ онъ возвратился въ Берлинъ, оставивъ на прощанье французскимъ дипломатамъ слѣдующее памятное изреченіе: „Либерализмъ—это ребячество и съ нимъ справиться не трудно, но революція—сила, и надо умѣть ею пользоваться" [1]).

Съ первыхъ же дней его вступленія въ должность министра-президента обострились отношенія правительства къ Нижней Палатѣ. Пришлось закрыть Ландтагъ, вслѣдствіе возбужденія большинствомъ противъ министерства обвиненія въ незаконныхъ распоряженіяхъ. Онъ снова былъ открытъ лишь въ январѣ 1863 года, но съ первыхъ же засѣданій ясно стало, что примиренія депутатовъ съ правительствомъ не послѣдуетъ. Разладъ между ними принималъ обширные размѣры. Споръ шелъ уже не о кредитахъ, а о правахъ короны по отношенію къ народному представительству. Въ адресѣ, представленномъ королю, Нижняя Палата заявила прямо требованіе объ удаленіи министерства, осмѣливавшагося нарушить основный законъ страны—конституцію.

Вспыхнувшее въ Царствѣ Польскомъ возстаніе, какъ нельзя болѣе кстати для г. фонъ-Бисмарка, послужило ему благовиднымъ предлогомъ для того, чтобы, отложивъ на время въ сторону внутреннія дѣла, представлявшія неодолимыя затрудненія, отдаться всецѣло разрѣшенію возникавшаго внѣшняго вопроса, имѣвшаго для Пруссіи первостепенную важность.

Едва дошла до Берлина вѣсть о внезапномъ и предательскомъ нападеніи, совершенномъ на русскія войска въ ночь съ 10 (22) на 11 (23) января, какъ прусскимъ правительствомъ былъ принятъ рядъ энергическихъ мѣръ, направленныхъ противъ мятежниковъ. Вдоль нашей границы сосредоточены четыре полка, усиленные подлежащими резервами, съ приказаніемъ не допускать въ прусскіе предѣлы вооруженныхъ шаекъ повстанцевъ. Въ воззваніи, обращен-

---

1) Klaczko. Deux Chanceliers, стр. 163.

номъ оберъ-президентомъ и военнымъ губернаторомъ Познани къ населенію этой области, изрекалось торжественное осужденіе возстанію, выражалась надежда, что польскіе подданные короля воздержатся отъ участія въ немъ, а въ случаѣ ослушанія ихъ предупреждали, что виновныхъ постигнетъ кара, положенная закономъ за государственную измѣну. Наконецъ генералъ-адъютантъ Альвенслебенъ и флигель-адъютантъ Раухъ были посланы въ Варшаву и оттуда въ Петербургъ для собранія свѣдѣній о ходѣ возстанія и для соглашенія съ русскимъ правительствомъ объ общихъ мѣрахъ къ его усмиренію.

Всѣ эти распоряженія истекали изъ личной инціативы прусскаго министра-президента безъ всякаго предварительнаго уговора съ нами. Въ Варшавѣ великій князь намѣстникъ и ближайшіе его совѣтники были крайне удивлены предупредительностью сосѣдняго двора, въ особенности когда гг. Альвенслебенъ и Раухъ предложили приступить къ заключенію конвенціи съ цѣлью дѣйствовать сообща противъ мятежниковъ. По этому поводу управляющій дипломатическою канцеляріею его высочества писалъ нашему посланнику въ Берлинѣ: „Признавая вѣжливость (courtoisie) порученія, возложеннаго на этихъ господъ, мы не можемъ отдать себѣ яснаго отчета въ причинахъ, его вызвавшихъ. Для насъ не существуетъ periculum in mora и мы не доведены еще до того, чтобы нуждаться въ содѣйствіи иностранныхъ войскъ... Прусское правительство изображаетъ чорта гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности“ [1]). Но въ Петербургѣ иначе взирали на тотъ же предметъ и 27 января (8 февраля), то есть черезъ двѣ недѣли по началѣ мятежа, предложенная Пруссіею тайная конвенція была подписана княземъ Горчаковымъ и генераломъ Альвенслебеномъ.

Конвенція эта никогда не была обнародована, но, судя по отзывамъ о ней самого г. фонъ-Бисмарка въ прусской Нижней Палатѣ и въ объясненіяхъ съ иностранными дипломатами, договаривающіяся стороны условились, что въ случаѣ требованія военнаго начальства одной стороны, войска другой стороны могутъ переступать границу, а если нужно, то и преслѣдовать инсургентовъ на территоріи сосѣдняго государства. И та, и другая сторона выговорили право во всякое время отступить отъ конвенціи [2]).

---

[1]) Тенгоборскій къ Убри 23 января (4 февраля) 1863 г.

[2]) Сэръ Андрю Бухананъ лорду Джону Росселю, 15 (27) февраля 1863 г.

Извѣстіе о заключеніи между Россіею и Пруссіею военной конвенціи противъ польскихъ мятежниковъ вызвало цѣлую бурю въ оппозиціонномъ большинствѣ прусской Палаты депутатовъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались запросы правительству. Первый изъ нихъ касался приведеннаго выше воззванія оберъ-президента Познанской области. Польскій депутатъ Кантонъ спрашивалъ: „одобряетъ ли государственное министерство оффиціальной актъ 1-го февраля 1863 года, по существу его и по формѣ?“

Отвѣтъ г. фонъ-Бисмарка былъ утвердительный. Не ограничиваясь имъ, министръ-президентъ воспользовался случаемъ, чтобы гласно опредѣлить отношеніе прусскаго правительства ко вспыхнувшему въ Польшѣ возстанію. Возстаніе это, въ различныхъ частяхъ Царства Польскаго и въ особенности въ прилегающихъ къ Пруссіи получило развитіе, значеніе коего простирается далеко за предѣлы страны. Несомнѣнная цѣль возстанія—возстановленіе независимаго польскаго государства въ границахъ, по возможности подходящихъ къ прежнему территоріальному его протяженію. Еслибъ даже поляки и не выражали притязаній на овладѣніе областями, входящими составъ Прусскаго Королевства, то и тогда правительство короля все же имѣло бы право и даже обязанность взвѣсить, насколько попытка низвергнуть законный порядокъ въ сосѣднемъ государствѣ можетъ отразиться на интересахъ самой Пруссіи и какія слѣдуетъ принять мѣры, дабы обезпечить послѣдніе. Но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что осуществленіе цѣлей польскихъ повстанцевъ является угрозой если и не земельной цѣлости, то во всякомъ случаѣ безопасности прусскаго государства, то отсюда слѣдуетъ, что правительство обязано оказать немедленное противодѣйствіе возстанію, не ожидая, пока оно окрѣпнетъ и приметъ такіе размѣры, которые потребуютъ для подавленія его чрезвычайныхъ усилій и жертвъ. Правительство прусское не должно также упускать изъ виду, что польскій мятежъ, хотя и направленъ пока только противъ русскаго правительства, но все же можетъ, даже въ случаѣ неуспѣха, продлиться настолько, чтобы повредить интересамъ Пруссіи. Къ тому же, по полученнымъ имъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на прусской территоріи сдѣланы уже приготовленія съ цѣлью улучить удобную минуту для распространенія возстанія и на принадлежащія Пруссіи польскія области. Правительство убѣждено въ вѣрности и въ чувствѣ законности громаднаго большинства польскихъ подданныхъ короля, но вѣдь и въ Царствѣ Польскомъ возстаніе лишь въ рѣдкихъ

случаяхъ находитъ добровольную поддержку въ низшихъ слояхъ населенія. А между тѣмъ вокругъ нѣсколькихъ иностранныхъ эмиссаровъ и возвратившихся эмигрантовъ, при содѣйствіи части духовенства, сплотилась шляхта со своими многочисленными слугами и работниками, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы ввергнуть обширныя пространства въ состояніе анархіи, при которомъ не обезпечены ни жизнь, ни имущество жителей и мирные обыватели вынуждаются угрозами служить мятежу.

„Хотя у насъ и не легко создать подобное положеніе и въ столь обширныхъ размѣрахъ“—заключилъ рѣчь свою г. фонъ-Бисмаркъ,—„тѣмъ не менѣе на правительствѣ лежитъ обязанность своевременно оградить подданныхъ короля отъ всѣхъ опасностей, коимъ они могли бы быть подвергнуты силою или прельщеніемъ. Старанія его направлены къ исполненію этого долга въ надлежащемъ размѣрѣ, и правительство твердо рѣшилось всюду, гдѣ только общественному порядку будетъ угрожать опасность, тотчасъ же прибѣгать для огражденія онаго ко всѣмъ средствамъ, имѣющимся въ его распоряженіи“ [1]).

Властный и рѣшительный тонъ министра, равно какъ и трезвый взглядъ его на происхожденіе бунта, выдаваемаго за народное значеніе, пришлись не по сердцу либеральному большинству прусскихъ депутатовъ. На слѣдующій же день въ Палатѣ предъявленъ былъ второй запросъ правительству по польскимъ дѣламъ. Во вниманіе къ тому, что въ послѣдней рѣчи своей министръ-президентъ вовсе умолчалъ о конвенціи, отъ него потребовали категорическаго объясненія: дѣйствительно ли заключенъ договоръ съ Россіею и каково его содержаніе? Признавая вопросъ нескромнымъ, г. фонъ-Бисмаркъ отказался отвѣчать на него, но Палата все же постановила перейдти къ преніямъ. Въ нихъ депутаты дали полную свободу накопившейся у нихъ злобѣ къ ненавистному министерству и ожесточенными нападками своими нѣсколько разъ вынудили перваго министра, вопреки заявленному намѣренію, возражать на взводимыя на него обвиненія.

Первымъ говорилъ одинъ изъ корифеевъ либеральной партіи, депутатъ Карловицъ, силившійся доказать, что Россія—естественный врагъ Пруссіи и что соглашеніе съ нею прусскаго министерства означаетъ лишь, что послѣднее ищетъ внѣшнихъ усложненій. Ораторъ предупреждалъ, что если та-

---

[1]) Рѣчь Бисмарка въ прусской Палатѣ депутатовъ 4 (16) февраля 1863 г.

кой образъ дѣйствій приведетъ къ войнѣ, то народное представительство не дастъ на нее ни единаго талера.

Задѣтый за живое, г. фонъ-Бисмаркъ отвѣчалъ, что не трудно обвинить правительство, приписавъ ему виды и намѣренія, о которыхъ оно и не помышляетъ. Военныя мѣры, принятыя министерствомъ, оправдываются необходимостью ограждать неприкосновенность прусской границы и безопасность прусскихъ подданныхъ. Нельзя заранѣе опредѣлить, сколько потребуется войска для этой цѣли, такъ какъ невозможно предвидѣть, какое развитіе получитъ возстаніе, „но"—прибавилъ министръ,—„по-нашему лучше издержать на этотъ предметъ нѣсколько сотенъ тысячъ талеровъ, чѣмъ довести дѣло до того, чтобы сотни или тысячи прусскихъ обывателей очутились—хотя и на короткое время,—въ положеніи, въ коемъ находится нынѣ значительная часть русскихъ подданныхъ". Министръ отказался вдаться въ академическое обсужденіе вопроса объ отношеніяхъ Пруссіи къ иностраннымъ державамъ. „Я хочу"—продолжалъ онъ,—„сдѣлать лишь одно замѣчаніе: во всемъ этомъ дѣлѣ рѣчь идетъ вовсе не о русской политикѣ и не о нашихъ отношеніяхъ къ Россіи, а единственно объ отношеніяхъ Пруссіи къ польскому возстанію и о защитѣ прусскихъ подданныхъ отъ вреда, который можетъ произойдти для нихъ изъ этого возстанія. Что Россія ведетъ не прусскую политику, знаю я, знаетъ всякій. Она къ этому и непризвана. Напротивъ: долгъ ея—вести русскую политику. Но будетъ ли независимая Польша, въ случаѣ, еслибы ей удалось утвердиться въ Варшавѣ, на мѣстѣ Россіи, вести прусскую политику? Будетъ ли она страстною союзницею Пруссіи противъ иностранныхъ державъ? Озаботится ли о томъ, чтобы Познань и Данцигъ остались въ прусскихъ рукахъ? Все это я предоставляю вамъ взвѣшивать и соображать самимъ". О конвенціи съ Россіей г. фонъ-Бисмаркъ умолчалъ и въ этотъ разъ, и только заявилъ, что намекъ Карловица, будто поведеніе берлинскаго кабинета въ польскомъ дѣлѣ навлекло на него неудовольствіе и угрозы прочихъ державъ—лишено всякаго основанія [1]).

Черезъ недѣлю, нѣсколько депутатовъ внесли на обсужденіе Палаты слѣдующій проектъ резолюціи: „Интересъ Пруссіи требуетъ, чтобы королевское государственное министерство ограничилось по отношенію къ возстанію, вспыхнувшему въ Царствѣ Польскомъ, единственно принятіемъ

[1]) Рѣчь Бисмарка въ той же Палатѣ 6 (18) февраля 1863 г.

необходимыхъ оборонительныхъ мѣръ вдоль прусской границы, избѣгало всякаго выходящаго изъ этихъ предѣловъ вмѣшательства и не дозволяло вооруженнымъ людямъ вступать на прусскую территорію, предварительно ихъ не обезоруживъ".

Мотивировать эту резолюцію взялся, въ качествѣ докладчика, историкъ Зибель [1]. Онъ осуждалъ политику правительства за безпричинное, по мнѣнію его, вмѣшательство въ дѣло, до Пруссіи не касающееся. Ей-де не было никакой надобности являться соучастницею Россіи въ охотѣ на людей, на которую съ негодованіемъ взираетъ вся Европа, и такимъ образомъ обращать возстаніе, возгорѣвшееся въ польскихъ лѣсахъ, въ европейскій вопросъ. Это значило всю тяжесть отвѣтственности перенести съ русскихъ плечъ на прусскія, разссориться съ Австріею, кинуть ее въ объятія западныхъ державъ, да къ тому же безъ малѣйшей надежды на какую-либо выгоду для Пруссіи.

Министръ-президентъ возразилъ докладчику въ крайне раздраженномъ тонѣ. Не удивительно, началъ онъ, что поляки, засѣдающіе въ Палатѣ, воспользовались случаемъ, чтобы высказать свои анти-прусскія тенденціи. Но странно, что подъ запросомъ ихъ подписались и нѣмцы. „Знать стремленіе къ воодушевленію въ пользу чужихъ народностей и національныхъ притязаній", язвительно вставилъ онъ, „даже когда послѣднія могутъ быть осуществлены лишь въ ущербъ собственнаго отечества,—есть родъ политическаго недуга, географическое распространеніе коего, къ сожалѣнію, ограничивается одною Германіею". Въ виду отказа правительства отвѣчать на запросъ, отказа, обусловленнаго дипломатическими соображеніями, во всякомъ парламентѣ отъ него отступилась бы и самая строгая оппозиція. Но въ данномъ случаѣ интересъ партіи не совсѣмъ совпалъ съ интересомъ государства, и Палата перешла къ преніямъ. Нашлись нѣмецкіе ораторы, которые сочувствіе свое къ польскому дѣлу простерли до того, что заявили впередъ, что въ случаѣ внѣшнихъ усложненій, имъ вызванныхъ, они откажутъ правительству въ средствахъ для борьбы. Не значитъ ли это кликнуть инородцамъ: „Идите на насъ, минута благопріятна, Пруссія беззащитна!"

Въ Палатѣ раздались громкіе возгласы: „къ порядку!" Предсѣдательствовавшій въ собраніи вице-президентъ Берендъ заявилъ, что не видитъ достаточнаго повода, чтобы при-

---

[1] Нынѣшній директоръ прусскаго государственнаго архива.

звать къ порядку г. министра-президента за произнесенныя имъ слова. Но г. фонъ-Бисмаркъ съ жаромъ возсталъ противъ права предсѣдателя не только подвергать его дисциплинарному замѣчанію, но даже прервать его рѣчь, на томъ основаніи, что власть предсѣдателя не можетъ простираться на министровъ, подчиняющихся лишь королю. Посреди страшнаго шума, министръ и предсѣдатель Палаты обмѣнялись нѣсколькими рѣзкими и колкими словами, и каждый остался при своемъ мнѣніи. Эта бурная сцена, безпримѣрная въ лѣтописяхъ прусскаго парламентаризма, доказываетъ, въ какомъ состояніи страстнаго возбужденія велись пренія съ обѣихъ сторонъ.

Продолжая рѣчь свою, г. фонъ-Бисмаркъ отъ обороны перешелъ въ наступленіе. Настроеніе большинства свидѣтельствуетъ-де о возвращеніи его къ идеямъ 1848 года. Европейская революція солидарна во всѣхъ странахъ, а потому вполнѣ естественно, что движеніе въ Польшѣ, подготовленное при содѣйствіи Маццини, руководимое Мѣрославскимъ, поддерживается революціоннымъ элементомъ всѣхъ странъ. Принявъ предложенную ей резолюцію, Палата докажетъ сочувствіе свое мятежу. Говорятъ: того требуютъ интересы Пруссіи. Это—неправда, въ той же мѣрѣ, въ какой не подлежитъ сомнѣнію, что Пруссіи пріятнѣе сосѣдство Императора Александра, чѣмъ сосѣдство Мѣрославскаго, и пропаганды въ Польшѣ; въ той же мѣрѣ, въ какой несомнѣнно, что и торговыя и государственныя пользы Пруссіи заинтересованы въ томъ, чтобы польское возстаніе прекратилось какъ можно скорѣе, уступивъ мѣсто благоустроенному, законному порядку. „Симпатіи, истекающія изъ человѣческаго чувства"—воскликнулъ министръ, „могутъ быть, гдѣ имъ угодно, но, господа, интересовъ Пруссіи, по польскимъ потребностямъ, по историческому развитію, пережитому Пруссіею, нельзя искать въ лагерѣ мятежниковъ".

Переходя къ разсмотрѣнію главнаго обвиненія, предъявленнаго парламентскимъ большинствомъ противъ правительства, обвиненія въ заключеніи конвенціи съ Россіей, ставшей, по выраженію министра, „притчею въ языцѣхъ" европейской печати, г. фонъ-Бисмаркъ напомнилъ, что зиждется оно на предположеніи о прусскомъ „поясѣ" въ 500 квадратныхъ миль, преданныхъ яко-бы въ жертву жестокостямъ русскаго способа веденія войны. Но вся эта „идея о поясѣ",—одно только произведеніе пылкой фантазіи, совершенно праздный вымыселъ, такъ какъ состоявшееся между Берлиномъ и Петербургомъ соглашеніе ставитъ каждый

переходъ русскимъ или прусскимъ войскамъ черезъ границу въ зависимость отъ согласія Пруссіи. До сихъ поръ не было еще ни единаго случая такого перехода, да вѣроятно онъ и не произойдетъ въ будущемъ, по той причинѣ, что возстаніе вовсе не такъ счастливо развивается, какъ надѣялись одни или опасались другіе. А между тѣмъ, принятыя мѣры имѣли то послѣдствіе, что жизнь и имущество прусскихъ подданныхъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ не подверглись опасности, а самое возстаніе, начавшееся близъ прусской границы, удалилось отъ нея на значительное разстояніе.

Если конвенція произвела непріятное впечатлѣніе заграницей, то виноваты въ томъ прусская парламентская трибуна и прусская періодическая печать, которыя извратили-де ея смыслъ и невѣрно передали ея содержаніе. Будь конвенція дѣйствительно такова, какою изображаютъ ее рѣчи депутатовъ и газетныя статьи, за нее вправѣ были бы разсердиться на Пруссію чужестранные дворы. Такими именно искаженіями наполнены и всѣ три засѣданія Палаты, посвященныя этому „воздушному бою". Онъ не дастъ никакихъ результатовъ, и если цѣлью его было создать правительству затрудненія, поколебать его положеніе или намѣренія, то и въ этомъ отношеніи онъ не достигнетъ цѣли. „Мы сильны убѣжденіемъ" — таковы были заключительныя слова министра—„что мы исполнили долгъ, налагаемый на насъ заботливостью о соблюденіи интересовъ страны, и убѣжденіе это не ослабѣетъ отъ того, что вы, принятіемъ вашего предложенія, дадите намъ поводъ засвидѣтельствовать предъ страною, что вы вступаетесь за польское возстаніе [1]).

Пренія продолжались еще цѣлые два дня. Г. фонъ-Бисмаркъ мужественно выдерживалъ натискъ ораторовъ большинства, выражавшихъ самыя невѣроятныя подозрѣнія, осыпавшихъ его ругательствами, бранью. Доставалось отъ нихъ и Россіи. Одинъ депутатъ утверждалъ, что Пруссія не можетъ ожидать отъ нея ничего хорошаго; что она слаба внѣ своихъ границъ, и не въ силахъ, еслибы даже и захотѣла, ни защитить Пруссію отъ чужеземнаго нападенія, ни содѣйствовать расширенію ея могущества, но что она этого никогда и не захочетъ, ибо въ интересѣ ея, чтобы Германія оставалась немощною и разрозненною; что Пруссія служитъ ей громоотводомъ противъ негодованія Европы; что союзъ съ нею означаетъ возвращеніе къ преданіямъ Священнаго Сою-

[1]) Рѣчь Бисмарка въ той же Палатѣ 14 (26) февраля 1863 г.

за, ненавистнымъ какъ нѣмецкому, такъ и всѣмъ европейскимъ народамъ [1]). Другой ораторъ распространялся объ опасности русскаго вторженія въ прусскіе предѣлы, будто бы допускаемаго конвенціею [2]). Третій, наконецъ, просто обозвалъ министра-президента „канатнымъ плясуномъ“ и „донъ-кихотомъ“ [3]). Но всѣ эти вопли и сѣтованія разбились какъ волны о скалу о презрительное хладнокровіе министра-президента, не проронившаго болѣе ни единаго слова о содержаніи пресловутой конвенціи, ознакомиться съ которою такъ отстрастно желали депутаты. „Вы упрекали насъ вчера“—отвѣчалъ онъ имъ насмѣшливо, — „за то, что мы о чемъ-то слишкомъ поспѣшно уговорились съ Россіею, не справясь о мнѣніяхъ прочихъ кабинетовъ. Когда же изъ заявленій этихъ самыхъ кабинетовъ оказывается, что упрекъ неосно вателенъ, что какъ разъ ведутся съ ними, точно такъ же, какъ и съ Россіею, переговоры по тому же предмету, то вы опять говорите, что правительство поступило неправильно, бывъ болѣе сообщительнымъ съ иностранными правительствами, чѣмъ съ собственнымъ народнымъ представительствомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы заслужили бы ваше одобреніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы принесли предварительно всѣ предположенные дипломатическіе переговоры сюда, на эту трибуну и спросили васъ: слѣдуетъ намъ вести ихъ или нѣтъ? Я нахожу, что въ этомъ упрекѣ заключается новое подтвержденіе мнѣнія, высказаннаго мною сегодня въ первой моей рѣчи, а именно, что мы не можемъ ожидать отъ васъ безпристрастнаго и дѣловаго сужденія о нашемъ поведеніи“ [4]).

Прусская Нижняя Палата не удовольствовалась приня тіемъ громаднымъ большинствомъ приведенной выше резолюціи. Мѣсяцъ спустя она снова принялась обсуждать участіе своего правительства въ польскомъ вопросѣ, по поводу поступившей на имя ея петиціи нѣсколькихъ жителей изъ пограничныхъ мѣстностей объ отмѣнѣ заключенной съ Россіею конвенціи, будто бы вредно отзывающейся на ихъ благосостояніи. Предложеніе въ этомъ смыслѣ тотчасъ же было внесено однимъ изъ депутатовъ [5]). Въ преніяхъ приняли участіе множество депутатовъ и во главѣ ихъ извѣстный уче-

---

[1]) Депутатъ Твестенъ.
[2]) Депутатъ Геннигъ.
[3]) Депутатъ Симсонъ.
[4]) Рѣчи Бисмарка въ той же Палатѣ 15 (27) и 16 (28) февраля 1863 г.
[5]) Депутатомъ Рённе.

ный Вирховъ. Ссылаясь на обнародованные во Франціи дипломатическіе документы, онъ пытался уличить министра-президента во лжи за утвержденіе, что берлинскому кабинету не было сдѣлано никакихъ представленій со стороны иностранныхъ дворовъ за соучастіе съ петербургскимъ кабинетомъ въ подавленіи польскаго возстанія. „Откуда бы ни были почерпнуты всѣ эти данныя, я утверждаю положительно“,— съ гордостью отвѣчалъ г. фонъ-Бисмаркъ—„что коль скоро они противорѣчатъ моимъ показаніямъ, то это значитъ, что они основаны на заблужденіи. Одна изъ приведенныхъ ораторомъ оппозиціи французскихъ дипломатическихъ депешъ вмѣняетъ прусскому правительству въ вину, что конвенціею своею съ Россіею оно-де возбудило польскій вопросъ. Но кто же не знаетъ, что вопросъ этотъ принадлежитъ исторіи, что начался онъ гораздо ранѣе февраля 1863 года и что со времени послѣдняго мятежа въ Царствѣ Польскомъ онъ постоянно въ высшей степени вредно отражался на интересахъ Пруссіи. Нельзя говорить также, что Европа единогласно осудила русско-прусскую конвенцію. Какъ можетъ состояться приговоръ Европы объ актѣ ей неизвѣстномъ? Вообще о польскомъ дѣлѣ намѣренно и систематично распространяется много лжи“. Министръ привелъ въ примѣръ слѣдующій случай. Недавно отправлена была изъ Познани въ Парижъ телеграмма на имя князя Владислава Чарторыйскаго, которую воспроизвели французскія газеты и въ которой сообщалось „очевидцемъ“ о вступленіи въ Пруссію сильнаго отряда русскихъ войскъ и о движеніи его на Врешенъ, Плешенъ и Нейштадтъ. Два дня спустя по тому же адресу послана была тѣмъ же „очевидцемъ“ другая телеграмма, извѣщавшая, что первое сообщеніе ошибочно, что за русскій отрядъ принятъ былъ казачій конвой, сопровождавшій русскую почту до перваго прусскаго пограничнаго мѣстечка. Въ дѣйствительности же оказалось, что „очевидецъ“ не могъ встрѣтить по упомянутой имъ дорогѣ не только никакого казачьяго конвоя, но даже единаго казака. „Судите же сами— воскликнулъ министръ,—что это былъ за очевидецъ“.

Важнѣе было второе возраженіе г. фонъ-Бисмарка въ отвѣтъ другому депутату, увѣрявшему, что конвенція была навязана Россіей Пруссіи; что она облегчала осуществленіе замысловъ маркиза Велепольскаго о сліяніи Польши съ Россіей и что ничего не можетъ быть вреднѣе для Пруссіи проистекающаго отъ того усиленія Россіи [1]). Заявивъ, что

---

[1]) Депутатъ Вальдекъ.

*

конвенція заключена по его собственному почину, министръ-президентъ о воздѣйствіи ея на политику, внушаемую начальникомъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, отозвался такъ: „Еслибы русское правительство въ самомъ дѣлѣ слѣдовало этой политикѣ, то заключеніе подобной конвенціи съ Пруссіей и означало бы именно, какъ слѣдовало и ожидать, полнѣйшій разрывъ съ означенной системой, и намъ было бы въ высшей степени полезно вызвать этотъ разрывъ посредствомъ конвенціи“. Къ такому объясненію г. фонъ-Бисмаркъ возвратился вторично подъ предлогомъ, что его не поняли, и высказался еще опредѣленнѣе. „Я не говорилъ“—настаивалъ онъ,—„о пользѣ или вредѣ, которые конвенція можетъ принести Россіи, я сказалъ лишь по поводу плановъ, приписываемыхъ Велепольскому. Если планы эти когда-либо были усвоены Императорскимъ правительствомъ, то слѣдуетъ необходимо признать, что чрезъ заключеніе конвенціи съ Пруссіею, въ томъ видѣ, въ какомъ она вамъ представляется, т. е. чрезъ вступленіе во временное обязательство съ нѣмцами противъ поляковъ, русское правительство порвало связь съ панславистическою политикою, которую предшедшій ораторъ не безъ основанія приписываетъ части русскаго населенія, и что, такимъ образомъ, конвенціи, еслибы она была заключена въ упомянутомъ смыслѣ, принадлежала бы заслуга положить предѣлъ въ Россіи успѣхамъ той самой партіи, которой опасается ораторъ“ [1]).

Такъ и въ третій разъ прусскимъ либераламъ не удалось добиться сообщенія содержанія пресловутой конвенціи. Выразителемъ ихъ досады явился опять Зибель, въ заключительной рѣчи вышедшій совершенно изъ границъ парламентской благопристойности. Чтобы дать о ней понятіе, достаточно привести ея начало и конецъ: „Еслибы я видѣлъ предъ собою за министерскимъ столомъ человѣка, который явилъ бы уже въ прошедшемъ доказательства дальновиднаго разумѣнія и сердца, исполненнаго справедливости, то я бы спросилъ его далѣе: напоминаетъ ли его конвенція и о договорахъ 1815 года, о занесенномъ въ нихъ правѣ поляковъ жить подъ собственною самостоятельною конституціею, о занесенномъ туда же правѣ Пруссіи и Европы, въ силу коего господствуетъ въ Варшавѣ не русскій Царь, а король польскій!..

„Наше убѣжденіе, что министерство это нигдѣ не по-

---

[1]) Рѣчь Бисмарка въ той же Палатѣ 19 (31) марта 1863 г.

жнетъ лавровъ, убѣжденіе, которое именно чрезъ конвенцію и примыкающіе къ ней переговоры достигло высшей, свѣтлой какъ солнце ясности. Въ настоящемъ положеніи, мы предпочитаемъ скромный и даже унизительный миръ печальному пораженію хотя бы въ справедливой войнѣ, а такъ какъ мы проникнуты истиною, что съ этими вождями пораженіе всюду явится неизбѣжнымъ результатомъ, то и будемъ повторять постоянно: Ружье къ ногѣ! доколѣ корона удержитъ нынѣшнихъ министровъ. Пусть, господа, не удивляется никто, что даже лучшіе патріоты при крикѣ: „добровольцы, впередъ!" остаются позади, пока очевидно неспособные и несчастные начальники стоятъ во главѣ. Пусть не удивляется никто, что на вызовъ не являются охотники-матросы, когда для экспедиціи выбрано судно, завѣдомо негодное къ плаванію въ морѣ.

„Господа, государство наше это тотъ, нѣкогда столь гордый корабль, мощный киль котораго вспѣняя прорѣзалъ волны столѣтій, коего бока, часто исколоченные бурей, были укрѣплены желѣзнымъ панцыремъ прусской народной силы. Нынѣ онъ, съ несоразмѣрно и до нелѣпости высокими мачтами, лишенный лучшихъ частей своего желѣза и паровой силы, съ г. Рооомъ въ машинномъ отдѣленіи и съ г. фонъ-Бисмаркомъ на рулѣ, готовится выходить въ бурный океанъ европейской смуты. За это пусть подаетъ голосъ свой, кто хочетъ, я же не могу, и надѣюсь, что и вы всѣ тоже не можете. Мы хотимъ спасти нашу страну для короля ея, нашего короля для его страны и вотъ почему, сегодня, завтра, вѣчно, мы станемъ возвышать наши голоса противъ ложныхъ совѣтовъ нынѣшнихъ совѣтниковъ короны, безъ жалости и безъ пощады!" [1])

Вотъ какъ судили люди „слова" о великомъ мужѣ „дѣла", наканунѣ исполинскихъ подвиговъ, подъятыхъ и совершенныхъ имъ въ славу Пруссіи, на благо нѣмецкаго народа. Страстныя рѣчи ихъ и яростныя нападки на политику, до пониманія которой они не доросли, служатъ торжественнымъ осужденіемъ парламентскому порядку, коего они являлись представителями и бойцами. Не имъ, конечно, могъ г. фонъ-Бисмаркъ ввѣрить свои величественные замыслы, для открытія заранѣе пути коимъ онъ рѣшился идти къ ихъ осуществленію. Лишь двадцать три года спустя высказался онъ откровенно объ истинномъ значеніи конвенціи 29 января

---

[1]) Рѣчь Зибеля въ той же Палатѣ 19 (31) марта 1863 г.

(8 февраля) предъ тою же Палатою, встрѣчавшею каждое его слово восторженными возгласами и рукоплесканіями.

„Конвенція эта"—повѣдалъ онъ—„не дала въ военномъ отношеніи никакого результата, но она исполнила свое назначеніе въ ту минуту, когда была подписана въ Петербургѣ. Это значитъ, что она вызвала рѣшеніе Императорской русской политики: *стать на сторону Пруссіи противъ польскихъ притязаній, что до тѣхъ поръ было крайне сомнительно.* По этой причинѣ мое положеніе министра иностранныхъ дѣлъ было до извѣстной степени подготовлено по отношенію къ русскому кабинету, *а тогда изъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ только отъ него одного и можно было во всякомъ случаѣ ожидать,—я не скажу поддержки,—но все же tolerari posse нашей нѣмецкой политики*" [1]).

Разсчетъ прусскаго министра былъ основанъ на личномъ и тщательномъ знакомствѣ его съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ. Самъ онъ, въ качествѣ посланника въ нашей столицѣ, испыталъ на себѣ, какъ выгодно было для Пруссіи усвоенное русскимъ придворнымъ и дипломатическимъ кругомъ мнѣніе, будто, въ эпоху Крымской войны, держава эта оказала Россіи важныя услуги. Г. фонъ-Бисмаркъ легко сообразилъ, что суть не въ самой услугѣ, а въ томъ, чтобы въ нее повѣрили. Отсюда предложенная имъ конвенція, по собственному его признанію, никогда не примѣнявшаяся къ дѣлу и менѣе мѣсяца по подписаніи уже бывшая „мертвою буквою" [2]). За эту чисто фиктивную услугу, онъ въ послѣдующіе годы не одинъ разъ представлялъ намъ длинный и дорогой счетъ, уплата по которому была уже трижды произведена нами безпрекословно и сполна, въ 1864-мъ, въ 1866-мъ, наконецъ въ 1870—71 годахъ.

Мы позволимъ себѣ, однако спросить, не имѣлъ ли прусскій министръ въ виду еще какой-либо иной цѣли, вступая съ Россіею въ соглашеніе, о которомъ зналъ заранѣе, что оно не будетъ приведено въ исполненіе? Вопросъ этотъ очень важенъ для опредѣленія степени искренности тѣхъ дружественныхъ чувствъ, въ коихъ увѣряла насъ Пруссія отъ начала польскаго возстанія и до послѣдняго времени. Отвѣтъ на него найдется въ прилежномъ изученіи всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе договора 27 января (8 февраля).

---

[1]) Рѣчь Бисмарка въ той же Палатѣ, январь 1886 г.

[2]) Такъ отзывался о конвенціи самъ г. фонъ-Бисмаркъ въ разговорѣ съ великобританскимъ посланникомъ въ Берлинѣ (Сэръ Андрю Бухананъ лорду Джону Росселю 20 февраля (4 марта) 1863 г.

Незадолго до обсужденія приведенныхъ выше запросовъ въ прусской Нижней Палатѣ, г. фонъ-Бисмаркъ подошелъ на придворномъ балѣ къ одному изъ вице-президентовъ Палаты, г. Беренду, тому самому, который нѣсколько дней спустя едва не призвалъ его къ порядку, и, заговоривъ съ нимъ о злобѣ дня, сказалъ: „Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ двумя способами: или надо быстро подавить возстаніе въ согласіи съ Россіей и предупредить западныя державы совершившимся фактомъ, или же дать положенію развиться и ухудшиться, ждать, покуда русскіе будутъ выгнаны изъ Царства или вынуждены просить помощи, и тогда дѣйствовать смѣло и занять Царство за счетъ Пруссіи. Черезъ три года все тамъ было бы германизовано". Озадаченный собесѣдникъ воскликнулъ испуганнымъ голосомъ: „Но вѣдь то, что вы мнѣ говорите, не болѣе, какъ бальный разговоръ?" „Нисколько" — отвѣчалъ министръ, „я говорю серьезно о серьезномъ дѣлѣ. Русскимъ Польша въ тягость, самъ Императоръ Александръ признавался мнѣ въ томъ въ Петербургѣ [1])...

Въ этихъ словахъ, воспроизведенныхъ тогда же берлинскою оффиціозною печатью и оставшихся безъ оффиціальнаго опроверженія, заключается разгадка сложной игры, веденной г. фонъ-Бисмаркомъ въ первые мѣсяцы 1863 года. Они дополняютъ данныя имъ два года назадъ разъясненія, представляя дѣло съ совершенно новой стороны. Конвенція допускала подъ извѣстными условіями введеніе прусскихъ войскъ въ русскіе предѣлы. Почему же эта статья не была исполнена? Потому,—отвѣчаютъ намъ изъ Берлина, что въ томъ не представилось надобности, такъ какъ русскія войска и безъ нихъ справились съ повстанцами. Но что бы произошло, еслибы напротивъ мятежники застигли врасплохъ и одолѣли малочисленныя части нашей арміи, разсѣянныя на огромномъ пространствѣ Царства Польскаго, безъ общей связи и безъ общаго начальника? Подобный исходъ борьбы, какъ онъ ни невѣроятенъ, считался тогда вполнѣ возможнымъ не только въ Берлинѣ, но и въ Петербургѣ.— Въ такомъ случаѣ, отвѣтимъ мы, прусскія войска всту-

[1]) См. „Кёльнскую газету" 10 (22) февраля 1863 года. Я ограничиваюсь ссылкою на извѣстный и въ свое время надѣлавшій столько шума разговоръ Бисмарка съ Берендомъ, проходя молчаніемъ разсказъ Н. В. Берга о тождественныхъ переговорахъ его же съ эмигрантомъ Клобуковскимъ („Русская Старина" 1879 года), такъ какъ въ подтвержденіе авторомъ не приведено документальныхъ данныхъ, которыя возможно было бы противопоставить опроверженіямъ „Сѣверо-Германской газеты".

шли бы въ Царство Польское, подъ предлогомъ оказанія намъ помощи и въ силу заключенія съ нами конвенціи, но, вступивъ, конечно никогда уже не вышли бы оттуда.

Что конвенція была заключена именно въ силу этой послѣдней случайности, явствуетъ изъ того, что за неосуществленіемъ ея уговоръ остался безъ исполненія. Въ самой комбинаціи нѣтъ ничего, что было бы несогласно съ политическими пріемами князя Бисмарка, скажу болѣе, съ историческими преданіями берлинскаго двора. Вторгаясь въ Силезію, Фридрихъ II увѣрялъ въ Вѣнѣ, что побудило его къ тому желаніе оградить эту область отъ чуждыхъ посягательствъ, и что присоединеніемъ ея къ своимъ владѣніямъ онъ-де оказываетъ Маріи Терезіи величайшую услугу. На разстояніи столѣтія и ровно годъ по заключеніи польской конвенціи, продолжатель дѣла Фридриха повторилъ тотъ же пріемъ въ примѣненіи къ при-эльбскимъ герцогствамъ. Голштинія и Шлезвигъ были заняты прусскими войсками при содѣйствіи австрійцевъ, въ обезпеченіе правъ Германскаго Союза, что не помѣшало имъ сдѣлаться вскорѣ добычею Пруссіи. Въ виду этихъ примѣровъ, мы въ полномъ правѣ сказать, что доблесть и самоотверженіе русской арміи, быстро подавившей возстаніе въ прилегавшихъ къ прусской границѣ мѣстностяхъ, спасло для Россіи Царство Польское не отъ немощныхъ усилій повстанскихъ косарей, а отъ затаенныхъ посягательствъ сосѣдней державы, подъ личиною лицемѣрной дружбы, успѣвшей выманить у насъ согласіе на допущеніе войскъ ея въ наши предѣлы.

Намъ не слѣдуетъ забывать, что весь привислинскій край составляетъ давній предметъ вожделѣній Пруссіи. Большая часть его по третьему раздѣлу Польши досталась ей на долю и она владѣла имъ цѣлые двѣнадцать лѣтъ (1795—1807). Отторгнутыя въ Тильзитѣ Наполеономъ I земли эти, съ придачею впослѣдствіи нѣсколькихъ отвоеванныхъ у Австріи округовъ, составили великое герцогство Варшавское, покоренное русскимъ оружіемъ въ началѣ 1813 года. Не взирая на это, прусскіе дипломаты долго и настойчиво добивались возвращенія ихъ Пруссіи даже въ такую критическую минуту, когда отъ рѣшенія Императора Александра продолжать войну или не продолжать зависѣла участь не только Пруссіи и Германіи, но и всей Европы [1]). На присоединеніе Варшавскаго великаго герцогства къ Россіи подъ именемъ

[1]) См. Oncken: Preussen im Befreiungskriege I стр. 254—284.

Царства Польскаго Пруссія изъявила окончательное согласіе лишь на Вѣнскомъ конгрессѣ, выговоривъ себѣ уступку Торна и Познани и богатое вознагражденіе въ западной Саксоніи и въ прирейнскихъ областяхъ.

Но и тогда государственные люди и военные дѣятели въ Берлинѣ не совсѣмъ примирились съ этимъ рѣшеніемъ и въ извѣстной запискѣ на имя барона Штейна, прусскій генералъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, Кнезебекъ упорно отстаивалъ права своего двора на область, двѣнадцать лѣтъ именовавшуюся „Южною Пруссіею". Поглощеніе ея Россіею онъ признавалъ величайшимъ бѣдствіемъ для всей западной Европы. „Нѣтъ"—разсуждалъ онъ—„безопасности для Пруссіи съ той минуты, какъ Россія обширною территоріею врѣзывается въ прусскія владѣнія; нѣтъ безопасности и для Австріи, коль скоро она переступаетъ за Вислу". Какъ на „естественную" границу Россіи онъ указывалъ на Вислу до Буга, затѣмъ на Пинскіе лѣса и болота вдоль Нарева [1]). Граница эта и нынѣ зовется въ Пруссіи „Кнезебековою" границей. Для отвоеванія ея, прусскій генеральный штабъ, тотчасъ по заключеніи всеобщаго мира въ 1815 году, приступилъ къ составленію плана похода на Россію, —освободительницу Пруссіи, какъ свидѣтельствовалъ о томъ посланникъ нашъ въ Берлинѣ въ одномъ изъ донесеній своихъ въ иностранную коллегію [2]).

Вопросъ о „Кнезебековой границѣ" возбужденъ былъ снова во время Крымской войны. О немъ высказалъ тогда мнѣніе свое и г. фонъ-Бисмаркъ. Представитель Пруссіи при германскомъ сеймѣ находилъ всѣ доводы и разсужденія Кнезебека „несомнѣнно правильными" (unzurifelhaft richtig), но замѣчалъ, что успѣшное осуществленіе его плановъ возможно лишь при условіи дружнаго содѣйствія Австріи, на которое въ то время Пруссія не могла еще разсчитывать [3]).

Насколько вообще политическія идеи князя Бисмарка приближались съ тѣхъ поръ къ мечтаніямъ генерала Кнезебека, можно усмотрѣть изъ ознакомленія со слѣдующими статьями программы послѣдняго:

1) Австрія тѣсно сближается съ Пруссіею, которая, чтобъ стать вполнѣ независимою отъ Россіи, должна развить свои силы и расширить территорію.

2) Германія получаетъ военную организацію и примыкаетъ къ обѣимъ великимъ нѣмецкимъ державамъ.

---

[1]) Кнезебекъ барону Штейну 16 (28) сентября 1814 г.

[2]) Графъ Алопеусъ графу Нессельроде 9 (21) сентября 1822 г.

[3]) Бисмаркъ барону Мантейфелю 27 ноября (9 декабря) 1854 г

3) Державы эти заботятся объ усиленіи своихъ армій и дѣятельно готовятся къ войнѣ.

4) Австрія, Пруссія и Германія вступаютъ въ тѣсный союзъ съ Англіею.

5) Политика ихъ работаетъ въ смыслѣ недопущенія союза между Россіею и Франціею.

6) Вышепоименованныя державы заключаютъ союзъ съ Турціей и съ Персіей и стараются на случай войны съ Россіей,—которая неизбѣжна въ близкомъ будущемъ—возбудить и ихъ противъ Россіи.

7) Войны этой слѣдуетъ избѣгать по возможности до тѣхъ поръ, пока турки и персіяне не примутъ въ ней участія.

8) Цѣль войны—отобраніе у Россіи всѣхъ западныхъ областей ея отъ Балтійскаго моря до Чернаго.

„Если изъ тѣхъ пунктовъ"—заключаетъ Кнезебекъ, „ни одинъ не будетъ оставленъ безъ вниманія, но всѣ приведутся въ исполненіе съ живостью и разумомъ, какъ того требуетъ важность предмета, то свобода Европы будетъ спасена со стороны востока, также точно, какъ счастливо спасена она со стороны запада" [1]).

Такова въ ея совокупности политическая цѣпь событій, первымъ звеномъ которой должна была служить русско-прусская конвенція 1863 года. Русская дипломатія того времени, въ близорукости своей, и не подозрѣвала ничего подобнаго и склонна была видѣть въ этомъ уговорѣ лишь проявленіе искренной дружбы Пруссіи и желаніе ея помочь и угодить намъ. На этомъ ложномъ взглядѣ построена была вся дальнѣйшая политика ея въ прошедшее царствованіе при полномъ забвеніи великой политической истины, высказанной четыре столѣтія назадъ глубокимъ итальянскимъ мыслителемъ Маккіавелли: „Кто содѣйствуетъ усиленію сосѣда, устрояетъ самъ себѣ погибель".

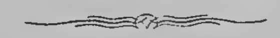
Съ тѣхъ поръ пробужденіе русскаго самосознанія и уясненіе его путемъ тщательнаго изученія современныхъ историческихъ вопросовъ измѣнило взглядъ русскихъ людей на отношенія Россіи къ Пруссіи. Да не сѣтуютъ на насъ за то наши сосѣди, памятуя слѣдующія слова, сказанныя не кѣмъ инымъ, какъ государственнымъ человѣкомъ, съ такимъ успѣхомъ руководящимъ ихъ внѣшнею политикою, слова, которыя не мѣшало бы затвердить наизусть и русскимъ дипломатамъ:

---

[1]) Кнезебекъ барону Штейну, 16 (28) сентября 1884 г.

„Союзы великихъ государствъ, писалъ Бисмаркъ бар. Мантейфелю (27 ноября 1854 г.), тогда лишь имѣютъ цѣну, когда ими запечатлѣвается выраженіе дѣйствительныхъ обоюдныхъ интересовъ, и никакія условія и соображенія не могутъ замѣнить отсутствіе доброй воли и свободнаго энергическаго содѣйствія, если одна изъ сторонъ сознаетъ, что союзъ выгоденъ лишь для другой стороны и что съ нею поступаютъ недобросовѣстно“.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Неизданныя письма Гоголя и Жуковскаго.

Въ 1847 году вышли въ свѣтъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ Гоголя. Всѣмъ извѣстны исторія появленія этой книги и споры, ею вызванные въ литературѣ. По поводу „Переписки“ возникъ также оживленный обмѣнъ мыслей между Гоголемъ и его друзьями. Одному изъ первыхъ, экземпляръ книги былъ посланъ Жуковскому, который всегда былъ искреннимъ цѣнителемъ дарованія Гоголя, но въ то же время и строгимъ его судьею.

Книга была прочтена Жуковскимъ съ жадностью. „Я не намѣренъ теперь писать много“—спѣшилъ онъ сообщить Гоголю свое о ней мнѣніе [1])—„Хочу только сказать, что твоя книга теперь въ моихъ рукахъ, что я уже ее всю прочиталъ или почти всю, то-есть, кромѣ двухъ послѣднихъ статей уже мнѣ извѣстныхъ [2]), что я въ ней нашелъ два письма ко мнѣ [3]), которыя сдѣлали большой крюкъ въ Петербургъ, дабы изъ типографіи департамента внѣшней торговли [4]) дойти до меня въ печатномъ образѣ, что я все

---

[1]) Изъ неизданнаго письма Жуковскаго къ Гоголю отъ (6/18) февраля 1847 года.

[2]) Изъ одного письма Жуковскаго къ Гоголю видно, что еще до появленія въ печати „Переписки“ Гоголь познакомилъ Жуковскаго съ нѣкоторыми ея частями, именно съ *Предисловіемъ и Завѣщаніемъ*. Теперь оказывается, что Жуковскій былъ уже ранѣе знакомъ, кромѣ того, съ слѣдующими статьями „Переписки“: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенности“, (гл. XXXI) и „Свѣтлое Воскресеніе“ (гл. XXXII).

[3]) Именно: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ и „Просвѣщеніе“. Оба письма помѣчены 1846 годомъ.

[4]) Типографія, въ которой печаталась книга Гоголя.

это прочиталъ съ жадностію, часто съ живымъ удовольствіемъ, часто и съ живою досадою на автора, который (вопреки своему прекрасному разсужденію о томъ, что такое слово) [1]) самъ согрѣшилъ противъ слова, позволивъ нѣкоторымъ мѣстамъ изъ своей книги (отъ спѣха выдать ее въ свѣтъ) явиться въ такомъ неопрятномъ видѣ, что, наконецъ, эта книга должна произвести и произведетъ всеобщее сильное и благотворное дѣйствіе, что я намѣренъ ее перечитать медленно въ другой разъ, и что, по мѣрѣ чтенія, буду писать къ автору все, что придетъ въ голову о его мысляхъ или по поводу его мыслей, что эта переписка можетъ также составить книгу, которая, если подлинно будетъ въ ней что-нибудь достойное общаго вниманія, можетъ выйти вслѣдъ за первою и вмѣстѣ съ нею пробудить въ головахъ русскихъ также нѣсколько добрыхъ мыслей.—И такъ, Гоголекъ, жди отъ меня длинныхъ писемъ; я дамъ волю перу своему и напередъ не дѣлаю никакого плана... Ты напередъ долженъ знать, что я на многое изъ твоей книги буду дѣлать нападки (то-есть нападки любви къ тебѣ и къ добру, которое мы оба любимъ); но эти нападки будутъ болѣе на форму, нежели на содержаніе. Горе и досада беретъ, что ты такъ поспѣшилъ. И на что была нужна эта поспѣшность, понять не могу. Еслибы вмѣсто того, чтобы скакать въ Неаполь, ты мѣсяца два провелъ со мною во Франкфуртѣ, мы бы все вмѣстѣ пережевали, и книга бы была избавлена отъ многихъ пятенъ литературныхъ и типографскихъ, которыхъ теперь съ нея не снимешь".

Извѣстіе о намѣреніи Жуковскаго писать письма по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями" и впослѣдствіи ихъ напечатать было встрѣчено Гоголемъ съ живѣйшею радостью[2]). Приняться за скорое исполненіе своего обѣщанія помѣшала Жуковскому кончина его свояченицы, Miss Рейтернъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого горестнаго событія онъ сталъ излагать Гоголю свои мысли о смерти въ письмѣ, начатомъ 20 февраля (4 марта) 1847 года. „Это письмо цѣлые двадцать дней пролежало на письменномъ столѣ моемъ; мнѣ некогда было приняться за его окончаніе,

---

[1]) Глава IV „Переписки".
[2]) Письмо Гоголя къ Жуковскому изъ Неаполя, отъ 6 марта 1847 года.

не хотѣлось послать его не оконченнымъ. Наконецъ, я долженъ былъ рѣшиться на послѣднее, прибавивъ: продолженіе впредь"—читаемъ въ припискѣ (отъ 12 (24) марта) Жуковскаго къ этому письму [1])—„Этимъ отрывкомъ, который въ слѣдующемъ письмѣ составитъ цѣлое, начинается моя съ тобою переписка по поводу избранныхъ мѣстъ изъ твоихъ писемъ. Что буду тебѣ писать, еще теперь не знаю, да и знать этого мнѣ не нужно; буду писать, что напишется, смотря по тому, что и какъ и когда взойдетъ на мысль при чтеніи книги". Но продолженіе своихъ замѣчаній на книгу Гоголя Жуковскій послалъ ему лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Это извѣстное въ печати письмо къ Гоголю „о молитвѣ", написанное по поводу одного мѣста предисловія къ „Перепискѣ" [2]). „Я обѣщалъ присылать тебѣ замѣчанія на твою книгу—и остался до сихъ поръ при одномъ обѣщаніи; съ того времени прошелъ почти годъ"—пишетъ Жуковскій Гоголю—„Приступая, наконецъ, къ исполненію обѣщанія, повторяю сказанное мною тогда, что я намѣренъ писать не критику на твою книгу, а только то, что будетъ мнѣ приходить случайно въ мысли по поводу твоихъ мыслей; иногда, само собою разумѣется, придется сказать слова два pro или contra о содержаніи самой книги, сдѣлать критическую придирку и пр.... Живучи заграницею и не получая нашихъ журналовъ, я не могъ знать, что было въ нихъ напечатано о твоей книгѣ; читалъ одну прекрасную статью князя Вяземскаго [3]), въ которой, не осыпая тебя притворными похвалами, но и не скрывая слабыхъ сторонъ твоихъ, онъ такъ мужественно, такъ трогательно защищаетъ и твое произведеніе, и твой характеръ противъ нападковъ несправедливости. Но чтеніе этой статьи заставило меня заключить, что тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣломъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить

---

[1]) Это доселѣ не было напечатано.

[2]) См. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 83—92. Письмо это, писанное въ 1847 году (ранѣе печатаемаго ниже письма Гоголя къ Жуковскому отъ 29 декабря 1847 года), ошибочно отнесено въ печат. изданіи къ 1848 году.

[3]) Извѣстная статья князя П. А. Вяземскаго „Языковъ. Гоголь", напеч. въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1847 года, №№ 90 и 91.

твое *Завѣщаніе* и многое переправить въ твоемъ *Предисловіи*" [1]).

Дѣйствительно, большинство тогдашней критики отнеслось къ „Переепискѣ" весьма неблагосклонно. Гоголь, какъ видно изъ напечатанныхъ его писемъ, слѣдилъ съ большимъ интересомъ за отзывами критики объ его произведеніи и принималъ ихъ близко къ сердцу. Неуспѣхъ книги причинилъ Гоголю разочарованіе. Справедливость нѣкоторыхъ нападковъ онъ не могъ не сознавать. Особенно тяжелы ему были высказывавшіяся опасенія, что онъ потерянъ для искусства. „Я не могу понять, отчего поселилась эта нелѣпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства", писалъ онъ С. П. Шевыреву въ апрѣлѣ 1847 года [2]). Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года онъ пишетъ П. А. Плетневу: „Готовлю небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства,—то есть, въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное. Въ немъ скажу, чѣмъ я почитаю искусство, что я хотѣлъ сдѣлать съ даннымъ мнѣ на долю искусствомъ, развивалъ ли я точно самого себя изъ данныхъ мнѣ матеріаловъ, или хитрилъ и хотѣлъ переломить свое направленіе..." [3]) Слова эти, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду „Авторскую исповѣдь"; но отъ конца 1847 года мы имѣемъ „повѣсть" Гоголя о своемъ писательствѣ и его мысли объ искусствѣ, изложенныя еще въ обширномъ письмѣ его къ Жуковскому, который съ такою искренностью отозвался на его книгу. Вотъ это, остававшееся доселѣ неизданнымъ, письмо Гоголя [4]).

---

[1]) Какъ видно изъ дальнѣйшихъ строкъ письма, *Завѣщаніе* и *Предисловіе* къ „Перепискѣ" Гоголь читалъ Жуковскому ранѣе напечатанія своей книги (Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 84).

[2]) Письмо Гоголя къ Шевыреву изъ Неаполя отъ 27 апрѣля 1847 года.

[3]) Письмо Гоголя къ Плетневу изъ Франкфурта отъ 10 іюня 1847 года.

[4]) Какъ это письмо Гоголя, такъ и неизданныя письма къ нему Жуковскаго, выдержки изъ которыхъ приводятся въ настоящей замѣткѣ, сохранились въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Неаполь. 1848 генваря 10. / 1847 декабря 29.

„Виноватъ передъ тобой, душа моя! Всякой день собираюсь писать—и непостижимая *неохота* удерживаетъ. Передо мной опять Неаполь, Везувій и море! Дни бѣгутъ въ занятіяхъ; время летитъ такъ, что не знаешь, откуда взять лишній часъ. Учусь, какъ школьникъ, всему тому, чему пренебрегъ выучиться въ школѣ. Но что разсказывать объ этомъ! Хотѣлось бы поговорить о томъ, о чемъ съ однимъ тобой могу говорить: о нашемъ миломъ *искусствѣ*, для котораго живу и для котораго учусь теперь, какъ школьникъ. Такъ какъ теперь предстоитъ мнѣ путешествіе въ Іерусалимъ, то хочу тебѣ исповѣдаться; кому же, какъ не тебѣ? Вѣдь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грѣхи здѣсь. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полъ-дороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаньемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ!.. Что насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства.

„Не мое дѣло рѣшить, въ какой степени я поэтъ; знаю только то, что, прежде чѣмъ понимать значенье и цѣль искусства, я уже чувствовалъ чутьемъ всей души моей, что оно должно быть свято. И едва-ли не со времени этого перваго свиданья нашего оно уже стало *главнымъ* и *первымъ* въ моей жизни, а все прочее *вторымъ*. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давалъ себѣ отчета (да и могъ ли тогда его дать), что должно быть предметомъ моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственныя обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось какъ бы независимо отъ моего собственнаго (свободнаго) произволенія. Никогда, напримѣръ, я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ и смѣшить моихъ читателей. Правда, что, еще бывши въ школѣ, чувствовалъ я временами расположенье къ веселости и надоѣдалъ товарищамъ неумѣстными шутками. Но это были временные припадки;

вообще же я былъ характера скорѣй меланхолическаго и склоннаго къ размышленію. Впослѣдствіи присоединилась къ этому болѣзнь и хандра. И эти-то самыя болѣзнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась въ моихъ первыхъ произведеніяхъ. Чтобъ развлекать самого себя, я выдумывалъ безъ дальнѣйшей цѣли и плана героевъ, ставилъ ихъ въ смѣшныя положенія—вотъ происхожденіе моихъ повѣстей! Страсть наблюдать за человѣкомъ, питаемая мною еще съизмала, придала имъ нѣкоторую естественность; ихъ даже стали называть вѣрными снимками съ натуры. Еще одно обстоятельство: мой смѣхъ вначалѣ былъ добродушенъ, я совсѣмъ не думалъ осмѣивать что-либо съ какой-нибудь цѣлью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышалъ, что обижаются и даже сердятся на меня цѣликомъ сословія и классы общества, что я наконецъ задумался. „Если сила смѣха такъ велика, что ея боятся, стало быть ее не слѣдуетъ тратить по-пустому". Я рѣшился собрать все дурное, какое только я зналъ, и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться—вотъ происхожденіе „Ревизора"! Это было первое мое произведеніе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что впрочемъ не удалось: въ комедіи стали видѣть желанье осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленье нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка. Представленье „Ревизора" произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Я былъ сердитъ и на зрителей, меня не понявшихъ, и на себя самого, бывшаго виной тому, что меня не поняли. Мнѣ хотѣлось убѣжать отъ всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшаго своего дѣла. Уже давно занимала меня мысль *большаго сочиненья*, въ которомъ бы предстало все, что ни есть и хорошаго, и дурнаго въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы предъ нами виднѣй *свойство* нашей русской природы. Я видѣлъ и обнималъ порознь много частей, но планъ цѣлаго никакъ не могъ предо мной выясниться и опредѣлиться въ такой силѣ, чтобы я могъ уже приняться и начать писать. На всякомъ шагу я чувствовалъ, что мнѣ многаго недостаетъ, что я не умѣю еще ни завязывать, ни развязывать событій и что мнѣ нужно выучиться постройкѣ большихъ твореній у великихъ мастеровъ. Я принялся за нихъ, начиная съ нашего любезнаго Гомера. Уже мнѣ показалось было, что я начинаю кое-что понимать и пріобрѣтать даже ихъ пріемы и замашки,—а способность творить все не воз-

вращалась. Отъ напряженья болѣла голова. Съ большими усиліями удалось мнѣ кое-какъ выпустить въ свѣтъ первую часть „Мертвыхъ Душъ", какъ бы затѣмъ, чтобы увидѣть на ней, какъ я былъ еще далекъ отъ того, къ чему стремился. Послѣ этого нашло на меня вновь безблагодатное состояніе. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы— и ничего не выходило. Я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня. И вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянія оторвали меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту: къ наблюденью внутреннему надъ человѣкомъ и надъ *душой человѣческой*. О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это познаніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ-то пути поневолѣ встрѣтишься *ближе* съ Тѣмъ, Который одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познанье души человѣческой; Божественность Котораго еслибы даже и отвергнулъ міръ, то ужъ этого послѣдняго свойства никакъ не въ силахъ отвергнуть, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сдѣлается уже не *слѣпъ*, а просто *глупъ*. Этимъ крутымъ поворотомъ, происшедшимъ не отъ моей воли, наведенъ я былъ заглянуть глубже въ душу вообще и узнать, что существуютъ ея высшія степени и явленія. Съ этихъ поръ способность творить стала пробуждаться, живые образы начинаютъ выходить ясно изъ мглы, чувствую, что работа пойдетъ, что даже и языкъ будетъ правиленъ и звученъ, а слогъ окрѣпнетъ. И можетъ быть будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно во слѣдъ за твоей, примолвивши: оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга. Выпускъ книги „Переписка съ друзьями", съ которою (отъ радости, что расписалось перо) я такъ поспѣшилъ, не подумавши, что прежде, чѣмъ принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею съ толку многихъ, пришелся въ пользу мнѣ самому. На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянья общества, попадаетъ почти всякой идущій впередъ человѣкъ. Не смотря на пристрастье сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсуж-

деньями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопросъ: могъ ли бы я безъ этого большаго крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученье? Какъ изображать людей, если не узналъ прежде, что такое *душа человѣческая?* Писатель, если только онъ одаренъ творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь прежде, какъ человѣкъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо! Иначе все будетъ не впопадъ. Что пользы поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противуположнаго прекраснаго человѣка. Какъ выставлять недостатки и недостоинство человѣческое, если не задалъ самому себѣ запроса: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Какъ осмѣивать исключенья, если еще не узналъ хорошо тѣ правила, изъ которыхъ выставляешь на видъ исключенья. Это будетъ значить разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушенье. Въ искусствѣ таятся сѣмена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и въ тѣ времена, когда все было невѣжественно. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сихъ поръ понятіе общества объ искусствѣ, всѣ однакоже говорятъ: искусство есть примиренье съ жизнью. Это правда. Истинное созданье искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокоивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается въ сердцѣ движенье негодованья противу брата, но скорѣе въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату; и вообще не устремляешься на *порицанье* дѣйствій другаго, но на *созерцанье* самого себя. Если же созданье поэта не имѣетъ въ себѣ этого свойства, то оно есть одинъ только благородный, горячій порывъ, плодъ временнаго состоянья автора. Оно останется какъ примѣчательное явленье, но не назовется созданьемъ искусства. Подѣломъ. Искусство есть примиренье съ жизнью!

„Искусство есть водворенье въ душу стройности и порядка, а не смущенья и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это *живые люди*, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы,

Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя *народныя* наши качества и свойства, не выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены, такъ вѣрно, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и загорѣлся бы желаньемъ развить и возлелѣять въ себѣ самомъ то, что имъ заброшено и позабыто. Искусство должно выставить намъ всѣ дурныя наши народныя качества и свойства такимъ образомъ, чтобы слѣды ихъ каждый изъ насъ отыскалъ прежде въ себѣ самомъ и подумалъ бы о томъ, какъ прежде съ самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и такимъ образомъ дѣйствуя, искусство исполнитъ свое назначенье и внесетъ порядокъ и стройность въ общество!

„И такъ, благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть достойнымъ сколько-нибудь того), хочу заняться крѣпко „Мертвыми Душами". Съѣзжу въ Іерусалимъ (чего стало даже и совѣстно не сдѣлать); поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее; помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы, и съ Богомъ за дѣло. Очень, очень бы хотѣлось, чтобы привелъ Богъ насъ опять пожить вмѣстѣ, въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга. Перечитывать написанное и быть судьей другъ другу теперь будетъ еще больше нужно, чѣмъ прежде. Затѣмъ отъ всей души поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ былъ онъ намъ обоимъ очень, очень плодотворенъ, плодотворнѣе всѣхъ прошедшихъ. Прощай, мой родной! Цѣлую тебя и обнимаю крѣпко. Пиши ко мнѣ. Твое письмо еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Раньше февраля я не думаю подняться.

„Обнимаю все твое милое семейство вмѣстѣ съ Рейтернами".

Твой Г.

„Если письмо это найдешь не безъ достоинства, то прибереги его. Его можно будетъ при второмъ изданіи „Переписки" поставить впереди книги на мѣсто Завѣщанія, имѣющаго выброситься, а заглавье дать ему: *Искусство есть примиреніе съ жизнью.* (Гоголь думалъ издать впослѣдствіи „Переписку" въ исправленномъ и дополненномъ видѣ (его письмо къ Плетневу, отъ 10 іюня 1847 года, въ Сочин. и перепискѣ Н. В. Гоголя). Его предположенія, какъ извѣстно, не осуществились).

„Все хочу спросить и все забываю: есть ли у тебя латынской надстрочный переводъ Одиссеи, напечатанный недавно въ Парижѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ. Весьма красивое изданіе. Весь Гомеръ въ одномъ томѣ, въ большую осьмушку, editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846. Мнѣ онъ показался весьма удовлетворительнымъ и для тебя полезнѣйшимъ прочихъ.

„Адресъ мой: въ Неаполь, poste restante, или еще лучше въ hôtel de Rome, а чтобъ не попало письмо въ городъ Римъ, слово Неаполь нужно выставить позамѣтнѣй".

Гоголь съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣтнаго письма. Долгое молчаніе Жуковскаго его безпокоило. „Я не имѣю до сихъ поръ еще отвѣта ни на длинное мое письмо изъ Неаполя, ни на письмо изъ Іерусалима", писалъ онъ Жуковскому изъ Байрута въ началѣ апрѣля 1848 года [1]). Между тѣмъ отвѣтъ Жуковскаго на „прекрасное, трогательное" письмо Гоголя былъ написанъ давно, еще 29 января [2]), но только не отправленъ прямо къ Гоголю. „Я не отвѣчалъ тебѣ на твое длинное послѣднее письмо, заключающее въ себѣ твою и вмѣстѣ съ твоею мою литературную исповѣдь",—писалъ Жуковскій Гоголю [3]) въ отвѣтъ на письмо послѣдняго изъ Іерусалима—„правильнѣе сказать, я не послалъ тебѣ моего отвѣта, ибо не полагалъ, что онъ тебя застанетъ въ Неаполѣ; но отвѣтъ написанъ; я послалъ его въ Москву къ Елагиной, дабы она передала его Шевыреву для напечатанія въ „Москвитянинѣ". Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, если на то воля Божія, увидѣться съ тобою въ Россіи въ концѣ нынѣшняго года. (Болѣзнь жены, а затѣмъ болѣзнь самого поэта помѣшали ему, какъ извѣстно, возвратиться на родину). Если Богъ дастъ жизни, то мы можемъ еще рука въ руку пройти по одной дорогѣ, имѣя предъ глазами цѣль высокую и святую, для пользы души нашей, а съ нею и для пользы нашего отечества". Письмо Жуковскаго было напечатано въ четвертомъ нумерѣ „Москвитянина" за 1848 годъ,

---

[1]) Письмо Гоголя къ Жуковскому отъ 6 апрѣля 1848 года (Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, томъ 6-й, стр. 456).

[2]) „Прекрасное, трогательное письмо твое застало меня за твоею книгою; я былъ занятъ *прикрѣпленіемъ* къ бумагѣ нѣкоторыхъ мыслей, которыя бродили въ головѣ при чтеніи твоей статьи: *о томъ, что такое слово;* твое письмо пришло кстати: оно дополняетъ печатную статью—а написанное мною на твое разсужденіе о важности слова будетъ въ то же время и отвѣтомъ на письмо твое"—такъ начинаетъ Жуковскій свое длинное отвѣтное письмо Гоголю (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго. изд. 8-е, т. VI, стр. 92).

[3]) Неизданное письмо Жуковскаго, изъ Ганау, отъ 7 (19) апрѣля 1848 года.

подъ заглавіемъ „О поэтѣ и современномъ его значеніи“. Гоголемъ оно было прочитано уже по его возвращеніи въ Россію, въ Одессѣ. „Оно очень, очень дѣльно“,—писалъ онъ Жуковскому изъ Полтавы въ іюнѣ 1848 года—„понравилось многимъ, а меня освѣжило. Никогда еще такъ вѣрно и такъ прекрасно не было сказано о долгѣ писателя“.

Это письмо въ Сочиненіяхъ Жуковскаго подъ заглавіемъ: Слова поэта—дѣла поэта (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 92—105). У Жуковскаго была мысль издать свои замѣчанія на „Переписку съ друзьями“ Гоголя особую статью. Въ неизданной небольшой запискѣ (безъ означенія времени написанія, но, судя по содержанію, относящейся къ послѣдней трети 1847 года) Жуковскій писалъ Гоголю, между прочимъ, слѣдующее: „Теперь принялся за твою книгу, и если удастся сдѣлать сколько-нибудь путныхъ замѣчаній, то они вмѣстѣ съ написаннымъ прежнимъ будутъ напечатаны подъ титуломъ: *Отрывки изъ писемъ къ Гоголю, писанныхъ къ нему о его книгѣ*“.

И. БЫЧКОВЪ.

МОЛОДЕЖЬ [1].

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

III.

Гриши между тѣмъ давно уже не было въ залѣ. Его счастливое настроеніе исчезло. Весь этотъ блестящій и оживленный міръ преобразился въ его глазахъ, точно онъ повернулся къ нему своей изнанкой. Безсмысленно и пошло звучали въ его ушахъ доходившіе до него обрывки разговоровъ; въ молодомъ смѣхѣ ему слышалась ложь, и всѣ эти улыбающіяся лица точно выдавали ему теперь свои затаенныя, дурныя мысли,—скрытую злобу или страдающее самолюбіе. Въ немъ опять зашевелилось прежнее чувство ненависти къ этому міру. Однако слова Нелли было достаточно, чтобы совершить это превращеніе. Такъ недавно еще, всего два дня тому назадъ, думалось ему, „и мы были съ ней такими друзьями, и вдругъ теперь... Что это? Капризъ избалованной дѣвочки?"... Но онъ не позволитъ ей играть собою такъ своенравно. Въ головѣ молодаго человѣка мигомъ пронесся длинный рядъ чудныхъ воспоминаній,—его объясненіе съ Нелли прошлой весной въ ея комнатѣ, и встрѣча въ Гейдельбергѣ, и вся прелестная близость, установившаяся съ тѣхъ поръ между ними. И онъ сказалъ себѣ, почти утѣшенный этими воспоминаніями, что такія отношенія не можетъ испортить какая-нибудь мимолетная причуда. Онъ слишкомъ твердо вѣрилъ въ чувство Нелли, чтобы

[1]) См. „Русск. Вѣстн.", кн. X.

позволить себѣ въ ней усомниться. Но тѣмъ страннѣе, тѣмъ непростительнѣе ея поведеніе въ этотъ вечеръ. Какъ разъ потому, что такъ искренно и твердо было его довѣріе къ Нелли, этотъ пустой случай, это доказательство ея вѣтреннаго своенравія оскорбляло въ немъ и чуткую гордость, и всегда пугливую молодую любовь.

Дамы, заговаривавшія съ Гришей въ этотъ вечеръ, должно быть, нашли его очень нелюбезнымъ и скучнымъ. Недовольный собою и другими, готовый на каждомъ выместить свое раздраженіе, онъ угрюмо и молчаливо сновалъ по ярко-освѣщеннымъ заламъ и, наскучивъ этимъ, также угрюмо спустился внизъ въ комнаты молодыхъ Коловратскихъ. Туда молодежь заходила покурить и выпить лишній стаканъ шампанскаго, такъ какъ вверху у буфета приличіе вынуждало къ умѣренности. Тамъ иные господа спасались отъ бальной скуки, или искали убѣжища отъ преслѣдовавшаго ихъ обиднаго неуспѣха. Викторъ, тоже не большой охотникъ до танцевъ, просидѣлъ здѣсь почти весь вечеръ, находя развязную бесѣду въ мужской компаніи куда какъ веселѣй вынужденнаго приличія дамскихъ разговоровъ. Четверо господъ усѣлись за карточный столъ.

— Что, надоѣло съ барышнями любезничать? привѣтствовалъ Гришу Викторъ.—Присядь-ка лучше къ намъ, да выпей шампанскаго. Или хочешь, можетъ быть, за зеленымъ сукномъ счастья попытать? Но Гриша отказался и отъ шампанскаго, и отъ зеленаго сукна, и молча усѣлся поодаль отъ прочихъ.

— Что ты такъ раскисъ, Лева? спрашивалъ Викторъ у младшаго Албанова, блестящаго кавалергардскаго офицера, за которымъ онъ явно ухаживалъ.

— Да поневолѣ раскиснешь, зѣвая, отвѣтилъ тотъ, когда приходится до трехъ часовъ здѣсь отплясывать, а завтра у насъ въ девять ученіе. Чортъ меня дернулъ на мазурку пригласить эту глупую дѣвчонку, младшую Варенцову. Хотѣлъ увернуться, да не тутъ-то было.

— Чего ты жалуешься, ввернулъ другой молодой человѣкъ изъ начинающихъ. Прелесть, что-за дѣвочка.

— Фу, какая тамъ прелесть! вся въ мать. Слова не скажетъ безъ ужимки. Да я этихъ подростковъ терпѣть не могу.

— Ну нѣтъ, по-моему напротивъ, сказалъ, улыбаясь своими масляными глазами, баронъ Максъ Венгернъ и пустился беззастѣнчиво объяснять, почему именно нравятся ему подростки. Говорилъ онъ это необыкновенно лѣнивымъ

тономъ, совсѣмъ не подходившимъ къ его скромнымъ словамъ. — Одна тутъ особенно есть, совсѣмъ еще новенькая, Соня Винклеръ... И онъ пустился восхвалять ея достоинства, какъ будто онъ говорилъ о статьяхъ красивой верховой лошади.

— Берегись, Венгернъ, остановилъ его Албановъ,—вѣдь это его пассія... И онъ головою указалъ на Виктора.

— Говорите, что угодно, обязательно вставилъ Викторъ. Я, господа, не ревнивъ.

Но въ другомъ концѣ комнаты принцъ Эрнстъ Голштейнъ-Брейтенбурскій вполголоса разсказывалъ троимъ господамъ какую-то очень пряную исторію, вызывая съ ихъ стороны подобострастныя усмѣшки. Особенно старался по этой части господинъ Порогинъ, видимо обрадованный случаемъ бесѣдовать съ высокопоставленнымъ лицомъ.

Вошли еще нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Границынъ, обтиравшій платкомъ свой вспотѣвшій лобъ. Всѣ они точно были отпущены на отдыхъ послѣ тяжелой работы и принялись отводить душу, развязно перебирая бѣдненькихъ барышень, которымъ за пять минутъ передъ тѣмъ, вѣроятно, расточали любезности.

— Господа, говорилъ Петя Стрешневъ, глядѣвшій очень самоувѣренно, не смотря на свои двадцать лѣтъ и едва пробивавшіеся усики, — кому изъ васъ могъ бы я спустить свою даму на мазурку? Не найдется ли охотникъ? А мы тамъ сочинимъ какой-нибудь предлогъ. Право, выручите.

— Смотря по тому, съ кѣмъ ты танцуешь, отвѣтилъ кто-то.

— Съ Машей Загариной.

— И тебѣ не грѣшно? Вѣдь она премилая... И умненькая такая.

Маша Загарина, выѣзжавшая третій годъ, была одна изъ самыхъ блестящихъ дѣвушекъ, за которою всѣ ухаживали, хотя жениться на ней не собирались, потому что приданое ея было очень загадочнаго свойства.

— Ну, ужь эти мнѣ умницы! лѣниво отозвался Петя Стрешневъ.—Съ ними всего хуже. Надо себѣ голову ломать, подходящій разговоръ придумать. Мочи нѣтъ просто. Да и хотѣлось бы улизнуть поскорѣе.

Господинъ Порогинъ, у котораго не было дамы на мазурку, обязательно предложилъ свои услуги.

— Нѣтъ ужь батюшка, извините, не берусь, захохотавъ, отвѣтилъ на это Стрешневъ.

Господинъ Порогинъ былъ изъ числа тѣхъ незавидныхъ кавалеровъ, съ которыми всѣ избѣгали танцовать.

— Не понимаю, заговорилъ опять баронъ Венгернъ,— чего это вы всѣ отъ барышень открещиваетесь, точно съ ними, право, ни про что говорить нельзя. Очень даже можно. Послѣднее время на этотъ счетъ большая перемѣна. Коли правду сказать, мы передъ ними робѣемъ гораздо болѣе, чѣмъ онѣ передъ нами.

И Венгернъ тутъ же разсказалъ, какія невозможныя вещи онъ обыкновенно говоритъ молодымъ дѣвушкамъ.— Повѣрьте мнѣ, добавилъ онъ,—съ тѣми изъ насъ, кто скромничаетъ и приличіе соблюдаетъ, имъ просто скука смертельная.

Ему стали поддакивать и посыпались разсказы, одинъ другаго хуже. Даже всегда сдержанный Границынъ, любимецъ маменекъ и строгій хранитель старинныхъ правилъ, не отставалъ отъ другихъ.

— Воображаю, сказалъ онъ между прочимъ,—какъ всѣ сегодня повели атаку на Двинскаго. Я видѣлъ, что-за жадные взгляды на него устремились, едва онъ вошелъ.

— А что, спросилъ Лева Албановъ,—совсѣмъ кончена эта его исторія съ Мери Столѣпиной? Разошлись?

— Давнымъ давно, отвѣтилъ Стрешневъ.—Неужели ты не зналъ? Она разомъ и съ мужемъ, и съ любовникомъ разсталась и вотъ почему...

Всѣ разомъ замолкли, увидѣвъ входившаго Юрія.

— Князь, присядьте здѣсь—обязательно предложилъ ему свое мѣсто господинъ Порогинъ, такъ какъ всѣ стулья были заняты.

— Благодарю васъ, я умѣю стоять, холодно отозвался Двинскій.

Разговоры какъ-то затихли, и Границынъ, бросивъ докуренную папироску, объявилъ, что ему надо идти, потому что сейчасъ начнется мазурка. Прерванная бесѣда возобновлялась урывками, вспыхивая и снова потухая, а потомъ опять пошелъ перекрестный огонь тяжелыхъ остротъ и пряныхъ анекдотовъ. Вдругъ сверху раздались первые звуки мазурки и съ явною неохотой, какъ школьники, которыхъ зовутъ на урокъ, военные ухватились за свои каски и потянулись на верхъ.

— Что, Гриша, спросилъ у пріятеля Двинскій,—не танцуешь? Ну, такъ знаешь что: поѣдемъ-ка да отъужинаемъ вмѣстѣ. У меня есть о чемъ съ тобою потолковать.

Между тѣмъ въ маленькой уборной, гдѣ нѣсколько ба-

рышень собралось передъ самымъ началомъ мазурки, тоже шла оживленная бесѣда. И крѣпко бы удивились молодые люди, такъ самоувѣренно разсуждавшіе въ курильной, еслибы имъ довелось услыхать, что говорилось тамъ про нихъ, какой немилосердой оцѣнкѣ подвергали ихъ скромныя дѣвическія уста. Вдали отъ мужскихъ глазъ и отъ надзора маменекъ, благовоспитанныя, чинныя барышни какъ-бы преобразились. Ничто не ускользало отъ ихъ зоркой наблюдательности и безпощаднаго ихъ суда, и досталось бы имъ отъ мамашъ, еслибы дочкамъ въ ихъ строгомъ присутствіи вздумалось высказать хоть сотую долю того, что такъ свободно говорилось здѣсь.

— Нѣтъ, Маша, какъ хочешь, говорила Машѣ Загариной старшая изъ Варенцовыхъ, Lise,—а этотъ Лева Албановъ совершенно невозможенъ. Онъ и смотритъ-то на васъ, точно честь вамъ особую дѣлаетъ, и все оттого, что избаловали его, что отъ любой глупости, какую онъ скажетъ, сейчасъ смѣются.... А какъ бы я его проучила, еслибъ онъ позволилъ себѣ со мной обращаться, какъ сегодня съ тобой.

— Въ томъ-то и бѣда, что онъ съ тобой никогда не говоритъ, моя милая, холодно возразила Маша Загарина.

— Очень мнѣ нужно, принимая необыкновенно развязную позу и протягивая впередъ ноги, совершенно какъ дѣлала это ея мамаша, возразила Lise, презрительно встряхивая узкими плечиками.—Какое мнѣ дѣло, что онъ имѣетъ успѣхъ у этой несносной графини Tata! Или отъ того онъ становится умнѣе, что у него первый парадёръ въ полку и что онъ каждый вечеръ торчитъ въ балетѣ, когда танцуетъ... И она тутъ же назвала одну изъ балетныхъ звѣздъ, ради которой Албановъ, какъ всѣ это знали, запутывался въ неоплатные долги. Такъ выражалась та самая Lise, которая въ присутствіи матери всегда была вытянута въ струнку и чинно молчала.

— А я вотъ что хотѣла бы знать, заговорила въ свою очередь Вѣрочка Шумилина, маленькая брюнетка съ острымъ носикомъ и пухлыми губками,—кому достанется Двинскій? Онъ вѣдь свободенъ теперь. Она помѣстилась на ручкѣ кресла, на которомъ сидѣла Нелли, и, обвивъ ея шею рукой, быстро зашевелила ножкой, выглядывавшей изъ подъ платья.—Нелли, мой другъ, ты замѣтила, какъ на него всѣ накинулись, а онъ на всѣхъ смотрѣлъ такъ холодно, какъ-будто все ему давнымъ давно пріѣлось. Просто неприлично, что за апломбъ даютъ деньги. Нелли, которая

была очень не въ духѣ, едва проронила короткій отвѣтъ:— Тутъ не однѣ деньги, моя милая.

— Мнѣ князь Юрій не нравится, надувъ губки, сказала Lise.

— Это равнодушіе, эта манера говорить съ вами, едва удостоивая васъ взгляда, все это надуто и натянуто. Une pose.

— Онъ вамъ не нравится, должно быть, отчеканила ей Вѣрочка,—по той же причинѣ, какъ и Албановъ... Очень хорошо знали, что княгиня Варенцова давно старается уловить Юрія въ свои материнскія сѣти.

— По-моему, живо продолжала Вѣрочка, — Двинскій напротивъ и уменъ, и оригиналенъ. Я, какъ видите, не нахожу, что зеленъ виноградъ. Вѣрочка была совершенная безприданница и потому не считалась невѣстой, а стало быть могла явно высказывать свои симпатіи.

— Съ Двинскимъ, по крайней мѣрѣ, сказала другая барышня, Ольга Тушина, чрезвычайно положительная особа, выѣзжавшая уже не первый годъ,—можно быть покойной на счетъ его состоянія. Это не то, что иные господа, напримѣръ, Стрешневъ, или баронъ Венгернъ.

— Венгернъ богатъ, вставила Маша Загарина.

— Какой, помилуйте! онъ въ прошломъ году—какъ-будто вы не знаете?—всю зиму ухаживалъ, и знаете, подъ шумокъ, аккуратно, по-нѣмецки, за маленькой Пальчиковой, въ полномъ убѣжденіи, что дядя дастъ большое приданое, а когда узналъ, что за нею даютъ всего сто тысячъ, отретировался какъ нельзя быстрѣе. И вы увидите, кончится тѣмъ, что онъ на какой-нибудь жидовкѣ женится.

— Что, Кити? Какъ ты запыхалась? увидавъ входившую младшую сестру, спросила Лиза Варенцова. Кити очень хорошенькая и совсѣмъ молодая еще дѣвушка, вошла, вся раскраснѣвшись, съ глазками, разбѣгающимися отъ веселья, и долго не могла справиться съ овладѣвшимъ ею хохотомъ.

— Ну, полно, говори, что случилось.

— Ахъ, Боже мой, такъ смѣшно... Ко мнѣ подходитъ толстенькій этотъ статскій, Басмановъ, и хочетъ меня пригласить на туръ вальса... она опять залилась хохотомъ— какъ вдругъ высокій этотъ гусаръ, баронъ Фризенъ, который всегда танцуетъ такъ, какъ-будто кромѣ него никого въ залѣ нѣтъ, толкнулъ его въ бокъ локтемъ со всего размаху, да такъ, что Басмановъ и своей фразы не договорилъ и бацъ на полъ къ моимъ ногамъ.

— Только-то? презрительно сказала Нелли, подымаясь съ мѣста.—Стоитъ изъ-за этого такъ смѣяться.

— Что она такъ не въ духѣ? спросила ей вслѣдъ, когда Нелли вышла, старшая Варенцова.

— У нея нѣтъ кавалера на мазурку, объяснила Маша.

— Какъ, у нея, быть не можетъ!

— Да вотъ, всѣ должно быть такъ и думаютъ и потому ея не приглашаютъ. А она отказала Гришѣ Непрядвину, должно быть потому, что...

— Разсчитывала на кого-нибудь другаго, перебила ее Кити.—Должно быть на Двинскаго. Я видѣла, какъ она вся раскраснѣлась, когда Двинскій вошелъ.

— Какая вы проницательная! сказала Маша Загарина.

— А что, съ кѣмъ онъ танцуетъ мазурку?

— Ни съ кѣмъ. Онъ, кажется, уѣхалъ.

— Стало быть, лотерея безъ большаго выигрыша, разсмѣялась Ольга Тушина, вставая.—Ну, пойдемте; пора.

Всѣ поднялись.

— А что это за исторія про этого Гришу Непрядвина? вполголоса, взявъ подъ руку Машу, спросила у нея Вѣрочка.—Говорятъ, это цѣлый романъ?

— Романъ, только безъ развязки, отвѣтила Маша.—Мнѣ жаль бѣднаго Непрядвина. Она, вѣдь, ни за что за него не выйдетъ. А онъ славный такой.

— Да, не правда ли? живо отвѣтила Вѣрочка.—Такой непринужденный, ничего условнаго...

Сигналъ къ мазуркѣ былъ поданъ. Въ пустую бальную залу, гдѣ пахло свѣжимъ воздухомъ, чинно входили пары, усаживаясь въ длинный пестрый кругъ. Строгое приличіе опять овладѣло всѣми. Всѣ лица выражали опять благовоспитанную любезность и сдержанное оживленіе. Совсѣмъ было забыто, казалось, все то, что говорилось за пять минутъ передъ тѣмъ и въ курильной внизу, и въ маленькой дамской уборной. Приличная свѣтская ложь снова напечатлѣла на всѣхъ лицахъ оффиціальную улыбку. Лишь изрѣдка, кое-гдѣ, сквозь нее прорывался откровенный хохотъ надъ удачной остротой, да скрытая усмѣшка надъ сказанною глупостью. Нелли пришлось танцовать съ Границынымъ. Узнавъ, что у хозяйки дома нѣтъ кавалера, онъ тотчасъ, вѣрный своей роли, предложилъ ей свои услуги, предварительно уладивъ дѣло съ своей прежней дамой, съ которой церемониться не приходилось, такъ какъ она была для него давнѣйшимъ боевымъ товарищемъ: не мало уже лѣтъ оба они подвизались на петербургскихъ балахъ. Нелли

хорошо знала, что, танцуя въ первой парѣ съ дирижеромъ, ей разговаривать не придется, и вся мазурка пройдетъ для нея какъ скучный оффиціальный обрядъ. Но она была этому почти рада. Въ сущности интересовали ее только Гриша и Двинскій. Съ прочими не стоило и дѣлать усилія, чтобы придумывать какой-нибудь предметъ для разговора. И Нелли выдержала свою роль какъ нельзя лучше. Она, казалось, вся дышала привѣтливою веселостью, ловко и граціозно выдѣлывая сложныя фигуры, придумываемыя Границынымъ. И мазурка цѣлый часъ тянулась какъ красивое парадное зрѣлище для глядѣвшихъ на нее маменекъ, столпившихся у дверей, и вся эта молодежь словно разыгрывала выученную роль, до того стройно и чинно сплетались и кружились пары, до того всѣ эти юныя лица, казалось, были чужды всякаго инаго ощущенія, кромѣ приличнаго оффиціальнаго веселья.

IV.

Когда Гриша и Двинскій вышли на улицу, снѣгъ давно пересталъ и съ прояснившагося неба ярко свѣтила холодная зимняя луна, отражаясь въ полузастывшихъ лужахъ. Сани Юрія быстро довезли молодыхъ людей до угла Кирпичнаго переулка и Морской. Въ ресторанѣ, куда они вошли, было шумно и людно, но Юрій, торопливо кивнувъ головой встрѣченнымъ знакомымъ, ни съ кѣмъ не остановился. Въ маленькой отдѣльной комнаткѣ, куда ихъ проворно ввелъ татаринъ, на молодыхъ людей пахнуло ѣдкимъ, тяжелымъ запахомъ ѣды, газа и вина, точно въ душномъ воздухѣ носились еще слѣды недавно оконченнаго ужина. Гадливо озираясь, Юрій быстро растворилъ окно, не слушая татарина, почтительно спрашивавшаго, что̀ ихъ сіятельство пожелаетъ заказать.

— Спроси, что хочешь, нетерпѣливо сказалъ онъ Гришѣ, продолжая смотрѣть на пустынную, освѣщенную мѣсяцемъ улицу, откуда въ комнату вливалась рѣзкая струя морознаго воздуха.—Мнѣ все равно.

— Прикажете стерлядь à la russe? цыплятъ молодыхъ съ свѣжими огурцами? Спаржу? быстро насчитывалъ татаринъ названія блюдъ, думая, можетъ быть, что Гриша, котораго онъ въ лицо не зналъ, самъ не сумѣетъ заказать ужинъ. Но Гриша, которому претила вся эта обстановка ресторана и самая фигура татарина, точно съ какимъ-то презрѣніемъ

навязывавшаго ему дорогія блюда, слегка морщась, отрывисто и повелительно потребовалъ самый простой ужинъ,— бульона и холоднаго росбифа.

— А вино какое прикажете? отретировавшись къ дверямъ, настаивалъ татаринъ, и тутъ же быстрымъ движеніемъ пальцевъ раскрылъ карту винъ, которую держалъ въ рукѣ. — Крюшонъ изволите спросить и краснаго? Есть Шато-Марго 52-го года, ихъ сіятельство всегда пить изволятъ?

— Да чего тамъ спрашивать! обернулся къ нему Юрій, захлопнувъ окно.—Простаго краснаго подай, въ три рубля, да живо.

Татаринъ скрылся, и Юрій, опустившись на стулъ, оперся локтями на бѣлую скатерть, блестѣвшую въ яркомъ свѣтѣ газовыхъ рожковъ.

— Мнѣ съ тобой по-старинному поговорить хочется, началъ онъ, а совсѣмъ не лукулловскій ужинъ заказывать. И замѣтилъ ты это, какъ даже въ самыхъ простыхъ вещахъ люди не хотятъ допустить, чтобы выходили изъ обычной колеи?.. А давненько мы съ тобой такъ не сиживали вдвоемъ, Гриша...

И на лицѣ Юрія было опять то прежнее доброе выраженіе, котораго такъ давно уже не видалъ на немъ Гриша Непрядвинъ.

— Да, милый мой, продолжалъ Двинскій,—только вернешься въ Петербургъ, такъ и пахнетъ на васъ пошлою оффиціальностью, даже въ ресторанахъ, даже въ кутежѣ, точно на все непремѣнно должна быть форма. А чуть появится что-нибудь новое, что подъ эту форму не подходитъ, милый нашъ Петербургъ сейчасъ смотритъ огорошеннымъ. Да, ужь времена чего, кажись, не заурядныя, не казенныя, ни подъ какую мѣрку даже не подходятъ, а здѣсь все старая канитель, точно это не люди, а попугаи какіе-то, которые знаютъ только выученное наизусть. Живой и мысли не услышишь.

— Гриша, да что съ тобой? примѣтивъ вдругъ сосредоточенно-мрачное выраженіе на лицѣ товарища, спросилъ Юрій,—какой ты странный сегодня... Глядишь на меня такъ растерянно, будто ты и не слышишь, что я говорю?

Гриша встрепенулся отъ этихъ словъ и встряхнулъ головой, будто отгоняя упорную докучливую мысль.

— Да, я точно... проговорилъ онъ вполголоса.—Ну, да это ничего, пустяки.

И мрачныя ощущенія, навѣянныя баломъ, въ самомъ

дѣлѣ, теперь показались ему пустяками, чѣмъ-то постыдно-ребяческимъ. Чтó значили его мелкія личныя заботы передъ тревожнымъ общественнымъ вопросомъ, о которомъ говорилъ Юрій?

— Чего ужь, кажется, внушительнѣе, продолжалъ Двинскій, — этой ужасной исторіи во дворцѣ. Есть надъ чѣмъ призадуматься... И что жъ? всколыхнулось, правда, наше болото, встревожилось не на шутку, да больше всего тѣмъ, кажется, что всѣ за свои мѣста боятся и неизвѣстно еще, кого завтра назначутъ. Все будущее страны на волоскѣ, а у нихъ одна забота—угадать, откуда поднимется новое свѣтило, которому надо будетъ поклоняться. А въ сущности, кого бы ни назначили — лучше отъ этого не будетъ; вотъ что скверно.

— Ну, ужь на этотъ счетъ извини, горячо отвѣтилъ Гриша, весь охваченный теперь живымъ интересомъ къ вопросу, поднятому Юріемъ,—съ этимъ я согласиться не могу. Будто у насъ такъ и людей совсѣмъ нѣтъ, и кому бы ни поручить дѣло, все выйдетъ одно и то же, какъ въ крыловскомъ квартетѣ... полно! Это давно избитая клевета на Россію. Напротивъ, — вотъ тебѣ мое глубокое убѣжденіе, — я увѣренъ, что мы стоимъ на порогѣ обновленія. Мы прошли тяжелое время, но испытанія, вѣдь, полезны, и жертвы последнихъ лѣтъ — война съ ея разочарованіями, всѣ эти смуты, убійства, даромъ не пройдутъ, надо только рѣшительно, не колеблясь, бросить старую систему недовѣрчивыхъ полууступокъ и боязливаго преслѣдованія...

Пока говорилъ Гриша, улыбка все яснѣе обрисовывалась на губахъ Юрія.

— И что жъ, по-твоему? остановилъ онъ пріятеля насмѣшливымъ вопросомъ.

— Надо, поднятымъ голосомъ продолжалъ Гриша, и глаза его совсѣмъ разгорѣлись, — надо склонить на свою сторону всю здоровую, разумную часть общества и доставить ей справедливое участіе въ управленіи, и тѣмъ самымъ сдѣлать ее солидарною съ властью, отъ которой она теперь равнодушно отшатывается.

— Такъ вотъ, стало быть, что-за рецептъ ты привезъ изъ своего путешествія! Il faut consulter le pays... Старая пѣсня... А знаешь ты, чтó эта „pays“, то есть, провинція наша, скажетъ, когда спросятъ ея мнѣнія. Во-первыхъ, что мнѣнія она себѣ составить не успѣла, а во-вторыхъ...

Въ эту минуту дверь распахнулась, и татаринъ внесъ бутылку вина и заказанный Гришею ужинъ. Юрій умолкъ, не

досказавъ своей фразы, а слуга, будто нарочно, долго возился у стола, разставляя тарелки и приборы.

— Видишь, мой милый, опять заговорилъ Юрій, когда татаринъ вышелъ,—я вѣдь только-что оттуда, изъ провинціи, и кое-чего наслышался, и вотъ какое я вынесъ оттуда не совсѣмъ пріятное убѣжденіе. У насъ русскихъ есть странная какая-то наклонность къ самозакланію, и кабы нашему провинціальному дворянству,—вѣдь оно въ сущности и есть „le pays" — пришлось бы высылать сюда выборныхъ, эти господа прежде всего самихъ себя, то есть, собственное сословіе, отдали бы на позоръ и на разграбленіе, и притомъ самымъ наивнѣйшимъ образомъ, съ наилучшими намѣреніями. И тѣ самые, кто теперь сладко мечтаетъ о новыхъ порядкахъ, стали бы потомъ раскаиваться, да поздненько...

— Да и я слышалъ кое-что въ этомъ родѣ, отвѣтилъ Гриша, припомнивъ разговоры земскихъ дѣятелей на празднествѣ у Столѣниныхъ,—только не всѣ вѣдь такіе... Большинство все-таки состоитъ изъ разумныхъ людей.

— Конечно, конечно! только разумные люди, къ сожалѣнію, всегда немножко трусливы и на повѣрку-то выходитъ, что они, ради осторожности, готовы сами себѣ подписать смертный приговоръ... Ну, а знаешь что, Гриша, вдругъ добавилъ онъ совершенно инымъ, шутливымъ тономъ:—про политику за ужиномъ право не говорятъ... аппетитъ портитъ, а я кстати проголодался.

Двинскій по-прежнему никакъ не могъ долго о чемъ-нибудь говорить серьезно. Привычка вѣчно иронизировать и надъ собою, и надъ другими, заставляла его заканчивать насмѣшкою каждую высказанную имъ мысль. Да и Гриша вдругъ почувствовалъ, что восторженный тонъ, въ который онъ было ударился, нельзя было долго поддерживать, говоря съ Юріемъ.

— Оставимъ пока заботу о судьбѣ Россіи, продолжалъ Двинскій.—Наши слова вѣдь ей не помогутъ—и скажи мнѣ лучше про себя... да про своихъ тоже.

Насмѣшливая улыбка мигомъ исчезла съ лица Юрія, и опять на немъ показалось то доброе, искреннее выраженіе, которое такъ любилъ на немъ видѣть Гриша. И задушевный тонъ Юрія тотчасъ пробудилъ въ молодомъ человѣкѣ прежнее чувство близости къ товарищу. Стоило Двинскому сбросить съ себя обычную напускную холодность, и онъ сразу подкупалъ въ свою пользу даже нерасположенныхъ къ нему людей, а пробудить къ себѣ чувство въ откровенной, довѣрчивой натурѣ Гриши было куда какъ не трудно.

Юрію захотѣлось провести часъ-другой наединѣ съ товарищемъ, чтобы услыхать отъ него про Наташу. И Гриша понялъ это чутьемъ, хотя имени его сестры Юрій даже не произнесъ. Да говорить о себѣ, не упоминая объ ней, было просто невозможно для Гриши: слишкомъ ужь привыкъ онъ дѣлиться съ нею каждою мыслью, каждымъ впечатлѣніемъ.

— А прошлое лѣто вы опять всѣ провели въ Солнцевѣ? спросилъ вдругъ Юрій.

— Провели, да, только безъ меня. Меня продержали въ министерствѣ до іюля, а потомъ, ты знаешь, Павелъ Александровичъ меня взялъ съ собой... И Гриша принялся описывать свое путешествіе съ сановникомъ, не скрывая своего поклоненія высокому уму Павла Александровича.

— Ну, да, да, я знаю, перебилъ его Двинскій, которому совсѣмъ не про это хотѣлось слышать,—ты все еще въ порѣ увлеченія этимъ фокусникомъ. Можетъ быть потому, что онъ папаша своей дочки... Ну, ну, краснѣть тутъ нечего—это вѣдь не бѣда. Ты мнѣ лучше про Солнцево разскажи. Тамъ все по-старому, конечно?

— По-старому, да. Только потише, чѣмъ въ прошломъ году. Не было тебя и Столѣ... Онъ запнулся на полусловѣ, припомнивъ, что про это совсѣмъ нельзя было говорить въ присутствіи Юрія.—Отчего ты не заглянулъ въ свое Набережное?

— Такъ, нельзя было, нерѣшительно проговорилъ Юрій, глядя куда-то въ сторону, какъ будто передъ его воображеніемъ пронеслись вдругъ дорогіе образы недавняго прошлаго.—Пришлось объѣздить прочія имѣнія отца.

И вдругъ, какъ бы рѣшившись прямо высказаться, онъ добавилъ: да и нельзя вѣдь повторить то, что прошло, оставивъ по себѣ дорогую память. Я не захотѣлъ быть въ Набережномъ просто затѣмъ, чтобы не испортить прежнихъ воспоминаній... Вѣдь могъ ли я знать, найду ли я тамъ все по-старому?...

И глаза Юрія, пристально обращенные на товарища, глаза, въ которыхъ читался тревожный вопросъ, добавили то, что не вполнѣ высказывали его слова. Гриша понялъ его какъ нельзя лучше, и радостная улыбка засвѣтилась на его лицѣ.

— Въ Солнцевѣ, по крайней мѣрѣ, тебѣ были бы попрежнему рады.

— Ты въ этомъ увѣренъ, да?...

— Ну, коли такъ, Гриша, все и теперь можетъ еще

устроиться... Ахъ Гриша, Гриша! вѣдь что ни говори, одно только настоящее и есть на свѣтѣ,—свой домъ, своя семья, и благо тому, у кого было это въ дѣтствѣ и кто потомъ сумѣлъ во-время свить и собственное гнѣздо....

Было уже за три часа, когда пріятели разстались.

„Какой онъ славный и добрый", думалось Гришѣ, пока онъ горячо пожималъ руку Юрія: „Дай ему Богъ счастья, и ей тоже.... Вѣдь отъ нея теперь все зависитъ"... Почему-то однако жъ Гриша крѣпко призадумался, точно онъ не былъ совсѣмъ увѣренъ, осталась ли въ самомъ дѣлѣ его сестра та же, что прежде. Но все-таки радостное чувство такъ и свѣтилось въ немъ, когда онъ ѣхалъ домой по безлюднымъ улицамъ, и совсѣмъ, совсѣмъ было забыто маленькое разочарованіе, причиненное ему Нелли. И петербургская ночь, озаренная луной, тоже казалась ему свѣтлой и радостной. Издали слышался, кстати, топотъ весело скачущей тройки, звонъ бубенчиковъ, чьи-то голоса, громко распѣвавшіе модный цыганскій романсъ. Подгулявшее общество возвращалось съ загородной прогулки. Совсѣмъ беззаботнымъ и счастливымъ казался Гришѣ этотъ ночной Петербургъ съ своимъ лихимъ, безпечнымъ весельемъ, тотъ самый Петербургъ, гдѣ на дняхъ еще совершилось ужасное дѣло и подготовлялось другое, еще болѣе ужасное. Но мысли Гриши всѣ теперь были устремлены впередъ къ счастливому будущему, несомнѣнно ожидавшему и родину его, и семью.

Тотъ, кому улыбнулось счастье, охотно вѣритъ, что свѣтлые дни должны наступить и для всѣхъ....

Подъѣхавъ къ дому, гдѣ жили его родные—это былъ двухъэтажный домъ на Почтамской—онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, думая лишь о томъ, какъ обрадуетъ онъ Наташу, передавъ ей свой разговоръ съ Юріемъ. Каково же было его удивленіе, когда, растворивъ двери въ первую проходную гостиную, онъ засталъ тамъ сестру. Комната не была освѣщена и сквозь высокія окна лишь мѣсяцъ посылалъ въ нее двѣ большія полосы молочнаго свѣта. Одна изъ этихъ полосъ чуть-чуть касалась молодой дѣвушки, озаряя блѣднымъ лучемъ часть ея лица и длинный конецъ ея платья.

Точно призракъ глядѣла она, едва выдѣляясь изъ окружавшей ее темноты, до того неподвижна оставалась она на своемъ креслѣ, до того застывшимъ казалось ея лицо, на которомъ грустно игралъ мѣсячный лучъ.

Наташа давно вернулась съ бала. Но ей не захотѣлось ложиться и, отпустивъ горничную, она, не раздѣваясь, въ своемъ нарядномъ вырѣзномъ платьѣ такъ и осталась въ не-

освѣщенной комнатѣ, вся отдавшись своимъ мечтамъ. Это были, должно быть, не веселыя мечты, судя по выраженію ея лица. Молодая дѣвушка съ какимъ-то наслажденіемъ окунулась въ темноту, любуясь дрожаніемъ луннаго свѣта и словно чувствуя какую-то странную холодную ласку, когда свѣтъ этотъ касался лица ея и обнаженныхъ плечъ. Перчатки она сняла и вмѣстѣ съ вѣеромъ положила возлѣ себя на столъ.

— Какъ, ты не спишь! воскликнулъ Гриша.—Что это за фантазія. Ты давно пріѣхала?

Она будто очнулась, увидавъ брата, но осталась по-прежнему въ своей неподвижности, слегка лишь повернувъ къ нему голову.

— Не знаю, право... Который часъ?

— Да скоро четыре. Больно ужь замечталась. Съ какихъ это поръ, скажи пожалуйста, на тебя сталъ находить этотъ стихъ? Или ужь такъ много интересныхъ впечатлѣній ты привезла съ собою?

Она посмотрѣла на него такъ разсѣянно, что, очевидно, и не разслышала его словъ, а онъ, стоя передъ нею, продолжалъ говорить въ томъ же веселомъ тонѣ, не примѣчая ея далеко не веселаго настроенія.

— Я, во всякомъ случаѣ, привезъ съ собою впечатлѣнія самыя преотличныя... И коли хочешь, могу ихъ тебѣ сейчасъ передать; они кстати тебя касаются.

— Меня? спросила она съ удивленіемъ, теперь только замѣтивъ возбужденно-веселое настроеніе брата.

— Да, да, увидишь, у меня извѣстія для тебя самыя интересныя... Мазурки, ты знаешь, я не танцовалъ. Вышло тамъ маленькое недоразумѣніе. Я разсердился и уѣхалъ.— Да не въ этомъ дѣло... это пустяки, про которые и говорить не стоитъ. Мы отправились ужинать вдвоемъ съ Двинскимъ. Ты, должно быть, примѣтила, что его тоже не было во время мазурки.

— Да, кажется не было.

— Ахъ, съ какимъ равнодушіемъ мы это говоримъ, расхохотался Гриша, покачавъ головой.—Мы, стало быть, тоже умѣемъ притворяться. Ну слушай... И Гриша передалъ сестрѣ слово въ слово весь свой разговоръ съ Юріемъ, все болѣе оживляясь по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ самому интересному пункту—къ послѣднимъ словамъ пріятеля, такъ ясно намекавшимъ на его намѣренія. Гриша, очевидно, разсчитывалъ, что разсказъ его возбудитъ живое уча-

стіе сестры. Но она слушала молча, не выражая ни удивленія, ни радости.

— Что жъ ты, Наташа, спросилъ онъ наконецъ,—будто каменная какая, словно это до тебя и не касается? Вѣдь пойми: все, что мучило тебя, о чемъ ты грустила такъ долго, все это прошло теперь. Юрій твой, твой навсегда. Тебѣ не за что упрекать его, и онъ такой хорошій, славный,—всѣ мы будемъ такъ счастливы... Гриша совсѣмъ не могъ понять, какъ эта его радость не передается сестрѣ. Лицо ея и не дрогнуло отъ его словъ.

— По-твоему, значитъ, отвѣтила она—и горечь чуть-чуть послышалась въ ея голосѣ,—все, что случилось за эти полтора года, должно быть забыто, стерто... Всего этого какъ не бывало, потому только, что князю Двинскому угодно теперь вспомнить про старое.

— Что это, Наташа! пораженный ея словами, возразилъ Гриша, — это въ тебѣ говоритъ гордость? или раздраженіе?

Она встала и вся выпрямилась передъ нимъ.—Ни то, ни другое, тихо отвѣтила она, покачавъ головой.—Я слишкомъ давно про все это забыла, чтобы прошлое вызывало во мнѣ нехорошее чувство. Но именно потому, что я забыла и что я не та уже, что прежде, я не могу, пойми ты это, не могу приказать себѣ вновь почувствовать то, что, признаюсь, я чувствовала тогда.

Гриша всплеснулъ руками.—Ты, стало быть, чего добраго, воскликнулъ онъ,—откажешь ему, если онъ... Да ты съ ума сошла!

— Ахъ, Гриша, Гриша, тихо и грустно промолвила она,—близки мы съ тобой, очень близки, а какъ ты меня плохо понимаешь! Тебѣ все-таки кажется, что для дѣвушки въ моемъ положеніи стать княгиней Двинской—это такое невыразимое счастье, что и задумываться тутъ не о чемъ, и отворачиваться отъ такого счастья,—просто безуміе... А для меня, Гриша, для меня все это, и состояніе, и свѣтскій этотъ блескъ, и знатность не имѣютъ ни малѣйшей цѣны, пойми, ни малѣйшей.

— Но вѣдь онъ самъ, онъ, Юрій,—горячо принялся защищать пріятеля Гриша,—имѣетъ же какую-нибудь цѣну. Онъ уменъ, сердце у него золотое, да ты же его любила наконецъ!

— Любила, да, только совсѣмъ не изъ-за какихъ-нибудь достоинствъ. Вѣдь мы, женщины,—неужели ты и этого не знаешь?—не умѣемъ разбирать человѣка, котораго полю-

били. Ну, а теперь—я готова признать въ немъ и умъ, и, пожалуй, сердце, но все это какъ тебѣ сказать?—все это я признаю совершенно хладнокровно, потому что онъ сталъ для меня чужимъ, чужимъ съ той самой минуты, когда я узнала...

И тутъ Наташа впервые сообщила брату то, что довелось ей разслышать ночью въ Вороновскомъ саду.

— Да все это кончено теперь, кончено давно! опять воскликнулъ Гриша.

— И ты хочешь, страстно заговорила она,—ты хочешь, чтобы я теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, приняла его обратно изъ рукъ Марьи Борисовны?

Онъ хотѣлъ возразить что-то, но она не дала ему заговорить и съ горячностью продолжала.

— Да какія же у тебя странныя понятія! Видно, стоило тебѣ пожить немножко въ свѣтскомъ кругу, и ты успѣлъ перенять всѣ его взгляды. По-твоему я должна радоваться, что въ концѣ концовъ побѣда осталась за мной, и чувство, которое во мнѣ когда-то оскорбили, должно теперь послушно отозваться на первый зовъ, потому что вѣдь въ сущности въ твоихъ глазахъ Юрій Двинскій прежде всего блестящая партія. И ты могъ вообразить, что я унижусь до этого! Да неужели же по-твоему я стала другою изъ-за того только, что ношу модное платье, и тетка вотъ ужь цѣлый годъ какъ развозитъ меня по разнымъ домамъ?

Она стояла теперь въ самой полосѣ луннаго свѣта, вся облитая серебристымъ сіяніемъ.

— Что жъ, ты станешь меня увѣрять, возразилъ онъ, начиная горячиться,—будто ты приневоливаешь себя, приносишь тамъ жертву какую-то, выѣзжая съ графиней Елизаветой Андреевной? Полно, Наташа, не притворяйся, къ тебѣ это не идетъ. Я вѣдь самъ не разъ замѣчалъ, какъ ты отъ души веселилась... И ничего удивительнаго тутъ нѣтъ. Хоть успѣхъ, положимъ, тебѣ и не вскружилъ голову, самолюбіе твое все-таки польщено... Сознайся въ этомъ... Иначе оно вѣдь и быть не можетъ, и стыдиться тутъ нечего...

Она молча на него взглянула, и грустная улыбка показалась на ея красивыхъ губахъ.

— Веселилась я точно, отвѣтила она мигъ спустя, только не отъ всего сердца, не такъ, какъ другіе... Въ томъ-то и бѣда, Гриша, что какъ я ни стараюсь, я не могу быть какъ всѣ,—голосъ ея звучалъ теперь мягко и покорно—какъ Нелли, напримѣръ. Я не могу такъ, какъ другіе, просто, не задумываясь, отдаться чувству удовольствія. Что дѣлать,

когда фальшивая нота мнѣ слышится въ болтовнѣ и въ смѣхѣ, да и во мнѣ самой она есть, эта нота, есть какое-то упорное ощущенiе глубокаго противорѣчiя между всѣмъ этимъ мiромъ и тѣмъ, чему я предана всей душой... Она опять на него посмотрѣла съ какой-то робостью въ глазахъ, и руки у нея скрестились.—Да что я тебѣ все это говорю, право, добавила она вполголоса,—ты это не поймешь... Тебѣ это, пожалуй, смѣшнымъ покажется.

— Нѣтъ, не смѣшнымъ, отвѣтилъ онъ,—а только черезчуръ мудрено. По-моему на все есть время, и на забаву тоже... А много станешь размышлять да копаться внутри себя, только испортишь себѣ впечатлѣнiе.

Наташа сѣла и опустила голову на грудь.

— Ты, можетъ быть и правъ, только что дѣлать, коли я иначе не могу. Я вѣдь не роль какую-нибудь разыгрываю, не прикидываюсь передовой барышней, которую возмущаетъ свѣтская пустота... Я даже, какъ ты знаешь, перестала на курсы ходить, когда убѣдилась, что въ книгахъ я больше найду, чѣмъ во всѣхъ этихъ лекцiяхъ. Да и все это ихъ ученiе тамошнее какое-то дѣланное, натянутое, точно онѣ и ходятъ туда лишь затѣмъ, чтобы дразнить кого-то. И знаешь, одна изъ тамошнихъ мнѣ разъ вдругъ говоритъ: представьте себѣ, даже изъ нашихъ, изъ интеллигентныхъ—какъ уморительно она это слово произнесла, ты не повѣришь - есть такiя, которыя не перестали въ церковь ходить. И, разумѣется, она и не подозрѣвала, что сама-то она такъ думаетъ и въ церковь не ходитъ потому только, что такъ велѣно. Да, Гриша, не въ одномъ большомъ свѣтѣ, а вездѣ, вездѣ то же самое, условность эта несносная.

Гриша съ живымъ сочувствiемъ отозвался на разсказъ сестры. На этотъ счетъ они думали и чувствовали совершенно заодно, одинаково ненавидя все условное.

— И все-таки, продолжала Наташа,—хоть я не изъ такихъ—и въ церковь хожу, и въ свѣтѣ бываю—совсѣмъ, стало быть, кажется, смирная, мнѣ иногда послѣ иныхъ словъ которыя мнѣ приходится слышать, такъ бы хотѣлось громко высказать мои настоящiя мысли, и такъ тяжело, что этого сдѣлать нельзя. Хотя бы теперь вотъ, послѣ этой исторiи во дворцѣ. Еслибы у нихъ, у всѣхъ этихъ людей было что-нибудь похожее на искреннее убѣжденiе, на преданность, ихъ можно бы уважать... Но нѣтъ—у однихъ страхъ, у другихъ равнодушiе, у всѣхъ личный разсчетъ и дрянная насмѣшка надъ всѣмъ, въ томъ числѣ надъ властью, которой они служатъ... Ну какъ ихъ сравнить, этихъ лю-

дей, съ тѣми, съ нападающими? Здѣсь нерѣшительность, малодушіе, эгоизмъ, а тамъ... эта отчаянная рѣшимость, эта удивительная дисциплина, это умѣнье жертвовать собою.

— Да, это правда, и я это говорилъ тебѣ не разъ, только вѣдь...

— Да, энергія и самопожертвованіе, вотъ чѣмъ они привлекаютъ къ себѣ, продолжала Наташа, перебивая брата, и глаза у нея заблестѣли.—То, что они дѣлаютъ, ужасно, но сила воли, нравственная сила на ихъ сторонѣ...

— Нравственная сила! почти съ негодованіемъ воскликнулъ Гриша.—Ты говоришь о нравственной силѣ послѣ этого взрыва, гдѣ полсотни людей, ни въ чемъ неповинныхъ, было искалѣчено... И это внушаетъ себѣ сочувствіе!

— Сочувствіе? нѣтъ. Пролитой крови сочувствовать нельзя. Люди эти отвратительны, положимъ, но, какъ хочешь, въ нихъ что-то есть... Есть вѣра въ себя, да и во что-то иное тоже, хоть они и говорятъ сами, что ни во что не вѣрятъ. Есть наконецъ умѣнье себя не щадить.

— Наташа! почти вскрикнувъ, прервалъ ее братъ, хватая ее за опущенную руку,—что ты это! Ты въ самомъ дѣлѣ поддаешься какому-то странному обаянію... Или нѣтъ, нѣтъ, не свои ты это слова повторяешь, вотъ что!

Она поднялась съ мѣста и открыто, не смущаясь, взглянула на брата.

— Чужихъ словъ я не повторяю никогда, ты это знаешь, произнесла она твердо.

— Ты сама себѣ не отдаешь отчета, запальчиво возразилъ Гриша,—что находишься подъ вліяніемъ этого дряннаго мальчишки, Леонтія.

Отъ одного этого имени Наташа мгновенно замкнулась словно въ непроницаемую броню холодности и недовѣрія къ брату. Осторожное двуличіе, свойственное любой женщинѣ, сказалось въ ней какъ-то безсознательно.

— Я не понимаю, съ какой стати ты упоминаешь про Радугина, проговорила она совершенно инымъ, будто замороженнымъ, голосомъ.

— Да, я раскаиваюсь теперь, что допустилъ до этого сближенія между вами.

— Ты допустилъ? она повела плечами, гордо засмѣявшись, и чѣмъ-то неискреннимъ прозвучалъ ея смѣхъ. Какъ разъ въ эту минуту часы на каминѣ пробили пять.—Ну, Гриша, кажется, пора, а то мы съ тобой совсѣмъ заболтались. Прощай. Она подставила ему свой лобъ, но Гриша

едва коснулся его губами, и какая-то ложь ему почудилась въ этомъ быстромъ прощальномъ поцѣлуѣ.

Долго еще онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, мысленно повторяя свой странный разговоръ съ сестрой. „Неужели она въ самомъ дѣлѣ рѣшится отказать Юрію", твердилъ онъ себѣ, и въ немъ росло убѣжденіе, что настоящей причины отказа она ему все-таки не сказала, что причина эта—Леонтій. Его словно холодомъ обдавало при мысли, что человѣкъ этотъ овладѣлъ, пожалуй, довѣріемъ и сердцемъ Наташи. А она, между тѣмъ, вернувшись въ свою комнату, упала на колѣни передъ своей бѣлой кроваткой и, уткнувъ лицо въ подушки, принялась горячо молиться. „Вѣдь Ты знаешь, говорило ея сердце, что я всегда искала правды, одной Твоей правды, и если я ошибалась, то ошибалась искренно. Если во мнѣ теперь поднимается голосъ въ пользу этихъ преступныхъ людей, не смотря на все зло, ими сдѣланное, то потому лишь, что они тоже стоятъ за братскую любовь, которой Ты училъ на землѣ. Они исказили Твое слово, но цѣль ихъ была чистая и справедливая. И если я ошибаюсь, думая такъ, открой мнѣ глаза и дай мнѣ понять свою ошибку".

И слезы, восторженныя и искреннія слезы, закапали изъ ея большихъ глазъ.

V.

Гриша угадалъ вѣрно. Гордая Наташа, такъ дорожившая своею самостоятельностью, въ самомъ дѣлѣ безсознательно подчинилась вліянію Леонтія Радугина. Всегда вѣрное чутье на этотъ разъ ей измѣнило. Она не угадала, что за черствое сердце билось въ груди этого человѣка, такъ умѣвшаго подкупать въ свою пользу громкими, будто глубоко прочувствованными словами. Съ истиннымъ мастерствомъ онъ привлекъ ее къ себѣ тѣмъ, что почти всегда такъ неотразимо дѣйствуетъ на женщинъ,—своею мнимою искренностью. Онъ любилъ каяться передъ нею въ своемъ безвѣріи, дѣлая видъ, что скорбитъ о немъ глубоко. И Наташа съ истинно женскимъ усердіемъ принялась за его обращеніе. Она не могла допустить, чтобы теплое участіе къ бѣднымъ и униженнымъ могло уживаться съ упорнымъ отрицаніемъ. Въ ея глазахъ любовь къ ближнему всегда была лишь отраженіемъ любви къ Богу, хоть можетъ быть и безсознательнымъ. А въ горячей преданности Леонтія тѣмъ са-

мымъ идеаламъ, которымъ отдалась и она, Наташа не сомнѣвалась. Правда, онъ совсѣмъ не походилъ на обычныхъ передовиковъ. Въ немъ не было и слѣда ихъ рѣзкой желчности, предвзятой нетерпимости ихъ сужденій. Онъ охотно даже смѣялся надъ внѣшностью этихъ людей, обзывая ее оффиціальнымъ мундиромъ радикализма. „Дѣло не во внѣшности", твердилъ онъ постоянно, „мы не призваны служить вѣчнымъ пугаломъ, съ этимъ вѣдь не далеко уйдешь"... И Наташѣ казалось, что онъ лишь глубже и серьезнѣе прочихъ смотритъ на свою задачу. Ей нравилась въ немъ эта оригинальность и независимость ума: не даромъ онъ увѣрялъ ее, что черта эта у нихъ общая. Даже свои старанія проникнуть въ высшій кругъ онъ сумѣлъ прикрасить благовиднымъ поводомъ,—тѣмъ благороднымъ честолюбіемъ, которое стремится вверхъ не ради достиженія выгодъ и власти, а для того лишь, чтобы вѣрнѣе служить своимъ идеямъ. И сама того не примѣчая, Наташа уже не только находила удовольствіе въ бесѣдахъ съ нимъ, ей нравился уже не одинъ его умъ, гладкій и блестящій, какъ сталь,—ея сочувствіе вызывали уже не одни его мысли, а онъ самъ, такъ хорошо умѣвшій выражать ихъ.

Гриша рѣшилъ про себя, что надо положить конецъ частымъ посѣщеніямъ Леонтія. Но сдѣлать это было не легко. Леонтій сумѣлъ прочно обставить свое положеніе въ домѣ Непрядвиныхъ. Михаилъ Андреевичъ былъ отъ него просто въ восхищеніи—привлечь на свою сторону Наташина отца не стоило молодому человѣку большихъ усилій,—а Варвара Петровна, хотя и продолжала считать его „un jeune homme sans conséquence", все-таки принимала его очень охотно: не даромъ онъ передъ ней прикидывался такимъ почтительно смиреннымъ. Оба они и не хотѣли подозрѣвать, чтобы этотъ образцовый молодой человѣкъ, о которомъ всѣ такого хорошаго мнѣнія, могъ сбить съ толку Наташу, а когда Гриша заговорилъ объ этомъ съ родными, и отецъ, и мать и слышать про это не захотѣли. Леонтій Радугинъ дурной, опасный человѣкъ, — полно! Напротивъ, онъ для всѣхъ долженъ служить примѣромъ: онъ такъ внимателенъ, такъ скроменъ, а это такъ рѣдко среди теперешней молодежи. И къ тому же, добавила Варвара Петровна, „онъ такъ хорошо сумѣлъ поставить себя въ свѣтѣ"...

Дѣла самого Гриши пошли между тѣмъ опять какъ нельзя лучше. Встрѣтившись съ нимъ черезъ два дня послѣ бала, Нелли такъ мило упрекнула его за то, что онъ уѣхалъ, не дождавшись мазурки.—Я должна бы на васъ

сердиться за это,“ сказала она, а потомъ, когда никто не могъ разслышать ея словъ, она шепнула ему съ такой прелестной улыбкой на губахъ:—Я вѣдь знаю, зачѣмъ вы такъ рано уѣхали—вы дулись... Признавайтесь. Какъ вамъ не стыдно!

Очевидно, совсѣмъ нельзя было досадовать на этого милаго ребенка, и Гриша даже позабылъ о своей минутной размолвкѣ съ молодой дѣвушкой. Они продолжали встрѣчаться и отношенія ихъ по-прежнему казались такими откровенными, почти товарищескими. Впрочемъ и теперь, какъ всегда, Нелли держала себя гораздо проще и задушевнѣе, когда они случайно оставались вдвоемъ, чѣмъ въ присутствіи постороннихъ. Но вѣдь это было совсѣмъ въ порядкѣ вещей...

Одно тревожило Гришу: какъ показаться ему на глаза Юрію, что сказать товарищу послѣ того, что довелось ему услыхать отъ сестры. Ему было ужасно неловко передъ Двинскимъ. Гриша чувствовалъ, что полупризнаніе, сдѣланное ему Двинскимъ, обязывало его предупредить Юрія о странной перемѣнѣ въ Наташѣ. А между тѣмъ онъ совсѣмъ не зналъ, какъ это сдѣлать. И Гришѣ пришлось утѣшать себя обычнымъ доводомъ тѣхъ, кто не знаетъ, на что рѣшиться,—смутною надеждою, что все уладится само собой. „Не станетъ же Наташа“, твердилъ онъ себѣ, „отворачиваться отъ собственнаго счастья“...

Самъ Юрій вывелъ его изъ затрудненія. Три дня послѣ бала у Коловратскихъ былъ обычный пріемъ у Варвары Петровны. Съ тѣхъ поръ, какъ Непрядвины поселились въ новой квартирѣ и зажили на болѣе широкую ногу—Михаилъ Андреевичъ, которому въ Петербургѣ рѣшительно везло, за послѣднее время много выигралъ на биржѣ—Варвара Петровна завела у себя, къ немалому огорченію Наташи, утренніе пріемы по воскресеньямъ. Скрѣпя сердце она предоставила дочь попеченію графини и не выѣзжала съ нею на большіе вечера. Соображенія бережливости—такъ можно было по крайней мѣрѣ обходиться безъ дорого стоющихъ туалетовъ—взяли у нея верхъ надъ тщеславнымъ желаніемъ видѣть своими глазами свѣтскіе успѣхи дочери. Варвара Петровна втихомолку признавалась самой себѣ, что она черезчуръ поотстала отъ общества и занять въ немъ подобающее мѣсто едва-ли сумѣетъ. Но совсѣмъ отказаться отъ свѣта ей все-таки не хотѣлось, и по-прежнему она надоѣдала своей роднѣ многочисленными визитами, да устраивала у себя дома съ грѣхомъ пополамъ маленькіе вечера, зазывая на нихъ кого попало. Благодаря Наташѣ, мужчины къ ней

ѣздили охотно. Для молодой дѣвушки пріемы матери были настоящею пыткой. Чутье ей то и дѣло подсказывало, что за промахи дѣлала поминутно Варвара Петровна, какъ не удавалось ей попадать въ тотъ настоящій тонъ, которому Наташа успѣла пріучиться въ свѣтѣ. Страдало въ ней при этомъ не столько самолюбіе, сколько дорогое ей чувство уваженія къ матери. Особенно коробило ее то самодовольно-торжествующее выраженіе, какое неминуемо сказывалось на лицѣ Варвары Петровны, когда въ гостиной появлялось сколько-нибудь важное лицо.

Такъ было и въ это воскресенье. У Варвары Петровны въ этотъ день былъ между прочимъ генералъ Ломовисовъ, да одна очень важная дама, пріѣхавшая отдать Варварѣ Петровнѣ визитъ. Хозяйка дома сіяла откровеннымъ торжествомъ, а Наташа не могла не примѣтить на лицахъ гостей скользившую по нимъ сдержанную улыбку. Но вотъ отворилась дверь, и на порогѣ ея показался Двинскій. Варвара Петровна постаралась его встрѣтить съ вѣжливымъ достоинствомъ, но спуталась на какой-то замысловатой фразѣ и видимо оробѣла. Юрій держалъ себя просто, какъ всегда. Разговоръ сталъ общимъ. Наташа однако въ немъ участія не приняла. Она не могла простить матери выказанное ею смущеніе, очевидно примѣченное всѣми. Но вотъ Юрій обратился уже прямо къ ней, и въ его простыхъ, ничего не значущихъ, словахъ ея чуткое ухо разслышало его прежній задушевный искренній голосъ, когда-то звучавшій для нея съ такою чарующею прелестью. Теперь онъ утратилъ свое обаяніе, но что-то похожее на грусть зашевелилось въ сердцѣ дѣвушки, точно въ немъ оторвался послѣдній слабый отголосокъ когда-то любимаго напѣва. Юрію опять пришлось сравнить теперешнюю Наташу съ тою, выросшею въ деревнѣ, робкою дѣвушкой, которую онъ видѣлъ въ Солнцевѣ, и его снова поразила случившаяся съ нею перемѣна, и умѣнье владѣть собой,—каждымъ словомъ, каждымъ оттѣнкомъ голоса. И, странное дѣло, онъ почти сожалѣлъ о прежней Наташѣ. Заговорить съ нею иными, болѣе теплыми словами, упомянуть о томъ, что такъ хотѣлось ему высказать ей, теперь, въ присутствіи этихъ постороннихъ людей, было, очевидно, невозможно. Наташа словно окутала себя какою-то непроницаемою сдержанностью. И когда прочіе поднялись съ мѣстъ, Юрій, просидѣвшій у Непрядвиныхъ всего десять минутъ, тоже всталъ и простился.

— Мы, конечно, увидимся на дняхъ? сказалъ онъ Наташѣ,

и только въ пожатіи его руки она почувствовала что-то, словно напоминавшее ей прежнюю близость.

— Quelle charmante créature, спускаясь съ лѣстницы, сказалъ ему генералъ Ломовисовъ, — et quelle domage qu'elle ait une mère aussi ridicule.

И вдругъ почему-то Юрію пришло на умъ, что пока онъ медлилъ рѣшеніемъ, нашлись, можетъ быть, другіе, которыхъ привлекли умъ и красота молодой дѣвушки, что, пожалуй, кому-нибудь удастся ее отнять у него... И впервые въ его сердцѣ зашевелилась ревность.

Два дня спустя, Наташа сидѣла одна надъ книгой въ большой гостиной. Ни отца, ни матери дома не было. По временамъ она вздрагивала какъ бы отъ холода. Ей нездоровилось, и сердце у нея какъ-то щемило не то отъ ожиданія чего-то, не то отъ неопредѣленной грусти. Вдругъ раздался звонокъ, и въ комнату быстро вбѣжала Олли Столѣнина, теперь уже почти взрослая пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Она давно не бывала у Наташи и звонко съ нею расцѣловалась.

— Тебя, по крайней мѣрѣ, сказала та,—и нечего спрашивать о твоемъ здоровьѣ. Ты свѣжа, какъ весеннее утро.

Всегда серьезно глядѣвшее личико Олли въ самомъ дѣлѣ сіяло румянцемъ, и въ ея большихъ глазахъ молодыя веселыя искры странно смѣнялись пристально строгимъ выраженіемъ, совсѣмъ не свойственнымъ ея лѣтамъ.

— Здоровьемъ меня Богъ не обидѣлъ, своимъ ровнымъ, бодрымъ голоскомъ отвѣтила дѣвочка, усаживаясь возлѣ Наташи.—Ну, а что до другаго...

— Что, тяжело, мой дружекъ?

— Мнѣ самой-то ничего.

Олли покачала головкой и быстрымъ движеніемъ поправила набѣжавшіе на лобъ волосы.

— Я, ты знаешь, почти довольна этой перемѣной въ нашемъ положеніи. Но мама съ этимъ никакъ свыкнуться не можетъ...

— И тебѣ, бѣдненькой, должно быть, достается?

Олли вздохнула.

— Должно быть, я ей угодить не умѣю, только она все на меня сердится что-то, особенно за послѣднее время. Да и здоровье ея часто становится плохо.

Какъ ни любила Наташа своего маленькаго друга, она не въ силахъ была побѣдить въ себѣ недоброе чувство къ Марьѣ Борисовнѣ; и часто повторявшіеся разсказы дѣвочки про то, какъ неровенъ и взыскателенъ сталъ нравъ ея ма-

тери, вызывали у Наташи лишь состраданіе къ Олли, безъ всякой тѣни сочувствія къ судьбѣ ея матери. Олли догадывалась объ этомъ и неохотно говорила про то, что дѣлается у нихъ въ домѣ, а между тѣмъ бывать у Наташи тайкомъ— Марья Борисовна всегда сердилась, узнавъ, что дочь видѣлась съ нею—было единственнымъ удовольствіемъ дѣвочки. И выходило такъ, что какъ ни избѣгала Олли упоминать о матери, разговоръ ихъ то и дѣло возвращался къ этой темѣ, потому что вся жизнь дѣвочки была опутана цѣлою сѣтью мелкихъ дрязгъ и затрудненій, и причиною тому была какъ разъ ея мать. Олли жаловаться не любила, но всякій разъ, что она заговаривала о себѣ, въ ея словахъ невольно проглядывала жалоба. Дѣвочкѣ хотѣлось учиться, но мать ее ни за что не пускала въ гимназію, между тѣмъ какъ средствъ не хватало держать гувернантку и платить учителямъ. И Олли кое-какъ пополняла свои очень недостаточныя познанія съ помощью книгъ, которыя давала ей Наташа. Но и это было не всегда легко, такъ какъ Марья Борисовна поминутно отрывала ее отъ чтенія, то заставляя выслушивать безконечныя сѣтованія, то взваливая на нее хлопотливыя порученія по хозяйству.

Наташа внимательно слушала, думая про себя, какъ это несправедливо и странно, что молодые годы, а быть можетъ и будущность этого ребенка, испорчены по чужой винѣ, и брови ея хмурились отъ этой мысли. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги, опущенная портьера распахнулась и въ дверяхъ показался Гриша, въ сопровожденіи Юрія.

— Надѣюсь, мы не помѣшали серьезному разговору двухъ барышень? съ развязною веселостью заговорилъ Гриша, смотрѣвшій на Олли, какъ на ребенка, съ которымъ незачѣмъ было стѣсняться. Но когда онъ все такъ же весело этому ребенку протянулъ руку, его поразила необыкновенная перемѣна въ лицѣ дѣвочки. Олли вся поблѣднѣла, увидавъ Юрія. Губы стиснулись, едва отвѣтивъ на слова Гриши, ручка задрожала въ его рукѣ, а въ глазахъ блеснуло совсѣмъ не дѣтское выраженіе нескрываемой ненависти. На мигъ они остановились, эти глаза, на молодомъ князѣ, и тотчасъ отвернулись, какъ будто самый видъ его внушалъ имъ отвращеніе. Она тотчасъ поднялась со стула и, холодно кивнувъ Юрію головой, тутъ же хотѣла уйти, но ее удержала Наташа, сразу понявшая, что̀ означалъ этотъ темный блескъ въ глазахъ дѣвочки, и мгновенное смущеніе, показавшееся на лицѣ Юрія. Это смущеніе такъ овладѣло имъ,

что даже съ Наташей онъ поздоровался какъ-то нерѣшительно. И она тутъ же мигомъ почувствовала какую-то непріязнь къ Юрію, вся становясь на сторону Олли. Бываетъ иной разъ, что самыя важныя минуты жизни зависятъ отъ пустаго случая, отъ какой-нибудь встрѣчи, отъ слова, сказаннаго невзначай, и слово это, и встрѣча получаютъ вдругъ негаданно важное значеніе, ярко вызывая въ памяти цѣлый рядъ воспоминаній. Но случай тутъ не причемъ, и въ прошломъ всегда отыщется какая-нибудь вина, придающая вдругъ такую странную силу мимолетному впечатлѣнію.

Такъ случилось и теперь. Встрѣча Юрія съ Олли и то гнѣвное чувство, которое въ глазахъ дѣвочки прочла Наташа, ярко напомнили ей вину Юрія и передъ ней самой, и передъ этимъ ребенкомъ. Вѣдь благодаря ему, и только ему, была испорчена жизнь ея маленькой подруги.

Юрій и Гриша усѣлись, но разговоръ, начавшійся при такихъ обстоятельствахъ, былъ не оживленный и натянутый. Юрій внутренно бѣсился на себя, чувствуя, что онъ не въ состояніи побороть глупое ощущеніе какой-то неловкости. Наташа отвѣчала ему односложно. Олли упорно молчала, опустивъ глаза, а Гриша нетерпѣливо барабанилъ по столу, не совсѣмъ удачно вставляя какое-нибудь замѣчаніе, съ очевиднымъ намѣреніемъ вывести прочихъ изъ общей натянутости.

Такъ прошло минутъ пять. Тутъ Олли рѣшительно встала, объявивъ, что ей пора домой. И Гриша, проводивъ ее до передней, воспользовался случаемъ, чтобы исчезнуть и дать Юрію и Наташѣ объясниться съ глазу на глазъ.

Наташа обняла дѣвочку у самой двери и медленно возвратилась къ своему мѣсту. Что-то холодное, почти враждебное было въ самыхъ ея движеніяхъ, и Юрій чутьемъ понялъ это сразу.

— Наталья Михайловна,—стоя передъ нею, заговорилъ онъ необыкновенно мягкимъ, почти грустно звучащимъ голосомъ. Неужели мы стали теперь чужими другъ для друга? Вы какъ будто про старое не хотите и вспомнить...

— Вспоминать можно только про то, что позабыто, а я, повѣрьте, не забыла ничего,—было загадочнымъ отвѣтомъ Наташи.

— Напротивъ, сказалъ онъ, пробуя улыбнуться,—постарайтесь забыть и... простите... Да вернемтесь съ вами опять къ той минутѣ, той сладкой и незабвенной минутѣ, когда вы были у меня въ Набережномъ.

— Ахъ, Юрій Александровичъ, медленно проговорила она, тихо качая головой,—развѣ это зависитъ отъ меня, и прошлое развѣ можно вернуть, когда захочешь?

— Стало быть остается лишь преклонить голову и молча удалиться?.. Грустная улыбка, пока онъ говорилъ это, не сходила съ его губъ.—Нѣтъ, съ вами, Наталья Михайловна, съ вами я такъ разстаться не могу. Вы по-прежнему для меня близки и дороги. Меня на вѣки привязываютъ къ вамъ лучшія воспоминанія моей жизни... И вы тоже, поборите въ себѣ чувство гордости, не жертвуйте всѣмъ нашимъ будущимъ ради одного самолюбія...

Глаза ея блеснули, и кровь ярко залила ея блѣдныя щеки.

— Самолюбіе! горячо перебила она Юрія, — какъ вы плохо меня знаете. Должно быть, вы ужь очень низкаго мнѣнія о людяхъ, да и обо мнѣ тоже.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она быстро продолжала.—Я не могу отвѣтить вамъ иначе, потому что рѣшила я такъ не изъ раздраженія противъ васъ, какъ вы думаете, а совершенно спокойно, и рѣшила давно — тогда ужь, въ Солнцевѣ. Я и тогда ужь понимала хорошо, что мы не годимся другъ для друга. Я, можетъ быть, хочу того, чего нѣтъ и быть не можетъ, но мнѣ всегда казалось, что когда нужно прожить вмѣстѣ цѣлую жизнь, одной взаимной склонности мало, надо, чтобы все было заодно—и взгляды, и симпатіи, а вѣрованіе тѣмъ болѣе. Ну, а мы съ вами, развѣ мы вѣримъ въ одно и то же, и смотримъ на жизнь одинакими глазами?

— Какъ! воскликнулъ онъ,—вотъ стало быть гдѣ препятствіе! и сквозь горячность его словъ сквозила почти насмѣшливая нотка.—Изъ-за какихъ-то разногласій, политическихъ тамъ и религіозныхъ, мы должны съ вами разойтись, точно мы собрались рѣшать какіе-то вопросы. Полноте, Наташа,—онъ опять назвалъ ее такъ—вѣдь это ребячество, положимъ, очень милое ребячество, но все-таки недостойное вашего ума. Или нѣтъ,—повѣрить этому вѣдь я не могу,—сознайтесь лучше, вы теперь неискренни съ собою. Неужели въ самомъ дѣлѣ правда, что вы и тогда, въ Солнцевѣ, отвѣтили бы мнѣ отказомъ ради какихъ-то отвлеченныхъ вопросовъ?

Она опустила голову передъ его пристальнымъ взглядомъ. На ея лицѣ краска еще усилилась.

— Можетъ быть и нѣтъ, вѣдь за себя поручиться нельзя. Я была почти дѣвочкой тогда... Но теперь, отчасти благо-

даря вамъ, я вѣрнѣе понимаю вещи и, главное, смотрю на нихъ хладнокровнѣе. Вы тогда сами научили меня, что не надо слишкомъ довѣряться первому влеченію. И урокъ этотъ не прошелъ даромъ.

— Вы видите, Наташа, опять заговорилъ онъ, я не ошибся. У васъ есть противъ меня какое-то горькое чувство, справедливое, основательное чувство, положимъ...

— И вы все-таки ошибаетесь, покачала она головой.— Никакой горечи во мнѣ нѣтъ. Я по-прежнему считаю васъ однимъ изъ лучшихъ и самыхъ симпатичныхъ людей на свѣтѣ, и коли вамъ на что-нибудь можетъ пригодиться моя дружба—она ваша. Но большаго я дать не могу, потому что... вы слишкомъ легко смотрите на вещи, которыя я привыкла считать серьезными...

Наступило короткое молчаніе.

— Вы, стало быть, находите, опять началъ Двинскій, принимаясь за свой обычный ироническій тонъ, что я попрежнему остался нераскаяннымъ грѣшникомъ. Помнится однако, въ этомъ грѣшникѣ вы когда-то не отчаявались. Что жъ, вы повторите мнѣ, что говорили въ Солнцевѣ, когда упрекали меня за то, что я не исполняю своего долга. Прикажите заняться дѣлами, службой, политическими вопросами?..

— Нечего мнѣ вамъ приказывать, князь, уже совершенно холодно возразила Наташа.—Но пока вы будете на все насмѣшливо смотрѣть, какъ теперь вотъ, и на себя, и на другихъ, вы никакому дѣлу не отдадите себя отъ всего сердца.

— Можетъ быть, Наталья Михайловна, можетъ быть, а пока спасибо за это откровенно высказанное мнѣніе... и дайте мнѣ вашу ручку на прощаніе, хотя бы въ качествѣ друга.

Онъ пожалъ ея руку крѣпко, по-англійски, но тотчасъ затѣмъ выпустилъ ее изъ своей, и насмѣшливое выраженіе до самаго конца такъ и не сходило съ его губъ, хоть ему совсѣмъ было не до смѣха.

Даже оскорбленная гордость не говорила въ немъ, а только чувство глубокаго разочарованія, перваго, быть можетъ, въ его жизни. А Наташа грустно, но безъ сожалѣнія, долго глядѣла ему вслѣдъ. Ей было жаль и его, и еще болѣе тѣхъ хорошихъ воспоминаній о немъ, которыя теперь навсегда уходили въ прошлое и словно уносили съ собой ея первую молодость. „Да, онъ тутъ остался вѣренъ себѣ, подумала она. Ему больно было, а онъ почти смѣялся. И въ сущности ему даже больно не было, а просто, какъ избало-

ванному ребенку, ему опять захотѣлось давно брошенной игрушки, и его разсердило, что этой игрушки ему не даютъ. Да лучше, что все такъ вышло. Счастлива я бы съ нимъ не была"...

Но и теперь она не чувствовала себя счастливой. Сложивъ руки на колѣняхъ, она неподвижно глядѣла въ окно, какъ бы слѣдя за мелкими снѣжинками, косо спадавшими на землю, пока рѣзкій ударъ вѣтра не поднималъ ихъ съ собой, разнося ихъ во всѣ стороны. Смеркалось. Уныло глядѣла улица, на которой одинъ за другимъ зажигались фонари. И вдругъ мысли Наташи приняли иной оборотъ. „А что, подумала она опять, сказали бы всѣ мои сверстницы, всѣ, до единой, кабы узнали, что я посмѣла отказать Двинскому. Вѣдь съ какимъ насмѣшливымъ сожалѣніемъ онѣ бы на меня посмотрѣли". И Наташа вдругъ гордо подняла голову. Именно потому, что такъ безразсудно было съ точки зрѣнія свѣта поступить, какъ поступила она,—предпочесть Юрію Двинскому человѣка безъ положенія, безъ имени, безъ состоянія, какимъ былъ Леонтій, она имѣетъ право гордиться своимъ выборомъ... Нѣтъ, даже не гордиться—тутъ гордость не у мѣста. Она просто такъ поступила, потому что не похожа на остальныхъ, и всѣми признанные законы житейской мудрости въ ея глазахъ смѣшны и презрѣнны.

Звонокъ въ передней заставилъ ее очнуться. Минуту спустя въ комнату входилъ тотъ самый Леонтій Радугинъ, о которомъ она только-что передъ тѣмъ думала. И вдругъ, хотя они были уже давно знакомы, она испытала странное смущеніе, точно въ ихъ отношеніяхъ какая-то перемѣна случилась. До сихъ поръ онъ еще никогда не входилъ такъ прямо къ ней, не оставался съ нею наединѣ въ опустѣломъ домѣ... И сумерки, окутавши большую комнату, какъ-то еще болѣе заставили ее почувствовать установившуюся между ними близость.

— Я къ вамъ, началъ Леонтій,—чтобы подѣлиться важной новостью съ вами и съ вашимъ братомъ. Я только-что узналъ изъ самаго вѣрнаго источника, что наконецъ принята рѣшительная мѣра—завтра выйдетъ указъ.

И онъ передалъ ей о назначеніи верховной коммисіи подъ предсѣдательствомъ героя Кавказской арміи.

— Я зналъ, что это живо васъ заинтересуетъ, добавилъ онъ. Да, трудно было этого ожидать. Все метались въ какой-то нерѣшительности, и вдругъ диктатура, какъ у древнихъ римлянъ. Это уже настоящее единство власти. Поняли, стало быть, гдѣ больное мѣсто.

— И вы думаете, спросила она взволнованнымъ голосомъ, что преслѣдованія станутъ теперь еще строже?

Она вся отдалась охватившему ее живому возбужденному чувству. Даже про Юрія въ эту минуту она совсѣмъ забыла. И какъ благодарна Леонтію она была за то, что, узнавъ важную новость, онъ поспѣшилъ сообщить ей объ этомъ.

— Многіе, конечно, сильно перепугаются, отвѣтилъ онъ спокойно.—Диктатура, да еще военная—шутка сказать! У насъ, извѣстное дѣло, привыкли словъ бояться... А по-моему эта диктатура не только не страшна, а пожалуй она подвинетъ наши дѣла гораздо лучше, чѣмъ даже царившая до сихъ поръ смѣсь разнузданности съ гоненіемъ.

Наташа посмотрѣла на молодаго человѣка недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Видите ли, Наталья Михайловна, продолжалъ онъ, садясь возлѣ нея,—власть, даже безграничная власть, никогда не страшна, когда она въ рукахъ умнаго человѣка. Умъ тѣмъ и хорошъ, что къ ненужнымъ стѣсненіямъ онъ никогда не прибѣгнетъ. А намъ, русскимъ, что прежде всего нужно? Право не шумѣть и въ газетахъ и на улицахъ—этого могутъ хотѣть развѣ какіе-нибудь школьники. Агитація не цѣль, а только средство. Что ни говори, правительство съ его организованной силой можетъ сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ всѣ мы, взятые вмѣстѣ. И если до сихъ поръ всѣ лучшіе люди отчаявались въ будущемъ, готовы были на все, даже на преступленія, то было такъ оттого лишь, что въ силѣ этой они видѣли что-то слѣпое, давившее всѣхъ и все безъ цѣли и безъ разбора, словомъ грубую, вредную силу. А коли бы эта власть попала въ твердыя, сознательныя руки, съ какою готовностью большинство изъ насъ пошло бы ей служить вѣрой и правдой. Мы хотимъ вѣдь не внѣшнихъ аттрибутовъ свободы—это вѣдь игрушки однѣ—а блага стомилліоннаго народа, широкаго прогресса для всѣхъ, и если правительство станетъ на этотъ путь,—честь ему и слава!

Наташа была поражена словами Леонтія. Такъ расходились они съ тѣмъ, что говорилъ онъ прежде, и все-таки, ни на минуту она не усомнилась въ его искренности, не обвинила его въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. Напротивъ, ее обрадовало, что онъ отрекся отъ безнадежныхъ отрицательныхъ взглядовъ, изъ-за которыхъ она такъ часто спорила съ нимъ.

— Тотъ, которому теперь поручено вести дѣло, добавилъ Леонтій,—несомнѣнно очень уменъ, а умный человѣкъ

всегда будетъ съ нами заодно, потому что онъ пойметъ, что будущность, а стало быть успѣхъ и сила, на сторонѣ тѣхъ, кто стремится впередъ. Вотъ почему вы меня видите сегодня такимъ оптимистомъ.

На самомъ дѣлѣ оптимизмъ Леонтія зависѣлъ отъ того, что его начальникъ—онъ зналъ это—былъ очень доволенъ переменой и много способствовалъ ея совершенію. А Павелъ Александровичъ за послѣднее время явно благоволилъ къ Леонтію, и молодому человѣку представлялась теперь возможность быстро пойти впередъ. Новые порядки всегда на руку честолюбцамъ. Леонтій смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на азартную игру, и ему казалось, что главная карта, на которую онъ поставилъ свою будущность, выиграла большой кушъ. А карта эта была—Павелъ Александровичъ Коловратскій.

— Какой у васъ широкій, свободный взглядъ на вещи, сочувственно отозвалась Наташа.—Никакихъ предразсудковъ, никакой условности, такъ хорошо васъ слушать. Такъ хорошо, что вы разстались съ своими непримиримыми взглядами!

Онъ улыбнулся въ отвѣтъ, обрадованный явнымъ восторгомъ, читавшимся на ея лицѣ. И это не была одна только дурная радость ловкаго дѣльца, довольнаго удавшимся обманомъ. Леонтій дорожилъ сочувствіемъ Наташи. Передъ нею ему искренно хотѣлось не казаться только, но и быть честнымъ и правдивымъ. Онъ не способенъ былъ возвыситься до ея безкорыстнаго увлеченія, но увлеченіе это онъ понималъ и любовался имъ. Чистая прелесть молодой дѣвушки расшевелила даже его холодное сердце. Онъ любилъ Наташу, правда, эгоистическою любовью, неспособною на жертвы, но за то страстною и упорною. Любовь его, конечно, не походила на любовь Юрія—чувственная струна въ ней звучала громче всѣхъ остальныхъ,—но за то онъ бы не уступилъ Наташу безъ боя никому. И, должно быть, эта сдержанная сила, которой дышала вся натура Леонтія, привлекала къ себѣ молодую дѣвушку. Только не разъ уже она невольно сравнивала обоихъ молодыхъ людей, и сравненіе выходило не въ пользу Юрія. Двинскій казался ей теперь избалованнымъ, капризнымъ бариномъ, едва-ли способнымъ на что-либо крѣпко рѣшиться. А въ Леонтіи она видѣла упрямую волю, которая все готова сломить на пути, но за то и себѣ не даетъ поблажки.

До сихъ поръ въ бесѣдахъ молодыхъ людей никогда еще не заходила рѣчь о ихъ взаимномъ чувствѣ. Вращались эти

бесѣды почти исключительно около общественныхъ вопросовъ, но и самая эта сродная имъ обоимъ умственная сфера сблизила ихъ. Всякій разъ, что ей доводилось говорить съ Леонтіемъ, Наташа чувствовала себя какъ бы приподнятой надъ уровнемъ обычной заурядности, а сознавать себя выше другихъ куда какъ лестно, даже для самой чистой и прямой женской души.

Цѣлый часъ Леонтій провелъ вдвоемъ съ молодой дѣвушкой и довѣрчиво въ первый разъ сознался передъ ней въ своихъ честолюбивыхъ видахъ. Его увлекало то явное, почти страстное, вниманіе, съ которымъ она его слушала.

— Да, вы имѣете право стремиться вверхъ, сказала она, и глаза ея блеснули въ полутемной комнатѣ,—вы не для себя честолюбивы...

И когда Леонтій ее оставилъ, она долго еще перебирала въ умѣ его слова, и какое-то тихое, праздничное настроеніе поднималось въ ней. Она словно прислушивалась къ чему-то, точно въ первый разъ ей приходилось разслышать въ себѣ самой такое полное созвучіе съ мыслями, съ душою другаго.

К. ОРЛОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Для сердца нѣжнаго и любящаго страстно
 Тѣ поцѣлуи слаще всѣхъ наградъ,
Что съ милыхъ, робкихъ устъ похищены украдкой
 И потихоньку отданы назадъ.

Но къ обладанью насъ влечётъ слѣпая сила,
 Нашъ умъ мутитъ блаженства сладкій ядъ:
Слезами и тоской отравленная чаша
 Изъ милыхъ рукъ приходитъ къ намъ назадъ.

Не всякому дано любви хмѣльной напитокъ
 Разбавить дружбы трезвою водой,
И дотянуть его до старости глубокой
 Съ наперсницей когда-то молодой.

II.

На снѣжной равнинѣ, въ зеленомъ уборѣ
 Темнѣла угрюмая ель;
И, какъ горностаями, снѣгомъ пушистымъ
 Ей плечи прикрыла мятель,—

Съ ней рядомъ березку сухую, нагую,
 Отъ стужи бросало въ ознобъ,

И ель ей скрипѣла: Бѣдняжка, попробуй
Прикрыться,—заройся въ сугробъ...

Надъ снѣжной равниной апрѣльское солнце
Затеплилось вешнимъ огнемъ—
Сугробы сбѣжали ручьями,—лощины
Зеленымъ покрылись ковромъ—

Очнулась березка и въ свѣжемъ нарядѣ,
Слегка колыхаясь, шумитъ;
И вѣтеръ несётъ ей веселыя вѣсти,
И птичка ей сны говоритъ.

А тёмная ель въ старомъ кружевѣ сучьевъ,
Съ вѣтвями до самыхъ корней,
Въ своей жёсткой зелени, стоя, скрипитъ имъ:
— Не вѣрьте, не вѣрьте вы ей!..

Всю зиму она наготой щеголяла...
Ей нечего было надѣть...
И какъ вамъ не стыдно ласкать её, право!
И какъ она смѣетъ шумѣть!..

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Школьная жизнь въ Прагѣ.

(Изъ воспоминаній).

Поѣздка заграницу; причины, вызвавшія ее. — Пріѣздъ въ Прагу.— Пребываніе у одного изъ учителей.—Семья, въ которой мнѣ пришлось жить.—Нѣсколько словъ объ условіяхъ жизни въ Чехіи.—Поступленіе въ чешскую реальную гимназію.—Первыя впечатлѣнія.—Школьная жизнь.—Отношенія учителей къ ихъ обязанностямъ.—Товарищество между учениками и ихъ отношеніе ко мнѣ.—Нѣсколько словъ о преподаваніи въ нашихъ гимназіяхъ.—Учителя и товарищи.—Уровень знаній.—Заключеніе.

Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда однажды утромъ я услыхалъ, что завтра мы съ братомъ ѣдемъ заграницу вмѣстѣ съ нашимъ дѣдомъ[1]). Извѣстіе это было для меня такъ случайно, такъ неожиданно, что я, насколько теперь припоминаю, только расплакался, услыхавъ объ немъ отъ матери. Но мой братъ, который былъ годомъ старше меня, принялъ его съ большой радостью: сталъ суетиться и утѣшать меня, убѣждая, что заграницею намъ будетъ гораздо лучше жить, чѣмъ дома, что распускать нюни нечего, а нужно только радоваться счастливому случаю побывать въ чужихъ краяхъ и пр. и пр. Дѣйствительно на другой день насъ стали снаряжать въ путь-дорогу. Въ Варшавѣ пришлось намъ съ братомъ ждать паспортовъ и потомъ уже, по полученіи ихъ, насъ отправили съ однимъ изъ знакомыхъ въ Прагу, гдѣ, по желанію дѣда, мы должны были поселиться, и здѣсь по-

---

[1]) Извѣстнымъ профессоромъ М. П. Погодинымъ.

лучить первоначальное образованіе. Но что побудило нашего дѣда везти насъ съ братомъ заграницу!

Когда я садился въ вагонъ и въ послѣдній разъ выглянулъ въ окошечко, посылая прощальный взоръ всѣмъ, насъ провожавшимъ, я, конечно, не сознавалъ всей важности этой минуты, а только плакалъ подъ вліяніемъ охватившаго меня чувства разлуки и не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, за чѣмъ меня везутъ заграницу и какое значеніе можетъ имѣть этотъ внезапный отъѣздъ на всю будущую мою жизнь. Признаться, даже гораздо позднѣе, проживши уже нѣсколько лѣтъ заграницею, я мало задумывался надъ этимъ вопросомъ, покорился судьбѣ и жилъ изо дня въ день, всецѣло погруженный въ школьную жизнь и ея интересы, и только уже потомъ, вернувшись изъ Праги, гдѣ прожилъ шесть лѣтъ, и испытавъ на себѣ всю ломку, которой пришлось подвергнуться, чтобы поступить въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе разности гимназическихъ программъ нашей и заграничной, только тогда я сталъ останавливаться надъ этимъ вопросомъ и началъ разспрашивать родныхъ, что было причиной такой высылки. Оказалось, что главнымъ поводомъ къ нашему удаленію изъ семьи послужили рѣзвость и безпокойное поведеніе старшаго брата. Хотя ему было всего 13 лѣтъ, но онъ уже успѣлъ перебывать чуть-ли не въ пяти разныхъ пансіонахъ, откуда его всегда приходилось брать черезъ два, три мѣсяца за шалости и всевозможныя проказы; дома онъ также не переставалъ шалить и всегда подбивалъ другихъ братьевъ (насъ было четверо) къ взаимнымъ ссорамъ. Мы жили тогда всей семьей у дѣда, которому, по всей вѣроятности, наконецъ уже надоѣли всѣ эти исторіи, и вотъ онъ рѣшился на радикальное средство: увезти шалуна отъ родителей и отдать его въ чужія руки, надѣясь, что это его исправитъ. Онъ придерживался того взгляда, что родителямъ трудно воспитать хорошо дѣтей, такъ какъ они часто бываютъ къ нимъ пристрастны и слишкомъ балуютъ однихъ и несправедливо наказываютъ другихъ. Его рѣшеніе взять съ собой заграницу брата и меня созрѣло, должно быть, чуть-ли не наканунѣ самаго отъѣзда, такъ какъ раньше объ этомъ онъ никому ничего не говорилъ; это было одинаковою неожиданностью какъ для меня съ братомъ, такъ и для родителей.

Дѣдъ не допускалъ, чтобы ему противорѣчили, и потому родителямъ поневолѣ пришлось согласиться на нашъ отъѣздъ. При этомъ онъ бралъ съ собой насъ двоихъ, по-

тому что боялся, какъ-бы одному брату не было слишкомъ тяжело жить на чужбинѣ. Но почему выборъ палъ на меня быть спутникомъ брата? Какъ я уже упомянулъ, насъ было четверо; старшій братъ былъ въ это время въ IV классѣ гимназіи и учился очень хорошо, такъ что дѣдъ не хотѣлъ нарушать его занятія, а младшему брату было всего восемь лѣтъ и кромѣ того оба они были любимцами матери, которая навѣрное ихъ отъ себя не согласилась бы отпустить. Такимъ образомъ ѣхать съ братомъ пришлось мнѣ, тѣмъ болѣе, что я воспитывался дома и не былъ ничьимъ любимцемъ. Братъ, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать, былъ, какъ я уже сказалъ, большой шалунъ, но несмотря на это, онъ сумѣлъ своей бойкостью, находчивостью и остроумными отвѣтами снискать всеобщее расположеніе, а въ особенности со стороны отца; правда, его часто журили и наказывали, но тѣмъ не менѣе его любили и удивлялись быстрому умственному развитію, не свойственному его лѣтамъ; каждый хорошо понималъ, что изъ этого шалуна можетъ выйдти толкъ. Что же касается меня, то я не могъ похвастаться ни усидчивостью перваго брата, ни способностями втораго, наоборотъ, я развивался весьма медленно и былъ довольно апатичнымъ мальчикомъ. Ученье мое тоже шло не совсѣмъ удачно; была ли въ томъ виновата система преподаванія или моя непонятливость — судить не берусь, помню только, что главнымъ камнемъ преткновенія были французскія фразы, которыя мнѣ задавались ежедневно, несмотря на то, что я еще не былъ знакомъ съ самыми необходимыми элементами языка.

Меня меньше другихъ братьевъ любили. Уже въ тѣ годы я сталъ относиться къ своимъ недовѣрчиво; я не могъ своей дѣтской головкою рѣшить вопроса: почему меня меньше ласкаютъ, чѣмъ братьевъ, а больше все наказываютъ, но сердцемъ почувствовалъ, что меня меньше любятъ, чѣмъ ихъ. Конечно, все это совершилось постепенно, безъ всякаго внутренняго анализа, но затаенное чувство обиды пустило свои ползучіе корни. И вотъ такого-то мальчика, вмѣсто того, чтобы пригрѣть и стараться изгладить въ немъ впечатлѣніе оскорбленнаго чувства, отвезли заграницу и отдали въ чужую семью.

И такъ, въ 1875 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, мы съ братомъ очутились въ Прагѣ, древней столицѣ чеховъ. Насъ отдали къ какому-то молодому учителю, который немного понималъ по-русски и взялся быть нашимъ и учителемъ, и воспитателемъ. Первые дни нашего пребыванія въ чужой странѣ

и совершенно незнакомомъ городѣ мы всецѣло посвятили хожденію по улицамъ и разсматриванью всего, что только привлекало наше дѣтское вниманіе. Обыкновенно, какъ только мы появлялись на улицѣ, то сейчасъ же были невольно предметомъ общаго любопытства; синяя шелковая рубашка, плисовые шаровары, бархатная поддевка и, наконецъ, поярковая шляпа съ павлиньими перьями—обращали всеобщее вниманіе. Уличные мальчишки, отличавшіеся, какъ и у насъ, особенною любознательностью, часто составляли импровизированную свиту. Сперва такое вниманіе намъ нравилось, но уже на третій или четвертый день послѣ нашего пріѣзда мы стали сознавать всѣ неудобства постояннаго наблюденія надъ собой и съ удовольствіемъ перемѣнили наши рубашки на пиджаки и такимъ образомъ хоть съ внѣшней стороны походили на иностранцевъ. Мы были вполнѣ предоставлены сами себѣ, обязательныхъ занятій никакихъ у насъ не было, да и быть не могло, по той простой причинѣ, что мы не знали ни чешскаго языка, ни нѣмецкаго, а нашъ наставникъ и воспитатель едва могъ сказать по-русски нѣсколько словъ. Онъ далъ намъ какую-то книжку, въ которой на одной страницѣ были помѣщены самыя обыденныя фразы, встрѣчающіяся на каждомъ шагу въ разговорѣ, порусски, а на другой—тѣ же, по-чешски. Изъ любопытства стали мы ее перелистывать, и братъ, какъ болѣе опытный, чѣмъ я, сейчасъ же отыскалъ и заучилъ разнаго рода привѣтствія, потомъ составилъ и перевелъ двѣ-три фразы, и вотъ съ такимъ-то запасомъ знаній по чешскому языку мы пустились толкаться по городу. Заходили въ кофейни, рестораны, брали карту ѣды и на удачу указывали на тотъ или другой номеръ и намъ приносили то, что значилось подъ нимъ.

Частое хожденіе по городу, повидимому, не очень понравилось нашему воспитателю, и онъ сталъ требовать, чтобы мы больше сидѣли дома и зазубривали разговорныя фразы съ русскаго на чешскій. Это требованіе, весьма естественное, тогда возбудило протестъ съ нашей стороны, въ особенности братъ, нисколько не стѣсняясь, высказалъ полное нежеланіе подчиниться новымъ порядкамъ. При этомъ насъ не мало забавляли объясненія, которыя происходили между нами и нашимъ воспитателемъ: едва онъ, съ грѣхомъ пополамъ, выговоритъ какую-нибудь фразу, въ родѣ того, что дѣти должны слушаться старшихъ, какъ братъ закидаетъ

его цѣлымъ потокомъ словъ, причемъ зачастую ввернетъ какое-нибудь крѣпкое словцо, коими такъ обиленъ русскій языкъ—и нашъ воспитатель только бывало заморгаетъ глазами, чувствуя, что ему сказано что-то не совсѣмъ лестное, но не вполнѣ понимая, что именно—бѣжитъ скорѣе за словаремъ, повторяя по дорогѣ сомнительное слово и боясь его забыть. Эта картина всегда повергала насъ въ неистовый смѣхъ, за что намъ потомъ приходилось отсиживать дома взаперти. Въ виду такого ограниченія свободы мы рѣшили воспользоваться первымъ воскреснымъ днемъ и прямо изъ церкви, куда не пустить насъ не было никакого основанія, вмѣсто того, чтобы вернуться домой, намѣревались отправиться въ одинъ изъ загородныхъ садовъ, которыхъ въ Прагѣ такъ много. Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлали: послѣ обѣдни зашли въ какой-то ресторанъ, пообѣдали, потомъ завернули въ кофейню, посидѣли тамъ, разсматривая каррикатурные журналы и оттуда уже направились по одной изъ главныхъ улицъ къ заставѣ, но за заставу мы не попали, такъ какъ по дорогѣ наше вниманіе привлекли огромныя афиши, возвѣщавшія о какомъ-то концертѣ на ближайшемъ островѣ. Спустились туда и заняли мѣсто у одного изъ столиковъ подъ тѣнью широко-листаго каштана. Зной жаркаго дня умѣрялся здѣсь, кромѣ того, близостью воды — островъ находился на самой серединѣ Влтавы, которой такъ гордятся жители Праги. За кружкой пива, при постоянной перемѣнѣ музыкальныхъ номеровъ концерта, мы и не замѣтили, какъ приблизился вечеръ. Возвращаться домой не хотѣлось — тамъ навѣрное ожидала насъ головомойка — и вотъ брату пришла мысль переночевать на островѣ, благо погода была теплая, и на другой день сказать воспитателю, что насъ пригласило знакомое семейство русскихъ, гдѣ мы и переночевали. Однако, мало-по-малу всѣ почти посѣтители концерта удалились, стали тушить фонари, а потому пришлось и намъ уходить. Но куда? Находчивость брата и тутъ насъ выручила: онъ увидалъ, что около острова находится много барокъ, а за ними тянутся плоты съ лѣсомъ; въ одинъ мигъ онъ перелѣзъ черезъ небольшую ограду, тянувшуюся вдоль всего острова, и очутился на одной изъ близъ стоявшихъ барокъ. Я послѣдовалъ его примѣру, на баркѣ не было никого, и мы спокойно расположились на одномъ изъ ея бортовъ. Признаться, меня скоро сталъ разбирать страхъ, что вотъ

кто-нибудь придетъ, найдетъ насъ и отправитъ въ полицію. Братъ всячески старался успокоить и доказывалъ, что даже полиціи нечего особенно бояться, такъ какъ тамъ навѣрное поймутъ, что мы заблудились, и все кончится благополучно. Былъ должно быть уже третій часъ и въ воздухѣ чувствовалась сырость, и было свѣжо, въ особенности намъ въ однихъ лѣтнихъ пиджакахъ. О снѣ нечего было и думать; братъ началъ усиленно курить, воображая, что это поможетъ ему согрѣться; я попробовалъ было тоже эту мѣру, но послѣ нѣсколькихъ затяжекъ крѣпкой сигарой замѣтилъ, что голова начинаетъ кружиться и едва не тошнитъ, такъ что пришлось бросить недокуренную сигару и постараться согрѣться безъ нея. Наконецъ холодъ насъ до того пробралъ, что мы рѣшили лучше ходить по пустымъ улицамъ и такимъ образомъ хоть сколько-нибудь согрѣться, чѣмъ дрогнуть лежа на баркѣ. Тѣмъ же путемъ, т. е. перелѣзши заборъ, мы очутились на островѣ, а съ него попали и на мостъ и пошли бродить по улицамъ. Всюду царила величественная тишина, нигдѣ не было видно ни души; случайно набрели на одно изъ полицейскихъ управленій, у дома котораго стоялъ полицейскій на часахъ; пытались было объясниться съ нимъ посредствомъ мимики и узнать отъ него, гдѣ бы намъ провести остальную часть ночи и согрѣться, но, или наша мимика была недостаточно понятна, или городовой не отличался смѣтливостью, только намъ пришлось уйти отъ него ни съ чѣмъ. Проблуждавши, должно быть, еще часа два, мы наконецъ отыскали дорогу домой.

До дома добрались благополучно, но тутъ встрѣтили опять препятствіе. Было слишкомъ рано и всѣ еще спали; подъѣздъ нашего дома былъ запертъ, а о дворникѣ и помину нигдѣ не было. Долго стояли на улицѣ, не зная, что намъ дѣлать; напрасно искали звонка, нигдѣ не было видно и намека на его существованіе. Наконецъ, продрогнувши порядочно, къ тому же еще усталые и голодные, мы рѣшились на крайнее средство—бросить въ одно изъ оконъ нашей квартиры камень и такимъ импровизированнымъ звонкомъ дать знать о своемъ присутствіи. Найдти камень и исполнить задуманное—было дѣломъ одной секунды. Камень ударился въ середину окошка, послышался трескъ и звонъ разбитаго стекла. Безмолвная тишина, царствовавшая до сихъ поръ кругомъ насъ, сразу была нарушена, минуты черезъ двѣ послышалась суетня въ домѣ, какіе-то голоса и

наконецъ шаги на лѣстницѣ. Вотъ отворяется дверь, и мы, пользуясь удобнымъ случаемъ, быстро шмыгнули во внутрь; нашимъ взорамъ представилась смѣшная картина: впереди всѣхъ стоитъ дворникъ въ полномъ дезабилье, съ ключами въ рукахъ и съ заспаннымъ лицомъ, выражающимъ полное недоумѣніе, за нимъ нашъ воспитатель тоже въ ночномъ бѣльѣ, сверху котораго былъ накинутъ халатъ—въ его рукахъ торчалъ какой-то старинный пистолетъ, за нимъ виднѣлись еще какія-то лица; двѣ-три женщины въ однѣхъ только юбкахъ и наскоро накинутыхъ на растрепанныя головы платкахъ поспѣшили сюда узнать изъ первыхъ рукъ о странномъ событіи, причемъ у одной изъ нихъ, въ видѣ оружія, торчала въ рукахъ комнатная щетка, и наконецъ на заднемъ планѣ стоялъ какой-то старичекъ нѣмецъ, который должно быть страдалъ безсонницею и рано вставалъ, такъ какъ у него одного изъ числа присутствовавшихъ было незаспанное лицо, даже тщательно выбритое и выражавшее полное довольство самимъ собою. Одинъ онъ былъ одѣтъ въ чистенькій халатъ, аккуратно подпоясанный, на ногахъ виднѣлись шитыя туфельки, а въ рукахъ онъ съ какой-то бережливостью держалъ мундштукъ отъ длиннаго чубука и время отъ времени пускалъ съ наслажденіемъ кольца синеватаго дыма. Когда прошла первая минута всеобщаго удивленія и выяснилось, кто виновники, нарушившіе тишину, то на насъ посыпалась брань и ругань со всѣхъ сторонъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; представительницы женскаго пола старались больше всего; воспитатель нашъ силился выразить порицаніе нашему поведенію по-русски, но это ему не удалось, и онъ съ досады закричалъ, что мы „дураки“; видно другаго браннаго словца, подходящаго къ этому случаю, онъ не могъ подыскать въ своей головѣ. Даже добродушный нѣмецъ и тотъ оживился и что-то шамкалъ неодобрительное. Но всеобщая брань, а въ особенности вся эта интересная сцена достигла совершенно обратнаго: на нашихъ лицахъ не выразилось ни сожалѣнія, ни раскаянія, а наоборотъ мы не могли удержаться отъ смѣха и принялись дружно хохотать. Это, конечно, только подлило масла въ огонь; поднялся гамъ и крикъ — стали совѣтоваться, что съ нами дѣлать. Наконецъ нашъ воспитатель выдвинулся впередъ и торжественно заявилъ, что велитъ насъ связать и запереть въ комнату. Такой ультиматумъ нисколько не смутилъ брата, и онъ смѣло возразилъ: „вы не имѣете права такъ съ нами поступать, мы

будемъ сопротивляться.“ Нашъ воспитатель не нашелъ ничего сказать на это. Вечеромъ онъ намъ объявилъ, что послалъ телеграмму нашему дѣду, который былъ въ это время гдѣ-то на водахъ, и требовалъ немедленнаго пріѣзда, такъ какъ онъ долѣе насъ держать у себя не хочетъ. Въ отвѣтной телеграммѣ дѣдъ сообщилъ, что пріѣдетъ на другой день вечеромъ. Мы пріуныли. Кромѣ выговора и наказанія намъ ожидать было нечего, такъ какъ сами отлично сознавали, что хотя похожденія наши и имѣли характеръ романтическій, тѣмъ не менѣе поведеніе наше было далеко не безупречно относительно нашего воспитателя. Старались было придумать хоть что-нибудь въ оправданіе, но тщетно и, руководствуясь пословицею: „семь бѣдъ одинъ отвѣтъ“, мы рѣшили на слѣдующій день отправиться куда-нибудь за городъ и провести тамъ весь этотъ день вплоть до вечера. И дѣйствительно. Тотчасъ послѣ кофе на другой день мы ушли изъ дому, объяснивъ, что идемъ погулять, насъ не задерживали, такъ какъ не хотѣли въ послѣдній день подымать исторіи. Было уже скоро семь часовъ, когда мы вернулись домой, разспросовъ, гдѣ были, и замѣчаній не было: повидимому, нашъ воспитатель былъ радъ, что мы на весь день оставили его въ покоѣ и вернулись во-время. Вскорѣ отправились всѣ вмѣстѣ къ дѣду, который уже пріѣхалъ и ждалъ насъ. Къ величайшему удивленію, намъ не особенно досталось за всѣ эти похожденія. Думаю — отчасти отъ того, что самъ воспитатель не нашелъ для себя выгоднымъ разсказывать всю исторію, какъ она была, и ограничился общими фразами о нашихъ шалостяхъ, а кромѣ того дѣду теперь было не до того, чтобы разбирать и долго возиться съ нами, главная его забота была —отыскать человѣка, который бы взялъ насъ и на котораго можно было бы положиться и это, конечно, было не совсѣмъ легко, тѣмъ болѣе, что мы находились въ иностранномъ городѣ. Но благодаря знакомству дѣда, ему все-таки удалось подыскать новаго воспитателя, который однако поставилъ непремѣннымъ условіемъ разъединить насъ съ братомъ, такъ какъ боялся, что вдвоемъ мы опять напроказимъ; дѣдъ рѣшился меня оставить въ Прагѣ, а брата увезти въ Бауценъ. И такъ, вотъ какой плачевный финалъ нашимъ веселымъ похожденіямъ. Оставаться совершенно одному среди чужихъ и въ чужой странѣ, притомъ въ мои годы—было слишкомъ тяжело. Но что было дѣлать!

Мой новый воспитатель служилъ въ пражскомъ музеѣ библіотекаремъ, кромѣ того занималъ мѣсто секретаря въ какомъ-то ученомъ обществѣ. Это былъ человѣкъ хорошо

образованный и самоучкой ознакомившійся съ русскимъ языкомъ. Вскорѣ послѣ моего переѣзда къ нему, онъ началъ меня приготовлять въ гимназію, но объ этомъ потомъ, а теперь скажу нѣсколько словъ какъ о немъ, такъ о членахъ его семьи.

Ему было уже лѣтъ подъ сорокъ и кромѣ научныхъ познаній онъ имѣлъ за собой много другихъ преимуществъ— былъ человѣкъ добрый, съ твердыми правилами, которыя всячески старался передать мнѣ, но, несмотря на всѣ эти хорошія качества, онъ не могъ возбудить во мнѣ привязанность къ себѣ потому, что былъ слишкомъ со мной оффиціаленъ и холоденъ—обыкновенно онъ ограничивался только руководствомъ въ моихъ занятіяхъ и наблюденіемъ за моими поступками, не стараясь проникнуть въ душевный міръ. Кромѣ того первоначальному нашему сближенію мѣшало незнаніе языковъ съ моей стороны чешскаго, а имъ русскаго и то, что онъ съ самаго начала смотрѣлъ на меня искоса,—во мнѣ онъ видѣлъ испорченнаго мальчика, шалуна, съ которымъ родители не могли сами справиться и по неволѣ должны были отправить въ чужіе края. Такой взглядъ, совершенно не заслуженный, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ не безъ основанія, тѣмъ болѣе, что я, въ теченіе 6-ти лѣтняго пребыванія въ Прагѣ, ни разу не ѣздилъ домой, ни на праздники, ни на лѣтнія каникулы. Жена его, не отличавшаяся ни красотою, ни воспитаніемъ, была женщина съ добрымъ сердцемъ и добросовѣстная хозяйка. На ея рукахъ лежали всѣ заботы по дому, если только такъ можно выразиться относительно тѣхъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ состояла наша квартира. Заботы эти далеко превышаютъ тѣ, съ которыми знакомы наши дамы чиновничьяго круга, къ коему принадлежала и описываемая семья.

Она должна была исполнять и обязанности кухарки и въ то же время горничной, прачки и даже кормилицы, а потомъ няньки, такъ какъ постоянной прислуги у нихъ не было никакой, не смотря на то, что кромѣ содержанія изъ музея мой воспитатель получалъ еще съ меня и одного студента-нахлѣбника порядочныя деньги. Въ подмогу женѣ была приглашена сестра ея, и вотъ онѣ вдвоемъ успѣвали дѣлать рѣшительно все необходимое по дому, при этомъ зимой приходилось еще колоть дрова и носить ихъ на третій этажъ. Какъ ни почтенно подобнаго рода трудолюбіе, тѣмъ не менѣе оно производило на меня, жившаго въ достаткѣ и привыкшаго къ русскому житью, странное впечатлѣніе: мнѣ все казалось, что они слишкомъ жмутся, стараясь скопить

по-больше денегъ, но впослѣдствіи я убѣдился, что догадки мои были не вполнѣ вѣрны, и что семья, въ которую я попалъ, не дѣлаетъ никакого исключенія въ образѣ жизни другихъ обывателей. Насколько я могъ замѣтить, большинство чеховъ, а также и нѣмцевъ живетъ въ Австріи ниже своихъ средствъ, тогда какъ у насъ въ Россіи находятъ это унизительнымъ и, за малыми исключеніями, мы живемъ всегда выше нашихъ доходовъ. Когда попадешь, какъ было это со мной, изъ нашей обстановки средняго класса въ такую же къ чехамъ, то тутъ только увидишь ту громадную разницу въ складѣ и образѣ жизни, которые устанавливаются у насъ и у нихъ. Начну сравненіе хоть съ квартиры. Не смотря на то, что семья состояла изъ четырехъ членовъ (мужъ, жена, сестра и дочь), кромѣ того, двухъ нахлѣбниковъ, хозяева мои занимали квартиру въ третьемъ этажѣ, состоящую всего изъ двухъ комнатъ, третья была кухня, причемъ я съ студентомъ помѣщался въ продолговатой комнаткѣ въ одно окно, а вся семья въ другой комнатѣ въ два окна, раздѣленной перегородкой на спальную и гостиную—такое-то помѣщеніе занимали люди, матеріально обезпеченные. Теперь перейду къ ѣдѣ. У насъ за обѣдомъ всегда бываетъ хоть одно мясное блюдо—я говорю про средній кругъ—а тамъ только по праздникамъ, а всю недѣлю васъ кормятъ преимущественно картофелемъ въ разныхъ видахъ; сегодня—съ макомъ тертый, завтра—посыпанный творогомъ, тамъ жареный, а потомъ опять тертый съ лукомъ и т. д. Весь обѣдъ весьма незатѣйливъ и состоитъ обыкновенно изъ какого-нибудь супа, притомъ весьма сомнительной крѣпости и напоминающаго скорѣе теплую водицу съ блестками жира, чѣмъ настоящій бульонъ, потомъ подается кусокъ говядины изъ супа, достаточно уже вываренной, вмѣстѣ съ горчицею или хрѣномъ, а въ заключеніе одинъ изъ видовъ картофеля и только изрѣдка, вмѣсто него, что-нибудь мучное, въ родѣ нашихъ блинчиковъ, ватрушекъ и тому подобнаго. Такимъ образомъ, обѣдъ хотя и состоитъ изъ трехъ блюдъ, но главную роль въ немъ играетъ картофель. Въ праздники, какъ я уже говорилъ, подается что-нибудь мясное, чаще всего гусь или жареная телятина и, въ заключеніе, кружка пива. При этомъ не могу пройти молчаніемъ изобрѣтательность чешскихъ хозяекъ въ умѣньи одно и то же подавать въ разныхъ видахъ. Такъ, напримѣръ, изъ одного гуся приготовлялись слѣдующія блюда: во-первыхъ, у гуся вырѣзывался весь жиръ, который потомъ топился и подавался съ хлѣбомъ вмѣсто сливочнаго масла, во-вторыхъ, пе-

ченка гуся зажаривалась вмѣстѣ съ картофелемъ и подавалась въ субботу къ обѣду, потомъ къ ужину въ этотъ же день разваривали крылья, ножки и шейку вмѣстѣ съ рисомъ, въ третьихъ, на слѣдующій день дѣлался супъ изъ потрохъ и, въ четвертыхъ, появлялся самъ гусь, части котораго уже съ успѣхомъ фигурировали въ трехъ видахъ, и надо отдать полную справедливость — чехи умѣютъ его отлично жарить, не даромъ это блюдо считается національнымъ и, наконецъ, въ пятыхъ, на другой день къ обѣду являются его же остатки, но подъ капустнымъ соусомъ. Что же касается хорошаго ростбифа или дичи, то это роскошь, которую позволяютъ себѣ немногіе. Кромѣ того, дичь и хорошее мясо тамъ очень дороги, а потому разсчетливыя хозяйки предпочитаютъ кормить своихъ мужей традиціоннымъ гусемъ, благо изъ него можно приготовить столько блюдъ; зимой на сцену является заяцъ, причемъ и онъ подается чуть-ли не въ четырехъ видахъ. Вино совсѣмъ не пьютъ—я говорю все про средній классъ, —а пробавляются только пивомъ, замѣняющимъ имъ отчасти нашъ квасъ, такъ какъ оно тамъ совсѣмъ не имѣетъ того спиртуознаго характера, какимъ отличается русское пиво. Вмѣсто чая пьютъ кофе утромъ и часа въ четыре, причемъ приготовляется онъ весьма не вкусно и напоминаетъ собой какую-то коричневатую бурду. Часовъ въ 7 обыкновенно ужинаютъ; колбаса и ветчина являются обычной ѣдой въ это время вмѣстѣ съ кружкой пива. Чай пьютъ только зимой и то по праздникамъ; причемъ безъ коньяку или рома нѣтъ возможности его пить, благодаря тому, что завариваютъ его въ горшкѣ, который до тѣхъ поръ кипятится на плитѣ, пока не подымется паръ, и только тогда начинаютъ разливать его по стаканамъ; получается крайне непріятный напитокъ съ горьковатымъ вкусомъ и запахомъ пареной травы. Я долго не могъ привыкнуть къ такой ѣдѣ и часто голодалъ; помню, какъ-то разъ попросилъ чернаго хлѣба и, къ моему удивленію, получилъ отвѣтъ: „зачѣмъ вамъ хлѣбъ, вѣдь въ кушаньѣ есть картофель“. Оказывается, разъ къ чему-нибудь подается картофель—требовать хлѣба не слѣдуетъ, такъ какъ это совершенно лишнее, только увеличивающее расходъ. Но время взяло свое, и я такъ потомъ привыкъ къ несложной и довольно несытной, сравнительно съ нашей, чешской кухнѣ, что когда вернулся въ Россію, то первое время все удивлялся, какъ можно ежедневно ѣсть мясо, да еще обѣдъ изъ трехъ или четырехъ, весьма основательныхъ, блюдъ. Кромѣ того, развѣ можно было сравнить наши деревенскіе завтраки и ужины

съ тѣмъ, чѣмъ приходилось довольствоваться въ Прагѣ? Хотя я скоро привыкъ къ такому изобилію и разнообразію пищи, но не скажу, чтобы это особенно хорошо повліяло на мое здоровье. Въ заключеніе остается упомянуть относительно расходовъ на платье и туалеты и разнаго рода удовольствія, въ родѣ посѣщенія театровъ, концертовъ и пр. и пр., то ихъ тоже нельзя сравнивать съ тѣмъ, что тратится на все это у насъ въ Россіи. Я не замѣчалъ среди чеховъ той погони за модой, которая отнимаетъ у насъ столько денегъ. Баловъ, концертовъ бываетъ зимой очень немного, въ большинствѣ случаевъ дѣло ограничивается вечеринками, которыя устраиваются членами того или другаго общества, и здѣсь все бываетъ очень просто, такъ что посѣтителямъ не приходится тратить лишнее на костюмы. Куда же идутъ сбереженія, получающіяся отъ того, что большинство живетъ ниже средствъ?—вотъ вопросъ, который меня не мало занималъ. И въ теченіе шестилѣтняго моего пребыванія среди чеховъ я имѣлъ возможность убѣдиться, что нѣкоторая часть этихъ сбереженій идетъ и на разныя патріотическія надобности. Дѣйствительно, надо отдать чехамъ полную справедливость за тотъ высокій подъемъ національнаго чувства, коимъ они обладаютъ. Тутъ они не жалѣютъ денегъ, вполнѣ сознавая, что деньги эти идутъ дѣйствительно на дѣло. У нихъ ведется постоянная борьба за свой языкъ, за права, такъ часто и безцеремонно попираемыя австрійцами, долгая борьба съ которыми закалила ихъ сердца и сдѣлала изъ нихъ упорныхъ заступниковъ правъ своего отечества. Среди чеховъ идутъ постоянныя подписки: для постройки школъ, устройства музея, высшихъ учебныхъ заведеній, памятниковъ и пр. и пр., недавно еще, благодаря такой подпискѣ, оконченъ въ Прагѣ великолѣпный театръ, стоившій болѣе милліона и служащій теперь живымъ памятникомъ какъ высоты развитія архитектурнаго искусства, такъ и народной щедрости. При этомъ замѣчательно то, что въ большинствѣ случаевъ всѣ зданія и памятники, сооружаемые на лепты, собранныя по всей Чехіи, воздвигаются въ Прагѣ, а другіе города стараются украшать себя на собственныя средства. Правда, Прага, сердце Чехіи, равно дорога имъ, какъ намъ Москва. И у насъ бываютъ устраиваемы подписки, но онѣ идутъ всегда очень туго и притомъ не имѣютъ характера всенароднаго, а ограничиваются преимущественно интеллигентнымъ кругомъ. А посмотрите-ка на Прагу, сколько тамъ воздвигнуто на общественныя деньги монументальныхъ построекъ. Я уже упомянулъ про театръ,

*

но не менѣе грандіознымъ является Рудольфинумъ, зданіе, названное въ честь австрійскаго кронпринца и служащее мѣстомъ для выставки картинъ чешскихъ художниковъ, концертныхъ вечеровъ и пр. Кромѣ того, сколько памятниковъ въ честь разныхъ общественныхъ дѣятелей украшаетъ улицы Праги! На сколько развито чувство уваженія среди чеховъ къ памяти лицъ, снискавшихъ себѣ на томъ или другомъ поприщѣ извѣстность, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что на домѣ, въ которомъ кто-нибудь изъ этихъ лицъ жилъ, прикрѣпляется памятная доска съ подходящею надписью, а у насъ не только это не въ обычаѣ, но даже сами дѣятели, какъ только они сошли въ могилу, уже забываются.

Итакъ во всѣхъ отношеніяхъ чехи живутъ скромнѣе насъ. Ну, мыслимо ли, чтобы у насъ жена какого-нибудь учителя гимназіи, frau professorin, какъ ихъ величаютъ заграницею, исполняла всю, даже самую черную работу простой прислуги? Все это, конечно, достойно полнѣйшаго уваженія и похвалы, но, повторяю, мнѣ казалось тогда все это страннымъ. И долженъ къ своему стыду признаться, что подобное поведеніе не только не возбуждало уваженія, а наоборотъ, заставляло меня относиться къ нимъ съ какимъ-то презрѣніемъ. Помню, съ какимъ я чувствомъ бывало посматривалъ на бѣдную невѣстку, которая весь день хлопотала по хозяйству и работала до пота лица, а потомъ, вечеромъ, несмотря на физическое утомленіе, собиралась куда-нибудь на вечеръ и отплясывала до поздней ночи съ тѣмъ, чтобы утромъ опять приняться за трудовую жизнь.

Такова была семья, въ которой мнѣ пришлось жить. Надо, однако, прибавить, что условія семейной жизни не имѣли на меня почти никакого вліянія, такъ какъ бо́льшую часть дня я проводилъ въ школѣ, а дома всегда въ своей крохотной комнаткѣ, гдѣ и обѣдалъ, пилъ кофе и ужиналъ, совершенно отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи, согласно укоренившемуся обычаю. Вслѣдствіе этого, несмотря на мое шестилѣтнее пребываніе въ одной и той же семьѣ, я не только не могъ съ ней сродниться, но даже не особенно сильно привязался, скорѣе только привыкъ къ ней. Меня поражало полное отсутствіе потребности вести знакомства семей другъ съ другомъ; насколько могъ я замѣтить, каждая семья живетъ совершенно изолированно и въ рѣдкихъ случаяхъ завязываются тѣ теплыя дружескія знакомства съ членами другой какой-нибудь семьи, какъ это зачастую можно встрѣтить у насъ.

Тамъ даже знакомство между самыми близкими родственниками въ большинствѣ случаевъ неохотное, какъ будто только по необходимости. У моего воспитателя были еще три сестры незамужнія, мать и отецъ, а у его жены былъ еще живъ тоже отецъ и замужняя сестра; всѣ жили въ одномъ городѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ между ними не было никакой тѣсной связи, даже сестры мужа не были домами знакомы съ сестрами жены. И это не вслѣдствіе какихъ-нибудь семейныхъ недоразумѣній или непріятностей, нѣтъ, а просто потому что это не принято. Сперва меня удивляло существованіе подобныхъ отношеній, но когда я ближе вглядѣлся въ тамошнюю жизнь, то я понялъ дѣйствительную причину такого ненормальнаго на нашъ взглядъ положенія. И эта причина имѣла чисто-матеріальную подкладку—всѣ боялись, какъ бы не ввести другъ друга въ излишній расходъ, вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства; нужно угощать, приглашать обѣдать, ужинать—все это, конечно, нарушитъ обычный бюджетъ. Намъ русскимъ подобныя отношенія покажутся невѣроятными и весьма несимпатичными, но въ этомъ на чехахъ безспорно отразилось вліяніе нѣмцевъ, у которыхъ подобныя отношенія считаются совершенно нормальнымъ явленіемъ. При такомъ порядкѣ вещей, можно себѣ представить, какъ бываетъ трудно постороннему человѣку, а въ особенности молодому, познакомиться ближе съ той или другой семьей; если это и удается, то благодаря какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, заставляющимъ ихъ дорожить этимъ знакомствомъ. Насколько семейныя дрязги и сплетни среди знакомыхъ могутъ отравлять жизнь каждаго изъ насъ, настолько совершенная изолированность семьи, въ свою очередь, дурно вліяетъ на подростающую молодежь. Совершенно самостоятельная жизнь мальчика въ 14—15 лѣтъ, вдали отъ родныхъ, хотя и развиваетъ въ немъ твердость характера, привычку жить своимъ умомъ, но зато, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое обширное поле дается для развитія эгоизма! Приходится думать и заботиться только о себѣ; вдали отъ родныхъ и близкихъ сердцу, человѣкъ невольно позабываетъ о ихъ заботахъ, треволненіяхъ, и всѣ его интересы преимущественно сосредоточиваются около самого себя.

Какъ я уже сказалъ, меня готовили къ поступленію въ одну изъ чешскихъ реальныхъ гимназій—средне-учебное заведеніе, въ которомъ до V класса идетъ параллельная программа какъ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ вмѣстѣ съ естественными науками. Учреждены они преимущественно съ той цѣлью, чтобы легче было узнать, какое образованіе

болѣе подходитъ къ способностямъ того или другаго мальчика, поступившихъ туда,—классическое или реальное. До V класса вопросъ этотъ легко можетъ выясниться, благодаря параллельной программѣ, и родители могутъ спокойно избрать ту или другую дорогу для своего ребенка, вполнѣ увѣренные, что ихъ выборъ не сдѣланъ на угадъ, какъ это зачастую бываетъ у насъ, а основывается на прочномъ началѣ. Итакъ я приготовлялся къ экзамену, чтобы поступить въ первый классъ; приготовиться къ экзамену было мнѣ очень трудно, такъ какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я не могъ вполнѣ ознакомиться съ чешскимъ языкомъ, а потому директоръ, въ виду исключительности моего положенія, согласился допустить меня вольнымъ слушателемъ. Чувствую, что выраженіе это слишкомъ громко въ данномъ случаѣ, но затрудняюсь подыскать другое, которое бы такъ вѣрно опредѣлило мои занятія. Я сталъ посѣщать школу каждый день; уроки обыкновенно начинались съ 9-ти и продолжались до 11 или 12-ти, потомъ былъ перерывъ до 2-хъ; въ теченіе этого времени большинство ходило домой обѣдать, послѣ чего уроки продолжались до 4-хъ или 5-ти, смотря по классамъ. Первое время мнѣ было очень трудно заниматься, такъ какъ приходилось не только учить уроки, но еще прежде этого чуть-ли не каждое слово переводить на русскій языкъ, чтобы легче понять то, что нужно было заучивать. При этомъ въ первомъ классѣ преподавалось сравнительно больше, чѣмъ у насъ; не смотря на это, мнѣ все-таки удалось мѣсяца черезъ три сдать вступительный экзаменъ и, такимъ образомъ, войти въ общую колею школьной жизни, которая вскорѣ и меня понесла на своихъ волнахъ. Экзаменовъ по окончаніи каждаго учебнаго года по уставу не полагалось, исключая VIII класса, гдѣ введены были письменныя испытанія, за то въ теченіе каждаго мѣсяца учителя обязаны были выставлять отмѣтку изъ каждаго предмета. Учебный годъ состоялъ изъ двухъ семестровъ, первый кончался въ январѣ, второй въ маѣ. За каждое полугодіе выдавался особый аттестатъ, на которомъ выставлялся общій средній балъ, выведенный изъ ежемѣсячныхъ отмѣтокъ. Такой порядокъ мнѣ кажется болѣе раціональнымъ, чѣмъ система нашихъ экзаменовъ, о неудачномъ введеніи которой уже столько было писано, что останавливаться на этомъ вопросѣ нахожу излишнимъ, а постараюсь лучше объяснить, почему указанная мною система можетъ быть признана болѣе удовлетворительною, чѣмъ наша. Посмотримъ, напримѣръ, гдѣ является больше вѣроятности получить

заслуженный баллъ? При нашей системѣ иногда одинъ билетъ рѣшаетъ участь ребенка, причемъ даже успѣшныя занятія въ теченіе всего года теряютъ совершенно свое значеніе при неудачномъ отвѣтѣ на экзаменѣ. Можетъ случиться, что и прилежный ученикъ, не успѣвшій повторить къ экзамену два-три билета, какъ разъ вынимаетъ одинъ изъ нихъ и, благодаря такой случайности, остается въ томъ же классѣ на второй годъ. И наоборотъ, какой-нибудь лѣнтяй вынетъ случайно билетъ, имъ выученный, и тогда на его улицѣ праздникъ. Между тѣмъ при системѣ, практикующейся въ чешскихъ гимназіяхъ, вѣроятность получить отмѣтку согласно дѣйствительнымъ познаніямъ учениковъ несравненно бо́льшая; тамъ изъ пяти мѣсячныхъ балловъ выводится средній; причемъ каждый мѣсяцъ его спрашиваютъ нѣсколько разъ, въ особенности, если первая отмѣтка у него неудовлетворительная. Очевидно, что всѣ шансы получить хорошій балъ на сторонѣ ученика; онъ видитъ, напримѣръ, что за первый мѣсяцъ получилъ неудовлетворительный баллъ; кто же ему мѣшаетъ заняться этимъ предметомъ прилежнѣе и такимъ образомъ загладить дурную отмѣтку. Кромѣ того нельзя не указать еще на одну хорошую сторону существовавшаго тамъ порядка относительно мѣсячныхъ балловъ. Обыкновенно послѣ совѣта учителей, который происходилъ ежемѣсячно, директоръ являлся въ каждый классъ отдѣльно и читалъ о результатахъ совѣщанія относительно каждаго ученика, какъ о его успѣхахъ, такъ и по поводу поведенія. Послѣднему особенно слѣдуетъ придать важное значеніе, такъ какъ у насъ на воспитательную часть въ школахъ не обращаютъ никакого вниманія, и находятся еще лица, которыя защищаютъ установившійся порядокъ и говорятъ, что воспитаніе нисколько не относится къ обязанностямъ школы. Насколько справедливъ такой взглядъ—предоставляю судить объ этомъ самому читателю. Что же касается меня лично, то я не могу не вспомнить безъ чувства искренней благодарности за тѣ совѣты и указанія, которыя мнѣ приходилось не разъ выслушивать передъ цѣлымъ классомъ отъ почтеннаго и всѣми нами уважаемаго старичка директора. Я никогда не забуду, съ какой теплотой и участіемъ высказывалъ онъ намъ свои наставленія! Въ нихъ не было ничего оффиціальнаго и холоднаго, а наоборотъ они были проникнуты отеческой заботливостью и согрѣты теплымъ и искреннимъ чувствомъ доброжелательности. Хотя долженъ признаться, что тогда не особенно было пріятно выслушивать упреки въ небрежности занятій, а иногда выговоры за шалости пе-

редъ лицомъ всего класса; самолюбіе сильно страдало, за то теперь вполнѣ сознаю принесенную мнѣ этимъ пользу. Директоръ всегда старался дѣйствовать прежде всего на совѣсть ученика и заставить его сознаться въ своихъ проступкахъ; такого рода бесѣда имѣла крайне благотворное вліяніе, при этомъ многіе чувствовали себя гораздо хуже, чѣмъ еслибы ихъ прямо наказали, безъ публичнаго анализа, за ихъ поступки, и старались не подавать повода на будущее время къ подобнаго рода нравственному наказанію. Насколько самъ директоръ добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ, настолько и учителя слѣдовали его примѣру. Отличительная черта преподавателей тамошнихъ гимназій отъ нашихъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что почти всѣ они относятся съ любовью къ своему дѣлу. Я пробылъ пять лѣтъ въ чешской гимназіи и три года въ русской, имѣлъ много товарищей изъ разныхъ учебныхъ заведеній, какъ тамъ, такъ и здѣсь, и потому думаю, что выводы мои не будутъ слишкомъ односторонни. Тамъ учителя старались заинтересовать ученика своимъ предметомъ, пробудить въ немъ любознательность и по мѣрѣ возможности разрѣшать возникающіе у него вопросы и сомнѣнія, благодаря чему уроки значительно оживлялись и пріобрѣтали интересъ. Они не ограничивались, какъ это зачастую дѣлается у насъ, однимъ только задаваніемъ урока по книгѣ отъ сихъ поръ—до сихъ, а старались пополнить недостающія свѣдѣнія изъ запаса своихъ знаній. Съ какимъ, напримѣръ, интересомъ мы слушали уроки исторіи. Сколько въ нихъ было жизни! Насъ одинаково волновали какъ событія, происходившія въ древнемъ Египтѣ, такъ и борьба грековъ и римлянъ. И здѣсь и тамъ мы настолько близко знакомились съ ходомъ событій и съ духомъ того времени, что невольно казалось, какъ будто событія эти отдалены отъ насъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а не на тысячелѣтія. Учитель исторіи, для того чтобы болѣе ознакомить насъ съ бытомъ и жизнью египтянъ, грековъ и римлянъ, дѣлалъ самъ массу рисунковъ, изображающихъ разныя постройки, внутренность жилищъ того или другаго народа, наклеивалъ ихъ на картонъ и развѣшивалъ въ классѣ. Покупать дорогіе атласы и эстампы было не по средствамъ гимназіи, и такая заботливость учителя не только вознаграждала это, но даже заставляла насъ относиться съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ къ его труду. Еще съ бо̀льшимъ интересомъ мы занимались естественными науками, и въ особенности ботаникой. Здѣсь кромѣ удачнаго метода преподаванія,

нашъ интересъ возбуждался составленіемъ коллекцій и экскурсіями, которыя совершались цѣлымъ классомъ подъ руководствомъ учителя. Обыкновенно весной или въ началѣ учебнаго года мы отправлялись по субботамъ куда-нибудь за городъ, случалось на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ, а преимущественно пѣшкомъ, послѣ утреннихъ занятій, т. е. около часа. Дорога проходила всегда не замѣтно среди всеобщаго разговора, когда же мы были у намѣченнаго нами пункта, то отправлялись на поиски и собирались потомъ часамъ въ пяти въ какомъ-нибудь, заранѣе условленномъ, мѣстѣ, гдѣ показывали другъ другу найденные экземпляры растеній и опредѣляли, подъ руководствомъ учителя, тѣ изъ нихъ, которыя еще были намъ не знакомы. Покончивъ, такимъ образомъ, съ главною цѣлью нашей экскурсіи, мы отправлялись обыкновенно подкрѣпиться въ какой-нибудь деревенскій ресторанчикъ. И здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, въ садикѣ, съ удовольствіемъ выпивали кружку-другую пива, закусывая хлѣбомъ съ масломъ, послѣ чего весело направлялись въ обратный путь, при чемъ всю дорогу пѣли чешскія пѣсни. Зачастую подобныя прогулки дѣлались и безъ учителя и тѣмъ не менѣе никогда не было ни пьянства, ни безобразій, чему съ одной стороны препятствовало то обстоятельство, что въ деревняхъ кромѣ пива никакихъ крѣпкихъ напитковъ нельзя было достать, а съ другой и то, что, выйди какая-нибудь не совсѣмъ приличная исторія и узнай объ этомъ директоръ, что всегда очень легко могло случиться, то послѣдовалъ бы, кромѣ наказанія, запретъ устраивать подобныя экскурсіи цѣлымъ классомъ, а это считалось самой высшею карательною мѣрою, и всѣ боялись подать поводъ къ ней, настолько школьныя традиціи укоренили привязанность къ экскурсіямъ. И дѣйствительно въ нихъ есть много хорошаго; помимо чисто научнаго интереса они сближаютъ учителя съ учениками и въ послѣднихъ развиваютъ и укрѣпляютъ духъ товарищества и единства. Я вынесъ самыя хорошія воспоминанія объ этихъ экскурсіяхъ. Общее веселое настроеніе духа при возвращеніи домой настолько сильно охватывало всѣхъ, что и я, не смотря на совершенное отсутствіе музыкальнаго слуха, не стѣсняясь, подтягивалъ вмѣстѣ съ другими пѣсни, за что мои товарищи не только что не сердились, а даже выражали одобреніе, надѣясь, должно быть, что когда-нибудь и мое ухо привыкнетъ къ пѣнію, и я перестану фальшивить. Съ неменьшимъ интересомъ мы слушали преподаваніе физики, химіи и другихъ второстепенныхъ предметовъ. Что же касается древ-

нихъ языковъ, то даже преподаваніе ихъ возбуждало большій интересъ, чѣмъ у насъ. Причина заключается въ томъ, что тамъ главное вниманіе обращалось на знакомство съ произведеніями авторовъ, тогда какъ у насъ главную роль играетъ грамматика. Уроки рисованія и черченія были пріятнымъ отдыхомъ, но и тутъ преподаватель сумѣлъ возбудить соревнованіе между учениками, благодаря чему каждый старался, чтобы его рисунокъ заслужилъ одобреніе, такъ какъ лучшіе изъ нихъ выставлялись подъ стекломъ въ рисовальномъ классѣ. Не могу не указать еще на одинъ педагогическій пріемъ, заставлявшій ученика заниматься болѣе или менѣе равномѣрно предметомъ; заключался онъ въ способѣ ставить отмѣтки за отвѣты. Ученикъ никогда точно не зналъ, какой онъ получилъ баллъ за свой отвѣтъ, такъ какъ учитель заносилъ отмѣтки въ записную книжку и только по истеченіи мѣсяца выводилъ общій баллъ; благодаря этому, онъ всегда былъ въ нѣкоторой неизвѣстности относительно своего успѣха, что невольно заставляло его приготовлять каждый урокъ тщательно, а не отдыхать на лаврахъ, какъ это бываетъ у насъ, благодаря тому, что отмѣтка заносится сейчасъ же послѣ отвѣта ученика въ его балльную тетрадь. У насъ многіе даже изъ учениковъ, получившихъ хорошую отмѣтку, разсуждаютъ такъ: теперь мнѣ не скоро придется отвѣтить, потому что учителю нужно еще спросить того-то и того-то, а потому можно на время этимъ предметомъ заниматься поверхностно; а тамъ когда, по его разсчетамъ, опять могутъ спросить, онъ снова начинаетъ заниматься, какъ слѣдуетъ. Подобными соображеніями нельзя было руководиться въ чешской гимназіи и поневолѣ приходилось готовиться къ каждому уроку равномѣрно.

Существующая тѣсная связь между учащимися и учащими еще болѣе замѣтна тамъ между товарищами не только одного класса, но даже между всей чешской учащейся молодежью. Главнымъ соединяющимъ звеномъ служитъ идея національности. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что чехи, не смотря на всѣ усилія австрійцевъ ихъ онѣмечить, сумѣли отстоять свой языкъ, свою національность. Конечно, это стоило имъ многихъ жертвъ и усиленной борьбы, которая даже продолжается и по настоящее время; такъ, австрійцы еще не совсѣмъ отказались отъ долголелѣянной мысли водворить въ своемъ государствѣ нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе нравы. Благодаря этому, въ чехахъ съ раннихъ лѣтъ пробуждается чувство политическаго самосохраненія, они знаютъ, что впе-

реди ихъ ожидаетъ борьба, а потому приготовляются къ ней чуть-ли не съ третьяго класса гимназіи, и политическій вопросъ стоитъ всегда на первомъ планѣ. Обыкновенно ученики старшихъ классовъ собирались разъ въ недѣлю въ избранномъ для этого ресторанѣ и здѣсь, за кружкой пива, шли всегда горячіе дебаты: о свободѣ, необходимости національной самостоятельности, о политическихъ событіяхъ дня и пр., что, конечно, нѣсколько преждевременно для мальчиковъ. Но кромѣ того, тутъ же кто-нибудь изъ товарищей читалъ первые свои опыты или въ стихахъ, или въ прозѣ; прочитанное зачастую вызывало споры и критику, происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей, и все это способствовало болѣе или менѣе тѣсному сближенію другъ съ другомъ; здѣсь иногда слагались отношенія, продолжавшіяся чуть-ли не до гробовой доски.

Мое появленіе среди чешскихъ гимназистовъ сначала возбудило между ними нѣкоторое удивленіе; ихъ ужасно интересовалъ вопросъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Чехію и почему не воспитывался въ Россіи. Я, конечно, не могъ дать вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ и самъ тогда еще не могъ уяснить настоящую причину такой ссылки, и мои сбивчивыя и вмѣстѣ съ тѣмъ неясныя объясненія послужили сперва къ разнымъ нелѣпымъ догадкамъ въ родѣ того, что меня выслали за политическія дѣла (!?), или, что у насъ въ Россіи нѣтъ хорошихъ учебныхъ заведеній, потому меня и отправили въ Чехію; послѣдняя догадка еще болѣе распространилась, когда они узнали, что мой дѣдъ былъ извѣстный историкъ и славистъ; онъ, навѣрное, разсуждали они, хотѣлъ дать хорошее образованіе своему внуку, а потому и избралъ Прагу; это, конечно, было лестно для ихъ національнаго самолюбія, а потому они охотно успокоились на такого рода разгадкѣ занимавшаго ихъ вопроса. Конечно, въ младшихъ классахъ было трудно замѣтить расположеніе или нерасположеніе ко мнѣ, какъ къ русскому, но за то въ старшихъ классахъ образовалось среди моихъ товарищей нѣчто въ родѣ цѣлой партіи, старавшейся мнѣ всячески выразить свои чувства преданности и любви, какъ представителю русскихъ. Стали повторяться разсужденія на тему: Россія и ея значеніе въ жизни славянскихъ народовъ. Одни находили, что чехамъ нужно самимъ добиться свободы и свергнуть австрійское иго, другіе—именно русская партія—наоборотъ, всю надежду полагали на Россію и видѣли въ ней будущую избавительницу всѣхъ славянъ. Первые боялись, что Россія поглотитъ всѣхъ славянъ, разъ придется

прибѣгнуть къ ея помощи, и соединитъ ихъ подъ однимъ скипетромъ, вторые же надѣялись на наше великодушіе и мечтали о томъ, какъ бы хорошо имъ жилось подъ нашимъ крыломъ, мечтали о возстановленіи чешскаго королевства и о полной политической самостоятельности, безъ посторонняго вмѣшательства. Нельзя не замѣтить, что чехи видятъ въ Россіи *только средство* для достиженія своей завѣтной мечты; во всемъ другомъ они, благодаря своей національной гордости, находятъ, что *Россія стоитъ ниже ихъ*, а потому никакой существенной пользы оказать имъ не можетъ; они считаютъ, что какъ наука, такъ и литература и искусство,—все это у нихъ достигло гораздо высшихъ результатовъ, чѣмъ у насъ. Конечно, рѣдко кто изъ нихъ высказывалъ прямо и откровенно такіе взгляды, но среди товарищей я зачастую слыхалъ подобные намеки. Все это не мѣшаетъ имъ выражать, при каждомъ удобномъ случаѣ, своей братской любви къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить о тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ-де на Россіи относительно другихъ славянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они изучаютъ русскій языкъ, устраиваютъ у себя русскіе кружки и всячески стараются пристыдить Россію за то, что она мало обращаетъ вниманія на славянскій вопросъ и вообще какъ-то остыла къ славянской идеѣ единства.

Разсказывая о моей школьной жизни въ Прагѣ, я не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое на меня произвела потомъ школьная жизнь у насъ въ Россіи. Вслѣдствіе введенія всеобщей воинской повинности, мнѣ пришлось вернуться изъ Праги ранѣе окончанія полнаго гимназическаго курса. Пріѣхавъ въ Россію, я цѣлый почти годъ долженъ былъ употребить на подготовку къ экзамену, такъ какъ наши учебныя программы во многомъ не сходились съ чешскими и, кромѣ того, я, въ теченіе шестилѣтняго пребыванія заграницею, совершенно почти отвыкъ отъ русскаго языка и мнѣ не мало стоило труда опять овладѣть роднымъ словомъ. Наконецъ, поступилъ въ одно изъ частныхъ реальныхъ училищъ, такъ какъ въ казенномъ не было вакансіи и, къ сожалѣнію, долженъ признаться, вынесъ самое незавидное впечатлѣніе какъ о учителяхъ, такъ и вообще о постановкѣ школьнаго вопроса. Мнѣ могутъ возразить, что частныя заведенія во многомъ уступаютъ казеннымъ, а потому мое заключеніе можетъ быть опрометчиво. Хотя въ этомъ и есть извѣстная доля правды, но такъ какъ большинству нашихъ частныхъ

учебныхъ заведеній присвоены права казенныхъ и почти всѣ преподаватели частныхъ учебныхъ заведеній вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ уроки и въ казенныхъ, то, во-первыхъ, никакихъ послабленій нельзя бы допускать, разъ заведенія существуютъ, а во-вторыхъ методъ преподаванія какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, является одинаковымъ. Въ виду этого считаю не безъинтереснымъ остановиться на способѣ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, который практиковался въ томъ учебномъ заведеніи, куда я поступилъ. Начну съ Закона Божьяго,—преподавалъ у насъ одинъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ, украшенный разными знаками отличія; это былъ добрый старичекъ, но весьма слабохарактерный и притомъ, какъ преподаватель, онъ плохо справлялся съ своей высокой задачей. Доброта и снисходительность его доходили до того, что онъ во время своихъ уроковъ позволялъ каждому заниматься, чѣмъ тотъ находилъ нужнымъ, а потому—кто дѣлалъ переводъ, кто зубрилъ слова, кто рѣшалъ задачи и т. д., однимъ словомъ, всѣ были заняты, и никто не обращалъ вниманіе на то, о чемъ идетъ рѣчь. Священника слушалъ только тотъ, кто отвѣчалъ, да его сосѣдъ, если товарищу нужна была подмога въ видѣ подсказыванья. Преподаваніе ограничивалось однимъ только указаніемъ, сколько страницъ нужно выучить къ слѣдующему разу и только иногда урокъ прочитывался по книжкѣ. Насколько хорошо большинство знало предметъ, благодаря такому преподаванію,—можно себѣ представить. Но хуже еще было то, что законоучитель допускалъ крайне легкомысленное отношеніе къ своему предмету, а зачастую многіе даже безнаказанно кощунствовали, дополняя тотъ или другой разсказъ изъ священной исторіи своими подробностями. Тѣ, которые были немного знакомы съ ученіемъ натуралистовъ, прямо заявляли ему, напр. что ученіе Закона Божьяго теперь лишено всякаго смысла, что въ наше время вѣруютъ только дѣти да старики и пр. пр. И все это проходило такъ, безъ особыхъ замѣчаній со стороны законоучителя, развѣ только иногда онъ робко попроситъ не говорить глупостей. Вмѣсто того, чтобы поговорить и опровергнуть ложный взглядъ, ученикъ видитъ, что отъ него желаютъ только отдѣлаться—развѣ это не даетъ новаго повода утвердиться въ ложномъ направленіи? Въ нашихъ школахъ, кажется, не только не развиваютъ религіозное чувство, но даже на оборотъ и тѣ, которые имѣли случай дома получить первоначальное воспитаніе въ религіозномъ духѣ, поступая въ учебныя заведенія, постепенно утрачиваютъ его. Говорятъ у насъ много о такомъ

ненормальномъ явленіи, но пока ничего не сдѣлано для его устраненія. Мало, казалось бы, одного только толкованія преподавателя, а нужно вложить душу въ преподаваніе, и тогда можно ожидать результатовъ.

Второй предметъ, по своей важности, русскій языкъ преподавался весьма успѣшно. Учитель пользовался всеобщимъ уваженіемъ и сумѣлъ возбудить въ ученикахъ интересъ къ своему предмету, благодаря добросовѣстному отношенію къ дѣлу, благодаря чему большинство хорошо было знакомо съ исторіей нашей литературы. За то преподаваніе исторіи было поставлено изъ рукъ вонъ плохо. Учитель— молодой еще человѣкъ, съ либеральнымъ направленіемъ, пользовался расположеніемъ всего класса, но только благодаря тому, что самъ относился холодно къ своему предмету и съ нашей стороны допускалъ того же рода отношенія. Ограничивался онъ тоже однимъ задаваньемъ урока отъ сихъ поръ до сихъ, безъ особыхъ объясненій. За то любилъ толковать о текущихъ политическихъ событіяхъ, о томъ, какого бы слѣдовало Россіи держаться направленія въ томъ или въ другомъ вопросѣ и пр. пр., словомъ, былъ очень словоохотливъ относительно всего того, что прямо не касалось его предмета, и всегда готовъ былъ вступить въ пренія по любому вопросу. Конечно, многое изъ разсказаннаго было интересно, но бѣда въ томъ, что отъ этихъ бесѣдъ страдало преподаваніе. Часто случалось, что весь урокъ проходилъ въ однихъ разговорахъ, такъ какъ ученики, замѣчая такую любовь учителя отвлекаться посторонними вопросами, злоупотребляли его довѣріемъ и всячески старались завязать посторонній разговоръ. Кромѣ того и самъ учитель не разъ высказывался въ томъ смыслѣ, что такъ преподавать исторію, какъ требуется программою, *не стоитъ*; что это будетъ безсмысленнымъ заучиваньемъ однихъ фактовъ и годовъ, что наши руководства по исторіи никуда не годятся, что онъ по обязанности не долженъ отклоняться отъ требованій программы, а потому заставляетъ и насъ учить въ требуемомъ духѣ. Такое отношеніе къ дѣлу привело къ тому, что большинство совсѣмъ почти не занималось этимъ предметомъ. Что касается отмѣтокъ, то онъ ставилъ ихъ очень снисходительно и когда случалось, къ концу четверти учебнаго года, что многіе изъ учениковъ не были спрошены, то учитель, не задумываясь, ставилъ тотъ или другой баллъ, по личнымъ соображеніямъ, причемъ, однако, всегда лучшій, чѣмъ бы слѣдовало, такъ что были даже случаи, когда ученики сами просили поставить меньшій

баллъ, чѣмъ имъ былъ выставленъ. Разъ какъ-то на нашу просьбу объяснять исторію такъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы, онъ намъ обѣщалъ приготовиться къ слѣдующему уроку. Мы ждали съ нетерпѣніемъ этого урока и стали-было даже записывать его слова, но увы, послѣ перваго же часа, въ теченіе котораго нашъ учитель старался сказать нѣчто въ родѣ вступленія, желая выяснить свой взглядъ на то, что такое исторія, какъ она слагается, мы увидали, что наша надежда услыхать что-нибудь новое и вмѣстѣ съ тѣмъ интересное не оправдалась. Объясненіе было крайне сбивчиво, никакого своего взгляда на предметъ, повидимому, у него не имѣлось, къ тому же рѣчь его не отличалась ни связностью, ни красотой формы, такъ что многіе въ слѣдующій за симъ урокъ прекратили записывать его разсужденія. Это ужасно его обидѣло, онъ пересталъ разсказывать и потребовалъ всѣ тетрадки и тутъ же началъ вырывать записанное. Потомъ началъ спрашивать старый урокъ, причемъ половина класса получила неудовлетворительныя отмѣтки только за то, что никто не могъ припомнить, какъ назывался островъ, на которомъ было положено первое основаніе Петербургу. Гнѣвъ разсерженнаго учителя, однако, и этимъ не могъ удовлетвориться, и къ слѣдующему уроку мы должны были приготовить около 40 страницъ; послѣ окончанія урока мы пошли всѣмъ классомъ жаловаться директору, и отношенія наши съ учителемъ исторіи сдѣлались крайне натянутыми; онъ сталъ относиться очень строго къ нашимъ отвѣтамъ, благодаря чему появилась масса неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, хотя отчасти и заслуженныхъ, но тѣмъ не менѣе, все это было крайне непріятно, и мы стали придумывать, чѣмъ преложить гнѣвъ его на милость. Рѣшено было извиниться всѣмъ классомъ и просить продолжать начатое вступленіе къ исторіи. Однако наша просьба увѣнчалась успѣхомъ только отчасти, такъ какъ, хотя мы и получили прощеніе, но продолжать начатое повѣствованіе учитель отказался. Послѣ этого инцидента все опять вошло въ свою колею, опять начались толки о политикѣ, о Бисмаркѣ и пр. и пр.

Преподаваніе другихъ предметовъ шло болѣе или менѣе ровно; хорошо были поставлены: нѣмецкій языкъ, математика, естественная исторія и пр. Учитель физики почему-то требовалъ, чтобы ученики отвѣчали урокъ тѣми словами, какими онъ намъ его объяснялъ, отбивая только охоту у учениковъ заниматься этимъ интереснымъ предметомъ. По программѣ

реальныхъ училищъ обязателенъ только одинъ изъ новыхъ языковъ, поэтому я, поступая въ училище, ограничился только нѣмецкимъ языкомъ, а отъ французскаго отказался. Но когда я уже былъ принятъ, директоръ сталъ настаивать, чтобы я занимался и французскимъ языкомъ, такъ какъ всѣ остальные ученики изучаютъ оба языка; пришлось поневолѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что мнѣ было обѣщано, что первое время я буду избавленъ отъ обязательныхъ занятій. Не хотѣлъ я заниматься потому этимъ предметомъ, что многое позабылъ и боялся, что буду слишкомъ обремененъ занятіями, но каково же было мое удивленіе, когда мои скудныя познанія изъ этого предмета оказались не только достаточными для V класса, а даже, благодаря имъ, можно было весь годъ почти ничего не дѣлать и все-таки получать хорошія отмѣтки.

Преподаватель французскаго языка—лекторъ университета—держалъ себя съ учениками такъ, какъ въ университетѣ съ студентами, т. е. никогда ничего не задавалъ и говорилъ, что мы должны заниматься сами. Такой методъ, пригодный для университета, для гимназій врядъ ли можно назвать удачнымъ, уже потому, что у учениковъ рѣдко бываетъ развито сознаніе въ необходимости самостоятельнаго труда, а кромѣ того, обязательныя занятія по другимъ предметамъ невольно отвлекаютъ даже самыхъ стойкихъ отъ благихъ намѣреній; благодаря такой системѣ преподаванія, никто никогда не занимался французскимъ языкомъ; даже тѣ, кто дома кой-чему выучился, забывали постепенно все болѣе и болѣе то, что знали. Что же мы дѣлали во время урока французскаго языка? Занимались всѣмъ, чѣмъ угодно, только не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало по росписанію. Это былъ у насъ такой же неоффиціально свободный часъ, какъ урокъ Закона Божьяго. Нашъ добрѣйшій французъ, отлично знавшій русскій языкъ, былъ образованъ весьма разносторонне и обладалъ замѣчательною памятью. Кромѣ того, онъ былъ художникъ и издатель газеты по части цвѣтоводства и огородничества; послѣднее обстоятельство служило намъ неизсякаемымъ источникомъ для разспросовъ, и многіе изъ насъ пріобрѣли полезныя въ сей области познанія. Время отъ времени мы, однако, занимались и французскимъ языкомъ; занятія эти заключались въ томъ, что кто-нибудь изъ насъ долженъ былъ переводить съ французскаго на русскій ту или другую статейку изъ учебника. Но какъ было переводить, когда почти никто не зналъ словъ? На помощь являлся самъ учитель и подсказывалъ слово за словомъ, такъ что

выходило, что переводъ дѣлаетъ самъ учитель, а ученикъ, въ большинствѣ случаевъ, только за нимъ повторяетъ.

Въ VII, дополнительномъ классѣ, согласно программѣ, на французскій языкъ полагалось 6 часовъ въ недѣлю: при такомъ значительномъ числѣ уроковъ, конечно, можно бы было чему-нибудь научиться, еслибы только хоть немного серіознѣе относиться къ предмету. Намъ самимъ уже наскучили такія занятія, и мы просили нашего учителя указывать намъ статьи, которыя онъ предназначаетъ для перевода, съ тѣмъ, чтобы дома къ нимъ приготовиться или начать чтеніе какой-нибудь несложной повѣсти, но наша просьба не была уважена. Учитель увѣрялъ, что не приготовляться къ переводу лучше, что у насъ, благодаря этому, разовьется способность скораго пониманія того, что читаемъ, и пр. пр. Все это вѣрно только при томъ условіи, если ученики настолько подготовлены, что могутъ самостоятельно браться за переводъ, но при полномъ отсутствіи у насъ запаса словъ—эта была напрасная надежда.

Я остановился здѣсь нарочно долѣе на преподаваніи предметовъ, которые были поставлены у насъ въ училищѣ неудачно, съ тѣмъ чтобы выяснить, кто въ этомъ болѣе всего виноватъ. Директоръ долженъ наблюдать какъ за ходомъ занятій, такъ и за веденіемъ преподаванія учителями. Но какъ исполняется у насъ эта важная обязанность? Нашъ директоръ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ моего пребыванія въ его училищѣ, ни разу не заглядывалъ въ классъ во время преподаванія того или другаго предмета. Какъ человѣкъ, онъ отличался своей добротой и вмѣстѣ съ тѣмъ безхарактерностью; кромѣ того онъ старался угодить и нашимъ, и вашимъ, т. е. ученикамъ и учителямъ; вслѣдствіе чего онъ часто дѣлалъ уступки ученикамъ тамъ, гдѣ бы не слѣдовало и наоборотъ, въ другой разъ бывалъ неумѣстно строгъ, а подъ часъ и несправедливъ. Все это подрывало его авторитетъ въ нашихъ глазахъ, и онъ не пользовался должнымъ уваженіемъ, ни среди учителей, которые часто прохаживались на его счетъ при ученикахъ, ни среди учениковъ. Объ тѣхъ отношеніяхъ, которыя были между учениками и директоромъ въ Пражской гимназіи, и помину не было; здѣсь всегда и [illegible] всемъ проглядывала только одна оффиціальность. У [illegible] во нашъ директоръ пускался въ бесѣды и любилъ читат[illegible] хотя воученія, но мы отлично понимали, что онъ говор[illegible]ь нравсѣмъ не отъ сердца, а какъ-бы по обязанности. [illegible]ритъ сосовсѣмъ въ классахъ, нашъ директоръ, конечн[illegible] не бывая знать о тѣхъ упущеніяхъ, которыя дѣлали в[illegible]ло, не могъ [illegible] нѣкоторые изъ

учителей. И несмотря на то, что родители иногда прямо жаловались на халатное отношеніе того или другаго учителя къ преподаванію своего предмета, директоръ все-таки не находилъ нужнымъ убѣдиться въ справедливости жалобы, чтобы принять надлежащія мѣры, а всегда старался только какъ-нибудь успокоить возмущавшихся родителей, обѣщая сдѣлать все, что только отъ него зависитъ. А такъ какъ говорить онъ былъ мастеръ, то родители обыкновенно уходили, увѣренные въ успѣхѣ своего ходатайства. Но увы, успѣхъ былъ крайне сомнительный, потому что директоръ боялся возникновенія всякихъ недоразумѣній съ учителями, а потому предпочиталъ замѣчаній имъ не дѣлать, или же дѣлалъ въ такой неясной формѣ, что учителя не считали нужнымъ отступать отъ своего метода въ преподаваніи.

Но вѣдь кромѣ директора есть и другой контроль въ лицѣ окружнаго инспектора и попечителя. И дѣйствительно, пріѣзда этого ревизора всегда боялись не только ученики, но и сами учителя, и тѣ и другіе всячески старались показать товаръ лицомъ, чтобы только заслужить одобреніе: при этомъ случалось, что учителя не слишкомъ были разборчивы въ выборѣ средствъ для достиженія своей цѣли. Такъ помню, что однажды окружной инспекторъ явился въ нашъ классъ во время урока исторіи. Выслушавъ два-три отвѣта, инспекторъ обратился къ преподавателю и попросилъ его разсказать при немъ то, что онъ намѣревается задать къ слѣдующему разу. И что же мы слышимъ: учитель, вмѣсто того чтобы продолжать разсказъ съ тѣхъ поръ, гдѣ мы остановились, начинаетъ разсказывать старый урокъ, который мы пережевывали чуть-ли не три раза въ классѣ. Другой разъ инспекторъ явился во время урока французскаго языка; мы всѣ ужасно перетрусили; однако переводъ съ французскаго сошелъ довольно удачно, благодаря тому, что вызваны были лучшіе ученики, но потомъ, по просьбѣ инспектора, начался диктантъ; со страхомъ подаемъ тетрадки учителю, который тоже, повидимому, былъ немного смущенъ, но онъ все-таки во́-время нашелся и, собирая тетрадки, положилъ тѣ, которыя принадлежали лучшимъ ученикамъ на верхъ, такъ что инспекторъ, просмотрѣвъ только двѣ верхнія изъ нихъ, остался доволенъ и поблагодарилъ учителя за успѣшное преподаваніе; мы торжествовали. Конечно, нашу радость, по поводу такого неблаговиднаго поступка, въ нашъ возрастъ можно было извинить, но врядъ-ли можно сдѣлать это по отношенію учителей какъ въ

томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ. Какой это былъ примѣръ для учениковъ!

Послѣ ухода инспектора и въ томъ и въ другомъ случаяхъ учителя находили нужнымъ оправдаться передъ нами, и говорили на тему, что всѣ эти ревизіи одна кукольная комедія, что самъ ревизующій ничего не знаетъ, и только чрезмѣрной строгостью хочетъ доказать, что онъ отлично знакомъ съ предметомъ, а потому въ порядкѣ вещей устроить такъ, чтобы онъ вынесъ самое хорошее впечатлѣніе. Если ученики стараются провести своихъ учителей, то и тѣ въ свою очередь не прочь сдѣлать то же со своимъ начальствомъ, такъ какъ оно всегда дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. Такимъ образомъ передъ нашими глазами была яркая картина всеобщаго обмана, оправдываемаго существующими порядками; защищалась весьма серіозно необходимость обмана, въ виду будто-бы нелѣпыхъ требованій программы. Меня удивляетъ, что разсказанную исторію позволяли себѣ продѣлать лица, заслужившія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ уваженіе. Какимъ силлогизмомъ они оправдывали свой поступокъ въ собственныхъ глазахъ, рѣшить трудно.

Благодаря небрежному отношенію учителей къ своимъ обязанностямъ, общій уровень пріобрѣтенныхъ познаній учениковъ, въ большинствѣ случаевъ, стоялъ довольно низко и еще больше понижался, благодаря существующей у насъ экзаменаціонной системѣ, которая успѣла уже пустить глубокіе корни въ нашу школьную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ принесла неутѣшительные плоды. Противъ экзаменовъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ у насъ, писали слишкомъ уже много. Ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями, сдѣланными мною во время школьной жизни. Благодаря экзаменамъ, ученикъ дѣйствительно усвоиваетъ довольно быстро и хорошо тѣ или другія свѣдѣнія, требуемыя отъ него программою, но за то на весьма короткій срокъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, не болѣе, и по истеченіи года у него остаются въ головѣ одни обрывки познаній. Но кромѣ неудачныхъ результатовъ, которые достигаются благодаря экзаменамъ въ научномъ отношеніи, они дурно вліяютъ на развитіе нравственной стороны учащейся молодежи. Вполнѣ сознавая, что отъ экзаменовъ зависитъ переходъ въ слѣдующій классъ, ученикъ, конечно, стремится только къ одному— сдать благополучно ненавистные экзамены, при этомъ рѣдко останавливается передъ выборомъ средствъ для достиженія своей цѣли. Его воображеніе сильно работаетъ, а изворот-

ливый умъ подыскиваетъ безопасный и вмѣстѣ съ тѣмъ удачный пріемъ, благодаря которому онъ бы могъ, въ случаѣ нужды, выказать требуемыя экзаменомъ познанія изъ того или другаго предмета. И до какой тонкости доходитъ иногда въ этомъ его изобрѣтательность!

Разнаго рода обманы на экзаменахъ не только практиковались отдѣльными лицами, но зачастую совершались всѣмъ классомъ по обдуманному заранѣе плану. Напримѣръ, при переходѣ моемъ изъ V класса въ VI, одному изъ пансіонеровъ удалось уговорить директорскаго лакея за приличное вознагражденіе достать изъ стола директора темы для письменныхъ экзаменовъ. Извѣстіе о представлявшейся возможности удачно сдать экзамены довольно скоро распространилось среди учениковъ; причемъ иниціаторъ этого предпріятія для бо̀льшаго успѣха искусно подготовлялъ почву для того, чтобы склонить всѣхъ принять въ немъ участіе; для этого онъ сперва посвятилъ въ свои планы самыхъ слабыхъ учениковъ, которымъ угрожала явная опасность провалиться: заручившись ихъ согласіемъ, онъ сталъ склонять и другихъ, при этомъ доказывалъ, что если они даже не пожелаютъ воспользоваться полученными заранѣе темами, то во всякомъ случаѣ должны будутъ молчать обо всемъ, если только не захотятъ выдавать товарищей. Кромѣ того онъ выставлялъ имъ на видъ, что они, лучшіе ученики, могутъ не совсѣмъ удачно рѣшить экзаменаціонныя темы, тогда какъ худшіе всѣ рѣшатъ хорошо, такъ какъ заранѣе подготовятся, а это, конечно, дурно повліяетъ на ихъ отмѣтки. Послѣдній аргументъ многихъ сбилъ съ толку, и въ концѣ концовъ оказалось, что весь почти классъ, за исключеніемъ троихъ-четырехъ, согласился на обманъ.

Итакъ письменные экзамены сошли у всѣхъ благополучно, но изъ математики пришлось сдавать кромѣ того устные, и тутъ-то многіе оказались очень слабыми. Учитель догадался, что, должно быть, его обманули, но разслѣдованія никакого не было, онъ ограничился только тѣмъ, что по математикѣ отмѣтки за письменныя работы не принялъ во вниманіе при выводѣ общаго балла, а по другимъ предметамъ пришлось по неволѣ оставить все безъ измѣненій, такъ какъ устныхъ экзаменовъ по нимъ не полагалось. Но кромѣ этого бывали случаи, когда сами учителя помогали ученикамъ обманывать самихъ же ихъ, учителей. Повидимому, это какой-то абсурдъ, а въ дѣйствительности дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Письменныя работы на выпускныхъ экзаменахъ, послѣ просмотра учителя, представляются попечи-

телю, который наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы отмѣтки соотвѣтствовали работѣ. Такимъ образомъ учитель до нѣкоторой степени отвѣчаетъ за успѣхъ своихъ учениковъ, поэтому понятно, что онъ желаетъ, чтобы его ученики получили хорошіе баллы,—такъ какъ это служитъ доказательствомъ успѣха его преподаванія. И вотъ, иногда онъ самъ, или же кто-нибудь другой, назначенный присутствовать при экзаменахъ, помогаетъ рѣшать задачу, благодаря чему и ученикъ получаетъ хорошую отмѣтку, да и учитель спокоенъ—ему не угрожаетъ выговоръ за неуспѣшность его класса.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній не могу не сказать нѣсколько словъ о товарищахъ. Насколько въ Пражской гимназіи узы товарищества среди учениковъ были крѣпки, настолько въ нашихъ гимназіяхъ они бываютъ слабы. Меня поразила эта обособленность, наблюдаемая среди учениковъ нашихъ гимназій: каждый живетъ отдѣльно отъ интересовъ своихъ товарищей, общаго кромѣ шалостей и уроковъ ничего не бываетъ; даже въ старшихъ классахъ нельзя было замѣтить болѣе тѣсныхъ товарищескихъ отношеній. А кажется, когда бы и сходиться, и спорить, какъ не въ эти годы, когда передъ юношей открывается цѣлый міръ животрепещущихъ интересовъ? Въ рѣдкихъ случаяхъ близко сходились двое-трое, но не болѣе и то часто замѣчалось, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ дружбы, охлажденіе, такъ какъ большинство читало очень не много, а посторонними вопросами, не касающимися школьной жизни, заниматься не любили. Читая воспоминанія людей прошлаго времени, удивляешься и просто завидуешь такой школьной жизни, которая была тогда. Сколько было горячихъ споровъ, какая масса затрогивалась интересныхъ вещей! Чувствуешь, что они дѣйствительно жили полною жизнью, а мы только прозябали, заучивая задаваемые уроки. Оканчиваетъ юноша, послѣ девятилѣтняго мытарства въ классической гимназіи, курсъ и получаетъ давно желанный аттестатъ зрѣлости. Однако въ чемъ же выражается эта зрѣлость? Въ учебномъ отношеніи ее можно замѣтить только въ теченіе первыхъ недѣль послѣ экзаменовъ, а тамъ, на скорую руку пріобрѣтенныя познанія быстро улетучиваются, и въ головѣ остаются только какіе-то обрывки знаній, ничѣмъ между собой не связанные и напоминающіе собой рѣдкіе оазисы въ необитаемой пустынѣ; въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ зрѣлость эта выражается полнымъ безвѣріемъ, за рѣдкими исключеніями, и отсутствіемъ достойныхъ идеаловъ. Можетъ быть во многомъ бываетъ виновата и семья. Душѣ ихъ не на чемъ

отдохнуть и не на что опереться въ житейскихъ невзгодахъ. Они живутъ изо дня въ день, не давая себѣ въ томъ никакого отчета, не задаваясь никакими иными цѣлями, какъ только достиженіе личнаго благосостоянія. Но какъ только начинаютъ сознавать и пустоту своей жизни, такъ является роковой вопросъ быть или не быть. Съ одной стороны полное пресыщеніе и разочарованіе въ той жизни, которую они ведутъ, съ другой стороны,—ничего утѣшительнаго впереди, что̀ бы привлекало ихъ къ жизни—все тѣ же кратковременныя радости, та же тяжелая борьба за существованіе. При такомъ взглядѣ на жизнь, конечно, ничего другаго не остается, какъ только покончить разсчеты съ ней. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего подвергать себя житейскимъ неудачамъ въ жизни, когда отъ нея ничего не ждешь и убѣжденъ, что со смертью кончается все относящееся до твоего личнаго *я*. Первоначально я желалъ только познакомить читателя съ ходомъ преподаванія и школьною жизнью въ Пражской гимназіи, но по мѣрѣ того, какъ подвигался въ своемъ разсказѣ, невольно дѣлалъ сопоставленія этой жизни съ нашей и пришелъ къ убѣжденію, что не лишнее будетъ посвятить нѣсколько строкъ воспоминаніямъ о порядкахъ, которые я встрѣтилъ въ нашей гимназіи. Желательно, чтобы на воспитаніе было обращено надлежащее вниманіе, такъ какъ до сихъ поръ воспитаніе вполнѣ игнорировалось со стороны школы. Въ жизни такое упущеніе приноситъ ужасный вредъ; можно скорѣе согласиться на сокращеніе научныхъ требованій, лишь бы нравственные устои и здравыя убѣжденія укоренялись среди учащейся молодежи крѣпче.

Отказываться отъ этой безспорно трудной обязанности, говорить, что это дѣло семьи—школа, по нашему крайнему разумѣнію, не имѣетъ никакого права. Большую часть дня учащійся проводитъ въ школѣ, окруженный товарищами, которые имѣютъ зачастую, даже на лучшихъ учениковъ, самое дурное вліяніе, имѣющее неутѣшительныя послѣдствія.

Думаю, что всѣ эти замѣчанія не лишены нѣкотораго значенія - при сравненіи они складывались сами собою.

А. ПОГОДИНЪ.

Отецъ-командиръ.

Разсказъ.

Половина іюля. Полдень. Солнце такъ и палитъ; хоть бы самое легкое дуновеніе вѣтерка, хоть бы самое маленькое облачко — ничего. Пыль — мелкая, желтая, проникающая сквозь самыя микроскопическія скважинки, поднятая проѣзжающими и проходящими по большой дорогѣ—такъ и стоитъ въ раскаленномъ воздухѣ огненно-желтымъ столбомъ. Птицы, животныя—всё куда-то попряталось; даже собаки, которыя такъ любятъ спать на самомъ припекѣ, и тѣ забились въ тѣнистыя мѣста и лежатъ тамъ, раскинувшись, какъ убитыя. Травы и признаковъ нѣтъ—вся выгорѣла. Листва на деревьяхъ завяла, скоробилась и покрылась такимъ слоемъ пыли, что на нее просто смотрѣть противно. Небо, на что ужь оно высоко, и то не вынесло томящаго зноя и изъ голубаго обратилось въ грязно-сѣрое—точно запылилось и заблекло. Дышать трудно, невозможно почти!... Лежишь въ какомъ-то отчаяніи, чувствуя полнѣйшую безпомощность, полнѣйшую невозможность не только что дѣлать что-нибудь, но даже просто думать о чемъ бы то ни было и только изрѣдка тяжело вздыхаешь и томишься, точно ожидаешь съ минуты на минуту, что распустишься какъ сахаръ въ водѣ.

Эта несносная жара, эта невыносимо мучительная духота еще чувствительнѣе подъ тонкимъ холстомъ палатки, сквозь который такъ и жарятъ солнечные лучи. Въ лагерѣ точно вымерло все: каждый лежитъ на своемъ мѣстѣ и терпѣливо страдаетъ втихомолку. На линейкахъ виднѣются только фигуры дневальныхъ и караульныхъ въ бѣлыхъ гимнастическихъ рубахахъ.

Только Волга, одна Волга—не поддалась этому зною и величаво-спокойно катитъ по-прежнему свои быстрыя, могучія волны. Для нея эта жара нипочемъ! Съ ней только морозъ совладать можетъ, да и то не совсѣмъ и не надолго: скуетъ онъ ее сверху, а она все-таки и подо льдомъ катится и бурлитъ, а потомъ разсердится, взломаетъ свои ледяныя цѣпи и разольется еще шире, еще краше, еще могучѣе.

— Послать Осипова четвертой роты къ ротному командиру! раздается вдругъ чей-то охрипшій голосъ, нарушая всеобщую почти мертвую тишину.

Дневальные ожили, повскакали со своихъ мѣстъ и на разные голоса начали передавать приказаніе, перевирая на всѣ лады.

Осиповъ, молодой еще солдатъ, средняго роста, плотно сложенный, съ добродушнымъ, чисто русскимъ лицомъ, съ большими голубыми глазами и бѣлокурыми, по формѣ, коротко подстриженными, волосами, лежавшій до сихъ поръ съ закинутыми за голову руками въ такой лѣнивой позѣ, что, казалось, никакія силы небесныя не въ состояніи сдвинуть его съ мѣста, вскочилъ такъ быстро, какъ будто ему разомъ въ спину цѣлый десятокъ булавокъ воткнулся, и проворно началъ одѣваться.

— Осиповъ? Здѣсь что ль? просунулась въ палатку голова дежурнаго по ротѣ.

— Здѣся, здѣся!.. Сбираюсь!

— А ты скорѣй!.. ротный требуетъ!..

— Сею минуту!..

И Осиповъ, котораго дежурный для очистки совѣсти все-таки продолжалъ торопить, съ поразительной быстротой, не болѣе какъ въ минуту, успѣлъ умыться, причесаться, подтянуться и вообще совершить то, что называется „принять бодрый и приличный солдату видъ“. Еще черезъ полъ минуты онъ уже стоялъ у палатки ротнаго командира и, вытянувшись въ струнку, ожидалъ, пока деньщикъ доложитъ о его приходѣ.

— Пусть войдетъ сюда! раздался голосъ командира.

Осиповъ снялъ фуражку, согнулся въ три погибели, протиснувшись въ холщевую дверь, и снова вытянулся.

— На́ вотъ тебѣ письмо съ рублемъ отъ родителей, должно быть [1]).

---

[1]) Денежныя письма на имя нижнихъ чиновъ получаетъ казначей и сдаетъ ихъ ротнымъ командирамъ, а тѣ уже выдаютъ ихъ людямъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокобродіе! Гаркнулъ Осиповъ весело.

— Ступай, да смотри деньги зря не транжирить!

— Слушаю, ваше высокобродіе! Никакъ нѣтъ!..

Осиповъ счастливый вышелъ изъ палатки. Сердце его билось усиленно.

„Съ чего бы это? задохнулся—ровно на гору лазилъ!" раздумывалъ онъ, крѣпко сжимая въ рукѣ полученное письмо—точно несъ какой-то кладъ въ рукѣ и боялся, что кто-нибудь отнимать его станетъ.

— Панфилъ Ивановичъ, дозвольте мнѣ на Волгу искупаться сходить, произнесъ онъ, останавливаясь у палатки, изъ-подъ поднятой полы которой виднѣлся атлетическаго тѣлосложенія взводный унтеръ офицеръ, напоминавшій своимъ обликомъ николаевскаго служаку.

— Что жъ? Ступай! Мотри къ ученью не опоздай только!

— Никакъ нѣтъ! Не опоздаю! Покорнѣйше благодаримъ.

— Да легше мотри: отъ берега чтобы далеко—ни Боже мой! Да и на народѣ чтобъ! А то утонешь сдуру, а потомъ отвѣчай за тебя!..

— Никакъ нѣтъ, Панфилъ Ивановичъ, я тутъ, около—гдѣ всѣ!

— То-то, мотри!.. Ну, съ Богомъ!

Осиповъ еще разъ, какъ того требовали приличія, сказалъ—„покорнѣйше благодаримъ" и направился къ берегу Волги.

Но не купаться онъ шелъ: онъ выпросился для того, чтобы прочесть письмо наединѣ—такъ, чтобы никто не видалъ; „на народѣ" въ палаткѣ ему не хотѣлось читать: сейчасъ стали бы приставать съ разспросами, стали бы просить угощенія на радостяхъ, что изъ дома письмо получилъ. Ему и не жалко было бы угостить товарищей—да не на что: лагерь только еще начинался, а сапоги его требовали капитальнаго ремонта,—кромѣ же полученнаго рубля никакихъ денегъ въ его распоряженіи не было и ждать было не откуда.

Осиповъ далеко обошелъ мѣсто, отведенное для купанья солдатъ, поднялся шаговъ на триста вверхъ по теченію и усѣлся подъ раскидистымъ осокоремъ, разросшимся какъ разъ надъ самымъ обрывомъ, такъ что часть корней его обнажилась и висѣла въ воздухѣ.

Такихъ деревьевъ много попадается вдоль береговъ Волги и ежегодно сотни ихъ гибнутъ безъ всякой пользы, засоряя

русло рѣки и способствуя образованію мелей. Ростетъ, ростетъ такое дерево иногда многіе десятки лѣтъ, а берегъ все обваливается и обваливается, дерево все ближе и ближе подходитъ къ обвалу, и вотъ настаетъ моментъ, когда очутится оно на самомъ обрывѣ, половина корней его обнажится и безпомощно повиснетъ надъ водой, будто въ ужасѣ растопыривъ ихъ, тщетно ищетъ опоры... Жаль смотрѣть на такое дерево, полное силъ, красоты и жизни и осужденное на неминуемую гибель... Простоитъ оно такъ еще годъ, много два и, наконецъ, рухнетъ внизъ съ страшнымъ трескомъ,—точно застонетъ въ отчаяніи,—на цѣлую версту въ окружности взволнуется гладкая поверхность воды; высоко взлетятъ брызги, сверкая потоками блеска драгоцѣнныхъ камней; налетятъ на него со всѣхъ сторонъ волны, словно разсерженныя за нарушенное спокойствіе и понесутъ его далеко, далеко отъ роднаго берега и будутъ бить и хлестать его до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ или снова не прибьетъ его къ берегу или, намокнувъ, затонетъ оно и на сотню лѣтъ засядетъ каршой [1]), приводя въ отчаяніе ловцовъ [2]), рвущихъ объ него свои сѣти...

Переведя духъ и снявъ шапку, Осиповъ взялъ письмо обѣими руками, поднесъ его поближе къ глазамъ и долго осматривалъ адресъ, штемпеля, темно-коричневыя сургучныя печати и только тогда рѣшился распечатать его, когда запомнилъ каждую черточку на конвертѣ. Бережно вскрывъ пакетъ, онъ вынулъ клочекъ сѣрой бумаги, покрытый чрезвычайно прихотливыми каракулями, выведенными старательно и не безъ нѣкотораго шика, разбирать которыя безъ привычки тѣмъ не менѣе было также трудно, какъ и іероглифы,—внимательно разсмотрѣлъ старенькую, протершуюся въ нѣскольких мѣстахъ рублевую бумажку и затѣмъ уже принялся за чтеніе письма.

„Дорогой и любезный сынъ нашъ, Иванъ Макѣевичъ“, читалъ онъ вслухъ для большей вразумительности:—но еслибъ онъ читалъ про себя, то ничего бы не понялъ,—„шлемъ тебѣ въ первыхъ строкахъ сего письма наше родительское благословеніе, которое можетъ быть для васъ нерушимо и даже по гробъ вашей жизни; и во вторыхъ кланяемся вамъ, родители ваши съ почтеніемъ и любовью и

[1]) Каршой—по Волгѣ называютъ затонувшее дерево карши бываютъ иногда такъ велики, что объ нихъ пароходы проламываютъ свое дно.

[2]) Ловцами, по волжскому нарѣчію, называютъ рыбаковъ. Если ловца назвать рыбакомъ—онъ обидится.

цѣлуемъ васъ во уста сахарныя; а еще кланяется супруга ваша Агафья Семеновна до сырой земли; а еще кланяется сестра ваша единоутробная Марья Макѣевна и со дѣтками своими и шлетъ вамъ почтеніе и сестринъ поклонъ до сырой земли".

— Что же это отъ Гапки поклона не прислали! съ удивленіемъ подумалъ Осиповъ, такъ какъ было написано, что кланяется ему только жена, а объ сынѣ ничего сказано не было. Онъ еще разъ перечелъ письмо сначала—не просмотрѣлъ ли, молъ, какъ-нибудь,—нѣтъ отъ сына поклона не прислали. Забыли какъ-нибудь, рѣшилъ онъ съ неудовольствіемъ.

„А еще кланяется вамъ дядя вашъ Егоръ Степановичъ и съ супругой и со дѣтками; а еще..." и т. д. все поклоны отъ разныхъ родственниковъ и знакомыхъ слѣдовали на двухъ страницахъ. Все это Осиповъ читалъ съ большимъ вниманіемъ и съ самымъ живымъ интересомъ.

На четвертой страницѣ, почти въ самомъ концѣ значилось слѣдующее: „А все у насъ обстоитъ благополучно; всѣ мы живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ, только супруга ваша Агафья Семеновна очень убивается, такъ что какъ сына твоего Агапа Ивановича Господь прибралъ къ себѣ..."

Прочиталъ эту строчку Осиповъ и не понялъ что то, только сердце у него захолонуло: точно кто взялъ его въ кулакъ и сжалъ изо всей силы. Протеръ онъ глаза, еще разъ прочелъ эту строчку, такъ ли, молъ, разобралъ, не ошибся ли... Нѣтъ, такъ и стоитъ—вѣрно! Что же это такое?!.. Господи!.. Гапка померъ, Господи!..

Вывалилось письмо и засаленная рублевая бумажка изъ рукъ солдата и сидитъ онъ осунувшись подъ осокоремъ и смотритъ куда-то въ пространство, на Волгу, на тотъ берегъ, исчезающій въ голубоватой дали, на пароходъ, шумно и быстро разсѣкающій волны, на чайку, вьющуюся надъ песчаной отмелью,—смотритъ и видитъ все это, а въ то же время какъ будто и не сознаетъ ничего: въ груди жметъ, душитъ, ровно кто сто пудовъ навалилъ и вотъ въ глазахъ словно туманъ разстилаться началъ и мелькаетъ передъ нимъ въ этомъ туманѣ то изба перекосившаяся, то краснощекая чернобровая баба-молодуха, то курчавая, бѣлокурая головка Гапки и раздается въ ушахъ звонкій, веселый смѣхъ милаго бѣлокураго мальчугана.

Долго ли, мало ли просидѣлъ онъ такъ—можетъ и до ночи досидѣлъ бы, только вдругъ вспомнилъ, что на ученье

надобно поспѣшать. Вскочилъ Осиповъ, какъ ошпаренный, поднялъ валявшееся письмо, засунулъ его въ карманъ и пошелъ къ лагерямъ, тревожно прислушиваясь къ барабанамъ и горнамъ, наигрывавшимъ разные сигналы. Только на полдорогѣ вспомнилъ онъ о забытомъ рублѣ; дѣлать нечего—не бросать же!..—вернулся назадъ, нашелъ въ травѣ кредитку и бѣгомъ поворотилъ въ лагерь.

Бѣжитъ онъ, торопится, а передъ глазами нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ Гапка,—то бѣленькій, румяный съ веселыми глазками; то блѣдный, позеленѣвшій, съ заострившимся носикомъ, на столѣ, со сложенными на крестъ крохотными ручонками, и обольется кровью солдатское сердце, и бѣжитъ солдатъ, и торопится еще пуще...

Роты выходили къ разсчету и строились, когда Осиповъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ свою палатку и трясущимися руками началъ надѣвать аммуницію.

— Чего замѣшкался?!.. Выходи къ разсчету живѣй!.. Въ другой разъ не пущу!.. сердито крикнулъ на него капралъ, отпускавшій его купаться.

— Виноватъ, Панфилъ Ивановичъ! отвѣтилъ Осиповъ и, пристегивая подхватъ [1]), сталъ на свое мѣсто.

Вышелъ фельдфебель, сосчиталъ ряды, разсчелъ роту на взводы, на отдѣленія.

— Ровняйсь!.. Смирно!.. Первый, второй—передай!.. скомандовалъ онъ.

— Первый!..

— Второй!.. стали выкрикивать солдаты, короткимъ быстрымъ движеніемъ поворачивая голову къ уху сосѣда; дошла очередь до Осипова, а онъ зазѣвался что-то... бѣлокурая головка у него передъ глазами все... и не знаетъ, какой онъ номеръ, что ему крикнуть: первый или второй...

— Заснулъ, не слышишь!.. Я тебя, посплю!.. разсердился фельдфебель и приказалъ разсчитаться сначала.

Только-только успѣли разсчетъ кончить, какъ дневальный далъ знать, что ротный командиръ идетъ.

Подошелъ ротный, поздоровался, вывелъ роту на плацъ, начались занятія. Осиповъ нѣтъ-нѣтъ, да и прослушаетъ какую-нибудь команду; ротный командиръ уже нѣсколько разъ прикрикнулъ на него, пригрозилъ, что накажетъ,—а тотъ какъ ни старается, все не можетъ съ собой справиться, все у него голова точно въ туманѣ какомъ.

Долго тянулось ученье; солдаты усталые, съ ногъ до

---

[1]) Подхватъ—ремень у ранца.

головы покрытые пылью, хотя и не выказывали ни малѣйшаго признака утомленія, но въ сущности едва держались на ногахъ. Наконецъ, когда солнце уже закатилось, капитанъ собрался вести роту домой.

— На пра-вò! Ряды вздвой!.. Ружья воль-нò!.. скомандовалъ онъ.

Всѣ ловко отхватили пріемъ, только Осиповъ, хотя ухо и слышало команду, взялъ „на плечо“—какъ-то сами руки это сдѣлали помимо его воли.

Ротный командиръ разсердился, да и было отчего: такая невнимательность впродолженіи цѣлаго ученья!..

— Посадить Осипова подъ арестъ на хлѣбъ и воду!.. крикнулъ ротный фельдфебелю.

Осиповъ въ первый разъ попадалъ подъ арестъ; солдатъ былъ исправный, усердный, никогда ни въ чемъ не попадался и теперь и ротный, и фельдфебель, и капралъ—всѣ недоумѣвали, что такое приключилось съ нимъ, да и самъ Осиповъ удивлялся, что-за чудеса съ нимъ творятся, и въ простотѣ души своей рѣшилъ, что это не иначе, какъ съ глазу...

Тяжело ему было попасть на задній редантъ вмѣстѣ со всякою дрянью, но еще тяжелѣе стало, когда его окружили прежде посаженные и начали приставать съ разспросами: какъ? кто? за что? на долго ли?

Онъ нехотя отвѣчалъ на все это, чѣмъ возбудилъ даже противъ себя неудовольствіе и, завалившись въ уголъ, притворился, что спитъ.

Но не до сна ему было...

Трое сутокъ отсидѣлъ онъ подъ арестомъ, и эти трое сутокъ показались ему за нѣсколько мѣсяцевъ; особенно долго тянулось время по ночамъ, когда онъ, слоняясь изъ угла въ уголъ, нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста и забывался тяжелымъ сномъ только передъ разсвѣтомъ, да и тутъ разныя безобразныя сновидѣнія не давали ему покоя: то ему видѣлось, что Гапка весь въ крови въ одной бѣлой рубашонкѣ бѣжитъ по полю, кровь изъ него такъ и течетъ, а за нимъ гонится большая, большая черная кошка съ огненными глазами, слизываетъ по дорогѣ его кровь и того гляди нагонитъ и его самого; онъ хочетъ бѣжать ему на помощь, а часовой не пускаетъ его и говоритъ, что изъ-подъ ареста никакъ отлучиться невозможно; то ему чудилось, что онъ не исполнилъ команды, его за это отдаютъ подъ судъ и ссылаютъ въ Сибирь, а жена его прощается съ нимъ и разливается въ три ручья горькими слезами, удерживая Гапку, который вцѣпился въ него и кричитъ: „я съ тятькой хочу!“;

одинъ разъ онъ увидѣлъ, что онъ потерялъ казенную портупею и такъ испугался, что крикнулъ на всю палатку, перебудоражилъ весь караулъ.

Но такъ ли, иначе ли, а время все-таки прошло, и его выпустили.

Почистился онъ, переодѣлся и отправился, по обычаю, являться ротному командиру.

— Имѣю честь явиться изъ-подъ ареста, ваше высокобродіе! отрапортовалъ онъ, остановившись противъ капитана, вышедшаго къ нему изъ палатки.

— Что съ тобой сдѣлалось, Осиповъ? довольно ласково спросилъ ротный, пристально всматриваясь въ него.

— Не могу знать, ваше высокобродіе!.. Виноватъ!.. гаркнулъ тотъ, не шевеля ни однимъ суставомъ и, „по уставу", впиваясь въ глаза начальнику, будто хотѣлъ вскочить въ нихъ.

— Ну, ладно! Я стараго поминать не люблю! Что прошло, то прошло. А впередъ чтобы этого не было!

— Постараюсь, ваше высокобродіе!..

— Ну, ступай!

Осиповъ ушелъ въ роту и сейчасъ же принялся чистить ружье, аммуницію; но что ни дѣлаетъ онъ, а все у него изъ рукъ валится: стволъ уронилъ, винтъ боевой личинки затерялъ-было... а сердце такъ и сосетъ...

— Да что съ тобой, Осиповъ — ровно ты не въ своемъ разумѣ? обратился къ нему, наконецъ, одинъ изъ старыхъ солдатъ, замѣтивъ, что съ нимъ творится что-то неладное.

— И самъ не знаю, дядька!.. Мутитъ — и шабашъ!.. Такъ вотъ сюда и подкатываетъ! указалъ онъ обѣими руками на грудь.

— Это, мотри, лихоманка къ тебѣ привязывается!.. Она завсегда такъ!.. Ты бы стаканчикъ перцовки выпилъ... оно помогаетъ.

„И то развѣ выпить", подумалъ Осиповъ и, рѣшившись испытать это средство, надѣлъ фуражку и побѣжалъ къ маркитанту.

Онъ не пилъ водки, „не занимался этимъ баловствомъ"; только разъ, когда его провожали изъ дому на службу, онъ выпилъ стаканъ сивухи и до сихъ поръ помнилъ, какъ ему тогда сразу на сердцѣ легче стало.

Въ балаганѣ маркитанта, сколоченномъ наскоро изъ горбылей, безъ потолка и пола, когда вошелъ Осиповъ, было совсѣмъ пусто, только въ одномъ углу нѣсколько писарей пили чай, но по раскраснѣвшимся ихъ лицамъ и оживлен-

ной бесѣдѣ было видно, что передъ чаемъ они выпили коечего другаго.

Пахло сыростью, водкой и перегаромъ дешеваго табака.

— Пожалуйте-ка стаканчикъ водочки перцовой! не совсѣмъ смѣло выговорилъ Осиповъ, обращаясь къ жиду-маркитанту, который вначалѣ смотрѣлъ на него подобострастно, послѣ же столь вѣжливой фразы поспѣшилъ принять важный видъ, зѣвнулъ и, не торопясь, будто нехотя, налилъ ему стаканъ темно-коричневой жидкости. Осиповъ залпомъ хватилъ его и почувствовалъ, какъ и ротъ, и горло, и все нутро обожгло ему точно кипяткомъ, даже дыханіе на нѣсколько секундъ захватило, но за то почти въ тотъ же моментъ то сосущее ощущеніе, которое не давало ему покоя, сдѣлалось замѣтно слабѣе; на сердцѣ стало легче.

„Ловко!"—подумалъ онъ—„давно бы такъ слѣдовало!"

Всякій „нѣмецъ", выпивъ стаканъ этой настойки, въ которой было по крайней мѣрѣ пятьдесятъ процентовъ краснаго перца, навѣрное бы задохнулся, но Осипову, какъ онъ подумалъ,—только „ловко" стало.

— Пожалуйте-ка еще стаканчикъ!.. вымолвилъ онъ вслухъ и, выпивъ еще стаканъ той-же адской микстуры, совсѣмъ бодрый отправился въ роту. Съ каждой минутой, съ каждымъ шагомъ ему все дѣлалось веселѣе и веселѣе и, подходя къ линейкѣ, онъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего затянулъ во все горло какую-то мужицкую пѣсню.

— Ты чего орешь?!. Ты!.. крикнулъ на него дежурный ефрейторъ.

— Кто это тамъ? послышался сердитый голосъ фельдфебеля.

— Осиповъ, Николай Савичъ!

— Что онъ въ такую лементацію пришелъ,—съ ума что-ли спятилъ?

Фельдфебель любилъ иногда, особенно при выговорахъ употребить замысловатое выраженіе или мудреное словечко, т. е. сказать что-нибудь такое, чего нельзя было бы понять. И это чрезвычайно дѣйствовало на солдатъ: озадачивало ихъ, какъ-то пугало и вмѣстѣ съ тѣмъ поселяло еще большее уваженіе къ фельдфебелю. Нѣкоторые унтеръ-офицеры старались подражать ему и не безъуспѣшно, хотя это и выходило у нихъ далеко не такъ хорошо.

— Осиповъ, поди сюда!.. продолжалъ фельдфебель, вылѣзая изъ палатки въ одной розовой ситцевой рубашкѣ, заправленной въ брюки.

— Чего изволить, Ник-лай Савчъ?.. заплетающимся языкомъ пробормоталъ тотъ, нетвердымъ шагомъ подходя къ нему.

Съ непривычки водка сразу и сильно разобрала его.

— Э, да ты пьянъ!.. Гдѣ это тебѣ Богъ помогъ?! съ удивленіемъ воскликнулъ фельдфебель.

— Виноватъ, Ник-лай Савчъ!..

— Это я и безъ тебя знаю, что виноватъ; а виноватыхъ бьютъ!..

— Есть воля ваша!..

— А ты скажи, съ чего это ты такъ налимонился! То-есть какое есть слѣдствіе твоего поведенія?

— Отъ лих-манки, Ник-лай Савчъ!.. Виноватъ!..

— Ну, ладно! послѣ разберу твою прокламацію! теперь иди спать, а не то опять подъ арестъ отправлю!

— Покорнѣйше блдаримъ!.. всхлипывая уже, еле выговорилъ Осиповъ.

Его увели въ палатку, раздѣли, уложили.

Передъ ученьемъ фельдфебель доложилъ ротному, что Осиповъ напился пьянъ.

— Да что такое съ нимъ сдѣлалось? воскликнулъ капитанъ съ удивленіемъ, такой отличный былъ солдатъ, и вдругъ отбиваться начинаетъ!?..

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе!.. Сказываетъ лихоманка къ нему привязалась.

Въ разговорѣ съ ротнымъ фельдфебель никогда не пускалъ въ ходъ своего краснорѣчія, приберегая его исключительно для выговоровъ подчиненнымъ, и объяснялся простымъ языкомъ, какъ обыкновенный смертный.

— Что-за вздоръ!.. Тутъ что-нибудь не то... Пришли его ко мнѣ, когда онъ выспится.

Фельдфебель ушелъ.

Ротный командиръ Осипова—капитанъ Боховъ — человѣкъ лѣтъ сорока пяти, начавшій свою службу юнкеромъ на Кавказѣ и принимавшій участіе въ войнѣ съ турками 1877—1878 годовъ въ качествѣ партизана [1])—былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ офицеровъ, которыхъ называютъ „отцами-командирами".

Невысокаго роста, плотно сложенный, съ кирпичнымъ цвѣтомъ лица, который бываетъ только у людей здоровыхъ,

[1]) На кавказско-турецкой границѣ были особыя охотничьи команды, носившія характеръ партизанскихъ отрядовъ.

проводя почти всю свою жизнь на открытомъ воздухѣ, съ типичными „армейскими“ усами и проницательными черными глазами, которые, смотря по обстоятельствамъ, глядѣли или такъ ласково, что невольно привлекали къ себѣ всякаго, или съ такой суровостью впивались въ лицо, что у провинившагося невольно начинали трястись поджилки,—капитанъ Боховъ, казалось, былъ созданъ для командованья частью: холостой, одинокій—не имѣвшій на всемъ свѣтѣ ни единаго близкаго существа кромѣ старой охотничьей собаки,—онъ видѣлъ въ своей ротѣ—своихъ дѣтей; въ кружкѣ офицеровъ полка—свою семью.

Каждаго солдата въ ротѣ онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и одного взгляда было для него достаточно, чтобы понять все, что происходитъ въ солдатской душѣ, о чемъ онъ думаетъ, что замышляетъ.

Но круто, безъ всякой видимой причины измѣнившееся поведеніе Осипова поставило и его втупикъ. Сразу такъ испортиться, чтобы напиваться въ будни пьянымъ, да еще сейчасъ же по выходѣ изъ-подъ ареста, солдатъ не могъ. Слѣдовательно тутъ была какая-нибудь особенная причина; доискаться-то до нея и устранить ее и хотѣлъ капитанъ Боховъ.

Но сдѣлать это было не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Солдатъ не то что неохотно пускается на откровенность, а какъ-то избѣгаетъ выкладывать наружу то, что у него на сердцѣ. Происходитъ это отъ двухъ причинъ: главная — солдатъ иногда самъ не знаетъ или вѣрнѣе, не понимаетъ, отчего это вдругъ на него „накатило“; „сосетъ“— говоритъ онъ и объяснить дальше ничего не можетъ; вторая — нужно большое умѣнье, нужно искреннее участіе, чтобы заставить солдата быть откровеннымъ, никакое потворство, никакое поддѣлыванье подъ его тонъ не заставятъ быть его искреннимъ; для этого нужно быть самому солдатомъ въ душѣ, надо умѣть понимать солдатскую душу и быть истинно честнымъ, съ здравымъ разсудкомъ и волей человѣкомъ, чтобы пріобрѣсти нужный авторитетъ среди своихъ подчиненныхъ.

Такимъ именно человѣкомъ и былъ капитанъ Боховъ.

Вечеромъ того же дня, передъ повѣркой Осиповъ, смущенный, переконфуженный, съ головной болью и разстроенный, явился къ ротному командиру. Боховъ вышелъ къ нему и нѣсколько секундъ пристально глядѣлъ ему въ лицо.

— Ты съ чего это пьянствовать вздумалъ? началъ онъ

своимъ внушительнымъ, рѣзкимъ тономъ, строго глядя на него.

— Виноватъ, ваше высокобродіе!.. стараясь отвѣтить по возможности бойко, какъ того требовала „служба“, возразилъ Осиповъ, но голосъ его замѣтно дрожалъ при этомъ.

— У тебя несчастье какое-нибудь случилось? продолжалъ капитанъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокобродіе!..

— Ты отъ кого получилъ на дняхъ письмо?

— Отъ родителей, ваше высокобродіе!

— Что же тебѣ тамъ пишутъ? Все благополучно?

— Такъ точно, ваше высокобродіе!..

— Всѣ домашніе здоровы?

— Такъ точно, ваше высокобродіе!..

— Никто не померъ?..

— Гапка... то-бишь, сынишка померъ, ваше высокобродіе!..

И на этомъ „Гапка“ голосъ его дрогнулъ и чуть не оборвался.

— Великъ былъ?

— Пять лѣтъ, ваше высокобродіе!

— А еще дѣти есть?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокобродіе!

— Ты что же раньше мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ?

Осиповъ молчалъ, не зная, что отвѣтить. Участливыя слова командира подѣйствовали на его измученную душу какъ цѣлительный бальзамъ; ему хотѣлось броситься къ ногамъ этого человѣка, котораго онъ всегда считалъ какимъ-то высшимъ, недосягаемымъ существомъ, — обнять его колѣни... но объ этомъ, разумѣется, и думать было нечего—„служба“ не допускала такихъ изліяній, и вслѣдствіе этого всѣ его чувства выражались только въ томъ, что грудь его выпячивалась все больше и круче, а онъ самъ вытягивался до такой степени, что еще немного усилія, и сердце оборвется.

— Твоя деревня далеко отсюда?

— Сто двадцать пять верстъ, ваше высокоблагородіе!..

— Ну, вотъ что: отправляйся завтра домой, поживи тамъ дней десять, утѣшь свою бабу,—а то она, дура, поди, реветъ тамъ... и назадъ.

— Слушаю, ваше высокобродіе!.. Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокобродіе.

— Ну ужъ лучше такъ!..—а то пить вздумалъ, во фронтѣ спать!.. А чтобы впередъ ты самъ отъ „лихоманки“ не лечился, такъ вотъ тебѣ! и Боховъ, подойдя къ нему, преболь-

но отодралъ его за ухо и, давъ на прощанье еще чувствительный тумакъ въ шею, отпустилъ въ роту.

Осиповъ, съ облегченнымъ сердцемъ, съ обновленной душой, лихо повернулся „кругомъ" и замаршировалъ въ роту, отбивая тактъ ногой. То горе, которое казалось ему такимъ безъисходнымъ, разомъ умалилось, и онъ почувствовалъ себя почти такимъ же бодрымъ, такимъ же спокойнымъ, какъ и до полученія письма.

— Василій Александровичъ! раздалось позади Бохова, когда онъ, приподнявъ холстъ, собирался нырнуть въ свою палатку, гдѣ у него кипѣлъ маленькій походный самоварчикъ и стоялъ уже налитый стаканъ съ чаемъ.

— Что тебѣ, Николай Сергѣевичъ? оглянулся онъ на подходившаго съ трубкой въ рукахъ своего стараго пріятеля, „кунака" капитана Разина, съ которымъ они вмѣстѣ еще юнкерами на Кавказѣ служили.

— А *нашъ*-то видѣлъ—какъ ты сейчасъ расправлялся!.. проговорилъ Разинъ, незамѣтно указывая головой по направленію къ домику командира полка.

Боховъ оглянулся и увидѣлъ на крытой террасѣ стройную фигуру молодаго полковника въ разстегнутомъ бѣлоснѣжномъ кителѣ, который всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принялъ полкъ и никакъ не могъ наладить правильный ходъ механизма службы въ полку и своихъ отношеній къ офицерамъ.

Полковникъ баронъ фонъ Ховенъ-Деръ-Гнейсъ-Ди-Дасъ-Гекоменъ началъ свою карьеру въ гвардіи и, прослуживъ со дня производства около 15 лѣтъ,—изъ коихъ два года провелъ въ академіи, а остальные тринадцать—при штабахъ и въ качествѣ ординарца при разныхъ особахъ,—получилъ N—скій полкъ. Какъ онъ управлялъ полкомъ съ такою опытностью—разсказывать совершенно излишне.

— А Господь съ нимъ!.. Пускай смотритъ! равнодушно махнувъ рукой, произнесъ Боховъ,—пойдемъ-ка лучше ко мнѣ чай пить!..

— А ромъ будетъ? съ улыбкой воскликнулъ Разинъ.

— И ромъ найдется!.. идемъ!..

И оба капитана смѣясь скрылись въ палаткѣ.

На другой день передъ концомъ утренняго ученья къ Бохову подъѣхалъ полковой адъютантъ.

— Г-нъ капитанъ, командиръ полка проситъ васъ къ себѣ по окончаніи утреннихъ занятій, сказалъ онъ, дѣлая подъ козырекъ.

*

— Хорошо-съ! отвѣчалъ тотъ, въ свою очередь прикладывая руку къ козырьку.

— Ну и жарко же! произнесъ адъютантъ совсѣмъ другимъ тономъ, поправляясь въ сѣдлѣ и, снявъ фуражку, провелъ рукой по волосамъ.

— Не хочешь ли папиросу? протянулъ ему Боховъ портсигаръ.

— Давай, пожалуй,—можетъ быть, легче будетъ! прибавилъ онъ съ улыбкой.

— А не знаешь зачѣмъ *онъ* требуетъ?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Адъютантъ еще поболталъ немного, закурилъ папиросу и поѣхалъ въ лагерь.

Окончивъ занятія и распустивъ роту по палаткамъ, Боховъ зашелъ къ себѣ, перемѣнилъ китель на мундиръ и отправился къ командиру полка.

Солдатъ одѣтый въ форменный деньщичій мундиръ гвардейскаго полка, съ немного длинными, напомаженными волосами, съ нахальной физіономіей, свѣтившейся самодовольствомъ и важностью, встрѣтилъ его на крыльцѣ.

— Доложи! отрывисто приказалъ ему Боховъ, стараясь не глядѣть на него, такъ какъ одинъ видъ этого „эмансипированнаго" солдата переворачивалъ ему всѣ внутренности.

— Они сейчасъ чай кушаютъ, возразилъ тотъ.

Это „они" вмѣсто солдатскаго „его высокоблагородія" и отвѣтъ безъ прибавленія титула, что обязанъ дѣлать всякій нижній чинъ при обращеніи или отвѣтѣ начальнику,—такъ и взмыли стараго капитана.

— Когда тебѣ приказываютъ,—такъ исполняй!.. А не то я тебѣ голову оторву, наглая рожа!.. загремѣлъ онъ такъ грозно, что голосъ его, вѣроятно, былъ слышенъ въ командирскихъ комнатахъ.

Интеллигентный деньщикъ понялъ, что шутить нельзя и отправился въ комнаты.

— Пожалуйте! произнесъ онъ, появляясь черезъ минуту, и опять-таки не прибавилъ „ваше высокоблагородіе".

Боховъ перешагнулъ черезъ порогъ и вошелъ въ небольшую, чрезвычайно уютно обставленную комнату-кабинетъ, по срединѣ которой стоялъ баронъ съ выхоленными черными бакенбардами, съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ и изумительно бѣлыми маленькими руками. Онъ видимо былъ разсерженъ, но старался сдержаться.

— Здравствуйте!.. проговорилъ онъ оффиціальнымъ тономъ и, еле наклонивъ голову, не протянулъ руки.

Боховъ молча поклонился.

— Я васъ побезпокоилъ, капитанъ, по поводу вашего вчерашняго поступка; позвольте васъ спросить—на какомъ основаніи вы позволили себѣ вчера прибить солдата?

— Господинъ полковникъ, позвольте вамъ доложить, что я считаю неудобнымъ объяснять мой поступокъ въ присутствіи нижняго чина, спокойнымъ, ровнымъ голосомъ выговорилъ Боховъ, легкимъ движеніемъ головы указывая на торчавшаго тутъ же деньщика.

— Ступай отсюда! приказалъ баронъ, вспыхнувъ.

Деньщикъ вышелъ, притворивъ за собою дверь. Капитанъ хотѣлъ-было начать свой докладъ, но полковникъ уже разгорячился и не далъ вымолвить ему ни слова.

— Вы знаете, во-первыхъ, что по закону вы не имѣете права пальцемъ тронуть солдата, заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово; во-вторыхъ, вы знаете какъ мнѣ противны всѣ эти кулачныя расправы, и тѣмъ не менѣе вы не только позволяете себѣ вступать въ драку, но еще и не стѣсняетесь дѣлать это чуть не въ моемъ присутствіи!.. Предупреждаю васъ, что за малѣйшее противузаконное дѣйствіе подобнаго рода я безъ всякой церемоніи буду предавать суду!.. А теперь я васъ арестовываю на двое сутокъ домашнимъ арестомъ съ приставленіемъ часоваго... Мое почтеніе!..

Боховъ, блѣдный отъ оскорбленія, молча, поклонился и вышелъ.

Его—стараго боеваго капитана,—какъ прапорщика за шалость, какъ мальчишку, сажаютъ подъ арестъ на двое сутокъ!..

Да! тутъ было надъ чѣмъ подумать!..

Тяжело больно и обидно было на душѣ у Бохова. Онъ, сгоряча, даже въ отставку вздумалъ-было подать и даже сѣлъ писать рапортъ, но потомъ, какъ вспомнилъ, что придется разстаться съ ротой, что фельдфебель Кравченко не будетъ являться къ нему по вечерамъ съ докладами, что палатки ужь не будетъ,—такъ только рукой махнулъ, разорвалъ рапортъ и сердито потеръ кулакомъ глаза, которые необыкновенно что-то зачесались, и какая-то влага набѣгала на нихъ...

Черезъ двѣ недѣли Осиповъ возвратился назадъ, совершенно успокоенный, съ запасомъ новыхъ силъ и бодрости.

Дорога и свиданіе съ родными почти совсѣмъ излечили его, и онъ опять съ прежнимъ усердіемъ принялся за службу.

Такъ одно солдатское горе, грозившее окончиться солдатской драмой, размыкалось по бѣлу свѣту; а другое... другое... тоже со временемъ, вѣроятно, забудется—все, слава Богу, забывается со временемъ.

К. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Изъ „Шахъ Наме“.

Люди не знали тогда ни огня, ни желѣза;
Скудно питались они лишь плодами земными
И не носили они ни мечей, ни кольчуги,
Вмѣсто домовъ и дворцовъ имъ пещеры служили;
Но воцарился Гушенкъ надъ Иранской землею,
И одарилъ его мудростью Богъ Вседержитель.
Всюду творилъ онъ добро и людей научая,
Сѣялъ онъ сѣмя святое познанья и правды.

Шелъ онъ однажды горами; гранитныя скалы
Каменной грудою мертвую почву давили,
Все было тихо и ночь опускалась на землю.
Вдругъ, предъ собою увидѣлъ онъ грознаго змѣя:
Быстро по камнямъ скользя межь деревъ и утесовъ
Кольца тяжелыя влекъ онъ, къ царю приближаясь,
Но не дрогнуло героя желѣзное сердце,
Камень тяжелый онъ поднялъ могучей рукою,
И отступивши на шагъ, его бросилъ съ размаха—
Съ громомъ въ гранитный утесъ онъ ударилъ и разомъ
Оба въ куски разлетѣлись подъ тяжкимъ ударомъ,
Молніей брызнули искры изъ темнаго камня
И загорѣлось утеса холодное сердце.

Такъ обнаружилась пламени вѣчная тайна.

Кн. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

...Не знаю, въ какомъ музеѣ хранится рисунокъ художника недоброй памяти, Бачіо Бандинелли, изображающій его собственную мастерскую.

Рисунокъ этотъ знаменитъ. Онъ воспроизведенъ во многихъ художественныхъ изданіяхъ [1]). Нельзя взглянуть на эти снимки безъ умиленія и зависти.

Вечеръ. Въ обширной бѣдной комнатѣ собралась семья учениковъ многогрѣшнаго мастера и расположилась двумя тѣсными группами, чтобы пользоваться скудными источниками свѣта. Налѣво, у высокаго камина, въ коемъ подвѣшенъ первобытный свѣтецъ, усѣлись два рисовальщика. Одинъ изъ нихъ, цвѣтущій юноша, усердно чертитъ на доскѣ, лежащей на его колѣнѣ. Двое другихъ юношей, стоя за его стуломъ, смотрятъ на его работу и шопотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія. Съ другой стороны камина, ученикъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, также съ рисункомъ на колѣняхъ, закрылъ лицо рукою и погрузился въ глубокую думу. За нимъ стоитъ юноша, обращающій къ свѣту начатой рисунокъ и стирающій на немъ неудавшуюся черту.

Направо, около длиннаго стола, собрана другая группа. Вокругъ дымной лампы рисуютъ три ученика. На концѣ

---

[1]) Между прочимъ въ старинномъ изданіи: *Galerie des peintres*, перепечатанномъ Дидотомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Въ *Magasin pittoresque* (не помню года), съ рисункомъ Бандинелли остроумно сопоставлено бойкое изображеніе мастерской художника XIX вѣка. Она полна веселыми гостями: двое изъ нихъ фехтуютъ; на столѣ вино и карты; легкомысленная красотка, взобравшись на переносную лѣстницу, съ усмѣшкою глядитъ на художника, который, съ трубкою въ зубахъ, усердно пишетъ Мадонну.

стола сидитъ самъ учитель и обращаетъ къ рисующимъ спокойную рѣчь. За нимъ стоятъ два зрѣлыхъ мужа—художники или ученые и какъ-бы дополняютъ и поясняютъ его поученія. Двое юношей, стоя, прислушиваются. Въ комнатѣ тишина: передъ очагомъ дремлетъ котъ; спитъ и собака, свернувшись на полу. На полу же и на длинной полкѣ, бѣгущей вдоль стѣны, разбросаны фоліанты, обломки статуэтокъ, кости человѣческаго скелета...

О чемъ ведетъ рѣчь горделивый художникъ? Восхваляетъ ли онъ тонкую прелесть созданій своего великаго друга, несравненнаго Леонардо? Или старается онъ умалить въ глазахъ своихъ учениковъ исполинскій образъ Микеля Анжело, этотъ вѣчный предметъ его зависти, его подражанія, его тайныхъ угрызеній совѣсти? Или онъ просто развиваетъ свои взгляды на художественное творчество, на задачи живописи и ваянія? Вѣроятнѣе послѣднее. Ибо передъ его рисующими учениками нѣтъ образцовъ. Не снимками съ натуры, съ чужихъ произведеній заняты они, но попытками самостоятельнаго творчества, подъ глазами учителя, прислушиваясь къ его вѣскимъ рѣчамъ, къ мудрой бесѣдѣ его опытныхъ друзей [1]).

Какъ бы то ни было, съ изумительною живостью воскресаетъ передъ нами въ этомъ рисункѣ та простая, строгая, патріархальная школа, которую проходили великіе художники XVI вѣка. Могутъ ли соперничать съ нею наши современныя художественныя школы съ своимъ роскошнымъ аппаратомъ образцовъ и пособій, съ массою разнообразныхъ силъ, художественныхъ и учебныхъ, привлекаемыхъ къ преподаванію, съ ежегодно возрастающею толпою своихъ учениковъ? Кто руководитъ этою массою учащихся, что согрѣваетъ ихъ душу, кто направляетъ и поддерживаетъ первые ихъ, колеблющіеся шаги на пути самостоятельнаго творчества? Сравните грустный разсказъ одного изъ нашихъ скульпторовъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ академіи художествъ, съ краснорѣчивымъ рисункомъ Бачіо Бандинелли, и скажите, вправѣ ли мы гордиться нашими оффиціальными храмами художествъ!

Искусство—цвѣтокъ, прихотливый и нѣжный, и возра-

---

[1]) Другой рисунокъ Бандинелли, менѣе сложный, изображаетъ его учениковъ, срисовывающихъ, при свѣтѣ единственной свѣчи, статуэтку Меркурія. И тутъ между ними возсѣдаетъ учитель: онъ держитъ въ рукахъ статуэтку Венеры и что-то объясняетъ. На заднемъ планѣ—поставецъ, уставленный мелкими изваяніями и античными вазами.

стить его въ тепличной атмосферѣ не удается. Ему нужно Божіе небо, трезвящая прохлада горныхъ вершинъ, свѣтъ и тепло неподдѣльнаго солнца. Можно придумать, можно устроить, можно купить преподаваніе техническихъ пріемовъ, необходимыхъ каждому искусству. Но воздѣйствіе творческаго духа великихъ художниковъ на зарождающіеся таланты не можетъ быть ни организовано, ни предписано; это свободный процессъ, вытекающій изъ неуловимаго сродства духовныхъ складовъ и дарованій; это—таинство, совершающееся только силою любви.

Въ цвѣтущія времена пластическихъ искусствъ, всякій именитый художникъ творилъ, окруженный толпою имъ соизбранныхъ, его избравшихъ учениковъ. Эти юноши составляли его семью, были свидѣтелями и участниками его трудовъ, постоянными его собесѣдниками. Подъ глазами мастера, при драгоцѣнной его помощи и словомъ и дѣломъ, возникали ихъ первыя творенія. Кромѣ наставленій учителя они пользовались бесѣдою зрѣлыхъ людей мысли и слова, всегда группирующихся вокругъ выдающихся художественныхъ дѣятелей. Этимъ путемъ укрѣплялось, расширялось умственное развитіе, столь необходимое художнику, столь трудно достижимое для него путемъ школьнаго ученія, ибо времени на него мало, за обязательнымъ упражненіемъ въ художественномъ дѣланіи. Ученики великаго мастера знакомились, въ его мастерской, съ выдающимися представителями общества духовнаго и свѣтскаго, съ корифеями иныхъ областей творчества, поэтами, музыкантами. Молодые ихъ годы озарялись отблескомъ той полной художественной жизни, коею жилъ ихъ учитель. Зарождающіеся таланты встрѣчали тонкихъ цѣнителей, могучихъ покровителей.

И, что всего важнѣе, у нихъ на глазахъ совершалось художественное творчество учителя. Сокровенная суть этого творчества, конечно, ускользаетъ отъ всякаго наблюденія. Но въ искусствахъ пластическихъ, всякій стадій этого процесса воплощается въ видимыхъ твореніяхъ—эскизахъ, этюдахъ, постепенно совершенствующихся рисункахъ. При самомъ окончательномъ исполненіи, замыселъ художника очищается и преобразуется. Изъ всей этой видимой работы мастера чуткій ученикъ почерпаетъ безконечный рядъ незамѣнимыхъ поученій. А индивидуальная забота учителя о каждомъ изъ учениковъ? А указаніе, всякому въ отдѣльности, тѣхъ работъ, которыя ему нужны для усовершенія его техники, для расширенія его художественнаго пониманія? А

совѣтъ и помощь учителя при первыхъ шагахъ ученика въ области самостоятельнаго творчества?

Но все это, возразятъ мнѣ, принадлежитъ далекому, невозвратному прошлому. Иныя времена иные нравы. Измѣнилось общественное положеніе художниковъ, измѣнились условія художественной дѣятельности. Современныя формы художественнаго образованія—единственныя возможныя въ нашъ вѣкъ широкой, поспѣшной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ человѣческаго творчества. Ихъ постоянство, ихъ правильность, ихъ многосторонность — великій прогрессъ сравнительно съ случайными, часто односторонними формами, которыя принимало это преподаваніе во времена былыя.

Не могу съ этимъ согласиться. Сущность искусства вѣчно останется одна и та же. Неизмѣнны и пути воздѣйствія свѣтилъ искусства на юныя силы, стремящіяся подняться до высотъ самостоятельнаго творчества.

Говорю съ такою увѣренностію потому, что не по однимъ разсказамъ Вазари, не по однимъ рисункамъ Бандинелли знакомъ я съ этими вещами, но самъ былъ очевидцемъ, хотя и не въ области искусствъ пластическихъ, подобныхъ отношеній между мастеромъ и учениками, самъ дышалъ тою атмосферою любви, благоговѣнія и мира, которою вѣетъ отъ сохранившагося призрака мастерской XVI-го вѣка.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Веймарѣ, я часто видался съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ нашего столѣтія, съ незабвеннымъ Францомъ Листомъ. Я присутствовалъ на музыкальныхъ собраніяхъ, безпрестанно происходившихъ въ его домѣ, я вращался въ кругу его учениковъ. До сихъ поръ передо мною живо рисуется привлекательная, глубоко-поучительная картина этой дружной семьи.

Всякій юноша, вступавшій въ сферу вліянія Листа, если только въ немъ теплилась малѣйшая искра истиннаго дарованія, становился предметомъ его неусыпныхъ попеченій. Величайшій знатокъ композиторской техники, недосягаемый мастеръ музыкальнаго исполненія, Листъ въ этихъ областяхъ былъ учителемъ несравненнымъ. Но всего болѣе радовало его, всего болѣе вызывало съ его стороны стараній и содѣйствія—всякое проявленіе въ его ученикахъ самобытнаго творчества, всякая ихъ попытка выразить своимъ языкомъ собственную мысль. На его музыкальныхъ *matinées* постоянно исполнялись музыкальныя новинки, посылаемыя ему со всѣхъ краевъ свѣта. Но съ особеннымъ вниманіемъ исполнялись и обсуждались сочиненія наличныхъ его уче-

никовъ. Съ необычайною чуткостію учитель улавливалъ въ этихъ твореніяхъ, часто незрѣлыхъ и слабыхъ, всякую оригинальную, хотя и не досказанную мысль, всякій удачный гармоническій оборотъ, всякій счастливый намекъ. Онъ хватался за эти проблески музыкальной мысли, старался закруглить недосказанныя темы, импровизировалъ на нихъ блестящія варіаціи, облекалъ ихъ въ неожиданныя гармоніи, восхищался, журилъ, поощрялъ, волновался, и потокомъ лились изъ его устъ мѣткія замѣчанія, тонкія оцѣнки, исполненныя ума и фантазіи. При мнѣ около него были собраны Бюловъ, Раффъ, Таузигъ, множество другихъ, имена коихъ, быть можетъ теперь знаменитыя, ускользнули изъ моей памяти. Всѣ они составляли тѣсно сплоченный кружокъ, беззавѣтно преданный обожаемому учителю.

Въ то же время Листъ поддерживалъ самыя близкія сношенія съ просвѣщеннымъ Веймарскимъ дворомъ, свято хранящимъ преданія своего великаго прошлаго, съ учеными Іенскаго университета, съ художниками и писателями всего міра. При мнѣ, ко дню рожденія Листа, живописецъ Штейнле прислалъ ему мистическій рисунокъ, изображавшій Св. Франциска Ассизскаго (его патрона), шествующаго по волнамъ, съ пламенными угольями въ рукахъ. Зашелъ оживленный разговоръ о значеніи этой композиціи, и Листъ вызвалъ меня выразить мысль художника въ стихахъ. Я набросалъ нѣсколько строфъ, и одна изъ талантливыхъ ученицъ Листа сочинила на этотъ текстъ прекрасную мелодію церковнаго характера. Листъ восхитился ею и построилъ на ней величественный хоръ, который и былъ исполненъ въ день его рожденія.... Къ тому же дню, высокодаровитыя дочери знаменитой Беттины Арнимъ прислали художественные *dessus de porte* своей работы—нотныя строки, между которыми граціозные геніи играютъ нотными знаками, перекидываются діэзами и бемолями...

Привожу эти мелочи, чтобы дать понятіе объ оживленномъ строѣ художественной жизни, охватывавшей учениковъ Листа, о разнообразныхъ возбужденіяхъ мысли и чувства, которыя одухотворяли строгую работу, задаваемую имъ учителемъ. И все это происходило не въ 16-мъ вѣкѣ, а во второй половинѣ 19-го—конечно не въ одной изъ міровыхъ столицъ Европы, а въ крошечной резиденціи, потонувшей въ зелени дивнаго парка, созданнаго величавой думою старѣющагося Гёте.

И зачѣмъ ходить такъ далеко? Развѣ можемъ мы забыть, чѣмъ были для музыкантовъ старшаго поколѣнія семьи

Гр. Віельгорскихъ и Львовыхъ, домъ кн. Одоевскаго, чѣмъ были Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ для возникавшихъ при ихъ жизни литературныхъ талантовъ? Да, у насъ были и есть школы литературныя и музыкальныя. Въ области же искусствъ изобразительныхъ мы до сихъ поръ не имѣли ничего подобнаго. У насъ есть училища живописи и ваянія, есть академія. Но живописныхъ школъ въ смыслѣ внутреннемъ, историческомъ, но свободныхъ группъ воспитывающихъ другъ друга художниковъ, по преемственности въ идеалахъ творчества, но широкихъ теченій художественной дѣятельности у насъ до сихъ поръ не возникало. Художники наши творятъ разрозненно, часто вдали отъ родины. Не къ кому и не къ чему примкнуть возникающимъ талантамъ...

Но скажутъ мнѣ, какое дѣло сельскому учителю до всѣхъ сихъ художественныхъ соображеній, до Бандинелли и до Листа, и до дочерей Беттины? Не лучше ли ему знать свой Часословъ, да Псалтирь, и ограничивать свои заботы тѣмъ, чтобы ребята уразумѣли смыслъ квадратной и кубической мѣры, да ставили, гдѣ слѣдуетъ, букву *ѣ*?

Радъ, душевно радъ былъ бы я послѣдовать столь мудрому совѣту, тѣмъ болѣе, что учить грамотѣ и ариѳметикѣ я кое-какъ выучился, учить же живописи и музыкѣ—не въ состояніи.

Но что же дѣлать, если, имѣя постоянно передъ глазами сотни крестьянскихъ мальчиковъ, неизбѣжно наталкиваешься между ними на художественные таланты? Не берусь рѣшить вопроса, почему въ мѣстности, доступной моему наблюденію, таланты эти преимущественно клонятся къ искусствамъ изобразительнымъ. Явленіе это для меня загадочно. Скорѣе можно было бы ожидать возникновенія талантовъ музыкальныхъ, ибо крестьянскія дѣти съ колыбели слышатъ народныя пѣсни, ибо они въ школахъ обучаются пѣнію церковному, между тѣмъ какъ въ крестьянскомъ обиходѣ не имѣется самыхъ элементарныхъ орудій рисованія, и въ сельскихъ школахъ не преподается даже черченіе. Но фактъ на лицо. Всѣ крестьянскіе ребята, какъ только имъ въ руки попадетъ аспидная доска и грифель, начинаютъ чертить рисунки, болѣе или менѣе безобразные. Но пересмотрите сотни этихъ аспидныхъ досокъ, и вамъ попадутся рисунки, свидѣтельствующіе о способностяхъ несомнѣнныхъ. Повторяйте этотъ обзоръ въ теченіе многихъ лѣтъ, и вамъ будутъ попадаться вещи изумительныя...

При этомъ невольно приходитъ на память, сколь малый процентъ нашихъ крестьянскихъ ребятъ проходитъ черезъ правильную школу, сколь безконечно малы шансы проявленія, независимо отъ школы, таланта къ рисованію. Мальчикъ ростетъ, никогда не имѣя въ рукахъ листа бумаги, никогда не видавши карандаша. Въ немъ шевелится смутное стремленіе изображать то, что онъ видитъ. Онъ беретъ уголекъ и чертитъ на стѣнѣ. За это его, разумѣется, сѣкутъ. Болѣе изобрѣтательные портятъ рѣпу и рѣдьку, вырѣзая изъ нея лошадокъ, человѣческія фигуры и за это, конечно, не остаются безъ наказанія. Понятно, что при нѣкоторой послѣдовательности со стороны родителей, ребята основательно отучаются отъ подобныхъ шалостей, и художникъ *in potentia* доживаетъ свой вѣкъ, даже не подозрѣвая, что значитъ, во что могло бы воплотиться то неясное стремленіе, которое въ дѣтствѣ заставляло его пачкать стѣны, которое позже тянетъ его къ чему-то, не имѣющему имени на его мысленномъ языкѣ.

Но положимъ, что нашъ мальчикъ попалъ въ школу, что у него есть подъ руками и аспидная доска, и грифель, и бумага, и карандаши, и что въ школѣ ему не запрещаютъ рисовать, сколько душѣ угодно. Много ли у насъ школьныхъ учителей, сельскихъ батюшекъ, достаточно внимательныхъ, одаренныхъ достаточнымъ эстетическимъ чутьемъ, чтобы замѣтить, оцѣнить первые, неясные проблески зарождающагося художественнаго таланта? А кто, кромѣ этихъ двухъ лицъ, можетъ обратить вниманіе на пачкотню крестьянскаго школьника? Близкое участіе людей образованныхъ, художественно развитыхъ, къ сельской школѣ—явленіе весьма рѣдкое. Размноженіе нашихъ сельскихъ школъ по времени какъ разъ совпало съ бѣгствомъ изъ деревень почти всѣхъ образованныхъ помѣщиковъ, а иныхъ, истинно образованныхъ сельскихъ жителей, у насъ до сихъ поръ не завелось.

Предположимъ, наконецъ, наилучшія условія: школу, за которою внимательно слѣдитъ человѣкъ образованный, способный подмѣтить и оцѣнить зарождающійся талантъ по первымъ, ребяческимъ его попыткамъ; предположимъ вдобавокъ, что этотъ ревнитель школьнаго дѣла обладаетъ достаточными матеріальными средствами, чтобы дать маленькому рисовальщику дальнѣйшее художественное образованіе. Но и при такомъ невѣроятно счастливомъ стеченіи обстоятельствъ сколько затрудненій техническихъ и нравственныхъ!

Віоле-ле-Дюкъ, тотъ тонкій художникъ, тотъ симпатичный писатель, отъ котораго мы узнали (къ сожалѣнію, не всѣ), что существуетъ самобытная, призванная къ широкому развитію въ будущемъ, русская архитектура,—въ прелестной книжечкѣ [1]) описалъ художественное развитіе крестьянскаго мальчика. Онъ разсказываетъ намъ, какъ старый холостякъ (вооруженный всѣми умѣніями и знаніями самого Віоле-ле-Дюка) по одному грубому рисунку (сообщенному въ текстѣ) угадываетъ способности ребенка, какъ онъ посвящаетъ свою жизнь на воспитаніе открытаго имъ таланта; какъ ребенокъ, подъ его руководствомъ, становится прелестнымъ юношею, всецѣло преданнымъ искусству и, наконецъ, самостоятельнымъ, сильнымъ художникомъ, славою своей родины.

Нужно ли подчеркнуть, что отвлеченная возможность такихъ совпаденій равняется практической невозможности; что, напримѣръ, въ русской сельской школѣ талантливый мальчикъ никогда не попадется на глаза русскому Віоле-ле-Дюку?

Дай Богъ, чтобы онъ попался на глаза человѣку осторожному и разумному. Въ сельской школѣ, при неизбѣжной краткости ея курса, невозможны правильныя художественныя упражненія. Оставить, по окончаніи этого курса, талантливаго мальчика при школѣ, безъ опытнаго руководителя, не помогаетъ дѣлу. Оторвать же отъ сохи крестьянскаго мальчика, въ предположеніи, что изъ него разовьется самостоятельный художникъ, изъ глухой деревенской среды бросить его въ мутную жизнь столицы, въ пеструю толпу воспитанниковъ нашихъ художественныхъ школъ, — это значитъ брать на себя страшную нравственную отвѣтственность, ибо какъ безошибочно угадать въ ребенкѣ ту степень таланта, ту силу характера, которыя необходимы для успѣшнаго художественнато поприща?

Тутъ необходимъ переходный стадій, предварительный искусъ. Таковымъ представляется художественное ремесло, и по преимуществу то изъ художественныхъ ремеслъ, которое доступно и самымъ скромнымъ талантамъ, а между тѣмъ соприкасается съ высшими задачами искусства, а именно *иконопись*. Школа иконописи существуетъ у насъ при многихъ монастыряхъ. Лучшая изъ нихъ (при Троице-Сергіевой Лаврѣ), къ сожалѣнію, нынѣ мало доступна, вслѣдствіе переполненія ея учащимися: съ нею недавно слита Москов-

---

[1]) Comment on devient dessinateur.

ская епархіальная школа иконописи. Кромѣ того, недавно открыта, трудами братства св. Александра Невскаго, школа иконописи при двухъ-классномъ училищѣ села Холуй (Владимірской губерніи), въ коемъ издавна процвѣтало, а за послѣднія десятилѣтія значительно упало кустарное ремесло иконописанія. Пишущій эти строки обязанъ вѣчною, глубочайшею признательностію Лаврѣ преподобнаго Сергія, пріютившей трехъ изъ его воспитанниковъ и давшей имъ первоначальное художественное образованіе. Лаврскою иконописною школою руководитъ о. іеромонахъ Симеонъ, искусный художникъ и человѣкъ высокаго духовнаго строя. По его совѣту, двое изъ моихъ питомцевъ перешли въ Московское училище живописи и ваянія, и успѣхи ихъ, художественные и матеріальные, превзошли мои ожиданія. Третій еще обучается при Лаврѣ.

И при всемъ томъ, можетъ ли моя совѣсть быть спокойною относительно этихъ трехъ юношей? Всѣ несовершенства, вся недостаточность школьнаго обученія искусству съ удвоенною силою выступаютъ наружу, когда дѣло идетъ о мальчикахъ крестьянскаго сословія. Послѣ элементарнаго курса начальной школы въ ихъ общемъ образованіи происходитъ перерывъ, ибо нужно нѣсколько лѣтъ хужественной практики для того, чтобы талантъ обозначился въ той мѣрѣ, которая оправдывала бы помѣщеніе ихъ въ одну изъ высшихъ школъ живописи. Въ эту школу они поступаютъ съ художественными умѣніями, развитыми несоразмѣрно съ ихъ школьными знаніями, и въ послѣднихъ неминуемо успѣваютъ мало. По окончаніи курса имъ предстоитъ и трудный процессъ самообразованія, и выборъ путей и объема самостоятельной художественной дѣятельности. Сколько ума, характера, воли, сверхъ художественныхъ дарованій, нужно для того, чтобы вести совмѣстно и правильно, безъ посторонней помощи, рѣшеніе обѣихъ этихъ задачъ.

Но, быть можетъ, я говорю о явленіяхъ, столь исключительныхъ и рѣдкихъ, что забота о нихъ преждевременна и неумѣстна, въ виду столь многихъ иныхъ, настоятельныхъ заботъ? Перечтите автобіографіи Солнцева, Крамскаго, Пожалостина, Сѣрякова, Голышева... Приглядитесь къ сѣрой массѣ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ. Вы убѣдитесь, что художественная даровитость русскаго народа есть факторъ народной жизни, заслуживающій полнаго вниманія. Въ теченіе тринадцати лѣтъ, я рѣшился направить на художественную дѣятельность лишь трехъ изъ мальчиковъ, обучающихся въ той группѣ сельскихъ школъ, за коими я

имѣю возможность слѣдить. Теперь я убѣдился, что я могъ бы смѣло удвоить это число. И это въ глухой, малонаселенной мѣстности, въ районѣ какихъ-нибудь 25 верстъ!

Чего же желать, что дѣлать, чтобы таланты, зарождающіеся въ деревенской глуши, получили возможность обнаружиться и развиться?

Прежде всего, нужно усиленное вниманіе людей образованныхъ и достаточныхъ къ нашимъ сельскимъ школамъ. Затѣмъ желательно размноженіе и усовершенствованіе нашихъ иконописныхъ школъ. Желательно имѣть таковую въ каждой губерніи, по возможности вдали отъ городовъ, при монастырѣ или при хорошей, богатой сельской школѣ. Необходимо, чтобы эти школы учили не одному иконописному ремеслу, но и рисованію съ гипса и съ натуры; чтобы онѣ, правильнымъ и осмысленнымъ преподаваніемъ Закона Божія, русскаго языка, отечественной исторіи, геометріи, укрѣпляли духъ и умы учениковъ, расширяли кругъ ихъ положительныхъ знаній. Такія школы дали бы вѣрный кусокъ хлѣба и самымъ скромнымъ талантамъ, неспособнымъ подняться до самостоятельнаго творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ создали бы удобную среду, въ коей могли бы обозначиться и окрѣпнуть таланты высшаго полета.

Утверждаю, что желательны именно школы иконописи, а не техническаго рисованія. И это по двумъ причинамъ, кидающимся въ глаза. Во-первыхъ, изъ всѣхъ художественныхъ ремеслъ, иконопись—самое близкое къ духовнымъ потребностямъ народной массы, и поэтому самому—наиболѣе прибыльное. Во-вторыхъ, ремесло это соприкасается съ самыми высокими сферами искусства, открываетъ перспективы несравненно болѣе широкія, чѣмъ геометрическое черченіе и рисованіе орнаментовъ. На первыхъ же порахъ рѣчь можетъ идти только о привлеченіи къ художественной дѣятельности талантовъ выдающихся, несомнѣнныхъ. Курсъ техническаго рисованія предпочтителенъ развѣ для будущаго архитектора.

Нужно ли прибавить, что занятія иконописью, какъ приступъ къ художественной дѣятельности, для воспитанниковъ сельскихъ школъ, имѣютъ иное, высшее значеніе? Наша бѣдная сельская школа, при всѣхъ ея несовершенствахъ, при всей своей жалкой заброшенности, обладаетъ однимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Она—школа христіанская; христіанская потому, что учащіеся ищутъ въ ней Христа, потому, что учащіе только Христа ради могутъ поднять

тѣ труды, при коихъ возможенъ какой-либо успѣхъ. Это-то сокровище прежде всего надлежитъ сохранить въ душѣ нашихъ будущихъ художниковъ, если намъ дороги будущія судьбы русскаго искусства. Благоговѣйны, направлены къ цѣлямъ высокимъ и чистымъ, должны быть первые шаги на этомъ трудномъ поприщѣ. Вотъ почему всего желательнѣе, чтобы школы иконописи возникали у насъ при истинныхъ, живыхъ монастыряхъ, или при живыхъ школахъ, соединяющихъ разнородныя учебныя силы въ сознательномъ служеніи единому, что есть на потребу.

Цвѣтъ русскаго искусства—впереди. Вся громадная художественная работа Россіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ—работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, всѣ эти смѣлости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоеніе народныхъ формъ творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость въ изображеніи дѣйствительности—все, что восхищаетъ насъ съ дѣтства и начинаетъ изумлять Европу—все это лишь драгоцѣнный матеріалъ, изъ коего будетъ воздвигнуто величавое зданіе русскаго искусства двадцатаго вѣка. Недаромъ всѣ наши великіе художники кончаютъ жизнь мучимые жаждою вещей божественныхъ, или замолкаютъ въ ужасѣ передъ великими тайнами жизни и смерти. Эта жажда будетъ утолена, этотъ ужасъ разсѣется. Неразрѣшимые логическою мыслію вопросы разрѣшаются только отвѣтами, воплощенными въ жизни—и въ искусствѣ. Все, что не дано намъ видѣть лицомъ къ лицу—какъ въ зеркалѣ, въ гаданіи—раскрываетъ намъ искусство—конечно не искусство журнальное, концертное, выставочное, бьющее на минутное раздраженіе мысли и чувства, а искусство, служащее:

Nur ewigen und ernsten Dingen,

то цѣльное искусство, которое мы называемъ религіознымъ, и которое есть единственное, ибо все прочее—лишь его блестящіе осколки...

Да простятъ мнѣ читатели это слишкомъ широкое отступленіе. Но оно даже не отступленіе. Въ мірѣ семъ все связано: успѣхи сельской школы съ поэзіею Пушкина и музыкою Глинки,—будущія судьбы русскаго искусства съ жизнію русской сельской школы. Все сказанное было нужно, чтобы объяснить, почему желательно, чтобы художественные таланты, безпрестанно возникающіе въ средѣ нашего крестьянства, не проходили механическую школу нашихъ казенныхъ храмовъ искусства, а въ тихомъ, благоговѣйномъ

трудѣ испытывали свои силы, пріобрѣтали извѣстную степень техническихъ умѣній, при коихъ и талантъ посредственный дастъ вѣрный кусокъ хлѣба; а въ случаѣ дарованія выдающагося, могли бы поступать, въ качествѣ личныхъ учениковъ, въ мастерскія нашихъ первоклассныхъ художниковъ.

О нашихъ выдающихся художникахъ, даже о тѣхъ, творческая дѣятельность коихъ наименѣе намъ симпатична, нельзя питать иного мнѣнія, какъ самое высокое. Отношеніе ихъ къ искусству—серьезное и искреннее. Ихъ достоинства, ихъ исканія, даже ихъ заблужденія свидѣтельствуютъ о неустанной, напряженной внутренней работѣ. Ни одинъ изъ нихъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Быть можетъ, это слово будетъ высказано не ими, а ихъ учениками. Такъ не разъ бывало въ исторіи искусства. Тѣмъ желательнѣе, чтобы ихъ мастерскія сдѣлались высшими школами для избранныхъ учениковъ, чтобы въ области живописи мы дожили до тѣхъ же отрадныхъ явленій преемственности, творческаго рукоположенія, коихъ мы были свидѣтелями въ области литературы и музыки.

Итакъ, я благополучно вернулся къ Бандинелли и Листу, къ тѣмъ образцамъ преемственной художественной дѣятельности, которые воскресилъ передо мною старинный рисунокъ, которые сохранила во мнѣ память о дняхъ, давно минувшихъ. Многаго, быть можетъ, я не досказалъ. Но все, что я высказалъ, не надумано, а пережито и выстрадано, и найдетъ гдѣ-нибудь отголосокъ.

С. РАЧИНСКІЙ.

Митрополитъ Иннокентій на крайнемъ востокѣ [1].

Миссіонерская дѣятельность въ русской Америкѣ и Сибири. — Характеръ страны и туземцевъ.—Параллель между взглядами великато святителя и его ближайшихъ преемниковъ.

Сибирь за послѣднее время все болѣе и болѣе приковываетъ общее вниманіе. О ней начинаютъ серьезно говорить, на нее возлагаются основательныя надежды, мы хотимъ наконецъ сознательно воспользоваться плодами стихійнаго движенія казачьей вольницы въ глубь Азіи и стать звеномъ, соединяющимъ очаги христіанской культуры съ коснѣющими въ тьмѣ языческими центрами. Но для того чтобы эта связь была лучезарной, для того чтобы это воздѣйствіе на востокъ являлось разумно-упорнымъ, намъ нельзя закрывать глаза на свои немощи и недостатки, надо откровенно и своевременно указывать на нихъ, необходимо строго разграничивать сферу нашего возрождающаго инородцевъ вліянія и сферу хаотически-дикаго произвола, отъ котораго терпитъ туземное населеніе завоеваннаго неогляднаго края. Если смотрѣть на вопросъ только съ пессимистической точки зрѣнія, немало мрачныхъ картинъ возстанетъ изъ сравнительно весьма близкаго прошлаго; но такое отношеніе къ вещамъ совершенно безплодно и вредно: намъ нужны примѣры и факты, возвышающіе умъ надъ злобой дня. По нимъ можно учиться, ими вдохновляться, ихъ считать мѣриломъ того, на что способна русская цивилизація на далекой окраинѣ. Посѣянное тамъ лучшими нашими дѣятелями и по смерти послѣднихъ не пропадаетъ, поддерживаетъ обаяніе

[1]) Цѣннымъ матеріаломъ для статьи послужили біографія знаменитаго іерарха, написанная И. П. Барсуковымъ и имъ же издаваемыя творенія святителя.

русскаго имени, въ годины заблужденія напоминаетъ о прежнихъ незабвенныхъ дняхъ. Особенно въ этомъ отношеніи важны и достойны безпристрастной оцѣнки наши успѣхи въ дѣлѣ распространенія и насажденія православія.

Скончавшійся въ 1879 г. московскій святитель всею своею жизнью представляетъ такое знаменательное для нашего времени явленіе, что не призадуматься надъ свѣтлымъ ликомъ великаго сибирскаго проповѣдника, не отмѣтить его глубоко христіанскихъ взглядовъ на призваніе каждаго миссіонера, наряду съ жестокосердыми отзывами другихъ лицъ, избравшихъ подобную же дѣятельность,—значило бы закрывать глаза на все, чѣмъ наша Церковь богата, и Россія можетъ справедливо гордиться. Благодаря серьезнымъ трудамъ И. П. Барсукова, личность Высокопреосвященнаго Иннокентія возстаетъ проникнутая умиляющею духовною красотою. Прочитать четыре объемистыхъ тома, наполненныхъ массою мелкихъ подробностей, для большинства читателей довольно трудно и потому, быть можетъ, не лишнее было бы сгруппировать наиболѣе интересное, въ связи съ отношеніемъ этого матеріала и къ характеристикѣ покойнаго митрополита, и къ положенію миссіонерскаго дѣла на далекихъ окраинахъ.

Двадцати пяти лѣтъ отъ роду будущій славный святитель (тогда священникъ Іоаннъ Веніаминовъ), движимый только одними чистыми побужденіями, рѣшилъ оставить свой приходъ въ Иркутскѣ, гдѣ онъ самъ и семья его жили въ довольствѣ, чтобы ѣхать проповѣдникомъ слова Божія въ Америку. Мысль о путешествіи туда казалась другимъ гораздо хуже обставленнымъ священнослужителямъ столь ужасною, что они предпочитали идти въ солдаты, чѣмъ плыть на чужбину. Хотя ближніе его горевали, что имъ надо слѣдовать за кормильцемъ своимъ Богъ вѣсть куда, отецъ Іоаннъ твердо настоялъ на необходимости отправиться за море, въ маѣ 1823 г.

Дорога лежала до Якутска по Ленѣ на павозкѣ (родъ баржи). Тихое теченіе величественной рѣки словно убаюкивало. Вокругъ все было пустынно, дико, самобытно. Восточная Сибирь безмолвно прощалась со своимъ дѣтищемъ: Веніаминовъ родился въ этомъ именно краѣ, съ дѣтства привыкъ къ его угрюмой, но красивой природѣ. Приходилось сказать ей надолго прости. Отъ Якутска до Охотска молодой миссіонеръ и сопутствовавшіе ему вынуждены были ѣхать верхомъ. На разстояніи 1.000 слишкомъ верстъ дорога тянулась то извилистыми тропинками, пролегающими

сквозь густой лѣсъ или черезъ болото, въ которомъ лошади вязли по грудь, то крутыми косогорами или снѣжными горами, то обрывами надъ рѣкой, куда, того и гляди, можетъ сорваться безподковный конь...

Цѣлью странствованія являлась отдаленная русская Америка, достигнуть которой довелось лишь спустя четырнадцать мѣсяцевъ. Она представлялась почти неизвѣстною страною, и вслѣдствіе того отецъ Іоаннъ прежде всего принялся за изученіе мѣстныхъ нарѣчій, постарался ознакомиться, по возможности всестороннѣе, съ бытомъ, обычаями, преданіями туземцевъ. Подготовляя себя такимъ образомъ для апостольскаго служенія, Веніаминовъ тщательно велъ любопытнѣйшія записки, гдѣ накоплялись обильныя свѣдѣнія о нашихъ владѣніяхъ за Тихимъ океаномъ. Прежнія описанія очевидцевъ оказывались не вполнѣ удовлетворительными и требовали значительныхъ дополненій. Отецъ Іоаннъ понималъ это и неутомимо, годами, трудился, чтобы дѣлать вклады въ науку. При этомъ онъ постоянно принималъ въ разсчетъ ранѣе напечатанные очерки моряковъ относительно того же предмета, а равно и изысканія естествовѣдовъ. На западѣ вскорѣ узнали о результатахъ дѣятельности нашего миссіонера и по достоинству оцѣнили ее,—не то что мы, до сихъ поръ едва слыхавшіе о многоплодныхъ усиліяхъ роднаго проповѣдника. Напримѣръ, немедленно послѣ того какъ въ 1839 г. Веніаминовъ отдалъ въ журналъ „Сынъ Отечества" одну свою статью объ американскихъ дикаряхъ, Прусская Государственная Газета сообщила о ней образованному міру, а филологи стали пользоваться собранными нашимъ священникомъ совершенно новыми, неожиданными лингвистическими данными. Еще при жизни святителя появились двѣ книги на англійскомъ языкѣ (Пинарта и Хейля), говорившія о его значеніи.

Изслѣдованія отца Іоанна, печатавшіяся полвѣка тому назадъ, сдѣлались нынѣ библіографическою рѣдкостью, и потому нельзя не привѣтствовать предпринятаго г. Барсуковымъ полезнаго и весьма доступнаго по цѣнѣ изданія. Съ твореніями митрополита Иннокентія въ рукахъ, ярко рисуешь себѣ и тѣ края, въ которыхъ ему пришлось благовѣстствовать, и равноапостольныя заслуги покойнаго іерарха.

Первоначальнымъ мѣстопребываніемъ молодаго миссіонера сдѣлалась группа изъ шестидесяти приблизительно островововъ такъ-называемаго уналашкинскаго отдѣла, расположенныхъ на рубежѣ Берингова моря и Тихаго океана.

и входившихъ въ составъ земель, отданныхъ правительствомъ русско-американской компаніи. Они гористы и обладаютъ вулканами, раза по три въ годъ испытывая землетрясенія. Кругомъ вообще творились и творятся удивительныя вещи. Такъ, въ 1796 г. послѣ сильнаго подземнаго грома надъ водой показался въ туманѣ черный большой камень, изъ котораго вылетало пламя: вскорѣ оно замѣнилось однимъ дымомъ, и на волнахъ началъ замѣтно рости островъ. Въ 1825 г. въ другомъ пунктѣ цѣлый хребетъ среди дня взорвало въ нѣсколькихъ мѣстахъ: на громадномъ пространствѣ воцарилась четырехдневная тьма, льды и снѣга на горахъ растаяли и потекли грозною рѣкой въ 5—10 верстъ ширины. Здѣсь и тамъ видны валуны гранита, навѣрно брошенные сюда страшною силою подземнаго огня (такъ какъ на самихъ островахъ нѣтъ нигдѣ своего гранита). Все заставляетъ предположить, что тутъ нѣкогда существовалъ материкъ, связанный, можетъ статься, и съ Камчаткой, и съ Америкой, но разрушенный затѣмъ внутренними переворотами. Отъ суши сохранились лишь десятки острововъ, и, Боже! что это за мрачный, что-за унылый край. Хотя уналашкинскій отдѣлъ лежитъ южнѣе Петербурга, жителей обступаетъ вѣчная осень. Если лѣтомъ термометръ и повысится изрѣдка до 20°+, то при малѣйшемъ западномъ вѣтрѣ становится чувствительно холодно. Зимою случается, что и птицы обмерзаютъ. Безвѣтрія никогда не бываетъ: штиль иногда только продолжается немного часовъ подъ рядъ. Причина коренится, вѣроятно, въ положеніи острововъ на рубежѣ двухъ морей, постоянно воздѣйствующихъ на атмосферу другъ друга. Генрихъ Элліоттъ, напечатавшій въ 1886 г. особое сочиненіе о бывшей русской Америкѣ, справедливо замѣчаетъ относительно уналашкинскаго отдѣла: „свирѣпость ураrановъ, причудливость быстрыхъ теченій при плаваніи, безпрестанное колебаніе барометра, густые туманы, все поражаетъ и раздражаетъ европейца“. Совершенно безоблачныхъ дней здѣсь бываетъ не болѣе 4—12 въ годъ, ясныхъ отъ 30 до 60. Солнце видно отъ 100 до 160 дней въ году.

Соотвѣтственно причудливому характеру мѣстности и климата, странными кажутся и мѣстныя животныя, и островитяне. Олени столь малы, что крупнѣйшіе самцы не вѣсятъ свыше 3 пудовъ. Медвѣди весьма кротки и не отличаются хищными свойствами, предпочитая довольствоваться кореньями и ловить рѣчную рыбу. Лисицы до того утонченно избѣгаютъ промышленниковъ, что стоитъ имъ свернуть въ сторону, идя по тропинкѣ, гдѣ спрятана ловушка,

и хитрый звѣрь дѣлаетъ тоже. Бобры чрезвычайно смышлены, даже разумны. Туземцы-язычники, замѣчая сходство строенія ихъ тѣла съ человѣческимъ, думали, что не изъ грѣшныхъ ли людей они превратились въ животныхъ. Морскіе коты (родъ земледводныхъ, похожихъ на тюленя), сколько бы ихъ ни безпокоили и ни били охотники, *неизмѣнно* водятся на тѣхъ же берегахъ, причемъ старые и опытные самцы окружены иногда десятками и даже сотнями матокъ. Стада эти днемъ и ночью кричатъ по-овечьему. Вожаки подолгу не ѣдятъ, не пьютъ, не спятъ—берегутъ своихъ. Въ такомъ состояніи многосемейные самцы могутъ пробыть сряду около трехъ мѣсяцевъ. Матери учатъ маленькихъ дѣтей убѣгать отъ непріятеля и для этого дѣлаютъ фальшивыя тревоги. Котики чрезвычайно игривы, ни минуты не пробудутъ безъ шалости—то кусаютъ другъ друга и таскаютъ въ воду, то плещутся въ морѣ: иногда видишь, какъ котикъ съ большими усиліями карабкается на прибрежный камень, только для того чтобы спихнуть съ него спящаго товарища. Уничтожить котовъ могутъ хотя бы и дѣти, такъ они смирны, беззащитны и покорны. Не у всякаго промышленника поднимается рука на бѣдныхъ кроткихъ животныхъ, виновныхъ лишь тѣмъ, что имѣютъ пухъ. При избіеніи дѣтенышей оставляемыя для будущаго котовыя матки лежатъ надъ мертвыми тѣлами и надобно силой отгонять ихъ въ море. Иныя плачутъ слезами.

Моржи передвигаются съ мѣста на мѣсто при помощи своихъ тяжелыхъ клыковъ, вонзая ихъ въ землю и затѣмъ притягивая впередъ громоздское туловище, въ которомъ насчитывается около 150 пудовъ вѣса. Страшные сивучи, отчасти напоминающіе по виду львовъ, легко подымаютъ и бросаютъ восьмидесятипудовыхъ товарищей. Зубы у нихъ до того крѣпки, что эти животныя способны раскусить камень. Черепа ихъ не прошибаетъ пуля. Киты такъ и ходятъ между островами уналашкинскаго отдѣла. Въ нѣкоторыхъ бухтахъ и заливахъ пускаемые ими фонтаны видны цѣлый день безпрерывно, на значительномъ пространствѣ. Иные изъ нихъ достигаютъ двадцатисаженной длины и почти соразмѣрной толщины. Одни усы такихъ чудовищъ вѣсятъ до 150 пудовъ. Самымъ хищнымъ морскимъ звѣремъ является *аглюкъ* (косатка), растерзывающая сивучей и большихъ китовъ, исключительно чтобы выѣсть у нихъ языкъ.

Лѣтомъ рыба здѣсь входитъ изъ моря въ рѣки, вытекающія изъ озеръ (и только въ такую, а не иную прѣсную воду)—ни тѣснота, ни испугъ не заставитъ эту рыбу коро-

титься назадъ. Она пробирается въ верховьяхъ до крайняго мелководья, едва дышетъ, сдираетъ себѣ о каменья кожу, и все идетъ-идетъ, преслѣдуя какую-то тайную цѣль, пока не станетъ легкою добычею другихъ животныхъ.

Среди такихъ-то условій, питаясь лишь тѣмъ, чѣмъ богато было море, жили туземцы-алеуты, учить коихъ поѣхалъ отецъ Іоаннъ. Происхожденіемъ они, вѣроятно, сродны азіатамъ монгольскаго племени, напоминаютъ чертами лица отчасти якутовъ, отчасти японцевъ, но обычаями ближе всего подходятъ къ американскимъ дикарямъ. Смуглые, худощавые, съ искривленными ногами отъ вѣчнаго сидѣнья на полу въ жильѣ или въ искусно приготовленныхъ легкоходныхъ байдаркахъ (узенькихъ лодкахъ), островитяне уналашкинскаго отдѣла крайне самобытны по физическимъ свойствамъ, способностямъ, характеру и языку.

Подобно многимъ инородцамъ восточной Сибири, не приправляющимъ пищи солью, алеуты будто-бы потому именно замѣчательно дальнозорки. Когда русскій только примѣтитъ въ морѣ байдарку, туземецъ уже узнаетъ въ лицо и самыхъ гребцовъ. Глазомѣръ также поразительно хорошъ. При волненіи алеуты всегда умѣютъ разсчесть паденіе и скорость волны, издали отличаютъ поэтому незримыя отмели и подводники.

Какъ мужчины, такъ и женщины сложенія довольно плотнаго, и не мало найдется между ними широкоплечихъ и сильныхъ: въ работѣ и на ходьбѣ они очень дюжи и неутомимы. Плыть въ байдаркѣ инородцы способны отъ 14 до 20 часовъ, не приставая къ берегу и останавливаясь не болѣе разу минутъ на пятнадцать. При переноскѣ тяжестей они очень тяглы, перетаскивая въ день до двухъ пудовъ на разстояніи 50 верстъ,—и притомъ при суровыхъ условіяхъ, по крутымъ подъемамъ, покрытымъ полузамершимъ снѣгомъ, при страшно порывистомъ вѣтрѣ, лишенные отдыха подъ кровомъ и ничѣмъ не подкрѣпляясь.

Обыкновенно алеуты неповоротливы и мѣшковаты, но, когда потребуютъ обстоятельства, сразу мѣняются: у нихъ тогда развивается ловкость, бойкость и быстрота движеній, и увѣренность, что съ опасностью можно поспорить, пока позволяютъ тѣлесныя силы и умѣніе. Туземецъ одинъ безбоязненно въѣзжаетъ въ стадо китовъ или сивучей, выходитъ на медвѣдя съ лукомъ. Привыкши слушаться русскихъ, алеуты пренебрегали жизнью, когда имъ приказывали. Напримѣръ, однажды на промыслѣ начальникъ русскаго судна Невзоровъ, не взирая на совѣты стариковъ,

предвидѣвшихъ гибель отъ бурана, рѣшилъ отчалить отъ берега. Спутники повиновались и, прощаясь съ остающимися единоплеменниками, какъ обреченные на смерть, дѣлали завѣщанія. За версту отъ суши всѣ они потонули... Этотъ случай не единичный.

Живя при морѣ и всегда надѣясь достать какую-нибудь пищу, алеуты не любятъ дѣлать запасовъ и потому непозволительно беззаботны и безпечны. Каждый годъ приходится голодать, особенно въ мартѣ: мѣсяцъ даже получилъ названіе *„когда гложутъ ремни"*. Если пропитаніе легко достается, инородцы ѣдятъ лучшіе лакомые куски, а остальнымъ не дорожатъ. Почти все уничтожается сырымъ. Мясо лишь подогрѣваютъ среди каменьевъ. Не брезгая ни кислымъ, ни гнилымъ, равнодушно относясь къ отвратительному запаху, держа въ грязи домашнюю посуду, туземцы имѣютъ на счетъ пищи свои причуды — такъ никто не станетъ пробовать обильныхъ здѣсь грибовъ (въ силу какой-то необъяснимой идіосинкразіи), и брезгаютъ овощами, замѣтивъ, что русскіе унаваживаютъ землю.

Самая рѣзкая черта алеутовъ—терпѣливость до безчувствія. Никакая боль, никакое страданіе не вызовутъ стона или вопля, не заставятъ роптать. Пробывшіе 3—4 дня голодными не жалуются и не просятъ ѣсть у имѣющихъ, пока послѣдніе сами не помогутъ. При продолжительномъ бѣдствованіи алеуты пекутся всего болѣе о дѣтяхъ, которыя тоже привыкли къ лишеніямъ, и отдаютъ имъ остатки пищи. Подолгу голодавшіе принимаются за ѣду медленно, спокойно, точно за ранній обѣдъ послѣ сытнаго завтрака. Въ виду частыхъ невзгодъ среди населенія (до прихода русскихъ) существовалъ обычай, теперь, къ несчастью, подъ иноземнымъ вліяніемъ, утрачивающійся—дѣлиться своей добычей съ нуждающимися, оставляя въ сторонѣ всякіе эгоистическіе помыслы о себѣ и семьѣ.

Описывая нравы туземцевъ, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ съ особенной любовью останавливается на добродѣтельныхъ качествахъ этихъ дѣтей природы, понимая, какъ драгоцѣнны подобныя свойства для воспитанія изъ нихъ образцовыхъ христіанъ. Глубоко чувствуя и радости, и печали, алеуты настолько владѣютъ собою, что умѣютъ побороть проявленія восторга и отчаянія. Даже женщины, и малолѣтніе всегда остаются видимо невозмутимыми. Инородцы цѣнятъ оказываемыя имъ благодѣянія, различаютъ существенное, прочное отъ мишурнаго, но чувство не вырывается наружу. Неприхотливость и отсутствіе корыстолюбія до того велики,

что имѣющій наиболѣе необходимыя вещи, совершенно доволенъ, не тяготится бѣдностью, никогда не ищетъ улучшенія. Зависть чужда сердцу островитянъ. На промыслѣ въ каждомъ просыпается энергія и страсть охотника: мысль о выгодѣ остается на заднемъ планѣ. Иные усердно гоняются за звѣрями, уже подстрѣленными, хотя знаютъ, что добыча достанется первымъ счастливцамъ. Упромыслывшіе нѣсколько бобровъ охотно отдаютъ ихъ или тому, кто ничего не убилъ, или какому-нибудь больному старику, или родственнику. Состоятельные люди уважаются населеніемъ, не за имѣніе, а за трудолюбіе. Хладнокровіе не мѣшаетъ родителямъ безумно любить потомство, и наоборотъ. Бывали случаи, что при смерти близкихъ существъ, старшіе лишали себя жизни. „Это нельзя почесть самоубійствомъ" замѣчаетъ отецъ Веніаминовъ: „иначе всякое пожертвованіе собою изъ любви къ другимъ можно назвать тѣмъ же". Дѣти платятъ родителямъ одинаковою привязанностью. Напримѣръ, два туземца попали въ Петербургъ и, хотя получали вдоволь водки, табаку и денегъ за байдарочную ѣзду, но они предпочли вернуться, чтобы успокоить престарѣлыхъ матерей. Любимую жену мужъ зоветъ „матерью", жена мужа „отцемъ" или „сыномъ", дитя родители всегда называютъ „отцемъ" или „матерью". Настойчивый характеръ способствуетъ тому, что островитяне, вообще нескорые на обѣщанія, разъ давши таковыя, непремѣнно ихъ выполняютъ. Если алеутъ вздумаетъ дарить, то даритъ безъ разсчета и не питая надеждъ на отдарокъ, довольствуясь лишь тѣмъ, что ему сказали „спасибо" и не обидѣли презрительнымъ отказомъ принять подарокъ. Неразговорчивые, несообщительные инородцы уналашкинскаго отдѣла воздерживаются отъ споровъ даже будучи убѣждены въ истинѣ. Пришельцамъ они во всемъ уступаютъ, говоря: „ты больше знаешь— ты русскій". Ложь незнакома туземцамъ. Они такъ привыкли къ правдѣ, что оскорбляются малѣйшимъ недовѣріемъ и умолкаютъ, хотя бы могли изъ-за этого потерпѣть убытокъ. Если кто-нибудь сумѣетъ расположить ихъ къ себѣ, то алеуты становятся до нѣкоторой степени откровенными. Только о прежней языческой вѣрѣ они не любятъ бесѣды. Никакой справедливый выговоръ не возбуждаетъ въ инородцахъ неудовольствія. Воровъ нѣтъ. Все имущество лежитъ на виду, и остается неприкосновеннымъ. Уголовныя преступленія неизвѣстны. Убить, или покуситься на чужую жизнь, драться, ругаться грязными словами алеутъ неспособенъ: даже въ нетрезвомъ видѣ онъ стано-

вится только веселѣе, развязнѣе, ласковѣе, но никогда не побранится, не припомнитъ никому старыхъ обидъ. Если же его самого оскорбятъ, онъ начинаетъ безпомощно плакать. И дѣти не знаютъ, что такое самоуправство. Гостепріимство островитянъ не уступитъ тому, коимъ вообще славятся полудикія племена. Пріѣзжихъ даромъ кормятъ, какъ угодно долго, обшиваютъ и снабжаютъ, чѣмъ нужно, на дорогу. Алеуты считали позорнымъ: будучи вдвоемъ на промыслѣ, не предложить товарищу лучшую часть добычи, хвастаться собственными подвигами, открывать женщинамъ общественную тайну. Мужчины краснѣли, если ихъ хвалили при людяхъ.

Къ такому-то народу прибылъ для проповѣди отецъ Іоаннъ Веніаминовъ. Хотя уже прошло около трехъ четвертей столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ острова попались на пути капитану Берингу, и затѣмъ къ нимъ постоянно стали приплывать наши звѣропромышленники, христіанство не успѣло еще животворно коснуться простодушныхъ дикарей, мимолетно оглашенныхъ ученіемъ одного миссіонера тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ объѣхалъ острова, крестя инородцевъ повсюду, но, въ виду незнакомства съ ихъ языкомъ, не имѣя возможности передать обращаемымъ, въ чемъ сущность принимаемой ими вѣры. Раньше русскіе дѣлались воспріемниками алеутовъ, почти исключительно съ цѣлью пользоваться ихъ услугами, разсчитывая на безусловную покорность. Мало по малу вошло въ обычай освобождать неофитовъ на нѣкоторое время отъ платежа ясака. Но систематически и съ любовью дѣло проповѣди не велось. Архіерей, назначенный въ тихоокеанскія владѣнія, потонулъ въ 1796 г. на пути въ епархію. Она осталась запущенною и въ зависимости отъ иркутскаго духовнаго начальства. Если туземцы и питали расположеніе къ христіанству, то лишь благодаря своимъ прирожденнымъ качествамъ. Алеуты особенно выдавались религіознымъ настроеніемъ. Хотя они до отца Іоанна Веніаминова не видали у себя ни разу постоянныхъ священниковъ, тѣмъ не менѣе шаманство на островахъ находилось въ полнѣйшемъ упадкѣ. Сами волхвы предсказали, съ самаго появленія русскихъ, что мѣстнымъ жителямъ суждено вскорѣ во всемъ уподобиться пришельцамъ, ибо на востокѣ будто-бы стала видна кудесниками свѣтлая заря, гдѣ находились люди вродѣ русскихъ, и число ихъ непрерывно возрастало, а пониже, гдѣ виднѣлись алеутоподобныя тѣни, количество ихъ рѣдѣло и взамѣнъ воцарялась непроницаемая тьма. „Вѣроятно, такія пророчества“ замѣ-

чаетъ отецъ Іоаннъ — „много облегчили дѣло миссіонеровъ“.

Когда онъ пріѣхалъ въ уналашкинскій отдѣлъ, приходилось строить храмъ Божій. Раньше стоялъ на одномъ изъ острововъ большой крестъ, который сами русскіе опрокинули безъ особой надобности, для изготовленія наръ. За это безбожниковъ постигла кара. Они переболѣли и померли, тогда какъ другихъ недугъ не касался. Новоприбывшему миссіонеру не доставало сначала и работниковъ, и готоваго матеріала. Благодаря основательному ознакомленію своему, еще на школьной скамьѣ, съ техникой и механикой, онъ пріучилъ понемногу алеутовъ къ плотничному, столярному и отчасти слесарному и кузнечному производству, а также и къ выдѣлкѣ кирпича и каменной кладкѣ: и тогда, когда они уже были достаточно подготовлены къ подобнымъ работамъ, онъ приступилъ съ ними къ постройкѣ церкви, повсюду руководствуя работами лично. Нѣкоторыя части постройки онъ создалъ собственноручно и въ общемъ сдѣлалъ сбереженіе до 17.000 р.

Параллельно съ этимъ Веніаминовъ тщательно изучалъ языкъ островитянъ для того, чтобы истины о вѣрѣ Христовой передавать алеутамъ родными ихъ звуками, а звуки эти, по трудности произношенія, доступны лишь тонкому внимательному слуху. Подготовившись такимъ образомъ основательно и отнюдь не торопливо, отецъ Іоаннъ сталъ подвергать себя явной опасности и разнымъ лишеніямъ, переплывая отъ острова къ острову по волнамъ въ душегубкѣ-байдаркѣ, до того узкой, что ноги можно держать только протянутыми и плотно одна къ другой прижатыми, какъ у спеленатаго. Безстрашіе его въ этихъ плаваніяхъ, по словамъ очевидцевъ, было изумительно. Защитою отъ суроваго климата служили носимыя туземцами парка и камлейка. Парка—родъ длинной рубашки, ниже колѣнъ, со стоячимъ воротникомъ и неширокими рукавами (изъ птичьихъ шкуръ, преимущественно морскихъ попугаевъ), замѣняющая въ дорогѣ и постель, и одѣяло. Вторая то же, но изъ сивучьихъ, китовыхъ или моржевыхъ кишекъ, и съ придѣланнымъ мѣшкомъ, который въ непогоду можно одѣть на голову.

Результатомъ самоотверженной дѣятельности явился необычайный успѣхъ. Набожность среди островитянъ все росла и росла. „При бесѣдахъ съ ними“ пишетъ великій сибирскій святитель“:—я узналъ утѣшенія христіанской вѣры—сладостныя и невыразимыя прикосновенія Благодати и потому я обязанъ алеутамъ благодарностью болѣе, чѣмъ они

мнѣ за мои труды. Жажда инородцевъ къ слушанію слова Божьяго такъ была сильна, что скорѣе утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ ослабнетъ ихъ вниманіе и усердіе слушать. По пріѣздѣ моемъ въ какое-либо селеніе, всѣ и каждый, совершенно оставляя занятія, какъ бы они ни были важны, по первому призыву тотчасъ собирались внимать поученіямъ, не развлекаясь, не сводя глазъ: нѣжнѣйшія матери дѣлались какъ-бы безчувственны къ плачу дѣтей своихъ, которыхъ и не приводили съ собою, если дѣти не въ состояніи понимать. Появленіе мое вездѣ привѣтствовалось единодушно: лишь только разносилась вѣсть, что пріѣхалъ *адакъ* (отецъ), населеніе толпой высыпало навстрѣчу. Даже больныхъ нерѣдко приносили для полученія благословенія". Постились туземцы въ полномъ смыслѣ слова, всѣ исповѣдывались, причащались,—безъ всякаго наряда и принужденія. Лишь только ударитъ колоколъ, населеніе торопилось въ церковь. Въ храмѣ и на молитвѣ туземцы стояли удивительно твердо,—даже дѣти не переступали съ ноги на ногу, не оглядываясь по сторонамъ, устремивши взоры или къ небу, или на иконы. Иные инородцы горячо молились, и не выказывая себя при людяхъ, а тайно, по ночамъ. На церковь жертвовалась десятая доля годоваго дохода. Особенно рѣзко сказался внутренній переворотъ въ томъ отношеніи, что свойственная дикарямъ мстительность сразу исчезала, что преданные чувственности алеуты, дѣлаясь христіанами, становились примѣрно воздержными, число незаконнорожденныхъ уменьшалось, вообще же населеніе увеличивалось противъ прежняго. Отцу Іоанну случалось на исповѣди имѣть дѣло съ такими, которые не знали, въ чемъ и каяться, ибо ничто не тяготило ихъ души, даже никакого обыкновеннаго грѣха они за собою не знали,—между тѣмъ, при исчисленіи своихъ проступковъ, туземцы говорили буквально все: про каждую утаенную мелочь, про всякое нехорошее выраженіе. Когда впослѣдствіи ихъ духовный пастырь перевелъ для нихъ часть евангелія и катехизисъ, даже старики учились читать: мѣстами всѣ до единаго дѣлались грамотными. За то какую благодарность питали къ нему пасомые, какую любовь! Въ 1870 г. нѣсколько алеутовъ прибыло въ Москву полюбоваться на своего просвѣтителя, принести ему издалека поклонъ собратій. Митрополитъ Иннокентій, растроганный до слезъ, каждаго поцѣловалъ и благословилъ, затѣмъ, собственно для нихъ, торжественно совершалъ неоднократно богослуженія въ кремлевскихъ соборахъ.

Когда наше правительство, сознавая, насколько неудобно

владѣть за-тихоокеанскими владѣніями, и недовольное своекорыстнымъ образомъ дѣйствій россійско-американской компаніи, рѣшило, дабы не держать въ тѣхъ водахъ обширной эскадры, для огражденія нашихъ интересовъ отъ американскихъ флибюстьеровъ, уступить Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки и острова съ алеутами, и занимаемую часть материка,—маститый іерархъ продолжалъ издали наблюдать за нравственнымъ положеніемъ озареннаго имъ свѣтомъ истины края и заботиться, чтобы православнымъ епископомъ въ Санъ-Франциско былъ назначенъ человѣкъ наидостойнѣйшій. Въ 1871 г. нашъ посланникъ въ Вашингтонѣ Катакази писалъ Высокопреосвященному, что воспоминаніе о его добродѣтеляхъ и понынѣ служитъ для алеутовъ поясненіемъ истинъ, изложенныхъ въ катехизисѣ. Тогда, на американскомъ конгрессѣ, поднялись пренія объ административномъ преобразованіи аляскинской территоріи: нѣкоторые депутаты стали укорять свое правительство въ томъ, что оно ничего еще не сдѣлало для нравственнаго и матеріальнаго блага туземцевъ. „Не такъ поступали русскіе" сказалъ одинъ изъ упрекающихъ: „изъ дикарей они дѣлали христіанъ, строили церкви, основывали школы. До сихъ поръ, къ стыду нашему, лучи просвѣщенія доходятъ туда не изъ Вашингтона, а С.-Петербурга и Москвы". Восьмидесятилѣтній епископъ Кентукки—Смитъ, епископъ Буффало—Клевеландъ письменно заявляли Иннокентію свое глубокое сочувствіе и уваженіе къ его апостольской дѣятельности. Она дѣйствительно поражаетъ глубиною, если принять въ соображеніе, какъ святитель умѣлъ найти доступъ къ сердцу человѣческому: написанное имъ для алеутовъ „Указаніе пути въ царствіе небесное" въ русскомъ переводѣ выдержало болѣе двадцати изданій, успѣшно примѣнялось неразъ. Издавая для островитянъ евангеліе отъ Матѳея, великій миссіонеръ, изъ опасенія, какъ-бы среди нихъ впослѣдствіи не возникнулъ расколъ, въ предисловіи помѣстилъ знаменательныя строки: „скажу вамъ, что въ сей книгѣ есть нѣсколько словъ, которыя невполнѣ выражаютъ слова русскаго языка; и это потому, что въ вашемъ языкѣ нѣтъ равнозначущихъ словъ. Не думайте, чтобы переводъ никогда не потребовалъ исправленія и не привязывайтесь къ однимъ словамъ только; но вникайте въ значеніе и духъ Божественнаго Слова". Забота Иннокентія, какъ-бы инородцы легче и глубже знакомились со Св. Писаніемъ на своемъ родномъ языкѣ, тѣмъ изумительнѣе, что нарѣчій вездѣ кругомъ было множество, на каждомъ говорило (и то не всегда) лишь нѣ-

сколько тысячъ душъ, а просвѣщаемые алеуты постепенно даже, въ лицѣ подростающихъ поколѣній, предавали забвенію особенности роднаго языка, да и послѣдній представлялъ большія трудности для переводчика: письмена островитянамъ не были извѣстны, существительныя отглагольныя совсѣмъ были чужды, а отвлеченные глаголы и происходящія отъ таковыхъ нарѣчія почти совсѣмъ были чужды алеутскому языку. Замѣчательно, что словъ *терпѣть*, *прощать и просить прощенія* вовсе не существовало. Отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, движимый чисто научными цѣлями, составилъ алеутскую грамматику, и кромѣ этого, обогатилъ лингвистику довольно объемистымъ словаремъ, который, по возможности, совмѣщалъ все главное, касающееся прочихъ нарѣчій въ нашей Америкѣ. Они же до того были недоступны вообще по произношенію, по множеству гортанныхъ звуковъ, что часто сосѣди-инородцы не могли усвоить языкъ другъ у друга.

Съ этнографической точки зрѣнія святитель сдѣлалъ не менѣе цѣнный вкладъ въ сокровищницу знаній,—и все потому, что не гнушался туземныхъ преданій и обычаевъ, прозрѣвалъ разумную основу инородческихъ бытовыхъ условій, въ просвѣщаемыхъ Истиною Христовою, желалъ видѣть подобныхъ себѣ людей, а не полускотовъ. Алеуты, впрочемъ, сами, становясь вѣрующими, отрекались старины, забывали прошлое и мѣняли образъ жизни. Тѣмъ важнѣе записанное отцомъ Веніаминовымъ.

Поліандрія, не рѣдко встрѣчающаяся даже у народовъ культурнаго типа, каковы тибетцы, прививалась отчасти и къ островитянамъ. Второй мужъ, при живомъ первомъ, назывался „половинщикомъ", промышлялъ для общей жены, но не считался полнымъ хозяиномъ дома и, отдѣляясь, бралъ лишь малую долю имущества. Дѣти всегда оставались при матери, или при роднѣ съ ея стороны. Защитникомъ и руководителемъ обыкновенно являлся дядя. Женихъ и невѣста съ дѣтства намѣчались близкими лицами, и бракъ долженъ былъ состояться, благодаря такому отдаленному рѣшенію. За то молодые не рѣдко послѣ того спокойно разставались на продолжительное время. Связь закрѣплялась только рожденіемъ ребенка, и тогда зять дарилъ тестю раба (военноплѣннаго). Отказъ въ сватовствѣ почитался величайшею обидою, за которую жестоко мстили. Многоженство допускалось, но этимъ обычаемъ не злоупотребляли. Несмотря на иные грубые нравы, свойственные алеутамъ, они отличались крайнею ревностью,—что не знаешь, какъ и согласить со встрѣчавшейся поліанд-

ріей. Если женихъ умиралъ раньше невѣсты, она навсегда оставалась дѣвушкою. Братъ наслѣдовалъ жену брата.

У покойниковъ вынимались внутренности, вмѣсто нихъ зашивалась сухая трава и, продержавъ трупъ дома 15 дней, его хоронили, оплакивали почившаго еще 25 дней и затѣмъ справляли очень сытныя поминки. Вдовамъ за эти шесть недѣль приходилось выдерживать тяжелыя испытанія. Руки и ноги имъ перевязывали ремешками, запирали несчастныхъ совершенно отдѣльно, не дозволяли ни съ кѣмъ сообщенія, пищу подавали искрошенною.

Родственники умершаго (въ честь его, или въ доказательство своей щедрости и любви къ нему, или же въ утѣшеніе себѣ) убивали калговъ,—рабовъ. Иные чувствовали облегченіе при видѣ чужаго страданія и для этого губили дѣтей калговъ въ присутствіи горестныхъ родителей—топили, бросали съ утеса, кололи. Великодушные, напротивъ, отпускали военноплѣнныхъ на волю, и потомство прославляло въ пѣсняхъ именно такія, а не гнуснаго свойства дѣянія. Жители одного селенія любили приглашать къ себѣ или въ свою очередь ѣздить въ другія селенія, для присутствованія при торжественныхъ празднествахъ, съ музыкой и плясками. Угощеніе происходило тогда въ столь широкихъ размѣрахъ, что затѣмъ хозяева, проводивъ пріѣзжихъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, начинали голодать, и подобная голодовка считалась славною. Каждая мѣстность старалась перещеголять другую въ затѣйливости игрищъ. Хотя бы на слѣдующее утро алеутамъ предстоялъ долгій, утомительный путь, они рады были пѣть и скакать всю ночь. При разставаніи гости благодарили не за радушный пріемъ и сытную трапезу, а за пѣсни.

Иногда личные враги устраивали особую *мстительную* игру, сочинивъ предварительно насмѣшливо-укоризненное представленіе въ лицахъ на зло обидчику и распредѣливъ роли своимъ помощникамъ. Сначала обѣ стороны по-пріятельски угощались, потомъ накипѣвшая злоба внушала, что пора незамѣтно приступать ко взаимному поруганью, и оно часто заключалось дракою, убійствомъ.

Военноплѣнныхъ отмѣчали клеймами на лбу. Недруговъ же особенно ненавистнаго племени, послѣ побѣды, приговаривали къ смерти и до казни еще отрубали у нихъ какую-нибудь часть тѣла, гордились ею какъ трофеемъ, передавали ее изъ рода въ родъ, завѣщали класть съ собою въ могилу.

Покупатели и покупающіе всегда вели и ведутъ дѣло черезъ посредниковъ, сами ни подъ какимъ предлогомъ не

принимая непосредственнаго участія въ переговорахъ о цѣнахъ. Насколько алеуты были дики, видно по ихъ отвратительному обычаю прокалывать себѣ нижнюю губу, носовой хрящъ и уши, съ цѣлью разукраситься разными костяными подвѣсочками и серьгами изъ кусочковъ горнаго хрусталя. За нѣсколько нитокъ бисера островитяне охотно отдавали нашимъ первымъ промышленникамъ десятки рѣдкихъ шкуръ. Женщины уродовали себя накалываніемъ различныхъ узоровъ на лицѣ. Туземныя красавицы любили изображать такимъ способомъ подвиги дѣдовъ, отцовъ и дядей,—напримѣръ, кто изъ нихъ сколько умертвилъ враговъ на войнѣ или сильныхъ звѣрей на охотѣ.

Съ провинившимися рабами жители уналашкинскаго отдѣла поступали варварски—рѣзали икры у ногъ, отсѣкали губы. Преступниковъ изъ свободнаго сословія наказывали лишеніемъ жизни за убійство и измѣну. Послѣ суда мужчины шли со стрѣлами на открытое мѣсто и каждый цѣлился въ осужденнаго. Преступникъ самъ, не связанный, безъ стражи, приходилъ на казнь, выказывая какъ можно болѣе неустрашимости и хладнокровія. Такихъ смѣлыхъ потомство воспѣвало какъ героевъ.

Закатъ и восходъ служили признаками наступающей погоды. Знатоки безошибочно ее предсказываютъ, внимательно вглядываясь въ измѣненіе цвѣтовъ на небосклонѣ. Это, по алеутскому выраженію, называлось „говорить съ солнцемъ и зарею".

Туземные врачи когда-то славились своимъ искусствомъ. Для ознакомленія съ анатоміей, они вскрывали умершихъ рабовъ и убитыхъ непріятелей.

Въ алеутскихъ преданіяхъ можно найдти событія, преисполненныя своеобразной поэзіи. Чѣмъ-то величественнымъ вѣетъ отъ иного простодушнаго повѣствованія. Могущественный предводитель Агиталигакъ пролилъ кровь жителей одного селенія, гдѣ жила любимая жена его единственнаго сына, Каюлинаха. Послѣдній, зная, что ему угрожаетъ тамъ месть родни убитыхъ, все-таки пошелъ туда, и вотъ его вдругъ требуютъ въ народное собраніе. Онъ одѣвается въ лучшее платье и размышляетъ: „свѣтъ никогда не помрачится, вѣтеръ не перестанетъ дуть, красы земли не измѣнятся, но всѣмъ тварямъ придетъ конецъ, и я когда-нибудь умру: что же мнѣ бояться смерти славной?" Въ собраніи надъ Каюлинахомъ произносятъ смертельный приговоръ. Сначала мѣстные силачи единоборствомъ хотятъ одолѣть его, но молодой вождь хватаетъ враговъ, подымаетъ на воз-

духъ и, свернувъ шею, бросаетъ на землю. Когда, такимъ образомъ, погибло семеро, толпа въ ярости устремляется на сына Агиталигака. Дяди жены съ плачемъ уносятъ его трупъ. Вдова безутѣшно горюетъ. Черезъ 10 дней надъ нею ночью наклоняется незнакомая тѣнь: „живъ ли твой мужъ?" Съ горечью и досадою она начинаетъ укорять пришельца за странный вопросъ. „Молчи", говоритъ ей незнакомецъ: „покажи мнѣ тѣло убитаго—я Агиталигакъ". И оба идутъ къ трупу и плачутъ надъ нимъ. Затѣмъ старикъ удаляется и, вернувшись съ войскомъ, истребляетъ поголовно все огромнѣйшее селеніе. Но печаль его и тутъ не находитъ утоленія. Онъ велитъ развести большой огонь, кидаетъ въ него невольниковъ, но и это не помогаетъ... Какой ужасный и удивительный складъ понятій заставалъ миссіонеръ у ввѣренныхъ ему Промысломъ островитянъ!...

Великимъ грѣхомъ считалось у нихъ кровосмѣшеніе. По сказанію, однажды братъ въ темнотѣ совершилъ насиліе надъ своею юною сестрою: она, не зная, кто это, при выходѣ его изъ жилища, перерѣзала ему жилы подъ колѣнями, и несчастный со стономъ поползъ отъ нея. На утро ее зовутъ къ искалѣченному мертвому брату, и тогда только она догадывается, нарядно одѣвается и подходитъ къ нему. Всѣ кругомъ рыдаютъ, она же, раздравши платье, приближается къ тѣлу и поетъ: „братъ мой, вставай смотрѣть на ту, для кого ты лишался сна!" И вдругъ пальцы на ногахъ его начинаютъ шевелиться, — повторила она пѣсню, и румянецъ заигралъ на лицѣ покойника, — пропѣла она еще разъ, и мертвецъ потянулся обнять сестру. Она побѣжала, братъ за нею. Желая спастись отъ отвратительнаго преслѣдователя, дѣвушка спрыгнула съ утеса въ море; туда же соскочилъ и кровосмѣситель. Изъ воды вмѣсто нихъ показались бобры (оборотни) и поплыли въ разныя стороны.

На островахъ вообще, по словамъ алеутовъ, бывали таинственныя явленія. Въ одномъ мѣстѣ, среди пещеры, лежали въ зыбкахъ какіе-то трупы и рядомъ съ ними все ихъ нетронутое имущество. Прикоснуться къ этому никто не рѣшался, потому что такихъ смѣльчаковъ вскорѣ поражалъ неизлечимый недугъ, хотя временно, они, взявши что-нибудь у покойниковъ, встрѣчали необычайную удачу на промыслахъ. Шаманы и шаманки иногда изготовляли истукановъ, въ которыхъ, будто-бы, теплилась жизнь и которые спачала исполняли желанія производителей, но потомъ губили ихъ. Духи сами привлекали къ себѣ служителей. Послѣдніе не по доброй волѣ принимались за кудесничество, а измучен-

ные грозными видѣніями: поѣдутъ ли въ море—вокругъ показываются чудовища, идутъ ли пѣшкомъ — прямо впереди разверзается бездна и т. д. Убѣжать отъ нечистой силы не представлялось возможности и подъ конецъ непремѣнно приходилось входить съ нею въ тѣсное общеніе. Наружно волхвы ничѣмъ не отличались отъ единоплеменниковъ и часто умирали въ нищетѣ и несчастіяхъ. Мѣстами у туземцевъ существовалъ обычай *исповѣдываться* въ ясные дни травѣ въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ и затѣмъ, облегчивъ сердце, сжигать ее.

Отцу Веніаминову пришлось лично убѣдиться въ дивномъ воздѣйствіи Благодати на туземцевъ. Жители острова Акунъ знали иногда будущее черезъ старика, по имени Смиренникова. Онъ же чудотворно врачевалъ болящихъ и твердъ былъ, не смотря на безграмотность и отсутствіе случая видѣться съ религіозными образованными людьми, какъ въ молитвахъ, такъ и вообще въ Св. Писаніи. Тридцать лѣтъ подъ-рядъ этому алеуту являлись два духа въ бѣлыхъ одеждахъ, наставлявшіе его евангельскимъ истинамъ.

Въ 1834 г. доблестнаго миссіонера изъ уналашкинскаго отдѣла перевели на болѣе видный постъ, въ городъ Новоархангельскъ, на островѣ Ситхѣ, гдѣ тогда было средоточіе управленія нашими за-тихоокеанскими колоніями. Немного лѣтъ спустя, Іоаннъ Веніаминовъ ѣдетъ въ Петербургъ и Москву, повсюду обаятельно вліяетъ на лицъ, власть имѣющихъ, возвращается на мѣсто служенія въ санѣ архіерея и, стоя во главѣ обширнѣйшей епархіи, все знаменательнѣе и властнѣе проявляетъ свои апостольскіе взгляды на призваніе русскихъ миссіонеровъ. Чѣмъ глубже вчитываешься въ высказываемое имъ, тѣмъ убѣжденнѣе смотришь на великое дѣло проповѣди среди инородцевъ. Но только для этого надо прямо смотрѣть на вещи и называть ихъ соотвѣтствующимъ образомъ, надо снять съ себя маску ханжества и фарисейства, надо искренно сознаваться въ собственной немощи и смиренно ждать помощи свыше.

Проницательный государственный умъ Иннокентія ясно видѣлъ, что пока намъ еще нечего особенно гордиться успѣхами двигавшейся въ глушь цивилизаціи. Довольно безличная и безцвѣтная сама по себѣ, она не могла круто и радикально пошатнуть инородческаго жизненнаго строя, пересоздать его вѣками сложившееся міросозерцаніе, подчинить его благому вліянію свѣтлыхъ христіанскихъ началъ. Таковыхъ мы почти не принесли съ собою, будучи руководимы, при наступательномъ движеніи въ Сибири и дальше, лишь

одними своекорыстными побужденіями. По дорогѣ туземцевъ или просто истребляли, или ослабляли водкой и заразительными болѣзнями. До сихъ поръ отрицательный характеръ взаимоотношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ невольно приковываетъ вниманіе безпристрастныхъ наблюдателей. Когда на Оби къ пустынно-угрюмому берегу подходитъ пароходъ за дровами, и голодные, оборванные остяки выплываютъ ему навстрѣчу для продажи рыбы,—они радуются тому, что пришелъ „большой кабакъ“, что у нихъ за безцѣнокъ скупятъ товаръ, а они тутъ же пропьютъ вырученныя деньги и останутся затѣмъ подъ холоднымъ, роднымъ небомъ еще болѣе озвѣрѣвшими и бѣдствующими. Число алеутовъ, послѣ прибытія русскихъ, уменьшилось чуть-ли не въ 8—10 разъ. „Нѣтъ причины“, говоритъ Иннокентій: „скрывать, что дѣлали первые наши промышленники. Прошедшаго не воротить и не поправить“. Причиною вражды со стороны островитянъ была месть за безчестіе (пришельцы вздумали высѣчь сына одного почетнаго инородца) и насиліе (они отнимали женъ и дочерей, до смерти убили нѣсколько туземцевъ). Устрашенные дикари даже прозвали русскихъ „дьяволами“. Мало-по-малу негодующіе островитяне стали нападать на нихъ, думая, что изъ-за моря уже никто больше не придетъ. Однако вышло иначе. Явились мстители и началась жестокая расправа, стоившая жизни болѣе чѣмъ пяти тысячамъ туземцевъ, совершенно истребившая иныя людныя селенія. Это время неизгладимо памятно пострадавшему народу. Какъ-то въ разгарѣ борьбы отрядъ пришельцевъ иззябъ отъ непогоды. Ближайшіе островитяне сжалились,—ласково пріютили ихъ. Отогрѣвшись и наѣвшись, гости перебили хозяевъ. Съ огнемъ и мечемъ русскіе обходили острова, не останавливаясь передъ жестокостями, свойственными дикарямъ, а не христіанамъ. Такъ имъ казалось нипочемъ распороть инородцу брюхо за то, что онъ дотронулся до куска китовины, намѣченнаго промышленникомъ, сбрасывать съ утеса тѣхъ, которые заглядывались на возлюбленную пришельца, перестрѣлять издали цѣлую толпу спасающихся на возвышенности островитянъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ пороха, испробовать для потѣхи, въ комъ остановится пуля, если связать вмѣстѣ и поставить 12 человѣкъ (говорятъ она застряла въ девятомъ!).

Когда русскіе явились, царство животныхъ было крайне обильно. Промышленники, играя въ кости, играли на видныхъ у берега драгоцѣнныхъ бобровъ: проигравшій только шелъ туда и убивалъ. Черезъ немного лѣтъ эти рѣдкія жи-

вотныя почти перевелись. Котовъ до того безразсудно истребляли, что, напримѣръ, въ 1803 г. накопилось 800.000 шкуръ, которыхъ некуда уже было продавать: почти всѣ испортились, и ихъ пришлось побросать въ море. Отецъ Веніаминовъ обратилъ на это вниманіе колоніальнаго начальства и, своимъ проектомъ разумнаго огражденія морскихъ котовъ отъ гибели, доставилъ россійско-американской компаніи большіе барыши.

Еслибы у насъ на окраинѣ почаще проявлялась дѣятельность такихъ же разносторонних по дарованію и выдающихся лицъ, какъ высокопреосвященный Иннокентій,—тамъ все бы жило въ совершенно иномъ свѣтѣ, положеніе не представлялось бы однообразно-печальнымъ, инородцы тяготѣли бы и къ православію, и къ безболѣзненному постепенному обрусѣнію. Но, увы! владыка самъ отзывался, по совѣсти, очень дурно о русскихъ элементахъ въ отдаленныхъ областяхъ востока. Чиновники—преимущественно народъ заѣзжій, которому дома уже нечего было терять, а на чужбинѣ подавно: грабительство часто производится откровеннѣйшимъ образомъ. Коренное населеніе нетуземной крови (особенно казаки)—почти всѣ люди грубо порочные и чуждающіеся религіи. Въ Охотской церкви насчитывались даже между служащими люди православнаго происхожденія, отъ пяти до тринадцати лѣтъ сряду не бывавшіе у исповѣди. Немудрено, что подобное отребье вредно вліяло на безвинно притѣсняемыхъ инородцевъ, которые, въ сущности, нравственно стояли гораздо выше, и отталкивало ихъ отъ слиянія съ чужою національностью. Только проповѣдники слова Божія могли смягчать этотъ разладъ и животворить сердца туземцевъ, но и на апостольскую дѣятельность не приходилось возлагать основательныхъ надеждъ.

Миссіонерство въ Сибири почти никогда не бывало въ удовлетворительномъ состояніи, хотя еще цари московскіе радѣли о томъ, чтобы на окраины, въ новоприсоединенную глушь посылались проповѣдники „добрые и учительные“ съ наставленіемъ „приводить инородцевъ къ св. крещенію безъ тщеславія и гордости, безъ оскорбленія, съ опасеніемъ, какъ-бы иными словами не отдалить строптивыхъ отъ вступленія въ лоно церкви“. Но мудрые гуманные взгляды высшаго правительства не всегда толково и добросовѣстно осуществлялись. По этому поводу о положительномъ вредѣ лжемиссіонерской дѣятельности особенно чистосердечно и безбоязненно высказался одинъ изъ даровитѣйшихъ администраторовъ Екатерининскаго времени—сибирскій губерна-

торъ Денисъ Чичеринъ. Вотъ что доносилъ онъ въ 1767 г.: „проповѣдники ѣздятъ на囊 коштѣ и подводахъ иновѣрцевъ: къ живущимъ близъ города большими деревнями они не заворачиваютъ и тамъ никого не обращаютъ, но стараются пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ говорятъ о Христѣ по-русски дикарямъ, не разумѣющимъ нашего языка и увѣщеваютъ креститься тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяными, или напугавши, присоединяютъ къ церкви, и затѣмъ отъѣзжаютъ въ другія мѣста на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещеннаго, оставивъ ему написанную на бумагѣ молитву, которую этотъ инородецъ безумно почитаетъ божествомъ, а, что въ нихъ написано, не знаетъ. Черезъ годъ и позже проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости—обвиняютъ въ вѣроотступничествѣ, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если же кто не даетъ, тѣхъ берутъ съ собою и на ихъ же подводахъ и коштѣ, забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ, а потомъ сами же и сыскиваютъ. Кромѣ того вынуждаютъ инородцевъ откупаться за то, что хоронили кого-нибудь во время долгаго отсутствія священника, за то, что живутъ не вѣнчавшись и дѣтей не возили крестить за 400 в. и далѣе“. Столь безотрадное положеніе обратило на себя наконецъ вниманіе въ столицѣ. Повелѣно было для обсужденія вопроса собрать коммисію, гдѣ засѣдали, между прочимъ, новгородскій митрополитъ Димитрій и псковскій преосвященный Иннокентій. Они подали докладъ: смѣнить сибирскаго митрополита Павла за нерадѣніе, а новому дать отъ Святѣйшаго Синода инструкцію для проповѣди: миссіонеръ имѣетъ три обязанности—учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть насиліе совѣсти и злочестіе. Не должно давать воли проповѣдникамъ ѣздить, куда захотятъ. Надо выбирать, для обращенія языческаго населенія, людей благонравныхъ, не корыстолюбивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ и кроткихъ. Начинать слѣдуетъ съ ближайшихъ къ городу мѣстъ; дабы мало по малу вѣра расширялась. *Проповѣдникъ долженъ имѣть видъ человѣка, не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго*, и обязанъ за все платить инородцамъ, даже за пищу.

Какъ вѣрно тогда понимали, что добраго призвана творить

миссія, и какъ плохо все это до сихъ поръ примѣняется на дѣлѣ, въ восточной Сибири, особенно въ Иркутской губерніи и въ Забайкальѣ. Отзывы Чичерина сто лѣтъ тому назадъ принципіально подходятъ къ переживаемой нами дѣйствительности, хотя такъ просто, легко и возможно проводить въ жизнь совершенно правильные взгляды. Примѣръ святителя Иннокентія московскаго служитъ тому яркимъ подтвержденіемъ. Послѣ того, какъ въ Сибири многіе годы въ такомъ именно апостольскомъ духѣ потрудился отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, преосвященный Алеутскій, Камчатскій, Якутскій и Амурскій, и достигъ наилучшихъ результатовъ, нельзя руководствоваться противоположными воззрѣніями на миссіонерскій вопросъ и призывать правительство къ насильственнымъ мѣропріятіямъ.

Около 1840 г. знаменитымъ іерархомъ Америки и Азіи составлено было наставленіе для священниковъ, назначаемыхъ обращать иновѣрныхъ и руководствовать обращенныхъ въ христіанскую вѣру. Оно тогда же утверждено первосвятителями Россійской Православной Церкви митрополитомъ Серафимомъ С.-Петербурскимъ и Филаретомъ Московскимъ, и Святѣйшимъ Синодомъ, такъ что имѣетъ не только историческое, но и каноническое значеніе. Еще недавно, въ 1884 году, одинъ духовный журналъ называлъ иннокентіевское наставленіе наилучшимъ руководствомъ миссіонеровъ и высказывалъ, что его слѣдуетъ имѣть въ достаточномъ количествѣ при каждой миссіи для назиданія проповѣдниковъ. Между тѣмъ, этотъ драгоцѣнный памятникъ, повидимому, предается забвенію именно тѣми, которые призваны быть проповѣдниками святыхъ и свѣтлыхъ началъ въ языческой средѣ. Оттого нельзя не припомнить, чему учитъ славный и многоопытный сибирскій іерархъ, никогда во всей своей жизни не крестившій при лукавомъ содѣйствіи земской полиціи и не оглашавшій христіанскаго міра громкими сѣтованіями на то, что миссіонерское дѣло плохо подвигается впередъ, исключительно благодаря тому упорству, которое оказываютъ новообращенные инородцы. Преосвященный Иннокентій думалъ иначе: „не они виновны, а мы сами“, писалъ онъ въ 1850 г. товарищу министра народнаго просвѣщенія А. С. Норову.

Въ основу инструкціи, написанной святителемъ для миссіонеровъ, легли слова Указа 1777 г.: „проповѣднику не слѣдуетъ торопливо сподоблять крещенія обращаемыхъ имъ, а стараться возродить ихъ духовно, безъ чего крещеніе, дикарямъ преподаваемое, едва-ли не можетъ назваться зло-

употребленіемъ одного изъ величайшихъ таинствъ христіанской вѣры". „Блаженъ тотъ", пишетъ преосвященный Иннокентій: „кто подвизается въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, перенося труды и скорби, встрѣчаемыя на поприщѣ своего служенія. Но горе тому, кто призванъ и поставленъ благовѣствовать и не благовѣствуетъ! За это онъ приметъ осужденіе какъ лицемѣрный и лѣнивый рабъ Господень".

Иные архіереи, отправлявшіеся въ Сибирь, чтобы стать во главѣ миссій, мечтали сразу все переустроить въ языческомъ царствѣ. Но когда дѣйствительность оказывалась неподатливой, они роптали на нее и жаловались. „Имѣй всегда скромное и смиренное расположеніе духа и не обѣщай себѣ самонадѣянно необычайныхъ или вѣрныхъ успѣховъ по твоему дѣлу. Таковыя обѣщанія происходятъ отъ гордости, а гордымъ не дается благодать", гласитъ иннокентіевская инструкція, основанная на убѣжденіи, что претворять вѣками сложившіяся вѣрованія инородцевъ нельзя однимъ только голословнымъ призывомъ къ крещенію, особенно, когда члены миссіи относятся къ блуждающимъ во тьмѣ съ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ, результатомъ чего являются постепенно съ обѣихъ сторонъ открыто-враждебныя чувства. „Если проповѣдникъ не будетъ имѣть въ себѣ любви какъ къ своему дѣлу, такъ и къ тѣмъ, кому проповѣдуетъ, то и самое лучшее и краснорѣчивѣйшее изложеніе ученія можетъ остаться безъ всякой пользы, ибо токмо любовь созидаетъ", прозорливо пишетъ преосвященный Иннокентій, ясно сознававшій, что лишь избыточествующій ею способенъ „имѣть уста и премудрость, которой не возмогутъ противитися сердца слушающихъ и которая вѣрно указуетъ, какъ, гдѣ и что говорить, если хочешь уловить ихъ расположеніе и глубоко посѣять Слово Божіе". Просвѣтитель алеутовъ даетъ безцѣнный по достоинству совѣтъ миссіонерамъ: „отнюдь не говорите, что вы посланы правительствомъ, и не выдавайте себя за своего рода начальство, но за простыхъ людей, желающихъ ближнимъ истиннаго благополучія и пришедшихъ для того только, чтобы, по возможности, показать къ тому средства. Отнюдь не показывайте явнаго презрѣнія къ образу жизни инородцевъ и ихъ обычаямъ, какъ бы ни казались они того стоющими; ибо ничто не можетъ оскорбить и раздражить столь дикарей, какъ явное презрѣніе къ нимъ и насмѣшки надъ ними и всѣмъ, что ихъ. Отсутствіемъ кротости, ласки и простоты язычниковъ легко заставить отшатнуться отъ истинной вѣры навсегда. Величавый учительскій видъ положительно вреденъ. Про-

повѣдникъ Евангелія не долженъ обижать тѣхъ, кто не хочетъ креститься, и обязанъ обходиться съ ними дружелюбно. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что имъ желаютъ блага". Какъ разъ наперекоръ этому дѣйствуетъ обыкновенно восточно-сибирская миссія. Въ недавно ею напечатанныхъ „Трудахъ", за послѣдніе 25 лѣтъ, *bona fide* высказывается, что члены ея глумятся надъ тою „поганью", которая свята и дорога инородцамъ, не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда вникнуть въ кругъ понятій обращаемаго населенія и весь смыслъ его жизненнаго строя, а свысока понуждаютъ его, отъ имени Государя Императора, немедленно отречься отъ религіи предковъ,—отчего, въ концѣ концовъ, въ душѣ гонимыхъ язычниковъ просыпается ненависть къ преслѣдующимъ, невольное отчужденіе отъ русской культуры, желаніе, во что бы то ни стало, крѣпко держаться своей завѣтной старины и не поддаваться разнымъ сомнительно-опаснымъ нововведеніямъ, къ которымъ власти часто бываютъ склонны, дойдя до иныхъ выводовъ теоретическимъ путемъ и не справляясь обстоятельно съ истинными потребностями безгласнаго туземнаго населенія. Полъ столѣтія тому назадъ митрополитъ Иннокентій писалъ: „выводя дикарей изъ прежняго ихъ состоянія, надобно наблюдать благоразумную осторожность, дабы вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливѣе, не лишить ихъ и настоящаго счастья. Надобно стараться вывести дикаря изъ его грязной жизни, но, очищая нечистоту съ его тѣла, надобно быть осторожнымъ, чтобы не содрать съ него и природной его кожи и не изуродовать его. Надобно выводить дикарей изъ мрака невѣжества, но осторожно, чтобы не ослѣпить ихъ и, быть можетъ, навсегда, а, искореняя въ нихъ ложныя правила ихъ нравственности, не сдѣлать ихъ совсѣмъ безъ правилъ нравственности". Въ другомъ сочиненіи великій святитель добавляетъ, говоря о медленности обращенія инородцевъ: „хотя человѣкъ не можетъ быть безъ религіи, но онъ не можетъ быть усерденъ ни къ той религіи, которую онъ совсѣмъ не постигаетъ, ни къ той, которая не выше его понятій. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ только бояться ея, а во второмъ—не будетъ имѣть къ ней уваженія, и будетъ совершенно равнодушенъ". Многіе сибирскіе инородцы стояли уже на этой послѣдней ступени, и тутъ-то именно слѣдовало воспользоваться ихъ индифферентизмомъ: каждый неумѣстный шагъ, конечно, долженъ былъ отталкивать язычниковъ отъ православія и мѣшать естественному сліянію съ русскою народностью.

Поэтому странно развернуть „Труды восточно-сибирской миссіи“ и читать тамъ (напримѣръ, на стран. 15 перваго тома) слова самого преосвященнаго: „проѣзжая по Забайкалью, я различалъ на горахъ *обоны* (кучи камней и хвороста) наваленныя, чтобы отгонять злыхъ духовъ отъ бурятскихъ улусовъ. И раздражашеся духъ мой и дивился я вѣротерпимости русскаго человѣка, который перстомъ не коснется суевѣрныхъ чтилищъ“. Дальше (на стр. 276) открыто разсказывается, что инородческую святыню самъ начальникъ миссіи предавалъ огню, „ибо она воздвигнута въ честь дьявола“, и т. д. Когда Иннокентій совершалъ свои путешествія, онъ, не желая никого обременять, никогда не бралъ съ собою ни чиновниковъ, ни даже казаковъ. Служители той же великой идеи теперь смотрятъ иначе,—стараясь крестить при помощи рѣзкихъ насильственныхъ внушеній земской полиціи (см. напримѣръ, вышеупомянутые „Труды“, т. IV, стр. 181—182): „Людямъ, незнакомымъ съ миссіонерскимъ дѣломъ, или понимающимъ его односторонне, такое содѣйствіе представляется соблазнительнымъ. Слабой волѣ инородцевъ нуженъ однако толчекъ, чтобы направить ее къ крещенію“. Иннокентій думалъ и говорилъ, что миссіонеру надо быть ангеломъ-хранителемъ окружающей мѣстности: „отдавать справедливость хорошимъ обычаямъ язычниковъ—дѣло немаловажное для успѣха проповѣдниковъ“. (Къ несчастью, иные смотрятъ на инородцевъ съ отвращеніемъ какъ на нечистыхъ тварей, какъ на какихъ-то скотовъ). „Посѣщая дикарей, надо давать имъ совѣты и наставленія относительно улучшенія ихъ быта и образа жизни, но безъ всякаго принужденія и и оскорбленія, чистосердечно и дружески, и всѣ таковые совѣты и наставленія должны быть сообразны съ мѣстностью и простотою ихъ нравовъ“. Это написано, точно въ предвѣдѣніи тѣхъ проектируемыхъ часто въ Сибири реформъ, гдѣ кочевыхъ инородцевъ сразу мечтаютъ сдѣлать осѣдлыми. Духовныя власти на этомъ всегда настаивали, разсчитывая на скорое обрусѣніе, но совершенно забывая, какою гибелью такія мѣропріятія могутъ грозить тамъ, гдѣ это неисполнимо по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. „Въ разбирательство мірскихъ дѣлъ не входите!“ увѣщеваетъ Иннокентій проповѣдниковъ (что въ данное время составляетъ одно изъ главнѣйшихъ занятій каждаго празднаго сибирскаго миссіонера): „не ослабляйте ни явными, ни тайными внушеніями никакой власти, постановленной отъ начальства. И самъ Іисусъ Христосъ,

живя на землѣ, никакого управленія не оскорблялъ и ничьихъ правъ собственности не касался". Какъ знаменательно звучатъ эти святыя слова для любаго очевидца религіозно-соціальной смуты въ инородческой средѣ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Б. М. Юзефовичъ писалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" о неудовлетворительныхъ успѣхахъ православія въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи и свидѣтельствовалъ объ изумительномъ фактѣ: „въ то время какъ у кореннаго русскаго населенія невѣжество въ области религіи выходитъ тамъ изъ всякихъ предѣловъ вѣроятности, въ черемисской некрещеной деревнѣ, въ языческой школѣ, съ учителемъ язычникомъ (питомцемъ Уфимской языческой школы) въ углу икона съ зажженной лампадой, на стѣнахъ картины изъ Свящ. Исторіи и, въ дополненіе ко всему, стройный хоръ мальчиковъ, поющихъ Достойно, Отче Нашъ, Царю Небесный и знающихъ Законъ Божій лучше русскихъ мѣстныхъ дѣтей". Аналогичные факты встрѣчаются въ Сибири. Ясно, значитъ, что тутъ таится какая-нибудь весьма важная причина, почему инородцамъ не желательно переходить въ высокочтимую вѣру. Въ твореніяхъ святителя Иннокентія есть истолкованіе столь загадочнаго явленія. Некрещеные боятся, обратившись, стать дурными людьми. И то нерѣдко общеніе съ испорченными представителями русскаго населенія замѣтно отражается на нравахъ полудикихъ сосѣдей. Недаромъ, великій сибирскій іерархъ однажды обратился съ проповѣдью къ русскимъ своей епархіи, упрекая ихъ, что туземцы, именно вслѣдствіе сквернаго примѣра, не крестятся.

Стоя во главѣ духовной жизни нѣсколькихъ обширнѣйшихъ областей, которыя преисполнены были неустроенія и пестрѣли языческими суевѣріями, будущій митрополитъ Московскій глубоко вникалъ въ условія туземнаго быта, чутко понималъ нужды безотвѣтнаго инородческаго населенія, многоопытными путями доходилъ до своихъ убѣжденій насчетъ пріемовъ проповѣдывать Слово Божіе. Отчасти это объясняется тѣмъ, что знаменитый архипастырь съ молодости не получилъ особой склонности къ отвлеченному мышленію и системѣ, какую сообщаетъ высшее научное образованіе—которое, кстати сказать, часто дѣлаетъ умы безплодными, а иногда и вредными для дѣйствительности. Кругозоръ Иннокентія имѣлъ полную возможность сдѣлаться почти безпредѣльнымъ. Ввѣренныя ему епархіи охватывали *нѣсколько десятковъ милліоновъ квадратныхъ верстъ*. Въ американскихъ владѣніяхъ жило около сорока тысячъ туземцевъ

различнѣйшихъ племенъ и съ разнороднѣйшими обычаями. Изъ нихъ особенно отличались способностями сравнительно съ прочими многочисленные колоши. Громадная Камчатская область насчитывала всего десять тысячъ христіанъ, Якутская около 200.000. Въ иныхъ мѣстахъ на пространствѣ сотенъ верстъ не встрѣчалось слѣда человѣческаго. Передвиженія владыки сопряжены были съ величайшими трудностями и опасностями. Путешествія длились цѣлыми недѣлями, а то и мѣсяцами (напримѣръ, отъ Ситхи до Камчатки 105 дней, изъ Петропавловска до Охотска 128 дней и т. д.).

Однажды преосвященнаго, страдавшаго отъ морской болѣзни, 28 сутокъ носило по волнамъ: отъ качки нельзя было ходить и приходилось ползать. Отъ сухарей оставалась пыль, прѣсной воды удѣлялось всего полбутылки въ день на четверыхъ, да и эту влагу подъ конецъ выжимали изъ парусовъ. Питались маленькими кусочками солонины. Одна вѣра и молитва животворила владыку при разъѣздахъ. Они же были необходимы: безъ посѣщенія архіерея лучшіе люди ослабѣвали и мѣнялись нравственно.

Не менѣе ужасными кажутся страданія, испытанныя Иннокентіемъ во время единственно зимою возможныхъ странствованій въ снѣжныхъ безлѣсныхъ пустыняхъ, когда, при сорокаградусныхъ морозахъ, свирѣпствуетъ пурга и ничего кругомъ не видно,—а ѣхать надо въ узенькихъ повозочкахъ, на собакахъ. Иногда путника подъ гору спускали, обвязаннаго ремнями: инородцы поддерживали его и топорами вырубали въ отвердѣвшемъ снѣгу ступени. Каждое неловкое движеніе угрожало паденіемъ въ пропасть.

За то сладостно было владыкѣ знать, что сѣмена его горячей проповѣди упадали на воспріимчивую почву. Какой-то алеутъ, тронутый евангельскимъ ученіемъ, захотѣлъ всенародно каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ: „если я не стыдился грѣшить, то зачѣмъ буду стыдиться исповѣдывать грѣхи свои, хотя бы то было и передъ всѣми?“ Въ другой разъ Иннокентій утѣшалъ дикарей, разсказывавшихъ ему о своемъ скудномъ, бѣдственномъ житьѣ-бытьѣ: одинъ изъ нихъ измѣнился въ лицѣ и выразительно заговорилъ: „Тунгусъ всегда молится; тунгусъ знаетъ, что Богъ все даетъ ему: если Богъ мнѣ не далъ, значитъ я худой.... я молюсь Ему“.

Святитель не гнѣвался, когда его призывъ къ крещенію встрѣчалъ упорство со стороны язычниковъ. „Пусть насъ жгутъ послѣ смерти, пусть хоть сейчасъ жгутъ, но мы кре-

ститься не будемъ". „Если насъ въ загробной жизни ожидаетъ адъ—что жъ дѣлать! вѣдь отцы наши тамъ же!" Склонныхъ къ старинѣ и не разувѣрившихся еще въ лживости шаманства Иннокентій не присоединялъ къ церкви. Давать неофитамъ подарки (вродѣ рубашекъ, а тѣмъ болѣе деньги) владыка запрещалъ, зная, какъ такія приманки соблазнительны и какъ изъ-за нихъ иные крестятся по нѣсколько разъ. Это не помѣшало его непосредственному преемнику—архіерею Камчатскому, тотчасъ послѣ отъѣзда святителя въ Москву, настаивать на пользѣ такихъ грубыхъ пріемовъ чисто формальнаго и бездушнаго обращенія. Убѣдиться въ этомъ легко, заглянувши въ „Труды восточно-сибирскихъ миссій". Бродячіе инородцы, переходя громадныя разстоянія среди невѣдомой тайги и подолгу, годами не встрѣчаясь съ духовенствомъ нашимъ, иногда идутъ креститься во второй или третій разъ, наивно замѣчая: „мы тутъ еще не крестились".

Просвѣтитель алеутовъ, зная, какъ важно слушать Слово Божіе на родномъ языкѣ, въ санѣ архіепископа обратилъ вниманіе на мракъ, окутывавшій въ этомъ отношеніи якутовъ. Область ихъ, болѣе чѣмъ 200 лѣтъ назадъ покоренная и номинально окрещенная, съ населеніемъ въ 200.000 душъ, представляла безотрадное явленіе. Ведя по необходимости кочевой образъ жизни, отдаленные отъ церквей и пастырей, ничего не понимая по-русски (во всемъ краѣ трудно было насчитать 150 человѣкъ, хотя что-нибудь разумѣющихъ по-нашему), иные никогда отъ роду не пріобщались. Въ Чуропчинскомъ приходѣ съ *14½ тысячами* прихожанъ лишь *десятеро* собиралось въ храмъ по воскресеньямъ. При отобраніи у якутовъ показаній на судѣ нѣкоторые на вопросъ, бывали ли они у исповѣди, отвѣчали: „не бывали, но деньги ежегодно платимъ исправно". Усердія къ религіи они, конечно, не могли имѣть. Когда одному богатѣйшему туземцу владыка предложилъ дать что-нибудь на напечатаніе св. книгъ по-якутски и просилъ объ этомъ въ убѣдительныхъ выраженіяхъ, тотъ пожертвовалъ 10 р. А между тѣмъ потребность въ переводахъ чувствовалась все сильнѣе, особенно если принять въ соображеніе, что мѣстные русскіе понемногу забывали родную рѣчь, предпочитая всюду, даже въ главномъ областномъ городѣ, объясняться по-инородчески. Святитель Иннокентій настоялъ на скорѣйшемъ изданіи образцово исполненныхъ переводовъ, и результаты не замедлили ярко обнаружиться: туземцы сознательно озарились внутреннимъ свѣтомъ. До пріѣзда отца Веніаминова

на о-въ Ситху нога священника не переступала порога колошскаго жилья. Дикари эти были и суровы, и неукротимы. Великій миссіонеръ проникъ къ нимъ и въ дома, и въ души. Послѣднее казалось тѣмъ труднѣе, что народъ удерживался отъ крещенія могущественными шаманами, творившими удивительныя вещи, вродѣ индійскихъ аскетовъ. Обращаться колоши стали исключительно по убѣжденію. Крестя эти отдѣльныя личности,—не торопясь и безъ тщеславія,—Иннокентій предварительно испрашивалъ на то согласіе ихъ родни, чтобы не сѣять розни въ инородческой средѣ и не отрывать христіанъ отъ языческихъ единоплеменниковъ. Покойному іерарху только такія миролюбивыя средства и казались возможными. Недаромъ онъ вездѣ стремился быть ангеломъ-хранителемъ мѣстности. Объѣзжая Амуръ, владыка всегда самъ правилъ катеромъ, и, не пропуская ни одного селенія, всюду совершалъ богослуженіе, училъ народъ подъ открытымъ небомъ и молитвѣ, и труду, давалъ совѣты по земледѣлію, садоводству, пчеловодству, скоторазведенію и прочему.

И. СУГОРСКІЙ.

*
* *

Не отрывай плѣнительной руки
Отъ жаркихъ устъ, прильнувшихъ къ ней съ мученьемъ!
Пускай чрезъ мигъ мы будемъ далеки
И поцѣлуй исчезнетъ сновидѣньемъ.

Я чувствую: ты странно смущена,
Колеблешься и словно каменѣешь,
Твоя рука борьбой напряжена:
Бѣжишь ли ты? Иль ты меня жалѣешь?

Помедли мигъ! Безмолвна и горда,—
Дай угадать, тѣснится ли дыханье
Въ твоей груди смущенной—и тогда
Уйди, уйди, безъ звука на прощанье...

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ. [1]

(*Окончаніе*).

1853 годъ. — Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ. — Его записка о тогдашнемъ политическомъ положеніи восточной Сибири и о необходимости тѣсной связи Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами.—Амурская экспедиція подъ начальствомъ Невельскаго переименовывается изъ торговой въ правительственную.—Высочайшія повелѣнія: о занятіи сѣверо-американскою компаніею острова Сахалина, и экспедиціею Невельскаго залива де-Кастри. — Поѣздка Муравьева для отдыха заграницу.—Остановка торговли на Кяхтѣ.—Торжественное свиданіе ургинскаго амбаня Бейсэ съ кяхтинскимъ градоначальникомъ Ребиндеромъ въ Маймачэнѣ. — Заявленіе Муравьева министру финансовъ о необходимости сдѣлать кяхтинскій торгъ свободнымъ и доводы, подкрѣпляющіе это заявленіе.—Петровскій машиностроительный заводъ за Байкаломъ.—Отнесеніе расходовъ по нашимъ дѣйствіямъ на восточныхъ окраинахъ и въ Тихомъ океанѣ на сибирскія средства, изыскиваемыя Муравьевымъ. — 1854 годъ. — Высочайшее повелѣніе „плыть по Амуру" и о предоставленіи Муравьеву права вести непосредственно переговоры съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи при-амурскаго края.—Пріѣздъ Карсакова въ Иркутскъ.—Письмо митрополита московскаго Филарета къ Муравьеву.—Съѣздъ трехъ архіереевъ въ Иркутскъ.—Пріѣздъ Муравьева въ Иркутскъ.—Первый сплавъ по Амуру.—Возвращеніе Муравьева съ устьевъ Амура въ Иркутскъ. — Безпримѣрное его распоряженіе о снятіи Петропавловскаго порта.

Неутвержденіе Государемъ Императоромъ, *вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде*, предположенія Муравьева объ учрежденіи поста на озерѣ Кизи и о сплавѣ 250 челов. по Амуру подъ командою капитана Казакевича, съ сопровождающимъ его подтвержденіемъ о необходимости соблюденія крайней осторожности и неспѣшности, при установленіи прочныхъ сношеній нашихъ съ племенами, обитающими около Амура, одновременно съ вызовомъ Николая Николаевича въ Петербургъ, указы-

[1]) См. „Русск. Вѣст." октябрь 1888.

вало, что въ столицѣ чего-то опасались, не довѣряя взгляду на этотъ вопросъ мѣстнаго главнаго начальника. Это сильно тревожило Муравьева, не для себя, а ради дѣла. Когда онъ въ январѣ 1853 года отправлялся въ Петербургъ, я проводилъ его до первой станціи, Зуевой, по Иркутско-Московскому тракту. Тутъ въ повозкѣ, со мною съ глазу на глазъ, онъ прямо высказался, что едва-ли вернется опять въ восточную Сибирь, потому что высшее правительство ему не довѣряетъ, а быть на своемъ мѣстѣ безмолвнымъ свидѣтелемъ того, что творится въ ущербъ государственному вопросу первостепенной важности, онъ не желаетъ и считаетъ преступнымъ. „Лучше уйти, другому, можетъ быть, повѣрятъ!“ съ этими словами онъ простился со мною. Невесело было мнѣ на душѣ при этихъ словахъ Муравьева. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ съ пріѣздомъ Муравьева въ Петербургъ. Онъ немедленно предпринялъ рѣшительный походъ противъ нашей политики по отношенію къ восточнымъ окраинамъ, изложивъ въ особой запискѣ свой взглядъ на тогдашнее политическое положеніе восточной Сибири, которая, гранича съ Китаемъ на пространствѣ 6 тыс. верстъ, посредствомъ Кяхтинской мѣновой торговли находилась тогда въ ближайшихъ сношеніяхъ со столицею и самыми населенными странами этой имперіи и въ дружественныхъ отношеніяхъ съ монгольскимъ народонаселеніемъ, а по дѣлу гилякскому входила въ такія же отношенія съ манджурами. Со времени вторженія англичанъ въ Китай, государство это, въ силу обстоятельствъ, невольно принимало и новые торговые виды, и новыя понятія вообще, а правительство китайское не могло не затрудняться и не колебаться среди этого новаго направленія, которое застигло его неожиданно и къ которому оно не успѣло еще приспособиться. „Дѣйствія англичанъ во всѣхъ частяхъ свѣта—писалъ Муравьевъ—имѣютъ одну цѣль: пользу Великобританіи! а въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли она никогда не останавливается. Какимъ предлогомъ оправдывалась Англія въ войнѣ своей противъ Китая извѣстно, конечно, изъ дипломатическихъ ея нотъ, но для Россіи по восточной Сибири важны не предлоги, а существо дѣла и результаты этой войны, въ началѣ которой китайское правительство уже чувствовало свою слабость и охотно бы приняло совѣты и помощь Россіи. Еслибы мы и нынѣ (т. е. въ 1853 г., когда Муравьевъ писалъ свою записку) остались неподвижными, какъ были прежде, или ограничились бы только отыскиваніемъ ближайшихъ западныхъ сообщеній съ Китаемъ и от-

крытіемъ новыхъ таможенъ на западной съ ними границѣ, оставляя всю восточную на шести тысячахъ верстахъ и Сибирь тому же политическому направленію и порядку, которые существовали въ теченіе 150 лѣтъ, еслибы не обратились къ особымъ мѣрамъ въ Восточномъ океанѣ, то, конечно, результаты англійской войны въ Китаѣ и распространеніе морскихъ силъ ихъ въ тамошнихъ моряхъ могли бы имѣть безвозвратныя вредныя послѣдствія не только для торговли нашей съ Китаемъ, но и для самаго владычества нашего въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и навсегда прекратить всѣ будущіе тамъ виды Россіи, которая между тѣмъ, по давности обладанія сѣверными берегами Восточнаго океана, имѣетъ болѣе правъ и болѣе средствъ, чѣмъ всякая другая держава, господствовать по крайней мѣрѣ на Азіатской его сторонѣ. Россія въ послѣдніе 150 лѣтъ сдѣлала столь быстрые успѣхи на западныхъ своихъ границахъ, что только отдаленность восточныхъ ея оконечностей можетъ служить оправданіемъ неподвижности ея въ тѣхъ странахъ и моряхъ, но нельзя сказать, чтобы впродолженіе этого времени не было проявленія правительственной дѣятельности даже до Камчатки и Японіи, *но послѣ 1812 года тамъ все остановилось, и никакія событія въ Китаѣ и Восточномъ океанѣ не могли поколебать этого усыпленія, доколѣ нынѣ Державная власть не заставила насъ обратиться къ этому предмету и не дала права излагать объ немъ мнѣніе свое тѣмъ, которые имѣютъ возможность ближе видѣть и знать это дѣло*, а по своему служебному положенію подлежатъ и отвѣтственности предъ Государемъ за невыгодныя послѣдствія, которыя по настоящему положенію дѣла могла бы уже имѣть наша неподвижность". Въ виду этого Муравьевъ считалъ *главнѣйшимъ* вопросомъ — опредѣленіе нашей границы съ Китаемъ на крайнемъ востокѣ, но по отдаленности этихъ мѣстъ отъ Петербурга онъ находилъ, что едва-ли этотъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ, особенно по наблюденію за ходомъ дѣлъ въ Китаѣ, можетъ быть разрѣшенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. При тѣхъ преобразованіяхъ, которыя тогда по Высочайшей волѣ совершались въ Забайкальскомъ краѣ, несомнѣнно было бы полезнѣе, чтобы мѣстному главному начальнику было предоставлено *войти въ непосредственныя сношенія съ китайскимъ трибуналомъ и нашею духовною миссіею въ Пекинѣ*, которая обязывалась бы вести всю свою переписку съ министерствомъ черезъ генералъ-губернатора и принимать къ исполненію его отношенія. При этомъ измѣненіи имѣлось въ виду главнымъ образомъ, чтобы генералъ-губерна-

*

торъ, получая ближайшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Китаѣ и о томъ впечатлѣніи, которое тамъ производили наши преобразованія въ краѣ Забайкальскомъ и другія предпріятія, могъ безъ потери времени истолковать виды и желанія нашего правительства китайскому и, соображаясь съ отвѣтами послѣдняго, приготовляться къ исполненію повелѣній нашего высшаго правительства также безъ потери времени, столь драгоцѣннаго, когда надобно пользоваться обстоятельствами, и еще болѣе драгоцѣннаго, когда необходимо предупреждать дѣйствія дѣятельныхъ соперниковъ, дававшихъ повсюду полномочіе мѣстнымъ своимъ агентамъ. Затѣмъ, *вторымъ*, но въ то же время болѣе обширнымъ вопросомъ являлись дѣйствія наши на Восточномъ океанѣ. „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ", писалъ Муравьевъ — „россійско-американская компанія обращалась къ правительству съ просьбою о занятіи Калифорніи, тогда свободной и почти никѣмъ не владѣемой, сообщая при томъ свои опасенія, что скоро область эта сдѣлается добычею Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Петербургѣ не вѣрили этому опасенію и утверждали, что это можетъ случиться развѣ черезъ сто лѣтъ. Компанія утверждала, что это случится черезъ двадцать пять лѣтъ, и вотъ уже болѣе года (въ 1853 году) какъ Калифорнія составляетъ одинъ изъ штатовъ Сѣверо-Американскихъ. Нельзя было не предъусматривать быстраго распространенія владычества Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ сѣверной Америкѣ, нельзя было и тогда же не предусматривать, что штаты эти, утвердившись однажды на Восточномъ океанѣ, скоро будутъ тамъ первенствовать передъ всѣми другими морскими державами и будутъ имѣть надобность во всемъ сѣверо-западномъ берегѣ Америки. Владычество Сѣверо-Американскихъ Штатовъ во всей сѣверной Америкѣ такъ натурально, что намъ очень и жалѣть не должно, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы не утвердились въ Калифорніи,—пришлось бы рано или поздно уступить ее, но, уступая *мирно*, мы бы могли взамѣнъ получить другія выгоды отъ американцевъ. Впрочемъ теперь, съ изобрѣтеніемъ и развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, болѣе еще, чѣмъ прежде, должно убѣдиться въ мысли, что Сѣверо-Американскіе Штаты неминуемо распространятся по всей сѣверной Америкѣ и *намъ нельзя не имѣть въ виду, что рано или поздно придется имъ уступить сѣверо-американскія владѣнія наши* [1]). Нельзя было однакожъ при этомъ соображе-

---

[1]) Какая дальновидность! Въ 1867 году наше правительство уступило всю нашу сѣверо-американскую территорію Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Б. С.

ніи не имѣть въ виду и другаго: что весьма натурально и Россіи, если не владѣть всею восточною Азіею, то господствовать на всемъ Азіатскомъ прибрежьи Восточнаго океана. По обстоятельствамъ мы допустили вторгнуться въ эту часть Азіи англичанамъ, которые весьма натурально въ ущербъ и въ упрекъ всей Европѣ изъ небольшаго острова своего предписываютъ законы свои во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая Америки, и законы, клонящіеся отнюдь не въ пользу человѣчества, а въ удовлетвореніе лишь коммерческихъ интересовъ Великобританіи, съ нарушеніемъ спокойствія и благосостоянія другихъ народовъ—но дѣло это еще можетъ поправиться *тѣсною связью нашею съ Сѣверо-Американскими Штатами.* Англія употребляетъ всѣ усилія,—продолжаетъ Муравьевъ,—чтобы не допустить этой связи, агенты ея вездѣ и всѣми средствами стараются отдалять Америку отъ Россіи. Къ самымъ существеннымъ условіямъ Англіи въ этомъ отношеніи должно принадлежать: овладѣть Камчаткою или оставить ее пустынною и господствовать на восточныхъ берегахъ Китая и Японіи и такимъ образомъ, такъ сказать, *отрѣзать Россію отъ Восточнаго океана.* Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту же систему должно входить овладѣніе Сахалиномъ и устьемъ Амура. Дабы съ одной стороны пріуготовить, въ вышеизложенныхъ соображеніяхъ, для нашей американской компаніи, твердое и удобное владѣніе, вмѣсто сѣверо-американскаго берега, а съ другой стороны быстрѣе и вѣрнѣе развить наше владычество на принадлежащемъ намъ берегу Восточнаго океана, необходимо нынѣ же разрѣшить россійско-американской компаніи утвердиться на Сахалинѣ, откуда неминуемо торговля ея разовьется съ Японіею и съ Кореею". Затрудняясь опредѣлить, въ какой мѣрѣ тогдашнія сношенія съ Китаемъ повели бы къ достиженію главной въ той странѣ правительственной цѣли, а именно къ плаванію по Амуру и къ распространенію Сибирскихъ нашихъ предѣловъ до устья этой рѣки, Муравьевъ положительно заявилъ, что „существовавшій порядокъ сношеній съ Китаемъ и постоянное опасеніе англичанъ не приведутъ къ желаемому результату, и самыя дѣйствія, по Высочайшей волѣ уже предпринятыя, легко могутъ остаться безъ пользы и послѣдствій, если сношенія останутся въ прежнемъ порядкѣ и въ прежнемъ духѣ".

Съ этимъ глубоко продуманнымъ взглядомъ своимъ на современное положеніе дѣлъ нашихъ на восточной окраинѣ Россіи Муравьевъ сталъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, передъ Царемъ и непосредственными его сотрудниками, государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ

Константиномъ Николаевичемъ, управлявшимъ тогда уже морскимъ министерствомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было Высочайшее утвержденіе штатовъ для амурской экспедиціи, ставшей за симъ уже исключительно правительственною, съ окончаніемъ всѣхъ разсчетовъ съ россійско-американскою компаніею собственно по вопросу о занятіи устьевъ Амура. Вопросъ о занятіи острова Сахалина былъ немедленно подвергнутъ его высочествомъ генералъ-адмираломъ тщательному обсужденію, съ участіемъ генералъ-губернатора и членовъ правленія сѣверо-американской компаніи, и составленныя этимъ порядкомъ предположенія были препровождены великимъ княземъ къ государственному канцлеру Нессельроде, съ требованіемъ повергнуть таковыя на Высочайшее воззрѣніе, непремѣнно въ присутствіи его высочества. 11 апрѣля воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи россійско-американской компаніи занять островъ Сахалинъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ она владѣла другими землями, упомянутыми въ ея привилегіяхъ, съ тѣмъ, чтобы не допускать на Сахалинѣ никакихъ иностранныхъ заселеній, ни произвольныхъ, ни по взаимному соглашенію. Сахалинская экспедиція была совершенно отдѣлена отъ Амурской, сдѣлавшейся исключительно правительственною, только при первоначальномъ занятіи Сахалина, до назначенія туда отъ компаніи особаго правителя, она пользовалась, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, чинами и средствами Амурской экспедиціи, но въ политическомъ отношеніи она должна была состоять подъ начальствомъ генералъ-губернатора восточной Сибири, который имѣлъ командировать въ ея распоряженіе необходимое число офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Императоръ приказалъ доложить себѣ объ изысканіяхъ, произведенныхъ полковникомъ Агте, и представить на его усмотрѣніе составленную послѣднимъ карту. Докладъ этотъ былъ сдѣланъ Муравьевымъ, съ свойственными ему энергическими объясненіями, 22 апрѣля въ присутствіи цесаревича, генералъ-адмирала и военнаго министра, безъ участія гр. Нессельроде. Безусловное довѣріе Царя къ канцлеру, какъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, было тогда уже поколеблено. Государь, убѣдившись изъ доклада Муравьева, что при-амурскій край отъ рѣки Буреи къ морю составляетъ безспорно собственность Россіи, повелѣлъ тѣмъ же лѣтомъ (1853 г.) занять заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ озеро Кизи и написать Китайскому правительству приглашеніе прислать своихъ уполномочен-

ныхъ для разграниченія пространства до моря, остававшагося по Нерчинскому трактату неразграниченнымъ до усмотрѣнія. Отдавъ объ этомъ приказаніе военному министру, Государь, указывая на карту и въ особенности на устье Амура, сказалъ Муравьеву:

— „*Все это хорошо, но я вѣдь долженъ посылать защищать это изъ Кронштадта*“.

— „Можно и ближе, Ваше Величество“,—отвѣтилъ Муравьевъ, указывая на теченіе Амура.

Государь, съ улыбкою, положилъ свою державную руку Муравьеву на голову и сказалъ:

— „*Ты, право, когда-нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!*“

— „Сами обстоятельства, Государь, указываютъ этотъ путь“,—былъ отвѣтъ Муравьева.

— „*Ну пускай же обстоятельства къ этому приведутъ, а пока подождемъ*“.

Съ этими словами Государь отпустилъ Муравьева [1]), не предполагая, разумѣется, что не пройдетъ и года, какъ онъ будетъ вынужденъ, силою обстоятельствъ, осуществить слова Муравьева, которыя ему внушилъ его дальновидный государственный умъ.

Знаменательный въ исторіи распространенія предѣловъ Россіи актъ, отправленный изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Пекинскій трибуналъ, по древне принятому обычаю отъ имени Правительствующаго Сената 16 іюня 1853 года, не будучи предварительно сообщенъ Муравьеву (о точномъ содержаніи его Муравьевъ узналъ только случайно въ концѣ 1853 г., шесть мѣсяцевъ спустя), впослѣдствіи создалъ весьма трудно одолѣваемыя осложненія въ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ, такъ что Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеній Государю Императору не затруднился указать на недобросовѣстность, руководившую тогдашнимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при составленіи этого документа. Ходатайство Муравьева о сплавѣ по р. Амуру запасовъ, оружья, продовольствія и войскъ было передано на разсмотрѣніе особаго комитета. Вѣсть о Высочайшемъ разрѣшеніи занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и озеро Кизи, какъ о новомъ знакѣ довѣрія Царя и высшаго правительства къ Муравьеву, привезъ къ намъ въ Иркутскъ, принятый имъ въ Петербургѣ на сибирскую службу, маіоръ Н. В. Буссе, товарищъ М. С.

---

[1]) Все это Муравьевъ разсказалъ мнѣ лично, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга въ Иркутскъ въ мартѣ 1854 г.

Карсакова по Семеновскому полку. Буссе пріѣхалъ въ Иркутскъ и уѣхалъ опять, какъ говорилось тогда, по-Муравьевски. Совершивъ переѣздъ изъ Петербурга въ Иркутскъ 6.000 верстъ, во время распутицы, въ какіе-нибудь 20 дней, онъ пробылъ у насъ всего три дня, и помчался черезъ Якутскъ въ Аянъ, откуда онъ пошелъ на компанейскомъ суднѣ „Николай“ въ Петропавловскій портъ за дессантомъ, назначеннымъ для занятія Сахалина.

Отвоевавъ, такъ сказать, у министерства иностранныхъ дѣлъ всѣ эти распоряженія, освященныя Высочайшею волею, Муравьевъ могъ уѣхать заграницу для отдохновенія, и дѣйствительно имѣлъ на это полное право, послѣ той тяжелой борьбы, которую онъ вынесъ въ Петербургѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ. Лечился онъ сначала очень усердно въ Маріенбадѣ, что принесло большую пользу его здоровью, а затѣмъ онъ пустился путешествовать по Франціи, Италіи и Бельгіи. „Поѣздка эта была для меня,—писалъ Муравьевъ къ М. С. Карсакову,—чрезвычайно полезна „не только физически, но и нравственно, я продолжаю учиться, по пословицѣ: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Франціи (гдѣ „онъ былъ въ послѣдній разъ въ 1845 году, сравнительно „недавно) я не узнаю и не могу повѣрить, чтобы здѣсь былъ „48-й годъ; всѣ такъ скромны, такъ покорны, такъ почтительны къ своему правительству и разсуждаютъ только „въ томъ духѣ и даже словахъ, которыя оно указываетъ, и поэтому обвиняютъ насъ въ восточномъ вопросѣ. „Здѣсь, болѣе чѣмъ когда-либо, я убѣждаюсь, какъ вредна „Англія для блага Европы,—не мытьемъ, такъ катаньемъ, „они достигаютъ своей цѣли и владычествуютъ вездѣ „единственно на свою пользу. Господи, Господи! сердце Царево въ руцѣ твоей, просвѣти его, да сброситъ „съ себя Россія иго этихъ островитянъ, которое тяготѣетъ „надъ нами 53-й годъ и препятствуетъ ей, матушкѣ, развиваться. Не турокъ, не черкесъ, не французъ, не нѣмецъ, „не демократъ, не демагогъ—враги Россіи и великаго ея Государя, они болтаютъ, но смиряются передъ нами, одни „англичане повелѣваютъ! Торговля на Кяхтѣ совсѣмъ остановилась, можетъ быть, впрочемъ и это къ лучшему!“ И дѣйствительно къ лучшему. Остановка торговли на Кяхтѣ одинаково тягостно отзывалась какъ на нашей промышленности, такъ и на торговыхъ оборотахъ китайцевъ. Ургинскій амбань (губернаторъ) Бейсэ, игравшій впослѣдствіи немаловажную роль при переговорахъ Муравьева объ опредѣленіи границъ между Россіею и Китаемъ, со времени сокраще-

нія торговли на Кяхтѣ съ начала 1853 года, сталъ искать сближенія съ нашимъ кяхтинскимъ градоначальникомъ съ видимою цѣлью, если возможно, разъяснить причины ненормальныхъ торговыхъ отношеній, установившихся за послѣднее время на Кяхтѣ и этимъ во-очію опровергъ опасеніе, пущенное въ ходъ членами министерства иностранныхъ дѣлъ, что китайцамъ не понравится учрежденіе въ 1851 г. кяхтинскаго градоначальства и что ургинскіе правители, можетъ быть, даже не захотятъ сноситься съ кяхтинскимъ градоначальникомъ вмѣсто иркутскаго губернатора [1]. 21-го августа состоялось въ Маймачэнѣ торжественное, по восточнымъ обычаямъ, свиданіе ургинскаго амбаня съ кяхтинскимъ градоначальникомъ. Н. Р. Ребиндеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы доказать амбаню Бейсэ, что хотя дружелюбныя отношенія Россіи съ Китаемъ основаны на трактатахъ, но эти отношенія далеко уже опередили смыслъ и цѣль самихъ трактатовъ, что прежнія отношенія во многомъ измѣнились, что польза обоихъ государствъ требуетъ болѣе тѣснаго сближенія китайцевъ и русскихъ между собою, и наконецъ, что англичанамъ на югѣ Китая несправедливо предоставлены бо́льшія торговыя выгоды, чѣмъ русскимъ на сѣверѣ. Амбань согласился, что русскіе, въ силу двухсотлѣтней дружбы, вправѣ требовать бо́льшихъ выгодъ и облегченій по торговлѣ съ Китаемъ, чѣмъ всѣ остальныя націи, и сознавался, что возмущеніе въ Китаѣ не ослабѣваетъ, хотя пекинскія газеты и провозглашали о какихъ-то побѣдахъ правительственныхъ войскъ. При этомъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ поставилъ вопросъ, на чьей сторонѣ будетъ Россія въ случаѣ соединенія Манджуріи и Монголіи въ отдѣльное государство, независимое отъ Китая. Этотъ вопросъ указывалъ на шаткое положеніе тогдашней Манджурской династіи въ Пекинѣ и на вѣроятность близкаго ея паденія. Китайское правительство и весь Пекинъ, какъ можно было заключить изъ собранныхъ свѣдѣній, были въ страхѣ и уныніи, потому что мятежники появлялись всюду, войска ихъ постоянно усиливались перебѣжчиками изъ императорской арміи. Объ этомъ свиданіи Н. Р. Ребиндеръ написалъ Муравьеву въ С.-Петербургъ подробное письмо, которое хотя и не заключало рѣшительныхъ извѣстій о переворотахъ въ Китаѣ, было имъ 18-го октября 1853 г. представлено на Высочайшее усмотрѣніе. Государь, прочитавъ это письмо, видимо, съ величайшимъ вниманіемъ,

[1]) См. Р. В. іюнь 1888 г. стр. 121.

сдѣлалъ на представленіи Муравьева слѣдующую собственноручную надпись: „нахожу много лишняго въ разговорѣ“, и возвратилъ все Муравьеву.

Возвратившись въ октябрѣ изъ-за границы въ Петербургъ, Муравьевъ, не дождавшись наступленія трехгодичнаго срока, въ теченіе котораго, въ видѣ опыта, назначено было дѣйствовать правиламъ, изданнымъ въ 1851 г. для кяхтинской товговли, поспѣшилъ въ началѣ ноября заявить министру финансовъ, П. Ф. Броку, что наступило время измѣнить правила, установленныя въ 1800 г. для нашей торговли съ китайцами на Кяхтѣ, а именно: „*сдѣлать кяхтинскій торгъ свободнымъ для всѣхъ и каждаго на общихъ правилахъ внѣшней торговли Имперіи, не стѣсняя онаго никакими исключеніями, ни рѣшительными совѣщаніями какого-либо общества, ни какою-либо общею разцѣнкою и затѣмъ, въ отмѣну нынѣшнихъ таможенныхъ постановленій, разрѣшить на Кяхтѣ производство торговли мѣною или чистыми деньгами только въ монетѣ, а не въ пескѣ и слиткахъ, и даже кредитными билетами, столь охотно принимаемыми въ китайскомъ мѣстечкѣ Маймачэнѣ*“. Тогда же, по Высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ, изъ свѣдущихъ по торговой части членовъ трехъ министерствъ: финансовъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ для разрѣшенія вопросовъ, касающихся нашей азіятской торговли вообще и кяхтинской въ особенности. Московско-кяхтинскіе купцы и фабриканты также считали для себя стѣснительнымъ и для торга вреднымъ установленный правилами 1800 г. порядокъ предварительнаго опредѣленія цѣнъ на товары, внѣ которыхъ мѣна *товаровъ на товаръ* ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалась, и только въ этомъ отношеніи добивались свободы, отнюдь не допуская мысли *о торгѣ на монету и кредитные билеты.* Муравьевъ же, убѣжденный въ невозможности бороться съ контрабандою драгоцѣннымъ металломъ и денежными знаками, требовалъ полнаго освобожденія торговли на Кяхтѣ отъ всякихъ ограниченій, кромѣ, разумѣется, пошлинъ въ пользу казны. Противъ свободы торговли на Кяхтѣ въ томъ объемѣ, какъ предполагалъ Муравьевъ, московское купечество привело главныхъ три довода: 1) будто причиною неустройства кяхтинскаго торга не организація его по правиламъ 1800 г. и не самыя правила, по которымъ онъ производится, а уклоненіе отъ исполненія ихъ со стороны торгующихъ, побуждаемыхъ своекорыстіемъ и мелочными разсчетами, поэтому

опасно было бы измѣнять установленную правилами 1800 г. систему торга съ такимъ народомъ, какъ китайцы, въ которыхъ въ высшей степени развитъ духъ общинный; 2) что, если разсматривать кяхтинскій торгъ въ связи съ благосостояніемъ нашей внутренней промышленности и въ отношеніи къ довольству, распространяемому имъ въ народѣ, то нельзя не признать, что обращеніе кяхтинскаго торга изъ мѣноваго въ покупной можетъ имѣть гибельныя послѣдствія какъ для сибирскаго звѣринаго и извознаго промысла, такъ въ особенности для мануфактурной производительности въ Россіи, и 3) что введеніе свободной торговли было бы противно содержанію акта или письменнаго знака, обмѣненнаго въ 1792 году между русскимъ и китайскимъ правительствами. Таковая торговля могла бы быть допущена, еслибъ китайское правительство предоставило торгующимъ съ нами сансинцамъ также неограниченную свободу сбывать свои чаи на Кяхтѣ по произволу каждаго, чего достигнуть весьма трудно и едва-ли возможно.

Въ опроверженіе этихъ доводовъ Муравьевъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, доставлявшихся ему кяхтинскимъ градоначальникомъ Н. Р. Ребиндеромъ, посвятившимъ себявсецѣло, со дня его назначенія туда въ 1851 г., тщательнѣйшему изученію вопроса о нашей торговлѣ съ Китаемъ, утверждалъ и доказывалъ: а) что русскіе и китайцы давно уже не въ тѣхъ между собою отношеніяхъ, въ которыхъ были прежде; прежняя недовѣрчивость ихъ другъ къ другу замѣнилась полнымъ довѣріемъ. Тѣ и другіе стремятся къ тому, чтобы имѣть дѣло между собою лично, а не цѣлымъ обществомъ. Маймачэнскій дзаргучей (градоначальникъ) откровенно высказывалъ, что китайцы привозили бы на Кяхту ежегодно 240.000 ящиковъ и болѣе (вмѣсто обыкновеннаго привоза отъ 120.000 до 150.000 ящиковъ), еслибы ежегодныя положенія и промѣнныя цѣны не давали русскимъ купцамъ возможности, при каждомъ, часто неосновательномъ, слухѣ о привозѣ въ Маймачэнъ чаевъ въ большей противъ обыкновенной пропорціи, возвышать промѣнныя цѣны на свои товары, что и заставляетъ китайцевъ быть осторожнѣе, выдерживать цѣны на чаи и умѣрять привозъ чаевъ для огражденія себя отъ убытковъ. Составленіе положеній заключало въ себѣ источникъ всѣхъ безпорядковъ, развивавшихся впослѣдствіи на Кяхтѣ. Общее уравненіе цѣнъ для каждаго производителя торга въ частности не могло быть справедливо, а потому торгующіе съ давнихъ поръ принуждены были прибѣгать къ отступленіямъ отъ положеній

и придумывать для сего разныя уловки. Правила, несогласныя съ интересами торгующихъ, существовали съ 1840-хъ годовъ только уже номинально, въ сущности же свобода торговли вошла въ свои права только незаконными путями, а заградить ей эти пути никакихъ средствъ не представляется. б) Разрѣшеніе выпуска золота и серебра за китайскую границу, безъ ограниченія количества, усилитъ вымѣнъ чаевъ на Кяхтѣ и притомъ съ значительною выгодою, что, въ свою очередь, повліяетъ на возможность продавать чаи въ Россіи гораздо дешевле и этимъ представится единственное средство противодѣйствовать контрабандѣ кантонскими чаями, возстановится прежняя цифра государственныхъ доходовъ по сбору пошлинъ за ввозимый черезъ Кяхту чай, и, наконецъ, поддержится наша прежняя торговая связь съ Китаемъ, прекращеніе которой было бы неминуемымъ и самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ сохраненія устарѣлаго порядка, т. е. еслибы мы пожалѣли отпустить туда 50 пуд. золота изъ ежегодно добываемыхъ въ Россіи 1.500 пудовъ. Наконецъ опасеніе, что съ разрѣшеніемъ отпуска въ Китай звонкой монеты китайцы вовсе перестанутъ брать наши товары,—представляется неосновательнымъ потому, во-первыхъ, что если въ Китаѣ существуетъ потребность на наши товары—а это несомнѣнно, такъ какъ наши отпускныя по кяхтинскому торгу статьи имѣютъ въ сѣверномъ Китаѣ сотни тысячъ потребителей, которые, конечно, не перестанутъ требовать нужныхъ для нихъ предметовъ, такъ называемыхъ ургинскихъ товаровъ, европейцы же надѣляютъ южныя страны Китая своими издѣліями, которыя съ требуемыми на Кяхтѣ ничего общаго не имѣютъ—то они пойдутъ своимъ чередомъ, несмотря на дозволеніе покупать чаи на деньги; если же китайцы въ товарахъ нашихъ надобности не имѣютъ или торговлю оными находятъ невыгодною, то никакими насильственными мѣрами невозможно заставить ихъ принимать эти товары въ обмѣнъ на свои произведенія. в) Приведенныя третьимъ пунктомъ доводовъ затрудненія на дѣлѣ вовсе не существуютъ, ибо, во-первыхъ, ни въ актѣ 1792 года, ни въ трактатѣ 1728 г., который по нынѣ сохраняетъ свою силу, нѣтъ никакого постановленія о томъ, какъ производить мѣну китайцамъ и русскимъ, свободно ли каждому по вольнымъ цѣнамъ или же токмо цѣлымъ обществомъ по обязательнымъ для всѣхъ промѣннымъ цѣнамъ, а во-вторыхъ, сансинскіе купцы пользуются и всегда пользовались со стороны своего правительства полною свободою въ производствѣ кяхтинской мѣны; данная же

китайцамъ въ 1792 году инструкція, давно уже не соблюдаемая, не имѣетъ никакой обязательной силы, а содержитъ въ себѣ только наставленіе въ видѣ совѣта, чтобы, для извлеченія изъ кяхтинской мѣны наибольшихъ выгодъ, китайскіе торговцы старались по общественнымъ между собою соглашеніямъ, сколь можно болѣе, возвышать цѣны на свои и понижать цѣны на русскіе товары. Министерство финансовъ, не смотря на то, что Муравьевъ еще въ началѣ 1849 года заявилъ, что необходимо, по дѣламъ кяхтинскимъ, обратиться къ новымъ направленіямъ, несогласнымъ съ прежнимъ порядкомъ вещей, не очень торопилось разрѣшеніемъ этого вопроса, которое послѣдовало, какъ мы увидимъ, только въ 1855 году.

Между тѣмъ, кипѣла дѣятельность за Байкаломъ, на Шилкѣ и въ Петровскомъ желѣзо-дѣлательномъ заводѣ. П. В. Казакевичъ, на пожертвованные еще въ 1850 году Е. А. Кузнецовымъ 100 тыс. рублей былъ занятъ, по распоряженію Муравьева, постройкою на Шилкѣ плоскодоннаго парохода, при закладкѣ названнаго „Аргунь“, для ожидавшагося Высочайше еще не разрѣшеннаго сплава по Амуру. На Петровскомъ заводѣ строилась паровая машина для этого парохода. Въ предвидѣніи значительныхъ машино-строительныхъ и вообще желѣзо-дѣлательныхъ работъ для восточной Сибири, Муравьевъ еще въ 1850 году приблизилъ къ себѣ одного изъ выдававшихся тогда уже, по своему честному направленію и трезвому взгляду на дѣла, горнаго инженера, Оскара Александровича Дейхмана, управлявшаго въ то время Петровскимъ заводомъ, который при первомъ обозрѣніи Муравьевымъ Забайкальской области былъ найденъ въ жалкомъ состояніи. Но Муравьевъ сейчасъ же узналъ въ Дейхманѣ человѣка недюжиннаго и поспѣшилъ воспользоваться его молодыми силами и добросовѣстною энергіею. Дейхманъ былъ командированъ въ Петербургъ для представленія министру финансовъ и горному департаменту различныхъ предположеній Муравьева по горнозаводскимъ дѣламъ, затѣмъ были пріобрѣтены въ Екатеринбургѣ всѣ необходимыя части для устройства машиннаго производства на Петровскомъ заводѣ, и такимъ образомъ усиліями О. А. Дейхмана открылась въ восточной Сибири судостроительная промышленность, которая, къ сожалѣнію, впослѣдствіи не была, соразмѣрно требованіямъ края и мѣстнымъ средствамъ, поддержана и не получила того развитія, которое, во всякомъ случаѣ, слѣдовало ей дать. И сюда была занесена зараза времени, зараза заказовъ всего заграницею, вмѣсто того, чтобы покрови-

тельствовать отечественной, зародившейся промышленности и поднять ее на высоту, достойную природныхъ богатствъ Россіи и творческой силы ея сыновъ. И все это отъ того, что увѣряли „изъ заграницы выписать дешевле", а чего намъ стоила эта дешевизна? разсчитать невозможно!!! Всегда, вездѣ и во всемъ близорукая экономія! Муравьеву предоставляется разрѣшить первостепенный *государственный* вопросъ, а средства на это пріискивай самъ изъ суммъ собственно восточно-сибирскихъ. Муравьевъ указываетъ на доходы, доставляемые *государству* золотопромышленностью восточной Сибири, проситъ изъ этого источника удѣлить частицу, незначительную сравнительно частицу на Амурское дѣло, ему отвѣчаютъ отказомъ, это-де источникъ для покрытія государственныхъ расходовъ, будто пріобрѣтеніе Россіею значенія на Тихомъ океанѣ, обусловливаемое укрѣпленіемъ владычества на Амурскомъ прибрежьи и въ Уссурійскомъ краѣ, не входитъ въ число предметовъ, расходы на которые должны быть покрываемы общею государственною казною. Созидай, какъ знаешь и какъ хочешь, экономіи у себя, въ восточной Сибири и ими покрывай предполагаемые тобою расходы. Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ: предполагалось съ 1853 г. имѣть постоянныхъ крейсеровъ у береговъ Сибири. Генералъ-адмиралъ, озабочиваясь необходимыми по сему предмету соображеніями, нашелся вынужденнымъ препроводить составленный по его повелѣнію разсчетъ стоимости содержанія фрегата и корвета, по внутреннему и заграничному положенію, къ генералъ-губернатору восточной Сибири, такъ какъ морское министерство не было въ состояніи принять этотъ расходъ на свои смѣты, предлагая ему сообщить Его Высочеству, какую часть этого расхода онъ полагалъ бы отнести на *сибирскія* суммы. Откуда же эти отдѣльныя *сибирскія* суммы? Изъ сбереженій, накопленныхъ Муравьевымъ по разнымъ отраслямъ управленія при исполненіи смѣтъ. Муравьевъ имѣлъ въ виду *государственную* цѣль первостепенной важности, а такъ какъ ему для достиженія этой цѣли не удѣляли средствъ изъ казны *государственной*, то онъ составлялъ экономію изъ смѣтъ восточно-сибирскихъ и волею-неволею иногда въ ущербъ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ народной производительности, успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что это неизбѣжная временная жертва, которую должна принести страна для достиженія указанной цѣли. Да, страна, т. е. вся Россія, а не одна же восточная Сибирь. Но къ этимъ словамъ въ Петербургѣ были глухи. Къ числу такимъ образомъ состав-

ляемыхъ средствъ относились и сбереженія отъ провіантскихъ заготовленій, т. е. хлѣбныхъ запасовъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Усерднѣйшимъ дѣятелемъ по этой части былъ оберъ-провіантмейстеръ Тваровскій, который, въ свою очередь, для достиженія извѣстной цифры сбереженія, считалъ всѣ пути дозволенными. Читатель припомнитъ, что въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 года всѣ провіантскія заготовленія дѣлались и сбереженія достигались вслѣдствіе того, что все это дѣло по всей восточной Сибири велось при ближайшемъ моемъ участіи и, такъ сказать, подъ моимъ наблюденіемъ. Познакомившись близко съ мѣстными сельско-хозяйственными условіями, я тогда же докладывалъ Муравьеву, что нормальная цѣна хлѣба должна быть 40 коп. за пудъ, и что, держа въ своихъ рукахъ всѣ части заготовленія, онъ имѣетъ возможность всегда урегулировать цѣну, которая неминуемо будетъ соотвѣтствовать спросу: въ урожайные годы увеличить запасы и тѣмъ увеличить спросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну, если она слишкомъ низко упадетъ, а въ годы неурожайные, имѣя запасы, уменьшить спросъ и, въ силу этого, понизить цѣну, если она слишкомъ возвысится и ни въ какомъ случаѣ никакихъ понудительныхъ мѣръ при закупѣ не употреблять. Уже въ 1850 и 1851 годахъ заготовленіе хлѣбныхъ потребностей состоялось по цѣнамъ крайне низкимъ, не вознаграждавшимъ труда земледѣльца. Въ 1853 году, во время моего управленія Иркутскою губернію, вопросъ этотъ привелъ меня въ столкновеніе съ оберъ-провіантмейстеромъ Тваровскимъ: онъ настаивалъ, чтобы заготовительную цѣну назначить 30 коп. за пудъ, а я доказывалъ, что она должна быть 40 коп. и никакъ не ниже 35 коп. Я отстаивалъ интересы крестьянъ и бурятъ, съ которыхъ мнѣ приходилось взыскивать подати, повинности и недоимки, а Тваровскій твердилъ только одно: „нужна экономія, того требуетъ генералъ-губернаторъ“. Не помню, по какой цѣнѣ состоялось заготовленіе, но потомъ я узналъ, что Тваровскій письмомъ къ Мих. Сем. Карсакову, въ Петербургъ, желая быть представленнымъ къ производству въ чинъ статскаго совѣтника, просилъ его доложить генералу, что по его, Тваровскаго, мнѣнію, покупка хлѣба можетъ обойтись по 30 коп., но Струве на это не согласенъ, потому что необходимо пополнять сельскіе магазины, изъ которыхъ взято заимообразно болѣе 1 милл. 200 тыс. пудовъ хлѣба. Это было второе сѣмячко, брошенное въ душу Муравьева, чтобы зарождать въ немъ мысль, что я противодѣйствую достиженію лелѣемой имъ цѣли и не сочувствую нѣкоторымъ его

распоряженіямъ. Не даромъ говорилось, когда я женился: до этого нѣмца (плохой я нѣмецъ!) мы до сихъ поръ не могли добраться, а теперь не мытьемъ, такъ катаньемъ мы его выживемъ! Многимъ не нравилось, что я, изъ любви и преданности къ Муравьеву, стоялъ на стражѣ около него, не нравилось, что я не сочувствовалъ направленію, данному занадворовскому дѣлу, что я говорилъ, что покупка хлѣба ниже дѣйствительной его стоимости и иногда еще съ понудительными мѣрами къ добру не поведетъ. Зависть сильно работала и ловко подтачивала мое положеніе.

Собственно о политическихъ нашихъ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ кяхтинскому градоначальнику Ребиндеру ничего не было извѣстно. Вдругъ онъ узнаетъ въ ноябрѣ 1853 г., что въ Ургѣ съѣхалась китайская коммисія подъ предсѣдательствомъ амбаня Бейсэ для опредѣленія границъ между Россіею и Китайскою имперіею, начиная отъ Горбицы, *вслѣдствіе просьбы о томъ, будто бы нашего сената.* Это было прямымъ послѣдствіемъ злополучнаго листа отъ 16-го іюня, отправленнаго въ Пекинскій трибуналъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, *минуя Муравьева*, въ смыслѣ совершенно не согласномъ съ Высочайшею волею, объявленной военному министру и генералъ-губернатору по докладу послѣдняго 22 апрѣля. Съ этимъ извѣстіемъ поскакалъ курьеръ въ Петербургъ къ Муравьеву, который, не задумываясь, далъ Ребиндеру немедленно знать, чтобы онъ, если для означенной цѣли пріѣдутъ въ Кяхту китайскіе чиновники, отвѣтилъ имъ, что ни онъ, ни главный начальникъ края никакого распоряженія не получили относительно этого вопроса отъ высшаго правительства и совѣтовалъ ему, руководствуясь Высочайшею резолюцію, съ китайцами ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнѣнія о какихъ-либо предположеніяхъ нашего правительства. Этотъ случай далъ Муравьеву поводъ вновь повести сильную аттаку противъ образа дѣйствій и пріемовъ министерства иностранныхъ дѣлъ по нашимъ дѣламъ съ Китаемъ на восточной окраинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе не сочувствовали политикѣ канцлера Нессельроде, но первый кто осмѣлился возстать противъ нея, [illegible] что порицать ее передъ Самодержцемъ и въ этомъ смыслѣ направлять всѣ свои дѣйствія, былъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій. Составленная имъ записка была разсмотрѣна въ особомъ комитетѣ, и 11-го января 1854 года Высочайше было утверждено положеніе этого комитета, въ силу котораго предоставлялось генералъ-губернатору Муравьеву

отнынѣ всѣ сношенія съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи восточной нашей окраины *вести непосредственно*, о чемъ и былъ посланъ листъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Пекинскій трибуналъ 6 февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дано Муравьеву право распоряжаться всѣми остаточными суммами отъ смѣтныхъ исчисленій по всѣмъ вѣдомствамъ восточной Сибири. Отчетъ въ израсходованіи этихъ суммъ Муравьевъ прямо представлялъ Государю. Наконецъ было рѣшено *„плыть по рѣкѣ Амуру!!“* но съ тѣмъ, какъ лично изволилъ прибавить Императоръ, *„чтобы при этомъ не пахло порохомъ“*. Важность этихъ рѣшеній побудила Муравьева немедленно отправить М. С. Карсакова въ Иркутскъ для окончательныхъ распоряженій по сплаву, подготовительныя работы къ которому велись уже въ теченіе всей зимы по предусмотрительности Муравьева. Не готовься онъ заранѣе въ предвидѣніи, что рано или поздно правительство придетъ къ этому рѣшенію, то, разумѣется, не было бы никакой возможности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ снарядить эту колоссальную экспедицію. Только 10-го февраля утромъ Карсаковъ пріѣхалъ въ Иркутскъ. Въ тотъ же день началась работа съ Шелашниковымъ, Заборинскимъ, Тваровскимъ и въ особенности съ Казакевичемъ. Я былъ свидѣтелемъ той кипучей дѣятельности, съ которою Карсаковъ принялся за дѣло и той энергіи, которую онъ сумѣлъ вселить своимъ сотрудникамъ. Во время 4-хъ-мѣсячнаго отсутствія Муравьева изъ Иркутска, чего тамъ не было? описать трудно. Кота не было, и мыши на столѣ! Но Муравьевъ обо всемъ получалъ свѣдѣнія. Карсакову, кромѣ прямаго порученія, касавшагося государственнаго дѣла, сплава по Амуру, приказано было во многомъ удостовѣриться и писать Муравьеву въ Петербургъ и Красноярскъ, такъ какъ онъ собирался вскорѣ послѣ Карсакова выѣхать изъ Петербурга. Обрадовался я Карсакову, какъ брату родному. Съ нимъ я душу отвелъ при трудныхъ обстоятельствахъ, меня окружавшихъ. Передо мною теперь многія его письма къ Муравьеву: что-за свѣтлая, чистая душа! какъ всегда, такъ и въ данное время онъ являлся миротворцемъ. Не отвергая дѣйствительности того или другаго неотраднаго явленія, многихъ даже неблаговидныхъ поступковъ и дѣйствій, онъ всегда изыскивалъ поводы къ смягченію и, сообщая о нихъ Муравьеву, онъ никогда не упускалъ случая, чтобы отъ себя не добавить: распеките порядкомъ, но пожалѣйте, взыщите построже, но будьте снисходительны, увольте отъ службы или

предайте суду, потому что нуженъ примѣръ, нужна гроза, но не оскорбляйте; подобнаго рода совѣтами переполнены его письма. Миръ праху твоему! „Блаженн миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся!“ Тѣмъ не менѣе пріѣздъ Карсакова въ Иркутскъ произвелъ всеобщій страхъ: онъ сообщилъ, что Николай Николаевичъ очень недоволенъ всѣмъ, что происходило въ Иркутскѣ въ его отсутствіе, всѣ были въ ожиданіи и въ недоумѣніи, какой имъ будетъ пріемъ отъ грознаго начальника края. Карлъ Карловичъ Венцель, иркутскій военный губернаторъ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ главнаго управленія восточной Сибири и командовавшій войсками за отсутствіемъ генералъ-губернатора, человѣкъ высоко честный и благонамѣренный, но въ то же время крайне мягкій и уклончивый, положительно не былъ на высотѣ своего положенія: безподобный губернаторъ подъ рукою у энергическаго генералъ-губернатора, онъ въ должности главнаго начальника края терялся и шелъ ощупью, а сибирскіе офицеры и чиновники этимъ пользовались. Бригадный командиръ А. потворствовалъ всѣмъ неблаговиднымъ поступкамъ подчиненныхъ ему офицеровъ, а Венцель былъ противъ него безсиленъ. Болѣе всего отъ этого страдали двое, оба полковые командиры только-что сформированныхъ Иркутскаго и Енисейскаго городовыхъ казачьихъ полковъ Моллеръ и Мазаровичъ, люди благороднѣйшіе, дѣйствовавшіе неукоснительно въ духѣ Муравьева и задавшіеся трудомъ установить въ этихъ полкахъ такую же дисциплину, какая требовалась отъ регулярныхъ войскъ. Они были ученики тогдашнихъ драгунскихъ полковъ, стоявшихъ на югѣ Россіи подъ начальствомъ генераловъ Никитина и Монтрезора, школы строгой, недопускавшей мысли о какомъ-либо уклоненіи отъ службы. Съ бригаднымъ командиромъ А. и я имѣлъ крайне непріятныя столкновенія вслѣдствіе той же безхарактерности генерала Венцеля. Дѣло дошло до того, что я былъ вынужденъ отказаться отъ управленія Иркутскою губерніею. Генералъ Венцель убѣдилъ меня взять мой рапортъ назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него въ душѣ затаилось нерасположеніе ко мнѣ, которое впослѣдствіи тяжело отозвалось на мнѣ, когда онъ долженъ былъ бы за меня заступиться, а между тѣмъ краснорѣчивымъ молчаніемъ только еще усугубилъ трудность моего положенія. Правда, я былъ требователенъ и рѣзокъ, какже это могло быть иначе въ мои годы, всего 26 лѣтъ отъ роду и уже третій годъ возсѣдалъ на губернаторскомъ креслѣ! Рабочая сила неутомимая, знаніе дѣла, пріобрѣтенное въ

ежовой школѣ Муравьева и при этомъ власть въ рукахъ!!! Безъ сомнѣнія были ошибки и промахи съ моей стороны, но требовательность, настойчивость моя не принесли никакого вреда, это я могу сказать по совѣсти, а только усилили чувство зависти къ той роли, которую я игралъ, и побудили завистниковъ ухищряться, чтобы сбить меня съ позиціи незамѣтнымъ образомъ. Я былъ готовъ на борьбу, но мнѣ не пришлось бороться, мнѣ даже не была дана возможность возразить, какъ увидите впослѣдствіи: однимъ ударомъ скосили, и прощай все прошлое. Какая великая истина, повидимому: отъ друзей избави Богъ, со врагами самъ я справлюсь!

По возвращеніи Муравьева изъ Петербурга въ мартѣ, все обошлось для меня благополучно, и я знаю, почему. Тогда я былъ еще нуженъ, а Карсаковъ написалъ Муравьеву: „ободрите Струве".

Не безъ архипастырскаго благословенія уѣхалъ Муравьевъ въ Иркутскъ, а оттуда новымъ путемъ на дальный востокъ. Перебралъ я все собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго въ надеждѣ найти въ этомъ собраніи какой-либо отзывъ этого маститаго государственнаго дѣятеля объ одномъ изъ важнѣйшихъ шаговъ нашего правительства во время тяжелаго испытанія, ниспосланнаго Провидѣніемъ въ 1854 году на наше отечество, но тщетно. Тѣмъ болѣе интересно будетъ читателямъ убѣдиться, что и великій святитель первопрестольной Москвы съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ подъятому Муравьевымъ дѣлу, благословляя его въ путь самыми теплыми выраженіями, изложенными его своеобразнымъ слогомъ въ письмѣ къ Муравьеву отъ 3-го марта 1854 года, т. е вслѣдъ за Высочайшимъ повелѣніемъ: „плыть по Амуру". Какъ всѣ письма владыки, они начинаются изображеніемъ +, за симъ: „Ваше „превосходительство, милостивый государь! Пользуюсь слу„чаемъ для слова къ вамъ, имѣя мало времени для слова „съ вами. Богъ да благословляетъ попеченія ваши о проч„номъ благѣ ввѣреннаго вамъ края. Да просвѣщаетъ Онъ „взоръ вашъ къ усмотрѣнію праваго и полезнаго и къ изы„сканію средствъ для общеполезныхъ цѣлей; и необильныя „средства дая вамъ сильными чрезъ поспѣшествованіе Сво„его Провидѣнія. Да укрѣпляетъ васъ противъ трудностей „со стороны природы и *людей, недовольно способныхъ или рас„положенныхъ понимать и принимать усовершенія.* Да увѣнчи„ваетъ ваши труды и подвиги вожделѣнными успѣхами. „По соизволенію вашему вмѣстѣ съ симъ дойдетъ до васъ „небольшое бремя, которое вашею силою доносится до васъ

*

„и, надѣюсь, также препровождено будетъ до преосвящен-„наго Иннокентія.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю „честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

Филаретъ М. Московскій“.

въ Москвѣ
марта 3-го 1854 г.

Митрополитъ Филаретъ былъ великій патріотъ, его проповѣди, произнесенныя въ тяжелую годину испытанія 1812 года, имѣли безпримѣрный успѣхъ, поэтому понятно, на кого онъ намекалъ въ такую же годину испытанія, въ 1854-мъ году, призывая свыше на Муравьева укрѣпленіе противъ людей, „недовольно расположенныхъ понимать или принимать усовершенія“. Преосвященный Иннокентій Камчатскій, впослѣдствіи преемникъ митрополита Филарета въ Москвѣ, аккуратно сообщалъ послѣднему объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ дѣлѣ проповѣдыванія слова Божья въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи усиліями Муравьева. Въ Иркутскѣ, въ мартѣ 1854 года, съѣхались трое преосвященныхъ: Нилъ, переведенный въ Ярославль, Аѳанасій, вновь назначенный въ Иркутскъ, и Иннокентій Камчатскій и Якутскій, пріѣхавшій съ цѣлью совѣщанія съ генералъ-губернаторомъ по вопросамъ о присоединяемой къ Имперіи Амурской области, какъ бы представители единой православной церкви трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Америки, на которыя простираются русскія владѣнія на разстояніи десятковъ тысячъ верстъ, гдѣ все населеніе говоритъ однимъ и тѣмъ же русскимъ языкомъ. Какое это было великое торжество: сослуженіе на заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія трехъ архіепископовъ въ отдаленномъ губернскомъ городѣ; Св. Евангеліе было читано на 11-ти языкахъ, въ томъ числѣ на алеутскомъ, бурятскомъ и якутскомъ. Съѣхались три іерарха, а имъ и всей восточной Сибири возвѣщаетъ главный начальникъ края: „Царь повелѣлъ намъ плыть по Амуру, осуществить вѣковую мечту сибиряковъ, о которой я писалъ Государю еще въ началѣ 1849 года“.

Столица восточной Сибири и представитель всей ея умственной и промышленной жизни, Иркутскъ ликовалъ и пировалъ, торжествуя побѣду Муравьева надъ вѣковыми заблужденіями, оковавшими и представителей высшей власти въ Петербургѣ тѣснымъ кругозоромъ, изъ котораго высвободиться не хватало у нихъ силъ. Только орлиный взоръ и полетъ Муравьева-Амурскаго могли внести свѣтъ въ тьму

дальней окраины и разоблачить истину. Я не умѣю передать, какое это было всеобъемлющее состояніе радости, всякій силился и спѣшилъ принести свою лепту. Купечество, которое знало, какого невыгоднаго мнѣнія былъ Муравьевъ о немъ, по достоинству оцѣнило заслугу Муравьева и, изъявляя готовность сдѣлать значительныя денежныя пожертвованія на сплавъ по Амуру, старалось, такъ сказать, съ нимъ помириться. Со всѣхъ сторонъ посыпались приношенія; торжественный роскошный обѣдъ въ залѣ благороднаго собранія запечатлѣлъ дѣло примиренія Муравьева съ купечествомъ, это былъ первый обѣдъ, который Муравьевъ, со времени своего назначенія генералъ-губернаторомъ, принялъ отъ Иркутскаго купеческаго общества. На 20-е апрѣля былъ назначенъ выѣздъ изъ Иркутска, только не по льду черезъ Байкалъ, какъ повѣствуютъ всѣ описывавшіе этотъ эпизодъ изъ нашей сибирской жизни, а по кругобайкальской дорогѣ, по пути, сопряженному съ неимовѣрными трудностями. Тутъ уже мы, приближенные Муравьева, устроили ему въ маленькой деревнѣ за Ангарою, по средствамъ нашимъ скромные, но задушевные проводы. Распорядителемъ обѣда былъ Б. К. Кукель, а полковникъ Облеуховъ, прозванный между нами „старымъ солдатомъ", написалъ, какъ сумѣлъ, по этому случаю стихи, которыхъ я нигдѣ въ печати (въ безчисленныхъ описаніяхъ перваго сплава по Амуру 1854 г.) не встрѣчалъ, и оригиналъ которыхъ едва-ли не сохранился у меня одного. Стихи эти, хотя и лишены литературнаго достоинства, но свидѣтельствуютъ о настроеніи сибирскаго общества и о живомъ, тепломъ участіи, которое оно принимало въ современныхъ событіяхъ.

Порадовалъ ты насъ пріѣздомъ;
Но далъ лишь на себя взглянуть,
И ужъ сулишь намъ грусть отъѣздомъ,
Собравшись въ дальній, дивный путь.

Хоть жаль съ тобою намъ разстаться,
Но вѣдь Амуръ тебя зоветъ,
И мы должны тѣмъ утѣшаться,
Что тамъ тебя безсмертье ждетъ.

Молитва наша къ вышнихъ Богу
Тебѣ стихіи покоритъ,
Благословитъ тебя въ дорогу,
И къ намъ со славой возвратитъ.

Гряди жъ, герой, среди моленій,
Теплящихся во всѣхъ сердцахъ;

Русь отъ тебя ждетъ приношеній,
Какихъ не сдѣлалъ и Ермакъ.

Молніеноснымъ соображеньямъ
Твоимъ ни въ чемъ препятствій нѣтъ:
Ты предназначенъ Провидѣньемъ,
Чтобъ старый съ новымъ сблизить свѣтъ.

Дѣйствительно „герой“! съ неустрашимымъ гражданскимъ геройствомъ Муравьевъ, путемъ мирнымъ, отвоевалъ для Россіи Амурскій край отъ двухъ враговъ, внутренняго и внѣшняго, одинаково упорно противившихся достиженію Муравьевымъ желанной цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые вызвалъ сближеніе между Россіею и Сѣверо-Американскими Штатами, дѣйствительно сблизилъ старый свѣтъ съ новымъ.

О томъ, какъ совершился первый сплавъ по Амуру въ 1854 году, такъ много разсказано и писано, что мнѣ ничего не приходится дополнить. Особенно живо и интересно описанъ этотъ сплавъ моимъ другомъ Н. Д. Свербеевымъ, котораго генералъ-губернаторъ опредѣлилъ къ себѣ секретаремъ по дипломатической части на основаніи Высочайшаго повелѣнія, коимъ было признано необходимымъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ плыть по Амуру и съ предоставленіемъ Муравьеву входить въ непосредственныя сношенія съ китайскимъ правительствомъ, учредить эту новую должность. 14 іюня вся сплавная флотилія подъ начальствомъ генералъ-губернатора вошла въ заливъ Маріинскаго поста, и здѣсь за обѣдомъ у Н. Н. Муравьева всѣ его спутники радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ *перваго* сплава по Амуру. Осмотрѣвъ заливъ де-Кастри и Императорскую гавань, Муравьевъ отправилъ на шкунѣ „Востокъ“ М. С. Карсакова въ Аянъ и оттуда въ С.-Петербургъ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о благополучномъ прибытіи его съ отрядомъ нижнихъ чиновъ и продовольственными запасами на устье Амура. Выѣхавъ изъ Аяна 8 іюля, Карсаковъ пріѣхалъ въ Петербургъ 22 августа. Насколько интересовались въ Петербургѣ результатомъ перваго сплава по Амуру, какъ вопросомъ первостепенной важности, свидѣтельствуетъ письмо Карсакова къ Муравьеву отъ 23 августа: „Выхожу изъ вагона,—пишетъ Карсаковъ—и тутъ же встрѣчаю фельдъегеря, который, видя мою небритую бороду и длинные волосы, говоритъ: „Вы Курьеромъ?“—„Курьеромъ“.—„Такъ сейчасъ же ѣдемте къ дежурному генералу“. Я ему показываю свой туалетъ (солдатская шинель въ рукава, сверхъ изодраннаго почти до тла сюртука).—„Дай-

те мнѣ переодѣться". —„Нѣтъ, такъ, какъ есть, и поѣдемте."— „Но вещи мои?"—„Оставьте ихъ кому-нибудь, а ужь сами со мною къ дежурному генералу, такъ мнѣ приказано". Въ нѣсколько минутъ, взявъ съ собою портфель съ бумагами и оставивъ вещи и адресъ братниной квартиры находившемуся при немъ одурѣвшему отъ труднаго долгаго пути на перекладной урянику, Карсаковъ съ фельдъегеремъ примчались къ Катенину, а отъ него къ военному министру, князю В. А. Долгорукову, которому Карсаковъ вручилъ письмо отъ Муравьева. Военный министръ отправилъ Карсакова на той же фельдъегерской телѣжкѣ (настоящій адскій экипажъ тогдашняго времени) къ Государю Наслѣднику и къ великому князю Константину Николаевичу въ Петергофъ и въ Стрѣльну. Разспросамъ не было конца. Цесаревичъ, читая конецъ рапорта Муравьева: „Мы стали твердою ногою на Амурѣ, я надѣюсь, что никто у насъ больше его не отыметъ", поднялъ глаза на Карсакова и твердо сказалъ: „да ужь надѣюсь", а потомъ, читая далѣе: „Вся честь этого дѣла принадлежитъ Невельскому, Казакевичу, Карсакову"— „А себя Муравьевъ забылъ",—воскликнулъ Наслѣдникъ Цесаревичъ: „ему, ему вся честь! завтра же утромъ представлю васъ Государю". На другой день утромъ, Карсаковъ имѣлъ счастье представиться Государю. Царь обнялъ и поцѣловалъ Карсакова, нѣсколько разъ выразилъ свою благодарность за безпримѣрно успѣшный сплавъ по Амуру и повелѣлъ всѣхъ спутниковъ Муравьева представить къ наградамъ. „Говорятъ, что всѣ будутъ награждены слѣдующимъ чиномъ, писалъ Карсаковъ, но я уже вполнѣ награжденъ царскою ласкою!.."

Все время отсутствія Муравьева, для сплава по Амуру, супруга его Екатерина Николаевна жила въ Иркутскѣ на дачѣ, на такъ называемой Кузнецовской заимкѣ, и только когда она получила извѣстіе, что Николай Николаевичъ уже ѣдетъ обратно изъ Якутска, она поплыла ему навстрѣчу по Ленѣ чуть-ли не до границы Якутской области и вернулась въ Иркутскъ вмѣстѣ съ нимъ 1-го октября. Что тамъ было на Ленѣ въ предѣлахъ управляемой мною Иркутской губерніи, я не знаю и никогда узнать не могъ. Видно много было Муравьеву написано и наговорено противъ меня, фактъ тотъ, что съ послѣдней станціи до Иркутска Муравьевъ отправилъ ко мнѣ, какъ къ управлявшему Иркутскою губерніею, который долженъ былъ его встрѣтить въ его квартирѣ съ почетнымъ рапортомъ, исправника Ефимова съ приказаніемъ, что онъ не желаетъ меня видѣть, и

что я могу ему представиться, когда будетъ назначенъ общій пріемъ. Я зналъ хорошо Муравьева: ему нужно было, какъ говорится, сорвать сердце на комъ-нибудь, я чувствовалъ, что этою жертвою я былъ предназначенъ, я зналъ про самого себя, что пожалуй не вынесу публичнаго оскорбленія, и могла бы выйти ужасная сцена. Я не поѣхалъ на общій пріемъ, подалъ рапортъ о болѣзни. Весь гнѣвъ Муравьева обрушился на С. Ѳ. Соловьева: на общемъ пріемѣ онъ на него и покричалъ, и погрозилъ ему пальцемъ. Соловьевъ вскорѣ поправилъ опять свое положеніе какимъ-то крупнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, а мнѣ Муравьевъ не хотѣлъ простить, что я уклонился отъ возможности быть оскорбленнымъ. Карсакова тогда не было въ Сибири.

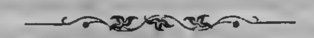
При этихъ условіяхъ, въ виду прежнихъ моихъ отношеній къ Муравьеву, я не счелъ возможнымъ долѣе остаться на службѣ въ восточной Сибири и тотчасъ послалъ прошеніе о переводѣ меня въ одну изъ внутреннихъ губерній. До полученія отвѣта я считался сначала больнымъ, что впрочемъ дѣйствительно и было, а затѣмъ поѣхалъ въ продолжительный отпускъ, не узнавши никогда, въ чемъ собственно Муравьевъ меня обвиняетъ, что побудило его такъ рѣзко поступить со мною. Повторяю то, что я уже раньше писалъ [1]), что Муравьевъ своею вспыльчивостью лично мнѣ много повредилъ, тѣмъ не менѣе, отдавая полную справедливость его дальновидной государственной дѣятельности, я нахожу, что все остальное сравнительно мелочь.

Хотя я уже не былъ у дѣлъ, но мнѣ пришлось въ концѣ 1854 года, до выѣзда моего изъ Иркутска, еще разъ убѣдиться, что всѣ недостатки и слабости Муравьева меркнутъ передъ его проницательнымъ административнымъ умомъ и его свѣтлымъ взглядомъ на государственные вопросы, передъ его послѣдовательностью въ ихъ разрѣшеніи и предъ его геройскою рѣшимостью въ случаѣ надобности. Блистательное отраженіе Англо-французскаго непріятельскаго флота отъ Петропавловскаго порта произвело потрясающее впечатлѣніе на западъ Европы. Народный голосъ требовалъ, чтобы соединенный флотъ въ будущемъ 1855-мъ году опять пошелъ въ Камчатку отмстить за неудачу 1854 г. уничтоженіемъ Петропавловскаго порта и всей нашей Тихо-океанской флотиліи. Герой защиты Петропавловскаго порта, военный губернаторъ В. С. Завойко, немедленно послѣ удаленія непріятельскаго флота, принялся вновь за усилен-

[1]) См. „Р. В.“ 1884 г. іюль, стр. 356.

ное укрѣпленіе этого порта, воздвигались новыя твердыни, новыя батареи, сооруженію которыхъ даже непріятель впослѣдствіи отдалъ полную справедливость, съ такою глубокою обдуманностью онѣ были созданы. Непріятель снаряжалъ для дѣйствій противъ насъ въ Тихомъ океанѣ военную эскадру въ 18 вымпеловъ. Муравьевъ узналъ объ этомъ въ Иркутскѣ въ концѣ ноября. Устоять Петропавловскому порту противъ такой громады не было никакой возможности, между тѣмъ испросить разрѣшеніе изъ Петербурга, какъ поступить въ данномъ случаѣ, при тогдашнихъ способахъ сообщенія, также не представлялось возможнымъ, время было бы упущено. Муравьевъ принялъ рѣшеніе поистинѣ геройское, въ виду той отвѣтственности, которая ему угрожала за это. *Не имѣя приказанія изъ Петербурга, на свой страхъ*, Муравьевъ послалъ въ декабрѣ своего адъютанта есаула Мартынова въ Камчатку, кругомъ черезъ Якутскъ, Охотскъ и Гижигу, съ приказаніемъ адмиралу Завойкѣ: *снять Петропавловскій портъ съ его укрѣпленіями, сооружить всѣ суда, забрать гарнизонъ и не только военныхъ, но и гражданскихъ чиновъ съ ихъ семействами, раннею весною выйдти въ море и отправиться со всею эскадрою къ устью Амура.* Это безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей исторіи распоряженіе спасло честь и славу нашего оружія и всю нашу эскадру и избавило насъ отъ тысячей безполезныхъ жертвъ. Вѣчное русское спасибо Муравьеву-Амурскому!

Б. СТРУВЕ.

ЗА РАБОТОЙ.

Разсказъ.

I.

Онъ былъ высокаго роста, бодрый и крѣпкій старикъ, повидимому, лѣтъ за пятьдесятъ, въ дѣйствительности же— далеко за шесть десятковъ. Не смотря на такую пору жизни, онъ еще не горбился, шагъ имѣлъ крупный и твердый и голову держалъ всегда нѣсколько откинувъ назадъ, что придавало ему самоувѣренный и даже надменный видъ. Самоувѣренность, можетъ быть, въ немъ и была, по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ на нее по своимъ заслугамъ право, но о надменности и говорить нечего; услышавъ о ней, онъ могъ бы сказать: „надменность? Что такое надменность? Надо работать—вотъ надменность".

Зимою онъ ходилъ въ енотовой шубѣ, надвинувъ шапку на уши и поднявъ воротникъ,—тогда ни лица его, ни глазъ почти не было видно, только выглядывалъ изъ-подъ воротника конецъ носа, крупнаго и горбатаго, и золотые ободки очковъ, солидныхъ размѣровъ, какіе дѣлались когда-то въ доброе старое время. Лѣтомъ и вообще въ теплую погоду онъ, разумѣется, не закутывался и тогда не только его горбатый носъ, но и густые пепельнаго цвѣта бакенбарды и задумчивое, всегда на чемъ-то сосредоточенное, выраженіе лица были видимы для всѣхъ. За то самъ онъ ни лѣтомъ, ни зимой и ни въ какое другое время года, никого въ часы своихъ прогулокъ не замѣчалъ.

Впрочемъ, едва-ли можно назвать прогулками тѣ переходы, которые онъ впродолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій дѣлалъ ежедневно изъ квартиры до анатомическаго инсти-

тута и обратно. Это были именно переходы отъ утренняго кофе къ мѣсту службы и отъ мѣста службы къ обѣденному столу, а отъ обѣденнаго стола опять къ мѣсту службы и обратно—къ кровати. Еслибы кто-нибудь при немъ назвалъ время, удѣляемое имъ на эти переходы, временемъ его прогулокъ, онъ то же могъ бы отвѣтить:

— „Прогулка? Что такое прогулка? Надо работать—вотъ прогулка".

Дворники, лавочники и т. п. людъ, замѣчая его на улицѣ, знали, куда онъ идетъ и когда будетъ возвращаться обратно, и могли по встрѣчамъ съ нимъ повѣрять свои часы. Они почтительно снимали передъ нимъ фуражки и послѣ того, какъ его высокая фигура скрывалась за уголъ сосѣдняго переулка, не безъ страха косили туда глаза, очевидно, побаиваясь за цѣлость собственной шкуры.

— Людей потрошитъ, перешептывались они между собой. Сказываютъ, каждый день десятка по два. Голову, ноги, нутро—все распластаетъ, останется отъ человѣка только одинъ шкилетъ...

II.

Подобно тому, какъ истинный художникъ, рисуя съ натуры молодое женское тѣло и будучи поглощенъ своей задачей, не чувствуетъ къ нему физической страсти, онъ не чувствовалъ къ трупамъ отвращенія и видѣлъ въ нихъ всегда интересный, и всегда желательный предметъ для наблюденій. Ни трупной вонью, ни ѣдкимъ запахомъ карболовой кислоты, которыми разило по коррпдорамъ отъ залъ анатомическаго института, вплоть до входныхъ дверей, саженъ на пятьдесятъ, онъ не тяготился, несмотря на то, что между трупами бывали такіе, которые, оставаясь по недѣлямъ на столахъ, зеленѣли и чернѣли отъ разложенія.

Имѣя возможность по своему служебному положенію заниматься только одними высшими вопросами науки, онъ не прочь былъ провести цѣлый день „за черной работой" на кухнѣ, находившейся въ сосѣдствѣ съ анатомическими залами. Тамъ въ деревянныхъ чанахъ выпаривались въ теплой водѣ человѣческія головы, съ выпученными глазами, отдѣльныя части рукъ, ногъ и т. д. Не рѣдко онъ собственноручно обдиралъ съ нихъ мясо, вылущивалъ изъ головы мозги, хрящи и складывалъ потомъ обнаженныя кости въ скелетъ или распиливалъ черепа и измѣрялъ толщину ихъ

стѣнокъ, представлявшихъ почему-либо особый для него интересъ. Онъ даже способенъ былъ, одѣвшись въ полную форму, со звѣздами и лентами, увлечься работой и совершенно забыть о томъ, что облачился вовсе не для того, чтобы испачкаться, а для пріема кого-нибудь изъ „высокихъ посѣтителей“.

Ни утомленія отъ занятій, какъ бы они долго ни продолжались, ни жары отъ газовыхъ рожковъ, доходившей при вечернихъ занятіяхъ студентовъ до двадцати градусовъ, онъ не чувствовалъ. Чѣмъ больше столовъ въ залахъ было занято трупами, тѣмъ онъ былъ оживленнѣе и потиралъ руки, точно отъ удовольствія, что эти залы напоминаютъ мясную лавку, и только иногда, щурясь отъ свѣта, ярко разлитаго по всѣмъ столамъ, онъ, проходя по заламъ, замѣчалъ:

— Ну, температура сегодня, кажется, немножко слишкомъ....

Студенты потные и раскраснѣйшіеся отъ жары, копошились около столовъ и, облѣпивъ трупы со всѣхъ сторонъ, какъ муравьи, дѣлали каждый свое: одни препарировали кисти рукъ, другіе ногъ, третьи шею, горло и т. дал. Каждый ежеминутно отрывался отъ работы, всматривался въ текстъ и рисунки лежавшей передъ нимъ книги и повѣрялъ по ней свои наблюденія. Они не обращали вниманія на то, какой ужасный видъ имѣютъ распластанные трупы, иные безрукіе, безногіе, съ раскрытою полостью груди, иные съ полуотрѣзанной головой, съ кровью, запекшейся на волосахъ бороды, торчащей вверхъ щетиной, и съ обнаженными внутренностями горла.

Въ другихъ залахъ первокурсники слышали объясненія прозектора и наблюдали, какъ онъ, тоже потный и красный, съ утомленнымъ взглядомъ и всклокоченными волосами, вскрывалъ трупъ. Пытливо оглядывая столы съ трупами, окруженные занимавшимися вокругъ нихъ студентами, онъ проходилъ туда, оглядывалъ работу прозектора, прислушивался къ его объясненіямъ, иногда прерывалъ ихъ и, увлекшись предметомъ, самъ начиналъ копаться во внутренностяхъ.

Въ противоположность тому, какъ, идя по улицѣ, онъ никого и ничего не замѣчалъ, —здѣсь, въ своемъ царствѣ, никакая малѣйшая подробность не оставалась имъ не замѣченной. Уходя въ свой отдѣльный кабинетъ, находившійся тутъ же вблизи залъ, онъ видѣлъ, напримѣръ, какъ служители несли по корридорамъ трупъ, положенный на холстъ и имъ прикрытый, и по положенію, по обрисовывавшимся изъ-

за холста его формамъ, онъ уже опредѣлялъ—мужчина это или женщина, и какихъ приблизительно лѣтъ, помнилъ, который по числу былъ въ этотъ день принесенъ трупъ, зналъ, куда и для какой цѣли его несутъ, и не ускользало отъ его вниманія даже то состояніе, въ какомъ находились въ это время служители.

— Пьянствуютъ, думалъ онъ и хмурился, покачивая головой.

Онъ всегда былъ бодръ, всегда занятъ своимъ дѣломъ и до того горячо, какъ будто ни въ наукѣ, ни въ жизни ничего кромѣ анатоміи не существовало. О немъ было кѣмъ-то мѣтко сказано, что онъ и въ живомъ человѣкѣ видитъ только трупъ.

Мысли о томъ, дѣйствительно ли эта видимая цѣль бытія—гниль и разложеніе—есть въ то же время единственная и конечная его цѣль—такой мысли въ головѣ его мѣста не было. На вопросъ о ней онъ удивился бы и, приподнявъ очки къ верху, отвѣтилъ:—что такое? Какая цѣль? Надо возможно тщательнѣе и возможно чаще вскрывать трупы— вотъ цѣль. О его ученыхъ трудахъ знали всѣ первокласные представители европейской науки. Это, разумѣется, возвышало его въ собственномъ о себѣ мнѣніи, но ничѣмъ не отражалось ни на его образѣ жизни, ни на отношеніяхъ къ окружающимъ.

При большомъ „запасѣ" въ мертвецкой, онъ потиралъ руки и говорилъ:

— Это хорошо.

Но когда узнавалъ, что остается немного, хмурился, качалъ головой и говорилъ:

— Это не хорошо.

— Привоза нѣтъ изъ больницъ.

— Отчего?

— Мало, слѣдовательно, умираютъ...

— А! Это не хорошо.

Были когда-то лѣтъ десять назадъ смутные толки въ обществѣ о томъ, что завелся въ больницахъ тайный торгъ трупами, отправляемыми будто-бы въ Дерптъ, гдѣ анатомическое отдѣленіе университета всегда въ нихъ нуждалось. Эти слухи такъ и остались недоказанными.

— Помилуйте, роптал онъ,—зачѣмъ такъ? Если у насъ не будетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ—какая тогда возможна наука.

III.

Его имя: Артуръ Генриховичъ Краббе. Студенты звали его просто Артуръ, а науку, преподаваемую имъ—„артуристика". Не смотря на его простоту и доступность въ обращеніи со всѣми, студенты его побаивались и всего болѣе потому, что въ своей „артуристикѣ" онъ былъ ревниво строгъ и неумолимо настойчивъ: или учись, какъ слѣдуетъ, или убирайся къ чорту. Заниматься у него „какъ-нибудь" было нельзя. Бывали случаи, что студента онъ срѣзывалъ на экзаменѣ до десяти разъ и невозмутимо спокойно заявлялъ:

— Недовольно достаточно... Надо еще приготовиться.

— Господинъ профессоръ, я уже... припомните... Я въ десятый разъ.

— Въ десятый! А! Въ десятый... Это слава Богу. Меня Гиртль вотъ на такомъ же точно препаратѣ пятнадцать разъ прогонялъ. Вотъ какъ... Ну, а теперь, помолчавъ, добавилъ онъ, теперь бы я его, пожалуй, тоже пятнадцать разъ прогналъ... Идите... Слѣдующій!

Съ слѣдующимъ бывала иногда расправа короткая: два-три вопроса, потомъ безмолвное покачиваніе головой.

— Недостаточно.

— Помилуйте, господинъ профессоръ, я... мнѣ кажется...

— Недовольно достаточно. Приходите еще разъ. Слѣдующій!

Съ этимъ разговоръ еще короче. Послѣ перваго же вопроса онъ начинаетъ хмуриться.

— Не только недовольно достаточно, но даже совсѣмъ ни къ чорту не годится. И перепутали все... Скажу вамъ прямо, нѣтъ у васъ любви къ дѣлу и терпѣнія нѣтъ, а безъ нихъ не можетъ быть успѣха. И вы еще говорите, что желаете заниматься спеціально хирургіей... О, господинъ, господинъ!

Онъ безмолвно покачиваетъ головой и потомъ, рѣзко перемѣнивъ тонъ рѣчи, говоритъ:

— Да васъ, милостивій государь, съ такими знаніями на сто саженъ къ хирургическому подъѣзду пустить нельзя. Сдѣлайте одолженіе, послушайте меня, и оставьте анатомію въ покоѣ. Идите въ чиновники, въ адвокаты, въ ремесленники — куда угодно. Здѣсь вы напрасно теряете время и, замѣтьте, самое лучшее время жизни.

Въ его рѣчи, всегда грамматически правильной, прорывается по временамъ какое-нибудь одно слово, даже одна гласная буква, вмѣсто *ы*, напримѣръ, *и*, или вмѣсто *а*—*я*, указывающая на его нерусское происхожденіе. Когда онъ волнуется, такіе промахи замѣчаются чаще. Студентъ, распекаемый за неряшливое отношеніе къ занятіямъ, краснѣетъ, блѣднѣетъ, кусаетъ губы и, отходя отъ стола, ворчитъ вслухъ:

— Проклятый нѣмецъ!

Ворчанье его слышатъ всѣ находящіеся въ комнатѣ студенты, многіе взглядываютъ на профессора съ безпокойной мыслію о томъ, слышалъ ли онъ сказанную грубость и какъ къ ней относится. Оказывается, онъ дѣйствительно ее слышалъ и даже смотритъ въ ту сторону, куда отошелъ грубый человѣкъ, но на лицѣ его нѣтъ и слѣда гнѣва.

— Вы, господинъ, невѣрно сказали, спокойно говоритъ онъ оскорбителю, — я вовсе не нѣмецъ, а чехъ, — и потомъ обычнымъ тономъ произноситъ:

— Слѣдующій!

И когда подходитъ къ столу студентъ, уже извѣстный ему своими способностями и любовію къ занятіямъ, мрачный взглядъ его исчезалъ, брови приподнимались выше, и на губахъ появлялась улыбка.

— А, а, герръ N...! Н-ну, что ви скажете? А, а! Да, да, именно. Такъ, такъ, произноситъ онъ повременамъ, одобряя отвѣчающаго студента. О, о! Да вы занима-ались. Я вамъ предложу еще одну мою работу, именно объ этой аномаліи... Читали уже ее и знакомы... Ну, разскажите. А, а, пріятно. Это, я вамъ доложу, чрезвычайно...

Онъ уже не сидитъ на стулѣ, а стоитъ около студента и, оживленный до увлеченія, размахиваетъ обѣими руками.

— Да, да. Вотъ. Именно! И эта аномалія, продолжаетъ онъ, все ближе и ближе напирая на студента и не замѣчая, что тотъ уже жмется къ стѣнѣ,—она, эта аномалія, имѣетъ ту замѣчательную особенность, что всегда сопровождается тождественной аномаліей въ другой части организма. На это вы тоже обратили вниманіе? Очень хорошо. Именно. Такъ, такъ.

Явно для всѣхъ находящихся въ комнатѣ, что онъ въ духѣ и радуется.

IV.

Жизнь онъ велъ скромную, можно сказать отшельническую, въ гости ни къ кому не ходилъ, театровъ и общественныхъ собраній не посѣщалъ и о томъ, какъ тамъ люди время проводятъ, имѣлъ весьма смутное представленіе.—„Бьютъ баклуши, чего тамъ болѣе дѣлать".

Коллеги его, не менѣе чѣмъ онъ извѣстные, но болѣе счастливые доктора медицины, имѣвшіе дѣло не съ мертвыми, а съ живыми людьми и притомъ всего чаще съ богатыми, ѣздили на свои лекціи въ колясках, на кровныхъ рысакахъ и, развалясь на мягкихъ подушкахъ, свысока оглядывали улицу направо и налѣво, вотъ, молъ, что можетъ дать человѣку съ умомъ наука. Они имѣли роскошныя квартиры, съ дорогой, бьющей на эффектъ обстановкой и грубыми лакеями, тоже кормившимися „около науки" и продававшими приходящимъ больнымъ право очереди для входа въ ихъ святилища за синенькія и зелененькія бумажки.

Ничего подобнаго онъ не желалъ. Бывало проходитъ по обыкновенію пѣшкомъ мимо клиники знаменитаго доктора-практика и, замѣтивъ щегольской экипажъ, гнѣвно хмурится.

— Это непремѣнно какой-нибудь студентишко чванится богатствомъ своихъ родителей, думаетъ онъ,—отъ такого толку ждать нечего. Ужь навѣрно, каналья, отвратительно учится.

Тучный кучеръ пренебрежительно коситъ на него свои заплывшіе жиромъ глаза, какъ коситъ ихъ на всякаго пѣшехода. Проходя мимо, онъ не замѣчаетъ, что кучеръ уже успѣлъ потерять значительную часть важности и уже осаживаетъ своихъ рысаковъ назадъ, уступая мѣсто у подъѣзда другому не менѣе тучному кучеру, доставившему къ клиникѣ еще болѣе знаменитаго доктора, чѣмъ его хозяинъ. Онъ понятія не имѣетъ о томъ, какія житейскія выгоды даетъ наука не только знаменитымъ докторамъ, но даже и ихъ кучерамъ. Подобно древнему мудрецу, проходившему чрезъ торжище, заваленное разнообразными товарами, онъ могъ сказать: „однако, какъ много есть на свѣтѣ вещей, которыхъ мнѣ совсѣмъ ненужно".

Самый выборъ науки, къ которой онъ былъ всей душой преданъ, указывалъ на его безкорытіе и пренебреженіе ко всякимъ матеріальнымъ преимуществамъ. Онъ дѣло имѣлъ

почти исключительно только съ мертвыми, а отъ мертвыхъ какая же кому польза. Много, много что перепадетъ иной разъ благоволеніе свыше или цѣнная вещица рублей въ пятьсотъ за труды по вскрытію и бальзамированію тѣла лица высокаго происхожденія. Даже и подобный случай былъ ему въ тягость.

— Ахъ, хмурясь и покачивая головой, вздыхалъ онъ, получивъ приглашеніе, какъ жаль! Эта процедура много времени отниметъ... Впрочемъ, можетъ быть, окажется, что-нибудь и любопытное...

Но потому, какъ онъ хмурилъ брови, садясь въ карету съ ливрейными лакеями, и съ какими отрывистыми вопросами обращался къ сопровождавшимъ его помощникамъ — можно было заключить, что ожиданіе „любопытнаго" въ смыслѣ какой-нибудь аномаліи въ трупѣ пересиливалось въ немъ другимъ чувствомъ, именно сознаніемъ, что онъ „выбитъ изъ колеи".

V.

Онъ жилъ на одной и той же квартирѣ болѣе тридцати лѣтъ и прожилъ бы, пожалуй, дольше, да домъ по ветхости потребовалъ капитальнаго ремонта. Когда хозяинъ дома заявилъ ему объ этомъ — онъ растерялся.

— Переѣхать? То-есть какъ же это?... Что такое? Позвольте... Плату за квартиру вы получаете аккуратно. Жильцы мы съ женой тихіе. Ни дѣтей, ни собакъ, ни шумныхъ собраній у насъ нѣтъ. Никакихъ даже собраній... Не понимаю. А впрочемъ мнѣ и времени нѣтъ съ вами разговаривать. Амалія!

Онъ позвалъ жену, молча и сердитымъ жестомъ показалъ ей обѣими руками на хозяина дома — вотъ, молъ, разговаривай съ нимъ, какъ знаешь, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Хозяинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дверь, за которой онъ скрылся, и, пожавъ плечами, заговорилъ съ его женой шепотомъ.

— Я же ждалъ, пока могъ, и то вѣдь, припомните, третій уже годъ отсрочиваю, больше не могу.

— Но какъ же намъ быть, куда мы дѣнемся?

— Мало ли квартиръ. Были бы деньги.

— Ахъ, Боже мой, не въ деньгахъ дѣло. Какой ужасъ, какой ужасъ!

Амалія добродушнѣйшая старушка, ухаживавшая за сво-

имъ Артуромъ съ любовію матери, была по этому случаю въ большомъ огорченіи, главнымъ образомъ, разумѣется, оттого, что онъ „озабоченъ". Она оберегала его отъ всякихъ житейскихъ хлопотъ по отношенію къ людямъ, къ домашнему хозяйству и простирала свои заботы о немъ до того, что устраивала для него бумажныя лодочки и коробочки съ тою цѣлью, чтобы въ то время, когда онъ принималъ ванну, онѣ плавали предъ нимъ и по возможности отвлекали его отъ сложныхъ и глубокомысленныхъ соображеній. И вдругъ теперь такое непріятное обстоятельство, нужно перемѣнять квартиру, нужно нарушать порядокъ его жизни и можетъ быть на цѣлый день. Она была средняго, почти маленькаго роста старушка, нѣсколько уже сгорбившаяся отъ лѣтъ, но еще достаточно живая и сообразительная. Большіе темные глаза, когда-то лучистые и съ задумчивымъ выраженіемъ, теперь слезившіеся и впалые, обильно окруженные морщинами, все-таки сохраняли еще слѣды прежней красоты. Въ общемъ лицо ея напоминало портреты рембрандтовскихъ старушекъ, добрыхъ и симпатичныхъ, съ тою разницею, что она была значительно моложе и крѣпче ихъ. Этимъ объясняется, что съ такимъ „ужаснымъ" обстоятельствомъ, какъ перемѣна квартиры, она могла еще справиться. Квартиру она отыскала сама и безъ вѣдома Артура наняла ее, зная очень хорошо, что онъ при этомъ былъ совершенно лишнимъ и, пожалуй, даже помѣшалъ бы. Переселеніе на новую квартиру было сдѣлано также безъ его участія, только въ день переѣзда онъ былъ предувѣдомленъ, что вечеромъ, по окончаніи занятій въ Анатомическомъ, долженъ будетъ нѣсколько измѣнить свой путь на квартиру и, выйдя на подъѣздъ, повернуть не направо, а налѣво. Для этого на всякій случай было поручено одному изъ служащихъ въ институтѣ поприсмотрѣть за нимъ. Дѣйствительно, онъ повернулъ-было на старую квартиру, но во-время былъ направленъ на надлежащій путь и, придя на новоселье, поблагодарилъ жену за ея о немъ заботы и даже поцѣловалъ у нея руку. Благодарить было за что; но говоря уже о красотѣ и чистотѣ новой квартиры, въ ней всѣ его книги и препараты были по возможности расположены на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ помѣщались въ прежней квартирѣ.

Послѣ вечерняго чаю, какъ только онъ присѣлъ къ своему письменному столу, такъ тотчасъ же и позабылъ, что находится на новой квартирѣ: и картины (большею частью анатомическіе атласы), и портреты друзей, и разстановка мебели, и словомъ все то, что онъ привыкъ видѣть около себя,

не исключая вышитаго бисеромъ башмачка для карманныхъ часовъ, висѣвшаго въ прежнемъ кабинетѣ на стѣнѣ предъ массивнымъ диваномъ краснаго дерева, обитымъ кожей,—все было здѣсь на его глазахъ. Однако жъ на другой день послѣ утренняго кофе, собравшись по обычаю въ Анатомическій, онъ будучи уже въ пальто и калошахъ, вновь вспомнилъ, что находится на новосельи и опять поцѣловалъ женѣ руку.

— О, я понимаю... Сколько заботъ, сколько хлопотъ... Очень благодарю.

— Ахъ, другъ мой... никакихъ хлопотъ.

— Но вотъ что, вдругъ нахмурясь и озабоченно оглядывая потолки, спросилъ онъ,—обратила ли ты вниманіе на то, что домъ новый и прочный?

— О, да.

— И ты надѣешься, что онъ не будетъ потомъ, какъ домъ прежней нашей квартиры...

— То-есть какъ... я не понимаю.

— Гм, я говорю именно въ томъ смыслѣ, что если намъ опять придется испытать переселеніе... въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ...

— Зачѣмъ же! Эта квартира очень хороша.

— И прежняя, припомни, тоже была когда-то хороша.

Онъ точно боялся, чтобы ему не пришлось опять перемѣнять квартиру, если домъ лѣтъ черезъ тридцать обветшаетъ и потребуетъ капитальнаго ремонта. Окруженный съ утра до вечера явленіями смерти, онъ какъ-будто считалъ себя внѣ ея вліянія и не замѣчалъ, что старость уже угрюмо забирается на его плечи.

Этотъ разговоръ о квартирѣ, въ первый и послѣдній разъ имъ возбужденный, имѣлъ даже комическое окончаніе.

— Ну что дѣлать, сказалъ онъ въ заключеніе его. Во всякомъ случаѣ надо покориться обстоятельствамъ. Помнишь пословицу: „послѣ ужина на лошадкѣ не поскачешь“.

— Какая это пословица, я не понимаю.

— Ахъ, Амалія, это хорошая русская пословица.

Съ тѣмъ онъ и ушелъ къ своимъ трупамъ. Оказывается, что онъ хотѣлъ сказать—суженаго конемъ не объѣдешь, но перепуталъ слова.

VI.

Зимніе вечера долги, и съ четырехъ часовъ до девяти можно вдоволь наработаться, занимаясь хотя бы даже и

такимъ интереснымъ предметомъ, каковымъ была для него анатомія. Но ему и этого было мало. Кончатъ практическія занятія студенты, уйдетъ прозекторъ и помощники его, и останутся въ корридорахъ одни только служители, а онъ все еще сидитъ въ своемъ кабинетѣ, пишетъ, читаетъ, разсматриваетъ что-то въ микроскопъ или ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину и нахмуривъ брови. Служители перешептываются между собою, заглядываютъ къ нему въ комнату въ дверную щель и видя, что онъ пересталъ ходить и снова перебираетъ на столѣ какія-то кости, вздыхаютъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи, скоро ли онъ уйдетъ. Дождавшись наконецъ его ухода, они гасятъ огни и, оставивъ одинъ едва мерцающій рожокъ въ корридорѣ, спѣшатъ закончить работы этого дня и перенести изъ мертвецкой въ анатомическіе залы назначенное на завтра число труповъ. Одинъ носитъ дрова, взваливъ вязанку ихъ къ себѣ на плечи, другой таскаетъ трупы, волоча ихъ на спинѣ и устанавливая ихъ гдѣ-нибудь около стѣны зала, поближе къ печи, для того чтобы они успѣли къ утру слѣдующаго дня надлежащимъ образомъ оттаять. Какъ тотъ, такъ и другой одинаково невозмутимо апатичны въ своемъ дѣлѣ и между носкою дровъ и тасканіемъ труповъ нѣтъ для нихъ никакой разницы. Иногда дежурный служитель, не имѣющій возможности уйти въ свою конуру спать, пока не истопятся печи, дремлетъ тутъ же около оттаеваемыхъ труповъ и, посасывая „носогрѣйку", размышляетъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, всегда связанныхъ съ мыслію о пріятномъ заведеніи „Распивочно и навыносъ".

— Да, времена нонѣ тугія стали, бормочетъ онъ самъ съ собой, не перепадаетъ что-то копѣйка. Вотъ прошлый разъ удалось — сразу рублевку получилъ, собаченку добылъ. Студентикъ-то, должно полагать, богатенькій и даже не торговался; просилъ еще раздобыться парочкой, а гдѣ ихъ взять—смышлены и они стали—не поддаются. Сетерокъ тутъ бѣгаетъ желтенькій, бойкій такой и веселый, хвостъ мохнатый, трубой!..

Онъ задумывается о способахъ, при помощи которыхъ можно обойдти довѣрчиваго сетерка и выдать его на закланіе студенту. Трупы стоятъ прислоненные къ стѣнамъ, нѣкоторые изъ нихъ съ застывшимъ взглядомъ раскрытыхъ безжизненныхъ глазъ, другіе съ полуоткрытыми глазами, точно щурятся и подмигиваютъ одинъ другому или какъ-будто хотятъ высказать дремлющему служителю упрекъ

за его безсердечное и коварное намѣреніе на счетъ желтенькаго сетерка. Случается, иной трупъ, оттаявъ, сваливается на полъ и нарушаетъ своимъ паденіемъ его раздумье.

— Ну, что тамъ такое еще... ворчитъ онъ. Ишь, безпокойный какой, стоять не хочешь. Ты думаешь, ежели умеръ, такъ и конецъ. Нѣтъ, милый, погоди. Настоящая резолюція будетъ тебѣ только завтра.

VII.

Годы, однако, клали на Краббе свою печать и, какъ онъ ни старался держаться прямо, все-таки уже начали они горбить его спину. Съ каждымъ годомъ становилось замѣтнѣе, что хотя онъ бодро еще держится, но уже не тотъ, не прежній работникъ, не знавшій съ утра до вечера утомленія, и что, пожалуй, пора подумывать о кандидатѣ на его мѣсто. Тутъ же среди распластанныхъ на части труповъ, тутъ же, въ царствѣ смерти, слышались уже между его сослуживцами разговоры о томъ, кого думаетъ высшее начальство назначить на его мѣсто „по протекціи“ и кто въ дѣйствительности достойный его кандидатъ. Прозекторъ считалъ достойнымъ самого себя, помощникъ его былъ того же мнѣнія и, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что, съ назначеніемъ прозектора на мѣсто состарившагося Краббе, самъ мѣтилъ на мѣсто прозектора. Лица, стоявшія по службѣ ниже помощника прозектора, тоже, въ свою очередь, мѣтили на повышеніе, и не безъ пытливости заглядывали иногда въ глаза своимъ начальникамъ—скоро ли, молъ, перемѣна и неразрывно соединенная съ нею прибавка жалованья.

Въ числѣ ученыхъ, подчиненныхъ Краббе въ служебномъ порядкѣ, находился нѣкій безпокойный мужъ, перемѣнившій въ теченіе своей многотревожной жизни до десяти мѣстъ и ни одного изъ нихъ не оставившій безъ ссоръ съ сослуживцами. О его неуживчивомъ характерѣ давно уже знало и высшее начальство, такъ какъ онъ, при каждой своей ссорѣ, посылалъ въ Петербургъ заявленія и не только по почтѣ, но даже по телеграфу, такого, напримѣръ, содержанія: „Огорченъ и не могу здѣсь оставаться. Прошу дать другое назначеніе“. Или: „Терпѣніе мое истощено, самолюбіе оскорблено. Господинъ N, начальникъ мой, въ общежитіи невозможный человѣкъ. Убѣдительнѣйше прошу перевода“.

Зная о его скитальческой жизни и стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, Краббе пристроилъ его къ Анатомическому уже сверхштатнымъ, въ видѣ вольнонаемнаго, и именно съ тою цѣлію, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо затѣянныхъ имъ ссоръ и пререканій, имѣть возможность отдѣлаться отъ него безъ хлопотъ.

Этотъ безпокойный и въ сущности несчастный человѣкъ, не сумѣвшій при своихъ ученыхъ заслугахъ устроить свою жизнь такъ, чтобы имѣть на шестомъ десяткѣ лѣтъ обезпеченный кровъ и кусокъ хлѣба,—не разъ уже и громко, съ свойственной ему безцеремонностью, заявлялъ, что пора положить предѣлъ службѣ такого старица, уже „песокъ-де сыплется".

— Я не отрицаю, горячился онъ,—напротивъ, я вполнѣ признаю его заслуги, и даже безпристрастнѣе, чѣмъ кто-либо другой. Онъ знаменитъ, и имя его въ наукѣ не умретъ. Но это одна сторона дѣла, и не о ней рѣчь. Суть въ томъ, что онъ уже почти вдвойнѣ прослужилъ положенный закономъ срокъ, и пора ему на покой. Сказано: „всякому овощу свое время".

Одни изъ сослуживцевъ, младшіе по положенію и скромные по нраву, въ отвѣтъ на такія его рѣчи отмалчивались; другіе покачивали головами, очень хорошо зная, что онъ не договариваетъ главнаго, а именно, что мѣсто Краббе слѣдуетъ предоставить не кому-либо другому, а ему.

Смѣлыя возраженія онъ слышалъ только отъ одного изъ молодыхъ докторовъ, не стѣсняясь выводившаго его на свѣжую воду. Этотъ докторъ, смуглый и больше-глазый, съ рѣзкими угловатыми движеніями и громкой рѣчью, неожиданно появлялся иногда предъ нимъ, услышавъ изъ кухни его громкій разговоръ, и переспрашивалъ:

— Такъ вы говорите, что Краббе пора на покой?

— Да. Что жъ въ этомъ непозволительнаго? Съ чего вы такъ рѣзко ко мнѣ обращаетесь?

— Я говорю въ тонъ вамъ. Если онъ для васъ громокъ, могу спустить на цѣлую октаву. Извините великодушно... Я хотѣлъ собственно узнать, кого вы именно считаете достойнымъ занять мѣсто Краббе.

— Н-ну, не знаю. Это ужь дѣло начальства. Кого оно поставитъ—увидимъ.

— Васъ, непремѣнно васъ! Извольте сообразить, кому же другому достойно и праведно занять это мѣсто. Васъ и министръ давно знаетъ по вашимъ столь частымъ къ нему жалобамъ.

Тонъ молодаго доктора, явно насмѣшливый, выводитъ его изъ терпѣнія.

— Вы, милостивый государь, кричитъ онъ съ пѣною у рта,—вы по сравненію со мною мальчишка и молокососъ; вы, милостивый государь, не смѣйте говорить со мною такимъ тономъ. Вы воображаете, что если вамъ удалось обратить на себя вниманіе Краббе, такъ вы уже и ученый. Нѣтъ, милый, рано, погоди. Нѣтъ, ты еще не доросъ до учености...

— Ха, ха! Уже на ты. Какъ дружески! смѣясь, замѣчаетъ докторъ.

Но онъ уже не слышитъ замѣчаній и, волнуясь больше прежняго, продолжаетъ.

— Ты не въ мѣру самолюбивый и самонадѣянный молодой человѣкъ, слишкомъ много себѣ позволяешь. Это тебя Краббе, по старости испортилъ, все Herr Хрѣновъ, да Herr Хрѣновъ—будущій „учёній". Нѣтъ ты еще не доросъ до учености, ты еще только въ передней храма науки, а не въ самомъ храмѣ...

Молодой докторъ встряхивалъ густыми, какъ конская грива, волосами и хохоталъ во все горло. Одни изъ сослуживцевъ хмурились, смущаясь безцеремонно крикливымъ тономъ возникшихъ между докторами пререканій, другіе хихикали, прикрывъ рты руками; въ дверяхъ корридора показывались оживленныя физіономіи служителей, полныя любопытства и ожиданія драки (что, молъ, за шумъ, а драки нѣтъ), пока кто-нибудь изъ нихъ болѣе сообразительный, услышавъ издали знакомые шаги Краббе, не прерывалъ наконецъ ихъ спора отчаянно громкимъ шепотомъ.

— Ваше высокоблагородіе! Господинъ профессоръ вже идутъ по колидору...

Подобныя сцены, споры и пререканія велись въ этомъ царствѣ смерти съ такими же чувствами зависти, гнѣва и тщеславія, какъ и въ любомъ петербургскомъ департаментѣ. Смерть, царившая тутъ на глазахъ у каждаго и непрерывно изо дня въ день, изъ часа въ часъ, никого изъ нихъ не наводила на мысли о тлѣнности и скоротечности всего земнаго. Она была здѣсь будничнымъ обычнымъ, давно присмотрѣвшимся, явленіемъ.

VIII.

Иногда Краббе, заслышавъ громкіе и рѣзкіе разговоры своихъ подчиненныхъ, входилъ въ Анатомическій съ гнѣв-

нымъ выраженіемъ лица и, хмуря брови, подозрительно оглядывалъ всѣхъ, начиная съ служителей изъ „нижнихъ воинскихъ чиновъ“ и кончая своими ближайше подчиненными. Но никому изъ нихъ онъ никогда замѣчанія не дѣлалъ и, обойдя залы, уходилъ въ свой кабинетъ. Служители, обезпокоенные его взглядами, спѣшили убраться каждый на свое мѣсто и заранѣе вытягивали руки по швамъ въ ожиданіи „головомойки“. Крупный разговоръ, громко раздававшійся до того времени по всѣмъ заламъ, переходилъ на едва слышимый шепотъ, и всѣ подчиненные, большіе и малые, каждый въ отдѣльности предугадывали, что „эта штука“ даромъ не пройдетъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени онѣ по очередно одинъ за другимъ приглашались въ кабинетъ Краббе. Что онъ имъ говорилъ, о чемъ разспрашивалъ и какія дѣлалъ внушенія,—объ этомъ исторія умалчиваетъ, извѣстно только, что выходили они оттуда потные и раскраснѣвшіеся, точно изъ жарко натопленной бани. Когда наступала очередь идти туда безпокойному ученому мужу, отъ котораго, по словамъ прозектора, всегда „сыръ-боръ загорался“, онъ нервно вздрагивалъ и, откинувъ голову назадъ, отправлялся туда крупными шагами, небрежно забросивъ руки за спину.— „Эти, молъ, финтифлюшки намъ ни-по-чемъ, мы видали виды и очень хорошо знаемъ цѣну господамъ Краббамъ. Однако жъ и признаніе цѣны „господамъ Краббамъ“, его осанистая и независимая небрежность и вызывающій взглядъ сердитыхъ глазъ куда-то вдругъ безслѣдно исчезали и именно въ ту минуту, какъ только онъ брался за ручку двери кабинета Краббе. Чрезъ нѣсколько времени онъ вылеталъ оттуда какъ бомба, красный и взволнованный съ растрепанной прической и не зналъ, въ которую сторону ему кинуться, чтобы, какъ возможно скорѣе убѣжать отъ самого себя. То онъ метался по корридору изъ одного конца въ другой, шагая скоро и частыми на этотъ разъ уже не крупными, а мелкими шагами, то уходилъ въ анатомическую кухню и тамъ, хватаясь за разные, вовсе ему ненужные, предметы, мертвыя руки, ноги и т. п., незная, зачѣмъ въ сущности тревожитъ ихъ и всматривается въ ихъ обнаженные мускулы, нервы и сухожилія. Минуту спустя онъ уже снова шагалъ по корридору, заглядывая въ растворенныя двери залъ, гдѣ, въ ожиданіи студентовъ, лежали на столахъ трупы. Попадался ли ему на глаза студентъ съ кипою растрепанныхъ книгъ подъ мышкой, спозаранку пробиравшійся въ залъ для практическихъ занятій, или встрѣчались служители, тащившіе по корридору только-что умершаго въ которой-нибудь изъ клиникъ—онъ

не замѣчалъ ни этого предмета, завернутаго въ холстъ и покачивавшагося въ немъ изъ стороны въ сторону, подобно маятнику, ни служителей, тащившихъ его съ спокойствіемъ привычки, ни студента съ книгами. Онъ былъ въ это время охваченъ только одною думою, а именно—о послѣдствіяхъ его крупнаго разговора съ Краббе. Такъ проходило иногда полчаса, часъ и болѣе, т. е. вообще столько времени, сколько было нужно для того, чтобы волненіе его кончилось, и онъ могъ бы снова пройдти въ кабинетъ Краббе. На этотъ разъ онъ шелъ туда, нѣсколько сгорбившись, съ грустнымъ выраженіемъ лица, обильно уже исполосованнаго морщинами, и заботливо оглядывалъ, всѣ ли пуговицы на его сюртукѣ цѣлы и застегнуты.

— Артуръ Генриховичъ, я къ вамъ, произносилъ онъ, пріотворяя дверь, и въ голосѣ его слышалась робкая дрожащая нота.

— А а! Herr Горюновъ. Что вамъ угодно?

— Да все то же. Помилуйте, невозможно же такъ... Сами посудите.

Онъ путается и робѣетъ. Краббе смотритъ на него пристальнымъ и задумчивымъ взглядомъ и спрашиваетъ:

— И еще что?

— Я говорю, что такъ нельзя... я прошу васъ наконецъ... Вы знаете, Артуръ Генриховичъ, продолжаетъ онъ, справившись съ своимъ волненіемъ, я не интересанъ и занимаюсь анатоміей именно потому, что люблю ее. Я съ дѣтства, чуть не съ десяти лѣтъ находилъ для себя удовольствіе присутствовать при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и, можно сказать, нетерпѣливо считалъ годы гимназическаго ученія, стремясь всей душей къ анатоміи. Вы знаете, что, кромѣ обязательныхъ занятій здѣсь, я занимаюсь еще со студентами на ихъ квартирахъ, каждый вечеръ и, разумѣется, безплатно.

— О, все это я знаю и очень цѣню и благодарю... Да!

— Такъ неужели же изъ-за какой-нибудь глупой размолвки я долженъ опять уйдти отъ любимаго и дорогаго для меня дѣла? Извѣстно вамъ, что я уже, такъ сказать, усталый боецъ, усмиренный житейскими невзгодами и огорченіями...

— Ну, и что же еще? безстрастно спрашиваетъ Краббе.

— А то именно, что вы должны отмѣнить ваше рѣшеніе.

— Гм-гм!

Краббе молчитъ нѣсколько времени и потомъ спрашиваетъ.

— Въ который это разъ?

Теперь уже Горюновъ молчитъ и нервно мнетъ свои костлявыя и морщинистыя руки одну въ другой!

— Гм-гм! Счетъ, дѣйствительно, нѣсколько затруднителенъ, продолжаетъ Краббе, но Богъ съ нимъ. Къ дѣлу. Вы, слѣдовательно, желаете остаться?

— Н-да.

— Вы, слѣдовательно, просите забыть, что двадцать минутъ тому назадъ говорили другое и даже съ презрѣніемъ относились къ службѣ со мною...

— Ахъ, мало ли что въ горячности...

— О, въ горячности, конечно... Но вы все-таки сознаетесь, что позволили себѣ много лишняго и главное тамъ въ залахъ. Ну какъ же можно. Какой примѣръ служащимъ и студентамъ.

— Студентовъ не было ни одного, поспѣшно подсказываетъ Горюновъ.

— Это счастіе.

Краббе сидитъ, задумчиво склонивъ голову къ бумагамъ, Горюновъ стоитъ около стола и ждетъ рѣшающаго слова.

— Вы сознаетесь?

— Н-да, конечно.

Краббе глубоко вздыхаетъ и потомъ, помолчавъ, говоритъ.

— Хорошо. Идите.

Горюновъ немедленно удаляется, зная по многократнымъ случаямъ, что оставаться въ его кабинетѣ безъ надобности нельзя. Чувствуя снова у себя подъ ногами почву, которая опять чуть-чуть было не выскользнула, онъ идетъ на кухню и шипитъ тамъ на молодаго Хрѣнова.

— Чортъ бы васъ побралъ! Сколько мнѣ за васъ непріятностей!

Хрѣновъ въ клеенчатомъ фартукѣ, съ засученными по локоть рукавами рубашки, стоитъ по срединѣ кухни съ мертвой головой въ рукахъ и беззвучно хохочетъ, сжавъ губы. Лицо его красно отъ напряженія, щеки надулись и глаза полны слезъ, вотъ-вотъ, сейчасъ его прорветъ: губы раскроются и по всѣмъ заламъ Анатомическаго раздастся его громкій, раскатистый хохотъ.

IX.

И сталъ наконецъ Краббе настоящимъ старикомъ, сморщился, сгорбился и головой поникъ. Онъ не только перепутывалъ значеніе словъ въ русскихъ пословицахъ, но и въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ сталъ уже впадать въ ошибки.

— Эхъ, это не такъ, не то... Это вотъ что, поправлялся онъ, смущенно путаясь въ словахъ,—и какая, подумаешь, разсѣянность! А отчего? Оттого именно, что вчера нѣсколько не доспалъ. Вотъ что значитъ сонъ! А что такое сонъ? Хе, хе... На этотъ вопросъ не только наша анатомія, мать, такъ сказать, всѣхъ медицинскихъ наукъ, но и физіологія затрудняется отвѣтить. О психологіи я уже и не говорю. Психологія? Что такое психологія, хе, хе. Наука о душѣ. Душа что такое, о! это вопросъ сложный и весьма спорный..

Онъ хотѣлъ самъ себя обмануть и дѣйствительно обманывалъ, объясняя упадокъ своихъ силъ разными случайными явленіями, то не доспалъ, то переспалъ и т. под. Зрѣніе его точно также слабѣло, и утрату его онъ объяснялъ тоже разными посторонними обстоятельствами.

— Что это, Амалія, посмотри пожалуйста, ворчалъ онъ по вечерамъ, садясь за письменный столъ,—что это съ лампами дѣлается: прибавишь свѣту—коптятъ; убавишь—мракъ. Я уже и свѣчи зажегъ, а все темно.

— Да, что-то не такъ, уклончиво отвѣчала жена,—вѣроятно попортились; надо отдать поправить или перемѣнить...

Пришло наконецъ такое время, что онъ не только пересталъ приходить на вечернія занятія въ Анатомическій, но даже и днемъ сталъ оставаться тамъ не болѣе какъ на часъ, а то и менѣе.

— Ну сегодня я, господа, что-то утомился. Вчера, признаться, пересидѣлъ лишнее, здѣсь же, впрочемъ, въ препаровочной... Солнышко такъ пріятно свѣтитъ, я пойду погуляю.

Его стали занимать теперь такія мелочи, о которыхъ прежде онъ и помышленія не имѣлъ. Бывало, при полученіи жалованья пересчитаетъ на скоро бумажки, скомкаетъ ихъ въ кулакѣ и небрежно сунетъ въ карманъ. Теперь же казначей едва-едва отдѣлается отъ него. Деньги начнетъ пересчитывать, чуть не каждую бумажку разглядываетъ, не фальшивая ли и не двѣ ли за одну считаетъ: ошибается, молъ, казначей и надѣлаетъ себѣ убытку, а я, молъ, чужимъ промахомъ пользоваться не желаю. Казначей смотритъ на него и думаетъ:—Эхъ, какъ копается! Десять человѣкъ можно было отпустить за это время; ну, слава Богу, досчитываетъ и сейчасъ уйдетъ. Оказывается нѣтъ: онъ пересчиталъ бумажки и спрашиваетъ:

— Вотъ что я васъ попрошу, господинъ казначей, не можете ли вы мнѣ сдѣлать одолженіе—извините, что задерживаю, но все-таки ужь не откажите, если есть возможность—

дѣло въ томъ, видите ли, что съ крупными деньгами иногда бываетъ очень хлопотливо... Я бы вамъ далъ красненькихъ штукъ съ пятокъ, а вы мнѣ зелененькихъ, троечекъ, то-есть...

— Хорошо, извольте, извольте.

Опять начинается пересчитываніе, медленное и обстоятельное.

Казначей думаетъ:

— Ну, слава Богу, вотъ и конецъ, теперь отдѣлаюсь отъ него опять на цѣлый мѣсяцъ.

Оказывается, что это еще не конецъ.

— Вотъ еще что я хочу у васъ попросить, продолжаетъ онъ,—продлите ужь вашу любезность, дайте и серебреца, хоть рубликовъ на пять.

Онъ пересчитываетъ серебро тоже, разумѣется, не торопясь, укладываетъ его потомъ въ сумочку и наконецъ дѣйствительно уже уходитъ.

Другіе, давно ожидающіе очерки получить деньги, перешептываются, смотря ему вслѣдъ.

— Какой однако сталъ онъ кропотливый и липкій.

— Да, былъ конь. И по здоровью, и по работѣ богатырь былъ, а теперь что—развалина...

— Скоро, говорятъ, онъ уже и на покой...

Между его сослуживцами давно уже прекратились споры о томъ, кто будетъ назначенъ на его мѣсто; фактически оно уже было занято другимъ, опредѣленнымъ пока „помощникомъ“. Горюновъ, какъ того и ждать слѣдовало, сталъ роптать, что его „безсовѣстно обошли“. Не имѣя терпѣнія выждать разъясненія вопроса о своемъ положеніи при будущемъ начальникѣ, онъ воспламенился, какъ порохъ, и безцеремонно налетѣлъ на старика Краббе съ упреками.

— Я служилъ, не жалѣя силъ, я приватные уроки студентамъ давалъ, я каждый вечеръ безплатно занимался съ ними по пяти часовъ—и чѣмъ же за это расплата? Я нищій, не имѣю, можно сказать, мѣста, гдѣ голову преклонить, а вы въ чинахъ и орденахъ. Гдѣ же правда? И если вы, зная мои ученые труды и заслуги, не оцѣнили ихъ, то какой, съ позволенія сказать, дьяволъ ихъ оцѣнитъ?

И пошелъ, и пошелъ, не давая старику слова выговорить. Волнуясь и раздражаясь, онъ договорился, наконецъ, до того, что обругалъ его беззубой обезьяной.

— Но позвольте, Herr Горюновъ, прикройте свои клапаны, прервалъ наконецъ Краббе, брань уже къ дѣлу не относится, и не могу же я отвѣчать вамъ тоже бранью. Ди-

намитомъ или нитроглицериномъ вы начинены—пока неизвѣстно; потомъ при вскрытіи, разумѣется, все узнаемъ...

— Кого будутъ ранѣе вскрывать—увидимъ. Объ этомъ еще старуха на двое сказала, поспѣшно возразилъ Горюновъ.

— Искренній вамъ совѣтъ, продолжалъ Краббе—идите и выпейте холодной воды, и количествомъ не стѣсняйтесь: чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Хе, хе...

Возмущенный его спокойствіемъ, Горюновъ вышелъ изъ кабинета съ такою поспѣшностію, точно настеганный. Краббе посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой и принялся за прежнее занятіе.

Послѣ такой грубости Горюнова можно было предположить, что онъ уже не будетъ болѣе ему покровительствовать. Оказалось—напротивъ. На другой же день утромъ онъ отправился къ высшему начальству и говорилъ о Горюновѣ слѣдующее.

— О, онъ горячій человѣкъ и работникъ тоже горячій. Онъ очень много и глупо иногда кричитъ, но работаетъ тоже очень много и очень хорошо. Глупости, по-моему, слѣдуетъ забывать, а хорошую работу забывать не слѣдуетъ.

Слова его были на столько вѣски въ глазахъ начальства, что Горюновъ продержался потомъ при его преемникѣ еще съ мѣсяцъ. Продержался бы, можетъ быть, и больше, но преемникъ не способенъ былъ забывать ради дѣла „глупости“ и ставилъ ему „всякое слово въ строку“.

X.

Наступилъ, наконецъ, день сорокалѣтней службы Краббе. Справили ему юбилей и уволили въ отставку.

Привыкнувъ къ ежедневнымъ занятіямъ, непрерывно продолжавшимся въ теченіе цѣлой жизни, онъ сталъ хвататься за все, что прямо или косвенно съ ними соприкасалось: ходилъ въ Анатомическій, разсматривалъ разныя стклянки и банки, съ препаратами, сохранявшимися въ спирту и что-то записывалъ.

— Есть у меня нѣкоторыя неоконченныя по этой части работы и весьма любопытныя, объяснялъ онъ своему преемнику.

Иногда объясненія его были довольно продолжительны, и преемникъ, выслушивая ихъ, хотя и говорилъ вслухъ, что работа его вообще „очень, очень интересна“, а про себя думалъ:—„Господи, какая тоска съ этимъ старикомъ“.

Случалось, дней по пяти онъ не появлялся въ Анатомическомъ, и преемникъ уже начиналъ испытывать пріятное чувство освобожденія отъ его непрошенныхъ бесѣдъ. Но пріятное чувство не успѣвало еще въ достаточной степени окрѣпнуть, какъ старичекъ вновь появлялся передъ его глазами.

— Мнѣ вотъ еще что—гм, необходимо, и даже могу сказать до чрезвычайности, заявлялъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій,—у меня, видите ли, есть тутъ гдѣ-то, именно вотъ здѣсь въ кабинетѣ, а можетъ быть впрочемъ и тамъ, на верху, гдѣ стоятъ препараты, несомнѣнно только здѣсь, въ Анатомическомъ, да, да... Есть, видите ли одна брошюра по моимъ послѣднимъ работамъ. Мнѣ нужно ее Вирхову отправить. Онъ несомнѣнно ею заинтересуется. Она здѣсь, тутъ гдѣ-нибудь... Какъ на зло я всѣ экземпляры ея раздалъ, кому слѣдуетъ, а для Вирхова-то и не оставилъ, тогда какъ ему непремѣнно и именно ему главнымъ образомъ нужно ее отправить.

Начинались поиски по ящикамъ, по полкамъ, требовались къ допросу подчиненные старшіе и младшіе, и даже служители „изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ".

— Вотъ что, другъ мой, обращался онъ, уставивъ тусклый взглядъ на стоявшаго передъ нимъ въ вытяжку служителя,—не видалъ ли ты вотъ здѣсь въ бумагахъ...

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, не знаю, поспѣшно отвѣчалъ служитель.

— Ахъ, Богъ мой! Отвѣчаешь, не зная, даже о чемъ тебя спрашиваютъ. Впрочемъ, ты всегда нѣсколько путаешь по твоей неизлѣчимой слабости къ Бахусу.

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Довольно, довольно... Вотъ тотъ другой можетъ быть знаетъ. Эй ты, какъ тебя, Павловъ, кажется!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—Крашенинниковъ.

— Ну-да, ну-да. Именно Крашенинниковъ. Я такъ тебя и назвалъ. Я очень хорошо помню твою фамилію. Такъ вотъ что, милый мой, Павл... то-есть Крашенинниковъ. Да, да, именно Крашенинниковъ. Какъ же, какъ же, я отлично помню... Такъ вотъ ты, Крашенинниковъ, не видалъ ли, вотъ тутъ у меня, вотъ здѣсь на этажеркѣ лежали тетради.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Прекрасно, если слушаешь. Дѣло въ томъ именно, что тутъ въ числѣ тетрадей была одна въ желтаго цвѣта обэрткѣ. Не замѣчалъ ли ты ее и не помнишь ли, куда именно она положена?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Гм... Ну что дѣлать. Такъ, значитъ, и запишемъ. Вѣроятно я гдѣ-нибудь ее заложилъ въ своихъ бумагахъ. Попробую еще въ нихъ порыться. Во всякомъ случаѣ найти ее непремѣнно нужно. Главнымъ образомъ для Вирхова: онъ несомнѣнно ей интересуется.

Потомъ чрезъ нѣсколько времени онъ снова появлялся въ Анатомическомъ, писалъ, читалъ, работалъ въ препаровочной и, уходя, чуть не каждый разъ заявлялъ:

— Скоро, друзья мои, скоро я васъ оставлю. Я собираюсь заграницу... Теперь только задержка за полученіемъ документовъ о выходѣ въ отставку... Да, послужилъ. И еще бы послужилъ, ибо силъ у меня еще, слава Богу, достаточно... Ну, что дѣлать, добавлялъ онъ, помолчавъ.

Это молчаніе и слѣдующій за нимъ вздохъ и наконецъ самый тонъ его рѣчи—все указывало на то, что въ глубинѣ души онъ какъ будто имѣетъ горькое чувство неудовольствія на кого-то или сожалѣнія о чемъ-то, вѣрнѣе, сожалѣнія и именно о томъ, что жизнь уходитъ.

Получивъ указъ объ отставкѣ, онъ пришелъ въ институтъ уже съ жалобой.

— Послушайте. Такъ нельзя. Вы что же это мнѣ написали, заговорилъ онъ,—вы пропустили въ моей службѣ, можно сказать, самое главное.

— Что такое?

— Да какъ же. Помилосердуйте. Да вѣдь я анатомировалъ царя и двухъ царицъ. Это вы непремѣнно мнѣ должны помѣстить въ указъ объ отставкѣ. Я поѣду заграницу и Вирхову покажу, и Гиртлю. Они этимъ несомнѣнно заинтересуются...

— Уфъ, тяжко. Нашъ старикъ наконецъ становится невыносимъ, ворчалъ его преемникъ. Скоро ли наконецъ онъ уѣдетъ?

XI.

Онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ заграницу, хватаясь за послѣднія нити своихъ житейскихъ интересовъ. Его Амалія уже ни на шагъ не разлучалась съ нимъ, зная, что онъ очень плохо видитъ (хотя самъ онъ всегда утверждалъ противное). Былъ ли онъ у Вирхова и что съ нимъ говорилъ и какъ хвалился полученными въ Россіи почестями—неизвѣстно. Но послѣ визита къ Гиртлю, котораго онъ нашелъ уже на одрѣ болѣзни совсѣмъ лишеннымъ зрѣнія, съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

— Амалія, что же это такое, жаловался онъ сквозь слезы,—Гиртль-то, а! Мой добрый Гиртль, слышала, Амалія, вѣдь онъ лишился зрѣнія и уже безъ ногъ. Такое свѣтило, и вдругъ—ничего не видитъ. О, Боже!

Послѣ свиданія съ Гиртлемъ онъ рѣзко измѣнился, чаще сталъ задумываться и до того глубоко, что иногда даже не слыхалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Вырѣзки изъ русскихъ газетъ, въ которыхъ были напечатаны статьи о его юбилеѣ онъ уже пересталъ перечитывать, и мысль о переводѣ ихъ на нѣмецкій языкъ стала казаться ему противной

— Для чего? Для славы? Что такое слава? Вздоръ, глупый и пустой вздоръ, заманчивый лишь для мелкихъ душонокъ. Вотъ Гиртль — всесвѣтная знаменитость, а на что ему теперь слава, когда онъ на краю могилы. И слава вздоръ, и знаніе наше—мелко и мизерно. Что толку, что я знаю до мельчайшихъ тонкостей строеніе организма, всѣ законы его жизни — дыханія, движенія, питанія и печатаю объ этомъ книги, а самъ между тѣмъ не имѣю и тѣни понятія о томъ, *откуда* приходитъ эта жизнь и *куда* уходитъ. И я, подобно Гиртлю, тоже стою на краю могилы и тоже умру. Да неужели этимъ все и кончается? Для чего жить въ такомъ случаѣ? Жить для человѣчества и трудиться для его пользы и въ то же время не знать, для чего это человѣчество живетъ — это невыносимо. Зачѣмъ? Знаю одно, все равно, все неизбѣжно умираетъ. И всѣ міры, плавающіе въ безконечномъ пространствѣ вселенной, имѣютъ тоже свой роковой конецъ. И неужели во всей этой удивительной жизни нѣтъ ни смысла, ни цѣли? Возможно ли допустить мысль, что жизнь сама собой явилась, начало ея—рожденіе, а конецъ—смерть? Видимое начало и видимый конецъ! И только! Смерть наступаетъ отъ прекращенія жизни, а жизнь прекращается отъ наступленія смерти. Да развѣ это отвѣтъ—это безсмысленный наборъ словъ. Гдѣ же и когда могъ кто бы то ни было и что бы то ни было сдѣлать изъ ничего, и главное - безъ цѣли и смысла? Да, дѣло въ томъ, что цѣль эта скрыта очень, очень далеко и смыслъ ея недосягаемъ для насъ. Еслибъ я еще столько же лѣтъ прожилъ и еще столько же тысячъ труповъ разсчленилъ—и тогда бы, подобно Сократу, сказалъ бы, что знаю только то, что ничего не знаю. И Гиртль, мой добрый Гиртль, и передъ его духовными очами, какъ и предъ моими, лежатъ теперь только груды внутренностей человѣческаго тѣла, окровавленныхъ, холодныхъ, и надъ всѣмъ этимъ все тотъ же неразрѣшимый вѣчный вопросъ.

Амалія замѣчала, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ привычку разговаривать самъ съ собой и по цѣлымъ часамъ лежитъ на диванѣ, смотря тусклыми глазами куда-то въ неопредѣленное пространство. Привыкнувъ смолоду относиться съ уваженіемъ къ его ученой дѣятельности, она и теперь не рѣшалась безпокоить его вопросами, хотя и сама тоже сознавала, что дѣятельности этой приходитъ конецъ.

Отправляясь заграницу, они имѣли, повидимому, твердое намѣреніе не возвращаться болѣе въ Россію и устроиться гдѣ-нибудь въ тепломъ уголкѣ Европы, чтобы, насколько возможно, дольше и больше согрѣвать свои старыя кости подъ южными лучами солнца. Но прошло со времени отъѣзда изъ Россіи уже три мѣсяца, а они все еще не устроились и жили въ гостиницѣ. Они занимали двѣ маленькія комнаты. Въ одной, служившей пріемной и кабинетомъ, помѣщался онъ, проводя большую часть времени въ леганьи на диванѣ; въ другой — была ихъ спальня. Заглянувъ иногда съ обычной осторожностью въ его „кабинетъ" и замѣтивъ его глубокую задумчивость, она бережно притворяла дверь. Однажды она заглянула и удивилась, увидѣвъ на полу разбросанныя и порванныя на мелкія части вырѣзки изъ газетъ. Онъ лежалъ на диванѣ, заложивъ обѣ руки за голову.

— Артуръ, что это? спросила она.

— Что именно?

— Да какъ что, вѣдь это же ты такъ бережно хранилъ.

Она наклонилась къ полу, подняла нѣсколько газетныхъ обрывковъ и, все болѣе и болѣе изумляясь, спросила:

— Зачѣмъ такъ? Ты же ихъ приготовлялъ для нѣмецкихъ газетъ.

— Все вздоръ и глупости. Вели вымести.

Съ этого времени онъ сталъ еще задумчивѣе. Амалія все чаще и чаще слышала, какъ онъ самъ съ собою разговариваетъ.

— Артуръ! стала она, наконецъ, спрашивать, — о чемъ ты говоришь?

— Я? Ни о чемъ не говорю.

— Какъ ни о чемъ? Ты по цѣлымъ часамъ разговариваешь.

— Фу, какая ты смѣшная... Ты скучаешь, Амалія, вотъ тебѣ и кажется, Богъ знаетъ, что.

Она пожимала плечами и умолкала. Но чрезъ нѣсколько времени снова возникалъ подобный разговоръ. Однажды она спросила:

— Не скучаешь ли ты самъ, Артуръ?

— Я? не безъ удивленія спросилъ онъ и приподнялся съ дивана, — а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, Амалія, очень возможно такое предположеніе. Здѣсь дѣйствительно скучновато, поѣдемъ-ка лучше домой.

— Куда домой?

— Въ Россію. Тамъ мы такъ долго жили. Увидимъ старыхъ друзей... И Горюнова увидимъ. Онъ вѣдь хорошій, онъ грубый только, но очень много работаетъ. И Хрѣнова увидимъ. О, Хрѣновъ — это талантливый человѣкъ: онъ очень любитъ анатомію.

— Ну что ты выдумываешь? Какая теперь намъ поѣздка: ты по цѣлымъ недѣлямъ не выходишь изъ комнаты.

— Вотъ еще нашла отговорку. Фу, Боже мой, какъ это вы, женщины, разсуждаете,—даже удивительно.

Мысль о поѣздкѣ засѣла въ его головѣ крѣпко: только и словъ было — „поѣдемъ“ да „поѣдемъ“. Еслибы не зимнее время, то Амаліи, вѣроятно, не удалось бы удержать его отъ поѣздки. Онъ, видимо, обрадовался, что оказалась возможность ухватиться за новыя нити жизни, показавшіяся ему необыкновенно интересными, и ждалъ только весны, чтобы отправиться, по его словамъ, домой. Но весна съ теплымъ солнцемъ и съ шумомъ водъ, возбудивъ его угасающія силы, сама же и понизила ихъ потомъ. Онъ получилъ, между прочими вѣстями изъ Россіи, извѣстіе о смерти Горюнова, и оно окончательно свалило его съ ногъ.

— Умеръ Горюновъ... Да какъ же это? Да что же это? плаксиво спрашивалъ онъ жену.— Онъ былъ такой крѣпкій и совсѣмъ еще не старый. Ему, кажется, и шестидесяти еще не было; навѣрное, не больше пятидесяти пяти. Амалія, ты, вѣроятно, не все письмо прочитала.

— Какъ не все!

— Да какъ же. А о вскрытіи не читала.

— Какъ не читала—ты забылъ.

— Ну, ну вотъ, опять за старое... Что же показало вскрытіе?

— Ракъ, слышишь, я уже говорила тебѣ, что у него ракъ желудка.

— Ахъ, да, да. Отчего бы это? Ахъ, Боже мой. Ужасная вещь—ракъ. Бѣдный Горюновъ, какъ мнѣ его жаль! тосковалъ онъ, отдаваясь по временамъ порывамъ сердца;

но чрезъ нѣсколько времени анатомъ вновь просыпался въ немъ.

— Любопытно бы узнать, какой у него ракъ былъ, размышлялъ онъ,—разновидностей въ этой болѣзни много. Настоящій, *правильно* развившійся, ракъ встрѣчается не часто. У меня въ числѣ препаратовъ, подаренныхъ анатомическому институту, есть въ спирту препаратъ рака. Удивительный экземпляръ и огромныхъ размѣровъ. Смѣло могу сказать, рѣдкостный экземпляръ. Прекраснѣйшій!

XII.

Протянулъ онъ еще съ годъ, слабѣя съ каждымъ днемъ. Амалія уже рѣдко слышала его разговоры съ самимъ собой. Иногда онъ только шепталъ что-то и по временамъ хныкалъ, какъ ребенокъ.

— Артуръ, не позвать ли намъ опять доктора, спрашивала она.

— Ахъ, оставь, отвѣчалъ онъ, брезгливо морщась.

— Но о чемъ же ты плачешь?

— Я? Я не плачу. Я только такъ, немного. Другъ мой, Амалія, добавлялъ онъ иногда послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія,—добрый мой другъ, что же это такое?

— Что именно? О чемъ ты спрашиваешь?

— Я? Нѣтъ, я такъ ничего...

По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ молча, закрывъ глаза и все какъ-будто дремалъ. Амалія проводила большую часть времени у изголовья его кровати съ вѣчнымъ вязаньемъ въ рукахъ и беззвучно перебирала спицами. Вспоминалась ей Россія, квартира, въ которой они прожили лѣтъ тридцать, другая квартира, переѣздъ на которую былъ такъ поспѣшенъ, потомъ вспоминались вещи, мебель, посуда...

— И какъ все дешево пришлось продать! думала она, на одномъ буфетѣ сколько потеряли, и какой хорошій былъ буфетъ. Очень, очень помѣстительный, а этажерочка краснаго дерева! какая прелестная была этажерочка съ точеными ножками—и за семь рублей пятьдесятъ копѣекъ ее отдали. Очень дешево!

— Амалія! иногда спрашивалъ онъ, смотря на нее изумленнымъ взглядомъ,—когда же мы съ тобой увидимся? И вообще—увидимся ли мы когда-нибудь?

— Къ чему такія мысли, Артуръ? Богъ дастъ, ты поправишься.

*

— Ты надѣешься?

Онъ слабо жалъ исхудалой рукой ея руку и опять закрывалъ глаза.

Однажды въ сумрачный и холодный вечеръ, онъ почувствовалъ себя хуже обыкновеннаго, сталъ тревожно метаться на постели, то хватался за воротъ рубашки, то клалъ руки на грудь и не зналъ, видимо, куда удобнѣе и какъ ихъ положить.

— Что съ тобой? спросила Амалія.

— Какая ужасная погода, едва слышно прошепталъ онъ.

Она близко наклонилась къ нему и повторила вопросъ.

— Что съ тобой?

— Вѣтеръ воетъ.

— Такъ что же! Здѣсь не холодно.

— Холодно.

— Я тебя прикрою еще пледомъ.

— Ахъ, не надо, не надо, тревожно отвѣтилъ онъ.

— Да что съ тобою, Артуръ, милый мой Артуръ.

Онъ замѣтилъ на ея глазахъ слезы и, видимо, старался успокоиться.

— Ничего, это ничего, Амалія. Главное—ты не бойся.

Ей было ясно, что онъ успокаиваетъ ее и хочетъ казаться бодрѣе. Пока она уходила изъ комнаты, чтобы послать за докторомъ, ему сдѣлалось еще хуже. Онъ уже лишился самообладанія, пересталъ отвѣчать на ея вопросы или отвѣчалъ некстати и разговаривалъ самъ съ собой.

— Да, да. Это конецъ.—Это несомнѣнно конецъ. Все, что имѣетъ начало, неизбѣжно имѣетъ и конецъ. Безконечно лишь одно безначальное. А что не имѣетъ начала? Міръ. Міръ всегда существовалъ и всегда будетъ существовать, разрушаясь и вновь созидаясь въ частностяхъ. Но въ чемъ же идея? Почему Соломонъ говоритъ, что день смерти лучше дня рожденія?.. Но какъ же это? Что же это? И неужели это только одно и...

Пріѣхалъ докторъ, многозначительно нахмурился, всматриваясь въ его блѣдное лицо. На лицѣ этомъ уже лежала печать смерти. Потомъ онъ приложился головой къ его груди, опять нахмурился и, осторожно кашлянувъ раза два въ руку, отошелъ въ сторону.

Амалія не сводила съ него пытливаго взгляда и ждала, что онъ скажетъ; но онъ въ отвѣтъ на ея вопросительный взглядъ только покачалъ головой, не то въ видѣ упрека за

излишнее любопытство, не то какъ будто въ видѣ указанія на безнадежное положеніе больнаго.

Больной ужь никого не узнавалъ и, повидимому, нѣсколько даже успокоился. Но чрезъ нѣсколько времени снова сталъ метаться и разговаривать съ самимъ собой. Потомъ онъ вытянулъ обѣ руки впередъ и совсѣмъ уже другимъ тономъ, какъ-будто вдругъ чему-то удивившись, проговорилъ:

— Что это? Амалія, что это?

И замолчалъ навсегда.

Открылось ли ему въ эту таинственную минуту что-то такое, о чемъ онъ въ продолженіи своей жизни никогда даже и не думалъ, или это былъ все тотъ же неразрѣшимый вопросъ, который такъ мучилъ его въ послѣднее время—кто отвѣтитъ? „Гдѣ книжникъ, гдѣ премудръ, гдѣ совопросникъ вѣка сего?“

И это—жизнь!...

Д. СТАХѢЕВЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ РИМА И НЕАПОЛЯ.

8-е—10-е октября.—Перемѣны во внѣшности Рима.—Обновленіе стараго города.—Уничтоженіе прежнихъ улицъ, домовъ, виллъ.—Неузнаваемость Корсо, Марсова поля, Гетто.—Характеръ новыхъ построекъ.—Измѣненія въ характерѣ, наружности и языкѣ римлянъ.—Ожиданіе пріѣзда германскаго императора Вильгельма II и спѣшныя приготовленія.—Постройки на Капитоліѣ и Палатинѣ.—Ропотъ на Джунту.—Печать.—Фотолитографы.—Наканунѣ пріѣзда: на улицахъ и въ министерствахъ; объ итальянскихъ высшихъ чинахъ.—Съѣздъ германскихъ и итальянскихъ принцевъ. — Оппозиціонная печать.

Римъ, 8 октября (нов. ст.).

Много приходилось слышать отъ очевидцевъ о тѣхъ коренныхъ перемѣнахъ, которымъ подвергся „вѣчный городъ" въ послѣдніе годы; говорили о новыхъ кварталахъ, улицахъ, площадяхъ, о новой архитектурѣ домовъ, нисколько не похожей ни на старинныя палаццо римской аристократіи, ни на постройки менѣе зажиточнаго населенія, на дома средней руки. Изъ археологической литературы и газетъ знали мы также о большихъ метаморфозахъ въ центрѣ древняго Рима, около Капитолія, на Форумѣ и Палатинѣ. Оттого недавно, подъѣзжая сюда со стороны Чивита-Веккіи, мы ожидали не найти здѣсь уже многаго, къ чему глазъ привыкъ прежде, и наоборотъ, много встрѣтить такого, что появилось въ послѣдніе восемь лѣтъ, протекшіе со дня нашего выѣзда отсюда. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ еще изъ оконъ вагона мы всматривались въ общую картину обновляемаго города, пытаясь распознать въ ней старыя мѣста, церкви, виллы. Но курьерскій поѣздъ мчался быстро, и

Римъ мелькалъ предъ нами, не давая возможности разглядѣть что-нибудь ясно въ этой постоянно мѣнявшейся панорамѣ. Несомнѣнно было только одно, что мы ѣхали мимо домовъ, фабрикъ, улицъ, которыхъ не было здѣсь прежде. Ближайшіе дома и строенія были новаго стиля, большія, однообразныя, желтыя и сѣрыя. Много мелькало построекъ еще возводившихся, на которыхъ не видно было рабочихъ только по случаю воскресенья.

Скоро потомъ пришлось убѣдиться, что наши ожиданія перемѣнъ въ наружности Рима были крайне скромны; дѣйствительность превзошла ихъ въ неимовѣрной степени. Первые дни были для насъ временемъ непрерывныхъ сюрпризовъ: казалось, ходишь въ Миланѣ, Туринѣ или какомъ-нибудь другомъ вновь обстроенномъ городѣ сѣверной Италіи, а не въ Римѣ съ его оригинальной, особой, отъ всѣхъ городовъ міра его отличавшей физіономіей; не въ томъ единомъ городѣ вселенной, гдѣ было тепло, привольно, уютно и легко всякому иностранцу, откуда бы ни принесла его судьба, городѣ, котораго не полюбить было нельзя и при прощальномъ взглядѣ на который съ Монтэ-Пинчо или съ возвышенья S. Pietro in Montorio у многихъ выступала „слеза невольной грусти“, что можетъ быть этого чуднаго мѣста, этой несравненной картины уже не увидишь болѣе въ жизни... Здѣсь теперь та же наводящая уныніе архитектура многоэтажныхъ ящиковъ, предназначенныхъ для новыхъ римлянъ; тѣ же до скуки однообразныя улицы, все отличіе которыхъ заключается въ томъ, что одна изъ нихъ немножко уже, другая шире, одна длиннѣе, другая короче. Тѣ же неизмѣнныя названія, что̀ и повсюду: Corso Vittorio Emanuele, via Garibaldi, via Cavour, via Mazzini, via Principe Umberto, via Principe Amedeo и т. д., или съ именами городовъ сѣверной Италіи: via Torino, via Milano, via Alessandria и пр. Новѣйшая исторія спѣшитъ запечатлѣть себя здѣсь монументально.

Городъ не только раздался по всѣмъ направленіямъ въ окраинахъ, занявъ теперь сплошною сѣтью домовъ и улицъ прежніе сады, огороды, виноградники и пустыри и далеко выстроившись по дорогамъ, лежавшимъ прежде за его стѣнами,—нѣтъ, онъ совершенно потерялъ, измѣнилъ свою физіономію и въ центральныхъ частяхъ. Старый Римъ исчезаетъ съ каждымъ днемъ подъ ударами многотысячной арміи рабочихъ, слетѣвшейся сюда со всѣхъ концовъ королевства и поспѣшно разбирающей прежніе дома и постройки для новыхъ сооруженій; старый Римъ крошатъ,

рѣжутъ и сносятъ съ насиженнаго вѣками мѣста. Уже нѣтъ болѣе знаменитой виллы Людовизи, нѣтъ виллы Массими, разстилавшейся на мѣстѣ садовъ Саллюстія, нѣтъ садовъ и огородовъ монастыря Капуциновъ на Пинчо; смерть, по слухамъ, грозитъ и всемірно прославленной виллѣ Боргезе за Порте дель-Пополо. Да что говорить о виллахъ, когда нынѣ не узнаешь болѣе самого Корсо, какъ это и случилось со мною въ первый день по пріѣздѣ. Пробираясь отъ Пантеона къ пьяцца Барберини, я очутился на какой-то широкой улицѣ, съ новой, неизвѣстной мнѣ площадью. Высокіе, очевидно недавно выстроенные, дома съ огромными зеркальными окнами, магазины, расположенные въ нѣсколькихъ этажахъ, блескъ массы выставленныхъ товаровъ, сильное движеніе, а главное, невиданные здѣсь прежде размѣры улицы—все это было такъ ново, что я не могъ опредѣлить, куда я попалъ. Не видя надписей на углахъ, я обратился къ первому встрѣчному и спросилъ его объ ея названіи. Меня сначала съ удивленіемъ оглядѣли и потомъ уже сказали, что это—Корсо. Послѣ такого афронта, я поторопился уйти отъ улыбавшагося римлянина, очевидно видѣвшаго во мнѣ новичка, который въ первый разъ явился въ Римъ. Послѣ троекратнаго пребыванія здѣсь, послѣ цѣлой осени и зимы, проведенныхъ нами въ Римѣ въ 1874—75-мъ годахъ, этотъ урокъ былъ не изъ легкихъ. Но дѣло въ томъ, что нынѣшній Корсо сохранилъ только свое прежнее направленіе, остальное же почти все предположено снести и перестроить: его расширяютъ, старые дома ломаютъ и воздвигаютъ вмѣсто нихъ новыя, многоэтажныя громады. Сносятся домъ за домомъ.

Не узнаетъ теперь никто во многихъ мѣстахъ и прежняго Марсова поля съ его лабиринтомъ узкихъ и темныхъ переулковъ. Его также очищаютъ отъ всего стараго, для проводимыхъ здѣсь широкихъ, свѣтлыхъ, щегольскихъ улицъ. Отъ Гетто съ его, любезнымъ для живописцевъ, еврейскимъ населеніемъ не осталось камня на камнѣ. Громадныя идутъ работы на Капитоліѣ, гдѣ нѣкогда станетъ памятникъ Виктору Эммануилу, задуманный въ размѣрахъ и формахъ, которые будутъ удивлять міръ своею смѣлостью. Ни одинъ городъ въ новое время не былъ такъ радикально разрушаемъ и созидаемъ вновь. Надъ этой двойною задачей трудятся наперерывъ, наперебой, различныя акціонерныя компаніи и свои, и иностранныя. Строятъ съ южной горячностью, быстро, не помышляя нисколько о разнообразіи стилей, не заботясь о красотѣ: ящикъ чѣмъ выше, тѣмъ

лучше; чѣмъ проще, тѣмъ дешевле, тѣмъ скорѣе можно вывѣшивать объявленіе о готовыхъ квартирахъ... Сколько времени продолжится эта строительная горячка спекулянтовъ, неизвѣстно. Но самая интенсивность этой болѣзни показываетъ, что дѣло слишкомъ долго такъ идти не можетъ. Какъ ни много увеличилось населеніе Рима за послѣдніе 18 лѣтъ (въ 1870 г. ок. 215.000, теперь свыше 375.000), но домовъ настроена такая масса, что многіе изъ нихъ по окраинамъ стоятъ пустыми, и затраченный капиталъ не приноситъ своего дохода. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одна изъ этихъ компаній не знала, какъ свести концы съ концами. Постройки или прекращены совсѣмъ или по необходимости должны были двигаться тише. Много рабочаго люда, съ свѣтлыми надеждами нахлынувшаго въ Римъ со всей Италіи и прибывающаго сюда все болѣе и болѣе, осталось вслѣдствіе того безъ дѣла и куска хлѣба. Пошли шумныя сходки съ обычнымъ вопросомъ, какъ быть, гдѣ достать работы. Этотъ грозный для нихъ вопросъ длится и по сей день, несмотря на то, что множество рукъ нашло себѣ дѣло въ работахъ, предпринятыхъ въ послѣдніе мѣсяцы по случаю предстоящаго сюда пріѣзда германскаго императора Вильгельма II. Не далѣе, какъ на этихъ дняхъ была устроена у нихъ новая сходка, на которой, судя по стенографическимъ отчетамъ, произнесено было много горячихъ рѣчей на ту же неотвязную тему: „работы и хлѣба!"

Сильно измѣнился и характеръ Рима за послѣдніе годы. Этотъ прежде спокойный и уютный городъ своею тишиной, обиліемъ сокровищъ искусствъ и науки, простотою и дешевизной жизни, сзывавшій художниковъ и ученыхъ со всего свѣта, городъ, становившійся для многихъ живописцевъ и скульпторовъ второю родиной, гдѣ они поселялись на цѣлую жизнь или на многіе годы, теперь сдѣлался шумнымъ, безпокойнымъ и дорогимъ. Въ центральныхъ улицахъ сильный гамъ сталъ напоминать собою Неаполь; гвалтъ и лихорадочное движеніе поднимаются съ ранняго утра и длятся до глубокой ночи. И эти крики, этотъ шумъ совсѣмъ не тѣ, что мы встрѣчаемъ въ другихъ большихъ городахъ Европы, это не обычный шумъ болѣе населенныхъ и торговыхъ мѣстъ Москвы и Петербурга; нѣтъ, это—какіе-то вопли не то отчаянной боли, не то чрезмѣрной радости, веселья, пьяной оргіи. А на дѣлѣ оказывается, что вопитъ какой-нибудь разносчикъ газетъ, фотографій, спичекъ, фруктовъ, который и не боленъ, и не особенно веселъ. Онъ кричитъ, потому что такъ привыкъ, такъ ему легче сбыть

свой товаръ, такъ у него устроены горло и легкія. При сильномъ движеніи экипажей, при шумѣ и трескѣ переполненныхъ центральныхъ улицъ, при высотѣ домовъ, они къ тому же и вынуждены громко кричать, чтобы ихъ услышали. И вотъ они кричатъ „какъ оглашенные", оттого и стоитъ одуряющій стонъ на улицахъ. Стало шумно и безпокойно даже въ такихъ кварталахъ, которые подверглись перестройкамъ сравнительно менѣе. Какъ было хорошо прежде на via Sistina, въ этомъ постоянномъ пріютѣ художниковъ цѣлаго свѣта и какъ людно, неудобно здѣсь теперь.

Серьезность, какая-то прирожденная важность — это наслѣдіе gravitas romana—прежде были отличительной чертой и внѣшнихъ манеръ, и всего характера римлянъ. Теперь нужно потерять не мало времени на отыскиваніе такого типа между современнымъ населеніемъ, между которымъ много и сицилійцевъ, и неаполитанцевъ, и жителей сѣверной Италіи. Въ этой разнохарактерной амальгамѣ не легко найти римлянъ-уроженцевъ. Бывавшіе въ Римѣ прежде никогда не забудутъ образа статныхъ, обыкновенно спокойно-граціозныхъ въ своихъ рѣчахъ и движеніяхъ, здѣшнихъ матронъ и дѣвушекъ, такъ сильно отличавшихся этимъ своего рода величіемъ, напримѣръ, отъ вертлявыхъ и крикливыхъ неаполитанокъ. Въ настоящее время этотъ благородный типъ все болѣе и болѣе затирается пришлымъ женскимъ населеніемъ.

Прежде римское произношеніе считалось образцовымъ во всей Италіи, какъ лучшимъ языкомъ считается до сихъ поръ языкъ Тосканы. Но теперь, когда нахлынуло сюда столько провинціаловъ, принесшихъ съ собою и особенности своего мѣстнаго произношенія, справедливость поговорки La lingua Toscana nella bocca Romana, по отношенію къ этой bocca Romana, должна исчезать все больше и больше. Между нынѣшними римлянами сколько найдется сюсюкающихъ пьемонтцевъ, ломбардцевъ, венеціанцевъ, не говоря о жителяхъ южныхъ провинцій, произношеніе которыхъ носитъ еще болѣе своихъ оригинальныхъ особенностей. Эти пришельцы также дѣйствуютъ вредно на выговоръ и самый составъ разговорнаго языка, какъ во времена Римской Имперіи испортили латинскій языкъ выходцы изъ провинцій.

Но довольно грустить по невозвратномъ. Исторія и жизнь имѣютъ свои требованія, свои законы, съ которыми приходится считаться. Ходъ событій заставилъ придти къ убѣж-

денію, что оставлять Римъ въ прежнемъ видѣ нельзя. Ставши столицей королевства, онъ естественно долженъ былъ увеличиться и въ населеніи, и въ постройкахъ. Населеніе стало рости въ угрожающей пропорціи, возникъ самъ собою вопросъ о помѣщеніи. Частные люди не имѣли средствъ строиться по своему вкусу и выбору; явились на помощь акціонерныя компаніи. Купцамъ, видѣвшимъ въ этомъ только выгодную аферу, конечно, не было дѣла до художественныхъ стилей, до исторіи Рима. Итальянцы, взявъ городъ силою оружія и окропивъ его своею кровью, захотѣли потомъ вести себя здѣсь полными хозяевами. Перестраивая его, они имѣютъ въ виду только гигіеническія и экономическія условія, нисколько не считаясь съ средневѣковымъ, папскимъ Римомъ, который они теперь уничтожаютъ и сносятъ съ своего мѣста, не щадя даже церквей, уничтожая монастыри съ ихъ владѣніями, которыми этотъ городъ былъ такъ богатъ прежде. Можно и должно жалѣть, что все это дѣлается слишкомъ страстно и поспѣшно, но въ объясненіе вамъ скажутъ, что война двухъ правительствъ, духовнаго и свѣтскаго, борьба двухъ непримиримо враждебныхъ сторонъ еще не окончена; что если не грохочутъ пушки, не слышно залповъ ружейныхъ выстрѣловъ, не ломается копій, то, тѣмъ не менѣе, Ватиканомъ ведется война внутренняя, тайная, далеко скрывающаяся отъ глазъ. А разъ есть война, то à la guerre comme à la guerre. Солдатамъ не до средневѣковой археологіи, не до искусствъ, не до памятниковъ цивилизаціи, отошедшей въ область исторіи [1]).

Оставимъ грустныя размышленія, которыми не воротишь, не поправишь быстраго, роковаго хода совершающихся событій, и посмотримъ на Римъ этихъ дней, на его главный интересъ, на заботы, поглощающія теперь все его вниманіе.

Около мѣсяца римляне и на улицѣ, и въ печати, и въ частныхъ домахъ, и въ публичныхъ собраніяхъ ничѣмъ такъ сильно не были заняты, какъ пріѣздомъ германскаго императора. Этому пріѣзду придается и правительствомъ, и городскимъ управленіемъ, и обществомъ значеніе величайшаго въ новѣйшей исторіи Италіи политическаго событія. Молодой императоръ является первымъ изъ евро-

---

[1]) Употребляя послѣднюю фразу, мы имѣемъ въ виду исключительно уничтоженіе церквей и всего средневѣковаго. Къ памятникамъ античнаго Рима уваженія оказываютъ больше...

пейскихъ государей, который пріѣзжаетъ въ Римъ, какъ столицу королевства, пріѣзжаетъ оффиціально, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ такого визита, и мѣстомъ своего пребыванія избираетъ Квириналъ. Благодарное за такой открытый шагъ юное королевство, съ своей стороны, готовится принять Вильгельма II со всѣмъ почетомъ, со всею пышностью, на какую только способна казна государства и столицы. И дѣлаютъ это съ тѣмъ большей щедростью и готовностью доставить пріятное высокому гостю, что этимъ пріѣздомъ до извѣстной степени заглаживается непріятное чувство римлянъ, такъ долго и напрасно ждущихъ отвѣтнаго визита австрійскаго императора Франца-Іосифа, который, не смотря на личныя симпатіи къ королевскому дому, по политическимъ соображеніямъ медлитъ явиться въ Квириналъ. Какъ государь имперіи, преимущественно католической, онъ не можетъ не нанести этимъ кровной обиды главѣ католичества. Квириналъ и Ватиканъ, какъ два вражескіе военные стана, для него одинаково близки и одинаково опасны въ случаѣ открытаго оскорбленія одному изъ нихъ. Напрасно здѣшняя печать явно и анонимно мечетъ стрѣлы остроумія по адресу Вѣны, — о скоромъ пріѣздѣ Франца-Іосифа въ Римъ совсѣмъ не слышно.

Что же касается до императора Вильгельма II, то новизна положенія его на тронѣ, и иная роль католичества въ Германіи облегчили ему задачу этого пріѣзда. Являясь гостемъ короля Гумберта, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обижаетъ и папы Льва XIII, имѣя намѣреніе отправиться съ торжественнымъ визитомъ и къ нему.

Давно шли оживленныя приготовленія Рима къ пріему высокаго гостя. И чѣмъ ближе подходилъ этотъ всѣми ожидаемый день, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ лихорадочнѣе шли работы на Квириналѣ, Капитоліѣ, Палатинѣ, и по всѣмъ улицамъ и площадямъ города, куда предположено везти императора. Во дворцѣ, и безъ того роскошномъ внутри, отдѣлываютъ съ дорого стоющимъ блескомъ огромные аппартаменты для Вильгельма, его свиты и другихъ гостей королевскаго дома. Сюда сносили и свозили все, что есть лучшаго и дорогаго въ королевскихъ дворцахъ и помѣстьяхъ, разсѣянныхъ по всей Италіи: гобелены, мебель, дорогія разныхъ стилей и эпохъ колоссальныя историческія зеркала, массу тропическихъ растеній и т. д. По слухамъ, до 3-хъ тысячъ ремесленниковъ и рабочихъ всевозможныхъ спеціальностей заняты были на Квириналѣ съ ранняго утра и до поздняго вечера. А въ послѣднюю недѣлю шла неустанная

работа во многихъ мѣстахъ и по ночамъ при электрическомъ освѣщеніи. Заботясь о роскоши и художественномъ вкусѣ внутренняго убранства, дворецъ чистятъ и красятъ извнѣ. Не оставили при этомъ и ближайшихъ окрестностей. Какъ разъ за дворцомъ стояли два женскіе монастыря Capucine и Sacramentate и домъ Американской духовной коллегіи. Ихъ нашли нужнымъ уничтожить и исполнили это почти наканунѣ пріѣзда императора. Монахини переселены въ Неаполь, и всѣ зданія ихъ разнесены въ нѣсколько дней. Теперь все это мѣсто обведено наскоро сдѣланной стѣной, а площадь, гдѣ стояли церкви и помѣщенія монахинь и коллегія, обращена въ красивый садъ съ прудомъ, горами, множествомъ деревьевъ, тропическихъ растеній, цвѣтовъ, вся поверхность обложена дерномъ. Нечего говорить, что и глыбы камня, которыми обложены эти фантастическія горки, и дернъ, потребовавшійся сюда въ огромномъ количествѣ, и пиніи, и кедры, и столько другихъ деревьевъ и растеній—все это привезено изъ разныхъ мѣстъ. Декорація передъ дворцомъ вышла красивая, хотя отъ этого новорожденнаго сада и пахнетъ сильно цементомъ, известкой и краской. Все это, конечно, скоро бы прошло, все бы засохло подъ лучами сильно въ эти дни палившаго солнца, но, какъ нарочно, едва появился этотъ садъ на свѣтъ, полилъ дождь и развелъ въ невысохшихъ ботаническихъ сооруженіяхъ непріятную сырость. Итальянцы, съѣзжающіеся теперь со всѣхъ сторонъ, добродушно трунятъ надъ рабочими, подмазывающими эти горы и закрашивающими мѣста спайки каменныхъ глыбъ: „вотъ-де пойдетъ императоръ погулять въ этотъ садъ Семирамиды, вздумаетъ полазить по вашимъ горамъ, смотрите, не развалились бы онѣ у васъ, надѣлаете вы бѣды, а что-де выпачкается онъ въ вашей мазнѣ, это навѣрное"... Смѣются зрители, веселы и рабочіе; пошутить, поострить надъ другими и самимъ собою итальянецъ любитъ всегда, вездѣ, при какомъ угодно случаѣ.

Также точно снесенъ поразительно быстро, тоже въ 3—4 дня, палаццо Массими, нарушавшій своимъ большимъ выступомъ симметрію близъ центральнаго вокзала. Зданіе разобрали, камень и щебень увезли, и теперь тутъ открытое, ровное мѣсто, выстланное дерномъ и украшенное декоративной зеленью и деревьями. Такая быстрота работъ, напоминающая собою сказку, удивляетъ самихъ римлянъ, которые уже привыкли къ метаморфозамъ въ перестройкѣ города.

Не отстаетъ въ энергіи отъ дворцоваго вѣдомства и

Джунта, или по-нашему городская управа. Обыкновенно, какъ говорятъ, чрезвычайно экономная въ тратахъ городскихъ суммъ и, безъ вопіющей необходимости, не сдающаяся ни на какія предложенія и ходатайства о поправкахъ и общественныхъ постройкахъ, на этотъ разъ она вынуждена была отступить отъ своего правила. На коммунальный счетъ идетъ теперь многое множество работъ по всѣмъ направленіямъ города и даже за его чертою. Тріумфальный готическій павильонъ у вокзала, цѣлый лѣсъ изящныхъ мачтъ для украшенія via Nazionale германскими и національными флагами, постройка огромнаго числа мѣстъ для властей и публики, по пути шествія императора, на Палатинѣ, на пьяцца дель Пополо, спѣшныя сооруженія на Капитоліѣ и приспособленіе его палаццо для торжественнаго пріема императора, королевской фамиліи, двора и множества гостей, исправленіе путей сообщенія съ мѣстностью, гдѣ будетъ производиться парадный смотръ войскамъ, вечернія гулянья съ волшебнымъ освѣщеніемъ улицъ и площадей и т. д. и т. д.—все это потребовало колоссальныхъ затратъ, потребовало много трудовъ и хлопотъ. Въ обществѣ говорятъ о двухъ милліонахъ франковъ, истраченныхъ однимъ городомъ и семи милліонахъ—королевскою казною....

9 и 10 октября.

Праздникъ подходилъ все ближе и ближе; можно сказать, что онъ уже наступилъ и что вотъ-вотъ пріѣдетъ ожидаемый гость. Во дворцѣ, въ думѣ, въ министерствѣ, въ торговомъ и промышленномъ мірѣ, въ ежедневной прессѣ повсюду какая-то чрезмѣрно лихорадочная дѣятельность. Точно всѣ готовятся къ какому-то строгому и роковому экзамену. Въ то же самое время страшная, по словамъ газетъ и очевидцевъ, давка на желѣзныхъ дорогъ по всей Италіи. Учреждены новые поѣзда со скидкою 60%, и публика потянулась въ Римъ отовсюду, пользуясь случаемъ если не увидѣть на какое-нибудь мгновеніе императора и его свиту, то по крайней мѣрѣ побывать въ столицѣ, полюбоваться на ея праздничный видъ и принять участіе въ уличной жизни. Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на неправильность желѣзнодорожнаго движенія и запаздыванія поѣздовъ иногда на 5—6 часовъ! Опоздалъ даже королевскій поѣздъ.

Большая сутолка идетъ и по министерствамъ. На дняхъ я долженъ былъ зайти въ министерство народнаго просвѣщенія, чтобы узнать, гдѣ можно получить входный билетъ

на Форумъ во время иллюминаціи и на опредѣленное мѣсто въ настроенныхъ трибунахъ Палатина. Въ департаментѣ археологическихъ раскопокъ и музеевъ есть у меня старые знакомые. Отъ нихъ я узналъ, что билетовъ на трибуны заготовлено болѣе, чѣмъ слѣдовало, что массу ихъ роздали и что теперь едва-ли получишь ихъ. Навели однако справки, гдѣ бы узнать объ этомъ точнѣе. Оказалось, что, въ виду возникшихъ затрудненій, всѣ билеты изъ министерства просвѣщенія отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Отправляюсь туда съ письмомъ директора музеевъ Италіи г. Барнабеи (Barnabei). Тамъ прождалъ цѣлый часъ, пока освободился чиновникъ, завѣдующій этимъ дѣломъ. Аспирантовъ на этотъ вечеръ, конечно, бездна; цѣлая толпа окружила несчастнаго молодаго человѣка, который не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ предъявляемыхъ запросовъ и претензій. Давъ накричаться и наплакаться на свою жалкую долю другимъ, я передалъ ему письмо. Онъ повелъ меня въ кабинетъ и тамъ вручилъ нужную карту. И въ такое-то жгучее время здѣшніе высшіе чины государства имѣютъ возможность и желаніе оказывать любезности, стоющія безпокойства и траты времени.

Кстати о здѣшнихъ высшихъ чинахъ. У насъ работа министрами и директорами департаментовъ ведется главнымъ образомъ на дому по ночамъ и вслѣдствіе этого было бы напраснымъ трудомъ явиться въ министерство, наприм., въ 10 час. утра. Обыкновенно въ эту пору тамъ не найдешь ихъ никогда. Въ Италіи, гдѣ вечеромъ всѣ отдыхаютъ, а ночь спятъ, дѣлается совершенно наоборотъ. Министерства отпираются въ 6 часовъ утра, въ 9 чиновники и высшіе, и низшіе уже на мѣстѣ. Министръ Безелли, какъ человѣкъ еще новый и, по общимъ отзывамъ чрезвычайно энергичный, является въ свой кабинетъ даже въ 7-момъ часу утра. Остается здѣсь до 1-го часа, когда выходитъ завтракать, потомъ возвращается сюда снова и кончаетъ дѣла въ 8 часовъ. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я поинтересовался знать, какъ поступаютъ другіе. Оказалось, что директоръ археологическихъ раскопокъ, сенаторъ Фіорелли, приходитъ на службу въ 8 часовъ и остается до 6, директоръ музеевъ Италіи, комендаторъ Барнабеи начинаетъ работу въ 9 и оканчиваетъ въ 6. Въ 10 часовъ всегда уже въ своемъ министерствѣ Криспи; также и прочіе министры. Всѣ они дѣлаютъ перерывъ въ 1-мъ часу и потомъ снова возвращаются на работу. Нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ каждый день въ

опредѣленный часъ, у другихъ назначены извѣстные дни въ недѣлѣ. Нечего и говорить о низшихъ чинахъ; контроль надъ всѣмъ здѣсь крайне строгій, и денежный штрафъ или вычетъ изъ жалованья—обычная дисциплинарная мѣра. Кто любитъ поспать утромъ или привыкъ работать ночью, тому нельзя совѣтовать поступать на итальянскую службу. Но возвратимся къ главной темѣ нашей бесѣды.

Уже съѣхались дворъ, свои и германскіе принцы и принцессы, и представители дипломатическаго корпуса. 8 числа прибыли король и королева. Первымъ дѣломъ Гумберта было отправиться сейчасъ же на осмотръ приготовленій какъ во дворцѣ, такъ и по городу, не смотря на сильно лившій дождь. Пріѣхала мать королевы, герцогиня Генуэзская, принцъ Амедей съ своей юной супругой Летиціей, принцъ Генрихъ прусскій, братъ императора Вильгельма, герцогиня Саксенъ-Мейнингская Шарлотта, сестра императора съ супругомъ, извѣстнымъ любителемъ историческаго театра. Съѣздъ высокихъ гостей увеличивался каждый день. Каждый поѣздъ подвозитъ также нѣмцевъ и итальянцевъ. Въ городѣ стало тѣсно, жалобы на недостатокъ квартиръ и чрезмѣрную дороговизну гостиницъ. Комната, ходившая за 2—3 франка, возвысилась въ цѣнѣ до 10—15 франковъ. Говорятъ о ночевкѣ пріѣзжихъ провинціаловъ въ остеріяхъ и переполненіи локандъ низшаго калибра. Въ новыхъ кварталахъ много пустыхъ домовъ, но они не меблированы.

Много уличныхъ и газетныхъ разговоровъ надѣлало прибытіе изъ Берлина парадной кареты, форрейторовъ, цѣлаго штата прислуги и четверки лошадей. Парадный экипажъ предназначенъ для визита императора въ Ватиканъ. Чтобы не обижать папское правительство отказомъ отъ ватиканскихъ каретъ и появленіемъ въ экипажѣ королевскаго двора, нашли нужнымъ выслать особую употребляемую лишь въ торжественныхъ выѣздахъ victoria. Въ эти дни всё, относящееся до праздника, составляетъ предметъ какихъ-то общихъ заботъ, хлопотъ, разговоровъ. И при экспансивности южнаго темперамента, все дѣлается горячо, шумно, быстро. Немало приготовленій и въ войскѣ, стянутомъ въ Римъ въ количествѣ 30.000.

Съ вечера началось украшеніе города флагами. Пришла телеграмма о выѣздѣ императора изъ Вѣны; скоро поѣздъ принесетъ его, сначала въ провинціи, говорящія по-итальянски и затѣмъ на итальянскую границу. Горланы-разносчики газетъ просто охрипли отъ выкрикиванія по

всѣмъ улицамъ и переулкамъ Рима объ этомъ событіи. Листки разбираются на расхватъ.

Всѣ ли единодушно и съ одинаковыми намѣреніями ждутъ высокаго гостя? Большинство страны, конечно, докажетъ пріемомъ самому императору свои добрыя чувства къ высокому гостю короля и народа. Но было бы напрасно утверждать это для всего населенія Рима, для всего королевства. Не нужно быть спеціалистомъ въ политикѣ, не нужно быть даже дилеттантомъ въ ней, живя здѣсь, чтобы видѣть и враждебныя теченія. Тройственный союзъ, эта „лига мира“, закрѣпить которую имѣетъ предстоящій визитъ, далеко не пользуется общимъ сочувствіемъ въ Италіи. Политическая партія ирредентистовъ, наприм., открыто пишетъ и говоритъ о возвратѣ итальянскаго Тироля. Коммерческій и торговый міръ недоволенъ разладомъ правительства съ Франціей, произведшимъ небывалый упадокъ такихъ портовыхъ городовъ, какъ Ливорно, и банкротство стольких коммерческихъ фирмъ. Крайне натянутыя и враждебныя отношенія съ Франціей возбуждаютъ недовольство и въ интеллигенціи. Французскія же антипатіи Вильгельма здѣсь, конечно, хорошо извѣстны.

Агитація неблагопріятная для пріема дѣйствуетъ явно; собранія этой партіи совершаются открыто, и на другой день печатаются въ распространенныхъ газетахъ протоколы ея постановленій. Не далѣе какъ вчера какое-то общество Giovani Prati опубликовало въ газетѣ, которой въ разничной продажѣ расходится до 30.000 нумеровъ и половина этого посредствомъ подписки (въ Италіи подписчики и розничные покупатели всегда въ такомъ отношеніи), постановленіе, рѣзко осуждающее политику тройственнаго союза, какъ разъ по случаю предстоящаго пріѣзда германскаго императора. Это, конечно, не единственная ассоціація. Недовольство иностранной политикой рѣзко выражается и въ провинціяхъ. Вмѣстѣ и одновременно съ оффиціальными приготовленіями къ встрѣчѣ, достойной гостя и страны, зиждется и оппозиціонное явленіе—въ смыслѣ помѣхи празднику.

ПИСЬМО II.

11-го октября. Праздничный видъ города.—Горячка окончательныхъ работъ на Капитоліѣ.—Прибытіе императора и въѣздъ его въ Римъ.—Отношеніе римскаго населенія. — Красные листки.—Аресты.—12-го октября. Поѣздка императора на мѣсто предстоящаго военнаго смотра.—Торжественный визитъ въ Ватиканъ.—Строго частный характеръ папскаго пріема. — 13-е октября. Военный смотръ и раутъ на Капитоліѣ.—Разъѣздъ. — 14-е октября. Воскресный отдыхъ.—Поѣздка императора на Палатинъ и возвращеніе въ извощичьемъ экипажѣ. — 16-е октября. Отъѣздъ въ Неаполь.—Безпорядочность желѣзнодорожнаго движенія.—Неаполь.—Прибытіе императора и характеръ пріема, оказаннаго населеніемъ. — Поѣздка въ музей. — Неаполь вечеромъ.—Спускъ броненосца Re Umberto.

Римъ, 11 октября.

Съ 6 часовъ утра газетчики бѣгаютъ по улицамъ и своимъ нескончаемымъ крикомъ будятъ публику, разсовывая каждому встрѣчному раннія газеты. Въ 7 уже такой шумъ народонаселенія, который появляется въ будничное время только къ 10 часамъ. Кофейни ранѣе обыкновеннаго наполнены бездомовнымъ или нехозяйственнымъ людомъ. Городъ отъ множества флаговъ принялъ праздничный видъ. День чудный, какіе только бываютъ здѣсь въ октябрѣ, теплый, но безъ сильной жары и ясный, безъ той бѣлесоватой дымки, которой покрывается тутъ всё въ знойные лѣтніе дни. При этомъ общемъ, невольно охватывающемъ оживленіи, трудно оставаться дома; пойдемъ, посмотримъ, что̀ дѣлается въ центрѣ стараго Рима и на via Nazionale, гдѣ въ послѣднюю недѣлю сосредоточено было столько приготовленій.

Корсо представляетъ чрезвычайно пеструю и красивую картину. Разноцвѣтные флаги и выброшенные изъ оконъ и на балконахъ многочисленные ковры и куски яркихъ матерій и вмѣстѣ съ массивными гирляндами зелени, перекинутыми черезъ улицу, дѣлаютъ его очень эффектнымъ. Разломанные и строющіеся дома прикрыты щитами и здѣсь также вывѣшены германскіе и свои національные флаги. Публика снуетъ озабоченно туда и сюда, а на пьяццѣ Колонна, этомъ центрѣ всевозможныхъ разносчиковъ и празднаго люда, такой оглушительный гамъ, среди котораго только и различаешь: imperatore, imperatore, imperatore...

Но на Капитоліѣ праздникъ еще, очевидно, не наступилъ. Сколько ни торопились, работая надъ постройкою

соединительной галлереи даже по ночамъ, но стукъ, бревна, доски, краски и бѣшеная горячка исполнителей все тѣ же. Вотъ возница укладываетъ оставшійся строительный матеріалъ, чтобы увезти его и очистить мѣсто. Метельщики чистятъ лѣстницу церкви Арачели, другіе приводятъ въ порядокъ всходы на Капитолій и Тарпейскую скалу. Снуютъ чины муниципіи. И въ эту-то пору, когда площадь нужно бы также чистить, въѣзжаютъ два свадебные кортежа для заключенія брака въ Думѣ. Молодымъ нѣтъ никакого дѣла до этой злобы дня, конечно, каждый изъ нихъ чувствуетъ себя не хуже какого-нибудь властелина въ мірѣ. У нихъ свой жизненный интересъ, и они ранѣе спѣшатъ совершить установленный обрядъ, пока не закрылось присутствіе.

Съ Капитолія прохожу на via Nazionale, гдѣ скоро соберется всего больше народа, такъ какъ по ней будетъ совершаться въѣздъ на Квириналъ. Если параденъ Корсо, то эта улица залита всевозможными украшеніями. Гирлянды съ одной стороны на другую протянуты во многихъ мѣстахъ и въ извѣстной симметріи. Черезъ каждые десять метровъ цвѣтные шесты съ разнохарактерными штандартами коммунальныхъ городовъ Италіи, и большихъ, и малыхъ. Каждый городъ выставилъ здѣсь свой расшитый и разукрашенный гербъ. Уже одинъ этотъ лѣсъ мачтъ, съ развѣвающимися полотнами всѣхъ цвѣтовъ и красокъ, придаетъ оригинальный видъ улицѣ. Прибавьте къ этому по нѣскольку флаговъ въ каждомъ домѣ и ковры въ окнахъ и на построенныхъ во многихъ мѣстахъ трибунахъ—и вы до нѣкоторой степени составите себѣ представленіе, чѣмъ была Національная улица въ это безоблачное, теплое утро, при сильномъ оживленіи собиравшейся сюда многочисленной публики.

Via Nazionale начинается отъ piazza Termini, вблизи которой стоитъ центральный вокзалъ желѣзной дороги. Эта площадь также приспособлена для зрителей постройкою огромныхъ многоярусныхъ трибунъ, расположенныхъ большимъ полукругомъ. И эти мѣста, и лѣса здѣсь строющихся домовъ изобильно декорированы зеленью, тканями, флагами. Въ центрѣ площади шумитъ и выкидываетъ далеко по всѣмъ направленіямъ массу воды только-что оконченный и на-дняхъ открытый большой фонтанъ. Передъ вокзаломъ, при въѣздѣ на площадь, воздвигнутъ почетный или какъ здѣсь называютъ „тріумфальный“ павильонъ въ готическомъ стилѣ. Внутри его по бокамъ стоятъ четыре колоссальныхъ

рыцаря и всадники изъ гипса въ соотвѣтственномъ средневѣковомъ вооруженіи. Предположено было также украсить верхъ римскою квадригой, но потомъ мысль была оставлена, а лишь по угламъ утверждены картонные букеты лавровыхъ листьевъ. Поспѣшность, съ которой составлялся планъ этого „тріумфальнаго“ сооруженія, была причиной того, что выстроенный теперь павильонъ служитъ предметомъ забавныхъ выходокъ и насмѣшекъ для печати и общества.

Но пора завтракать и собираться на встрѣчу гостя, находящагося отсюда въ какихъ-нибудь 2½ часахъ. Прибытіе императорскаго поѣзда назначено на 4 часа 10 минутъ, и приняты всѣ мѣры къ устраненію помѣхъ движенію, сдѣлавшихся, какъ мы замѣтили выше, столь обычными, неизбѣжными въ послѣдніе дни на всѣхъ линіяхъ королевства.

Въ 3 часа по всему пространству отъ вокзала до Квиринала заняли мѣсто плотныя шпалеры пѣхотныхъ войскъ въ походной формѣ. Путь для придворнаго кортежа оставленъ широкій. Улицы и вышеназванная площадь запружены народомъ. Зрители всѣхъ классовъ и состояній размѣстились на тротуарахъ, въ окнахъ домовъ, на балконахъ, на выступахъ въ стѣнахъ, на кровляхъ. Молодежь примостилась даже въ сучьяхъ деревьевъ по via Nazionale и въ желѣзно-дорожномъ скверѣ. Публикою заняты были сверху донизу и лѣса строющихся домовъ. На площади стоялъ народъ плотной массой, плечо въ плечо. Трибуны блестѣли пестротой дамскихъ нарядовъ. Здѣсь между прочимъ сидѣла аристократія, представители высшихъ государственныхъ учрежденій, чины муниципіи съ ихъ семьями, многочисленные представители прессы, не мало художниковъ. Тогда какъ репортеры, жадно всматриваясь во все окружающее, съ лихорадочной поспѣшностью заносили свои замѣтки въ записныя книжки, художники бойко набрасывали рисунки въ альбомы. Были въ этой трибунѣ и фотографы съ своими моментальными аппаратами. Невольное вниманіе окружающихъ обращала на себя одна дама—очевидно корреспондентъ какой-то газеты. Худая „какъ щепка“, съ блѣдно-желтымъ некрасивымъ лицомъ, большимъ горбатымъ носомъ, на которомъ сидѣли массивныя очки, она работала стоя, далеко отнесши отъ себя большую записную книгу и дѣловито озираясь по всѣмъ направленіямъ. Это была несомнѣнно англичанка, и итальянскіе сосѣди ея, при взглядѣ на этотъ рѣзкій типъ женщины-публициста, плутовато улыбались. Въ публикѣ оживленные разговоры, смѣхъ, шутки

какъ обыкновенно бываетъ въ театрѣ, на скачкахъ и другихъ большихъ зрѣлищахъ.

Проѣхали восемь придворныхъ пустыхъ каретъ, очевидно, назначенныхъ для пріема свиты императора. Форрейторы, кучера, лакеи—всѣ въ красномъ и напудренныхъ парикахъ. Пронесся бойкой рысью эскадронъ гвардейскихъ кирасиръ, составляющій почетную экскорту. Высокіе, стройные, блестящіе въ своей дорогой металлической формѣ, на превосходныхъ рослыхъ лошадяхъ. За ними, спустя нѣсколько минутъ, тихо прослѣдовала „берлина“ — огромный и высокій крытый экипажъ съ синдикомъ, ѣхавшимъ на встрѣчу въ качествѣ хозяина города. Эта карета—XVI ст. и употребляется только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ костюмахъ того же вѣка былъ служебный персоналъ экипажа. За синдикомъ ѣхали чины двора, президенты палаты и министры. За 20 минутъ появилась коляска короля съ наслѣдникомъ. Уже издали до площади стали доноситься рукоплесканія и громогласныя „evviva il Re, evviva Umberto“. По обычаю, горячо и восторженно принятъ былъ онъ и на этой пьяццо. Въ публикѣ то и дѣло вынимаются часы и считаются минуты, остающіяся до прихода поѣзда: „остаются 4, 3, 2, 1 минута“,—„поѣздъ долженъ прибыть ровно въ 4 часа 10 минутъ“, — слышится кругомъ. Нетерпѣніе общее. Но вотъ раздались пушечные залпы. Поѣздъ пришелъ, императоръ прибылъ.

Послѣ установленныхъ обыкновенно для такихъ случаевъ лобзаній и объятій—счетъ и градусъ горячности которыхъ сейчасъ же обыкновенно отмѣчается досужими репортерами на столбцахъ газетъ, отмѣчается даже и въ томъ случаѣ, когда они поставлены были на разстояніи чуть не ружейнаго выстрѣла — послѣ обычнаго представленія властей, явившихся на дебаркадеръ желѣзной дороги, черезъ 15 минутъ давно ожидаемый торжественный въѣздъ юнаго императора въ Римъ открылся во всемъ своемъ блескѣ.

Кортежъ открывался экипажемъ, въ которомъ сидѣли императоръ и король. За нимъ слѣдовали принцъ Генрихъ, братъ императора и наслѣдникъ Викторъ Эммануилъ, въ третьей коляскѣ — герцогъ Аостскій Амедей и герцогъ Генуэзскій, четвертая карета везла графа Бисмарка, здѣшняго германскаго посла графа Сольмса, Криспи и генерала фонъ-Либенау. Остальную часть поѣзда составляли свита, городскія власти и чины двора. Пріемъ народа, нѣсколько сдержанный сначала, вблизи вокзала, мало-по-малу сталъ

шумнѣе и экспансивнѣе. Пошли спѣшныя рукоплесканія и возгласы evviva Imperatore, evviva la Germania, замахали платками дамы, шляпами мужчины. По въѣздѣ на Національную улицу, посыпались цѣлымъ градомъ заранѣе приготовленныя картолинки. Оживленіе охватывало толпу все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ Квириналу, гдѣ этотъ пріемъ массы скученнаго населенія принялъ уже страстную форму. Одинъ изъ петербургскихъ жителей, случайно очутившійся въ этихъ мѣстахъ, народною волною унесенъ былъ до самаго дворца и здѣсь, благодаря этому случаю, имѣлъ возможность видѣть весь кортежъ при самомъ въѣздѣ въ Квириналъ. Возбужденіе народа было здѣсь полное. Не довольствуясь видѣннымъ, толпа рукоплескала и вызывала императора на балконъ. Не скоро, но вся королевская фамилія и Вильгельмъ должны были удовлетворить это желаніе, выражавшееся въ столь громогласной формѣ. Во дворцѣ ожидала гостя королева Маргарита и другія дамы королевскаго дома. День закончился семейнымъ обѣдомъ и бесѣдой въ строго интимномъ кругу. Едва-ли слѣдуетъ прибавлять, что Квириналъ былъ хорошо иллюминованъ. Иллюминація же другихъ улицъ или не была проектирована въ широкихъ размѣрахъ, или не удалась. Корсо былъ освѣщенъ болѣе обыкновеннаго только въ двухъ-трехъ мѣстахъ. То же было и на via Nazionale.

Вечеромъ и на улицахъ, и въ кофейняхъ было много разговоровъ о красныхъ листкахъ, летавшихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ заготовленными отъ муниципіи. Листки направляемы были въ коляску императора, и многіе изъ нихъ, какъ говорятъ, достигли назначенія. Они гласили: „Да здравствуетъ Франція. Долой тройственный союзъ. Да здравствуетъ Эльзасъ и Лотарингія. Да здравствуютъ Трентъ и Тріестъ!“ Ни для кого не было тайной, что эта враждебная манифестація исходила изъ партіи ирредентистовъ. Оттого-то главнѣйшіе вожди ея и были арестованы уже предварительно; въ тюрьмѣ ихъ, по слухамъ, продержатъ до окончанія праздниковъ. Либеральная пресса осуждаетъ это распоряженіе руководителей министерства внутреннихъ дѣлъ; но, въ виду важности момента, ее теперь не слушаютъ. Тѣ же предупредительныя мѣры будутъ приняты и въ Неаполѣ.

12 октября.

Согласно установленному церемоніалу нынѣ долженъ быть торжественный визитъ императора папѣ Льву XIII.

Поѣздъ долженъ открыться съ пьяцца Капраника (piazza Capranica) изъ дома германскаго посла при Ватиканѣ, г-на Шлёцера, въ началѣ 2 часа. Но императоръ уже съ 6 часовъ утра на ногахъ и первымъ дѣломъ его было отправиться въ сопровожденіи адъютанта за городъ, на лугъ Чento-Челле, гдѣ предназначены на завтра военные маневры. Въ 9-мъ часу онъ былъ уже за воротами Іоанна Латеранскаго и, достигнувъ поля, сѣлъ на верховую лошадь и изъѣздилъ площадь во всѣхъ направленіяхъ, готовясь къ завтрашнему дню. Въ 12 часовъ завтракъ у Шлёцера, къ которому приглашенъ былъ и статсъ-секретарь Ватикана, кардиналъ Рамполла, кардиналъ Гогенлоэ и нѣсколько другихъ духовныхъ особъ.

Правительство распорядилось оградить весь путь до самой площади св. Петра шпалерами пѣхоты и конницы съ воспрещеніемъ перехода и переѣзда всей этой длинной полосы уже съ 11 часовъ. Эта мѣра, какъ говорили, вызванная также и вчерашними красными листками, возбуждала протесты, вызывала сцены споровъ, но распоряженіе было исполнено со всею строгостью.

Пріемъ у папы носилъ строго частный характеръ. Это доказывалось отсутствіемъ кардиналовъ на пріемѣ и крайне ограниченнымъ количествомъ посторонней публики. Послѣднюю составляли аристократическія фамиліи, держащія сторону папы, знакомые Ватикана и нѣсколько иностранцевъ, преимущественно нѣмецкихъ корреспондентовъ. Для нея отведены были ложи Рафаэля, откуда изъ оконъ она могла видѣть на одинъ моментъ только прибытіе императора и его отъѣздъ. Но и доступъ сюда давался не иначе, какъ по письменному разрѣшенію мажордома Ватикана, монсиньора Макки. Не было заготовлено даже печатныхъ билетовъ. Столь желанною для многихъ возможностью быть здѣсь нынѣ мы обязаны любезному содѣйствію нашего молодаго дипломата А. Г. Сальвіати.

Къ $12^1/_2$ часамъ окна ложъ Рафаэля уже заняты мужчинами и дамами. Всѣ смотрѣли внизъ, на внутренній дворъ, такъ называемаго cortile San Damaso, съ минуты на минуту дожидаясь императорской форменной кареты. Человѣкъ 70 вышло на крышу лѣвой аркады Ватикана и оттуда любуются на залитую войскомъ и публикой площадь св. Петра и ближайшія улицы. На дворѣ выставленъ почетный караулъ въ странныхъ традиціонныхъ костюмахъ. Тутъ же ходитъ красивая и нарядная жандармерія въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ, во фракахъ и высокихъ ботфортахъ. У самаго входа

стояли пестрые швейцарцы. По ложамъ то и дѣло сновали духовные и свѣтскіе чины и прислуга Ватикана. Почти на каждомъ особый, свой, оригинальный нарядъ. Все это пестро, ярко и театрально эффектно. Вотъ въѣзжаетъ на дворъ нѣсколько открытыхъ колясокъ: это—гофъ-маршалъ фонъ-Либенау, Гербертъ Бисмаркъ и нѣкоторые высшіе генералы. Всѣхъ ихъ принимаютъ у входа два церемоніймейстера. Они знакомятся, разговариваютъ и, не входя внутрь, ждутъ прибытія императора. Въ 1 часъ 50 минутъ даютъ снизу сигналъ, и черезъ минуту появляются два пестро одѣтые форрейтора, а затѣмъ медленно стала въѣзжать и дѣлать кругъ императорская карета. Императоръ въ бѣломъ мундирѣ, съ траурной перевязью на правой рукѣ и въ ярко сіяющемъ шлемѣ. Почетная стража дѣлаетъ свое дѣло, императоръ выходитъ изъ экипажа, принимается церемоніймейстеромъ, снимаетъ шлемъ еще на дворѣ и съ непокрытой головой входитъ внутрь дворца. Здѣсь, на нижнихъ ступеняхъ длинной и на высокій этажъ нѣсколькими колѣнами поднимающейся лѣстницы, ждутъ его монсиньоры, мажордомъ Макки и оберъ-церемоніймейстеръ Спннетри, послѣ первыхъ привѣтствій становятся по его бокамъ и ведутъ его вверхъ. Вотъ все, что могли видѣть собравшіеся въ ложахъ зрители. Что на дальнѣйшемъ пути выходили императору на встрѣчу другіе чины Ватикана, пройдя нѣсколько внутреннихъ покоевъ, провели его въ тронную залу папы, какъ и папа, весь одѣтый въ бѣлое, ждалъ его у ступеней трона и съ веселой улыбкою сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу, обо всемъ этомъ и о первыхъ взаимныхъ привѣтствіяхъ ихъ и рукопожатіяхъ публика прочитала уже къ вечеру сначала въ Ватиканскихъ изданіяхъ Osservatore Romano и Moniteur de Rome и другихъ газетахъ; главное къ тому же было извѣстно напередъ изъ церемоніала, опубликованнаго за нѣсколько дней. Газеты же разнесли извѣстіе, что при видѣ папы у императора выпалъ изъ рукъ шлемъ, который потомъ сейчасъ же былъ поднятъ мажордомомъ. Но изъ насъ, находившихся въ ложахъ, ничего болѣе кромѣ вышесказаннаго никто не видалъ и видѣть не могъ.

Только незнакомство съ мѣстомъ и простая случайность помогли нѣкоторому числу лицъ совершенно неожиданно попасть въ залу Климента, sala Clementina и увидѣть нѣсколько больше. Послѣ того какъ императоръ скрылся изъ глазъ публики, послѣдняя отправилась гулять вокругъ ложъ. Пошелъ и я за другими. Въ одномъ мѣстѣ противъ балкона отворяется дверь, и изъ внутреннихъ покоевъ выходитъ свя-

щенникъ съ приглашеніемъ войти въ залу. Человѣкъ 10 нѣмцевъ, сидѣвшіе на балконѣ и итальянцы, столпившіеся здѣсь, при появленіи этого духовнаго лица вошли въ залъ. Тамъ оказалась внутренняя почетная стража изъ швейцарцевъ, одинъ изъ церемоніймейстеровъ и нѣсколько духовныхъ лицъ. Всѣхъ вошедшихъ поставили въ сторонкѣ, не на видномъ мѣстѣ. Скоро послышалось, что императоръ пойдетъ этой залой,—а это и была sala Clementina—къ кардиналу Рамноллѣ съ визитомъ. Кромѣ нѣмецкаго общества, никто не зналъ другъ друга, но тѣмъ не менѣе между итальянцами скоро завязался разговоръ о томъ—о семъ. Вдругъ появившійся въ залѣ г. Шлёцеръ съ низкими и почтительными поклонами подходитъ къ дамамъ нѣмецкаго кружка и прежде всего цѣлуетъ руку одной изъ нихъ, молодой особы, одѣтой весьма просто, во все черное и съ траурной вуалью. Затѣмъ онъ, поцѣловавъ руки всѣхъ прочихъ дамъ, и низко поклонившись кавалерамъ, быстро отретировался, не поворачивая спины, и выбѣжалъ поспѣшно вонъ. Черезъ минуты двѣ онъ возвратился снова, сопровождая принца Генриха, пріѣхавшаго въ Ватиканъ на полчаса позднѣе. И принцъ направился прежде всего къ той же молодой дамѣ и, поцѣловавъ ея руку, прошелъ въ внутренніе аппартаменты папы.

Оба эти случая заставили насъ думать, что мы находимся въ какомъ-то необыкновенномъ сосѣдствѣ. Но по наружности и по тому уголку, который занимало это общество, почти за спинами швейцарцевъ, никакъ нельзя было отгадать, кто они. Мужчины въ простыхъ сюртукахъ, нѣкоторые даже въ верхнихъ пальто, дамы всѣ въ черномъ и траурѣ. Недоумѣніе однако скоро разъяснилъ намъ одинъ простой священникъ, вошедшій въ залу позднѣе и ставшій зрителемъ въ тотъ же уголъ. Молодая дама оказалась сестрой императора Шарлоттой, герцогиней Саксенъ-Мейнингской, одинъ изъ кавалеровъ—ея супругомъ. Остальные были также всѣ императорскіе родственники, явившіеся сюда въ строгомъ incognito. Они-то, конечно, и были приглашены внутрь посмотрѣть, какъ пройдетъ императоръ чрезъ залу. А итальянцы и я сюда занесены были, какъ говорится, вѣтромъ. Священникъ-привратникъ не зналъ, кого впускалъ, мы, входившіе, не знали, кого, куда и зачѣмъ приглашаютъ войти. Открытіе было сдѣлано поздно, двери уже заперты, и мы волей-неволей оказались въ высокомъ сосѣдствѣ. Одинъ изъ принцевъ оказался очень любезнымъ собесѣдникомъ и называлъ намъ по именамъ осталь-

ныхъ кавалеровъ и дамъ. Послышался шумъ изъ внутреннихъ залъ, и вышелъ императоръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ высшихъ чиновъ Ватикана. Швейцарцы сдѣлали на караулъ, причемъ у одного изъ нихъ упалъ отъ удара металлическій топорикъ его алебарды, очевидно, дурно прикрѣпленный. Дамы при этомъ улыбнулись. Императоръ прослѣдовалъ къ кардиналу Рамполлѣ. Такъ никто изъ бывшихъ даже въ этой залѣ не видалъ въ этотъ день папы Льва XIII.

Публика скоро оставила ложи Ватикана, потому что скоро долженъ былъ начаться обходъ залъ музеевъ императоромъ.

Изъ газетъ стало извѣстно, что папа послѣ нѣкоторыхъ привѣтственныхъ словъ повелъ императора въ свой кабинетъ, и здѣсь они оставались наединѣ полчаса. Разумѣется, никто въ мірѣ, кромѣ нихъ, не зналъ въ это время о предметѣ ихъ бесѣды. Не передавали ея и клерикальныя газеты, а что нынѣ же вечеромъ толкуютъ здѣшнія газеты, то это— произведеніе черезчуръ горячей фантазіи репортеровъ. Явились ихъ цѣлые десятки, но всѣ ихъ старанія проникнуть даже на ватиканское крыльцо, по ихъ же собственному печатному признанію, были тщетны. Одну такую толпу, мало-по-малу отстраняя, загнали куда-то въ садъ. Оттуда они завистливымъ окомъ смотрѣли на то, что дѣлалось и говорилось высоко надъ ихъ головами во внутреннихъ залахъ огромнаго Ватикана. Ахъ, эти газетные репортеры! Тяжела ихъ доля въ это праздничное время. Рыщутъ они въ огромномъ количествѣ по всему городу, высматривая и вынюхивая, что только попадется имъ на пути. Нѣтъ такого учрежденія, куда бы они не проникли per fas et nefas, легально или не легально, хитростью, смѣлостью, или заносимые вѣтромъ, какъ это неожиданно случилось съ кучкой зрителей, въ которой очутился и я; нѣтъ такого высокопоставленнаго лица, кромѣ короля и наслѣдника, къ которому не отправился бы за личными справками послѣдній собиратель уличныхъ извѣстій самой плохенькой газетки. Ни для кого не секретъ, что здѣшніе репортеры нанимаются въ число прислуги, чтобы стоять ближе къ императору во время праздниковъ.

Императоръ, обходя залы, выслушивалъ объясненія въ античныхъ музеяхъ директора Висконти, а въ христіанскомъ музеѣ—Жанъ Батиста де-Росси. Обратно онъ отбылъ прямо на Квириналъ. Рамполла скоро явился съ отвѣтнымъ визитомъ папы въ квартиру Шлёцера.

Хотя весь путь, до самаго Ватикана, былъ обставленъ шпалерами войскъ, но красные листки съ вышеприведенной надписью носились по воздуху и въ этотъ день; нѣкоторые изъ нихъ попали въ коляски императорской свиты. Это обстоятельство, конечно, огорчаетъ короля, высшую администрацію и всѣхъ благомыслящихъ людей.

Въ 7 часовъ собралось въ квиринальскомъ дворцѣ 114 персонъ къ парадному обѣду. Этого ждали всѣ съ нетерпѣніемъ, такъ какъ здѣсь должны быть произнесены тосты королемъ и императоромъ. Политическій характеръ застольныхъ рѣчей не подлежалъ сомнѣнію. Подождемъ завтрашняго утра, когда онѣ непремѣнно появятся въ газетахъ.

13 октября.

Первымъ дѣломъ было запастись какимъ-нибудь утреннимъ листкомъ и прочесть сказанныя вчера рѣчи. Въ былыя времена, при встрѣчѣ разныхъ государей, говорили, конечно, по-французски и въ Италіи. Но нынѣ нашли нужнымъ обойти этотъ старый обычай. Король говорилъ по-итальянски, императоръ—по-нѣмецки. Гумбертъ, поднявъ бокалъ, произнесъ слѣдующія слова: „Съ глубокою радостію и живѣйшею благодарностію я привѣтствую здѣсь, въ моемъ королевскомъ дворцѣ, здѣсь, въ столицѣ Италіи, императора и короля Вильгельма II. Присутствіе въ Римѣ главы великой націи и славной династіи, съ которою я связанъ старинной и прочною дружбой, есть новый залогъ крѣпости нашего союза, заключеннаго для мира Европы и на благополучіе нашихъ народовъ. Я пью за здравіе его императорскаго и королевскаго величества, моего августѣйшаго гостя. Я пью за здравіе ея величества императрицы и королевы. Я пью за здоровье нѣмецкаго войска, охрану и славу Германіи“.

Императоръ отвѣчалъ на это такимъ образомъ:

„Отъ глубины души благодарю ваше величество за теплыя слова, которыя вы обратили ко мнѣ. Указаніе на союзъ, унаслѣдованный нами отъ нашихъ отцовъ, встрѣчаетъ во мнѣ живѣйшій отзвукъ. Наши страны, руководимыя ихъ великими государями, завоевали свое единство мечомъ. Сходство нашей исторіи обусловливаетъ постоянное обязательство того и другаго народа къ сохраненію этого единства, которое составляетъ прочнѣйшую гарантію мира.

„Наши связи нашли самое живое выраженіе въ томъ ве-

ликолѣпномъ пріемѣ, которое столица вашего величества мнѣ оказала. Я поднимаю мой бокалъ и пью за здравіе вашего величества, ея величества королевы и храбраго войска вашего величества". Послѣднія слова императоръ произнесъ по-итальянски, что сейчасъ же подало поводъ оппозиціоннымъ газетамъ посмѣяться какъ надъ его языкомъ, такъ и надъ плохимъ произношеніемъ. Нужно однако думать, что газетные репортеры не слыхали этой рѣчи сами, а узнали объ стилистическихъ и фонетическихъ достоинствахъ отъ кого-нибудь другаго и., можетъ быть отъ придворной прислуги. Дерзость здѣшней насмѣшки и сатиры безпредѣльна. Нынѣ, наприм., по всему Риму выставлена у букинистовъ и въ газетныхъ кіоскахъ картина, изображающая вчерашнюю интимную бесѣду папы съ императоромъ. Соль картины въ томъ, что Левъ XIII заводитъ рѣчь объ униженномъ положеніи папства и необходимости для него защиты со стороны какой-нибудь дружественной и сильной державы, а императоръ, отлынивая отъ такого щекотливаго вопроса, въ это время перебиваетъ съ разспросами о здоровьи какого-то его племянника, передачею ему низкаго поклона отъ императора Франца-Іосифа, чувствующаго-де себя очень хорошо, и проч. Разговоръ ведется по-итальянски, при чемъ Вильгельмъ безбожно перемѣшиваетъ звуки „p" и „b", „d" и „t", ставя одни на мѣсто другихъ. Публика останавливается передъ иллюстраціей и злорадно смѣется.

Программу празднествъ нынѣшняго дня составляютъ военный смотръ, ради котораго вызвано въ Римъ до 30.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, и раутъ на Капитоліѣ. Уже съ 6 часовъ утра населеніе въ сильномъ возбужденіи. Газетчики ранѣе обыкновеннаго прибѣжали въ нашъ глухой переулокъ и безпощадно вопятъ объ этомъ смотрѣ, разнося планъ мѣстности и распредѣленія войскъ. Цѣлый рядъ спеціальныхъ поѣздовъ желѣзной дороги, омнибусы, фіакры, кареты, коляски работали до 10 часовъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Давка на вокзалахъ и отсутствіе порядка въ размѣщеніи публики на трибунахъ понятны только очевидцамъ. Сколько было жалобъ на то, что лица, купившія билеты на опредѣленное мѣсто, такого не получали или что ихъ не пустили къ трибунамъ или что послѣднія были уже биткомъ набиты. Нечего удивляться, что имѣвшіе проѣздной билетъ 1-го класса рисковали не попасть на зрѣлище совсѣмъ, если не хотѣли сидѣть въ 3-мъ или примоститься гдѣ-нибудь на платформѣ.

Особый интересъ для меня представляли предполагавшіяся

раскопки на Палатинѣ и капитолійскій раутъ, а потому я провелъ утро въ разыскиваніи мѣста, гдѣ раздаются входные билеты на Палатинъ во время производства этихъ раскопокъ. Поиски оказались однако напрасны, такъ какъ доселѣ-де не извѣстенъ день, когда императоръ пожелаетъ присутствовать при этихъ работахъ. Да едва-ли-де они и будутъ произведены за недостаткомъ времени. Но во всякомъ случаѣ въ главномъ управленіи по дѣламъ археологическихъ раскопокъ мнѣ обѣщали дать знать, если будетъ возможно.

До самаго вечера дефилировали войска по городу, возвращаясь со смотра. Солдаты имѣютъ бодрый и оживленный видъ. Ясно, что всѣ они довольны удачно исполненнымъ дѣломъ.

Въ 8 часовъ нынѣ Капитолій заблестѣлъ электрическимъ свѣтомъ въ первый разъ въ своей многовѣковой жизни, если не считать предварительныхъ пробъ, производившихся надъ электрическими фонарями въ послѣдніе дни. Капитолійская башня ярко горитъ въ эту темную ночь, видная отовсюду. Раутъ назначенъ на 9 часовъ.

Кажется, все населеніе Рима находится въ нынѣшній вечеръ на улицахъ. Прекрасно иллюминованный Корсо запруженъ гуляющею публикою въ такой степени, что двигаться можно только по теченію, вмѣстѣ съ другими. Чтобы не опоздать, нужно было свернуть въ сторону и пробираться къ Капитолію переулками. По всей Національной улицѣ, отъ Квиринала до самаго подъема на Капитолій, стоятъ плотныя военныя шпалеры. Зрители толпятся сзади и ждутъ проѣзда императора и королевской фамиліи. Вечеръ холодный, всѣ высокіе гости поѣдутъ въ закрытыхъ экипажахъ. Спрашивается, много ли увидитъ здѣсь публика? Но нынѣ праздникъ, дома сидѣть скучно, на улицѣ все-таки увидишь больше, чѣмъ у себя въ четырехъ стѣнахъ, отвѣтятъ вамъ.

Залы Капитолійскихъ дворцовъ быстро стали наполняться гостями. Скоро сдѣлалось жарко, тѣсно и душно. Весь цвѣтъ аристократіи происхожденія и богатства, всѣ высшіе чины, сенатъ, дипломатическій корпусъ, парламентъ были здѣсь на лицо. Дамы блестѣли роскошью нарядовъ и богатствомъ бриліантовъ. Много было здѣсь замѣчательныхъ красавицъ, обращавшихъ на себя общее вниманіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то невольно рѣзало глаза появленіе барынь, одѣтыхъ не только крайне просто, но и бѣдно, некрасиво. Раутъ всесословный, рядомъ съ принцессами и

графинями явились также супруги и дочери небогатыхъ горожанъ.

А публика все прибывала и прибывала, стало крайне тѣсно, пришлось открыть и главную, большую залу, предназначенную для концерта. Гости поспѣшно хлынули сюда боковыми деревянными, только-что отстроенными, галлереями и скоро бы наполнили весь залъ, еслибы треть его не была огорожена... пожарными, стоявшими здѣсь въ полной формѣ, въ ярко сіявшихъ металлическихъ каскахъ и съ зазубренными тесаками наголо. Они оберегали, стоя плотной стѣной, этотъ конецъ для двора, который долженъ прибыть къ 10 часамъ.

Между тѣмъ уже половина 11-го, а его нѣтъ. Публика начинаетъ выказывать нетерпѣніе громко, приписываетъ эту запоздалость германскому императору; наши-де король и королева всегда пунктуальны. Не попавшіе въ залъ напираютъ сзади, стараясь сюда проникнуть; тѣснота и давка, похожая на ту, которая бываетъ въ нашихъ деревенскихъ церквахъ во время большихъ праздниковъ. Достаточно сказать, что нужно было употребить большія усилія и потерять не мало времени, чтобы вынуть изъ кармана носовой платокъ и поднять руку. Для дамъ отдѣльныхъ мѣстъ нѣтъ, ихъ давятъ въ общей толпѣ, при чемъ, конечно, страдаютъ ихъ наряды. Напрасны старанія ихъ кавалеровъ какъ-нибудь оградить ихъ отъ напора сосѣдей. Многолюдный, тѣсный, неудобный раутъ.

Въ 11 часовъ слышится звонъ Капитолійскаго колокола. Императоръ, король, королева и свита вступаютъ во дворецъ. Представленіе синдика, членовъ Джунты, обходъ музея, ярко освѣщеннаго разноцвѣтными огнями. Вильгельмъ долго останавливается передъ Венерой Капитолійской и высказываетъ восторгъ при видѣ этой дѣйствительно чудной статуи, нынѣ залитой розовымъ свѣтомъ.

Раздается германскій національный гимнъ, и весь дворъ медленно входитъ въ концертный залъ. Падаетъ занавѣсъ со стѣны, и открывается большая мраморная доска, поставленная съ соотвѣтственной латинской надписью въ память посѣщенія Рима императоромъ Вильгельмомъ II. Рукоплесканія и начало концерта. Публика однако не слушаетъ музыки, а старается черезъ каски пожарныхъ разсмотрѣть Вильгельма и его свиту, размѣстившихся на особой эстрадѣ. Шумъ въ залѣ такой, что нисколько не помогаютъ шиканье и старанье водворить тишину. Нѣкоторые мужчины разговариваютъ и смѣются вслухъ.

Королевская семья вмѣстѣ съ императоромъ, не пробывъ въ залѣ и 10 минутъ, вышли продолжать осмотръ художественныхъ собраній музеевъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ пройти имъ черезъ залу въ сосѣднія комнаты, пришлось не мало поработать пожарной командѣ, чтобы проложить узенькую дорогу въ этой компактной массѣ гостей. За дворомъ хлынула и публика. Концертъ поэтому не могъ удасться.

Обойдя всѣ залы, на нынѣшній вечеръ убранныя по стѣнамъ превосходными королевскими гобеленами, привезенными сюда изъ Турина и Неаполя, и выпивъ за здоровье синдика, императоръ и дворъ отбыли при новомъ звонѣ Капитолійскаго колокола. Послѣдній почетъ здѣсь считается величайшимъ. Визитъ продолжался не болѣе часа.

Послѣ того началась давка въ буфетахъ. Не желавшіе толкаться здѣсь осматривали музей. Его скульптуры при фантастическомъ освѣщеніи были безподобны. Въ этихъ залахъ ходили преимущественно иностранцы.

Около часа начался разъѣздъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилось зрѣлище неописуемаго безпорядка изъ-за верхняго платья. Организаторы этого раута совсѣмъ упустили изъ виду вопросъ, гдѣ и какъ размѣщать платье. При стеченіи публики до 3.000 человѣкъ, надумались поставить 4 музейныхъ сторожей, двухъ для мужскаго и столько же для дамскаго платья. Уже при входѣ слышались жалобы на то, что приходилось ждать слишкомъ долго. Можно вообразить, какъ оказалось недостаточно такого персонала, когда многія сотни начали выходить вдругъ и требовать своего платья. Эти сторожа, видѣвшіе такую многочисленную публику у себя лишь въ первый разъ, сначала совсѣмъ растерялись. Платье у нихъ оказалось сваленнымъ въ кучи, дверки, чрезъ которыя они выносили его, были маленькія, похожія на окно. Не нашедши ничего лучше, они вздумали вызывать публику по №№ верхнихъ пальто. Разумѣется, послѣдовали сильный шумъ, крики, брань по адресу ихъ и чиновъ муниципіи. Нужно прибавить, что все это происходило на холодномъ дворѣ, внизу лѣстницы палаццо деи Консерватори; дамы также должны были ждать своей очереди, потому что ни пройти впередъ, ни пробраться назадъ въ этой скучившейся массѣ было нельзя. Возникшіе здѣсь брань и шумъ вызвали карабинеровъ, которые вынуждены были образовать цѣпь и пропускать ближайшихъ понемногу. Достали на подмогу еще нѣсколько человѣкъ прислуги.

У многихъ, повязавшихъ шеи носовыми платками,

являлось желаніе идти домой пѣшкомъ; ближе живущіе, говорятъ, и уходили безъ пальто; другіе получали не свое платье. Хотѣлъ бѣжать и я, но отдаленность квартиры и боязнь простуды удержали меня: въ толпѣ, стоявшей плечо въ плечо, было все-таки теплѣе, чѣмъ въ одномъ фракѣ и цилиндрѣ, среди улицы, въ холодный, полуночный часъ. Сцена такого оригинальнаго разъѣзда продолжалась—страшно сказать—три часа. Сколько могло заболѣть послѣ этого!

Ну ужъ и досталось же муниципальнымъ чинамъ за это на другой день отъ газетъ всѣхъ направленій и оттѣнковъ. Осужденіе и глумленіе надъ ними стоятъ по городу какимъ-то общимъ гамомъ. Поточила надъ ними зубы и мелкая пресса со своими обычными каррикатурами. Въ одной изъ нихъ длинный какъ шестъ римлянинъ улепетываетъ съ Капитолія въ пальто короче его жилета, на другомъ малорословъ оно волочится по землѣ словно монашеская мантія. Въ большомъ смущеніи стоятъ чины муниципіи, открывшіе въ кучѣ оставленной одежды шинель прусскаго генерала и т. д. и т. д.

14 октября.

Нынче воскресенье, императоръ пожелалъ имѣть покой отъ празднества и оффиціальныхъ представленій. Онъ былъ въ своей посольской церкви за обѣдней и послѣ завтракалъ у посла графа Сольмса. Исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, пѣніемъ вмѣстѣ съ другими, благоговѣйнымъ вниманіемъ къ говорившейся проповѣди, онъ оставилъ въ римлянахъ впечатлѣніе набожнаго человѣка. Отдыхаетъ съ императоромъ и весь городъ. Къ тому же и погода начинаетъ портиться. На улицахъ движенія меньше. Очевидно, каждому хочется посидѣть дома. Но вечеромъ происходила осада театра Аржентаны изъ-за билетовъ на „Отелло“ съ знаменитостью-теноромъ Таманьо, вызваннымъ на эту недѣлю изъ Америки, по слухамъ, за 36.000 франковъ. Цѣны на мѣста возвышены до 40 франковъ за кресло. Но и при этомъ конкурренція громадная.

15 октября.

Послѣ превосходныхъ теплыхъ и ясныхъ дней вдругъ наступило ненастье. Льетъ дождь цѣлые сутки, градусъ спустился до 4°. Римляне облеклись въ зимнія одежды; не мало виднѣется мѣховыхъ, болѣе или менѣе смѣшныхъ воротниковъ. Кусокъ заячьей шкурки или какой-нибудь отрепокъ лисы пользуются тутъ, очевидно, большимъ почетомъ.

Назначенная на нынѣшній день поѣздка въ окрестности Рима, въ Тиволи, Сабинскія и Албанскія горы совсѣмъ отложена. Не состоится нынѣ и иллюминація Форума и Колизея, для которой сдѣлано столько приготовленій, и о которой говорили въ послѣдніе дни такъ много, собираясь показать императору все пиротехническое искусство Италіи. Въ городѣ большое уныніе, жалуются особенно пріѣзжіе, для которыхъ освѣщенный Форумъ служилъ сильною приманкою. Въ большомъ горѣ также муниципальныя власти Тиволи, сдѣлавшія значительныя приготовленія къ пріему императора и двора. Тамъ предполагался завтракъ на живописныхъ развалинахъ храма Сивиллы; для императора, короля и королевы приготовлены изящные подарки.

Императоръ Вильгельмъ, пользуясь нѣкоторымъ перерывомъ, когда дождь пересталъ, отправился въ сопровожденіи одного генерала кататься по городу и пріѣхалъ на Палатинъ. Дурная погода разогнала всю администрацію. Холмъ былъ пустъ. Впустилъ ихъ привратникъ; по дворцамъ цезарей они ходили одни и, заплутавшись ли, или по собственному желанію, они вышли не тамъ, гдѣ оставили экипажъ. А между тѣмъ необходимо было ѣхать на Квириналъ. Въ пустынной мѣстности случайно ѣхалъ кто-то въ дрожкахъ. Генералъ попросилъ ѣхавшаго уступить свой экипажъ императору. Тотъ поспѣшилъ сойти—и такимъ образомъ императоръ проѣхалъ до Квиринала.

Послѣ этого посѣщенія, при недостаткѣ времени и благодаря ненастной погодѣ, раскопки на Палатинѣ едва-ли состоятся.

16 октября.

На нынѣшній день назначенъ отъѣздъ въ Неаполь, гдѣ предполагается также цѣлый рядъ празднествъ. Приготовленія идутъ и въ Неаполѣ, и въ Кастелламаре, готовятся къ должной встрѣчѣ императора и въ Помпеяхъ. Въ Неаполѣ муниципія заготовила громадное количество флаговъ и, судя по корреспонденціямъ, заблаговременно раздастъ ихъ домовладѣльцамъ съ строгимъ обязательствомъ держать въ окнахъ и на балконахъ. Много полагается заботъ объ иллюминаціи главныхъ площадей и улицъ. Въ Кастелламаре будетъ произведенъ спускъ броненосца, который, если не по размѣрамъ, то по совершенству конструкціи, займетъ первое мѣсто во всемъ итальянскомъ флотѣ. У Неаполитанскаго залива будетъ морской смотръ. Въ Помпеяхъ предназначены раскопки цѣлыхъ 100 домовъ. Опера въ театрѣ Санъ-Карло съ лучшими пѣвцами, блестящія иллюминаціи, фейервер-

ки, морскія зрѣлища и картина въѣзда императора Вильгельма въ Неаполь, вмѣстѣ съ другими праздниками, сзываютъ туда сотни тысячъ пріѣзжихъ. Ѣдутъ изъ Сициліи, Сардиніи, Балеарскихъ острововъ, изъ всѣхъ провинцій южной Италіи и наполняютъ Неаполитанскія гостиницы, частныя дома, остеріи, винныя лавки. Желѣзныя дороги и пароходныя товарищества объявили по этому случаю скидку 60 о— обстоятельство, облегчающее возможность попасть въ эту столицу края даже лицамъ, никогда не бывавшимъ здѣсь прежде. Стеченіе, по газетнымъ извѣстіямъ, небывалое. А вслѣдствіе этого и безпорядки на желѣзной дорогѣ и пароходахъ тоже поразительные. Поѣзда идутъ вдвое больше того, чѣмъ въ росписаніи. На станціяхъ давка, борьба изъ-за билета, вагона, мѣста. Все это, конечно, дѣлается съ южной энергіей, неумолчнымъ крикомъ и ругательствами. Повсюду безсиліе властей, произволъ публики и невозможность найти удовлетвореніе.

Все это извѣстно было изъ газетъ, всего этого до извѣстной степени мы ждали, но дѣйствительность далеко превзошла наши ожиданія. Безпорядокъ начался уже въ Римѣ, гдѣ на вокзалѣ толпилась такая масса отъѣзжающихъ, что пробраться къ кассѣ и дождаться очереди стоило большаго труда. Есть, конечно, и карабинеры, которые обязаны блюсти порядокъ, но что могутъ подѣлать 2—3 человѣка съ стихійной силой въ 1000 человѣкъ, которая напираетъ, шумитъ, кричитъ и бранится, встрѣчая даже малѣйшее препятствіе въ исполненіи своей воли, своихъ желаній и капризовъ. Численный составъ служебнаго персонала на итальянскихъ желѣзныхъ дорогахъ всегда недостаточенъ, здѣшніе чины, начиная съ высшихъ и кончая кондукторами, какъ-то вялы и относятся безразлично къ своимъ обязанностямъ. Оттого доспроситься у нихъ чего-нибудь скоро всегда составитъ большой трудъ. И этотъ персоналъ нисколько не былъ увеличенъ на время праздниковъ. Отсюда происходили тѣ невѣроятные факты, съ которыми приходилось встрѣчаться постоянно и повсюду. Уже въ Римѣ нашъ поѣздъ вышелъ часомъ позднѣе положеннаго. Въ нашемъ присутствіи уходилъ поѣздъ, въ которомъ борьба изъ-за мѣстъ дошла до драки. Вагоны брались приступомъ, причемъ не обращалось ровно никакого вниманія на административныя предписанія, выставленныя крупными буквами на вагонахъ.

Такъ, въ этомъ поѣздѣ цѣлый рядъ купэ 1-го класса отведенъ былъ для представителей печати, но на практикѣ, въ этой всеобщей суматохѣ, налѣзъ въ эти вагоны народъ

совершенно посторонній. Кричатъ, бѣгаютъ, мечутся, громко жалуются на безпорядки, отсутствіе властей на дебаркадерѣ. А время, между тѣмъ, летитъ, скоро ударитъ звонокъ, надо же сѣсть хоть куда-нибудь, чтобы не упустить поѣздъ. Съ билетомъ 1-го класса втискиваются въ 3-й. Мы знаемъ старика-полковника, испанскаго журналиста, который радъ былъ, съ билетомъ 1-го класса, примоститься въ багажномъ вагонѣ, гдѣ онъ и долженъ былъ ѣхать 12 часовъ, потому что съ каждой станціи публика прибывала. Прицѣплялись новые вагоны 3-го класса, но они быстро наполнялись новыми пассажирами, и не 60-лѣтнему старику было вступать въ борьбу съ этой сильной и проворной толпой.

Нашъ курьерскій поѣздъ, вмѣсто 7-ми часовъ, прошелъ 12. Случалось встрѣчать на станціяхъ не разъ по нѣскольку ждущихъ поѣздовъ. Выѣхавшихъ въ Неаполь часомъ раньше нашего мы потомъ догнали на половинѣ пути. Въ свою очередь и нашъ поѣздъ заставили ждать часами.

Неаполь, 16-го октября.

Не миръ и покой ожидали пріѣзжихъ и въ Неаполѣ. На станціи ни одного омнибуса, ни одного коммисіонера отъ гостиницъ съ предложеніемъ свободныхъ нумеровъ. Коммисіонеры встрѣчали только телеграфировавшихъ или писавшихъ въ гостиницы заранѣе. Не имѣя возможности попасть въ отель, пришлось искать первую меблированную комнату въ частныхъ домахъ. Посредники этого рода стояли у воротъ желѣзнодорожной станціи. Отдавшись одному изъ нихъ, мы приведены были въ темный и узкій переулокъ. Домъ мрачный, лѣстница едва-ли моется даже разъ въ годъ. Входимъ въ „меблированныя комнаты" и во-очію убѣждаемся, что въ одной комнатѣ стоятъ 4 кровати, изъ коихъ 2 двухспальныя, въ другой наставлено столько постелей, что и считать не хотѣлось. Мой проводникъ объявилъ, что теперь отдѣльной комнаты не найдешь во всемъ Неаполѣ и что сосѣдями по кроватямъ будутъ хорошіе, почтенные синьоры, которые также платятъ по 3 франка за ночь. Можетъ быть, эти синьоры и дѣйствительно почтенные люди, но все же такое обильное сосѣдство представляло большое неудобство, а потому я обѣщалъ ему усилить „на чай", если онъ поведетъ меня въ другой домъ. Обѣщаніе подѣйствовало, онъ проводилъ меня къ какимъ-то своимъ знакомымъ, гдѣ и нашелъ я за 10 франковъ маленькую комнатку, отдѣленную отъ сосѣднихъ только низкой картонной перегородкой. Но дѣлать бы-

ло нечего, черезъ полчаса долженъ былъ начаться въѣздъ императора въ городъ, когда уже никто не сталъ бы ни провожать, ни отдавать квартиръ.

Въѣздъ совершался со всею торжественностью. Что это былъ за шумъ, за крики, что-за адскій гамъ стоялъ по всему пути отъ вокзала до дворца Фердинанда. Не смотря на плотный кордонъ пѣхоты и конницы, народъ протискался къ самой каретѣ императора и короля. Вездѣ, гдѣ только можно помѣститься или примоститься на этотъ моментъ, все было залито народомъ; нечего говорить объ окнахъ, балконахъ, крышахъ. Улицы, по которымъ совершался въѣздъ, убраны были безчисленнымъ количествомъ маленькихъ и большихъ флаговъ, сдѣланныхъ въ одинаковыхъ размѣрахъ и по одному рисунку. Въ каждомъ окнѣ обязательно должны были развѣваться по два маленькихъ флажка и въ каждомъ этажѣ по нѣскольку большихъ. Путь лежалъ по via Garibaldi, Foria, piazza Cavour, via Roma, piazza Plebiscito и занималъ длинное пространство. Можно судить поэтому, сколько было флаговъ на этой дорогѣ и какую пестроту придавали они улицамъ въ этотъ теплый и солнечный день, при извѣстной вышинѣ неаполитанскихъ домовъ. Наибольшей степени напряженія энтузіазмъ толпы достигъ на пьяццѣ Plebiscito, передъ самымъ дворцомъ. Императоръ и король должны были являться на балконъ. Сами римляне, пріѣхавшіе сюда на праздникъ, говорятъ, что ихъ пріемъ былъ ничто въ сравненіи съ этимъ. Но, молъ, неаполитанцы и жители южныхъ провинцій извѣстные во всемъ свѣтѣ горланы.

Размѣры и пестроту императорскаго кортежа увеличивали въ особенности представители различныхъ ремесленныхъ ассоціацій. Ихъ, по словамъ свѣдущихъ людей, сошлось и съѣхалось будто-бы 47.000—цифра невѣроятная. Но мы сами видѣли чуть не цѣлые поѣзда людей съ особыми значками, музыкой, знаменами, ѣхавшихъ на этотъ праздникъ. Какъ дробны эти ассоціаціи, явившіяся сюда изъ множества городовъ и общинъ, можно судить по тому, что изъ одного мѣста прибыла особая коллегія маляровъ, разрисовывающихъ кровати или живописцевъ по кроватной части (pittori dei letti) и особыхъ кроватныхъ мастеровъ, изъ другаго цырульники-хозяева и цырульники-рабочіе, изъ третьяго мастера по постройкѣ телѣгъ и экипажей, красильщики экипажей, обойщики экипажей, изъ четвертаго табачные продавцы и т. д. Нѣтъ такого мелкаго ремесла, которое не было бы здѣсь представлено ассоціаціями отъ всей южной Италіи и Сициліи. Каждая имѣетъ свой штан-

дартъ, своего президента и членовъ совѣта съ широкими пестрыми лентами черезъ плечо; множество ассоціацій привезло своихъ музыкантовъ, которыми состоятъ ремесленники той же самой общины. Кортежъ растянулся на огромное пространство. Выборные несли свои знамена, оркестры играли нѣмецкій національный гимнъ и свой королевскій маршъ. Когда императоръ въѣхалъ во дворецъ, они продефилировали по площади и затѣмъ пошли съ музыкой по другимъ улицамъ.

Черезъ часъ или полтора король повезъ императора въ музей, гдѣ и оставались они, пока не сдѣлалось темно. Тутъ же была и вся ихъ свита. Объясненія давалъ директоръ музея, проф. Джуліо-де-Петра. Само собою разумѣется, ворота были заперты для всѣхъ остальныхъ.

Нынѣшній вечеръ съ этими иллюминаціями на via Roma (прежняя Toledo), и на главныхъ площадяхъ съ этимъ непрерывнымъ движеніемъ народныхъ массъ, которыя кричатъ, поютъ, свищутъ, съ этими повсюду расхаживающими „бандами" музыкантовъ, этимъ переполненіемъ ресторановъ, тратторій, винныхъ лавокъ и осадою разныхъ съѣстныхъ лотковъ—представляетъ какую-то общую вакханалію. Не напрасно собралась сюда южная Италія. Не напрасно сюда сошлась и съѣхалась счастливая Кампанья съ своимъ веселымъ населеніемъ. Однихъ пріѣзжихъ здѣсь, говорятъ, болѣе 300.000 человѣкъ.

На завтрашній день назначенъ спускъ новаго броненосца Re Umberto и морской смотръ. Первая церемонія должна происходить въ Кастелламаре въ полдень. Морское министерство предоставило въ распоряженіе приглашенныхъ нѣсколько пароходовъ...

Мы старались представить въ своемъ разсказѣ, что было характернаго, мѣстнаго въ этихъ празднествахъ. Подробныя описанія празднествъ оффиціальныхъ—дѣло уже спеціальныхъ репортеровъ...

И. В—ВЪ.

КРИТИКА.

I.

О личной свободѣ.

Кн. Д. Н. Цертелевъ. Свобода и либерализмъ. Москва. 1888.

Вопросъ о свободѣ воли находится въ неразрывной связи съ важнѣйшими вопросами права и нравственности. Если воля человѣка, если каждое его дѣйствіе неизбѣжно обусловливается его организмомъ и внѣшними причинами, то нѣтъ ни нравственной отвѣтственности, ни юридической вмѣняемости, понятіе вины исчезаетъ, и какія бы преступленія человѣкъ ни совершалъ, его можно лѣчить, но не наказывать. Есть цѣлая школа уголовнаго права, которая учитъ, что родятся на свѣтъ люди особаго „преступнаго типа", по самой природѣ своей принужденные будто-бы совершать преступленія, потому-де, что у нихъ отсутствуетъ нравственное чувство и способность различенія добра отъ зла. На помощь этой уголовной теоріи является медицинская экспертиза съ изобрѣтенными ею психопатами и психопатками и даже изящная литература, создающая „художественные" типы „натуральныхъ" негодяевъ, героевъ порока.

Не вдаваясь въ метафизическія разсужденія о свободѣ воли и указывая, что для частнаго человѣка важна не эта свобода, о которой онъ почти никогда и вопроса себѣ не ставитъ, и даже не свобода политическая, въ которой участіе его „гомеопатично", а только его *личная свобода*, т. е. возможность располагать собою, дѣлать, что̀ онъ хочетъ, кн. Цертелевъ, въ своей прекрасной книгѣ, становится на практическую, житейскую точку зрѣнія и изъ различныхъ примѣровъ выводитъ, что свобода есть благо отрицательное. Но

было бы, говоритъ онъ, крайне ошибочно думать, что это сколько-нибудь умаляетъ ея значеніе.

„Всѣ самыя существенныя блага, доступныя человѣчеству, имѣютъ такой же характеръ; здоровье, спокойствіе, молодость познаются и оцѣниваются только по сравненію съ болѣзнію, съ заботой и со старостію: то же и относительно свободы: *Свобода сама по себѣ не есть положительное благо; но она есть необходимое условіе всякаго положительнаго блага*, всякаго истинно-человѣческаго счастія. Чтобы оцѣнить ея значеніе, стоитъ подумать о тюрьмѣ или о рабствѣ: правда, и тамъ еще счастіе возможно, но оно доступно только святымъ, стоящимъ выше человѣческой жизни, или животнымъ, для которыхъ ничего не нужно кромѣ хорошаго корма".

Свобода есть истинный источникъ всякаго права, т. е. опредѣленія взаимныхъ между людьми отношеній, и въ общежитіи возможна только правомѣрная свобода: не безграничный произволъ личности, а свобода ограниченная въ мѣрѣ необходимой для достиженія *общаго* блага, которое составляетъ цѣль всякаго естественнаго или добровольнаго союза людей. Всякое стѣсненіе личной свободы—несомнѣнное зло, и чѣмъ больше это стѣсненіе, тѣмъ больше зло. Но этотъ самый принципъ вынуждаетъ насъ считать благомъ нѣкоторое ограниченіе свободы, если посредствомъ него избѣгается другое, большее. Справедливость такого мнѣнія ежеминутно подтверждается въ практической жизни; несмотря на то, однимъ изъ нашихъ блестящихъ писателей сдѣлана попытка доказать противное. Извѣстна теорія непротивленія злу, измышленная графомъ Л. Н. Толстымъ, по которой зло не можетъ быть уничтожено зломъ, также какъ огонь не можетъ быть потушенъ огнемъ, и всякое сопротивленіе злу, причиняя страданіе злодѣю, есть само по себѣ зло, а потому, вмѣсто искорененія первоначальнаго зла, получается зло сугубое. Оба положенія этой теоріи построены на софистической игрѣ словъ. Даже не сходя съ почвы физическихъ аналогій и сравненій, весьма мало пригодныхъ для рѣшенія нравственныхъ вопросовъ, легко возразить, что нерѣдко отравленіе однимъ ядомъ излѣчивается только пріемомъ другаго яда, а для гашенія степныхъ пожаровъ пользуются огнемъ. Увѣреніе же: не дѣлайте зла, и зла не будетъ—довольно легкомысленно. „Конечно, говоритъ кн. Цертелевъ, не будетъ того зла, которое *вы* дѣлаете, но то зло, которое *вамъ* дѣлаютъ, останется и, по всему вѣроятію, даже увеличится, если не будетъ государства, которое помѣшаетъ этому", т. е. не будетъ власти и закона, преслѣдующихъ преступленія и имѣющихъ своею задачею возстановлять на-

рушенныя права и ограждать отъ насилія законную свободу гражданъ. Дѣлаемая затѣмъ послѣдователями теоріи непротивленія злу ссылка на Евангельское ученіе—едва-ли умѣстна. Христосъ дѣйствительно учитъ подставлять другую щеку, когда ударятъ въ одну, и радоваться, когда оскорбляютъ и поносятъ васъ, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что мзда обѣщается на *небесахъ*. Всѣ предписанія Христа направлены на достиженіе высшей нравственности и относятся только ко *внутреннему* міру человѣка; внѣшнихъ правовыхъ отношеній Онъ не касается и предполагаетъ ихъ уже данными, какъ это явствуетъ изъ отвѣта Его на вопросъ фарисеевъ о динаріи и податяхъ. Надо помнить, что вся земная жизнь Христа есть борьба со зломъ, не исключающая даже возможности нѣкотораго физическаго насилія (какъ, наприм., изгнаніе торговцевъ изъ храма). Весь смыслъ всякой религіи и всякой нравственности состоитъ почти исключительно въ борьбѣ со зломъ, потому что грѣхъ и порокъ есть тоже зло. Ясно, что требованіе *не противиться злому* можетъ имѣть смыслъ только съ высшей этической точки зрѣнія, а никакъ не съ точки зрѣнія *благополучія на землѣ*, съ которой разсматриваетъ это требованіе гр. Толстой.

Установивъ, что личная свобода есть первоначальное право каждаго человѣка и что изъ него вытекаютъ всѣ остальныя права, кн. Цертелевъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса: въ какой мѣрѣ эта свобода каждаго можетъ и должна быть ограничена ради свободы и безопасности всѣхъ.

„Свобода совѣсти вещь настолько сама по себѣ понятная, что она не требовала бы никакихъ объясненій и доказательствъ, еслибы до нашего времени усердные не по разуму любители старины не продолжали иногда доказывать возможность и пользу ея ограниченія ради высшихъ цѣлей. Для государства нѣтъ и не можетъ быть высшихъ цѣлей, ради которыхъ оно могло бы жертвовать неотъемлемымъ правомъ каждаго. Другое дѣло для религіи, но и здѣсь давно пора убѣдиться, что религіозныя цѣли не достигаются насильемъ и что

Никого не вгонишь въ рай дубиной".

На первомъ планѣ стоитъ свобода *совѣсти*. Справедливо говорятъ нѣмцы: Gedancken sind zollfrei. Человѣческій судъ не можетъ требовать отчета въ помыслахъ.

Но изъ свободы совѣсти еще не вытекаетъ безусловная свобода культовъ и религіозной проповѣди. Послѣдніе служатъ уже внѣшнимъ проявленіемъ вѣрованій, а потому входятъ въ область человѣческаго суда, и если находятся въ тѣсной связи съ уголовными преступленіями, а также возбуждаютъ племенную или религіозную ненависть, то са-

мая терпимость требуетъ уже отъ правительства по отношенію къ нимъ извѣстнаго рода нетерпимости.

Къ свободѣ научной *мысли* вполнѣ примѣнимы тѣ же соображенія. Никто не вправѣ требовать у человѣка отчета въ томъ, что онъ думаетъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать его за невысказанныя убѣжденія. Тамъ, гдѣ убѣжденіе глубоко и искренне, хотя бы оно и было совершенно ошибочно, поколебать его невозможно никакими обѣщаніями и никакими угрозами, потому что убѣжденіе есть дѣло не человѣческой воли, а человѣческаго разума; чтобы измѣнить его, нужны не мотивы, а аргументы. Но иначе слѣдуетъ относиться къ свободѣ пропаганды.

„Здѣсь воля дѣйствующаго лица выходитъ изъ внутренней, никому кромѣ него недоступной сферы, чтобы проявиться во внѣшнемъ мірѣ, и, хотя она не вторгается непосредственно въ сферу свободы другихъ лицъ, одно вліяніе ея несомнѣнно можетъ быть для этихъ лицъ благотворно или вредно. Къ тому же, то основаніе, которое дѣлаетъ преслѣдованіе убѣжденій, какъ таковыхъ, не только несправедливымъ, но и почти невозможнымъ, здѣсь значительно измѣняетъ свой характеръ, ибо если несомнѣнно не отъ человѣка зависитъ мыслить такъ или иначе, во всякомъ случаѣ отъ него зависитъ не выражать такихъ мыслей, которыя могутъ быть для другихъ вредны“.

Весь вопросъ только въ томъ—когда для государства наступаетъ моментъ вмѣшательства и должно ли оно ограничиваться кругомъ пропагандируемыхъ идей, имѣющихъ прямую связь съ уголовными преступленіями, или вправѣ налагать свое veto на всякія вообще доктрины, распространеніе которыхъ признаетъ вреднымъ. Авторъ разсматриваемой брошюры находитъ, что едва-ли есть основаніе государству брать на себя такую задачу, какъ, напримѣръ, разрѣшеніе спорныхъ научныхъ вопросовъ. Но, по его мнѣнію, нельзя отрицать и того, что подъ видомъ науки нерѣдко подносятся публикѣ вещи совершенно ей (т. е. наукѣ) чуждыя и имѣющія чисто практическія и не всегда законныя цѣли; въ такихъ случаяхъ не подлежитъ-де сомнѣнію, что степень законности этихъ цѣлей можетъ и должна быть оцѣниваема государственною властью. Тѣмъ не менѣе вопросъ о свободѣ *слова* принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ.

Слово занимаетъ средину между *мыслью*, безусловно свободною и находящеюся внѣ сферы правовыхъ отношеній, внѣ всякой регламентаціи, и между *дѣломъ*, всецѣло входящимъ въ область права.

„Слово является то простымъ выраженіемъ мысли, то побужденіемъ къ дѣйствію или даже прямымъ дѣйствіемъ—уловить здѣсь границу бываетъ крайне затруднительно не только для за-

конодателя, вырабатывающаго общія нормы, но и для суда, имѣющаго дѣло съ отдѣльными фактами. „Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь“, говоритъ пословица, а какъ опредѣлить, вырвалось ли слово подъ впечатлѣніемъ минуты, или сказано съ цѣлью произвести опредѣленное дѣйствіе. Признаки здѣсь черезчуръ сбивчивы. А между тѣмъ цѣлый рядъ несомнѣнныхъ, положительныхъ преступленій (какъ, напримѣръ, оскорбленій, клеветы, мошенничества, не говоря уже о подстрекательствахъ) можетъ быть совершенъ посредствомъ одного слова“.

Кн. Цертелевъ пытается разрѣшить вопросъ о вмѣшательствѣ правительства въ свободу только слова печатнаго и слова, раздающагося съ каѳедры.

По его мнѣнію, кто сколько-нибудь знакомъ съ нашими литературными нравами и съ нашими законами о печати, не можетъ не видѣть, что законы эти представляютъ скорѣе слишкомъ слабую, чѣмъ слишкомъ стѣснительную защиту отъ клеветы и диффамаціи. Потерпѣвшій, пытаясь опровергнуть ложно возведенное на него обвиненіе, тѣмъ самымъ показываетъ, что придаетъ ему значеніе, а гласный судъ даетъ виновнику возможность, нисколько не увеличивая риска своей отвѣтственности, поддерживать первоначальную клевету, придавать ей еще болѣе широкое распространеніе и, пользуясь правомъ обвиняемаго, возводить сколько угодно новыхъ. Для вящаго огражденія чести и добраго имени гражданъ отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ, нашъ авторъ предлагаетъ возложить преслѣдованіе за диффамацію непосредственно на прокурорскій надзоръ, помимо жалобы частныхъ лицъ, и положить предѣлъ сознательному укрывательству нѣкоторыми редакціями анонимныхъ пасквилей. Не лишено значенія замѣчаніе, что и для публики, и для потерпѣвшаго далеко не все равно, будетъ ли признанъ виновнымъ настоящій авторъ клеветы или подставное лицо, которое за извѣстную сумму готово доставить ему это удовольствіе; что для настоящаго клеветника признаніе виновности влечетъ не только уголовную кару, но падаетъ и на честь его, если таковая у него еще имѣется, подставное же лицо, напротивъ того, въ тюрьмѣ можетъ даже драпироваться въ тогу гражданскаго мужества и великодушія. Но, съ своей стороны, мы не можетъ не замѣтить, что цензурный уставъ обязываетъ редакціи сообщать министру внутреннихъ дѣлъ, по его требованію, настоящія имена анонимныхъ или псевдонимныхъ авторовъ напечатанныхъ статей, а уставъ угол. судопр. предоставляетъ частному обвинителю производить обыски и выемки въ редакціяхъ, для розысканія дѣйствительнаго виновника клеветы, слѣдовательно закономъ уже

приняты мѣры противъ укрывательства анонимныхъ пасквилей. Что же касается замѣны въ преслѣдованіи диффамаціи частнаго обвинителя прокурорскимъ надзоромъ, то такая мѣра едва-ли практична. При сколько-нибудь значительномъ развитіи повременной печати и той распущенности литературныхъ нравовъ, на которую указываетъ кн. Цертелевъ, мало надежды, что прокурорскій надзоръ успѣетъ, особенно въ столицахъ, услѣдить за каждою диффамаціей и не подастъ повода къ обвиненію себя въ бездѣятельности власти, издаваемыя же въ провинціи газеты и журналы подлежатъ у насъ предварительной цензурѣ. Къ тому же, возбужденіе преслѣдованія за диффамацію, а не клевету, въ большинствѣ случаевъ говоритъ не въ пользу жалобщика, потому что при обвиненіи въ диффамаціи *частнаго* лица не допускается никакое доказательство справедливости оглашенныхъ въ печати позорящихъ обстоятельствъ, иначе сказать, не допускается никакое оправданіе.

Болѣе обстоятельно разобранъ въ брошюрѣ кн. Цертелева вопросъ о свободѣ научныхъ изслѣдованій и академическаго преподаванія.

Нѣкоторая гласность научныхъ изслѣдованій необходима для того, чтобы трудъ одного ученаго не пропадалъ безслѣдно для другаго и сообщался спеціалистамъ своевременно, во избѣжаніе лишней затраты силъ на отысканіе истинъ уже обнаруженныхъ. Вотъ почему отдѣльныя научныя сочиненія и академическія изданія получаютъ право на пользованіе, если не безусловною, то, по крайней мѣрѣ, значительно болѣе широкою свободой, чѣмъ всѣ остальныя.

Иное дѣло свобода преподаванія.

Едва-ли сталъ бы кто утверждать, что въ низшихъ и среднихъ школахъ учителю можно дозволить проповѣдывать, что̀ ему вздумается, предоставляя такимъ образомъ развитіе учащихся на произволъ случая: не можетъ быть сомнѣнія въ необходимости тамъ ясно составленной и точно опредѣленной програмы, обязательной для учителя и за выполненіемъ которой должно слѣдить учебное начальство. Что касается преподаванія въ высшихъ школахъ и университетахъ, то на этотъ счетъ мнѣнія расходятся. Но и здѣсь несомнѣнно, что каждый добросовѣстный профессоръ долженъ бы стараться совершенно оградить слушателей отъ смѣшенія научной истины со злобою дня, строго воздерживаться отъ увлеченія на чуждую и недоступную имъ политическую арену. Легкомысленная игра политическими страстями молодежи содержитъ, въ сущности, двойную, хотя и

„ненаказуемую", по мнѣнію кн. Цертелева, измѣну—измѣну тому государству, которое ввѣрило въ нѣкоторой мѣрѣ преподавателю участь сотенъ молодыхъ людей, измѣну той наукѣ, отъ имени которой говорятъ и знамя которой замѣняютъ совершенно чуждымъ ей, хотя, можетъ быть, и весьма почтеннымъ знаменемъ той или другой политической партіи.

Кн. Цертелевъ ставитъ вопросъ о самой необходимости университетовъ въ наше время.

Онъ обращаетъ вниманіе на громадную разницу между значеніемъ университетовъ въ средніе вѣка и теперь,—разницу, зависящую съ одной стороны отъ расширенія области наукъ и ихъ спеціализаціи, а съ другой—отъ распространенія книгопечатанія.

„Быстрое развитіе, говоритъ онъ, отдѣльныхъ наукъ и ихъ спеціализація сдѣлали невозможнымъ сколько-нибудь основательное знаніе всѣхъ разнородныхъ ихъ отраслей и должны были ослабить между факультетами связь, которая отчасти сохранилась на младшихъ курсахъ. Но эта связь настолько слаба, что приносимая ею польза сравнительно легко можетъ быть восполнена двумя-тремя лишними каѳедрами при каждомъ спеціальномъ заведеніи.

„Благодаря книгопечатанію, устное преподаваніе вообще потеряло значительную долю своего значенія. Въ средніе вѣка университеты были единственными центрами, гдѣ желающій могъ почерпнуть нужныя ему свѣдѣнія. Каѳедра была для профессора почти единственнымъ способомъ распространенія своихъ мнѣній. Если теперь еще устное преподаваніе играетъ первостепенную роль, не смотря на распространеніе книгъ, то это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ силы инерціи... Только тамъ, гдѣ нужны наглядныя объясненія или эксперименты, книга не въ состояніи замѣнить устнаго изложенія, сопровождаемаго опытами; но это относится только къ медицинскому и отчасти къ естественному и физико-математическому факультетамъ, на юридическомъ же, историко-филологическомъ и богословскомъ факультетахъ устное преподаваніе вообще играетъ второстепенную роль".

Большая половина брошюры кн. Цертелева посвящена разсмотрѣнію вопросовъ о политической свободѣ, братствѣ, равенствѣ и народномъ верховенствѣ съ точки зрѣнія принципа личной свободы.

Для того, чтобы свобода отдѣльныхъ лицъ могла проявляться, не приходя въ столкновеніе со свободой другихъ, необходима власть, которая, охраняя свободу и права каждаго, не позволяла бы имъ переходить въ произволъ и въ самоуправство. Требуемая власть должна быть достаточно разумною, чтобы опредѣлить эти права, и достаточно сильною, чтобы заставить ихъ уважать; кромѣ того, она должна быть безпристрастною и безкорыстною. Съ точки зрѣнія права

(т. е. огражденія личной свободы всѣхъ) совершенно безразлична форма такой власти, т. е. безразлична та или другая форма правленія. Разница между извѣстными, исторически-данными, формами касается только степени выполненія задачи верховной власти и тѣхъ жертвъ, которыя требуются отъ отдѣльныхъ лицъ для ея поддержанія. Но въ современной литературѣ господствуетъ-де полное смѣшеніе формы и содержанія, цѣли и способовъ достиженія ея. Идея объ учрежденіяхъ, призванныхъ охранять свободу, заслоняетъ собою идею самой свободы, и является искусственное, безсодержательное понятіе такъ-называемой „политической свободы“. Говорятъ уже не о свободныхъ людяхъ, а о „свободныхъ учрежденіяхъ“, вопреки здравому смыслу перенося свободу въ совершенно чуждую ей сферу и смѣшивая ее съ автономіей. Такого рода свобода, требуемая для органовъ общественнаго или всенароднаго представительства, есть, въ сущности, ничто иное, какъ *участіе въ государственной власти*, нисколько не вытекающее изъ принципа личной свободы. Вообще словами „политическая свобода“ прикрываются понятія и стремленія, не имѣющія ничего общаго съ свободой индивидуальною, которая одна только и имѣетъ опредѣленный смыслъ и дѣйствительное значеніе для каждаго изъ гражданъ.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія, по мѣткости и силѣ анализа, приводимое кн. Цертелевымъ противоположеніе между понятіями равенства и свободы.

„Между *равенствомъ* и *свободой*, говоритъ онъ, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Свобода даетъ возможность человѣку проявить всѣ свои силы и стремиться къ полному развитію всѣхъ своихъ способностей, къ достиженію во всѣхъ направленіяхъ и физической и умственной дѣятельности высшаго возможнаго для него совершенства. Равенство же стремится вогнать все въ одну норму, подвести все подъ одинъ уровень, все выдающееся унизить до одной плоскости, которую нельзя даже назвать золотою посредственностью. Лучше и полнѣе всего равенство достигается въ рабствѣ; менѣе всего различій между людьми, когда они превращаются въ рабочій скотъ, одинаково безправный и работающій на одного господина, все равно какъ бы онъ ни назывался—тиранномъ, плантаторомъ, или коммуной. Во всемъ, что живетъ, что способно къ свободѣ и къ развитію, равенство, если оно представляется яснымъ понятіемъ, а не громкимъ словомъ, должно вызвать то же чувство, какъ смерть, внѣ которой оно не достижимо. Равенство, какъ и смерть, не допускаетъ движеній и измѣненій“.

Послѣднее лицо республиканской тройцы—братство, лишенное своего духовнаго, христіанскаго содержанія, представляется также въ уродливомъ видѣ. Мы и здѣсь позво-

лимъ себѣ говорить словами автора разсматриваемой брошюры, къ которымъ намъ нечего прибавить отъ себя:

„И братомъ и ближнимъ является не тотъ, съ кѣмъ мы связаны болѣе или менѣе отдаленными узами крови (племеннымъ родствомъ, происхожденіемъ отъ одного общаго родоначальника), а тотъ, кто намъ близокъ по духу. Таковъ смыслъ Евангельской притчи о „самарянинѣ“, и только такое значеніе можетъ имѣть братство между всѣми людьми въ отдѣльности и всѣми народами.

„Взятое въ этомъ смыслѣ, оно составляетъ, конечно, одно изъ высшихъ понятій, доступныхъ человѣческому разуму; а чувства состраданія и любви, находящіяся въ тѣсной связи съ нимъ, являются одною изъ высшихъ задачъ религіи и этики. Но чѣмъ выше и идеальнѣе эти задачи, тѣмъ безразсуднѣе было бы класть ихъ въ основаніе положительнаго права. Ни чувства, ни мысли не могутъ предписываться положительнымъ закономъ. Тамъ, гдѣ живо сознаніе любви и правды, законы излишни, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, никакіе законы не въ силахъ воскресить его, а должны только ограждать людей отъ проявленій ненависти и несправедливости; но для достиженія такого результата нужно не нравственное совершенство, а физическая сила —нужна государственная власть, облеченная достаточными полномочіями, чтобы заставить уважать законы даже тѣхъ, кому совершенно чуждъ ихъ внутренній смыслъ“.

Брошюра заканчивается критикою народовластія—прямаго или посредствомъ выборнаго представительства; но противъ такого порядка или, скорѣе, безпорядка государственнаго управленія авторъ вооружается аргументами, которые мы считаемъ общеизвѣстными, а потому ограничиваемся выдержкою изъ заключительныхъ словъ кн. Цертелева.

„Мы присутствуемъ, говоритъ онъ, при печальномъ явленіи: то стремленіе къ свободѣ человѣческаго духа и человѣческой личности, которое съ такою силою выразилось въ движеніи научной и общественной мысли XVII и XVIII вѣковъ, вырождается въ борьбу мелкихъ интересовъ тщеславія и властолюбія... Не свобода виновата въ такомъ превращеніи, а тѣ, кто, не понимая или не цѣня ея внутренняго значенія, пытаются извлечь выгоду изъ ея названія, тѣ, которые видятъ въ ней не возможность дѣйствовать самостоятельно, пока этимъ не нарушаютъ права другихъ лицъ, а возможность дѣлать другому то, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали“.

Несомнѣнно, что подмѣна личной свободы замаскированною властью надъ другими „составляетъ одинъ изъ самыхъ невѣроятныхъ и въ то же время самыхъ распространенныхъ софизмовъ нашего времени“, но сознаются ли когда-нибудь въ своемъ подлогѣ прямые его виновники?

Н. Б.

II [1]).

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ.

Учебные и служебные годы: 1839—1851. Два тома.—Москва, 1888 г.

Говоря о воззрѣніяхъ и душевномъ настроеніи Ивана Сергѣевича,—просимъ это внимательно замѣтить,—мы остаемся лишь *въ предѣлахъ переписки его въ служебные годы*, которая оканчивается вмѣстѣ съ его службою въ мартѣ 1851 г. Говоря о славянофильствѣ въ первой статьѣ, мы также разумѣли то его состояніе, въ какомъ оно было въ эпоху этой переписки. Позднѣе, и очень скоро, для Ивана Сергѣевича открылось новое поле дѣятельности, прояснились пути и цѣли жизни, въ его душевномъ настроеніи произошелъ рѣшительный поворотъ—убѣжденія его сложились окончательно и окрѣпли на почвѣ того національнаго самосознанія, блестящей пропагандѣ котораго онъ отдался со всѣмъ жаромъ своей нервной, поэтической природы и умолкъ только на краю могилы. Но нужно сказать, что не Иванъ Сергѣевичъ былъ творцомъ „направленія", не онъ возвѣстилъ его нашему образованному обществу, не онъ охранялъ его колыбель, вынянчилъ, выростилъ и заставилъ признать законнорожденнымъ сыномъ родной земли.

По выходѣ изъ училища Правовѣдѣнія, въ 1842 году, Иванъ Сергѣевичъ поступилъ на службу въ московскій сенатъ, гдѣ занималъ должность секретаря до конца 1843 г.; затѣмъ участвовалъ въ сенаторской ревизіи Астрахани княземъ П. П. Гагаринымъ; лѣтомъ 1845 года назначенъ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты въ Калугѣ и въ маѣ 1847 года оберъ-секретаремъ 1-го отд. 6-го департамента Сената, т. е. опять въ Москвѣ, гдѣ и пробылъ въ новой должности до осени 1848 г. Такимъ образомъ половину времени съ весны 1842 до осени 1848 года Иванъ Сергѣевичъ прожилъ въ Москвѣ и почти два года въ Калугѣ, откуда наѣзжалъ къ роднымъ, да и въ самой Калугѣ, особенно у А. О. Смирновой, часто встрѣчался съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и другими близкими знакомыми и друзьями родительскаго дома. Это время было именно временемъ первой и горячей борьбы между славянофилами или просто „славянами", какъ ихъ тогда называли, и западниками; но Иванъ Сергѣевичъ не могъ принимать въ ней сколько-нибудь замѣтнаго участія

[1]) См. „Русск. Вѣст." кн. X.

и по недостаточной еще къ тому научной и литературной подготовкѣ [1]), и по своей нравственной незрѣлости, и потому, что еще слишкомъ былъ поглощенъ личною жизнью, внутренней борьбою съ самимъ собой. Онъ находился тогда *въ ученіи* у брата Константина, и, по свойственной юношамъ живости, иногда подшучивалъ надъ архаическими увлеченіями своего учителя. Едва-ли основательно мнѣніе издателей его писемъ, будто „очень молодыя и нѣсколько архаическія увлеченія Константина претили широкому и гораздо болѣе объективному уму брата Ивана". Кажущіяся издателямъ ширь и объективность вѣрнѣе было бы назвать слабымъ еще проникновеніемъ духа той русской старины, въ которую всецѣло погружался Константинъ Сергѣевичъ. Лучше понялъ этого замѣчательнаго человѣка, глубоко вѣровавшаго въ истинность исповѣдуемыхъ имъ началъ, современникъ и тоже страстный боецъ противнаго лагеря—А. И. Герценъ. Вотъ что говоритъ онъ о ратоборствѣ славянофиловъ:

„Сѣмя было брошено; на посѣвъ и защиту всходовъ пошла ихъ (Хомякова и бр. Кирѣевскихъ) сила. Надобно было людей новаго поколѣнія, не свихнутыхъ, не надломленныхъ, которыми мысль ихъ была бы принята не страданіемъ, не болѣзнью, какъ до нея дошли учители, а передачей, наслѣдіемъ. Молодые люди откликнулись на ихъ призывъ, люди станкевичева круга примыкали къ нимъ и въ ихъ числѣ такія сильныя личности, какъ Константинъ Аксаковъ и Юрій Самаринъ.

„Константинъ Аксаковъ не смѣялся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ состояніи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша, онъ рвался къ *дѣлу*. Въ его убѣжденіяхъ—не неувѣренное пытанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды, а фанатическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ одностороненъ, какъ всякій воинъ,—съ покойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной средой, средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ препятствій и водрузить свое знамя.

„Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода. Его діа-

---

[1]) Въ письмѣ къ кн. Д. А. Оболенскому отъ 30-го апрѣля 1847 г. онъ самъ говоритъ, что Константинъ непремѣнно хочетъ окунуть его въ „земское дѣло", но „я хочу прежде пополнить хоть отчасти тѣ невѣжественные пробѣлы, которыми полны наши познанія, особенно мои, словомъ—хочу читать и заниматься, оставя преслѣдованіе поэзіи". Тамъ же признается онъ, что „пытливый, докучливый анализъ умертвилъ" въ немъ „много жизни".

лектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель, какъ И. В. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убѣдительны".

Изъ двухъ братьевъ, въ разсматриваемую эпоху, нравственное превосходство было на сторонѣ Константина. Изъ писемъ самого Ивана Сергѣевича видно, что онъ находился подъ вліяніемъ старшаго брата и признавалъ законность этого вліянія. А. О. Смирнова, нѣсколько шокировавшая Аксакова-отца, принявъ его въ первый разъ лежа въ постели, и бывшая одно время въ Калугѣ злымъ геніемъ Ивана Сергѣевича, говаривала ему, что Константинъ „сбиваетъ его съ толку" и вмѣстѣ съ другими „напѣвала", не безъ задней мысли подзадорить самолюбіе молодаго человѣка, что онъ находится подъ вліяніемъ брата. „Я вовсе не намѣренъ отрицать этого, какъ вообще вліянія всякой истины", замѣчаетъ Иванъ Сергѣевичъ въ письмѣ къ Константину въ ноябрѣ 1845 года, „но нельзя сказать, чтобъ оно не проходило во мнѣ сквозь путь самобытный".

Мы не рѣшились бы поставить въ заслугу тогдашнему Ивану Сергѣевичу и его болѣе спокойное, пожалуй, болѣе „объективное" отношеніе къ противникамъ московскаго направленія. Въ маѣ 1846 г. въ Калугу пріѣзжалъ давать представленія знаменитый Щепкинъ и привезъ съ собою Бѣлинскаго, громившаго славянофиловъ въ „Отеч. Запискахъ" и особенно рѣзко отзывавшагося о Константинѣ Аксаковѣ. По словамъ Ивана Сергѣевича, „Щепкинъ всюду (и безъ приглашенія) таскалъ за собою Бѣлинскаго, даже не рекомендуя его". Такъ привелъ онъ его и въ домъ губернатора (Смирнова). Ивану Сергѣевичу приходилось съ нимъ встрѣчаться и участвовать въ общихъ разговорахъ и спорахъ по поводу Жоржъ-Зандъ, на которую, за ея *плебейское сердце*, сильно нападала Александра Осиповна Смирнова; но когда Бѣлинскій изъявилъ желаніе побесѣдовать съ нимъ „о многомъ", то „я, пишетъ Иванъ Сергѣевичъ, отвѣчалъ ему довольно сухо, что считаю это лишнимъ, что его убѣжденія мнѣ извѣстны, и что мы другъ друга не переубѣдимъ". Извѣстіе о пріемѣ Бѣлинскаго у Смирновыхъ произвело бурю въ домѣ Аксаковыхъ. Оттуда пошли сѣтованія на Александру Осиповну: „*какъ она допустила ихъ наравнѣ съ* Иваномъ въ свое общество, удостоила Бѣлинскаго разговора" и т. п. Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ:

„Мнѣ странны эти слова. Во-первыхъ, она властна до-

пускать въ свое общество кого ей угодно и когда это хочется; съ какой стати, по какому праву могу я претендовать на это; сохрани меня Богъ налагать какія-либо притязанія и требованія. Мнѣ не нравится ихъ общество, я ухожу. Деспотизмъ въ отношеніяхъ дружбы и знакомства, который играетъ такую важную роль у Константина, противенъ моей натурѣ. Я не люблю стѣснять ни чьей свободы, такъ какъ не люблю, чтобъ стѣсняли мою. Вы знаете, что я потому не допускаю ни ревности (которая, впрочемъ, есть ничто иное, какъ блестящій видъ зависти), ни любви, которая стѣсняетъ и связываетъ какъ личную свободу любящаго, такъ и чужую, къ кому она относится; разумѣется, я не говорю о любви — историческомъ чувствѣ. Это вовсе не эгоизмъ, и я свободнѣе за то могу сочувствовать всему истинно и вѣчно-прекрасному и всякому движенію добра. Но я отдалился отъ своего предмета. Во-вторыхъ, почему не удостоить Бѣлинскаго разговоромъ, его, человѣка умнаго и талантливаго, когда она сплошь да рядомъ удостоиваетъ разговора графовъ Ш—выхъ, А—хъ, С—а, Н—ва, очень многихъ изъ нихъ любитъ; а Бѣлинскій, согласитесь, стоитъ выше ихъ; по крайней мѣрѣ вся жизнь, вся дѣятельность этого человѣка прошла не въ пошлыхъ интересахъ. Убѣжденія свои мѣнялъ онъ часто, но всегда дѣйствовалъ по увлеченію и убѣжденію. Я не люблю Бѣлинскаго, но надо быть безпристрастнымъ. Къ тому же Бѣлинскій, по крайней мѣрѣ при мнѣ, не сказалъ ни одного дерзкаго слова, ни одного непріятнаго выраженія, ни одной цинической выходки или шутки. Къ тому же эта свобода, которою пользуешься въ разговорѣ съ А. О., которая, повидимому, даетъ всякому такъ много правъ, если не для всѣхъ, такъ для большей части, есть ничто иное, какъ: „привязанъ на полной свободѣ"... Я хлопочу о внутренней, нравственной свободѣ и нахожу, что въ сосредоточенности гораздо свободнѣе".

Отъ этой терпимости, чуждающейся дружбы и любви ради внутренней свободы, вѣетъ какъ будто холодомъ, въ ней сказывается нѣкоторая душевная надломленность юноши (Ивану Сергѣевичу не было тогда и полныхъ 23-хъ лѣтъ), заѣденнаго „докучливымъ анализомъ". Какая противоположность съ тою искреннею, исполненною высокаго благородства и сердечной боли нетерпимостью, которую проявлялъ Константинъ Сергѣевичъ. Герценъ разсказываетъ:

„Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ. К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно, сказалъ онъ, проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься". Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣ-

стѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры!"

Иванъ Сергѣевичъ въ то время нравственно еще не былъ готовъ для борьбы, но и тогда онъ не искалъ примиренія и считалъ его непростительною слабостію, наслѣдіемъ дряблости. Въ половинѣ іюня 1846 года онъ поднесъ А. О. Смирновой стихи весьма рѣзкіе, извѣстные въ печати,—они начинаются словами: „Вы примиряетесь легко".

Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ самолюбивая женщина, въ уста которой Пушкинъ вложилъ слова:

Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный,

которой писалъ Лермонтовъ:

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу,

передъ которою преклонялся Ю. Самаринъ и о которой Гоголь говорилъ:

„едва-ли найдется въ мірѣ душа способная понимать и оцѣнить ее"—

легко представить себѣ съ какимъ чувствомъ выслушала эта женщина отъ Ивана Сергѣевича такія истины:

А вы? вамъ въ душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратомъ тѣшиться могло!
Пускай досада и волненье
Не возмущаютъ вашу кровь;
Но, право, ваше примиренье—
Не христіанская любовь!
И вы къ покою и прощенью
Пришли въ развитіи своемъ
Не сокрушенія путемъ,
Но... равнодушіемъ и лѣнью.

Александра Осиповна рѣдко владѣла собою. Приведенная въ негодованіе, она то вспыхивала, то блѣднѣла, тряслась, поднимала руки кверху и не щадила жесткихъ упрековъ, но на этотъ разъ она отомстила за себя совсѣмъ особенно: похвалила стихи и огласила ихъ. Такой поступокъ заживо задѣлъ Ивана Сергѣевича, и оскорбленный юноша пишетъ новые стихи:

...Вашъ путь къ добру я строго порицалъ,
Затѣмъ, что я такъ искренно желалъ
Увидѣть васъ на высотѣ достойной,
Въ сіяніи чистѣйшей красоты...

*

Безумный бредъ, безумныя мечты!
И этотъ бредъ горячаго стремленья,—
Что вамъ однимъ я въ тайнѣ назначалъ,—
Съ холодностью разсчитанной движенья
И съ дерзостью обидною похвалъ,
Вы предали толпѣ на судъ безплодный:
Ей страненъ былъ отважный и свободный
Мой искренній, восторженный языкъ,
И понялъ я, хоть поздно, въ этотъ мигъ,
Что ждать нельзя инаго мнѣ отвѣта,
Что дама вы, блистательная, свѣта!..

Слыть за „блистательную даму свѣта" было даже непріятно въ Москвѣ сороковыхъ годовъ. Дворянская Москва принимала тогда живѣйшее участіе въ движеніи литературы и въ спорахъ между славянофилами и западниками. „Вообще Москва входила тогда, по словамъ одного современника, въ ту эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становятся вопросами жизни. Появленіе замѣчательной книги (напримѣръ, *Мертвыхъ душъ*) составляло событіе, критики и антикритики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ *бывало* въ Англіи или во Франціи слѣдили за парламентскими преніями. Отсутствіе всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности бросало образованную часть общества въ книжный міръ"...

Хоръ московскаго общества составлялся тогда изъ неслужащихъ дворянъ-помѣщиковъ или служащихъ не для службы, людей достаточныхъ, изъ молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. Въ этомъ обществѣ была та свобода неустоявшихся отношеній и неприведенныхъ въ косный порядокъ обычаевъ, которыхъ нѣтъ въ старой европейской жизни, и въ то же время въ немъ сохранилась привитая дворянству воспитаніемъ традиція западной вѣжливости; „она, съ примѣсью славянскаго laissez aller, а подчасъ и разгула, составляла особый русскій характеръ *московскаго* общества".

И вотъ эта-то Москва и принимала дѣятельное участіе въ ратоборствѣ „за мурмолки и противъ нихъ"; барыни и барышни читали статьи, слушали пренія, спорили сами за Константина Аксакова или за Грановскаго, „жалѣя *только*, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ". Онѣ были главными виновницами успѣха публичныхъ лекцій Грановскаго и провала публичныхъ лекцій Шевырева о Данте, распространительницами стиховъ, рукописей, полемическихъ статей, сборниковъ и такихъ книгъ, какъ переписка Гоголя съ друзьями. Онѣ же

рѣшали и успѣхъ театральныхъ пьесъ, въ родѣ водевиля Константина Сергѣевича „Почтовая карета“, въ которомъ осмѣивались петербуржцы. А. О. Смирнова въ присутствіи Бѣлинскаго говорила en plein salon, что отъ нея *приказано* было, когда шелъ водевиль, всѣмъ хлопать у нея въ ложѣ—Скалону, Рябинкѣ и другимъ. Вопросъ о правѣ гражданства новаго русскаго направленія или западничества рѣшался не книжно, а на вечерахъ, превращаемыхъ чуть не въ публичныя аудиторіи.

Споры возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ вечерахъ, на которыхъ встрѣчались обѣ враждующія стороны, а это бывало три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ у Чаадаева, по пятницамъ у Свербѣева, по воскресеньямъ у А. П. Елагиной. Кромѣ людей, имѣвшихъ мнѣнія, на эти вечера пріѣзжали просто любопытные—мужчины и дамы—и сидѣли до двухъ часовъ ночи, чтобъ посмотрѣть, кто кого одолѣетъ; здѣсь Константинъ Аксаковъ проповѣдывалъ русское направленіе своимъ „внѣшнимъ видомъ“ въ такомъ національномъ платьѣ,—острилъ Чаадаевъ,—что народъ на улицахъ принималъ его за персіянина [1]).

Но всеобщее вниманіе сосредоточивалъ на себѣ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

Вотъ отзывъ о немъ его противника—А. И. Герцена:

> „Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ... Хомяковъ былъ дѣйствительно опасный противникъ; закалившійся старый бреттёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, онъ обладалъ огромной эрудиціей... Онъ былъ всегда готовъ на запутаннѣйшій споръ. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку“.

Но для общественной пропаганды новаго ученія не доста-

---

[1]) А. О. Смирнова находила, что онъ носитъ слишкомъ узкіе панталоны, „французскіе“. Не скупилась она на остроты и надъ другими своими пріятелями славянофильскаго круга. Такъ, напримѣръ, она говорила, что „разговоръ Самарина почти то же, что колокольный звонъ, все объ одномъ и томъ же, о Москвѣ, Россіи, народѣ и пр. и пр.“ Любопытно, что Юрій Ѳедоровичъ писалъ ей въ концѣ 1846 года: „въ Москвѣ всѣ вами довольны, исключая моего пріятеля Аксакова (Константина), который сердитъ на меня за то, что я не внушилъ вамъ фанатическаго жара“. См. Ярославскія письма Ивана Сергѣевича.

точно было діалектическихъ турнировъ въ частныхъ домахъ, нужна была болѣе широкая, печатная гласность.

Учители славянофильства не имѣли еще, строго говоря, своего органа въ сороковыхъ годахъ. „Москвитянинъ“ не могъ служить выраженіемъ его дѣйствительно жизненныхъ началъ. По „личной ненависти Погодина къ дворянству“, онъ занимался обличеніемъ злоупотребленій высшаго сословія, преимущественно нападками на западную аристократію и проповѣдью т. н. *оффиціальной народности*; но всѣ его обличенія были довольно грубы, чтобы не сказать, плоски, а безтактность борьбы съ противниками отталкивала отъ него даже своихъ людей. На страницахъ „Москвитянина“ поэтъ Языковъ въ пьесѣ „Не наши“ называлъ Чаадаева отступникомъ отъ православія, Грановскаго лже-учителемъ, растлѣвающимъ юношей, Герцена—слугой, носящимъ блестящую ливрею западной науки, и всѣхъ трехъ—измѣнниками отечеству. Разумѣется, онъ никого не называлъ по имени. Но подобные полемическіе пріемы не были въ нравахъ ни Хомякова, никогда не выходившаго въ своей полемикѣ (съ Грановскимъ, напр.,) изъ границъ строгаго приличія и порядочности, ни близкихъ его друзей, бр. Кирѣевскихъ, людей „твердаго и чистаго какъ сталь“ (отзывъ противника) нравственнаго закала, ни Константина Аксакова, оставшагося до конца жизни „вѣчно восторженнымъ и въ чистотѣ своего сердца безпредѣльно благороднымъ юношей“ (тоже отзывъ его противника). Послѣдній даже не выдержалъ и отвѣчалъ не въ мѣру расходившемуся поэту, своему союзнику, тоже стихами, называя такихъ славянъ *не нашими*, и отнесся къ нимъ очень рѣзко.

Безтактность нѣкоторыхъ выходокъ Погодина только усиливала расположеніе общества къ „Отеч. Запискамъ“, гдѣ Грановскій, Герценъ и др., особенно же Бѣлинскій, выступали борцами западничества. Къ тому же своеобразный языкъ Погодина, „его фразы, изрубленныя въ куски“, ослабляли впечатлѣніе даже его болѣе глубокихъ по содержанію статей. *Москвитянинъ* выражалъ преимущественно университетскую, доктринерскую партію славянофильства и хотя неловко задѣвалъ Грановскаго за его публичныя лекціи, но не отказывался и отъ помѣщенія его статей на своихъ страницахъ. Бѣлинскій энергично возставалъ противъ такого участія своихъ (западниковъ) въ „прокаженномъ“ журналѣ.

„Я жидъ по натурѣ, писалъ онъ въ Москву одному изъ друзей, и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ *Москвитянинѣ*. Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не

люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія".

Въ провинціи, даже въ такихъ почти подмосковныхъ городахъ, какъ Калуга, не знали о существованіи „Москвитянина", хотя въ немъ и помѣщались благодарственныя письма изъ провинціи Шевыреву за его публичныя лекціи по поводу Данте о народности въ искусствѣ и о православіи въ наукѣ. Иванъ Сергѣевичъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу, выражаетъ сомнѣніе, чтобы эти лекціи могли пользоваться дѣйствительнымъ успѣхомъ и сочувствіемъ общества, а Герценъ свидѣтельствуетъ, что „публики было много, но она оставалась холодна".—Конечно, показанія такого страстнаго противника должны приниматься осторожно.

За исключеніемъ Ив. Вас. Кирѣевскаго, помѣщавшаго иногда въ *Москвитянинѣ* свои „Обозрѣнія современнаго состоянія Словесности", никто изъ признанныхъ учителей новаго русскаго направленія не помѣщалъ въ немъ серьезныхъ статей. Петръ Вас. Кирѣевскій, занимаясь собираніемъ пѣсенъ и переводами произведеній иностранной литературы (этотъ проповѣдникъ рѣшительнаго, полнаго отчужденія отъ всего западнаго свободно писалъ и говорилъ на восьми языкахъ), во всю свою жизнь написалъ только одну статейку, а Конст. Серг. Аксаковъ былъ очень занятъ своею магистерскою диссертаціей о Ломоносовѣ и громадною филологическою работою по русской грамматикѣ, въ предположенномъ объемѣ оконченною имъ лишь незадолго до смерти послѣ 22-лѣтняго труда, и хотя сочинялъ стихи, написалъ упомянутый нами водевиль и драму „Освобожденіе Москвы", но, на сколько намъ извѣстно изъ полнаго собранія его сочиненій, до 1852 года ничего не печаталъ изъ своихъ трудовъ по вопросамъ общественно-историческимъ, въ которыхъ съ такою ясностью и опредѣленностью высказаны основныя положенія славянофильства [1]). Первая большая статья Хомякова „Мнѣніе иностранцевъ о Россіи" напечатана въ № IV *Москвитянина* за 1845 годъ. Всѣ учители новаго направленія предпочитали

---

[1]) Извѣстныя статьи Конст. Серг. Аксакова: „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности", „По поводу VI тома (Іоаннъ III) исторіи Россіи г. Соловьева", „О богатыряхъ временъ Великаго Князя Владиміра" и „Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ"—напечатаны въ изданіяхъ его брата Ивана Сергѣевича: первая въ Моск. Сб. 1852 г., двѣ слѣдующія въ „Русск. Бесѣдѣ" 1856 г. и послѣдняя въ газетѣ „Парусъ" 1859 г. Кромѣ того изданы послѣ его смерти черновыя рукописи по русской исторіи (одна изъ нихъ предназначалась въ предисловіе къ исторіи для дѣтей), написанныя, по всей вѣроятности, въ 1849 и 1850 гг.

помѣщать свои публицистическія работы въ особыхъ сборникахъ. Такъ, въ сборникѣ Вас. Ал. Панова были помѣщены извѣстныя статьи Хомякова: „Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ“ (Моск. Сб. 1846 г.) и „О возможности русской художественной школы“ (Моск. Сб. 1847 г.). Свою полемику съ Грановскимъ Алексѣй Степановичъ велъ на столбцахъ „Московскаго Городскаго Листка“ (В. Драшусова), для котораго и А. И. Герценъ написалъ въ 1846 году (годъ открытія „Листка“) юмористическую статью: „Станція Едрово“.

Неумѣлость издателей вести дѣло, оживить журналъ и овладѣть вниманіемъ общества побудила славянофиловъ предложить главную редакцію Ивану Васильевичу Кирѣевскому. Не только со стороны ума и таланта, но и съ финансовой стороны нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Иванъ Васильевичъ горячо принялся за дѣло, для него оставилъ свое деревенское уединеніе и переѣхалъ въ городъ. Петръ Васильевичъ написалъ тогда свою единственную статью, сталъ писать и Хомяковъ; но дѣло не спорилось. Въ первой же книжкѣ статья И. В. Кирѣевскаго (Обозрѣніе словесности) противорѣчила статьѣ Погодина. Послѣдній доказывалъ, что два государства, развивающіяся на разныхъ началахъ, не привьютъ другъ къ другу основаній своей жизни, Кирѣевскій же, напротивъ, мѣтко обрисовавъ современное состояніе умовъ на западѣ, утверждалъ, что славянскій міръ можетъ обновить Европу своими началами. Но не въ этой разноголосицѣ лежала опасность,—главная бѣда была въ томъ, что въ средѣ московскихъ славянъ не находилось человѣка способнаго уловить текущее движеніе общественной мысли, отвѣчать на вопросы, непосредственно вызываемые потребностями времени и условіями общественной жизни и пріурочить свое дѣло къ общественнымъ интересамъ. Въ основѣ новаго направленія лежало вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ. Съ этого сознанія начался переломъ въ русской общественной мысли, явилась потребность обновленія... но съ чего начать, какими путями идти къ источнику живой воды?

Легко было согласиться съ Хомяковымъ, что

„дѣло наше—возрожденіе жизненныхъ началъ въ самихъ себѣ, слѣдовательно оно можетъ быть исполнено только искреннею перемѣною нашего внутренняго существованія“.

Невозможно было не признать истинности положенія, что

„художество не есть произведеніе единичнаго духа, но произведеніе духа народнаго въ одномъ какомъ-нибудь лицѣ“.

Несомнѣнно, что

„общеніе (между людьми) заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но и чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной... Только въ живомъ общеніи народа могутъ проясниться его любимые идеалы и выразиться въ образахъ и формахъ, имъ соотвѣтственныхъ“.

Все это такъ. Но отсюда Алексѣй Степановичъ выводилъ:

„для того, чтобы оживилась наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны, сознавая собственное свое безсиліе и собственныя нужды, слиться съ жизнью русской земли, не пренебрегая даже *мелочами обычая* и, такъ сказать, *обряднымъ единствомъ*, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго,—и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ... Нападеніе на русское платье есть нападеніе на свободу вкуса и чувства, нисколько не посягающую на чужой вкусъ и чужое чувство; оно будетъ разумно только тогда, когда будетъ доказано, что фракъ разумнѣе или удобнѣе зипуна, или когда художники произнесутъ приговоръ о сравнительномъ изяществѣ нарядовъ... Конечно, о такихъ мелкихъ подробностяхъ не стоило бы упоминать, но не мѣшаетъ и упомянуть, чтобы привести мысль и чувство такъ называемой образованной публики къ большей простотѣ (необходимому условію того жизненнаго общенія, о которомъ я уже говорилъ). Только въ этой безъискусственной простотѣ можетъ пробудиться возможность искусства, науки и разумнаго быта“.

Образованному обществу предлагается надѣть на себя національное платье какъ монашескія вериги, наложить на себя эпитимію даже мелочныхъ обычаевъ и обрядностей, чтобы опроститься до уровня массы, достигнуть „видимаго *образа* единства“. О бытовой свободѣ меньшинства тутъ уже не можетъ быть рѣчи, она всецѣло должна быть принесена въ жертву Ваалу „жизненнаго общенія“ съ большинствомъ. Надо добровольно отрѣшиться отъ свободы личныхъ вкусовъ и чувствъ, втиснуть ихъ въ данную форму. Это уже какое-то прокрустово ложе, не имѣющее ничего общаго съ понятіемъ о „естественномъ и нравственномъ братствѣ“ или съ „внутреннею правдою“, достиженіе которыхъ Хомяковъ поставляетъ конечною цѣлью обрядоваго подвижничества. Ив. Вас. Кирѣевскій говорилъ Грановскому: „сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ“. И до вѣры, отъ поклоненія началамъ „вели-

кой“ французской революціи, Иванъ Васильевичъ дошелъ не путемъ обрядоваго искуса. Онъ такъ разсказывалъ о своемъ обращеніи:

„Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери (Иверской) и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты, и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахѣ и на святую икону—тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... и я палъ на колѣни и смиренно молился ей“.

Противъ приведеннаго пункта славянофильскаго ученія рѣшительно высказывался и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Онъ писалъ изъ Калуги 1-го февраля 1847 года:

„Я не раздѣляю мечты Константина, что можно намъ, уже выскочившимъ изъ сферы чистой національности, сочувствовать вполнѣ народу. *Я сошелъ бы съ ума, еслибы мнѣ пришлось жить постоянно съ мужикомъ*,—и мысль, которую Константинъ развиваетъ въ своей повѣсти, есть Жоржъ-Зандовская утопія“.

Едва-ли мы ошибемся, полагая, что фразы: „выскочившимъ изъ сферы чистой національности“ и „сочувствовать вполнѣ народу“—не точно выражаютъ мысль Ивана Сергѣевича. Намъ кажется, что онъ подразумѣвалъ не „чистую“, а первобытную національность въ ея грубыхъ формахъ, и имѣлъ въ виду не сочувствіе народу, а полное сродство съ нимъ во всѣхъ чувствахъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ, что не раздѣляетъ мечты Константина и вполнѣ раздѣляетъ мысль сына Ивана.

Въ славянофильствѣ сороковыхъ годовъ многое для всѣхъ еще оставалось невыясненнымъ по винѣ самихъ учителей новаго направленія, многое оставалось недосказаннымъ по причинамъ внѣшнимъ, многое было искажено первоначальною редакціей *Москвитянина* [1]). Большинству образованнаго общества и правительству оно представлялось еще загадочнымъ, и какъ въ то же время, для отыска-

[1]) Кромѣ всѣхъ органическихъ недостатковъ изданія, *Москвитянинъ* еще и опаздывалъ выходомъ въ свѣтъ иногда мѣсяца на два.

нія истины, „правды народной жизни“, „правды внутренней“, постоянно обращалось назадъ, роясь даже не въ Московскомъ государствѣ, а въ Кіевской Руси, игнорируя текущіе вопросы общественной жизни, то и не могло выбиться изъ тѣснаго круга доктринеровъ и любителей, осталось при одномъ началѣ, не завершивъ перелома въ господствующемъ порядкѣ идей.

Настоящій учитель новаго направленія, съ цѣльнымъ русскимъ міровоззрѣніемъ, Константинъ Аксаковъ, еще молчалъ передъ публикою, еще не могъ говорить съ полною искренностью, и это молчаніе усиливало торжество западниковъ, предводимыхъ людьми болѣе чуткими къ вопросамъ современности, безспорно талантливыми и съ замѣчательною ловкостью умѣвшими писать между строкъ (въ обходъ цензурныхъ стѣсненій), говорить подборомъ фактовъ,— не высказываясь, *наводить* на мысли. Съ грустью, доходившею почти до отчаянія, видѣлъ Иванъ Сергѣевичъ успѣхи представителей западнаго космополитизма и принижение національнаго самосознанія, забитость новаго направленія, затираемаго ложными толками. Въ половинѣ декабря 1845 года, т. е. послѣ годичнаго почти опыта новой редакціи *Москвитянина*, онъ увѣдомлялъ родныхъ:

„Арнольди получилъ письмо отъ одного изъ своихъ товарищей, петербургскаго студента или кандидата, жоржъзандиста (ихъ въ Петербургѣ цѣлое общество молодыхъ людей), который сообщаетъ ему обо всѣхъ литературныхъ новостяхъ. Какая дѣятельность! Множество альманаховъ должно выйти зимой, въ томъ числѣ одинъ, издаваемый „Отечественными Записками“ съ компаніей, другой — собственно *молодымъ покольніемъ*, сочувствующимъ не Россіи, а цѣлому міру и человѣчеству! Онъ пишетъ, что, вѣрно, альманахъ этотъ будетъ имѣть благотворное вліяніе и пр. Видно, что это для него также горячія, безкорыстныя мечты!.. А мы въ Москвѣ ничего, ничего не дѣлаемъ! Насъ наводнятъ петербуржцы своими произведеніями, смѣясь надъ нами, ложно толкуя наше направленіе [1]... Или надо замолчать и покориться мысли, что честные, благородные и одни здравомыслящіе люди—всегда будутъ забиты, что голосъ истины не можетъ, не долженъ раздаваться, или будетъ вѣщать какъ въ пустынѣ!.. Онъ пишетъ, между прочимъ, что Григорьевъ (поэтъ „Пантеона и Репертуара“, другъ Калайдо-

---

[1]) Даже такой человѣкъ, какъ М. Н. Катковъ, судя о славянофилахъ по одному Погодинскому „Москвитянину“, не щадилъ рѣзкихъ словъ по адресу „гнуснаго руссопетскаго направленія“ (см. письмо его изъ Берлина къ А. А. Краевскому въ соч. С. Невѣдѣнскаго: „Катковъ и его время“ стр. 81—82).

вича, кандидатъ московскаго университета, служащій въ Петербургѣ) въ десятой (или декабрьской) книжкѣ „Пантеона" напечаталъ комедію, гдѣ очень хорошо выставленъ Аксаковъ подъ именемъ Баскакова, фурьеристъ Пѣтушевскій [1]) (одинъ изъ петербургскихъ) и Кибуловичъ (Калайдовичъ). Аксаковъ, между прочимъ, говоритъ, что истинное семейное начало лежитъ въ славянскомъ народѣ и пр. и пр., и декламируетъ:

Мужъ можетъ бить жену, но убивать не смѣетъ!

„Откуда это все взято, — не знаю. Но Григорьевъ не видалъ даже Константина, стало быть это все по слухамъ и разсказамъ К—ча, съ которымъ онъ видно поссорился, ибо выставляетъ его говорящимъ безпрерывно: Матвѣй Михайловичъ! Каково же, однако, выставить К—ча, какъ будто онъ что-нибудь значитъ! Впрочемъ, Григорьевъ друженъ и съ „Отечественными Записками". Сіи послѣднія нашли новую звѣзду, какого-то Достоевскаго (*тогда страстнаго западника*), „котораго ставятъ чуть-ли не выше Гоголя, находя въ Гоголѣ много славянофильскаго духа!!!!... Ахъ, Господи Боже мой, все такъ гнусно и скверно, а у насъ въ Москвѣ все такъ же пусто, бездѣйственно, что не знаешь, что дѣлать, куда приклонить голову въ Россіи!"

Вслѣдъ затѣмъ открылась вторая серія публичныхъ чтеній Грановскаго—новое торжество въ Москвѣ успѣховъ западничества.

Что касается московской университетской молодежи, то она уже вступала на путь того „реализма", который далеко и надолго отводилъ ее въ сторону отъ ученія славянофиловъ и даже отъ романтическаго либерализма. По свидѣтельству Герцена, весь курсъ 1845 г. ходившаго на лекціи сравнительной анатоміи и въ анатомическомъ театрѣ познакомившагося съ „новымъ поколѣніемъ юношей", направленіе студентовъ было „совершенно реалистическое". Замѣчательно, что таково было направленіе „почти всѣхъ царскосельскихъ лицеистовъ", т. е. бывшихъ лицеистовъ, устремившихся къ свѣту университетской науки.

„Съ радостью, говоритъ Герценъ, привѣтствовалъ я въ лицеистахъ, бывшихъ въ московскомъ университетѣ, новое, сильное поколѣніе.

„Вотъ эта-то университетская молодежь, со всѣмъ нетерпѣніемъ и пыломъ юности преданная вновь открывшемуся передъ ними свѣту реализма, съ его здоровымъ румянцемъ (!), разглядѣла въ чемъ мы расходились съ Грановскимъ. Страстно его любя, они начали возставать противъ его „романтизма". Они хотѣли непремѣнно. чтобы я склонилъ его на нашу сторону, считая Бѣлинскаго и меня представителями ихъ (!) философскихъ (!!) мнѣній".

Одиночество еще сильнѣе почувствовалось славянофилами съ появленіемъ въ свѣтъ „Современника", воскрешеннаго опять же энергіей Бѣлинскаго и его кружка. Иванъ

[1]) Т. е. Петрашевскій.

Сергѣевичъ не могъ не признать въ первой же вышедшей книжкѣ занимательности ея содержанія, въ противоположность съ тою скукою, которою вѣяло отъ *Москвитянина* [1]), а въ концѣ февраля 1847 года онъ пишетъ:

„Какъ, однако же, вѣрны себѣ издатели „Современника“. Всѣ повѣсти, весь журналъ проникнутъ одной идеей“.

Такого достоинства тоже не доставало *Москвитянину*— этой ветхой ладьѣ, на которой кое-какъ, съ пересадками въ „Московскія Вѣдомости“ и „Листокъ“, доплыли славянофилы до начала пятидесятыхъ годовъ, когда Иванъ Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и сталъ издавать свой „Московскій Сборникъ“, а затѣмъ окончательно созрѣла мысль и явилась возможность издавать „Русскую Бесѣду“.

А. М.

¹) Статьи же Погодина, кромѣ того, имѣли особое имъ собственно присущее, отталкивающее для тогдашняго круга образованныхъ читателей свойство. Герценъ писалъ: „Читая Погодина, все думаешь, что онъ бранится и осматриваешься, нѣтъ ли дамъ въ комнатѣ“.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ VIII. Трактаты съ Германіею, 1825—1888 г.

Передъ нами въ настоящее время лежитъ VIII томъ собранія трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ Пруссіей и нѣкоторыми второстепенными германскими государствами. Томъ этотъ обнимаетъ эпоху съ 1825 по 1888 г. Въ историческихъ введеніяхъ, предпосланныхъ каждому болѣе или менѣе значительному договору нашему съ Пруссіей за время съ 1825 по 1854 г. (царствованіе Николая I), профессоръ Ф. Мартенсъ, въ талантливомъ изложеніи, сгруппировалъ тѣ основанія, тѣ цѣли, которыя преслѣдовались нашимъ правительствомъ при ихъ заключеніи.

Перечитывая эти драгоцѣнные матеріалы, извлеченные почтеннымъ авторомъ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и впервые публикуемые, невольно поражаешься той стойкостью, той послѣдовательностью, которыми отличалась наша внѣшняя политика при проведеніи въ жизнь программы дѣйствій, намѣченной Николаемъ Павловичемъ. Вездѣ чувствуется одна рука, одна державная воля. Когда же прочтешь всѣ отмѣтки, которыя Государь дѣлалъ на отдѣльныхъ дипломатическихъ актахъ и, приведенныя проф. Ф. Мартенсомъ, собственноручныя записки Николая Павловича по разнымъ вопросамъ, передъ глазами воскресаетъ великій образъ одного изъ самыхъ благородныхъ и рыцарственныхъ государей, которыхъ когда-либо знала исторія.

Императоръ Николай I вполнѣ былъ проникнутъ сознаніемъ пользы дружбы съ Пруссіей и лично питалъ большое

почтеніе къ своему тестю—королю прусскому. Но выше всего стояли для него интересы Россіи, охраненіе которыхъ сдѣлалось по волѣ Промысла цѣлью его жизни. На третій же день по восшествіи своемъ на престолъ, онъ призналъ необходимымъ объявить самымъ деликатнымъ образомъ королю прусскому, что родственныя отношенія, соединяющія его съ прусскимъ королевскимъ домомъ, не въ состояніи будутъ заставить его забыть когда-либо долгъ свой, въ качествѣ Государя, по отношенію къ Россіи.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ „частное" письмо графа Нессельроде къ нашему посланнику въ Берлинѣ графу Алопеусу отъ 16-го декабря 1825 года. „Вступленіе на престолъ Императора Николая", пишетъ вице-канцлеръ, „должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ, въ виду того, что священныя узы, которымъ Императоръ Николай обязанъ счастіемъ своей жизни, соединяютъ въ настоящее время государей этихъ обоихъ сосѣднихъ и дружескихъ государствъ. Но сильно ошибутся, если на существованіи этихъ близкихъ родственныхъ отношеній найдутъ возможнымъ основывать надежду относительно направленія, въ которомъ на будущее время будутъ разрѣшаемы вопросы политическіе, торговые, финансовые и т. п., возникшіе между обоими правительствами".

„Система Его Императорскаго Величества", продолжаетъ графъ Нессельроде, „не будетъ имѣть другой цѣли, какъ благоденствіе своего государства, другаго руководящаго начала, какъ несомнѣнные интересы народовъ, ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ". Государь всегда будетъ относиться съ полнымъ безпристрастіемъ къ спорнымъ между обоими монархіями дѣламъ и „старательно будетъ избѣгать даже подавать видъ, что онъ дѣлаетъ какую-нибудь уступку только изъ родственныхъ чувствъ. Въ особенности въ дѣлахъ Царства Польскаго (на которое Пруссія простирала свои хищническіе торговые виды со времени Вѣнскаго конгресса, ссылаясь на одну изъ принятыхъ на немъ договорныхъ статей, въ ущербъ русской промышленности) Его Величество рѣшился неуклонно держаться такого образа дѣйствій.

„Въ этомъ смыслѣ, кончаетъ вице-канцлеръ свое любопытное письмо, Государь соизволилъ высказаться въ первыя же минуты послѣ вступленія своего на престолъ и поручилъ сообщить объ этомъ графу Алопеусу. „И такъ постарайтесь", заключаетъ гр. Нессельроде, „немедленно разрушить всякія иллюзіи, которыя могутъ имѣть на этотъ

счетъ въ Берлинѣ, и пользуйтесь съ этою цѣлью случаями, которые вамъ представятъ ваши конфиденціальные разговоры съ вліятельными особами при Дворѣ и въ Министерствѣ“ (стр. 50—51).

Замѣчательна слѣдующая собственноручная записка Государя, писанная имъ въ концѣ 1830 года (стр. 169 и слѣд.):

„Серьезность настоящихъ обстоятельствъ, — начинает „Императоръ Николай I, — въ связи съ непосредственным „интересами Россіи, заставляетъ меня уяснить самому себ „вліяніе, ими производимое на меня. Результатъ этого испытанія передъ судомъ моей совѣсти, кажется, опредѣляетъ мои „обязанности.

„Географическое положеніе Россіи настолько счастливо, „что оно дѣлаетъ ее почти независимой въ отношеніи своихъ собственныхъ интересовъ отъ того, что происходитъ „въ Европѣ. Россіи нѣтъ надобности искать союзниковъ, „потому что ей нечего бояться; границами своими она довольна, и ей нечего желать въ этомъ отношеніи и потому „она ни въ комъ не должна вызывать безпокойства“.

Говоря затѣмъ о двусмысленномъ подчасъ отношеніи къ намъ Пруссіи и Австріи и осуждая ихъ образъ дѣйствій по поводу „позорной іюльской революціи“, Государь продолжаетъ: „легко было предвидѣть, что послѣ такого примѣ„ра трусости, рядъ событій и мѣропріятій естественно не „могъ на этомъ остановиться; и дѣйствительно въ Брюс„селѣ скоро послѣдовали примѣру Парижа. Тамъ сама ко„ролевская власть была виновата, потому что она дала по„водъ къ возмущенію; напротивъ, въ Брюсселѣ ничего по„добнаго не случилось и отъ Государя исходили только бла„годѣянія. Однако и здѣсь былъ принятъ тотъ же самый „принципъ и было объявлено, что *„страна больше не при„знаетъ своего прежняго Государя, и потому эта страна незави„сима. Поспѣшимъ же признать эту независимость и утвердимъ ее, давъ странѣ Государя*“.

„Но Государь былъ еще хозяиномъ въ своей прежней „землѣ и, имѣя въ виду только свою честь, неустанно ста„рается поддержать ее—подавая высокій примѣръ, достой„ный лучшей участи. И какъ было поступлено относительно „Франціи, не спросивъ согласія своего *стараго* союзника, „Австрія и Пруссія поторопились объявить о своемъ одо„бреніи.

„Но мы съ самаго начала пошли по болѣе благород„ному пути и, будучи единственными борцами за справед-

„ливость, сумѣли поставить предѣлы гнѣву Англіи и „Франціи.

„Развѣ мы могли, не обезчестивъ себя, измѣнить нашъ „образъ дѣйствія?.. Сохранимъ же неприкосновеннымъ этотъ „священный огонь для той торжественной минуты, на-„ступленіе которой предупредить и отсрочить не въ со-„стояніи никакая человѣческая сила, когда борьба между „справедливостью и адскимъ началомъ должна возникнуть, „эта минута близка и да будемъ *мы* тѣмъ знаменемъ, подъ „которымъ силою обстоятельствъ и для собственнаго ихъ „спасенія станутъ вторично тѣ, которые обуются страхомъ „въ такія минуты... Въ часъ опасности насъ всегда уви-„дятъ готовыми придти на помощь тому изъ союзниковъ, „который возвратится къ нашимъ старымъ началамъ; въ „противномъ же случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ ни „своими деньгами, ни драгоцѣнной кровью своихъ солдатъ.

„Вотъ моя исповѣдь; она серьезна... она ставитъ насъ „въ новое и изолированное положеніе, но, смѣю сказать, въ „положеніе почетное и насъ достойное.

„Кто посмѣетъ на насъ напасть? Но если кто и осмѣлится, „я увѣренъ въ поддержкѣ народа, потому что онъ оцѣнитъ „свое положеніе и сумѣетъ, съ Божіей помощью, наказать „смѣлость нападателей".

Не менѣе замѣчательны мысли, высказанныя Императоромъ Николаемъ I по восточному вопросу, по поводу польскаго возстанія 1831 г. и по поводу революціонныхъ движеній въ Германіи. Въ концѣ своего царствованія (въ 1850 г.) Государь, говоря объ истекшихъ 25 годахъ, пишетъ (стр. 422):

„Если въ продолженіи этого времени я въ состояніи „былъ доставить моему отечеству какое-либо благо и если „это подтвердитъ потомство, то я щедро буду вознаграж-„денъ за всѣ тяжелыя минуты моей довольно трудовой „жизни. Съ самаго начала моего царствованія, будучи безъ „моего вѣдома призванъ исполнять обязанности, къ кото-„рымъ я никогда не приготовлялся, и будучи поставленъ „въ положеніе совершенно ненормальное, какимъ же обра-„зомъ я могъ бы когда-либо выйти изъ него, еслибъ Господь „видимымъ образомъ не руководилъ мною и еслибъ не на „Него одного я возложилъ всѣ мои надежды?"

Приведенныхъ выписокъ достаточно для того, чтобы выяснить высокій интересъ, который представляютъ настоящія историческія разъясненія проф. Мартенса. Благодаря имъ, сухіе и дѣловые трактаты и конвенціи какъ бы одухотво-

ряются, за буквой ихъ, читатель начинаетъ видѣть ту борьбу экономическихъ и политическихъ интересовъ, то историческое прошлое, которое призвало ихъ къ жизни и даетъ имъ внутренній смыслъ. Но болѣе всего они обнаруживаютъ твердость убѣжденій, глубину мысли и царственное величіе Императора Николая I, глубоко проникнутаго сознаніемъ своего монаршаго долга. Настоящій VIII томъ предпринятаго авторомъ громаднаго труда является самымъ рельефнымъ доказательствомъ сказаннаго. Это—образцово составленный и систематизированный сборникъ и въ то же время талантливо написанная историческая монографія.

II.

Кіевъ теперь и прежде. Составилъ М. М. Захарченко, издалъ С. В. Кульженко. Кіевъ, 1888 г.

Роскошное изданіе это, въ четвертую долю листа, можетъ быть названо образцомъ типографскаго искусства. По изяществу и чистотѣ шрифтовъ, по художественному исполненію свѣто-печатныхъ видовъ города Кіева, его окрестностей, наиболѣе замѣчательныхъ зданій, монастырей, храмовъ, иконъ, гробницъ, памятниковъ и т. д., оно смѣло можетъ занять мѣсто въ ряду лучшихъ иллюстрированныхъ изданій не только нашихъ столицъ (ни Петербургъ, ни Москва не имѣютъ еще ему равнаго), но и городовъ иностранныхъ, наиболѣе извѣстныхъ искусствомъ своихъ мастеровъ книгопечатнаго дѣла. Замѣчательно еще, что всѣ работы и весь матеріалъ (за исключеніемъ бумаги)—мѣстнаго производства.

Читатель выноситъ не только впечатлѣніе изящнаго, перелистывая эту книгу, но и цѣльное представленіе о наружномъ Кіевѣ въ его прошломъ и настоящемъ. Составитель описанія города не мало потрудился надъ собраніемъ воедино историческихъ данныхъ о святыняхъ, благоустройствѣ и топографическомъ расположеніи матери городовъ русскихъ въ различныя эпохи старины. По этимъ даннымъвоспроизведены четыре плана города: въ языческія времена, въ христіанскія—до разрушенія его Батыемъ, въ эпоху иноземнаго владычества и по возсоединеніиКіева съ Россіей до XIX вѣка. Эта кропотливая работа удовлетворяетъ различнымъ цѣлямъ. Сравнивая воспроизведенные планы между собою и съ современнымъ планомъ города, мы видимъ, напр., какъ постепенно осушалось и заселялось Подолье, какъ разрушалась и исчезала коса, отдѣлявшая нижнее теченіе Почайны отъ русла Днѣпра, покуда водами послѣдняго не были смыты

послѣдніе ея остатки, въ видѣ острова существовавшіе еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и Днѣпръ занялъ мѣсто и древней Ольгиной гавани, и св. Купели русскаго народа, отодвинувъ устье Почайны вверхъ къ урочищу Оболонь.

Началомъ нынѣшняго своего, можно сказать, цвѣтущаго состоянія городъ обязанъ особой о немъ заботливости Императора Николая Павловича, которому готовитъ памятникъ. Кіевъ непрерывно разростается и увеличиваетъ свое населеніе, обстраиваясь зданіями красивой архитектуры изъ чрезвычайно прочнаго мѣстнаго кирпича. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія число всѣхъ строеній въ Кіевѣ не превышало $5^1/_2$ тысячъ, въ 40-хъ годахъ оно возрасло не болѣе какъ на 500, при чемъ всѣхъ каменныхъ домовъ было около 300, а въ настоящее время въ Кіевѣ расположено 5,906 усадебъ, на которыхъ находится до 21.150 разныхъ зданій, жилыхъ домовъ и другихъ построекъ: въ томъ числѣ около 3 тыс. каменныхъ и 18 тыс. деревянныхъ. Заселенная полоса земли, занимаемая Кіевомъ, тянется въ длину, т. е. по теченію Днѣпра, почти на 16 верстъ, а въ ширину, т. е. съ востока на западъ, она простирается отъ 3 до 4 верстъ. По счету статистическаго комитета, число жителей въ Кіевѣ, въ 1864 г., доходило до 68 тыс.; по однодневной переписи, произведенной въ 1875 г., общая цифра его населенія равнялась 127.251 чел., а въ настоящее время число его жителей опредѣляется слишкомъ въ 170.000. По вѣроисповѣданіямъ нынѣшнее населеніе Кіева распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 132 тыс. съ лишнимъ православныхъ, около 500 раскольниковъ, $18^1/_2$ тыс. католиковъ, 2 тыс. съ небольшимъ протестантовъ, 16 тыс. съ лишнимъ евреевъ и до 300 магометанъ. Въ 1864 г. католиковъ числилось въ Кіевѣ до $5^1/_2$ тыс., евреевъ до 3 тыс., слѣдовательно, за послѣднюю четверть вѣка католическое населеніе города болѣе чѣмъ *утроилось*, а еврейское болѣе чѣмъ *упятерилось*! По отношенію къ общему числу православныхъ и католиковъ еврейское населеніе, четверть вѣка тому назадъ, не составляло въ Кіевѣ и 5%, а теперь оно составляетъ болѣе 10%. Такое явленіе не представляетъ собою ничего утѣшительнаго, но не слѣдуетъ забывать, что Кіевъ со всѣхъ сторонъ окруженъ еврейскою осѣдлостью, и что евреи массами проникаютъ даже и въ самое средоточіе Великой Россіи—въ Москву....

Кромѣ осѣдлаго населенія, Кіевъ ежегодно даетъ пріютъ болѣе 100.000 богомольцевъ, стекающихся сюда за сотни и тысячи верстъ на поклоненіе его святынямъ.

Изданіе г. Кульженко изобилуетъ выдержками изъ поэти-

ческихъ твореній нѣкоторыхъ авторовъ (Козлова, Хомякова, гр. Ал. Толстаго). Приводятся эти выдержки всегда кстати и, разумѣется, не менѣе превосходныхъ фототипій украшаютъ и разнообразятъ книгу.

III.

Н. С. Суворовъ, ордин. проф. Демидовскаго Юридическаго лицея. Вѣра и дѣла (публичная лекція). Ярославль. 1888

Рѣдко доводится встрѣчать въ современной нашей литературѣ строго научныя изслѣдованія по историческому развитію основныхъ началъ практическаго христіанства, изложенныя такъ общедоступно, съ такою ясностью и простотой, какъ эта публичная лекція проф. Н. С. Суворова, читанная имъ въ Ярославлѣ.

Вѣра и дѣла, ее оправдывающія, т. е. естественно вытекающія изъ внутренняго настроенія истиннаго христіанина, не могущаго поступать иначе, какъ по Христовой заповѣди любви къ Богу и ближнему,—далеко не всѣми учителями Церкви понимались въ нераздѣльномъ между собою соотношеніи или взаимодѣйствіи. Апостолъ Іаковъ писалъ: „Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ и сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ“ (II, 14–17). Просто и ясно: человѣку недостаточно имѣть вѣру, причислять себя къ вѣрующимъ, а слѣдуетъ творить дѣла, соотвѣтствующія вѣрѣ. А между тѣмъ, на христіанскомъ западѣ, ученіе объ оправданіи человѣка предъ Богомъ вѣрою, а не дѣлами, сдѣлалось исходнымъ пунктомъ и основнымъ догматомъ реформаціи XVI вѣка.

Изложивъ въ сжатомъ и рельефномъ видѣ ученіе Св. Августина, еретика Пелагія и учителей восточной церкви IV и V столѣтій, проф. Суворовъ останавливается на полномъ извращеніи искупительныхъ заслугъ продавцами индульгенцій и обличеніи въ нашей религіозно-свѣтской литературѣ утилитарнаго раціонализма и казуистическаго направленія католической церкви.

Для русскаго пониманія много странностей представляетъ католическое ученіе объ оправданіи. Русскому человѣку оно осталось неизвѣстно. Просматривая письменные памятники нашей древности, всякій безпристрастный изслѣдователь несомнѣнно придетъ къ тому убѣжденію,

что западный механическій взглядъ на добрыя дѣла, независимо отъ внутренняго настроенія, отъ искренняго религіознаго чувства лица, совершающаго ихъ, не согласуется съ русскимъ міровоззрѣніемъ. „Много грѣховъ могъ натворить русскій человѣкъ, могъ даже, сдѣлавъ одно доброе дѣло, совершить потомъ цѣлый десятокъ дурныхъ дѣлъ, но за то въ свои добрыя дѣла онъ старался вносить элементъ искренности. Что наиболѣе могло страдать отсутствіемъ искренности, несоотвѣтствіемъ внѣшняго факта внутреннему настроенію,—это денежныя пожертвованія и даренія всякаго рода, которыя, конечно, богатымъ людямъ можно было дѣлать безъ особаго труда и лишенія. Но и тутъ въ нашей древней исторіи мы замѣчаемъ нѣчто такое, о чемъ въ настоящее время совершенно позабыто. Отъ завѣдомо порочныхъ и преступныхъ людей не должны были приниматься приношенія въ церковь Божію". И у насъ въ жизни могло дѣлаться совсѣмъ не то, чему поучали въ посланіяхъ своихъ митрополиты, но твердо укоренившіеся народные взгляды, выразившіеся въ легендахъ, свидѣтельствуютъ о правильномъ всенародномъ пониманіи дѣлъ благочестія. Въ повѣсти о Щилѣ, посадникѣ новгородскомъ, созданіе храма „отъ лихвеннаго собранія" не признано дѣломъ богоугоднымъ, а въ легендѣ „о бражникѣ" выставляется рѣшительное превосходство внутренняго настроенія, добраго душевнаго расположенія человѣка, надъ дѣлами внѣшняго благочестія. Бывало, что греческіе архіереи, навѣщавшіе московское государство въ XVII столѣтіи, не прочь были давать индульгенціи; но русскому народу и русскому духовенству онѣ всегда оставались чуждыми.

Приглашаемъ нашихъ благотворителей и благотворительницъ, не брезгающихъ никакою дающею рукою и убѣжденныхъ въ то же время, что они творятъ дѣло богоугодное, исчерпывая имъ свои христіанскія обязанности, обратить вниманіе на слѣдующее мѣсто изъ книги профессора Суворова:

„Дѣла любви къ ближнему, конечно, всегда останутся добрыми дѣлами, хотя бы другая любовь, о которой также Христосъ говоритъ въ Евангеліи, именно любовь къ Богу, оставалась не совсѣмъ понятною для образованныхъ благотворителей. Но исчерпывается ли содержаніе христіанскаго нравственнаго идеала дѣлами милосердія? Дѣла милосердія могутъ быть проникнуты искреннимъ чувствомъ любви къ ближнему, слѣдовательно, пусть это будутъ дѣла нефальшивыя, нелицемѣрныя: но развѣ непремѣнно и всегда въ дѣ-

лахъ милосердія присутствуетъ тотъ необходимый для истинно нравственнаго образа дѣйствій элементъ, который состоитъ въ подъемѣ нравственной энергіи, въ напряженіи и усиліяхъ воли, въ борьбѣ и въ побѣдѣ человѣка съ самимъ собою и надъ самимъ собой? Не однимъ внутреннимъ настроеніемъ опредѣляется нравственная цѣна человѣческихъ дѣяній, а и еще, кромѣ того, количествомъ или степенью собственныхъ усилій и трудовъ человѣка надъ самимъ собой. Можно вести распущенную жизнь и совершать въ то же время дѣла милосердія къ ближнему безъ всякаго лицемѣрія. Ясно, что какъ бы снисходительно ни оцѣнивали такую распущенную жизнь, исполненную дѣлами милосердія, она не можетъ стоять передъ нашими глазами, какъ христіанскій нравственный идеалъ".

Богоугодное дѣло не можетъ ограничиться матеріальными жертвами, хотя бы и съ любовью приносимыми, тѣмъ менѣе въ личную заслугу христіанина могутъ быть поставляемы подаянія изъ чужихъ рукъ, да еще нечистыхъ.

IV.

П. П. Гнѣдичъ. „Семнадцать разсказовъ". С.-Пб. 1888.

Именно упадкомъ критики только и можно объяснить рядъ совершенно очевидныхъ пробѣловъ въ пониманіи „большою публикою" литературнаго значенія нѣкоторыхъ современныхъ писателей, живыхъ и уже умершихъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что эта „большая публика" весьма нерѣдко, не смотря на упорное замалчиваніе художественныхъ писателей, сама ихъ оцѣниваетъ и заставляетъ критику обращать на нихъ вниманіе. Таковъ былъ, напримѣръ, весьма значительный успѣхъ романовъ Маркевича и таковъ же, на нашихъ глазахъ, успѣхъ молодого писателя, „Семнадцать разсказовъ" котораго вызвали, даже у несочувствующихъ его художественному направленію критиковъ, весьма сочувственные отзывы. Съ г. Гнѣдича снята наконецъ печать систематическаго умолчанія, какая наложена была много лѣтъ на произведенія этого писателя, печатавшіяся въ „Русск. Вѣстн." и другихъ изданіяхъ, и теперь вдругъ оказавшіяся... превосходными!

Расширить кругозоръ у господъ исправляющихъ должность русскихъ критиковъ г. Гнѣдичу удалось, такимъ образомъ, не безъ труда, но за то довольно широко. Дѣйствительно, нужна была бы значительная доля недобросовѣстности, чтобы не отмѣтить разсказовъ г. Гнѣдича, какъ ли-

тературнаго явленія. Молодой писатель несомнѣнно идетъ впередъ и, что совсѣмъ рѣдкость, торопливая журнальная работа очень мало отзывается на его этюдахъ: наоборотъ, мѣстами они достигаютъ истинно художественной силы. Таковы, въ новой книжкѣ г. Гнѣдича, напримѣръ, разсказы: „Соловьи", „Весною" „Статуя командора". Чувство мѣры вообще свойственно г. Гнѣдичу, даже при весьма опасныхъ и щекотливыхъ сюжетахъ, какъ напримѣръ, въ разсказѣ „Въ лѣсу", выдѣляющемся реальностью среди всѣхъ „Семнадцати разсказовъ".

Однимъ изъ оттѣнковъ таланта нашего писателя служитъ несомнѣнно довольно сильное мистическое чувство. Въ „Семнадцати разсказахъ" можно даже прослѣдить какъ шло его развитіе—отъ „Черепа" (наименѣе удачной вещи, по нашему мнѣнію) черезъ „Легенду нашихъ дней", „Обитель", „Старыя сказанія", „Соловьи"—до „Римскаго Прокуратора", напоминающаго манеру Эберса въ трактованіи священныхъ сюжетовъ христіанства. Можно придерживаться мнѣнія, что сюжеты эти вообще не должны бы служить для беллетристической обработки, но нельзя отказать г. Гнѣдичу въ достойномъ отношеніи къ исключительной темѣ и фабулѣ и полномъ мастерствѣ разсказа.

Этотъ, указанный нами, мистическій тонъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ говоритъ лишь о разнообразіи таланта: вообще г. Гнѣдичъ *не* мрачный писатель, и жизнерадостныя краски, незлобивый, сердечный юморъ, поэтическія описанія природы въ его произведеніяхъ преобладаютъ. Въ бѣглой замѣткѣ не мѣсто разъяснять, почему именно можно было бы пожелать нашему писателю не уклоняться отъ основнаго характера своего таланта. Скажемъ лишь, что для полнаго выясненія этого таланта, нужно подождать вещи болѣе значительной, обработанной и разносторонней, чѣмъ разсказы и этюды. Въ этомъ отношеніи можетъ имѣть весьма большое значеніе новое, прекрасное его произведеніе, которое должно появиться на страницахъ нашего журнала.

V.

Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel. Mit Erleuterungen v. Dr. Georg Schmid.

Не такъ давно въ журналѣ „Russische Revue", издающемся въ Петербургѣ, появилась интересная статья г. Шмида, подъ заглавіемъ: *Гёте и Уваровъ* и ихъ переписка. Авторъ уже раньше занимался личностью С. С. Уварова и посвятилъ этому замѣчательному дѣятелю въ исторіи нашего про-

свѣщенія сочувственныя строки въ своей „Исторіи среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“ и статью: *Уваровъ и Грефе*, напечатанную въ „Russische Revue“ за 1886 годъ.

Теперь почтенный авторъ сообщаетъ новыя данныя для характеристики выдающейся личности Уварова, вытекающія изъ переписки между нимъ и Гёте. Дружба нашего, тогда молодаго еще, государственнаго дѣятеля и ученаго съ знаменитымъ германскимъ поэтомъ, основанная на сходствѣ идей и симпатій, хотя не было личнаго знакомства между ними, отражается въ ихъ письмахъ.

Г. Шмидъ получилъ, чрезъ любезное посредство профессора И. В. Помяловскаго, изъ семейнаго архива графа Уварова, восемь сохранившихся писемъ Гёте, а письма С. С. Уварова, числомъ тринадцать, доставлены ему въ копіяхъ изъ Гётевскаго архива въ Веймарѣ.

Въ русской литературѣ мало удовлетворяющихъ насъ свѣдѣній о графѣ Уваровѣ. Можно указать лишь рѣчь П. А. Плетнева, помѣщенную въ запискахъ Академіи наукъ: „Памяти графа Уварова“ и этюдъ Давыдова, тамъ же.

Трудъ г. Шмида дѣлится на шесть главъ. Въ первой приводятся въ общихъ чертахъ біографическія свѣдѣнія объ Уваровѣ, главнымъ образомъ изъ времени его пребыванія заграницею; затѣмъ изъ того времени, когда Уваровъ выпустилъ свой первый трудъ, съ чего и завязалась у него переписка съ Гёте. Свѣдѣнія эти авторъ дополняетъ мало извѣстнымъ донынѣ фактомъ пребыванія Уварова въ Гетингенѣ, гдѣ онъ посѣщалъ университетъ.

Извѣстно, что первые десять лѣтъ службы С. С. Уварова были посвящены дипломатіи, сначала въ качествѣ атташе при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ, затѣмъ секретаря посольства въ Парижѣ, но талантливаго молодаго человѣка, проникшаго въ ученые кружки Германіи и Франціи, манила ученая дѣятельность. Какъ патріотъ, С. С. Уваровъ искалъ возможности посвятить свои таланты родинѣ и, по возвращеніи въ Петербургъ въ 1810 г., написалъ „Проектъ Азіатской Академіи“ (Projet d'une Académie Asiatique). И въ настоящее время высказанныя Уваровымъ въ проектѣ мысли и соображенія поражаютъ глубиной, подкупаютъ вѣрою автора въ высокое призваніе своего отечества играть великую роль и быть посредникомъ между Азіей и Европой. Поэтому можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ проектъ молодаго автора въ то время не только въ Россіи, гдѣ онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи наукъ, но и заграницей. Въ Россіи С. С. Уваровъ обратилъ на

себя общее вниманіе; даже для Наполеона не осталась не замѣченной его статья и удостоилась съ его стороны лестнаго отзыва.

Послѣ этихъ свѣдѣній слѣдуетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, самая переписка. Каждому письму Уварова и Гёте предпосланы довольно обстоятельныя поясненія, по скольку это необходимо для яснаго ихъ пониманія; въ концѣ рядъ примѣчаній иллюстрируетъ частные факты, требующіе освѣщенія.

Данныя, сообщаемыя г. Шмидомъ въ этой статьѣ, равно какъ и въ напечатанной имъ ранѣе (въ 1886 г.), проливаютъ новый свѣтъ на историческое лицо, коего управленіе судьбами нашего образованія останется навсегда свѣтлой страницей въ лѣтописяхъ послѣдняго.

Свой проектъ Уваровъ послалъ Гёте, который въ числѣ немногихъ въ Германіи лицъ, шедшихъ по слѣдамъ Гердера, занимался изученіемъ восточныхъ языковъ и ихъ литературъ. Проектъ, сначала посланный во французскомъ оригиналѣ, сопровождало письмо, которое мы приведемъ здѣсь цѣликомъ, въ переводѣ, какъ начало переписки, длившейся затѣмъ 20 лѣтъ.

„Петербургъ, 15 (27) декабря 1810 г.

„Беру смѣлость препроводить вашему превосходительству экземпляръ моего перваго литературнаго опыта. Пора и намъ принять участіе въ нынѣшнемъ общемъ броженіи всевозможныхъ идей, чтобы построить наше образованіе на твердой почвѣ востока. Это прекрасное воззрѣніе не чуждо вамъ. Въ вашихъ безсмертныхъ твореніяхъ всегда царитъ полнота высокаго генія, который охотно останавливается въ обширныхъ высшихъ областяхъ древности, чтобы затѣмъ творчески воспарить на вершину высшей поэзіи.

„Прошу васъ смотрѣть на прилагаемый трудъ не какъ на сочиненіе въ собственномъ смыслѣ, но какъ на записку, приготовленную мною для моего тестя, графа Разумовскаго. Можетъ быть это начинаніе поведетъ къ добрымъ послѣдствіямъ и на нашемъ сѣверѣ будетъ предвѣстникомъ истиннаго свѣта. Для меня будетъ лучшей наградою, если мнѣ придется узнать, что вы прочли мой трудъ.

Уваровъ".

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получился отвѣтъ Гёте. Онъ въ лестныхъ выраженіяхъ говоритъ о прочитанномъ проектѣ, добавляетъ, что идеи Уварова интересуютъ также Германію

и въ доказательство прилагаетъ обстоятельную записку— теплый отзывъ извѣстнаго тогда ученаго Мейера.

Завязавшаяся такимъ образомъ переписка не прекращается до смерти Гёте и заканчивается рѣчью Уварова въ Академіи наукъ, предсѣдателемъ коей онъ былъ, посвященной памяти Гёте, скоро послѣ смерти послѣдняго.

Приведемъ еще извлеченія изъ двухъ писемъ Гёте последняго времени.

По случаю столѣтней годовщины нашей Академіи наукъ (29 декабря 1826 г.) Гёте былъ избранъ почетнымъ ея членомъ. Извѣщая объ избраніи маститаго друга, Уваровъ препровождаетъ ему вмѣстѣ съ протоколомъ засѣданія также медаль, выбитую въ память событія, по рисунку извѣстнаго графа Ѳ. П. Толстого.

Въ отвѣтъ на письмо Уварова, Гёте, между прочимъ, пишетъ:

„Постоянное благоволеніе ваше я причисляю къ первымъ дарамъ счастья послѣднихъ лѣтъ моей жизни и вполнѣ увѣренъ въ немъ навсегда; однако, я охотно готовъ признаться, что послѣднее доказательство вашего отличнаго ко мнѣ расположенія меня поразило и тронуло.

„Мысль, что обо мнѣ вспоминаютъ въ такой день, въ присутствіи такихъ лицъ, при такихъ обстоятельствахъ, пристыдила бы меня, еслибъ не было позволительно имѣть въ виду добрую волю, которой я столь долгое время руководился. Присемъ меня утѣшаетъ еще то соображеніе, что, можетъ быть, средства, которыя мы употребляемъ, еще болѣе, нежели цѣли, которыми мы задаемся и которыхъ съ трудомъ достигаемъ, пойдутъ въ прокъ такимъ сотрудникамъ и послѣдователямъ, которые сумѣютъ примѣнить ихъ, пожалуй, еще энергичнѣе и цѣлесообразнѣе“. Въ заключеніе Гёте высказываетъ свой живой интересъ къ задачѣ, объявленной тогда нашей Академіею, и говоритъ: „если у меня есть еще поводы желать дольше жить, то въ числѣ ихъ и этотъ: просвѣтиться рѣшеніемъ этой задачи и чрезъ просвѣщенную Академію уяснить себѣ многое, что до сихъ поръ оставалось проблемою для меня, какъ и для многихъ, болѣе меня свѣдущихъ“.

Послѣднее письмо Гёте (1830 г.) также характеристично для обрисовки взаимныхъ отношеній обоихъ выдающихся дѣятелей. Въ этомъ году Россію посѣтила страшная азіатская гостья—холера. Вѣроятно, было оффиціальное приглашеніе, обращенное русскимъ правительствомъ къ спеціали-

стамъ-врачамъ заграницей помочь совѣтами противъ эпидеміи.

И вотъ Гёте пишетъ:

„Счастье, которое я имѣю,—быть личнымъ почитателемъ нашей свѣтлѣйшей великой герцогини, и многое, чѣмъ при вашемъ посредствѣ я пользуюсь съ сѣверо-востока, во всѣхъ отношеніяхъ побуждаетъ меня, какъ и столь многихъ другихъ обратить взоры къ этимъ далекимъ странамъ. Теперь однако меня заставляетъ спѣшить то важное обстоятельство, что едва-ли вамъ избѣжать нашествія одной изъ опаснѣйшихъ эпидемій. Всѣ озабочены угрожаемыми ею вашими мѣстами столько же ради печальнаго положенія дѣлъ тамъ, сколько изъ скрытой боязни, чтобы она не распространилась дальше на западъ.

„При томъ живомъ участіи, которое обязываетъ людей благомыслящихъ, привожу мою переписку съ достойными довѣрія врачами, которые заняты размышленіями и соображеніями объ этомъ—тѣмъ болѣе, что къ болѣе широкому общественному участію вы открыто взываете, — прилагаемый листъ [1]) является результатомъ такихъ дружескихъ сообщеній, которыя осмѣливаюсь препроводить вашему превосходительству, на обсужденіе и, въ случаѣ надобности, направленія къ власти, завѣдующей этой частью. Спѣшу сообщить безъ всякой задней мысли, совѣтъ, который и тогда уже достигъ бы искомой цѣли, еслибъ только послужилъ къ тому, чтобы въ извѣстной степени предохранить и ободрить умы здоровыхъ людей, принимающихъ на себя опасное занятіе ухода за больными. И такъ посылаю спѣшно это сообщеніе къ вамъ, гдѣ оно окажется, надѣюсь, полезнымъ и во всякомъ случаѣ послужитъ свидѣтельствомъ того участія, котораго я не могъ преминуть принять со многими просвѣщенными лицами въ этомъ, внушающемъ тревогу, грозномъ положеніи“.

Для болѣе близкаго ознакомленія съ интересной статьею г. Шмида, мы должны адресовать русскихъ читателей къ вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ статьѣ его, выражая сожалѣніе, что этому цѣнному матеріалу не суждено было увидѣть свѣтъ на русскомъ...

---

[1]) Интересно было бы позаботиться отыскать этотъ предохранительный рецептъ въ дѣлахъ, вѣроятно, холерной коммисіи, устроенной тогда Императоромъ Николаемъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

I.

Хозяйственное винокуреніе.

28 августа сего года, въ г. Пензѣ было совѣщаніе по вопросу о мѣрахъ къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокуренія подъ предсѣдательствомъ директора департамента неокладныхъ сборовъ.

Въ совѣщаніи приняли участіе представители акцизнаго вѣдомства и винокуренные заводчики пяти губерній: Симбирской, Саратовской, Самарской, Тамбовской и Пензенской.

Нельзя не отнестись не только сочувственно, но съ полной благодарностью къ этому совершенно новому способу, принятому министерствомъ финансовъ для ознакомленія заинтересованныхъ лицъ съ предположенными правительствомъ мѣрами и для выслушанія заявленій этихъ лицъ. Эта благодарность еще болѣе усиливается, если принять въ соображеніе тѣ два сборника и объяснительную записку, которые были разосланы предварительно приглашеннымъ на совѣщаніе лицамъ. Эти три объемистыя книжки составляютъ замѣчательный, капитальный трудъ, въ которомъ вполнѣ объективно и всесторонне рисуется прошедшее и настоящее какъ винокуренной промышленности, такъ и главнаго правительственнаго дохода,—отъ акциза со спирта. Несомнѣнно, что высказанная, при окончаніи совѣщанія, благодарность г. директору департамента отъ всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ совѣщаніи лицъ была вполнѣ и безусловно искренняя.

Въ началѣ совѣщанія г. директоръ подробно ознакомилъ собраніе съ положеніемъ вопроса о сельско-хозяйственномъ винокуреніи и съ тѣми мнѣніями, которыя были

высказаны въ предшествовавшихъ настоящему совѣщаніяхъ, бывшихъ подъ его предсѣдательствомъ въ Варшавѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Смоленскѣ, Твери, Ярославлѣ и Казани. Всюду, по словамъ его, предположенныя министерствомъ финансовъ мѣры были встрѣчены въ общемъ съ полнымъ сочувствіемъ и если были возраженія, то они касались подробностей и сами по себѣ не представляли ничего особенно существеннаго. Затѣмъ, по окончаніи рѣчи г. директора, было приступлено къ обсужденію вопросовъ программы, каждаго отдѣльно.

Необходимо прежде всего ознакомиться, хотя вкратцѣ, съ предположеннымъ министерствомъ финансовъ проектомъ мѣръ къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокуренія и къ урегулированію оптовой торговли виномъ. Въ главныхъ чертахъ этотъ проектъ дѣлитъ всѣ винокуренные заводы на двѣ категоріи: на сельско-хозяйственные и несельско-хозяйственные; кромѣ сего всѣ заводы дѣлятся еще на три разряда: мелкіе, средніе и крупные. Только мелкіе заводы получаютъ дѣйствительное поощреніе, дѣйствительную помощь отъ правительства въ видѣ преміи 4%, средніе сельско-хозяйственные ничего не получаютъ, но ничего и не платятъ; крупные же облагаются въ пользу казны дополнительнымъ поведернымъ сборомъ, размѣръ котораго увеличивается по мѣрѣ увеличенія выкурки; при томъ этотъ сборъ нѣсколько выше для не сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Размѣръ мелкихъ заводовъ, дающихъ право на полученіе преміи, устанавливается различный въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Нормальная его величина опредѣляется въ 7 тысячъ ведеръ выкурки въ 200 дней; но эта величина для западныхъ губерній уменьшается на 4 тысячи, а для среднихъ черноземныхъ и южныхъ увеличивается до 10 тысячъ ведеръ въ 40°.

Получаемая при такой нормѣ мелкими заводами сверхъ перекура четырехпроцентная премія постепенно уменьшается по мѣрѣ увеличенія выкурки, въ такомъ размѣрѣ, что заводъ, достигающій количествомъ выкуриваемаго вина нормы средняго завода, никакой преміи не получаетъ.

Относительно урегулированія торговли спиртомъ предполагается со всего количества вина и спирта, проходящаго чрезъ оптовые склады, ведерныя лавки, спирто-очистительные заводы и таковыя же отдѣленія водочныхъ заводовъ, взимать дополнительный поведерный сборъ: въ размѣрѣ 3 к. съ ведра въ 40° въ мѣстностяхъ перваго раз-

ряда, $2^1/_2$ к.—въ мѣстностяхъ втораго разряда и 2 к.—въ городахъ, отнесенныхъ къ третьему разряду, а равно внѣ городскихъ поселеній.

Первый вопросъ программы: „существуетъ ли сельско-хозяйственное винокуреніе въ отличіе отъ коммерческаго, и есть ли необходимость его поддержать", предложенный предсѣдателемъ, если возбудилъ довольно продолжительныя пренія, то единственно по недоразумѣнію. Послѣдующіе вопросы программы, какъ напримѣръ второй: „въ чемъ состоитъ значеніе винокуренія для сельскаго хозяйства", восьмой: „признаки сельско-хозяйственнаго завода", девятый: „размѣръ сельско-хозяйственнаго завода по отношенію къ площади имѣнія", десятый: „продолжительность и время производства винокуренія" и одиннадцатый: „ограниченіе винокуренія въ лѣтнее время"—всѣ были сразу затронуты говорившими по первому предложенному вопросу. Дѣйствительно эти вопросы тѣсно связаны между собой и въ импровизированныхъ рѣчахъ довольно трудно ограничиться одной рамкой опредѣленнаго положенія. Разъясненія и руководительство предсѣдателя скоро удержали пренія въ предѣлахъ предлагаемаго вопроса. Большинство говорившихъ признало необходимымъ поддержать сельско-хозяйственное винокуреніе. Возраженія противъ такой поддержки были высказаны только двумя лицами: г. П—мъ, имѣющимъ заводъ въ г. Вольскѣ, и г. Ц—мъ, имѣющимъ таковой въ г. Пензѣ. Оба поддерживали одно и то же мнѣніе, что винокуренный заводъ, даже городской—доставляя бардой кормъ мѣстному скоту, приноситъ пользу сельскому хозяйству, тѣмъ болѣе несомнѣнную, что вся барда расходится безъ остатка и ни единой капли изъ нея не теряется даромъ, въ какое бы время ни производилось винокуреніе. Возраженія эти были опровергнуты указаніемъ на чисто сельско-хозяйственныя винокурни, устроенныя при имѣніяхъ и составляющія съ этими имѣніями, такъ сказать, одно цѣлое, которыя относительно дешевизны и удобства сбыта находятся въ гораздо болѣе худшихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ винокурни, которыя помѣщаются въ городахъ. Высказанныя тѣми же лицами соображенія, что всякій заводъ, переработывающій на мѣстѣ сырые сельско-хозяйственные продукты, оказываетъ пользу сельскому хозяйству, тѣмъ болѣе важную, что нынѣ сбытъ этихъ произведеній былъ крайне затрудненъ,—вызвали возраженіе, что и съ этой точки зрѣнія сельско-хозяйственный винокуренный заводъ заслуживаетъ бо́льшаго поощренія, такъ

какъ условія для его дѣятельности гораздо труднѣе и убыточнѣе, чѣмъ для коммерческаго. Именно: послѣдній, перерабатывая покупной матеріалъ, можетъ получать тотъ же барышъ при настоящей низкой цѣнѣ спирта, какъ и прежде, при болѣе его высокой цѣнѣ. Между тѣмъ, сельско-хозяйственный заводъ, выкуривая вино изъ собственныхъ произведеній, этимъ только до нѣкоторой степени уменьшаетъ тотъ убытокъ, который нынѣ владѣлецъ имѣетъ отъ земледѣлія. Во время этихъ преній г. предсѣдателемъ было разъяснено, что правительство нисколько не имѣетъ въ виду настолько затруднить коммерческое винокуреніе, чтобы сдѣлать его невозможнымъ. Оно вполнѣ сознаетъ, что это винокуреніе имѣетъ полное право на существованіе и предполагаемый съ него дополнительный поведерный сборъ въ сущности такъ не великъ, что онъ никакъ не можетъ сколько-нибудь серьезно помѣшать дальнѣйшему существованію этого вида винокуренія, имѣющаго на своей сторонѣ многія существенныя преимущества предъ сельско-хозяйственнымъ. Наконецъ, правительство, желая поощрить мелкое винокуреніе,—при настоящемъ положеніи государственныхъ доходовъ,—только и можетъ добыть необходимыя для того средства, что путемъ обложенія крупнаго винокуренія и движенія спирта въ оптовыхъ складахъ; но и тутъ правительство признало необходимымъ дѣйствовать съ крайней осторожностью.

Собраніе признало безусловно необходимымъ поддержать сельско-хозяйственное винокуреніе.

Во время этихъ первыхъ преній косвенно, въ видѣ аргумента, былъ затронутъ одинъ вопросъ, существенно важный и имѣющій рѣшающее значеніе,—именно вопросъ объ оптовой цѣнѣ спирта. Вопросъ этотъ былъ затронутъ, такъ сказать, обѣими сторонами, т. е. представителями сельско-хозяйственнаго и коммерческаго винокуренія. Г. П—въ указалъ, что его заводъ, дававшій ему прежде значительный доходъ, нынѣ приноситъ ему убытокъ. Четыре года тому назадъ онъ получилъ 25 т. р. чистаго дохода,—въ истекшій же годъ 600 рублей убытка. Въ удостовѣреніе справедливости своего заявленія, онъ предложилъ ознакомить собраніе съ подлинными его заводскими отчетами за нѣсколько лѣтъ,—что, впрочемъ, собраніе отклонило. Съ другой стороны выяснилось, что оптовая цѣна спирта понизилась приблизительно на 50%, а именно съ бывшей въ винокуреніе 188$^4/_5$ г. 65—66 коп. за ведро въ 40° она въ истекшій періодъ 188$^7/_8$ г. достигла 35—37 копѣекъ.

Къ сожалѣнію, вопросъ о стоимости спирта не входилъ въ програму совѣщанія 28-го августа и потому не могъ быть предметомъ спеціальнаго обсужденія; тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ впослѣдствіи вернуться къ нему.

По второму вопросу—„въ чемъ состоитъ значеніе винокуренія для сельскаго хозяйства"—болѣе полно и послѣдовательно высказался винокуренный заводчикъ-землевладѣлецъ Нижне-Ломовскаго уѣзда С. Р. К—нъ и весьма наглядно выказалъ необходимость соединенія винокуренія съ полеводствомъ для успѣшнаго хода сельскаго хозяйства, именно въ нашей мѣстности, гдѣ прежней культурой земля значительно уже истощена. Надо оговориться, что собственное положеніе г. К—на, о которомъ онъ упомянулъ въ своей рѣчи, вполнѣ отвѣчало само по себѣ, безъ всякихъ разъясненій, предложенному вопросу. Онъ прежде не имѣлъ винокуреннаго завода, а сѣялъ картофель уже нѣсколько лѣтъ единственно для улучшенія своего полеваго хозяйства и доставлялъ его на сосѣдній, чужой заводъ. Когда цѣны на рожь стали падать и достигли такого уровня, при которомъ этотъ хлѣбъ сталъ дешевле картофеля, цѣна, которую предлагалъ покупатель г. К—ну за его картофель, была настолько низка, что далеко не оплачивала расходовъ производства. Въ виду сего, г. К—ну представлялись только два исхода изъ его положенія: или прекратить посѣвъ картофеля и тѣмъ закрыть себѣ путь къ улучшенію своего полеводства, или продолжать этотъ посѣвъ, сдѣлаться самому потребителемъ своего картофеля, т. е. сдѣлаться винокуреннымъ заводчикомъ. Онъ избралъ послѣднее и три года тому назадъ построилъ заводъ, который своими размѣрами соотвѣтствовалъ его хозяйству. Съ тѣхъ поръ у него ведется четырехпольный сѣвооборотъ, и урожайность его полей значительно возросла отъ увеличенія посѣва картофеля. Въ развитіи и расширеніи посѣва корнеплодовъ, разумѣется, въ связи съ удобреніемъ земли, онъ видитъ единственно прочное основаніе для улучшенія сельскаго хозяйства; удобреніе же получается отъ винокуреннаго завода, дающаго возможность увеличить скотоводство. При этомъ г. К—нъ указалъ, что въ настоящее лѣто у него производилось винокуреніе и что оно только и дало ему возможность собственными волами произвести успѣшно всѣ полевыя работы и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить этихъ воловъ въ прекрасномъ тѣлѣ. Затѣмъ г. К—нъ настаивалъ на невѣрности дѣленія сельско-хозяйственныхъ заводовъ по ихъ размѣру и поощренія только мелкихъ изъ нихъ, а признавалъ, что

всѣ винокуренные заводы, находящіеся въ неразрывной связи съ хозяйствомъ имѣній, въ коихъ они устроены, и имѣющіе чисто сельско-хозяйственный характеръ—должны пользоваться одинаковыми преимуществами. Размѣръ же ихъ долженъ зависѣть не отъ опредѣленныхъ нормъ, а отъ величины площади имѣнія, къ которому они принадлежатъ. Притомъ ограниченіе времени винокуренія на сельско-хозяйственномъ винокуренномъ заводѣ, какъ и всякое стѣсненіе его дѣятельности, положительно ничѣмъ не вызывается и можетъ причинить владѣльцу большіе убытки. Недостатокъ или неудовлетворительность подножнаго и всякаго корма можетъ вынудить владѣльца производить винокуреніе именно въ то время, когда оно убыточно (по предположеніямъ акцизнаго вѣдомства, винокуреніе съ 1 мая по 15 сентября должно подлежать обложенію особымъ поведернымъ сборомъ).

Рѣчь г. К—на вызвала замѣчаніе со стороны г. предсѣдателя, который подробно разъяснилъ, что премія, предположенная къ выдачѣ мелкимъ винокурнямъ, болѣе всего составляетъ вознагражденіе ихъ за болѣе дорогое производство. Несомнѣнно, что чѣмъ крупнѣе заводъ, тѣмъ дешевле ему обходится производство, а потому, чтобы уравнять, такъ сказать, эту часть расходовъ между крупными и мелкими заводами, министерство финансовъ остановилось на мысли премировать мелкіе заводы. Выслушанная рѣчь г. К—на съ замѣчательной ясностью указала на важное значеніе винокуренія для сельскаго хозяйства, и потому онъ, предсѣдатель, полагаетъ,—если не будетъ заявлено возраженій,—что собраніе раздѣляетъ мнѣніе говорившаго. Что же касается лѣтняго винокуренія, то программа спеціально имъ занимается въ п. 12-мъ и потому, откладывая этотъ вопросъ до обсужденія означеннаго пункта, онъ предлагаетъ приступить къ слѣдующему.

Было бы излишне передавать подробно бывшія по каждому пункту программы пренія,—тѣмъ болѣе, что общій ихъ характеръ былъ крайне сочувственный къ правительственнымъ предположеніямъ, подробно разъясняемымъ предсѣдателемъ въ каждомъ возбуждаемомъ вопросѣ. Въ общемъ, проектъ мѣръ къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокуренія былъ принятъ собраніемъ съ полнымъ одобреніемъ, и если были возраженія противъ отдѣльныхъ пунктовъ, то эти возраженія, когда касались коренныхъ основаній проекта, не были поддержаны собраніемъ. Большинство участвовавшихъ въ совѣщаніи и говорившихъ на немъ

принадлежало къ числу лицъ, занимающихся сельско-хозяйственнымъ винокуреніемъ, еще сохранившимся въ нашей мѣстности. Очевидно изъ всего происходившаго на совѣщаніи, что это большинство безъ всякаго предварительнаго между собой соглашенія,—котораго и не могло быть, такъ какъ встрѣчались люди никогда прежде другъ друга не видавшіе, — руководилось одною, быть можетъ и не вполнѣ вѣрною, мыслью, что правительство желаетъ дѣйствительно помочь сельско-хозяйственному винокуренію, а потому надо безусловно принять эту помощь въ томъ видѣ, въ какомъ она предлагается, иначе, затрудняя осуществленіе первой попытки, ничего не получится и ничего не выйдетъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я ограничусь только тѣми вопросами, которые возбудили нѣкоторыя пренія, не стѣсняясь притомъ рамкой программы, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе самыхъ преній, она постоянно нарушалась, да и не могла не нарушаться въ виду тѣсной связи вопросовъ между собою.

По вопросу о нормальномъ размѣрѣ мелкихъ винокурень, дающемъ право на полученіе четырехъ-процентной преміи, было высказано, что выкурка десяти тысячъ ведеръ въ двѣсти дней нисколько не соотвѣтствуетъ размѣрамъ хозяйственныхъ единицъ, размѣрамъ имѣній нашей мѣстности. Такихъ малыхъ заводовъ у насъ нѣтъ и врядъ-ли предположенная премія, при нашихъ мѣстныхъ условіяхъ, создастъ таковые; между тѣмъ малые винокуренные заводы весьма желательны для улучшенія сельскаго хозяйства, въ виду положительнаго уменьшенія урожайности нашихъ полей. Говорившіе объ увеличеніи нормальнаго размѣра мелкихъ винокурень сначала предлагали увеличить этотъ размѣръ вдвое, т. е. до 20 т. ведеръ,—впослѣдствіи настаивали уже только на цифрѣ пятнадцати тысячъ ведеръ, которая составляетъ результатъ разсчета, принятаго департаментомъ неокладныхъ сборовъ, т. е. пятую часть средняго винокуреннаго завода данной мѣстности. Предложеніе было отклонено собраніемъ. Собственно г. предсѣдатель, возражавшій противъ измѣненія предложеннаго министерствомъ финансовъ размѣра, указалъ только на то обстоятельство, что съ фискальной стороны правительство стѣснено въ выдачѣ премій мелкимъ заводамъ тѣмъ приблизительнымъ предварительнымъ разсчетомъ, который сдѣланъ департаментомъ и по которому эти преміи оплачиваются поведернымъ сборомъ, взимаемымъ съ крупныхъ заводовъ и съ оптовыхъ складовъ. Принципіально онъ ничего не имѣетъ противъ предложенія, но об-

ращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что вообще предположенныя мѣры принимаются на пять лѣтъ. На дѣлѣ, при ихъ примѣненіи, несомнѣнно придется многое измѣнить; въ настоящее же время желательно сохранить проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выработанъ. При общей поддержкѣ собранія, предложеніе объ увеличеніи нормальнаго размѣра мелкихъ винокуренныхъ заводовъ было бы принято и предсѣдателемъ, хотя бы ad referendum, но въ самомъ собраніи оно встрѣтило противодѣйствіе. Одинъ изъ винокуренныхъ заводчиковъ (Симбирской губерніи) высказалъ, что невозможно измѣнить, по мнѣнію того или другаго лица, то, что такъ обстоятельно выработано на основаніи тщательно собранныхъ и разработанныхъ статистическихъ данныхъ, и предложеніе было отклонено. Я позволю себѣ тѣмъ не менѣе вернуться къ этому вопросу впослѣдствіи.

Во время преній о размѣрѣ мелкихъ винокурень г. П—въ заявилъ, что предполагаемая для нихъ четырехъпроцентная премія — только подарокъ, подносимый остзейскимъ заводчикамъ, имѣющимъ, при настоящихъ условіяхъ, большія преимущества передъ русскими; у насъ же мелкихъ заводовъ, могущихъ воспользоваться преміей, нѣтъ. Г. предсѣдатель разъяснилъ, что, по новому проектируемому закону, положеніе мелкихъ заводовъ по всей Россіи совершенно выравнено относительно преміи такъ, что западныя губерніи, въ которыхъ большинство заводовъ дѣйствительно мелкіе, нисколько не воспользуются этой преміей болѣе, чѣмъ остальныя губерніи Имперіи. Въ подтвержденіе онъ привелъ разсчетъ, сдѣланный въ объяснительной запискѣ, размѣра этой преміи для мелкихъ заводовъ губерній Орловской, Черниговской и Могилевской, соприкасающихся между собою, но принадлежащихъ каждая къ различному типу, выработанному проектомъ. По этому разсчету заводъ, выкуривающій въ 200 дней 20 т. ведеръ въ 40° въ Могилевской губ. ничего не получитъ, въ Черниговской получитъ 7,8 коп. на ведро, а въ Орловской—11,1 коп. Слѣдовательно проектируемыя мѣры нисколько не улучшатъ положенія западнаго мелкаго винокуренія, а скорѣй и гораздо болѣе послужатъ въ пользу великорусскаго. Затѣмъ, по распоряженію г. предсѣдателя, была прочитана выдержка изъ записки управляющаго акцизными сборами Самарской губерніи. Въ прочитанномъ подробно доказывалось, что винокуреніе въ Остзейскомъ краѣ, принося само по себѣ убытокъ, тѣмъ не менѣе процвѣтаетъ и расширяется единственно потому, что служитъ удобренію полей, которыя безъ

того не могли бы быть воздѣлываемы. Кстати сказать, вопросъ о постепенномъ увеличеніи производства спирта въ Остзейскомъ краѣ полонъ живаго интереса для насъ, винокуренныхъ заводчиковъ черноземной мѣстности. Намъ положительно трудно понять, какимъ образомъ тамъ, при цѣнѣ на сырой матеріалъ иногда болѣе чѣмъ вдвое выше нашей, винокуренные заводы не только могутъ существовать, но расширяютъ свою дѣятельность и являются нашими конкуррентами въ сбытѣ спирта даже на такомъ отдаленномъ отъ нихъ рынкѣ какъ Москва. Указаніе на исключительно сельскохозяйственное значеніе Остзейскихъ заводовъ—не исчерпываетъ вопроса. На нашихъ сельско-хозяйственныхъ заводахъ точно также ни барда, ни удобреніе не пропадаютъ, а идутъ въ пользу; тѣмъ не менѣе у насъ винокуреніе сокращается, а тамъ ростетъ. Напримѣръ, въ двадцать послѣднихъ лѣтъ съ $18^{66}/_{67}$ по $18^{86}/_{87}$ г. въ Эстляндской губерніи число винокуренныхъ заводовъ возросло съ 126 на 161, а въ Пензенской губ. за то же время, упало съ 59 на 33[1]). Мнѣ кажется, было бы очень желательно, чтобы сельскіе хозяева—винокуренные заводчики Остзейскаго края, познакомили насъ всѣхъ съ цифровыми данными своего полеваго и заводскаго хозяйства, что было бы гораздо убѣдительнѣе общихъ фразъ. Я глубоко убѣжденъ, что это принесло бы чисто-русскому винокуренію громадную пользу. Полагаю, мы всѣ въ нашей мѣстности вполнѣ сознаемъ важность, всю даже необходимость для насъ сельско-хозяйственнаго винокуренія, но также, при настоящихъ цѣнахъ на спиртъ и условіяхъ производства его, видимъ непосильную для насъ убыточность этого дѣла.

Время лѣтняго винокуренія, подлежащее особому обложенію, почти безъ преній опредѣлено отъ 15 мая по 1 сентября. Затѣмъ только послѣдній вопросъ программы, о „дополнительномъ обложеніи оптовой торговли и огражденіи заводовъ отъ сосѣдства складовъ", вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Г. предсѣдатель разъяснилъ, что въ предшествовавшихъ совѣщаніяхъ нѣкоторыми было предложено увеличить предположенный размѣръ дополнительнаго поведернаго сбора съ оптовыхъ складовъ до 10 коп. съ ведра въ 40°. Сначала эта мысль была принята сочувственно собраніемъ, но по-

---

[1]) Эти цифры заимствованы изъ сборника „Статистическихъ свѣдѣній о положеніи винокуренной промышленности разработки д-та неокладныхъ сборовъ" стр. 6—9, таблица III. Я буду и далѣе пользоваться только данными этого сборника и потому болѣе о немъ упоминать не буду.

томъ она возбудила довольно энергическія возраженія. Указывалось, что слишкомъ большое обложеніе оптовыхъ складчиковъ въ концѣ концовъ падетъ всей тяжестью на заводчиковъ, сбывающихъ, по крайней мѣрѣ въ данной мѣстности, свой спиртъ исключительно этимъ складчикамъ. Главная и большая часть предположеннаго сбора несомнѣнно отразится на цѣнѣ, которую дастъ складчикъ заводчику за его спиртъ. Собраніе убѣдилось этими доводами и высказалось за сохраненіе того размѣра сбора, который опредѣленъ въ проектѣ департамента. Притомъ было заявлено, что желательно прибавить слово „сельско-хозяйственнаго" въ 1 § статьи III проекта, а именно редактировать начало этого § такъ: „открытіе вновь оптовыхъ складовъ вина и спирта, а также ведерныхъ лавокъ, внѣ городовъ, ближе 25 верстъ отъ сельско-хозяйственнаго завода воспрещается" и далѣе, въ томъ же §, прибавить слово „сельско-хозяйственный" къ слову заводъ.

По окончаніи обсужденія всѣхъ вопросовъ программы г. предсѣдатель предложилъ всѣмъ участвовавшимъ въ собраніи высказать все то, что каждый изъ присутствовавшихъ считаетъ необходимымъ и полезнымъ для винокуренія. Никто не отвѣтилъ на это любезное приглашеніе, кромѣ одного лица, заявившаго о возможности покрытія недокура, часто встрѣчающагося при началѣ винокуренія, перекуромъ послѣдующихъ свидѣтельствъ. По разъясненіи оказалось, что эта мѣра можетъ быть достигнута административнымъ порядкомъ, хотя отчисленіе перекура по каждому свидѣтельству отдѣльно производится вслѣдствіе ходатайства самихъ заводчиковъ. Затѣмъ, въ 12 часовъ ночи того же 28 августа совѣщаніе было закрыто.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о сельско-хозяйственномъ винокуреніи отъ себя. Постараюсь сдѣлать это какъ можно короче.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время, когда урожайность полей нашей сѣверно-черноземной почвы значительно понизилась, сельско-хозяйственное винокуреніе является чуть не первою необходимостью для улучшенія мѣстнаго полеводства. Нѣтъ сомнѣнія также, что при такихъ условіяхъ мелкія винокурни окажутъ безспорно гораздо болѣе пользы, чѣмъ крупныя. Не 33 завода слѣдуетъ имѣть Пензенской губерніи, а двѣсти тридцать три и даже болѣе. Только тогда, при такомъ развитіи винокуренія, посѣвъ картофеля повсемѣстно потеряетъ настоящій свой случайный характеръ, войдетъ въ сѣвооборотъ и принесетъ дѣй-

ствительную пользу полеводству. Какихъ же размѣровъ должны быть эти мелкіе заводы въ нашей черноземной мѣстности? Не менѣе 20—25 тыс. ведеръ выкурки въ 200 дней или отъ ста до ста двадцати пудовъ суточнаго затора. Цифра эта нисколько не произвольная; постараюсь это выяснить цифрами и фактами.

Наименьшій существующій у насъ размѣръ хозяйственной единицы имѣнія, при которомъ есть разсчетъ построить винокуренный заводъ,—шестьсотъ десятинъ пахатной земли. Не надо забывать, что устройство завода и необходимыхъ къ нему службъ, какъ-то: солодовни, сушильни, виннаго подвала, очистной, казармъ для рабочихъ и для служащихъ, далеко не дешево, даже если это устройство сдѣлано самымъ хозяйственнымъ способомъ и если, при этомъ, въ имѣніи или хуторѣ уже есть мельница, амбары и скотный дворъ. При четырехпольномъ сѣвооборотѣ мы будемъ имѣть 150 десятинъ для посѣва картофеля, что, при среднемъ урожаѣ въ 60 четвертей, дастъ 9 т. четв. для винокуренія. Картофель—продуктъ, заключающій въ себѣ много воды, которая въ значительномъ объемѣ испаряется при сколько-нибудь долговременномъ его храненіи. Будетъ очень умѣренно опредѣлить усышку картофеля въ 10% и тогда мы получимъ 8.100 четвертей, что дастъ 40 четвертей для суточнаго затора впродолженіи 200 дней. При соотвѣтствующемъ количествѣ солода и дрожжей это какъ разъ составитъ около 125 пудовъ суточнаго затора.

Посмотримъ на этотъ размѣръ еще съ другой стороны. 125 пудовъ затора, при шестиведерной емкости квасиленъ, дадутъ ежедневно 750 ведеръ барды; прибавивъ къ этой цифрѣ 50 ведеръ заводскихъ сполосокъ, мы получимъ 20 сорокаведерныхъ бочекъ барды въ сутки. Предполагая, что скотина, стоящая на заводѣ, получаетъ помимо барды изрядный кормъ, ежедневная дача барды можетъ быть ограничена шестью ведрами на крупную скотину: вола, корову и лошадь [1]), что дастъ около полутораста головъ при заводѣ, или матеріала для удобренія только 15—20 десятинъ.

Мнѣ кажется, что вышеприведенный разсчетъ долженъ убѣдить всякаго въ необходимости опредѣленія для нашей мѣстности нормальнаго размѣра выкурки для мелкихъ винокурень отъ 20 до 25 т. ведеръ въ 40° въ теченіе 200 дней. Но

---

[1]) Крупная рогатая скотина легко выпиваетъ до десяти ведеръ барды въ сутки, а лошадь еще болѣе. Въ данномъ разсчетѣ я бралъ только минимальныя цифры, а для удобренія—скорѣе максимальную.

есть и другія соображенія не менѣе вѣскія, которыя клонятся къ тому же результату. На страницѣ 23 объяснительной записки д-та неокладныхъ сборовъ сказано, „что стоимость производства ведра вина заводу, выкуривающему 250.000 ведеръ въ годъ, обходится на 25—30 копѣекъ дешевле, нежели заводу, выкуривающему только 10 тыс. ведеръ вина". Чѣмъ же проектъ мѣръ къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокуренія предполагаетъ покрыть эту убыточную для мелкаго завода разницу? Предоставленіемъ заводу, выкуривающему только 10 т. ведеръ, четырехъ-процентной преміи. Эта премія, по размѣру настоящаго акциза, менѣе пятнадцати копѣекъ (14,8) на ведро вина. Если же мелкій заводъ въ нашей мѣстности выкуриваетъ въ 200 дней 25 т. ведеръ, то онъ получитъ всего преміи 2,5% или $9^{1}/_{4}$ коп. на ведро въ 40°. Необходимо замѣтить, что какъ стоимость устройства завода, такъ и стоимость производства винокуренія на немъ почти одинаковы при размѣрахъ выкурки въ 10 т. и въ 25 т. ведеръ; но, очевидно, этотъ расходъ легче переносится во второмъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ. Предположивъ даже, что правительство признаетъ необходимымъ удвоить для нашей мѣстности нормальный размѣръ мелкихъ сельско-хозяйственныхъ заводовъ, получаемая премія все-таки не покроетъ потерь заводчика. Какъ я уже имѣлъ случай сказать, у насъ, собственно въ Пензенской губерніи, нѣтъ мелкихъ винокурень сельско-хозяйственнаго типа, которыя такъ желательны. Для насъ это вопросъ будущаго. Спрашивается, есть ли малѣйшее основаніе ожидать, что, при настоящихъ общихъ условіяхъ сельскаго хозяйства и землевладѣнія, кто-либо рѣшится затратить довольно значительный капиталъ, чтобы построить винокурню въ размѣрахъ, указанныхъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы на основаніи точныхъ данныхъ, собранныхъ правительственнымъ учрежденіемъ, имѣть 15 копѣекъ на ведро убытку? Какіе успѣхи сельскаго хозяйства, успѣхи, достающіеся послѣ долговременныхъ усилій, могутъ вознаградить этотъ убытокъ? Врядъ-ли найдутся охотники производить продуктъ, хотя и полезный, хотя и необходимый, но производство котораго обходится на 30 коп. дороже, чѣмъ у сосѣда, и за это получать 15 копѣекъ вознагражденія.

Г. директоръ д-та неокладныхъ сборовъ на совѣщаніи 28 августа, какъ я уже говорилъ, подробно объяснилъ тѣ мотивы, которые вынуждаютъ министерство финансовъ соразмѣрить предположенную имъ помощь сельско-хозяйственному винокуренію съ доходами, которые ожидаются отъ

поведернаго сбора съ крупныхъ заводовъ и оптовыхъ складовъ. Въ послѣдней главѣ объяснительной записки д-та неокладныхъ сборовъ приведенъ подробный разсчетъ финансовой стороны проектируемыхъ мѣропріятій. Въ главныхъ цифрахъ воспособленіе винокуренной промышленности и направленіе ея на путь, согласованный съ интересами народнаго хозяйства, обойдется государственному казначейству въ 1.281.818 р.; съ другой стороны, поведерный сборъ съ крупныхъ заводовъ и оптовыхъ складовъ, за вычетомъ той его части, которая будетъ подлежать возврату при вывозѣ спирта заграницу, дастъ 1.511.246 рублей, или, въ круглыхъ цифрахъ, государственное казначейство получитъ около 200 т. р. прибыли. Въ заключеніе департаментъ представляетъ очень вѣскія соображенія, что питейный доходъ не долженъ уменьшаться отъ предположенныхъ мѣръ (стр. 71), „даже если предположить, что, подъ вліяніемъ проектируемыхъ мѣръ, какъ винокуреніе, такъ и оптовая торговля виномъ примутъ нѣсколько иной, чѣмъ нынѣ характеръ, т. е. что число сельско-хозяйственныхъ заводовъ возростетъ и винокуренные заводы получатъ преобладающее передъ оптовыми складами значеніе на спиртномъ рынкѣ“.

Въ сущности никто не вправѣ требовать отъ правительства и особенно отъ фиска, чтобы они приносили значительныя жертвы для преуспѣянія даже такого важнаго источника общаго благосостоянія, какъ сельское хозяйство. Всякій, полагаю, только порадуется, что настоящія предположенія, клонящіяся къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокуренія, не принесутъ ни малѣйшаго ущерба государственному казначейству, но полагаю также, что всякій признаетъ проектируемыя мѣры слишкомъ недостаточными для намѣченной цѣли. Надо принять въ соображеніе, что двадцатипятилѣтнее вліяніе акцизной системы, фактически поощрявшей капиталистическое коммерческое винокуреніе, произвело слишкомъ коренное измѣненіе въ этой промышленности, и нынѣ эта промышленность врядъ ли сойдетъ съ усвоеннаго ею пути вслѣдствіе предположенныхъ мѣропріятій. Тамъ, гдѣ, въ силу особенно благопріятныхъ условій, мелкое сельско-хозяйственное винокуреніе еще сохранилось, оно будетъ развиваться; но тамъ, гдѣ оно уничтожилось, или, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, его не было,— настоящія предположенія, какъ они ни остроумны и ни осторожны, не вызовутъ его къ жизни. Но надо забывать, что винокуреніе производитъ продуктъ, стоющій обыкно

венно въ десять разъ менѣе акциза. Вслѣдствіе сего винокуреніе требуетъ особенно строгаго и постояннаго бдительнаго надзора со стороны заводчика, каковой надзоръ стоитъ недешево. Иначе заводчикъ, совершенно даромъ, безвинно, можетъ подвергнуться тяжкой имущественной отвѣтственности, а при особомъ несчастіи, и отвѣтственности личной. Не даромъ такъ сократилось и такъ продолжаетъ сокращаться количество винокуренныхъ заводовъ въ Европейской Россіи, и эта промышленность все болѣе сосредоточивается въ рукахъ капиталистовъ и въ мѣстахъ, представляющихъ выгодныя условія въ коммерческомъ отношеніи. Къ 1 января 1860 года въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго и Прибалтійскихъ губерній, числилось 5.160 заводовъ. Въ періодъ же 1886—87 г. было во всей Россіи (за исключеніемъ восточной Сибири) 2.093 завода, изъ коихъ въ Царствѣ Польскомъ 404 и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ 331. (Таблица XII, стр. 25—27 Сборника).

Всякія мѣропріятія, клонящіяся къ поощренію той или другой промышленности, связаны неминуемо съ жертвами для государственнаго казначейства и жертвами тѣмъ болѣе тяжкими, чѣмъ болѣе требуется отъ этого поощренія. Но тутъ мы встрѣчаемся съ фактомъ, имѣющимъ рѣшающее значеніе, именно съ фактомъ уменьшенія потребленія вина въ Россіи, что въ свою очередь ясно указываетъ на степень развитія благосостоянія народа. Еслибы это благосостояніе развивалось пропорціонально росту народонаселенія, то несомнѣнно, что акцизный доходъ увеличивался бы ежегодно безъ надобности повышать акцизъ, и увеличивался бы значительно. Финансовое вѣдомство тогда не затруднилось бы употребить, быть можетъ, и бо́льшія средства государственнаго казначейства для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя оно признаетъ необходимыми или только полезными, да и мы, винокуренные заводчики, не находили бы затрудненія въ сбытѣ нашихъ произведеній. Тѣмъ болѣе благодарности заслуживаетъ это вѣдомство, что оно нынѣ пытается разрѣшить вопросъ о сельско-хозяйственномъ винокуреніи,—вопросъ, возбужденный еще въ 1872 году коммисіею, Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря графа Валуева.

Кн. Дм. ДРУЦКОЙ-СОКОЛЬНИЦКІЙ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крушеніе Императорскаго поѣзда.—Высочайшій манифестъ 23 октября.—Исполненіе государственной росписи за 1887 годъ.—Упорядоченіе дѣла общественнаго призрѣнія и благотворительности по почину московскаго городскаго управленія.—Надѣленіе народныхъ школъ землею.—Опять раскаявшійся террористъ.

Видимая благодать Божія осѣняетъ Царственнаго Главу земли русской и Его Августѣйшее семейство!

Съ ужасомъ и въ то же время съ сердечнымъ благодареніемъ Господу за избавленіе народа русскаго отъ великаго горя и невообразимаго государственнаго бѣдствія читало милліонное населеніе нашей столицы телеграмму министра Императорскаго Двора со станціи Тарановки, отправленную въ Петербургъ въ 2 часа 5 мин. дня 17 октября.

„На Курско-Харьково-Азовской дорогѣ, извѣщалъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, на станціи Борки въ императорскомъ поѣздѣ сошелъ съ рельсовъ второй локомотивъ и слѣдующіе за нимъ четыре вагона. Благодаря Бога, Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья, Великія Княжны и всѣ лица свиты совершенно невредимы.“

Въ тревогѣ ждали дальнѣйшихъ разъясненій, которыя и появились особымъ прибавленіемъ къ „Правит. Вѣстнику“ только 19-го числа.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ, телеграммою со станціи Долгинцево (екатерининской жел. дороги) отъ 18-го октября, сообщилъ слѣдующія подробности о крушеніи императорскаго поѣзда:

„Императорскій поѣздъ, вышедшій изъ ст. Тарановка въ полдень 17-го октября, потерпѣлъ крушеніе на 277 верстѣ, между ст. Тарановка и Борки, на насыпи, пролегаю-

щей чрезъ довольно глубокую балку. Во время крушенія Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ, и лица свиты находились за завтракомъ, въ вагонѣ-столовой. При сходѣ съ рельсовъ перваго вагона произошла страшная качка; слѣдующіе вагоны слетали на обѣ стороны; вагонъ-столовая хотя и остался на полотнѣ, но въ неузнаваемомъ видѣ; все основаніе съ колесами выбросило, стѣнки сплюснулись и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся въ вагонѣ. Невозможно было представить, чтобы кто-либо могъ уцѣлѣть при такомъ разрушеніи. Но Господь Богъ сохранилъ Царя и Его семью: изъ обломковъ вышли невредимыми Ихъ Величества и ихъ Августѣйшія дѣти. Спаслись и всѣ находившіяся въ этомъ вагонѣ лица, получивъ лишь легкіе ушибы и царапины, кромѣ флигель-адъютанта *Шереметева*, который пострадалъ болѣе другихъ, но не тяжело. Къ прискорбію, гибель прочихъ, изъ разбитыхъ, частей поѣзда сопровождалась несчастіями. Убиты: фельдъегерскаго корпуса штабсъ-капитанъ *Брешъ*, лѣкарскій помощникъ, колл. асс. *Чекуверъ*, писецъ повѣсточной части *Шернбергъ*, оффиціантъ *Лаутеръ*, ѣздовые *Шашинъ* и *Басковъ*, камеръ-казакъ *Сидоровъ*, егерь *В. Григорьевъ*; изъ поѣздной прислуги: слесаря *Опоринникъ* и *Итинъ*; кондукторы *Стрѣлгунось* и *Королисъ*; обойщикъ *Лингенфельдъ*; желѣзнодорожнаго баталіона нижніе чины: *Ганадуринъ*, *Загурскій*, *Медвѣдевъ*, *Прусъ*, *Звѣревъ и Коровкинъ*. Раненыхъ 18. Дѣйств. тайн. сов. *баронъ Шернваль*, находившійся въ своемъ купэ, получилъ сильный ушибъ. Государь Императоръ изволилъ лично распоряжаться организаціей помощи раненымъ. Несмотря на крайне дурную погоду, при пронизывавшемъ дождѣ и сильной грязи, Его Величество нѣсколько разъ спускался подъ откосы къ убитымъ и раненымъ и помѣстился въ вытребованный къ мѣсту крушенія свитскій поѣздъ только тогда, когда послѣдній раненый былъ перенесенъ въ санитарный поѣздъ, прибывшій, по требованію, изъ Харькова. Раненые отправлены въ Харьковъ въ сопровожденіи генералъ-маіора Мартынова, а полковникъ Гернетъ оставленъ на мѣстѣ крушенія для распоряженія по отправленію тѣлъ убитыхъ и сбору вещей изъ разбитыхъ вагоновъ. Государь Императоръ повелѣлъ перевезти останки погибшихъ въ Петербургъ и озаботиться обезпеченіемъ ихъ семействъ. Вслѣдствіе прегражденія пути, свитскій поѣздъ съ Ихъ Величествами и Августѣйшимъ ихъ семействомъ былъ направленъ для движенія по екатерининской линіи, на ст.

Лозовую. На этой станціи приглашеннымъ, по Высочайшему повелѣнію, сельскимъ духовенствомъ были отслужены, въ Высочайшемъ присутствіи, панихида по скончавшимся жертвамъ несчастнаго случая и благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю дивнаго избавленія отъ величайшей опасности. По окончаніи богослуженія, Государь Императоръ пригласилъ всѣхъ находившихся въ поѣздѣ, включая и прислугу, въ станціонную залу, на поздній обѣдъ. Слѣдствіе выяснитъ точную причину крушенія поѣзда; но о какомъ-либо злоумышленіи въ этомъ несчастномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи".

Дай Богъ, чтобы предположеніе министра Императорскаго Двора вполнѣ подтвердилось слѣдствіемъ, наблюденіе за которымъ поручено одному изъ даровитѣйшихъ представителей нашего судебнаго вѣдомства. Отрадна для русскаго сердца увѣренность, что ничья злая воля не дерзаетъ болѣе посягать на безопасность священной особы Государя.

Газета „Гражданинъ" сообщаетъ еще слѣдующія, поистинѣ потрясающія, подробности:

„Было около 12 часовъ дня, когда послѣдовало несчастіе. Поѣздъ шелъ по наклону, какъ показывалъ манометръ—65 верстъ въ часъ. Всѣ сидѣли въ столовомъ вагонѣ, Ихъ Величества съ Дѣтьми и со Свитою, всего 22 человѣка. Одна Великая Княжна Ольга Александровна сидѣла въ другомъ вагонѣ, слѣдующемъ, въ своемъ купэ.

„Завтракъ кончался. Въ это время вдругъ произошло страшное сотрясеніе. Катастрофа имѣла три момента: первый, съ страшнымъ сотрясеніемъ, остановка; второй моментъ—выбитъ низъ вагона, то есть полъ съ колесами, причемъ всѣ упали на насыпь, и третій моментъ, самый ужасный, когда стѣны вагона отдѣлились отъ крыши и начали падать внутрь и когда крыша повалилась на нихъ; къ счастью, стѣны встрѣтились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона; такимъ образомъ всѣ сидѣвшіе въ вагонѣ сохранились, отдѣлавшись ушибами; стоявшіе, какъ, напр., лакей, были убиты.

„Послѣ этого третьяго момента всѣ очутились зарытыми въ обломки, такъ что послѣ полуминуты, когда началось раскапываніе, всѣ стали приходить въ себя и отдавать себѣ отчетъ въ своемъ состояніи, ощупывать руки, ноги...

„Всѣхъ глубже былъ зарытъ подъ обломками Великій Князь Михаилъ Александровичъ, оттого прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ его выкопали.

„Великая Княжна Ольга Александровна была отброшена

за насыпь, потому что въ ея вагонѣ оторвало именно ту стѣну, рядомъ съ которою она сидѣла, и вмѣстѣ съ стѣною она была отброшена безъ малѣйшаго ушиба на нѣсколько саженъ на мягкое мѣсто. Первая минута была до того сильна по своему впечатлѣнію, что служащій N. N., напримѣръ, выброшенный изъ одного изъ переднихъ вагоновъ на нѣсколько саженъ за насыпь, хотя и не получилъ ушиба, но, вставъ на ноги, принялся бѣжать въ безсознательномъ состояніи отъ поѣзда въ поле, и далъ этимъ безсознательнымъ побѣгомъ поводъ комическому эпизоду, врѣзавшемуся въ ужаснѣйшую драму, такъ какъ солдаты, охранявшіе путь, приняли было его за убѣгающаго злоумышленника...

„Самыя благоговѣйныя и восторженныя впечатлѣнія вызвали въ эти минуты или, вѣрнѣе, въ эти часы, Государь, Государыня и Ихъ Дѣти. Государь, когда Императрица и всѣ Дѣти собрались около него, чудомъ Божіимъ спасенные, какъ и Онъ, обнялъ Ихъ и затѣмъ принялъ на себя всѣ распоряженія, до мельчайшихъ подробностей, сперва по раскопкѣ людей, потомъ далѣе по перенесенію раненыхъ и по телеграфированію приказаній и т. д.

„Императрица, послѣ всего, что она пережила, какъ мать и какъ супруга, невообразимаго ужаса, съ ушибленною рукою, направилась къ раненымъ и не отходила отъ нихъ ни на шагъ, переходя отъ одного къ другому, лаская ихъ, ободряя, утѣшая... Великіе Князья при докторахъ исполняли обязанности фельдшеровъ, помогая дѣлать перевязки, принося воду, лѣкарства... Великія Княжны то были при матери, то при братьяхъ, то при Государѣ, — и все это подъ дождемъ, при вѣтрѣ и въ страшной грязи въ теченіе пяти часовъ.

„Что можно было видѣть въ своей жизни прекраснѣе этого, что можно было испытать сильнѣе душою, глядя на эту Царственную Семью, забывающую все, кромѣ *страданій ближняго!*

„Сколько святыхъ слезъ лилось на эту землю; однѣ эти слезы умиленія, слезы благодарности, слезы сквозь усиленную улыбку раненыхъ—чего стоили...

„Причина крушенія поѣзда, по общему мнѣнію, это сломавшійся отъ ветхости вагонъ министра путей сообщенія.

„Генералъ Шернваль получилъ переломъ трехъ реберъ; онъ лежитъ въ Царскихъ комнатахъ въ Харьковѣ на станціи; сегодня полученныя извѣстія сообщаютъ, что ему, слава Богу, лучше.

„Изъ лицъ свиты всѣхъ больше пострадалъ В. А. Ше-

реметевъ, начальникъ конвоя; у него оторвало палецъ на рукѣ, ушибъ въ лицо и сильно придавило грудь; остальные всѣ слегка ушиблены".

„С.-Петербургскія Вѣдомости" говорятъ: „По слухамъ, мѣсто, гдѣ произошло крушеніе императорскаго поѣзда, представляетъ наивысшую степень опасности на всей Курско-Харьково-Азовской линіи. По профилю, желѣзно-дорожное полотно здѣсь, съ одной стороны, рисуется въ видѣ чрезвычайно крутаго, минимальнаго закругленія, а съ другой — въ видѣ высокаго уклона (ската). Такимъ образомъ, на этомъ пунктѣ фатально сочетались наиболѣе рискованныя инженерныя условія". И по такому мѣсту поѣздъ мчался со скоростью 65 верстъ въ часъ!

Въ Харьковѣ уже ожидала Императорскій поѣздъ торжественная встрѣча сословныхъ представителей съ мѣстнымъ дворянствомъ во главѣ, собравшимся на вокзалѣ въ полномъ своемъ составѣ, около 300 лицъ, учащейся молодежи и густой толпы народа. Они были первыми и вѣрными выразителями всенароднаго ликованія при видѣ Царя, спасеннаго Божественнымъ Промысломъ и возвращающагося здравымъ и невредимымъ въ безпредѣльно любящую своего Государя, въ единую чувствомъ, семью вѣрноподданныхъ.

По телеграфнымъ извѣстіямъ, Августѣйшіе путешественники прибыли въ Харьковъ 19-го числа въ 10 ч. 20 м. утра и были встрѣчены съ необыкновеннымъ восторгомъ толпами облагавшаго вокзалъ со всѣхъ сторонъ народа. Государь и Государыня удостоили принять поднесенную имъ хлѣбъ-соль и выслушать привѣтствія. И. д. губернскаго предводителя дворянства кн. Голицынъ обратился съ слѣдующими словами: „Ваши Императорскія Величества! Дворяне Харьковской губ., собравшись въ полномъ составѣ, заранѣе радовались тому, что ихъ начинанія съ новыми уполномочіями [1]) будутъ благословлены присутствіемъ Царевой семьи въ семьѣ дворянъ; но теперь, Государь и Государыня, послѣ чуднаго явленія Божіей милости надъ Вами, наша радость стала иною: мы какъ будто лучше поняли, съ какой вѣрой и отрадой мы Васъ любимъ. Эта любовь святая—та же молитва, и ею да хранитъ Васъ Богъ". Затѣмъ произносили краткія привѣтствія подносившіе хлѣбъ-соль предсѣдатель губернской земской управы, городской голова, староста купеческаго общества, представитель отъ общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ и мѣщанскій староста. Молча, съ земнымъ поклономъ, подалъ хлѣбъ-соль волостной стар-

---

[1]) Въ Харьковѣ происходили дворянскіе выборы.

шина Лелюкъ отъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда. При громовыхъ крикахъ „ура!“ направившись къ пѣвшему хору студентовъ и гимназистовъ, Ихъ Величества были здѣсь привѣтствованы дамами, супругами мѣстныхъ властей, сословныхъ представителей и начальницей института, отъ которыхъ удостоили принять букеты цвѣтовъ. Въ залѣ 1-го класса Ихъ Величествъ привѣтствовали, держа букеты изъ живыхъ цвѣтовъ, воспитанницы института и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Съ вокзала Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, въ открытой коляскѣ, прослѣдовали въ желѣзнодорожную больницу, въ хирургическую клинику и въ Александровскую больницу, гдѣ лежали раненые во время крушенія поѣзда. Государь и Государыня милостиво разспрашивали больныхъ со слезами цѣловавшихъ Ихъ руки. Въ университетской церкви Ихъ Величества были встрѣчены архіепископомъ Амвросіемъ, благословившимъ Государя и Государыню образомъ Озерянской Божіей Матери. Улицы были украшены флагами и буквально запружены восторженно ликующимъ населеніемъ. „Встрѣча, оказанная жителями Харькова, говоритъ корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника*, по своей задушевной восторженности, не поддается описанію. Населеніе положительно ликовало, видя Монарха невредимымъ. Старъ и младъ спѣшили навстрѣчу поѣздамъ, высыпали на улицы, чтобы своими глазами увѣриться въ вожделѣнномъ здравіи Государя“. Окруженные ликующимъ народомъ, плотной стѣной облегавшимъ экипажъ, Ихъ Величества обратно прибыли на вокзалъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Могучій хоръ студентовъ и гимназистовъ раздался вновь: пѣли „Боже, Царя храни“ и „Спаси, Господи, люди твоя“. Представители дворянства, различныхъ вѣдомствъ и учрежденій и хлынувшая на вокзалъ публика вновь восторженно встрѣтили Ихъ Величествъ. На многихъ лицахъ виднѣлись слезы. Государь, тронутый привѣтствіемъ Харькова, произнесъ: *Я никогда не забуду этого пріема, благодарю, благодарю.*“ Поѣздъ тронулся при громовыхъ раскатахъ „ура!“ и пѣніи „Спаси, Господи, люди твоя“.

Еще наканунѣ пріѣзда Ихъ Величествъ въ Харьковъ, комитетъ министровъ, собравшись въ засѣданіе и выслушавъ благодарственный Господу Богу молебенъ за избавленіе Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ дѣтей отъ угрожавшей имъ опасности, послалъ Его Императорскому Величеству слѣдующую телеграмму:

„Комитетъ министровъ, въ наличномъ своемъ составѣ,

возноситъ горячія благодарственныя свои молитвы Всевышнему за милость Его, явленную Россіи избавленіемъ отъ опасности, угрожавшей Вашему Императорскому Величеству и Августѣйшему Вашему Семейству, и повергаетъ по сему случаю къ стопамъ Вашего Величества вѣрноподданническія свои чувства. Да сохранитъ Васъ Господь на многія лѣта".

Телеграмма эта удостоена слѣдующимъ всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ изъ Кременчуга на имя предсѣдателя комитета министровъ:

„Прошу принять и передать комитету министровъ Мою душевную благодарность за выраженныя мнѣ чувства и пожеланія по случаю чудеснаго избавленія отъ угрожавшей опасности".

Въ воскресенье, 23-го октября, все населеніе Петербурга съ единодушнымъ восторгомъ привѣтствовало въѣздъ Государя въ столицу. Въ тотъ же день изданъ былъ Высочайшій манифестъ слѣдующаго содержанія:

„Неисповѣдимыми путями Промысла совершилось надъ Нами чудо милости Божіей. Тамъ, гдѣ не оставалось надежды на спасеніе человѣческое, Господу Богу угодно было дивнымъ образомъ сохранить жизнь Мнѣ, Императрицѣ, Цесаревичу и всѣмъ Нашимъ Дѣтямъ.

„Да соединятся молитвы всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ съ Нашими благодарными къ Богу молитвами о Нашемъ спасеніи.

„Въ трепетномъ благоговѣніи предъ дивными судьбами Всевышняго, Мы вѣруемъ, что явленная Намъ и народу Нашему милость Божія отвѣтствуетъ горячимъ молитвамъ, которыя ежедневно возносятъ о Насъ тысячи тысячъ вѣрныхъ сыновъ Россіи всюду, гдѣ стоитъ Святая церковь и славится Имя Христово. Промыслъ Божій, сохранивъ Намъ жизнь, посвященную благу возлюбленнаго Отечества, да ниспошлетъ Намъ и силу вѣрно совершить до конца великое служеніе, къ коему Мы волею Его призваны".

По принятому порядку, государственный контролеръ представилъ къ 1-му октября текущаго года Государственному Совѣту отчетъ объ исполненіи государственной росписи доходовъ и расходовъ за 1887 годъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію опубликованныхъ данныхъ, напомнимъ, что государственная роспись на истекшій годъ была составлена еще дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бунге; нынѣшнему финансовому управленію подлежало только исполнить ее и при этомъ озаботиться покрытіемъ исчисленнаго по обыкновенному бюджету дефицита въ 36.559.000 р. и пріисканіемъ средствъ на чрезвычайные расходы (исключительно по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и портовъ), предположенные въ суммѣ 48.414.000 рублей. За исключеніемъ военнаго вознагражденія, неисправно платимаго Россіи Турціею и исчисленнаго по росписи въ 3.464.000 кредитныхъ рублей, остальные такъ называемые чрезвычайные рессурсы, въ росписи указанные, или не имѣли вовсе характера новыхъ поступленій (напр., свободная наличность государственнаго казначейства), или представлялись вполнѣ гадательными (какъ вклады въ государственный банкъ на вѣчное время и суммы, слѣдующія въ возвратъ отъ желѣзныхъ дорогъ), или были ничтожны по своимъ размѣрамъ (какъ 98 тыс. руб. изъ еврейскаго поселенческаго капитала). Предстояла необходимость реализовать, посредствомъ кредитныхъ операцій, сумму свыше 81.000.000 рубл., что и было исполнено удачною реализаціею стомилліоннаго внутренняго 4% займа, доставившею государственному казначейству 81.068.000 кред. рублей.

Слишкомъ упорно державшееся въ финансовомъ вѣдомствѣ заблужденіе—будто крупнѣйшій изъ нашихъ государственныхъ доходовъ питейный доходъ способенъ безпрерывно возрастать безъ кореннаго преобразованія акцизной системы—нѣсколько поколебалось въ концѣ 1886 года. Хотя бывшій министръ финансовъ при составленіи своей послѣдней росписи и не утратилъ вѣры въ „естественный ростъ“ названнаго дохода, полагая, что онъ самъ собою поднимется „въ хорошій годъ“ и „при лучшихъ цѣнахъ на хлѣбъ“, но на основаніи одного только такого предположенія, какъ это бывало прежде, не рѣшился уже ввести въ государственную роспись чисто гадательную цифру поступленія питейнаго дохода и смѣтное его исчисленіе понизилъ, противъ 1886 года, слишкомъ на 14 милл. рублей и на $1^1/_2$ милл. противъ дѣйствительнаго поступленія его въ томъ же году, не смотря на благопріятный урожай и такія же свѣдѣнія о всходѣ озимей. Для устраненія *недобора*, такая предосторожность казалась необходимою въ виду значительнаго пониженія абсолютной цифры дохода, начиная съ 1883 года. Питейный доходъ опредѣлился:

въ	1883	году	въ	суммѣ	252.706.280 р.
„	1884	„	„	„	244.002.985 „
„	1885	„	„	„	231.226.134 „
„	1886	„	„	„	237.042.693 „

Но не такъ было поступлено по отношенію къ слѣдующему по величинѣ доходу таможенному. Доходъ этотъ въ послѣдніе годы бывшаго финансоваго управленія не пошатнулся, но зато и держался въ неподвижномъ состояніи главнѣйше вслѣдствіе увеличенія (въ 1885 году) пошлинъ на чай, т. е. мѣры чисто фискальной, и частію усиленнымъ поступленіемъ (въ 1886 году) пошлинъ съ металловъ не въ дѣлѣ, въ явный ущербъ нашей горнозаводской промышленности. Было очевидно, что тогда уже предположенныя и въ самомъ началѣ 1887 года приведенныя въ исполненіе мѣры огражденія интересовъ нашего горнаго дѣла должны будутъ понизить таможенный доходъ государства. Тѣмъ не менѣе, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, при представленіи гос. росписи на 1887 годъ, возростаніе въ 1886 году таможенныхъ сборовъ объяснялось не усиленнымъ, противъ предшествовавшаго года, и чисто спекулятивнымъ, хотя и основаннымъ на ошибочномъ разсчетѣ [1]), привозомъ чая и не наплывомъ на внутренніе рынки иностранныхъ металловъ, а „нѣкоторымъ оживленіемъ нашей внѣшней торговли“, почему и цифра предположеннаго таможеннаго дохода, противъ цифры дѣйствительнаго его поступленія въ предшествовавшемъ 1886 году, была повышена слишкомъ на 3.000.000 [2]).

За неимѣніемъ недоступнаго для насъ въ настоящее время отчета государственнаго контролера по исполненію росписи за 1887 годъ, мы не знаемъ, обращено ли въ немъ вниманіе на изложенныя соображенія бывшаго министра финансовъ, но обнародованныя въ „Вѣстникѣ финансовъ“

---

[1]) Торговцы ожидали повышенія пошлинъ на торговый (черный) чай съ 1-го января 1887 года.

[2]) Въ соотвѣтственной статьѣ государственной росписи показано увеличеніе на 15.026.000 руб., но изъ этой суммы слѣдуетъ исключить почти 12 милл. излишка, происшедшаго вслѣдствіе измѣненія въ таможенномъ счетоводствѣ: при переложеніи уплачиваемыхъ золотомъ таможенныхъ пошлинъ на кредитныя единицы, средній курсъ металлическаго рубля принятъ равнымъ 167 кред. коп.—величинѣ, болѣе соотвѣтствовавшей тогдашнему состоянію вексельнаго курса, чѣмъ прежняя идеальная величина (150 кр. коп.) или норма, по тогдашнему времени, совершенно произвольная.

данныя обнаруживаютъ полное несоотвѣтствіе смѣтныхъ предположеній результатамъ исполненія государственной росписи относительно двухъ важнѣйшихъ источниковъ казеннаго дохода: по доходу питейному получился очень значительный *переборъ*, а по доходу таможенному—также значительный *недоборъ*. Въ круглыхъ цифрахъ, первый изъ нихъ, исчисленный въ 236 милл. руб., поступилъ въ суммѣ 257 милл., а таможенные сборы, вмѣсто назначенныхъ по росписи 115 милл., дали 107 милл. кред. рубл. Естественный прирость питейнаго дохода выразился, однако, не въ полной суммѣ перебора—21 милл. рублей; отсюда слѣдуетъ вычесть, въ круглой цифрѣ, 7 милл. акциза за вино, предназначавшееся къ потребленію въ 1888 году, такъ какъ эти 7 милл. поступили въ государственное казначейство преждевременно и потому только, что съ 1-го января текущаго года подлежали оплатѣ повышеннымъ акцизомъ (на $^1/_4$ коп. съ градуса) всѣ неоплаченные еще запасы вина въ оптовыхъ складахъ и заводскихъ подвалахъ (разумѣется, кромѣ перекура, предоставленнаго въ пользу заводчиковъ). Дѣйствительный переборъ составитъ, такимъ образомъ, 14 милл. рублей—какъ разъ ту самую сумму, на которую уменьшена, противъ 1886 г., смѣта питейнаго дохода.

Вообще по обыкновеннымъ доходамъ получилось въ итогѣ превышеніе поступленій, противъ исчисленныхъ по росписи, на 33.293.000 р., такъ что вмѣсто назначенныхъ 796.369.000 р., въ дѣйствительности поступило 829.661.000 р. обыкновенныхъ доходовъ. Обыкновенныхъ же расходовъ, вмѣсто назначенныхъ по смѣтѣ 832.928.000 р., исполнено и предстоитъ исполнить нѣсколько болѣе, именно на сумму 835.850.000 руб. Весь дефицитъ, по обыкновеннымъ доходамъ, привелся въ дѣйствительности къ 6.188.000 рублей, вмѣсто предвидѣвшейся росписью крупной суммы 36.559.000 руб.

Незначительность дѣйствительнаго дефицита была опредѣлена еще въ мартѣ текущаго года, на основаніи приведеннаго въ извѣстность кассоваго отчета о движеніи суммъ государственнаго казначейства. Тогда ожидалось, что всѣ расходы за счетъ росписи 1887 года, включая и расходы льготнаго срока, не превзойдутъ смѣтныхъ назначеній и даже будутъ меньше тысячъ на 700. Такое предположеніе, сдѣланное въ половинѣ марта, не оправдалось, и по окончаніи льготнаго срока обнаружился перерасходъ, противъ смѣтныхъ назначеній, на 2.922.000 рублей. Но за то и опасенія крупнаго дефицита, слишкомъ поспѣшно высказанныя

нѣкоторыми органами нашей печати весною нынѣшняго года, въ то самое время, когда вслѣдствіе благопріятныхъ экономическихъ условій упорядоченіе нашихъ финансовъ становилось очевиднымъ,—такія опасенія оказались лишенными всякаго основанія, на что мы указывали еще въ №№ 5 и 7-мъ „Русскаго Вѣстника“.

Наиболѣе значительные перерасходы произошли по системѣ государственнаго кредита (2.316.000) и по министерству финансовъ (4.128.000).

Заслуживаетъ вниманія, что дали излишекъ доходовъ всѣ прямые налоги, всѣ правительственныя регаліи и всѣ казенныя имущества. Уменьшился доходъ только отъ *продажи* казенныхъ недвижимостей—доходъ совершенно случайный.

Такіе результаты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о подъемѣ платежныхъ силъ населенія, а потому въ прямомъ противорѣчіи съ ними стоитъ показанное въ отчетѣ государственнаго контролера недопоступленіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ на довольно крупную сумму—7.395.000 рублей. Это противорѣчіе оказалось, однако, мнимымъ. Оффиціальный органъ министерства финансовъ нашелъ возможнымъ разъяснить, что причина означеннаго недобора заключается въ своеобразномъ порядкѣ казначейскаго счетоводства. Дѣло въ томъ, что часть поступившихъ въ 1887 году выкупныхъ платежей бывшихъ государственныхъ крестьянъ обращена на пополненіе числившихся на нихъ недоимокъ по отмѣненнымъ окладнымъ сборамъ—подушной и оброчной податямъ, за позднею-де разсылкою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ окладныхъ листовъ на новые сборы. Такимъ образомъ болѣе 8.400.000 рублей выкупныхъ платежей попало въ рубрику поступленія недоимокъ прежнихъ лѣтъ. Съ перенесеніемъ же этой суммы на надлежащее мѣсто не только не окажется недобора въ выкупныхъ платежахъ государственныхъ крестьянъ, но получится еще переборъ въ милліонъ рублей.

Можно вполнѣ удовлетвориться даннымъ объясненіемъ, но нельзя не пожелать, чтобы въ подобныхъ объясненіяхъ на будущее время не было надобности. Общество привыкло относиться съ полнымъ довѣріемъ къ отчетамъ государственнаго контролера и просматриваетъ ихъ съ большимъ вниманіемъ. Для полной же ясности этихъ отчетовъ необходима старательная очистка помѣщаемыхъ въ нихъ данныхъ отъ всякихъ вольныхъ и невольныхъ погрѣшностей счетоводства.

Въ прошломъ году правительство предложило московской городской думѣ принять въ свое вѣдѣніе дѣла мѣстнаго комитета призрѣнія нищихъ. Комитетъ дѣйствуетъ ровно 50 лѣтъ, въ теченіе которыхъ могъ убѣдиться, что ужасное положеніе людей, задерживаемыхъ полиціей за нищество, происходитъ не столько отъ постигающихъ ихъ несчастій, сколько отъ ихъ порочности. Весьма часто случается, что комитетъ выдерживаетъ нѣкоторое время приводимыхъ полиціею нищихъ и выпускаетъ ихъ, снабдивъ одеждой и обувью, а черезъ мѣсяцъ ихъ снова приводятъ въ рубищахъ. Частная благотворительность, дѣйствующая рядомъ съ этимъ учрежденіемъ, оказывается безсильною въ борьбѣ съ наружною нищетою, выходящею на улицы; отъ завѣдующихъ дѣлами благотворенія постоянно приходится слышать: „мы не знаемъ, что дѣлать, потому что въ результатѣ только плодимъ нищенство“. Комитетъ призрѣнія, въ свою очередь, служитъ только предметомъ нареканія, такъ какъ въ Москвѣ сколько-нибудь прилично одѣтымъ людямъ нѣтъ отбоя отъ просящихъ милостыню; ночлежные дома переполняются безпріютными, и при всемъ томъ сотни людей остаются день и ночь на открытомъ воздухѣ во всякое время года. Вслѣдствіе порочности призрѣваемымъ комитетъ вынужденъ помѣщать многихъ въ работный домъ, устроенный на 200 человѣкъ еще полъ-вѣка тому назадъ. На содержаніе этого дома съ 1840 г. отпускалось по 11.400 р. с., но, по уничтоженіи въ сентябрѣ прошлаго года приказа общественнаго призрѣнія, прекратился всякій отпускъ, и съ того времени работный домъ содержится исключительно на средства частныхъ благотворителей, пожертвованныя въ полное распоряженіе комитета.

Въ такомъ безотрадномъ положеніи застало упомянутое правительственное предложеніе дѣло общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, щеголяющей, можно сказать, щедростью своихъ благотворителей, на что уже было указано въ одной изъ помѣщаемыхъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ московскихъ хроникъ.

Городская дума поручила обсудить и выработать соотвѣтственныя предположенія своей коммисіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ подъ предсѣдательствомъ И. Н. Мамонтова, уполномочивъ ее приглашать общественныхъ дѣятелей по той или другой отрасли призрѣнія и благотворительности къ участію въ предстоящихъ ей трудахъ.

Коммисія не ограничилась разработкою вопроса о призрѣніи нищихъ, но взглянула на свою задачу гораздо шире

и пришла къ заключенію о необходимости организаціи всего дѣла общественнаго благотворенія въ Москвѣ.

Организація благотворенія общественнымъ самоуправленіемъ никогда еще до сихъ поръ осуществлена не была; поэтому починъ, дѣлаемый теперь Москвою, заслуживаетъ всеобщаго вниманія, и печать не можетъ не отнестись къ нему съ особою серьезностью.

Законъ обязываетъ сословныя общества каждой мѣстности призрѣвать своихъ неимущихъ сочленовъ, лишенныхъ средствъ къ существованію. И дѣйствительно, сельскія общины призрѣваютъ, какъ могутъ, своихъ бѣдныхъ, не покидающихъ мѣсто родины, то же дѣлаютъ и общества купеческія, мѣщанскія и ремесленныя. Но ни одна община не обязана заботиться о бѣдныхъ, пришлыхъ въ ея среду и къ ней не принадлежащихъ. Между тѣмъ наклонность къ бродяжеству и нищенству сильно развита въ народѣ. По заявленію кн. А. А. Щербатова (бывшаго московскаго городскаго головы), ему лично извѣстна цѣлая волость, которая, не смотря на очень хорошія экономическія условія, дѣлаетъ изъ нищенства ремесло. Частные благотворители, щедрые даятели милостыни легко могутъ своею неразборчивостью въ подаяніяхъ Христа ради причинить великое зло обществу, плодить нищество, какъ занятіе недостойное и нравственно растлѣвающее человѣка. Да и вообще говоря о призрѣніи и благотворительности, нельзя имѣть въ виду только нищихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. людей, выходящихъ на улицы и дороги просить милостыню. Между ними могутъ быть и люди, не принадлежащіе къ числу неимущихъ или безпріютныхъ, люди вполнѣ способные къ труду, но не работающіе изъ лѣни; дѣти, нарочно посылаемыя для прошенія милостыни родителями, не терпящими нужды, или настолько испорченныя, что тайкомъ отъ родныхъ пристаютъ съ просьбами о подаяніи къ прохожимъ и затѣмъ тратятъ на лакомства (а иногда и на водку или на табакъ) полученныя подачки; праздныя старухи, живущія въ теплѣ и имѣющія достаточную пищу, и т. д. Призрѣніе и благотворительность должны имѣть дѣло не столько съ ниществомъ, какъ съ нищетою, проистекающею отъ несчастія, и главнѣйше заботиться о такихъ бѣдныхъ, которые терпятъ нужду вслѣдствіе безработицы или неспособности къ труду. Правильно постановленное благотвореніе предупреждаетъ нищенство, охраняетъ бѣдняка отъ физической и нравственной гибели, оказывая ему поддержку въ тяжелую минуту, и преслѣдуетъ нищество, обратившееся въ ремесло. Призрѣ-

ніе и благотвореніе тогда только имѣютъ смыслъ, когда вызываются крайнею необходимостью и не поощряютъ дурныя наклонности людей, получающихъ помощь. Здѣсь многое зависитъ отъ способовъ оказанія помощи, отъ формъ, въ которыхъ проявляется заботливость о нуждающихся. Но какъ бы цѣлесообразны ни были извѣданныя и провѣренныя долгимъ опытомъ нѣкоторыя формы благотворенія, онѣ не могутъ быть сдѣланы обязательными для частныхъ лицъ, по внутреннему побужденію и собственному разумѣнію проявляющихъ состраданіе къ несчастнымъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ. Иное дѣло, когда организуется общественное благотвореніе, когда во главѣ его становится учрежденіе, обязанное во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ дѣйствительными нуждами и пользами населенія. Производя извѣстныя затраты не за свой, а за общественный счетъ, учрежденіе не можетъ отступать въ дѣлѣ благотворенія отъ принципа крайней необходимости. Первый вопросъ, возникающій въ этомъ случаѣ, есть вопросъ: вызывается ли организація общественной благотворительности мѣстными условіями, является ли она дѣйствительно необходимою?

Мы сказали уже, что по закону каждая мѣстная сословная единица обязана призрѣвать своихъ неимущихъ сочленовъ, входящихъ въ ея составъ. Но въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ большая часть населенія составляется изъ элементовъ пришлыхъ. Здѣсь огромное большинство мелкихъ промышленниковъ всякаго рода, мастеровыхъ, чернорабочихъ — не мѣстные жители, а люди чужіе, стекающіеся сюда для пріисканія занятій постоянныхъ или временныхъ, люди, ищущіе заработка и необходимые для движенія обширныхъ и торговыхъ оборотовъ, для доставленія разнаго рода услугъ т. н. непроизводительнымъ классамъ, т. е. лицамъ, занятымъ службою, трудомъ въ области научной, литературной, художественной, или никакимъ дѣломъ не занятымъ, но обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и живущимъ въ свое удовольствіе. Въ Москвѣ пришлые люди составляютъ $^3/_4$ всего населенія. Кто же станетъ призрѣвать тѣхъ изъ нихъ, которые впадаютъ въ бѣдственное состояніе вслѣдствіе болѣзней, безработицы, пожаровъ и т. п. случайностей. Мы не говоримъ о бродягахъ и нищихъ по ремеслу, а о томъ трудовомъ людѣ, котораго постигаютъ временныя бѣдствія, и безъ котораго не можетъ обойтись ни промышленная, ни торговая, ни трудящаяся на поприщѣ общественной и государственной дѣятельности, ни праздная Москва. Неорганизованная, совершенно произвольная и

случайная частная благотворительность если не плодитъ нищихъ уличными подаяніями, не размножаетъ бродягъ своими ночлежными домами—пріютами не только нищеты, но и порока, то во всякомъ случаѣ не представляетъ никакой гарантіи тому, что задача охраны общественнаго здоровья и безопасности, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ увеличенія неимущаго населенія, не осложнится до крайности для города и мѣстныхъ властей.

Общественное управленіе не можетъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ идеальной любви къ ближнему, на немъ не лежитъ религіозно-нравственная обязанность помогать по мѣрѣ силъ и возможности всякому нуждающемуся; но въ видахъ общественной пользы, по необходимости, и только по необходимости, оно должно озаботиться правильною постановкою дѣла призрѣнія, взять это дѣло въ свои руки, чтобы избавить городъ отъ вредныхъ и опасныхъ послѣдствій развитія въ немъ нищенства. Мысль, высказанная предсѣдателемъ московской городской коммиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, что организованное благотвореніе можетъ оказать громадную услугу государству, обязанному, будто-бы, приходить на помощь „жертвамъ недостатка своихъ заботъ о благосостояніи"—вѣрна только въ первой своей части. Организованное благотвореніе, какъ всякій разумный порядокъ, дѣйствительно оказываетъ услугу государству; но несчастные, являющіеся предметомъ благотворенія, не могутъ быть названы жертвами недостатка заботъ государства о благосостояніи, потому что государство заботится только объ устраненіи внѣшнихъ препятствій къ достиженію благосостоянія, оно не можетъ ни заставить трудиться свободнаго человѣка, ни сдѣлать его трудъ производительнымъ, ни обезпечить его работѣ успѣха, ни внушить умѣренность въ пользованіи плодами труда,—отчего собственно и зависитъ та или другая степень матеріальнаго благосостоянія каждаго. Общественное благотвореніе, т. е. организованное благотвореніе, въ свою очередь, не должно ставить себѣ задачею достиженіе народнаго благосостоянія. Ему предстоитъ только помогать борьбѣ съ нуждою, и при томъ крайнею, заѣдающею всякую человѣческую энергію, или призрѣвать людей рѣшительно неспособныхъ къ труду по болѣзни, дряхлости, малолѣтству, убогости и т. п. чисто органическимъ причинамъ.

Мы сочли нужнымъ нѣсколько остановиться на опредѣленіи прямой задачи и круга общественнаго благотворенія въ виду существующаго на этотъ счетъ въ московской ком-

мисіи видимаго смѣшенія понятій. Ея председатель полагаетъ, напримѣръ, что образуемый городскою думою особый отдѣлъ благотворенія долженъ принять въ свое вѣдѣніе и больничное дѣло, и учебную часть, и санитарный надзоръ, потому-де, что бѣднякъ нуждается въ безплатной медицинской помощи, дѣти его зачастую не могутъ посѣщать школу за неимѣніемъ обуви и теплаго платья, а помѣщенія, въ которыхъ гнѣздится нищета, могли бы быть приведены въ лучшее состояніе. Но призрѣваемый бѣднякъ прежде всего нуждается въ хлѣбѣ, маленькимъ дѣтямъ его необходимо молоко, такъ не взять ли по этому поводу въ вѣдѣніе благотворительнаго отдѣла хлѣбопекарни (пожалуй, и мучные лабазы) и молочныя фермы? Несообразность подобнаго предложенія, еслибы его кто-нибудь сдѣлалъ, была бы очевидна, а между тѣмъ въ немъ болѣе смысла, чѣмъ, напримѣръ, въ смѣшеніи дѣла обученія съ заботами о доставленіи бѣдному ребенку обуви и платья для посѣщенія школы. Обученіе, имѣющее своею цѣлью образованіе ума, есть благо положительное и притомъ благо духовное, а задача общественнаго благотворенія состоитъ въ помощи борьбѣ съ нуждою, съ матеріальнымъ зломъ, оно стремится только очистить путь къ достиженію блага; благотворить не значитъ доставлять благосостояніе, а значитъ только устранять препятствія къ достиженію благосостоянія и притомъ не окончательно, а лишь въ такой мѣрѣ, насколько это необходимо для поддержанія въ человѣкѣ физической энергіи къ борьбѣ.

Въ министерство государственныхъ имуществъ поступило ходатайство Вольнаго Экономическаго Общества о надѣленіи народныхъ школъ землею.

Вопросъ этотъ выдвинутъ на очередь не теоретическими соображеніями, а самими условіями быта сельскихъ учителей, и разрѣшеніе его на практикѣ началось не сверху, а снизу.

Какъ видно изъ доклада совѣту названнаго Общества предсѣдателя комитета грамотности, Я. Т. Михайловскаго, многіе сельскіе учителя, преимущественно въ губерніяхъ многоземельныхъ, чтобы пополнить свой скудный бюджетъ и найти примѣненіе своему труду въ праздное для школъ лѣтнее время, нерѣдко занимаются хлѣбопашествомъ на арендованныхъ участкахъ. Свѣдѣнія, доставленныя самими же учителями, показываютъ, что занятія эти иногда доставляютъ учителямъ порядочные доходы; кромѣ того, нѣкоторые сельскіе учителя, съ выгодою для себя, занимаются садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ и т. п. Та-

кія сельско-хозяйственныя занятія учителей не только не мѣшаютъ дѣлу преподаванія, но и не остаются безъ нѣкотораго полезнаго вліянія на окрестныхъ крестьянъ. Между учителемъ-хлѣбопашцемъ, огородникомъ или садоводомъ и его односельчанами вскорѣ завязываются дружескія отношенія, поддерживаемыя обоюдными выгодами: учитель пріобрѣтаетъ нравственное вліяніе въ селѣ, крестьяне же заимствуютъ отъ него улучшенныя сѣмена и орудія и прибѣгаютъ къ нему за совѣтами въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель оказывается дѣйствительно свѣдущимъ хозяиномъ.

Убѣдившись въ пользѣ соединенія преподавательскихъ занятій съ сельско-хозяйственными и видя въ послѣднихъ важный источникъ средствъ для содержанія народныхъ школъ, нѣкоторыя частныя лица, сельскія общества и земства стали надѣлять школы землею или оказывать денежную помощь училищамъ, при которыхъ заведены огороды, питомники и т. п. На всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ въ Харьковѣ большое вниманіе обратили на себя школы Верейскаго уѣзда, при которыхъ устроены сады, огороды и опытныя поля; на нихъ работаютъ и ученики. Въ настоящее время всѣ 30 школъ уѣзда имѣютъ свои садики или питомники. Московское губернское земство постановило выдавать уѣздамъ, въ которыхъ будутъ заведены такіе питомники, по 250 рублей на каждый. Примѣру московскаго послѣдовало и казанское уѣздное земство, постановивъ выдавать до 30 рублей тѣмъ изъ сельскихъ учителей, которые пожелаютъ въ каникулярное время отправиться на казанскую ферму для пріобрѣтенія практическихъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній или завести при школѣ огородъ, садъ, пчельникъ и т. п. Пермское уѣздное земство надѣлило два народныя училища небольшими участками земли для разведенія на нихъ лучшихъ сортовъ хлѣба и овощей и для ознакомленія мѣстныхъ жителей съ обработкой земли усовершенствованными способами; за посѣвами наблюдаютъ агрономы, которые въ зимнее время ведутъ бесѣды съ дѣтьми по сельскому хозяйству. Къ числу новыхъ начинаній слѣдуетъ отнести и открытіе образцовой пасѣки, съ классами по пчеловодству, при Погостинскомъ народномъ училищѣ въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., гдѣ въ былыя времена пчеловодство процвѣтало. Завѣдывать пасѣкою вызвался псаломщикъ мѣстной церкви, пчеловодъ-любитель, который подарилъ новой пасѣкѣ свои 5 роевъ. Уѣздное земское собраніе очень сочувственно отнеслось къ предположенію и единогласно рѣшило

отпустить на устройство пасѣки 150 р., а затѣмъ ежегодно выдавать по 60 р. въ плату за преподаваніе пчеловодства. Появились питомники плодовыхъ деревьевъ при школахъ Псковской губ. Въ Закавказьи, въ Черниговской губерніи и въ Бендерскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи начали съ 1887 и 1888 гг. разводить при школахъ тутовыя плантаціи. Въ Рославскомъ уѣздѣ Смоленской губ. устроены, по мысли священника Кутузова, двѣ школьныя фермы. Первая ферма, въ с. Новоселкахъ, была устроена въ 1885 г. на 4 дес., данныхъ о. Кутузовымъ. Совѣщаніемъ мѣстнаго комитета учредителей Общества улучшенія народнаго труда выработанъ былъ для фермы плодосмѣнъ (8-ми-польный, съ коноплею и кормовыми травами) и установлено, что учитель-фермеръ сполна получаетъ всѣ необходимыя принадлежности для веденія хозяйства и обращаетъ въ свою пользу доходы отъ фермы. Обзаведеніе (постройки и инвентарь) обошлось около 500 р. Для другой фермы, въ с. Костыряхъ, отведенъ участокъ въ 5 дес.; и учителю оказана небольшая помощь; при фермѣ есть работникъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о курсахъ по плодоводству и хмѣлеводству, устроенныхъ лѣтомъ 1887 г. въ Петровичской школѣ г. Мышенкова (Бобруйскаго у. Минской губ.), для учителей виленскаго учебнаго округа. Учителя работали $1^1/_2$ мѣс., и, по общему отзыву, получились результаты самые удовлетворительные. И. И. Мещерскій, которому принадлежитъ починъ въ разработкѣ вопроса о надѣленіи народныхъ школъ землею при содѣйствіи правительства, заявилъ въ одномъ изъ соединенныхъ засѣданій комитета грамотности и Вольн. Экон. Общества, что онъ встрѣтилъ одного пожилаго сельскаго учителя Гродненской губ., который получаетъ въ мѣсяцъ всего 16 рубл. и на такое жалованье содержитъ себя и 8 чел. дѣтей; выручаетъ учителя участокъ земли въ 4 дес., данный ему крестьянами.

Нѣтъ надобности обращаться къ излюбленнымъ у насъ примѣрамъ запада — Пруссіи, гдѣ садоводство введено въ кругъ обязательнаго преподаванія въ сельскихъ школахъ и почти повсемѣстно имѣются сады и питомники плодовыхъ деревьевъ, или къ Австріи, гдѣ также при многихъ народныхъ школахъ существуютъ такіе же питомники, да еще и опытныя поля, къ Франціи и Бельгіи, гдѣ общее земледѣліе преподается въ начальныхъ сельскихъ училищахъ, а во Фландріи при многихъ школахъ устроены даже выставки и склады улучшенныхъ орудій и сѣмянъ. Нашъ собственный опытъ достаточно выяснилъ пользу надѣленія на-

родныхъ школъ землею: земельные участки обезпечиваютъ училище и учителей, и хозяйства, устроенныя на этихъ участкахъ, являются разсадниками въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній и умѣній чисто практическихъ.

Поступившее на разсмотрѣніе правительства ходатайство сводится къ тому, чтобы всѣ народныя школы, гдѣ только окажется возможность, были надѣлены участками изъ свободныхъ казенныхъ земель, въ размѣрѣ до 5 душевыхъ надѣловъ государственныхъ крестьянъ данной мѣстности; чтобы училища министерства народнаго просвѣщенія располагали участками земли въ размѣрѣ не менѣе 2 душевыхъ надѣловъ; чтобы въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ правительства ежегодно устраивались курсы для сельскихъ учителей по общему земледѣлію, садоводству, пчеловодству и т. п. и чтобы воспитанникамъ учительскихъ семинарій дана была возможность практически ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ, а ученикамъ земледѣльческихъ и садовыхъ училищъ—съ пріемами преподаванія.

Желательно также, чтобы правительство и общество оказывали помощь веденію хозяйства при школахъ денежными пособіями на первоначальное устройство, высылкою книгъ, орудій, сѣмянъ и пр.

Наконецъ, въ видахъ болѣе прочнаго распространенія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній, полезно было бы, по почину правительственныхъ и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и подъ ихъ руководствомъ, заводить при нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ образцовыя фермы. Во главѣ такихъ школъ-фермъ должны стоять учителя, имѣющіе хорошую сельско-хозяйственную подготовку, при чемъ весь чистый доходъ отъ хозяйства слѣдовало бы всецѣло отдавать учителямъ, какъ вознагражденіе за ихъ преподавательскій трудъ.

Только при такихъ условіяхъ существованіе народной школы и быстрое ея развитіе можно считать обезпеченнымъ, кто бы ею ни руководилъ—земство, съ дворянствомъ во главѣ, правительство или духовенство. Народная школа и народный трудъ должны черпать изъ одного и того же источника средства къ жизни, а этимъ естественнымъ и неизсякаемымъ источникомъ у насъ всегда была и будетъ земля.

По поводу столь странно-радушно встрѣченной нѣкоторыми брошюры „Почему я больше не революціонеръ?“ мы уже высказали достаточно ясно (въ № 9 „Русск. Вѣстн.“) свое мнѣніе и о самой брошюрѣ, и объ ея авторѣ, и не стали бы болѣе упоминать о такихъ „писателяхъ“, но такъ какъ

у насъ нерѣдко преклоняютъ слухъ къ нелѣпостямъ, распускаемымъ иностранною печатью, то и на этотъ разъ упорное приставаніе съ извѣстіями о дальнѣйшей участи этого будто-бы покаявшагося героя нигилизма заставляетъ насъ сказать о немъ два слова.

Парижская газета „Matin" разноситъ чудовищную и лишенную смысла сплетню, будто „Моск. Вѣдомости" приняли „съ восторгомъ" исповѣдь раскаявшагося нигилиста, настаивали на томъ, чтобъ правительство распространило брошюру Тихомірова „во всѣхъ русскихъ школахъ" и объявили, что эта брошюра заслужила полную амнистію ея автору, а „Новое Время" тотчасъ-де пригласило бывшаго терророиста въ свои сотрудники. Та же парижская газета отъ кого-то слышала, что этотъ убійца будетъ призванъ къ дѣлу болѣе важному, чѣмъ сотрудничество въ „Новомъ Времени", ибо рѣшено сдѣлать его редакторомъ „Моск. Вѣд.", во главѣ которыхъ стоялъ прежде М. Н. Катковъ и которыя нынѣ принялъ г. Петровскій.

Какъ ни странно, но такое упорное утвержденіе невольно приводитъ къ мысли, что все это извѣстіе не вполнѣ вымыселъ газеты „Matin". Разумѣется, о „призваніи" Льва Тихомірова государственною властью не могло быть и рѣчи. О занятіи преступникомъ, случайно не попавшимъ на висѣлицу, такого поста, какъ постъ редактора „Моск. Вѣдом.", и о его сотрудничествѣ въ такой газетѣ, какъ „Новое Время", весьма естественно, никто никогда не помышлялъ. Тѣмъ не менѣе газета „Matin" не выдумываетъ вздоръ, а, конечно, только повторяетъ вздоръ, который слышится въ Петербургѣ. У насъ далеко не рѣдкость встрѣтить почтеннаго человѣка, искренно убѣжденнаго, что воръ, находящійся не у дѣлъ, перестанетъ воровать и что брошюры покаянныхъ каторжниковъ— весьма полезное для юношества чтеніе, а сорвавшіеся съ висѣлицы могутъ, если пожелаютъ, быть полезными слугами отечеству и не только желательными сотрудниками, но даже редакторами газетъ и журналовъ. Къ сожалѣнію, этимъ великодушничающимъ за счетъ общественнаго спокойствія и государственной безопасности лицамъ не приходитъ на умъ, что, допуская въ среду честныхъ гражданъ покаявшихся (притворно или искренно—это все равно,—да и кто можетъ знать, зачѣмъ они надѣваютъ личину?), но ничѣмъ не искупившихъ своей вины, преступниковъ, правительство тѣмъ самымъ подорвало бы авторитетъ закона и явило бы не подобающее его достоинству безпристрастіе, а ничѣмъ неоправдываемую сентиментальную слабость, могущую имѣть серьезныя послѣдствія. Но думать, что возможно что-либо подобное, нѣтъ никакихъ основаній....

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Путешествіе по Европѣ императора Германіи.—Ожидаемые и дѣйствительные результаты этого путешествія.—Пребываніе въ Римѣ и визитъ въ Ватиканъ. — Обновленіе „лиги мира“. — „Мирныя цѣли“ императорскихъ визитовъ.—Другая Императорская поѣздка. — Невольное сравненіе. — Новыя австрійскія интриги. — Подвиги короля Милана.—Во Франціи: пересмотръ конституціи и успѣхи буланжизма.

Мы закончили нашу послѣднюю политическую бесѣду въ тотъ самый моментъ, когда въ политическомъ мірѣ Европы совершалось событіе, отъ котораго въ средне-европейскихъ политическихъ кружкахъ ожидали какихъ-то „чрезвычайныхъ“ результатовъ. Молодой императоръ Германіи въ этотъ моментъ дѣлалъ вторую серію своихъ политическихъ визитовъ... Мы оставили его въ Вѣнѣ, посѣщеніе которой именно и признавалось краеугольнымъ камнемъ тѣхъ политическихъ комбинацій, которыя, по мнѣнію оффиціозныхъ преимущественно австро-мадьярскихъ публицистовъ, должны были явиться въ качествѣ результата поѣздокъ государя Германіи.

Намъ уже доводилось говорить, что, по мнѣнію этихъ публицистовъ и сочувствующей имъ германской и отчасти англійской печати (послѣдняя, впрочемъ, ведетъ себя въ настоящую минуту крайне сдержанно), ближайшимъ послѣдствіемъ посѣщенія Вѣны императоромъ Вильгельмомъ II должно было быть рѣшеніе болгарскаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ австрійскимъ стремленіямъ и интересамъ. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ такое рѣшеніе означаетъ ничто иное, какъ полное торжество австрійской политики въ Болгаріи и на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, населеннаго славянами.

Конечно, свиданіе императоровъ Германіи и Австріи со-

стоялось еще такъ недавно, что довольно трудно пока судить о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело оно въ дѣйствительности и насколько оправдало надежды и ожиданія сторонниковъ торжества австрійской политики. Но на сколько можно дѣлать заключенія объ этихъ результатахъ по тѣмъ фактамъ, которые уже сдѣлались извѣстными и, повидимому, не подлежатъ сомнѣнію, то кажется, что, въ концѣ концовъ, путешествіе молодаго императора Германіи едва-ли внесетъ какія-либо существенныя перемѣны въ общую картину политическаго положенія Европы и измѣнитъ общій тонъ современной политики.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что вся австро-мадьярская печать съ полной увѣренностью смотрѣла на вѣнское свиданіе, какъ бы на продолженіе или, по крайней мѣрѣ, на необходимое послѣдствіе свиданія, состоявшагося въ Петергофѣ. Мадьярско-австрійскіе публицисты очень усердно навязывали молодому государю Германіи роль какого-то примирителя интересовъ Россіи съ интересами Австріи. Эти господа, которымъ вторили отчасти и изъ Берлина, гдѣ, казалось бы, не должны были заблуждаться относительно истиннаго характера и значенія императорскаго путешествія, эти господа, говоримъ мы, весьма серьезно и съ большимъ апломбомъ увѣряли, что императоръ Вильгельмъ въ бытность свою въ Петергофѣ успѣлъ заручиться какими-то обѣщаніями русскаго правительства относительно какихъ-то уступокъ въ пользу Австріи и въ свою очередь взялъ на себя обязанность склонить Австрію къ нѣкоторымъ уступкамъ въ пользу Россіи. Въ общихъ чертахъ даже указывалась и сущность этихъ уступокъ: Австрія должна была пожертвовать Россіи особой Фердинанда Кобургскаго и замѣнить его лицомъ, на воцареніе котораго въ Болгаріи Россія изъявила бы свое согласіе. Русское правительство, въ свою очередь, соглашалось на окончательное присоединеніе къ имперіи Габсбурговъ Босніи и Герцоговины и отступалось затѣмъ въ пользу той же Австріи отъ всякаго дальнѣйшаго воздѣйствія на Болгарію и предоставляло ее вполнѣ австрійскому вліянію, законность котораго оно будто-бы уже вполнѣ признало.

Въ свое время мы имѣли уже случай указать на всю нелѣпость этой „программы взаимныхъ уступокъ“, какъ величала эту довольно странную выдумку берлинская „Post“. Наше предположеніе вполнѣ оправдалось. Въ самый моментъ пріѣзда императора Вильгельма въ Вѣну нашъ дипломатическій „Journal de St.-Pétersburg“ напечаталъ очень краткую, но

въ то же время и весьма серіозную замѣтку, въ которой прямо указывалъ на безсмыслицу навязыванія германскому государю роли политическаго посредника между Россіей и Австріей. Общій смыслъ этой замѣтки сводился къ тому, что императоръ Вильгельмъ ни отъ русскаго правительства не получалъ никакихъ обѣщаній, ни самъ не принималъ на себя какихъ-либо обязательствъ. Все, что можно было предполагать по отношенію къ высокому путешественнику, по мнѣнію органа нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, ограничивалось тѣмъ, что онъ, имѣвъ, въ бытность свою въ гостяхъ у русскаго Государя, полную возможность убѣдиться въ искренности миролюбія Россіи, при свиданіи съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ, можетъ быть, сочтетъ за нужное высказать это убѣжденіе. Осуществилось ли это весьма естественное предположеніе мы, конечно, не знаемъ, и только грядущія событія разъяснятъ намъ это.

Говоря же вообще, помимо всякихъ предположеній о какомъ-либо посредничествѣ императора Вильгельма, на нашъ взглядъ, поѣздку его въ Вѣну довольно трудно считать за такой политическій фактъ, которымъ могли бы удовлетвориться даже и стороны непосредственно заинтересованныя результатами встрѣчи императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа, т. е. Германія и Австрія. Нужды нѣтъ, что въ первый моментъ, послѣдовавшій за этой встрѣчей, австро-мадьярскіе оффиціозы поспѣшили какъ можно громче и внушительнѣе выразить свое полное удовольствіе по поводу ея результатовъ, но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ среди дружнаго хора австро-мадьярскихъ оффиціозовъ, выражавшихъ свое удовольствіе по случаю свиданія государей, начали уже раздаваться отдѣльные голоса, по тону которыхъ можно было заключить, что надежды и ожиданія добро-австро-мадьярскихъ патріотовъ оказались далеко не вполнѣ удовлетворенными. Да и дѣйствительно, кажется, не произошло ничего такого, чѣмъ бы могли удовлетвориться австро-мадьярскія вожделѣнія, особенно, если принять во вниманіе давно извѣстную неумѣренность этихъ вожделѣній. Желанія и надежды австро-мадьярскаго патріотизма сводились въ данномъ случаѣ къ тому, чтобы Германія выступила явной защитницей австро-мадьярскихъ стремленій, каковы бы ни были эти стремленія. Этого-то во всякомъ случаѣ и не произошло.

Высказывая это убѣжденіе, мы отнюдь не хотимъ сказать, что видимъ въ Германіи и ея политикѣ преграду австрійскимъ желаніямъ и намѣреніямъ, идущимъ въ раз-

рѣзъ съ политическими цѣлями Россіи. Отнюдь нѣтъ. Мы не разъ уже имѣли случай говорить, что не вѣримъ въ возможность такой германской политики, которая искренно бы содѣйствовала, или хотя бы только сочувствовала цѣлямъ Россіи. Мы говоримъ только, что самые интересы Германіи требуютъ внѣшней, по крайней мѣрѣ, сдержанности въ отношеніи русской политики, а потому Германія никогда не выступитъ въ роли *открытой* пособницы Австріи въ дѣлѣ антирусской интриги. Впрочемъ, это, конечно, не помѣшаетъ, какъ не мѣшало и до сихъ поръ Австріи пользоваться нѣкоторымъ успѣхомъ на поприщѣ ея оригинальной политики. Другими словами—попустительство есть все, на что Австрія можетъ разсчитывать пока со стороны Германіи. Ниже мы увидимъ, что она и въ данную минуту очень широко пользуется этимъ попустительствомъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Вернемся пока къ пребыванію императора Вильгельма въ Вѣнѣ. Мы уже указали въ прошлой бесѣдѣ на тотъ непріятный эпизодъ, который случился въ Вѣнѣ чуть-ли не наканунѣ пріѣзда туда императора Германіи. Австрійскіе нѣмцы пожелали *особенно торжественно* встрѣтить „нѣмецкаго“ императора, котораго они, какъ сильно опасаются въ Гофбургѣ, считаютъ и *своимъ* императоромъ. Ради проявленія этой „особой торжественности“, австрійскимъ сынамъ нѣмецкаго фатерланда вздумалось развернуть германское черно-красно-желтое знамя, которое и въ самой-то Германіи, со времени закрытія франкфуртскаго парламента, считается революціоннымъ или, по меньшей мѣрѣ, анти-правительственнымъ, почему отъ него и отказался императоръ Вильгельмъ I, замѣнивши его черно-красно-бѣлымъ имперскимъ знаменемъ. Трудно даже и понять, въ силу какихъ именно соображеній австрійскіе нѣмцы могли додуматься до того, чтобы выразить свое „*особое*“ сочувствіе германскому императору при помощи анти-правительственной эмблемы. Но тѣмъ не менѣе, они до этого додумались, и австрійское правительство, воспретивъ вообще всякія чествованія царственнаго гостя, не входящія въ програму, выработанную придворнымъ вѣдомствомъ, рекомендовало полиціи обратить особое вниманіе и на это знамя, а также и на то, чтобы вообще ликованіе вѣнскихъ нѣмцевъ „не переходило въ восторгъ“. Какъ ни затруднительно было, въ данномъ случаѣ, положеніе вѣнскихъ полицейскихъ властей, не шутя задумавшихся надъ тѣмъ, какъ провести согласную съ видами высшей власти границу между дозволеннымъ „радушіемъ“ и строго воспрещеннымъ „восторгомъ“, но, тѣмъ не

менѣе, они выполнили эту задачу, быть можетъ, даже ужъ черезчуръ усердно. При въѣздѣ императора Вильгельма II въ Вѣну не только не оказалось никакихъ „восторговъ", но ему пришлось ѣхать почти по пустымъ улицамъ. Кое-гдѣ толпились кучки обыкновенныхъ уличныхъ зѣвакъ—и больше ничего... Молодой императоръ уже, конечно, зналъ объ *осторожности* австрійскаго правительства и едва-ли ощущалъ какое-либо особое удовольствіе, направляясь по пустымъ стогнамъ столицы Габсбурговъ въ Гофбургъ. Эти домашнія дрязги вѣнскаго правительства, конечно, не помѣшали оффиціальнымъ проявленіямъ взаимной дружбы и сочувствія. На оффиціальномъ обѣдѣ императоръ Германіи пилъ за здоровье своихъ „камрадовъ" австрійской арміи. Францъ-Іосифъ отвѣтилъ тостомъ за своихъ „камрадовъ" германской арміи,—но при этомъ обмѣнѣ взаимныхъ изліяній, замѣтимъ въ скобкахъ, бросалось въ глаза, что императоръ Германіи, говоря объ австрійской арміи, не наградилъ ее ни однимъ изъ эпитетовъ, обыкновенно употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ: онъ не назвалъ своихъ австрійскихъ „камрадовъ" ни „доблестными", ни „храбрыми",—видно, въ тотъ моментъ, когда онъ произносилъ свой тостъ, ему припомнились слова его канцлера, еще такъ недавно обозвавшаго тѣхъ же „камрадовъ" — „постоянно битыми". Этотъ пропускъ въ императорскомъ тостѣ тотчасъ же былъ замѣченъ, и его не забыли подчеркнуть тѣ органы европейской печати, которые не считаютъ за нужное предаваться ликованіямъ по поводу обновленія и скрѣпленія узъ австро-германской дружбы. Этотъ пробѣлъ обратилъ на себя еще бо́льшее вниманіе послѣ тоста за итальянскую армію, для которой императоръ Вильгельмъ не поскупился на самые лестные эпитеты.

Только два дня прогостилъ германскій императоръ въ Вѣнѣ и уѣхалъ затѣмъ на охоту въ Штирію. Эта охота также не удалась, по случаю страшно дурной погоды—и императоры провели почти все время охоты въ за́мкѣ, имѣя полную возможность предаваться политическимъ бесѣдамъ. Въ Вѣнѣ, какъ мы уже говорили прошлый разъ, германскій государь бесѣдовалъ съ корифеями австро-венгерской политики. Онъ принималъ у себя нѣсколько разъ графа Кальноки и, кажется, одинъ разъ Коломана Тиссу. Не посчастливилось только графу Таафе: онъ не удостоился ни аудіенціи, ни награды, которыя, однако, раздавались въ Вѣнѣ очень щедрой рукой. Для полноты общей картины посѣщенія германскимъ императоромъ Австріи, надо приба-

вить, что наканунѣ его пріѣзда въ Вѣну поспѣшилъ уѣхать оттуда, долго гостившій тамъ и пользовавшійся очень радушнымъ пріемомъ, наслѣдникъ англійскаго престола.

Посѣщеніе германскимъ государемъ другаго его сочлена по „лигѣ мира“ — короля Италіи, имѣло нѣсколько болѣе сердечно-интимный характеръ и, если не считать нѣсколькихъ, впрочемъ, довольно шумныхъ манифестацій въ пользу Франціи, устроенныхъ ирридентской партіей, какой-то шальной бомбы, брошенной въ Неаполѣ, да тѣхъ шероховатостей, которыя оказались на пути молодаго императора, вслѣдствіе необходимости навѣстить „ватиканскаго узника“, то общая картина императорскаго пребыванія въ Италіи могла бы выйти гораздо болѣе удачной, чѣмъ картина его австрійскаго визита.

Въ этой книгѣ у насъ помѣщена интересная корреспонденція изъ Рима, рисующая весьма рельефно подробности пребыванія императора въ Римѣ. Въ дѣйствительности, надо полагать, въ Римѣ ожидали вовсе не того отъ посѣщенія государя Германіи. Есть полное основаніе думать, что Вильгельмъ II во время своего недолгаго пребыванія въ Ватиканѣ избѣгалъ всякихъ политическихъ разговоровъ. На это указываютъ какъ самая краткость визита, такъ и то обстоятельство, что Левъ III не счелъ за нужное поручить кому-нибудь изъ окружающихъ его „князей церкви“ отдать императору оффиціальный визитъ отъ его имени, какъ бы того требовалъ этикетъ папскаго двора. Во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что во время пребыванія императора Вильгельма II въ Римѣ не заходило и рѣчи о какихъ-либо уступкахъ въ пользу куріи со стороны итальянскаго правительства. Напротивъ того, молодой императоръ воспользовался этимъ пребываніемъ для того, чтобы заявить, что онъ признаётъ Римъ совершенно законнымъ достояніемъ итальянскаго королевства. Это онъ весьма наглядно и далъ понять куріи, возложивъ великолѣпный вѣнокъ на могилу воиновъ, павшихъ при взятіи „вѣчнаго города“, и почтивъ память перваго короля Италіи Виктора Эммануила.

Но если послѣдняя серія визитовъ преемника маститаго императора Вильгельма не удовлетворила австро-мадьярскихъ шовинистовъ и не оправдала ожиданій папы, то, повидимому, она не осталась безъ значенія для чисто-германскихъ интересовъ. Такъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Уже нѣсколько дней какъ въ европейской политической печати начали обращаться довольно серьез-

*

ные, повидимому, слухи о какихъ-то новыхъ, дополнительныхъ статьяхъ, внесенныхъ въ договоръ „лиги мира“. Эти дополнительныя статьи были санкціонированы въ Римѣ и затѣмъ, если вѣрить слухамъ, доставлены принцемъ Генрихомъ прусскимъ въ Вѣну. Первоначально же они были выработаны при свиданіи императора Вильгельма съ Францомъ-Іосифомъ. Говорятъ, что эти статьи сдѣлались необходимыми вслѣдствіе текущихъ событій во Франціи. Германія, будто-бы въ виду возможнаго переворота во Франціи, сочла за нужное болѣе прочнымъ и положительнымъ образомъ оградить себя отъ всякихъ случайностей. Эти случайности предвидятся вслѣдствіе предположенія, что всякое новое правительство Франціи сочтетъ своею обязанностью броситься на Германію... Мотивъ, какъ оказывается, далеко не новый. Германская политика уже давно любитъ изображать Францію въ видѣ какой-то гидры, готовой при первой возможности пожрать незлобивыхъ, кроткихъ и миролюбивыхъ нѣмцевъ—и вотъ уже почти двадцать лѣтъ какъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы это кровожадное чудовище не могло поглотить кроткихъ сыновъ Германіи. Особенно свирѣпой и воинственной, въ устахъ нѣмецкихъ политиковъ, Франція становится всякій разъ, когда она менѣе всего выказываетъ какія-либо воинственныя поползновенія и бываетъ занята своими внутренними передрягами и неурядицами, то есть когда она является въ дѣйствительности менѣе всего опасною для Германіи. Въ такомъ именно положеніи находится Франція и въ настоящій моментъ, когда надъ ней виситъ постоянная угроза неизбѣжнаго внутренняго кризиса, когда борьба раздирающихъ ее партій достигла крайняго напряженія. Само собою разумѣется, что такой моментъ, съ нѣмецкой точки зрѣнія, долженъ быть признанъ за наиболѣе удобный для проявленія агрессивной политики...

Не смотря ни на какія увѣренія германскаго канцлера и всей стаи нѣмецкихъ оффиціозовъ, никто и никогда не вѣрилъ серьезно въ нѣмецкое миролюбіе, и всѣ, кто смотритъ на перипетіи европейской политики съ надлежащей объективностью, очень хорошо знаютъ, что Германія никогда не отказывалась отъ надежды рано или поздно довершить пораженіе Франціи и выжидаетъ только такого момента, когда бы могла совершить это съ возможно наименьшимъ рискомъ и съ возможно бо́льшими шансами на успѣхъ. Очень можетъ быть, что въ тайникахъ имперской дипломатической канцеляріи пришли къ убѣжденію, что этотъ вожделѣнный мо-

ментъ конечнаго торжества прусскаго милитаризма долженъ наступить въ ближайшемъ будущемъ. Весьма понятно, слѣдовательно, что разъ возможность наступленія такого момента признана руководителями германской политики, то для нихъ становится дѣломъ насущной необходимости обставить себя такимъ образомъ, чтобы тѣ силы, которыя имъ удалось привлечь на служеніе нѣмецкимъ цѣлямъ, были поставлены внѣ всякой возможности уклониться, въ рѣшительный моментъ, отъ этого служенія даже и въ томъ случаѣ, еслибы оно оказалось въ противорѣчіи съ ихъ собственными цѣлями и интересами. Не будетъ ничего удивительнаго, если впослѣдствіи окажется, что дополнительныя статьи договора, существующаго между членами пресловутой „лиги мира“ суть ничто иное, какъ неразрывныя цѣпи, которыми „миролюбивая“ германская политика ухитрилась приковать къ себѣ своихъ не менѣе „миролюбивыхъ“ союзниковъ...

И такъ уже теперь довольно ясно можно составить себѣ представленіе о тѣхъ вовсе не мирныхъ, въ концѣ концовъ, цѣляхъ, къ которымъ долженствуетъ привести странствіе по Европѣ молодаго германскаго императора, странствіе „мирное“, значеніе котораго такъ трогательно на всѣ лады воспѣвалось дружнымъ хоромъ германскихъ „рептилій“...

Невольно напрашивается на мысль сравненіе этого „мирнаго“ странствованія съ поѣздкой, совпавшей съ нимъ по времени, другаго могущественнаго монарха одного изъ европейскихъ государствъ. Мы говоримъ о только-что совершившейся поѣздкѣ нашего Государя.

Верховный Вождь русскаго народа объѣхалъ часть своего необъятнаго царства. Но какая разница между политическими визитами повелителя германскаго народа и путешествіемъ русскаго Вѣнценосца!... Въ первомъ случаѣ мы видимъ стремленіе создать для своего народа такую политическую обстановку, такіе союзы, съ которыми можно было бы, безъ всякаго риска, добиться окончательнаго подчиненія германцамъ чуть-ли не всей Европы, стремленіе окончательно утвердить нѣмецкую гегемонію, долженствующую явиться какъ роковое послѣдствіе господства прусскаго казарменнаго режима, которому и такъ уже давно, волею или неволею, служитъ и работаетъ почти вся Европа. Германія готовитъ новые ковы на Европу и ищетъ себѣ пособниковъ. Не таково путешествіе русскаго Государя. Событіе это яснѣе всякихъ дипломатическихъ нотъ говоритъ и о Его истинномъ миролюбіи, о Его сердечномъ желаніи доставить народамъ, живущимъ подъ Его

державнымъ скипетромъ, всѣ блага мирнаго развитія и преуспѣянія. Его шествіе по русской землѣ есть дѣйствительно мирное шествіе Государя, ищущаго только блага своихъ подданныхъ, и врядъ-ли кто усомнится, читая описанія подробностей этого шествія и того искренняго и неподдѣльнаго восторга, который встрѣчалъ Его на каждомъ шагу, что оно является вѣрнымъ залогомъ могущества Россіи, сплоченной во-едино преданностію всѣхъ ея подданныхъ престолу ея Царя.

Россіи не зачѣмъ искать внѣшнихъ союзовъ: она сильна внутреннимъ единствомъ. Мы убѣждены, что умѣющіе вдумываться въ значеніе и внутренній смыслъ событій корифеи европейской политики, хотя бы и тотъ же князь Бисмаркъ, сумѣютъ понять истинное значеніе дѣйствительно мирной поѣздки русскаго Императора. Военные агенты Европы, вѣроятно, уже обратили вниманіе своихъ правительствъ на грандіозную картину маневровъ подъ Елисаветградомъ. Эти маневры показали европейскимъ политикамъ, что не одна Германія можетъ гордиться своей арміей. Но не въ одной арміи дѣло. Въ Россіи за арміей стоитъ цѣлый народъ, который способенъ въ годину испытаній на такой единодушный подъемъ національнаго духа, подобнаго которому не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ русской исторіи. Вотъ почему Россія совершенно спокойно, стоя въ сторонѣ отъ всѣхъ политическихъ интригъ, можетъ держаться политики выжиданія, не рискуя ни своимъ достоинствомъ, ни тѣмъ, что эти враждебныя ей интриги пошатнутъ основы ея могущества....

Ничто такъ не устойчиво, какъ политика Россіи, и въ то же время ничто такъ не измѣнчиво, какъ мнѣніе, *высказываемое* Европой объ этой политикѣ. Это вовсе не парадоксъ. Въ сущности, Европа очень хорошо знаетъ и всегда знала, что Россія—единственная, дѣйствительно желающая мира и спокойствія страна. Между тѣмъ это сознаніе высказывается Европою очень рѣдко и высказывается только тогда, когда ей почему-нибудь нужно выставить напоказъ русское миролюбіе. Вообще же, въ Европѣ принято за правило твердить на всѣ лады при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о „коварствѣ и воинственности замысловъ Россіи“. На дняхъ мы были свидѣтелями довольно дружнаго заявленія о миролюбіи русской политики со стороны европейскихъ политическихъ сферъ. Поводомъ къ этому заявленію послужилъ недавній юбилей 50-ти-лѣтней службы на дипломатическомъ поприщѣ нашего министра иностранныхъ

дѣлъ Н. К. Гирса. Всѣ изъявленія сочувствія почтенному дипломату, со стороны правителей и дипломатовъ Европы, подчеркиваютъ именно „мирное настроеніе“ дѣятельности юбиляра, какъ выразителя внѣшней политики Россіи. Дипломатическій корпусъ даже поднесъ ему подарокъ съ надписью: „Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся“.... Мы вполнѣ убѣждены въ искренности сочувствія, высказаннаго по адресу нашего маститаго дипломата, но намъ сильно сдается, что миролюбіе русской политики не было бы такъ усердно подчеркиваемо ими въ сочувственныхъ заявленіяхъ, еслибы въ немъ именно не нуждалась Европа въ настоящій моментъ... Не первый разъ слышимъ мы сладкія, льстивыя рѣчи; не первый разъ Европа старается убаюкать Россію такими рѣчами. Мы бы ничего такъ не желали, какъ ошибиться на этотъ разъ. Намъ бы очень хотѣлось думать, что Европа рѣшилась наконецъ отдать должное Россіи безъ всякой задней мысли и ужъ не будетъ болѣе взводить на нее разныхъ небылицъ и обвинять ее въ тѣхъ интригахъ, которыхъ у ней не было никогда и въ помыслахъ и которыя противъ нея же съ такимъ неустаннымъ усердіемъ ведутъ ея европейскіе друзья-пріятели.

Но намъ могутъ поставить вопросъ, почему же именно въ настоящую минуту Европѣ нужно удостовѣриться въ неизмѣнности русскаго миролюбія?

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что настоящее политическое положеніе Европы даетъ право предполагать, что на ея политической сценѣ подготовляются событія, которыя возможны лишь въ томъ случаѣ, если Россія не выйдетъ изъ своего выжидательнаго положенія и не измѣнитъ усвоенной ею за послѣднее время политики невмѣшательства. Здѣсь необходимо оговориться, что на языкѣ большинства европейскихъ дипломатовъ и политической печати „миролюбіе Россіи“ отождествляется именно съ политикой невмѣшательства или, точнѣе, только невмѣшательство Россіи и признается за проявленіе ея миролюбія. Когда Россія, отозвавши сперва своихъ офицеровъ, а потомъ и дипломатическихъ агентовъ изъ Болгаріи, заявила о своей рѣшимости предоставить болгарскій вопросъ его естественному теченію, то въ Европѣ на первыхъ порахъ не только были изумлены такимъ рѣшеніемъ, но даже и сильно встревожились имъ, предполагая, что и Россія наконецъ рѣшилась послѣдовать примѣру европейскихъ политиковъ и желаетъ своимъ оффиціальнымъ невмѣшательствомъ въ бол-

гарскія дѣла прикрыть какіе-нибудь тайные ходы своей политики.

Но эта тревога продолжалась недолго. Европа скоро убѣдилась, что Россія и на этотъ разъ, какъ и всегда, дѣйствуетъ совершенно искренно. Тогда поспѣшили воспользоваться рѣшеніемъ Россіи, и Австрія прибрала въ свои руки всю шайку самозванныхъ правителей Болгаріи точно также, какъ ранѣе того прибрала сербскаго Милана и его сторонниковъ. Но давно уже извѣстно, что австрійскія притязанія разгораются по мѣрѣ легкости ихъ удовлетворенія. Австрійскіе политики не успокоятся на лаврахъ до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся заручиться полной увѣренностью въ томъ, что Россія, если даже и пожелаетъ вновь воспользоваться своимъ законнымъ правомъ вліянія на судьбы славянскихъ элементовъ Балканскаго полуострова, будетъ поставлена внѣ возможности осуществить это желаніе. Введеніе австрійскихъ войскъ въ Сербію и занятіе, если не цѣлой Македоніи, то по крайней мѣрѣ Салоникъ—вотъ къ чему стремится, для начала своего окончательнаго торжества надъ русской политикой, Австрія. Ради достиженія этой цѣли, въ Сербіи уже вполнѣ подготовлена весьма благодарная почва, въ Болгаріи же подготовляется провозглашеніе Кобурга королемъ независимой Болгаріи и признаніе этого провозглашенія со стороны Австріи, Англіи и Италіи. Этотъ послѣдній актъ набившей оскомину болгарской политической комедіи совершится, конечно, безъ всякаго видимаго участія со стороны Германіи, которая будетъ, разумѣется, вполнѣ раздѣлять (только на словахъ) негодованіе Россіи, если ей вздумается выразить его по этому случаю. Все вниманіе германской политики будетъ, конечно, устремлено на Францію, противъ которой, какъ было замѣчено выше, она уже успѣла обезопасить себя увѣренностью въ дѣятельной помощи своихъ союзниковъ.

Такимъ образомъ въ виду всѣхъ этихъ комбинацій, мы и говоримъ, что, быть можетъ, наступаетъ моментъ, когда миролюбіе или, вѣрнѣе, невмѣшательство Россіи становится дѣйствительно необходимымъ для успѣха европейскихъ политическихъ интригъ, значительная и наиболѣе существенная часть которыхъ направлена противъ нея же самой.

Не даромъ же не только вся германская оффиціозная печать, но и самъ императоръ Вильгельмъ стараются всѣми силами выставить на видъ *мирную цѣль* послѣдней императорской поѣздки. Извѣстно, что объ мирѣ никогда не гово-

рятъ такъ много, какъ въ то время, когда собираются его нарушить. Молодой государь Германіи счелъ за нужное упомянуть объ мирномъ характерѣ своей поѣздки даже въ своей рѣчи, произнесенной во время послѣдней поѣздки въ Гамбургъ, а „Сѣверо-Германская газета“ посвятила тому же предмету обширную статью, озаглавленную: „Императоръ Вильгельмъ II заграницею“, въ которой, между прочимъ, находятся такія строки: „.... Не смотря на военную помпу, которая постоянно окружала императора во время его путешествія и съ которой какъ бы соперничали между собою иностранные государи и ихъ народы, отъ проницательныхъ взоровъ его величества не могло укрыться, что и въ его народѣ, точно также, какъ и въ народѣ русскомъ, въ Австріи, какъ и въ Италіи, не смотря на постоянное развитіе вооруженій (!), преобладаетъ надъ всѣми другими чувствами желаніе и потребность мира. Всѣ сознаютъ, что, при настоящемъ положеніи вещей въ политическомъ мірѣ, только тотъ можетъ сохранить миръ, кто обладаетъ извѣстной силой; но въ то же время всѣ со страхомъ отступаютъ передъ сознаніемъ ужасовъ войны, и никто не желаетъ войны для войны. Понятно, что по своемъ вступленіи на престолъ императоръ желалъ торжественнымъ образомъ показать, что онъ вовсе не похожъ на того государя-вандала, какимъ его рисовали ненависть и страхъ французовъ и что, напротивъ того, онъ и сердцемъ, и разумомъ принадлежитъ къ числу искреннихъ друзей мира. Его путешествія должны были убѣдить безпристрастное общественное мнѣніе Европы, что онъ будетъ могущественнымъ покровителемъ европейскаго мира“...

Если мы даже и вполнѣ повѣримъ всѣмъ этимъ мирнымъ заявленіямъ и увѣреніямъ и забудемъ всѣ толки политическихъ кружковъ Европы о новѣйшихъ политическихъ комбинаціяхъ „лиги мира“, то и тогда должны будемъ признать по меньшей мѣрѣ, что „мирныя усилія“ вождя германскаго народа остались безполезными, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Австро-Венгріи, которая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и является постоянной угрозой европейскому миру. Непомѣрныя притязанія австрійской политики, ея постоянный задоръ и нахальство не только не уменьшились за послѣднее время, но напротивъ того, именно послѣ посѣщенія Вѣны германскимъ императоромъ, снова приняли весьма обширные размѣры и проявляются весьма разнообразнымъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ вѣнскіе и мадьярскіе оффиціозы переполняются теперь ежедневно диѳирамбами въ честь болгарскаго

самозванца, выставляя его спасителемъ несчастной страны, и требуютъ немедленнаго признанія его законнымъ правителемъ Болгаріи, оставляя въ сторонѣ и новѣйшія инсинуаціи тѣхъ же оффиціозовъ по адресу Россіи, нельзя не усмотрѣть усиленной работы австро-мадьярскихъ интригъ въ образѣ дѣйствій и поведенія Милана сербскаго. Миланъ посѣтилъ Вѣну почти немедленно вслѣдъ за отъѣздомъ германскаго императора. Въ Вѣнѣ онъ былъ принятъ такъ же радушно и съ такимъ же почетомъ, какъ будто-бы онъ до сихъ поръ еще сохранилъ за собою нравственное право занимать извѣстное мѣсто въ ряду европейскихъ государей. Императоръ Францъ-Іосифъ нашелъ возможнымъ не только принимать его у себя, но и посѣщать его. Руководители австрійской политики чуть-ли не ежедневно бесѣдовали съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Прибывъ въ Бѣлградъ, Миланъ прежде всего посѣтилъ самозваннаго митрополита Ѳеодосія и приказалъ ему преподать свое пастырское благословеніе на разводъ его съ королевой Наталіей. Черезъ нѣсколько дней въ оффиціальной газетѣ появилось письмо короля къ самозванному архипастырю, требующее этого развода подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ является необходимымъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Сербіи, а ни сербскій синодъ, ни бѣлградская консисторія не соглашаются санкціонировать его. Рядомъ съ этимъ письмомъ было напечатано и постановленіе о разводѣ Ѳеодосія. Этотъ епископъ, самозванно именуемый сербскимъ митрополитомъ,—другъ и сторонникъ Милана. Онъ не задумался исполнить обращенное къ нему требованіе и призналъ бракъ Милана съ королевой Наталіей расторгнутымъ. Читая эти странные документы, не знаешь, чему удивляться. Затѣмъ король обратился къ народу съ манифестомъ, предлагающимъ пересмотръ сербской конституціи. Этотъ очень длинный документъ представляется крайне страннымъ и интереснымъ въ своемъ родѣ. Составленный въ весьма торжественномъ и напыщенномъ тонѣ, онъ представляетъ наборъ громкихъ и безсодержательныхъ фразъ. Наиболѣе обширное мѣсто отведено въ немъ Миланомъ самовосхваленію. Мы не станемъ приводить цѣликомъ этотъ курьезный манифестъ, но изложимъ его содержаніе. Прежде всего, въ немъ говорится, что въ будущемъ году настанетъ 500-лѣтняя годовщина битвы на Коссовомъ полѣ (27 іюня 1389 г.). За этимъ вступленіемъ начинается восхваленіе собственнаго царствованія. Ему Сербія обязана значительными успѣхами. Онъ, Миланъ, высоко держалъ знамя сербской

государственной идеи. Въ то же время онъ не переставалъ зорко слѣдить за тѣми незримыми подводными камнями, о которые легко можетъ разбиться его молодое королевство. Усмотрѣвъ эти камни, онъ нашелъ нужнымъ пригласить своихъ вѣрноподданныхъ и дорогихъ его сердцу сербовъ соединить съ нимъ вмѣстѣ всѣ свои силы и направить ихъ къ предотвращенію настоящихъ и будущихъ опасностей. Этимъ они какъ нельзя лучше и достойнѣе отпразднуютъ годовщину коссовской битвы. Запугавъ такимъ образомъ своихъ вѣрноподданныхъ, Миланъ затѣмъ спрашиваетъ ихъ, угрожаетъ ли имъ, въ самомъ дѣлѣ, какая-нибудь опасность извнѣ? Указывая на свою многолѣтнюю опытность и на пониманіе политическаго положенія, Миланъ рѣшительно отрицаетъ эту опасность. Всѣ европейскія державы ищутъ спокойствія и мира и ничего не требуютъ, кромѣ того, чтобы имѣть возможность пользоваться благами и вожделѣннымъ спокойствіемъ. Необходимо разъ навсегда прекратить внутреннія распри и обновить государственный организмъ. Нельзя терять время: „вражда партій достигла крайнихъ предѣловъ“. Въ виду этого король Миланъ взываетъ къ сербскому патріотизму и проситъ ихъ не доводить борьбу партійныхъ страстей до катастрофы, подобной той, которую пережила Сербія въ началѣ текущаго столѣтія. Мирное и спокойное развитіе, приведеніе въ порядокъ финансовъ—вотъ что необходимо для Сербіи и что можетъ прекратить борьбу партій и парламентскихъ столкновеній. Настоящая конституція не позволяетъ достигнуть этой цѣли, не смотря на пламенное желаніе и патріотизмъ отдѣльныхъ партій. Миланъ не принималъ участія въ созданіи теперешней конституціи, но считалъ своимъ долгомъ защищать ее, зная, съ какою опасностью сопряжены легкомысленныя попытки къ измѣненію органическихъ законовъ государства. Въ настоящее время, опять таки, въ виду предстоящей годовщины(?) коссовской битвы онъ проситъ сербовъ помочь ему въ составленіи новой конституціи, для чего онъ и созываетъ на 1 декабря въ Бѣлградѣ великую скупштину. „Ручаясь моимъ королевскимъ словомъ за свободу выборовъ,—заключаетъ Миланъ,—я въ то же время имѣю право надѣяться, что вы явитесь къ избирательнымъ урнамъ со спокойствіемъ и достоинствомъ, подобающими важности предстоящаго вамъ дѣла“....

Не знаемъ, конечно, на сколько добродушный сербскій народъ повѣритъ „королевскому слову“ своего короля, и не понимаемъ, къ чему оказалось нужнымъ къ новой продѣлкѣ,

внушенной австрійской интригой, приплетать воспоминанія о битвѣ на Коссовомъ полѣ, но, тѣмъ не менѣе, должны сознаться, что самая идея о пересмотрѣ конституціи какъ нельзя лучше служитъ въ данномъ случаѣ тайнымъ цѣлямъ австрійской политики. Результатомъ настоящей затѣи можетъ быть или то, что Милану удастся этотъ пріемъ и онъ изъ конституціоннаго короля преобразится въ полновластнаго распорядителя судебъ сербскаго народа, или что попытка отдѣлаться отъ конституціи приведетъ къ возстанію сербскаго народа. И то и другое какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ австрійскимъ цѣлямъ: въ первомъ случаѣ Миланъ окончательно сдѣлается австрійскимъ губернаторомъ Сербіи, и Австрія будетъ распоряжаться страной по своему усмотрѣнію, попытка же сербскаго народа освободиться отъ короля послужитъ непремѣнно поводомъ къ занятію Сербіи австрійскими войсками, о чемъ уже давно мечтаютъ въ Вѣнѣ. Теперь, конечно, нельзя съ увѣренностью сказать, къ какому изъ означенныхъ результатовъ приведетъ злополучную Сербію это новое издѣвательство Австріи надъ одной изъ славянскихъ народностей. Во всякомъ случаѣ, ничего хорошаго для общеевропейскаго мира и спокойствія нельзя ожидать отъ новаго нечистаго хода австрійской политики. Въ Европѣ до сихъ поръ не нашлось ни одного авторитетнаго голоса, который заклеймилъ бы достойнымъ названіемъ и дѣйствія короля, и превосходящія мѣру всякаго долготерпѣнія интриги австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ. Не отъ Германіи, конечно, можемъ мы ожидать такого слова. Бисмарковская Германія, не смотря на свое показное миролюбіе, въ глубинѣ своихъ политическихъ помысловъ радуется всякому новому шагу австрійской политики, направленной противъ славянскихъ элементовъ восточной Европы. Не она, конечно, придетъ на выручку гибнущему въ сѣтяхъ жидовско-іезуитской Австріи славянству...

Повторяемъ, ни тонъ австрійской оффиціозной печати, ни событія, совершающіяся въ Сербіи и Болгаріи, не обѣщаютъ Европѣ упроченія ея спокойствія. Не обѣщаетъ его и вызывающій по отношенію къ Франціи тонъ берлинской оффиціозной печати. Можно надѣяться развѣ на то, что внутреннія вопросы отвлекутъ на время вниманіе имперскаго канцлера. Предстоящіе выборы въ имперскій парламентъ не обойдутся, вѣроятно, безъ довольно серьезной борьбы, въ которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ играть выдающуюся роль клерикальная партія. Вѣроятно, по внушенію исходящему изъ Ватикана, германскіе католическіе епископы обратились къ избирателямъ своихъ епархій съ увѣ-

щаніями избирать добрыхъ католиковъ. Это небывалое еще въ Германіи открытое вмѣшательство католическаго духовенства въ избирательную борьбу, вѣроятно, заставитъ призадуматься князя Бисмарка, который, зная очень хорошо, что Ватиканъ не имѣетъ привычки ни прощать, ни забывать, старался всячески отклонить молодаго императора отъ всего, что̀ бы могло навлечь на Германію неудовольствіе римскаго первосвященника. Какъ мы видѣли выше, это удалось ему далеко не вполнѣ. Въ Ватиканѣ очень хорошо поняли, что тамошнія притязанія на возстановленіе свѣтской власти папы ни въ какомъ случаѣ не найдутъ себѣ поддержки въ германскомъ императорѣ. Сознавая невозможность возвратить папству Римъ, въ качествѣ столицы главы католичества, какъ свѣтскаго государя, въ Ватиканѣ задумали сдѣлать Римъ столицей всего католичества, обративъ его въ достояніе католической церкви, или точнѣе, католическихъ державъ. Насколько удастся эта новая комбинація — вопросъ иной. Надо думать, что она окончится ничѣмъ; но тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ отказаться отъ нея, Ватиканъ, разумѣется, воспользуется всѣми имѣющимися у него въ распоряженіи средствами и, конечно, постарается оказать давленіе въ этомъ смыслѣ на политику Германіи. Насколько самъ Бисмаркъ бываетъ иногда поставленъ въ необходимость служить интересамъ папства, можно судить по его превращенію въ „лучшаго изъ людей" изъ еретика, преданнаго когда-то папской анаѳемѣ; и очень не мудрено, что и въ настоящемъ случаѣ ему придется такъ или иначе заглаживать промахи, сдѣланные его молодымъ повелителемъ во время его римской поѣздки... А на это нужно время. Впрочемъ, внѣ всякаго сомнѣнія, канцлерская политика въ своихъ будущихъ проявленіяхъ во многомъ зависитъ отъ того, насколько быстро пойдутъ событія, видимо назрѣвающія во Франціи.

Выше мы указали на видимое желаніе Германіи быть вполнѣ готовой въ ожиданіи удобнаго момента покончить свои счеты съ своимъ зарейнскимъ врагомъ. Все дѣло теперь за этимъ удобнымъ случаемъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что онъ представится даже скорѣе, чѣмъ можно предполагать. Что-то роковое тяготѣетъ надъ третьей французской республикой и толкаетъ ее все ближе и ближе къ пропасти, въ которой она рано или поздно должна исчезнуть... Нѣтъ сомнѣнія, что во французскомъ народѣ еще настолько много жизненныхъ силъ, что онъ выйдетъ цѣлымъ и здравымъ и изъ новаго испытанія, но теперь уже почти невозможно сомнѣваться въ томъ, что это испытаніе предстоитъ

ему въ недалекомъ будущемъ. Настоящее правительство Франціи, вступивъ однажды на опасный путь ошибокъ, повидимому, вовсе не желаетъ съ него свернуть и не видитъ той бездны, которая его ожидаетъ на этомъ пути. Конечно, еще не большая бѣда, еслибы неумѣлость гг. Карно, Флокэ и К° привела къ крушенію только ихъ самихъ. Можетъ быть, было бы даже благомъ для Франціи, еслибы вмѣстѣ съ ея теперешними правителями погибъ и весь настоящій правительственный строй, но все это могло быть, пожалуй, и желательно лишь въ томъ случаѣ, еслибы можно было поручиться за то, что на развалинахъ третьей республики возстанетъ какое-нибудь твердое и честное правительство, которое сумѣетъ подчинить себѣ всѣ партіи, раздирающія страну, и возвратить Франціи подобающее ей мѣсто среди великихъ европейскихъ державъ. Но въ томъ-то и бѣда, что, прежде чѣмъ явится такое правительство, на политическую арену легко могутъ выступить элементы анархіи, избалованные и даже поощряемые до извѣстной степени царствующимъ въ настоящую минуту во Франціи режимомъ. Не только для друзей французскаго народа, но и вообще для тѣхъ, кто дѣйствительно дорожитъ спокойствіемъ Европы, весьма важно, чтобы французскіе анархисты не успѣли развернуть своего краснаго знамени. Вся благомыслящая и благонамѣренная часть французскаго народа настолько же желаетъ избѣжать всякаго проявленія анархіи, какъ и избавиться отъ невыносимаго режима настоящей минуты. Въ этомъ-то желаніи французскаго народа, какъ мы уже имѣли случай говорить, и заключается истинная причина успѣха генерала Буланже и его партіи. Имъ Франція уже обязана тѣмъ, что правительство Карно-Флокэ было вынуждено тотчасъ же по открытіи новой парламентской сессіи заговорить о пересмотрѣ конституціи. Нужды нѣтъ, что проектъ этого пересмотра, предложенный Флокэ, направленъ исключительно къ упроченію власти кабинета и къ уничтоженію всякаго значенія Сената. Проектъ этотъ, само собою разумѣется, никогда не пройдетъ, даже и при теперешнемъ составѣ палатъ; но важно то, что вопросъ о непригодности существующаго режима поставленъ на очередь самимъ правительствомъ, и заглушить его теперь уже невозможно. Все дѣло сводится затѣмъ къ тому, къ какимъ результатамъ приведетъ борьба, неизбѣжная при обсужденіи проекта пересмотра. Буланжисты ни въ какомъ случаѣ не допустятъ, чтобы вопросъ о пересмотрѣ попалъ въ дальній ящикъ, какъ того желаютъ Флокэ и его сторонники, кажется, уже успѣвшіе убѣдиться въ несостоятельности своего проекта.

Замѣчательно, что въ теченіе парламентскихъ вакацій буланжизмъ, которому передъ началомъ этихъ вакацій пророчили скорую погибель, сдѣлалъ такіе успѣхи, какихъ, быть можетъ, не ожидалъ и самъ опальный генералъ. Теперешнее правительство, со своимъ якшаньемъ съ экс-коммунарами и съ самыми безшабашными представителями анархіи, каждую минуту создаетъ себѣ все новыхъ и новыхъ враговъ; и эти враги оппортунизма, перепутавшагося съ анархіей, волей-неволей переходятъ въ станъ генерала Буланже... Больше имъ некуда дѣваться. Ни монархисты, ни остатки бонапартистовъ не заявляютъ о себѣ никакимъ серьезнымъ шагомъ, и сами примыкаютъ къ тому же Буланже съ задней мыслью воспользоваться со временемъ его успѣхомъ для достиженія своихъ цѣлей. Такимъ образомъ, на сторону бывшаго военнаго министра переходятъ мало-по-малу такіе элементы, которые еще нѣсколько недѣль тому назадъ никакъ не хотѣли примириться ни съ нимъ, ни съ возможностью его успѣха. Не только на будущихъ выборахъ, но, быть можетъ, и въ теперешней палатѣ на сторонѣ Буланже окажется подавляющее большинство. Но какія же цѣли преслѣдуетъ Буланже и его партія? Въ томъ-то и дѣло, что генералъ не даетъ никакой положительной программы, а обѣщаетъ только возстановить спокойствіе Франціи, возвратить французскому народу истинную свободу, а странѣ ея прежнее почетное положеніе въ совѣтѣ великихъ европейскихъ державъ. Какъ ни туманны подобныя обѣщанія, но въ нихъ все-таки слышится надежда на перемѣну теперешняго строя—а это, кажется, все, чего желаетъ Франція въ настоящую минуту...

Быть можетъ, недалеко то время, когда Буланже будетъ имѣть возможность исполнить свои обѣщанія, но бѣда въ томъ, что едва-ли достигнетъ онъ этой возможности безъ новыхъ жертвъ и безъ новаго пролитія крови, безъ которыхъ до сихъ поръ не обходились еще во Франціи никакія перемѣны правительственнаго строя. Исконный врагъ Франціи стоитъ на готовѣ и зорко слѣдитъ за всѣмъ совершающимся въ ея предѣлахъ и, конечно, не задумается ни на минуту воспользоваться всякой внутренней смутой. Германскій канцлеръ въ послѣднее время потерпѣлъ нѣсколько довольно крупныхъ и серьезныхъ неудачъ въ своей политикѣ. Престижъ его начинаетъ видимо тускнѣть, а съ этимъ врядъ-ли помирится онъ на закатѣ своей дѣятельности. Ему необходимъ въ свою очередь реваншъ и, разумѣется, онъ постарается получить его за счетъ все той же, вѣчно ненавистной ему, Франціи... Неужели это ускользнетъ отъ вниманія французовъ, погруженныхъ въ партійную борьбу...

Сообщенія и извѣстія.

I.

Неизданное письмо Гизо о русской политикѣ на Востокѣ въ 1853 году. (Сообщено С. С. Татищевымъ).

Собирая матеріалы для исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны, я получилъ на дняхъ отъ одного изъ талантливѣйшихъ французскихъ писателей, извѣстнаго своимъ сочувствіемъ къ Россіи и посвятившаго себя изученію нашего отечества, копію съ неизданнаго доселѣ, въ высшей степени любопытнаго письма Гизо къ бывшему нашему посланнику въ Парижѣ, Н. Д. Киселеву.

Письмо писано 22 октября (3 ноября) 1853 г., спустя три дня по обнародованіи манифеста Императора Николая о войнѣ съ Турціею, и за мѣсяцъ до Синопскаго боя, вызвавшаго, какъ извѣстно, вооруженное вмѣшательство морскихъ державъ въ нашу распрю съ Портой. Оно заключаетъ въ себѣ въ высшей степени любопытныя замѣчанія знаменитаго государственнаго мужа и историка о восточной политикѣ русскаго двора въ эту достопамятную эпоху.

Списокъ, тождественный съ печатаемымъ ниже, находится въ хранящихся съ Архивѣ канцеляріи военнаго министерства бумагахъ графа П. Д. Киселева, которому списокъ этотъ былъ, вѣроятно, сообщенъ братомъ при назначеніи его самого посломъ въ Парижѣ въ 1856 году.

Val Richer, le 3 Novembre 1853.

Je suis décidé à croire que votre Empereur ne veut pas la guerre et par conséquent à croire qu'il saisira la première occasion de sortir d'un mauvais pas, qui mène à la guerre révolutionnaire générale, au chaos européen. Si malgré cette perspective vous aviez votre parti pris de pousser la botte à fond et de jeter bas l'Empire Ottoman pour mettre la main sur le gras morceau, je comprendrais l'obstination et je n'aurais rien

à dire sinon que le moment est mal choisi pour un aussi grand coup. Mais, je suis convaincu que vous ne voulez pas porter ce coup, et alors je ne comprends pas que vous ne missiez pas fin le plus tôt possible à la situation actuelle. Vous n'avez rien qu'à y perdre, vous y avez déjà pas mal perdu. Vous y avez perdu votre grand caractère de pacificateur général, de conservateur suprême de l'ordre européen. Vous avez réveillé les méfiances des autres puissances, vous vous êtes séparés de l'Angleterre; vous l'avez unie à la France; vous avez placé votre plus sûr allié, l'Autriche, dans la situation la plus périlleuse. Vous avez fait autre chose encore, vous avez fourni à la Turquie une nouvelle occasion de s'établir dans le droit public européen.

Taxez moi de rancune, si vous voulez; mais ce fut là en 1840 votre faute capitale; pour isoler, pour affaiblir le gouvernement du Roi Louis-Philippe vous avez alors mis de côté votre politique traditionnelle qui était de traiter les affaires en Turquie pour votre propre compte, à vous seuls, sans concert avec personne. Vous avez vous même porté ces affaires à Londres; par le traité du 15 Juillet 1840, vous en avez fait de vos propres mains l'affaire commune de l'Europe. Vous avez été obligé l'année suivante de faire encore un pas dans cette voie et la convention des Détroits du 13 Juillet 1841 a de votre aveu confirmé pour la Turquie l'intervention et le concert de l'Europe. Ce n'est pas là, je pense, ce qui vous convient toujours et au fond et vous deviez être pressé de rentrer avec la Turquie dans vos habitudes de tête à tête. L'affaire des Lieux Saints vous en facilitait, il y a quelques mois une bonne occasion; après avoir essayé, par surprise, à ce qu'il parait, un petit échec, vous y aviez repris vos avantages; vous l'aviez réglée comme il vous convenait, sans vous brouiller avec la France et de façon à être fort approuvé de l'Angleterre. Pourquoi n'en êtes vous pas restés là? Tout ce que vous avez fait depuis vous a mal réussi; vous avez eu l'air de vouloir plus que vous ne désiriez, vous n'avez pas fait ce que vous vouliez; vous vous êtes bientôt trouvés engagés plus avant que vous ne vouliez; vous avez rallié l'Europe contre vous et jeté la Turquie dans les bras de l'Europe. Pourquoi? Encore un coup, je ne le comprends pas. Je le comprendrais si je vous croyais décidés à jouer en ce moment la grande et dernière partie de cette question et de mettre à tout risque la main sur Constantinople. Et comme je ne crois pas cela, je persiste à penser qu'une seule chose vous importe, c'est de mettre fin promptement à une situation, qui a le triple

effet de vous isoler en Europe, d'unir l'Europe contre vous et de placer de plus en plus la Turquie sous la sauvegarde du concert européen. Vous pouvez sortir de ce mauvais pas, sinon sans quelque déplaîsir momentané, du moins sans aucun inconvénient sérieux pour votre politique nationale et son avenir; la géographie et le cours naturel des choses vous donnent dans la question turque des forces et des avantages que rien ne peut enlever.

Pourquoi susciter contre soi un orage quand il suffit de laisser couler l'eau?

Валь-Рише, 3 ноября, 1853 года.

Переводъ.

Я пришелъ къ убѣжденію, что вашъ императоръ не хочетъ войны, и что онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выйдти изъ затрудненія, которое ведетъ ко всеобщей революціонной войнѣ, къ европейскому хаосу. Если не взирая на эту перспективу, вы приняли рѣшеніе довести дѣло до конца и низвергнуть Оттоманскую Имперію, чтобы наложить руку на жирный кусокъ, тогда я способенъ понять упрямство и ничего не имѣю возразить, исключая того, что время избрано неблагопріятное для столь крупнаго предпріятія. Но я убѣжденъ, что вы не хотите нанести этого удара и въ такомъ случаѣ не понимаю, почему вы не полагаете какъ можно скорѣе конца настоящему положенію? Съ нимъ вы можете только потерять, вы уже и такъ немало потеряли. Вы лишились вашего великаго значенія всеобщихъ умиротворителей, высшихъ охранителей европейскаго порядка; вы возбудили подозрѣнія прочихъ державъ; вы отдѣлились отъ Англіи; вы соединили ее съ Франціею; вы поставили вашу самую вѣрную союзницу, Австрію, въ опаснѣйшее положеніе. Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, вы доставили Турціи новый поводъ занять мѣсто въ народномъ правѣ Европы.

Упрекайте меня, если хотите, въ злопамятствѣ, но въ этомъ заключалась ваша главная ошибка въ 1840 году. Дабы изолировать, ослабить правительство короля Людовика-Филиппа, вы тогда отложили въ сторону вашу традиціонную политику, состоявшую въ томъ, чтобы вести дѣла въ Турціи за вашъ собственный счетъ, одни, безъ соглашенія съ кѣмъ бы то ни было,—вы сами понесли эти дѣла въ Лондонъ и посредствомъ договора 15 іюля 1840 года собственными руками превратили ихъ въ общее дѣло Европы. Вы были вынуждены на слѣдующій годъ сдѣлать еще шагъ въ этомъ на-

правленіи, и конвенція о проливахъ отъ 13 іюля 1841 года, съ вашего согласія, подтвердила въ пользу Турціи вмѣшательство и соглашеніе Европы. Я понимаю, что постоянно и въ сущности вамъ нужно было совсѣмъ не это и что вы съ нетерпѣніемъ желали возвращенія въ Турціи къ вашей старой привычкѣ переговариваться съ нею съ глазу на глазъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ дѣло о святыхъ мѣстахъ представляло вамъ къ тому удобный случай. Испытавъ сначала, кажется по нечаянности, небольшую неудачу, вы снова одержали верхъ въ этомъ дѣлѣ; вы же разрѣшили его въ смыслѣ вашихъ потребностей, не поссорясь съ Франціей и такъ, что даже Англія васъ одобрила. Почему же вы на этомъ и не остановились? Все, что вы сдѣлали съ тѣхъ поръ, вамъ не удалось; вы имѣли видъ, что хотите большаго, чѣмъ то, чего вы дѣйствительно желали, вы не сдѣлали того, что хотѣли. Скоро вы очутились далѣе чѣмъ хотѣли; вы соединили Европу противъ себя и бросили Турцію въ объятія Европы. Зачѣмъ? Еще разъ, не понимаю. Я бы понялъ это, еслибы считалъ васъ готовыми сыграть въ настоящую минуту большую и послѣднюю игру въ томъ вопросѣ и, не взирая на рискъ, наложить руку на Константинополь. А такъ какъ я этого не думаю, то и упорствую въ убѣжденіи, что вамъ важно одно: какъ можно скорѣе положить конецъ положенію, имѣющему прямымъ послѣдствіемъ изолированіе васъ въ Европѣ, возбужденіе Европы противъ васъ и все большее и большее поставленіе Турціи подъ охрану европейскаго концерта. Вы можете выйдти изъ этого затрудненія если и не безъ мимолетнаго неудовольствія, то по крайней мѣрѣ безъ всякаго серьезнаго неудобства для вашей національной политики и ея будущаго. Географія и естественный ходъ событій даютъ вамъ въ турецкомъ вопросѣ силы и преимущества, которыя никто отнять у васъ не можетъ.

„Къ чему же поднимать противъ себя бурю, когда стоитъ только не задерживать теченія?"

Изложенное въ приведенномъ письмѣ мнѣніе Гизо вполнѣ подтверждаетъ, какъ могли убѣдиться читатели, сужденіе высказанное мною по поводу историческаго значенія лондонскихъ конвенцій 1840—41 годовъ, установившихъ дипломатическую славу барона Бруннова и которыми донынѣ похваляется наша „традиціонная" дипломатія. Въ доказательство позволю себѣ привести здѣсь мой отзывъ о нихъ, писанный три года назадъ, когда мнѣ не было еще извѣстно содержаніе письма Гизо къ Н. Д. Киселеву.

„Созданъ былъ прецедентъ, который оправдывалъ вмѣ-

шательство великихъ державъ во всѣ грядущія несогласія наши съ Портой, установилось судилище, предъ коимъ мы имѣли предстать со временемъ въ качествѣ не равноправныхъ судей, а подсудимыхъ. Обѣ лондонскія конвенціи—прямыя родоначальницы договоровъ парижскаго и берлинскаго, до сего времени тяготѣющихъ надъ судьбами Россіи на Востокѣ" [1]).

II.

Еще о Слѣпцовѣ (Сообщ. Д. Д. Ахшарумовымъ). Къ сказанію о смерти Слѣпцова, помѣщенному въ прошломъ №, прибавимъ двѣ, три черты, хорошо дорисовывающія героя.

О дарѣ предчувствія у Слѣпцова на Сунжѣ ходило много разсказовъ, и вотъ между прочимъ одинъ.

Разъ какъ-то, вернувшись въ станицу верхомъ и окруженный еще своимъ конвоемъ, онъ вдругъ остановился, какъ вкопанный, и лицо его приняло сумрачный, озабоченный видъ. Тѣмъ временемъ на дворѣ стемнѣло, и полный мѣсяцъ плылъ по небу.

— Чувствую, что сейчасъ случится несчастіе, произнесъ онъ вдругъ, какъ бы прислушиваясь.

Всѣ окружающіе были изумлены, не зная, чѣмъ объяснить его безпокойство, такъ какъ глубокая тишина вокругъ не подавала повода ни къ какимъ опасеніямъ. Но не успѣли переглянуться, какъ вѣстовая пушка уже оправдала печальное предсказаніе... Конвой еще не слѣзалъ съ коня.— „Скачите!" сказалъ Слѣпцовъ, обращаясь къ сотнику; — и казаки умчались.

Въ самую эту минуту, какъ оказалось потомъ, невдалекѣ отъ станицы убитъ былъ татарами молодой офицеръ, возвращавшійся одиноко домой.

Слѣпцовъ имѣлъ всегда первыя и самыя вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ горахъ. Такъ, между прочимъ, онъ первый узналъ о возникшихъ неудовольствіяхъ у Шамиля съ извѣстнымъ всему Кавказу, храбрымъ Аварскимъ наибомъ Хаджи-Муратомъ. Муратъ обратился прямо къ Слѣпцову, увѣдомляя его о своемъ намѣреніи перейти на сторону русскихъ; но Николай Павловичъ счелъ нужнымъ дать знать о томъ по секрету начальнику Дагестанскихъ войскъ князю Аргутинскому и командиру Куринскаго егерскаго полка, въ Воздвиженской крѣпости, молодому князю

[1]) Внѣшняя политика Императора Николая I, глава VIII стр. 549.

Семену Михайловичу Воронцову, — жалѣя, какъ онъ признавался друзьямъ, что, за дальностью разстоянія, не можетъ самъ видѣться и принять у себя, на Сунжѣ, Мурата. — „Сумѣютъ ли его оцѣнить и обойтись съ нимъ, какъ слѣдуетъ?“ говорилъ онъ, разсказывая своимъ друзьямъ по секрету о томъ, что дѣлается въ горахъ... Хаджи-Муратъ былъ славный воинъ и горячо любимъ аварцами за свои высокія личныя качества, но слава его не давала покоя Шамилю, что прежде всего и стало источникомъ тайной вражды со стороны властолюбиваго и завистливаго имама. Не зная, къ чему придраться, чтобы смѣстить наиба, онъ задумалъ отдѣлаться отъ него измѣной. Затѣяно было дерзкое предпріятіе, и главная роль въ немъ поручена Хаджи-Мурату. Онъ долженъ былъ двинуться первый, съ своими аварцами, и завязать дѣло, самъ же Шамиль обѣщалъ явиться къ нему на помощь со всею своею силой. Со стороны Мурата все было исполнено въ точности:—движеніе началось въ Дагестанѣ, по направленію къ Табасарани и привело наиба къ кровопролитному дѣлу; но Шамиль не подоспѣлъ на выручку и, разбитый войсками Аргутинскаго, Хаджи-Муратъ вернулся съ жестокой потерей. Узнавъ о предательствѣ, вся Аварія приняла открыто сторону своего любимца. Вліяніе Шамиля было потрясено:—аварцы и сосѣднія съ ними общества отказывались давать имаму людей для его походовъ. Тогда Шамиль объявилъ наиба смѣщеннымъ, но распоряженіе это осталось невыполненнымъ. Послѣдствіемъ были кровавыя распри аварцевъ съ населеніемъ сѣвернаго Дагестана и лѣваго берега Андійскаго Койсу, которыя и окончились тѣмъ, что Хаджи-Муратъ, не видя возможности дольше держаться, вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ русскими...

Слѣпцовъ скоро потомъ ушелъ въ свой послѣдній походъ... По смерти его, Хаджи-Муратъ, съ нѣсколькими преданными ему аварцами, пробрался Аргунскимъ ущельемъ къ Воздвиженской и былъ принятъ съ почетомъ вышедшимъ навстрѣчу ему, съ двумя ротами, Воронцовымъ. Но этимъ и ограничилось все вниманіе русскихъ. Изъ Воздвиженской новый ихъ другъ былъ отправленъ уже какъ плѣнникъ въ Грозную и оттуда въ Тифлисъ. Дальнѣйшая участь Хаджи-Мурата была печальна. Семейство его захвачено было въ плѣнъ Шамилемъ, и всѣ попытки освобожденія кончились неудачно; а самъ онъ не вынесъ неволи. Полтора года спустя, онъ бѣжалъ изъ Нухи съ четырьмя нукерами, но былъ настигнутъ и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, убитъ. Его голову привезли въ

Тифлисъ; но послѣдовательнѣе было бы отправить ее къ Шамилю, какъ образецъ нашей политики, которая такимъ образомъ оправдала худшія опасенія Слѣпцова... Но еслибы онъ остался живъ, судьба Хаджи-Мурата, весьма вѣроятно, была бы совсѣмъ иная.

Слѣпцовъ не оставилъ потомства. Его казаки воистину были его дѣтьми, и онъ ничего для нихъ не жалѣлъ. При самомъ скромномъ образѣ жизни, отъ родоваго его состоянія не осталось ни гроша, все ушло на помощь нуждающимся, награды храбрымъ и на поддержку семействъ, оставшихся послѣ его убитыхъ сподвижниковъ... Понятна послѣ того любовь, которою онъ былъ окруженъ, и горе всего казачьяго населенія, когда его привезли на Сунжу убитымъ.

III.

Народное чтеніе 23 окт. (Сообщ. И. П—вымъ). Вотъ уже шестой годъ, какъ осенью и зимою, по воскреснымъ днямъ, въ большомъ залѣ Городской Думы имѣютъ мѣсто народныя чтенія, причемъ, помощію панорамы и друмондова свѣта, на экранѣ показываются картины, соотвѣтствующія содержанію. При нынѣшнемъ предсѣдателѣ, въ коммисіи народныхъ чтеній (съ 1882 года) изготовлено 2000 №№ такихъ картинъ для чтеній изъ русской исторіи, чтеній о жизни святыхъ и славѣ обителей и святыхъ мѣстъ [1]). Есть картины и для беллетристическихъ чтеній, иллюстрирующія повѣсти, поэмы и сказки, принаровленныя къ народной аудиторіи. Въ воскресенье, 23 октября, объявлено было чтеніе: „Іоаннъ Дамаскинъ“ гр. Алексѣя Толстаго. На экранѣ передъ аудиторіею, какъ и всегда переполненною народомъ, появились прекрасныя картины Дамаска, Кедронской долины, обители св. Саввы, иллюстрирующія поэму гр. А. Толстаго, но лекторъ (то былъ предсѣдатель коммисіи) не читалъ всей поэмы. Онъ сказалъ, что у него есть иное слово, отвѣчающее чувству, которымъ полны нынѣ сердца и кратко передалъ содержаніе жизни св. Іоанна Дамаскина и самой поэмы гр. Толстаго. Для чтенія была избрана одна глава VIII

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;

[1]) Предсѣдателемъ коммисіи народныхъ чтеній мин. нар. просвѣщ состоитъ И. П. Хрущовъ, бывшій профессоръ университета св. Владиміра.—Картины изготовляются г. Ержемскимъ, членомъ коммисіи, въ мастерской учебныхъ пособій.

гдѣ такъ мелодично и трогательно переданъ поэтомъ погребальный канонъ Дамаскина. На экранѣ показалась сцена монашескаго погребенья.

Окончивъ этотъ канонъ, художественно прочитанный, лекторъ повторилъ вновь строки:

Какъ бурный вихорь смерть нашла,
Меня какъ хищникъ низложила,
Свой зѣвъ разинула могила
И все житейское взяла.

И отъ этихъ словъ перешелъ къ похоронамъ девяти людей бодрыхъ, здоровыхъ, которыхъ смерть нашла на ихъ посту, среди служенія Вѣнценосцу; они окружали Его, возвращавшагося изъ путешествія къ дальнимъ кавказцамъ. Они погибли въ обломкахъ великолѣпнаго, роскошнаго царскаго поѣзда:

Чертоги наши—разрушенье;
Прими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья...

„И эту молитву и съ этими мыслями первый принесъ за нихъ Онъ, выстрадавшій событія страшнаго дня 17 октября". За тѣмъ послѣдовалъ разсказъ о событіи, сгруппированный изъ достовѣрныхъ послѣднихъ свѣдѣній, горячо говорилось о чудѣ Божьемъ, о дѣйствіяхъ Государя, отъ начала катастрофы до Харькова и Москвы. Храмы первопрестольной столицы, соотвѣтственно рѣчи, предстали на экранѣ. Въ заключеніе появился портретъ Государя, котораго лекторъ назвалъ „намъ *Божьею милостью вновь дарованнымъ*".

Тогда пѣвчіе запѣли народный гимнъ, раздалось *ура*! долго несмолкавшее и вновь *Боже Царя храни*. Потомъ портреты Императрицы, Цесаревича, изображенія священнаго коронованія смѣнялись на экранѣ.

Но раздалось „Спаси, Господи, люди твоя".

И тутъ всѣ крестились, падали на колѣна, громко вздыхали, и плакали.

Мы вынесли потрясающее, глубокое впечатлѣніе отъ этого вечерняго часа въ залѣ Городской Думы...

Редакторъ **Ф. Бергъ**.

Издатели: Ф. Н. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. „**Лондонцы**“. Романъ въ двухъ частяхъ. Э. Х. Муррея. Часть первая. Главы III—VI.

II. „**Прорицатель**“. Романъ въ трехъ частяхъ. Вальтера Безанта. Часть первая. Прологъ. Главы I—III.

ЛОНДОНЦЫ[1].

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Э. Х. Муррея.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

III.

Къ Уайнкоту Эсдену въ тотъ день явился еще посѣтитель: длинноволосый, длиннорукій, нервный человѣкъ съ лицомъ, на которомъ прежде всего бросался въ глаза носъ. Онъ говорилъ заикаясь и, казалось, былъ очень слезливъ. Его звали Д. П. и онъ, повидимому, довольствовался такой сокращенной кличкой.

— Не считайте меня надоѣдливымъ, сказалъ Д. П. Но если вы не уплатите по этому векселю, то погубите меня. Я не могу ни уплатить, ни уклониться отъ платежа.

— Любезный другъ, отвѣтилъ Эсденъ, нѣтъ никакой причины вамъ такъ безпокоиться. Считайте дѣло улаженнымъ. Больше вы про него и не услышите.

Посѣтитель, удостовѣрясь, что большая тяжесть снята у него съ души, удалился и предоставилъ Эсдена самому себѣ.

— Мнѣ необходимо какъ-нибудь уладить это дѣло, согласился тотъ, и нужно теперь же, не откладывая сдѣлать это, хотя откуда же я возьму денегъ, и ума не приложу. Но не могу же я погубить Д. П. Это немыслимо. Повидаю Шельдона. Сейчасъ отправлюсь къ нему.

Онъ поспѣшно вышелъ на Страндъ и, кликнувъ изво-

[1]) См. „Р. В.“ кн. X.

щика, поѣхалъ въ контору знакомаго ростовщика-стряпчаго въ Коркъ-Стритъ. М-ръ Шельдонъ, несмотря на свое христіанское имя, былъ по виду и по акценту чистый жидъ.

— Вамъ нужны деньги? сказалъ онъ, выслушавъ исторію Эсдена. И мнѣ тоже. И всѣмъ, конечно. Врядъ-ли вы достанете денегъ. Вашихъ векселей на рынкѣ больше, чѣмъ слѣдовало бы.

— Не могу же я не выручить пріятеля.

— Что жъ, выручайте.

Никогда Эсденъ не употреблялъ столько усилій, чтобы обработать жюри, сколько употреблялъ на этого упрямаго жида. Онъ льстилъ, убѣждалъ, просилъ.

Онъ наговорилъ тьму остроумныхъ вещей, и стряпчій, не лишенный юмористической жилки, хохоталъ до упаду. Но когда дѣло коснулось денегъ, жидъ опять сталъ угрюмъ и неподатливъ. Онъ выражался съ откровенностью, близко граничившей съ грубостью.

— Не дамъ ни копѣйки. Не вѣрю въ вашу состоятельность.

Было очевидно, что Эсденъ съ такимъ же успѣхомъ могъ тронуть камень, какъ извлечь золото изъ этого жидовскаго кварца, и онъ отказался отъ дальнѣйшихъ усилій, повидимому, очень добродушно.

— Не дадите, такъ дѣлать нечего.

— Не дамъ, отказалъ стряпчій.

Адвокатъ ушелъ испытывать свое краснорѣчіе на другихъ, но сообразилъ, что сегодня уже поздно. На завтра онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ Сити и истратилъ цѣлый фунтъ на извощиковъ и безъ всякаго успѣха. Не было человѣка среди лондонскихъ ростовщиковъ, который бы согласился дать полкроны подъ его вексель въ пятьдесятъ фунтовъ.

Надо отдать справедливость Эсдену, жалобный носъ Д. П. и его слезливые глазки неотступно преслѣдовали Эсдена, и сознаніе своего обязательства давило его какъ свинецъ. Несомнѣнно, что онъ и въ помыслахъ не имѣлъ обмануть бѣднаго Д. П. Онъ хотѣлъ только во что бы то ни стало достать полтораста фунтовъ, и ужасно подумать, что такая ничтожная сумма можетъ такъ тяготить человѣка. Съ своей стороны онъ чувствовалъ, что выдержалъ бы милліонъ. Еслибы нашлись люди, которые согласились дать ему взаймы капиталы, равняющіеся національному долгу, размѣры такого обязательства ни мало бы не удручили его. Но онъ былъ, такъ сказать, викарнымъ Д. П. и страдалъ за него.

У Д. П. была жена и шестеро дѣтей, и грустно подумать, что бѣдняга разорится благодаря довѣрчивой услугѣ, оказанной пріятелю. Эсденъ чувствовалъ, отбросивъ всякое шарлатанство, что онъ очень, очень огорченъ. Но если денегъ негдѣ взять, то что же наконецъ дѣлать: приходится положиться на случай.

Послѣднее безплодное усиліе достать денегъ привело его въ сосѣдство со станціей и рестораномъ Сити. Онъ усталъ и проголодался, а часъ, въ который онъ собирался ѣхать въ Уаттонъ, уже наступилъ и прошелъ. Онъ рѣшился поэтому не терять долѣе времени и послалъ коммисіонера съ запиской къ своей хозяйкѣ, прося ее уложить изъ своихъ пожитокъ то, что требуется взять съ собой для мѣсячнаго пребыванія въ деревнѣ. Онъ пообѣдалъ, пока человѣкъ сбѣгалъ къ нему на квартиру и, захвативъ принесенный имъ багажъ, сѣлъ на поѣздъ.

Эсденъ купилъ двѣ или три вечернихъ газеты, но сначала былъ такъ сердитъ, что не могъ читать. Но будучи эластическаго ума, который всегда возвращается къ первоначальному состоянію, какія бы передряги ни приходилось переживать, онъ скоро успокоился и повеселѣлъ, самъ даже того не сознавая; читалъ и курилъ до тѣхъ поръ, пока не доѣхалъ. На станціи его знали, и станціонный смотритель съ уваженіемъ поклонился ему, что было особенно пріятно послѣ всей этой досадной возни, причиненной Д. П. Тетушка Эсдена была въ нѣкоторомъ родѣ особой въ околодкѣ, и ея гости натурально возбуждали интересъ мѣстныхъ жителей. Все это проливало цѣлебный бальзамъ въ душу человѣка, которому не вѣрятъ полутораста фунтовъ подъ вексель. Это возвеличивало его въ собственныхъ глазахъ.

— Очень жаль, сэръ, но мы никакъ не можемъ раньше часу прислать вашъ багажъ, сказалъ смотритель. По крайней мѣрѣ, бо̀льшую часть его. Разсыльный только-что ушелъ и захватилъ тачку.

— Ладно, отвѣчалъ Эсденъ, доставьте мнѣ только багажъ до ночи.

— Разумѣется, сэръ. Будьте спокойны.

Эсденъ пошелъ въ домъ тетки, чувствуя себя въ нѣкоторомъ родѣ лэндлордомъ. Бѣдняга Д. П. и его дѣла совершенно вылетѣли у него изъ головы.

Гилль-Гаузъ былъ довольно обширной резиденціей съ отсутствіемъ почти всякихъ претензій на архитектурную красоту. Домъ стоялъ на горѣ, господствовавшей надъ

окрестностью; и его было видно за милю или за двѣ. Вокругъ дома росли величественныя деревья и во всей усадьбѣ было что-то ясное, мирное, привѣтливое, не смотря на то, что она была открыта всѣмъ вѣтрамъ и непогодѣ. Большая дорога вела черезъ холмъ, и ворота были не болѣе какъ ярдахъ въ двадцати пяти разстоянія отъ самаго дома. Промежутокъ былъ занятъ лужайкой съ зеленымъ дерномъ и съ нѣсколькими высокими деревьями, а передъ самымъ домомъ красовался рядъ прекраснѣйшихъ кустовъ рододендрона. Нижній этажъ дома раздѣлялся на двѣ половины открытыми сѣнями, проходившими насквозь отъ передняго фасада до задняго. И когда всѣ двери были раскрыты, какъ это часто бывало лѣтомъ, люди, проѣзжавшіе мимо, могли видѣть черезъ наружную стѣну лужайку, озаренную солнцемъ, и сѣни съ полированнымъ дубовымъ поломъ. Два верхнихъ этажа были тоже раздѣлены на двѣ половины корридоромъ, и на каждомъ концѣ зданія широкая винтовая лѣстница вела въ верхніе этажи.

Эсденъ, взбиравшійся не спѣша въ гору, увидѣлъ передъ собой человѣка съ ручной тачкой. Человѣкъ остановился, чтобы перевести духъ, и обтиралъ потный лобъ рукавомъ куртки. Адвокатъ поровнялся съ нимъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ тотъ собирался двинуться въ путь.

— Вы отправляетесь въ Гилль-Гаузъ? привѣтливо спросилъ адвокатъ.

Человѣкъ отвѣчалъ утвердительно.

— Доставьте и мой багажъ со станціи какъ можно скорѣе, пожалуйста.

Человѣкъ жилъ здѣсь еще недавно, и Эсдену было пріятно просвѣтить его на счетъ своей персоны и мѣста, куда онъ направляется. Человѣкъ немедленно снялъ шапку и принялъ почтительный видъ.

— У васъ, кажется, тяжелый багажъ на тачкѣ? снисходительно спросилъ Эсденъ.

— Да, сэръ. Фотографическіе приборы, сэръ. Лэди уже разъ двадцать справлялась о нихъ на станціи, сэръ.

— Фотографическіе приборы. Ихъ, кажется, довольно было бы и для фотографа по профессіи. Не забудьте же мой багажъ.

И, прибавивъ шагу, Эсденъ опередилъ носильщика и раньше его вошелъ въ домъ. У воротъ его онъ нашелъ небольшую группу дѣвушекъ, облеченныхъ въ бѣлую фланель и весело прохаживавшихся по лужайкѣ, безъ умолку болтая,

точно стая воробьевъ. Позади престарѣлый джентльменъ велъ подъ руку немолодую даму въ сѣромъ платьѣ. Посѣтитель ускорилъ шагъ и подошелъ къ пожилой четѣ.

— Здравствуйте, тетушка. Вотъ и я, и очень радъ, что вижу васъ.

— Милый Уайнкотъ, мы тоже тебѣ очень рады.

Дѣвушки оглянулись на звукъ чужаго голоса, и одна изъ нихъ направилась къ Эсдену съ шаловливой мальчишеской усмѣшкой и протянутой рукой.

— Вы не забыли меня, м-ръ Эсденъ?

Въ говорѣ слышался легкій шотландскій акцентъ, и говорившая была бѣлорозовая и свѣтлорусая дѣвушка, истая шотландка. Ее врядъ-ли можно было назвать красавицей, но въ ней была какая-то своеобразная прелесть. У ней были сѣрые, открытые и смѣлые глаза, и густыя кудри съ рыжеватымъ отливомъ разсыпались по плечамъ. У нея была привычка встряхивать головой, и это вмѣстѣ съ ея безстрашнымъ и дружелюбнымъ взглядомъ, прямымъ станомъ и нѣсколько мужской манерой трясти руку, пожимая ее, придавало ей видъ мальчика, переодѣтаго въ женское платье, что не мѣшало однако ея фигурѣ быть женственной и граціозной.

Эсденъ весело протестовалъ противъ ея вопроса, объявляя его обиднымъ и для своего разума, и для своего сердца. Это вызвало новый взрывъ смѣха и новое рукопожатіе; послѣ чего, раскланявшись съ остальными присутствующими, Эсденъ направился вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ въ домъ.

— Я принесъ вамъ хорошія вѣсти, миссъ Фарръ, объявилъ онъ. Я вѣстникъ радости.

— Пріятно слышать.

— Вашъ фотографическій аппаратъ у воротъ.

— Не можетъ быть! вскричала молодая леди съ неподдѣльнымъ восторгомъ и энергіей; и не говоря ни слова бросилась бѣжать къ воротамъ, въ которыя только-что вошелъ Эсденъ. Тамъ она остановилась, подпрыгивая на цыпочкахъ, при чемъ волосы ея развѣвались и отливали золотомъ. Эсденъ повернулся на каблукахъ и не спѣша послѣдовалъ за нею.

— Она совсѣмъ не дурна, говорилъ онъ самому себѣ, и очень мила. Я подозрѣваю, что и отношеніе ея къ книжкѣ съ чеками также милое. Я пріударю за вами какъ слѣдуетъ, миссъ Фарръ, будьте спокойны.

Молодая лэди была внѣ себя отъ нетерпѣнія и ожиданія. Когда разсыльный привезъ тачку къ воротамъ, она положила руки на свертки и нѣжно гладила ихъ, идя рядомъ съ тачкой.

Оня взяла въ руки одинъ изъ болѣе легкихъ свертковъ, понесла его съ тріумфомъ и, видя, что Эсденъ улыбается, тоже засмѣялась.

— Честное слово, она прехорошенькая! мысленно воскликнулъ Эсденъ. Она совсѣмъ не была такъ хороша въ прошломъ году.

Но въ прошломъ году доходы этой лэди были гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ. Не было, значитъ, и причины такъ восторгаться ею.

Минутъ черезъ пять столовая превратилась въ товарное депо. Миссъ Фарръ была всегда избалована, всегда восторженна и своевольна. Теперь же, съ пятнадцатью-тысячами дохода, она стала избалованнѣе, восторженнѣе и своевольнѣе, чѣмъ когда-либо.

Такого обилія перерѣзанныхъ веревокъ, такого треска и шелеста оберточной бумаги и такого безпорядочнаго обращенія со стульями и столами, въ мигъ заваленными грудой вещей, эта степенная комната еще не видывала.

Все превозносилось до небесъ, и всѣ присутствовавшіе восторгались хоромъ, точно передъ ними развертывались великолѣпія Аладинова дворца. Затѣмъ позвонили въ колокольчикъ и приказали слугамъ поскорѣе убрать привезенныя сокровища и снова придать жилой видъ комнатѣ.

Старая лэди отстала отъ остальныхъ и задержала Эсдена въ то время, когда остальная компанія неслась вверхъ по лѣстницѣ. Старуха была толста и съ трудомъ ходила по лѣстницамъ, а потому ея покои были расположены внизу.

— Я посажу тебя, мой милый, рядомъ съ миссъ Фарръ, сказала она конфиденціальнымъ тономъ, подмигивая добрыми, старческими глазами. Ты вѣдь знаешь мои намѣренія. Не говоря уже про ея богатство, она чудесная дѣвушка и будетъ тебѣ лучшей женой, чѣмъ ты этого заслуживаешь.

— Я послушнѣйшій изъ племянниковъ, сказалъ Эсденъ.

— Ты уменъ и красивъ, отвѣтила старушка, хотя боюсь, не негодяй ли ты, какъ и твой покойный, милый отецъ. Ну, теперь бѣги и одѣвайся.

— Дорогая тетушка, я долженъ сознаться въ преступленіи. Я уже пообѣдалъ. У меня были дѣла въ Сити, и я не успѣлъ позавтракать и такъ проголодался, что рѣшительно

не могъ долѣе вытерпѣть; и притомъ, я не могу переодѣться къ обѣду, такъ какъ на станціи никого не оказалось, кто бы доставилъ сюда мой багажъ.

— Ну все-таки сойди къ столу и займи ихъ разговоромъ. Я забыла сказать тебѣ: ты не получишь своей прежней комнаты, потому что миссъ Фарръ заняла ее. Тебѣ отведена голубая комната на другомъ концѣ корридора.

Эсденъ проводилъ старушку до дверей ея аппартаментовъ и затѣмъ поднялся по лѣстницѣ очень довольный. Д. П. и его дѣла были за сто верстъ отъ него и забыты такъ, какъ еслибы совсѣмъ не существовали. Молодой джентльменъ чувствовалъ, что произвелъ прекрасное впечатлѣніе и въ этотъ разъ на богатую наслѣдницу. Она, очевидно, сохранила пріятное о немъ воспоминаніе и, прихорашиваясь насколько можно, онъ усѣлся у окна своей спальной и забылъ обо всемъ предыдущемъ, составляя планъ предстоявшей кампаніи. Онъ рѣшилъ, что по крайней мѣрѣ съ недѣлю будетъ держаться дружескаго тона. Затѣмъ постепенно станетъ застѣнчивъ... и онъ улыбался, представляя себѣ, какъ онъ разыграетъ эту комедію. Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ вздрагивать и краснѣть при ея появленіи, какъ онъ будетъ устраивать нечаянныя встрѣчи и подтасовывать обстоятельства. Онъ даже старушку тетку проведетъ за носъ и изберетъ ее въ confidente. Онъ признается ей, что его сердце замираетъ отъ одной мысли, что его примутъ за искателя богатаго приданаго, тогда какъ онъ искренно влюбленъ. При этомъ онъ усмѣхнулся и потеръ себѣ руки отъ удовольствія. Онъ доставитъ себѣ высшее наслажденіе до смерти напугать тетушку, пригрозивъ, что намѣренъ благородно и самоотверженно отказаться отъ любимой дѣвушки, лишь бы не быть заподозрѣннымъ въ корыстныхъ цѣляхъ... и затѣмъ дастъ убѣдить себя искать ея руки... прикинется, будто бы любовь пробудила даже опасенія показаться корыстолюбивымъ. Онъ заранѣе предвкушалъ всю прелесть такой комедіи, не говоря уже объ окончательной побѣдѣ и успѣхѣ. Онъ былъ *ruseur* по природѣ и не зналъ лучшаго наслажденія, какъ водить людей за носъ и при всемъ томъ былъ честенъ по-своему. Если старанія его увѣнчаются успѣхомъ, онъ будетъ превосходнымъ мужемъ, и жена будетъ имъ гордиться.

Колоколъ, призывавшій къ обѣду, вывелъ его изъ мечтательности, и онъ сошелъ внизъ, какъ завоеватель.

*

IV.

Онъ былъ менѣе занимателенъ и разговорчивъ, чѣмъ намѣревался, потому что за обѣдомъ бесѣда коснулась такого предмета, который былъ ему совсѣмъ незнакомъ. Но благоразумно разсудивъ, что кто умѣетъ слушать, тотъ такъ же интересенъ для другихъ, какъ тотъ, кто умѣетъ говорить интересно, онъ бо̀льшую часть обѣда пріятно и оживленно промолчалъ.

Естественно, что послѣ прибытія покупокъ миссъ Фарръ, разговоръ вертѣлся на фотографіи. За столомъ находились два любителя-эксперта и одна неопытная энтузіастка.

Миссъ Эдита Уайнкотъ, единственная дочь хозяйки дома, величественная тридцатипятилѣтняя дѣва, забавлялась фотографическимъ искусствомъ такъ же усердно и съ любовью, какъ другія старыя дѣвы утѣшаются моськами или попугаями. Д-ръ Эльфинстонъ, престарѣлый джентльменъ, который водилъ подъ руку хозяйку дома по лугу, когда мы впервые познакомились съ нимъ, былъ настолько старъ, что помнилъ первое появленіе этого искусства и слѣдилъ за его развитіемъ съ живымъ интересомъ. Міръ науки былъ обязанъ ему нѣсколькими замѣчательными серіями увеличенныхъ фотографій съ микроскопическихъ предметовъ, такъ что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ авторитетомъ.

Разговоры этихъ двухъ лицъ убѣдили миссъ Фарръ посвятить свои досуги фотографическому дѣлу, и бесѣда почти исключительно вертѣлась на сухомъ и мокромъ способахъ, сѣромъ и бѣломъ свѣтѣ, камеръ-обскурахъ, негативахъ и т. д. Въ концѣ концовъ она стала слишкомъ технической для посторонняго, и тогда миссъ Фарръ предоставила арену двумъ авторитетамъ, а сама стала разговаривать съ Эсденомъ вообще о прелестяхъ фотографіи. Не каждый сумѣлъ бы воспользоваться этой темой, какъ средствомъ проявить мужественную теплоту души, но Эсденъ это сумѣлъ. Какъ пріятно имѣть такое воспоминаніе о видѣнныхъ людяхъ и мѣстахъ, не купленное за шиллингъ у торговцевъ, не банальное, но созданное своими собственными руками. Какъ отрадно, разсуждалъ онъ, будетъ въ старости перелистывать эту памятную книжку души, пользуясь при этомъ тѣмъ подспорьемъ, какое можетъ дать это чудесное искусство!.. Какъ отрадно было бы, напримѣръ, фотографировать, скажемъ, ребенка мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока онъ не выростетъ

и такимъ образомъ прослѣдить всю исторію его постепеннаго роста и развитія! Даже спеціалисты умолкли и прислушивались къ тому, что онъ говорилъ.

— Еслибы я былъ фотографъ, продолжалъ Эсденъ, я бы поставилъ себѣ за правило отмѣчать числами всѣ мои произведенія, не изъ желанія слѣдить за успѣхами въ искусствѣ, а чисто изъ сантиментальныхъ причинъ. Подумайте, какой бы это былъ драгоцѣнный въ своемъ родѣ дневникъ.

— Вотъ счастливая мысль, м-ръ Эсденъ, сказала богатая наслѣдница, я воспользуясь ею и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что она высказана вами.

М-съ Уайнкотъ послала Эсдену многозначительную улыбку съ того конца стола, гдѣ сидѣла, какъ будто хотѣла сказать:—ты на хорошей дорогѣ, мой милый!

Но Эсденъ воздержался отвѣтить ей тѣмъ же, хотя это стоило ему большихъ усилій. Богатая невѣста глядѣла на него съ серьезнымъ и искреннимъ одобреніемъ. Она считала его очень добрымъ человѣкомъ, а онъ, къ своему удивленію, все болѣе и болѣе находилъ ее привлекательной.

Эльфинстонъ былъ шотландецъ, съ лицомъ необыкновенно доброй и умной старой охотничьей собаки. Онъ былъ чрезвычайно торжественъ даже для своего типа, и высшимъ проявленіемъ удовольствія у него было подергиваніе лицевыхъ мускуловъ. Онъ былъ серьезенъ во всѣхъ рѣшительно, хотя бы и самыхъ обыденныхъ, вещахъ, но тамъ, гдѣ дѣло касалось его лично, серьезность переходила въ бездонную глубину.

— Вы счастливая дѣвушка, миссъ Дженета, говорилъ онъ съ обычной торжественной и ласковой вѣжливостью, что начинаете заниматься фотографіей въ такое время, когда химія, примѣненная къ этому искусству, усовершенствовала его. Я съ своей стороны занимался имъ еще въ его младенчествѣ, такъ сказать. Я отлично помню время, когда вашъ покойный дядюшка купилъ удивительную коллекцію драгоцѣнностей: каменьевъ, цѣпочекъ и монетъ, брошей и колецъ. Онъ просилъ меня фотографировать ихъ для него. Онъ только-что тогда вернулся изъ Бирмы и *Art Journal* непремѣнно хотѣлъ напечатать снимки съ его драгоцѣнностей. Я сфотографировалъ ихъ. Тогда еще затѣялся великій споръ на счетъ достовѣрности нѣкоторыхъ монетъ, и нумизматы вмѣшались въ дѣло. Ну вотъ я и сфотографировалъ ихъ, а вашъ дядюшка, которому было нельзя ждать, вернулся въ Бирму съ оригиналами. Снимки посланы были

изъ Эдинбурга въ Лондонъ по почтѣ и пролежали цѣлый мѣсяцъ въ портфелѣ у издателя, но когда бѣдняга понесъ ихъ къ гравёру, то оказалось, что рисунокъ совсѣмъ почти исчезъ. Остались лишь какія-то блѣдныя, неопредѣленныя линіи и точки—но вотъ и все. Теперь ужь ничего подобнаго не можетъ случиться и тотъ, что изучаетъ фотографію, можетъ быть по крайней мѣрѣ увѣренъ, что никакихъ такихъ штукъ съ нимъ не произойдетъ.

Наслѣдница приложила палецъ къ губамъ и поглядѣла на престарѣлаго медика съ комически-таинственнымъ видомъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе послѣ обѣда, м-ръ Эльфинстонъ; напомните мнѣ въ гостиной.

Когда обѣдъ кончился, Эсденъ, который при обыкновенныхъ обстоятельствахъ остался бы выкурить папироску, нашелъ наслѣдницу такой прелестной, а свое ухаживаніе такимъ заманчивымъ, что послѣдовалъ за нею. Когда принесли чай, и слуга, принесшій его удалился, Эльфинстонъ напомнилъ миссъ Фарръ объ ея обѣщаніи.

— Я знаю, сказала она съ прелестной, лукавой гримаской по адресу стараго джентльмена, что меня забранятъ за то, что я все это привезла сюда...

И безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія выбѣжала изъ комнаты съ свойственной ей мальчишеской рѣзвостью и скоро вернулась съ сафьяннымъ футляромъ и, положивъ его на столъ, отперла ключемъ, который носила на поясѣ.

Д-ръ Эльфинстонъ, оперпись обѣими руками въ столъ, вскрикнулъ отъ удивленія и восторга, когда футляръ былъ раскрытъ. Эсденъ уже стоялъ у стола, приготовясь удивляться и восхищаться ровно столько, сколько потребуется, а другіе столпились вокругъ него, когда докторъ вскрикнулъ.

— Ахъ, Дженета! да вѣдь это безуміе! вскричала старая лэди. Какъ рѣшаешься ты возить съ собой такія вещи?

И она указала пальцемъ, положительно дрожавшимъ отъ восхищенія, на громадный сапфиръ, лежавшій въ центрѣ футляра.

— Что стоитъ это? спросила она тономъ, представлявшимъ комическій контрастъ по своему благоговѣйному нетерпѣнію съ только-что высказаннымъ упрекомъ.

— Не знаю, отвѣчала миссъ Фарръ, полагаю, что дядюшка оцѣнилъ камни по ихъ стоимости. Они лежали на сохраненіи въ Парижѣ въ Crédit Lyonnais и были застрахованы въ полмилліона франковъ. За нихъ приходилось

платить за одну страховку тысячу франковъ въ годъ. Чистое раззореніе. Я могу дешевле сберегать ихъ въ Англіи.

Всѣ вокругъ стола глядѣли на драгоцѣнные каменья и монеты, какъ на какое-то сказочное сокровище. Докторъ дотронулся до нихъ почтительно указательнымъ пальцемъ.

— Я помню, произнесъ онъ съ необычайной торжественностью,—я помню.

Футляръ былъ не больше листа почтовой бумаги большаго формата и закрывался на два отдѣленія и въ нихъ на лиловомъ бархатѣ покоились драгоцѣнные каменья вмѣстѣ съ кольцами, монетами и цѣпочками восточной работы. Наслѣдница граціознымъ движеніемъ выдвинула маленькій ящичекъ изъ нижней части футляра.

— Вотъ, сказала она,—настоящія сокровища.

Зрители наклонились, вытягивая шеи и сгибая плечи, забывъ про окружающихъ. Настоящія сокровища не были такъ привлекательны на первый взглядъ. Драгоцѣнные каменья были по большей части не отдѣлены отъ руды, но у каждаго верхняя сторона была болѣе или менѣе граненая и сверкала синимъ, зеленымъ или желтымъ блескомъ, смотря по тому, былъ ли это сапфиръ, изумрудъ или бриллiантъ. Докторъ перевелъ духъ и протянулъ указательный и большой пальцы, дотронулся до одного большаго камня—изумруда. Затѣмъ поглядѣвъ на обладательницу драгоцѣнностей какъ-бы съ извиненіемъ и мольбой, вынулъ камень изъ ящика и положилъ себѣ на ладонь.

— Я кое-что смыслю въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, сказалъ онъ съ благоговѣйнымъ страхомъ въ голосѣ.

— Это большая похвальба въ устахъ доктора Эльфинстона, разсмѣялась миссъ Фарръ; когда онъ говоритъ: „я кое-что смыслю...“—и она смѣло передразнила тонъ и манеру старагоджентльмена—это значитъ, что онъ знаетъ предметъ вполнѣ.

Докторъ не сводилъ глазъ съ драгоцѣннаго камня, любуясь его игрой, и затѣмъ благоговѣйно водворилъ на мѣсто.

— Дженета, сказала внушительно м-съ Уайнкотъ, вы не должны держать этихъ драгоцѣнностей здѣсь при себѣ. Я не усну спокойно, пока они будутъ находиться здѣсь. Вы сдѣлаете то, что насъ всѣхъ перерѣжутъ въ постели.

— Ни одна душа, кромѣ насъ, отвѣтила миссъ Фарръ,—не знаетъ, что они здѣсь. Я даже умолчала о нихъ за обѣдомъ при слугахъ. Кромѣ того, это не такая вещь, которая бы соблазнила вора. Они слишкомъ замѣтны, чтобы ихъ было легко сбыть съ рукъ.

— Пожалуйста не будьте въ этомъ такъ увѣрены, миссъ Фарръ, вмѣшался Эсденъ.—Я по своей профессіи встрѣчалъ десятки джентльменовъ, которые бы охотно рискнули головой изъ-за такого сокровища. Что касается сбыта, то въ Лондонѣ существуетъ настоящая фирма укрывателей краденыхъ вещей, у которой въ каждую минуту можно достать до пяти тысячъ фунтовъ.

— Уайнкотъ Эсденъ знаетъ эти вещи, сказала миссъ Уайнкотъ. Его профессія приводитъ его въ столкновеніе съ этимъ опаснымъ народомъ. Пожалуйста послушайтесь его совѣта, Дженета.

— Значитъ вы считаете неблагоразумнымъ держать ихъ при себѣ, спросила миссъ Фарръ, глядя на Эсдена.

— Да, я считаю это рискованнымъ и опаснымъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, какой толкъ обладать ими, если я должна вѣчно держать ихъ въ банкѣ и платить за ихъ сбереженіе.

— Вопросъ очень дѣльный, замѣтилъ д-ръ Эльфинстонъ, но я бы тоже не чувствовалъ себя спокойнымъ, еслибы они принадлежали мнѣ, и я бы держалъ ихъ при себѣ.

— Полагаю, что мнѣ дозволятъ хранить у себя драгоцѣнности моей матушки, а онѣ, по моему мнѣнію, еще опаснѣе, сказала миссъ Фарръ. Ихъ стоитъ только вынуть изъ оправы и никто ихъ не узнаетъ.

— Бѣдному Роберту было бы врядъ-ли пріятно, еслибы коллекцію разстроили, въ противномъ случаѣ, я бы посовѣтовалъ продать ихъ, замѣтилъ м-ръ Эльфинстонъ.

— Этого я никогда не сдѣлаю, рѣшительно заявила миссъ Фарръ.

Она заперла шкатулку.

— А пока, продолжала она смѣясь—не разглашайте моей опасной тайны. Въ моей спальнѣ есть очень крѣпкій и надежный шкафчикъ, и тамъ они пролежатъ въ цѣлости и сохранности, пока я не отвезу ихъ въ городъ. Я отдамъ ихъ на храненіе банкирамъ. Но какъ бы мнѣ не попался воръ на лѣстницѣ?

— Дженета, прошу не говорите шутя о такихъ страшныхъ вещахъ, замѣтила старая лэди. Это значитъ испытывать Провидѣніе.

Нѣкоторые думаютъ, что Провидѣніе такъ и сторожитъ подобныя маленькія оплошности людей. Это непочтительная теорія и приписываетъ Провидѣнію прихотливый нравъ по меньшей мѣрѣ.

Миссъ Фарръ убѣжала съ своими драгоцѣнностями, заперла ихъ въ старинный шкапъ и вернулась. Эсденъ такъ распорядился, что самымъ натуральнымъ, повидимому, образомъ очутился около нея, и они весело и пріятно разговаривали. Съ каждой минутой она все больше и больше ему нравилась, и онъ подумывалъ, если дѣла пойдутъ такимъ ходомъ, то ему не нужно будетъ притворяться уже черезъ какую-нибудь недѣлю. Насколько онъ могъ судить,—а онъ не былъ ни чрезмѣрно тщеславенъ, ни глупъ—впечатлѣніе, производимое имъ, было такъ же благопріятно, какъ и то, какое миссъ Фарръ производила на него. Онъ пошелъ спать съ легкимъ сердцемъ, но злополучный Д. П. неотступно мерещился ему въ потьмахъ, пока онъ не уснулъ и не увидалъ во снѣ миссъ Фарръ и ея драгоцѣнные камни...

V.

Эсденъ, по обыкновенію, очень поздно вставалъ въ деревнѣ, но на слѣдующее утро не успѣлъ слуга приготовить ванну и внести теплую воду для бритья, какъ онъ вскочилъ съ постели. Наканунѣ рѣшено было предпринять фотографическую экспедицію, и миссъ Фарръ была слишкомъ заинтересована новой игрушкой, чтобы ждать запоздалыхъ.

Эсденъ желалъ быть замѣтнымъ и рѣшилъ выказывать глубочайшій интересъ къ фотографіи.

Слуга, назначенный служить ему, раскрылъ его чемоданъ и вынулъ изъ него все нужное. Но несессера онъ не отпиралъ и это легкое дѣло было предоставлено самому господину. Эсденъ, сердясь на замедленіе, сталъ искать ключъ, нашелъ его и отперъ несессеръ. Тамъ на самомъ днѣ, къ его великому удивленію, лежали рознятыя двѣ половинки курьезнаго сувенира, полученнаго отъ м-ра Рейбена Гела.

— Съ какой стати старая дура положила это въ несессеръ, проговорилъ Эсденъ. Желалъ бы я знать, понимаетъ она, что это такое?

Онъ припомнилъ, что нашелъ инструментъ подъ подушкой, вечеромъ того дня, когда произвелъ опытъ надъ дверью. Онъ рознялъ его на двѣ части и положилъ въ комодъ; тамъ его, очевидно, и нашла хозяйка.

— Подумала навѣрно: авось понадобится, со смѣхомъ продолжалъ онъ, намыливая себѣ подбородокъ. Какъ разъ

кстати теперь, когда драгоцѣнности миссъ Фарръ находятся здѣсь въ домѣ. Славная штука. Возьму его внизъ и потѣшу ихъ, разсказавъ имъ эту исторію.

У него мелькнула было мысль притвориться, что онъ нашелъ его здѣсь въ домѣ и вывести изъ этого заключеніе о присутствіи въ домѣ вора, но шутка показалась ему пошлою, и онъ тотчасъ же оставилъ эту мысль. Онъ замѣшкался съ туалетомъ, и колоколъ, призывавшій къ завтраку, уже прозвонилъ, а онъ еще не былъ готовъ. Онъ захлопнулъ несессеръ и, уже сбѣжавъ съ лѣстницы, вспомнилъ про инструментъ.

— Ну все равно, сказалъ онъ самому себѣ; поспѣю разсказать имъ послѣ обѣда.

И онъ сошелъ внизъ и поздоровался съ хозяйкой и ея гостями такъ же весело, какъ и прощался съ ними наканунѣ.

— Тебѣ есть письмо, Уайнкотъ, сказала старая лэди.

Эсденъ взялъ письмо изъ рукъ тетки и узналъ почеркъ Д. П. Онъ сѣлъ и разорвалъ конвертъ и сталъ читать. Его корреспондентъ писалъ, что узналъ новости, очень сильно его разстроившія. Онъ пришелъ къ нему на квартиру, и хозяйка зная ихъ короткое знакомство, сообщила ему адресъ Эсдена. *Дѣйствительно ли* улажено дѣло съ векселемъ? Д. П. желалъ это узнать. Для него это былъ вопросъ жизни и смерти, а вѣсти, полученныя имъ, заставляютъ сомнѣваться въ томъ, что по векселю уплачено. Пусть Эсденъ телеграфируетъ ему.

Молодой адвокатъ съ трудомъ скрылъ свою досаду. Онъ ни за какія блага въ мірѣ не хотѣлъ бы обидѣть Д. П. Уже не говоря про то, что жаль было отъ души обидѣть такое безвредное существо, но кромѣ того обидѣть человѣка съ темпераментомъ Д. П. неудобно уже само по себѣ, потому что весь свѣтъ узнаетъ про его обиду и тому, кто нанесъ обиду, жизнь будетъ отравлена. Еслибы общество не было увлечено бесѣдой, сильно всѣхъ интересовавшей, то не преминуло бы замѣтить, что Эсденъ не въ духѣ и съ трудомъ удерживаетъ маску веселости. Чортъ бы побралъ Д. П.; чего онъ завылъ спозаранку! успѣетъ выть, когда наступитъ срокъ! Эсденъ бѣсился, что Д. П. не вѣритъ его неоднократно повторенному завѣренію, что все улажено.

По окончаніи завтрака составили планъ кампаніи и каждому дали что-нибудь нести. Послѣ того партія отправилась на поиски живописныхъ мѣстъ въ Уаттонъ-Вудѣ. Тамъ на указанномъ мѣстѣ ихъ ждалъ завтракъ, и трое изъ фотографовъ намѣревались во всякомъ случаѣ сдѣлать ему честь.

Не успѣли они достигнуть мѣста своего назначенія и заняться кто работой, а кто наблюденіями, какъ сынишка садовника прибѣжалъ со всѣхъ ногъ съ телеграммой, адресованной на имя Эсдена. И эта телеграмма была отъ Д. П. Эсденъ, отойдя къ сторонкѣ, чтобъ распечатать ее, разразился проклятіями по адресу отправителя, пока не увидѣлъ около себя загорѣлаго мальчишку, глазѣвшаго на него съ разинутымъ ртомъ. У Эсдена явилось желаніе свернуть мальчишкѣ шею, но добродушіе въ немъ взяло верхъ надъ раздражительностью, и онъ разсмѣялся въ концѣ концовъ.

„Христа ради телеграфируйте, гласила телеграмма Д. П." и Эсденъ, оторвавъ листокъ бумаги изъ записной книжки, набросалъ карандашемъ отвѣтъ: „Все благополучно, не будьте осломъ". Онъ отдалъ эту записку мальчику вмѣстѣ съ полкроной и приказалъ ему какъ можно скорѣе отправить ее.

— А сдачу, сэръ, куда прикажете доставить?

— Оставь себѣ, отвѣтилъ Эсденъ.

Лицо мальчика повеселѣло, и онъ убѣжалъ, приложивъ руку къ шляпѣ. Когда онъ подумалъ, что отошелъ довольно далеко, онъ подбросилъ шляпу въ воздухѣ и выкинулъ удивительное колѣнце своими громадными сапожищами. Миссъ Фарръ, такъ же какъ и Эсденъ, увидѣла это и весело засмѣялась.

— Вы сегодня уже успѣли осчастливить одно человѣческое существо, м-ръ Эсденъ, шутливо замѣтила она.

Ея слова вернули Эсдену хорошее расположеніе духа. Не бѣда, что его теребятъ, если онъ при этомъ все выигрываетъ во мнѣніи миссъ Фарръ. Но Д. П. упорно не хотѣлъ стушеваться. Бывали моменты, когда воспоминаніе о немъ было до того противно Эсдену, что онъ готовъ былъ бы поколотить его, еслибы только это могло чему-нибудь помочь.

Со всѣмъ тѣмъ ему слѣдовало быть пріятнымъ и выказывать непрерывное вниманіе къ занятіямъ миссъ Фарръ. Докторъ и старая дѣва не скупились на совѣты и горѣли желаніемъ фотографировать. Избранный пунктъ былъ бы маленькимъ раемъ для пейзажиста. Съ каждымъ поворотомъ, на каждомъ шагу—новая картинка. Всѣ присутствующіе образовали группы и позировали, и были много разъ сняты. И даже когда появленіе завтрака по-

ложило конецъ операціямъ, художественный энтузіазмъ миссъ Фарръ еще не остылъ.

Скатерть постлали на небольшомъ дерновомъ столѣ на опушкѣ лѣса, и съ этого мѣста виденъ былъ домъ и извивавшаяся по полямъ тропинка, которая къ нему вела. Они еще не окончили завтракать, какъ Эсденъ, выглянувъ изъ-подъ дерева, нетерпѣливо простоналъ и всталъ на ноги. Онъ увидѣлъ злополучную фигуру Д. П., и мальчишка, сынъ садовника, служилъ ему провожатымъ.

— Въ чемъ дѣло, Уайнкотъ? спросилъ докторъ.

— А вотъ идетъ скучнѣйшій въ мірѣ человѣкъ. Онъ мой кліентъ и вдобавокъ знакомый. Пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, онъ не даетъ мнѣ покоя. Я не могу долѣе этого вынести и отошлю его къ стряпчему.

Говоря это, онъ пошелъ навстрѣчу непрошенному гостю, который, увидя его, замахалъ тростью въ знакъ привѣтствія и сталъ рыться въ карманахъ, ища мелочи для мальчишки. На немъ были толстыя кожаныя перчатки и, будучи по природѣ неуклюжимъ, онъ все дѣлалъ медленно и неловко. Долго копался онъ, пока не вытащилъ трехпенсовую монету, которую искалъ и нашелъ, когда Эсденъ подошелъ къ нему; оба помолчали, пока мальчишка не получилъ монету и не ушелъ съ поклономъ.

— Ну, любезный другъ, что же однако вамъ отъ меня нужно? спросилъ Эсденъ съ нетерпѣніемъ.

— Да видите ли, промямлилъ посѣтитель себѣ подъ носъ, отчего вы мнѣ не телеграфировали. Вамъ бы слѣдовало телеграфировать.

— Ахъ, какъ это несносно, вѣдь я же телеграфировалъ.

Д. П. вытаращилъ глаза на Эсдена и раскрылъ ротъ.

— Я не получалъ телеграммы, пролепеталъ онъ, куда вы ее адресовали?

— Въ контору и тотчасъ же по полученіи вашей телеграммы.

— О! ну тогда это понятно! Я не ходилъ сегодня въ контору. Я ждалъ дома весь день отвѣта. Что вы мнѣ телеграфировали?

— Что все въ порядкѣ, не будьте осломъ.

Эсденъ положилъ было руки на плечи Д. П. и легонько потрясъ его.

— Ступайте домой, старина, сказалъ онъ, вооружаясь самой привѣтливой и веселой улыбкой, и успокойтесь.

— Ну что жъ, конечно, если вы такъ говорите, то это

успокоительно, съ сомнѣніемъ проговорилъ Д. П. Но они мнѣ сказали прошлой ночью въ Сити, что вы перевернули небо и землю, чтобы достать полтораста фунтовъ, и это меня встревожило.

— Ну послушайте, однако, Д. П., произнесъ Эсденъ не безъ строгости въ голосѣ, вѣдь я же вамъ писалъ, что все въ порядкѣ. Я телеграфировалъ, что все въ порядкѣ. Я сто разъ говорилъ вамъ лично, что все въ порядкѣ.

— Ну да, конечно, если вы такъ говорите, съ сомнѣніемъ протянулъ Д. П.

— Не кисните, вы больше не услышите про этотъ вексель.

Д. П. еще разъ подтвердилъ, что теперь онъ спокоенъ, хотя по виду его можно было думать, что онъ пуще прежняго безпокоится.

— Видите ли, Эсденъ, пробормоталъ онъ въ свое оправданіе, ужасно было бы, еслибы мнѣ пришлось платить изъ своего кармана. У меня, вы знаете, шесть дочерей, и всѣ такія здоровенькія и съ такимъ хорошимъ аппетитомъ, кабы вы знали. И притомъ м-съ Д. П.—повидимому, и жена его довольствовалась сокращеннымъ именемъ—постоянно нездорова и такъ слаба. И намъ пришлось взять еще женщину, чтобы присматривать за дѣтьми, и доктору приходится платить много за визиты. Конечно, я долженъ пригласить къ ней лучшаго доктора, а хорошіе доктора берутъ такъ дорого.

— Знаю, дружище, знаю, сказалъ Эсденъ, кладя руку на его плечо. Въ эту минуту сердце его полно было жалости и раскаянія.

— Я не обижу васъ, Д. П. Нужно быть просто мерзавцемъ, чтобы обидѣть васъ, старина.

— Ну значитъ *я могу* положиться на васъ?

— Можете, можете.

Онъ проводилъ его на станцію, всю дорогу ободряя его, и бѣдный Д. П. уѣхалъ успокоенный. Зато Эсденъ вернулся несчастнымъ и горько бранилъ себя всю дорогу. Одно только изъ того, что онъ говорилъ Д. П., было вѣрно: надо было быть очень низкимъ человѣкомъ, чтобы обидѣть такое беззащитное созданіе. Но какъ помочь бѣдѣ, какъ выйти изъ этого позорнаго положенія—этого онъ рѣшительно не зналъ.

VI.

Добродушная м-съ Уайнкотъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ слѣдила за успѣшнымъ ухаживаніемъ своего небогатаго племянника за богатой невѣстой. Она была изъ числа тѣхъ людей, которые полагаютъ, что исправившійся мотъ можетъ быть образцовымъ мужемъ. Это, въ сущности, такъ же вѣрно, какъ то, что удалившійся отъ дѣлъ карманный воръ будетъ надежнѣйшимъ душеприкащикомъ. Эсденъ несомнѣнно былъ мотомъ въ свое время. Разъ уже старая тетка заплатила его долги, но послѣ этой услуги съ ея стороны между ними поселилось такое охлажденіе, что Эсденъ, который естественно ждалъ отъ нея великихъ и богатыхъ милостей въ будущемъ, притворялся съ тѣхъ поръ, что финансовыя дѣла его процвѣтаютъ, хотя это было далеко отъ истины. Онъ дошелъ даже до того, когда ему удалось возстановить себя въ добромъ мнѣніи тетки, что предложилъ уплатить ей долгъ.

Старая лэди была очень этимъ тронута и пролила даже слезу надъ раскаявшимся и обратившимся на путь истинный блуднымъ сыномъ.

По ея мнѣнію, молодому человѣку слѣдовало перебѣситься, но она была увѣрена, что этотъ ея племянникъ кончитъ тѣмъ, что непремѣнно разбогатѣетъ.

Изъ своихъ двухъ племянниковъ, она сначала больше любила Арнольда; но Арнольдъ поступилъ въ пасторы. Отецъ же м-съ Уайнкотъ былъ завзятый вигъ и либералъ, и она заразилась отъ него смутными понятіями о „богинѣ разума“ и благодаря этому хотя и считала церковь респектабельнымъ учрежденіемъ, но нѣсколько отсталымъ и безсильнымъ. Человѣкъ съ фигурой Арнольда долженъ былъ бы поступить въ гвардію. Она была скупенька, но настолько любила его, что доставила бы средства вступить въ эту дорогую и не прибыльную карьеру. Но онъ предпочелъ церковь арміи вопреки ея желанію, и это охладило ея привязанность. Кончилось тѣмъ, что она больше полюбила адвоката, чѣмъ клерджимена.

Это былъ пунктъ разногласія между ею и ея дочерью. Эдита была набожная и приверженная къ церкви женщина и осуждала свободомысліе мама, не смотря на его неопредѣленность и невинность. При этомъ старая дѣва—съ тонкой проницательностью незамужнихъ женщинъ, которыхъ

въ молодости никто не любилъ—проникла тайну, нераскрытую ея матерью. Арнольдъ былъ серьезно влюбленъ въ миссъ Фарръ, и только ея богатство отпугивало его. Она проникла и другую тайну, для пониманія которой не требовалось особенно серьезной проницательности. Деньги, отпугивавшія достойнаго изъ ея двухъ кузеновъ, притягивали менѣе достойнаго. Ей нравился Уайнкотъ Эсденъ—онъ всѣмъ нравился—и не особенно строго судила его. Но она безконечно выше ставила своего другаго кузена. И въ то время какъ мама добродушно интриговала въ пользу адвоката, миссъ Уайнкотъ покровительствовала клерджимену.

Миссъ Фарръ и Эсденъ и старикъ докторъ вмѣстѣ фотографировали, и старая лэди была очень довольна, что молодые люди такъ много времени проводили въ обществѣ другъ друга. Она не смѣла устранить Эдиту съ дороги, но торжествовала, что ей удалась маленькая хитрость, съ помощью которой она задержала ее сегодня утромъ дома. Мало-по-малу однако она открыла, что не она одна прибѣгаетъ къ хитростямъ.

— Какъ сегодня жарко, сказала Эдита, неторопливо работая иголкой.—Я рада, что осталась дома.

— И я также, моя душа, отвѣтила съ удовольствіемъ мама.

— И воспользовалась свободной минуткой, чтобы написать Арнольду.

Мама опустила книгу на колѣни и сложила жирныя руки почти съ отчаяніемъ.

— Не знаю, куда это дѣвается время, продолжала Эдита, какъ бы не замѣтивъ этотъ краснорѣчивый жестъ,—но только я никогда не поспѣваю передѣлать все, что нужно.

Она продолжала шить, опустивъ глаза, а старушка, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, спросила:

— Что ты написала Арнольду.

— Что мы будемъ очень рады его пріѣзду.

— Эдита! вдругъ воскликнула старушка.

— Да, моя милая! невинно поглядѣла на нее Эдита.

— Ради самаго неба, не принимай со мной этихъ минъ. Ты очень хорошо знаешь, что я не хотѣла бы, чтобы Арнольдъ пріѣзжалъ къ намъ теперь. Я не хочу, чтобы въ домѣ былъ еще молодой человѣкъ, кромѣ Уайнкота Эсдена. Я запрещаю тебѣ посылать это письмо.

Вмѣсто отвѣта миссъ Уайнкотъ встала и позвонила. Мама обмахивалась вѣеромъ съ видомъ торжествующаго

негодованія, а дочь продолжала шить. На призывъ колокольчика явился слуга.

— Позовите сюда Гренджеръ, сказала Эдита.

— Гренджеръ, миссъ Эдита? вопросительно повторилъ слуга.

— Гренджеръ, повторила Эдита, горничную миссъ Фарръ.

Наступило минутное молчаніе, и вѣеръ м-съ Уайнкотъ выражалъ сомнѣніе и тревогу.

Вскорѣ появилась Гренджеръ, хорошенькая и сдержанная особа. Она была одѣта въ скромное черное платье съ бѣлымъ воротничкомъ и манжетками, а блестящіе, черные волосы связаны были большимъ узломъ. Она казалась такой же надменной и несговорчивой, какъ и въ тотъ день, когда мы видѣли ее на квартирѣ Эсдена, недѣлю тому назадъ.

Молодая лэди даже не удостоила взглянуть на нее.

— Вы ходили въ деревню? спросила она съ ледяной кротостью.

— Да, миссъ Уайнкотъ.

— И сдали на почту письмо, которое я вамъ поручила отправить?

— Да, миссъ Уайнкотъ.

— Благодарю васъ. Больше ничего не требуется.

Гренджеръ ушла, притворивъ за собою дверь.

— Мнѣ очень жаль, мама, но вы видите сами, что уже поздно вернуть письмо.

— Ты сдѣлала это нарочно, чтобы досадить мнѣ, Эдита, и разстроить мои планы, закричала старушка съ досадой.

— Право, мама, вы говорите удивительныя и непостижимыя вещи. Какимъ вашимъ планамъ помѣшаетъ присутствіе Арнольда?

— О! никакого терпѣнія не хватитъ. Ты зовешь себя христіанкой, Эдита. Я не вѣрю въ набожныхъ людей. Если есть разница въ томъ, чтобы солгать словомъ или дѣломъ, то по-моему лучше солгать словомъ.

Эдита невозмутимо шила.

— Какъ смѣешь ты притворяться, что ничего не знаешь про мои планы?

— Мама, вамъ тяжелѣе будетъ вспоминать про то, какъ вы сердились, чѣмъ мнѣ.

— Вздоръ! если тебѣ удастся испортить, что́ я затѣяла, то я до самой смерти не прощу тебѣ и оставлю все свое состояніе до копѣйки Уайнкоту.

— У меня есть свои скромныя средства, мама, проговорила Эдита, можно сказать, со святостью въ голосѣ.

— Ну и будетъ съ тебя, сердито отрѣзала мать.

Будь она такъ же молода, какъ и ея дочь, она бы убѣжала изъ комнаты, шумя юбками. Но, будучи старухой, она стала ходить взадъ и впередъ болѣе быстрыми шагами, чѣмъ этого требовало ея достоинство.

— Не бѣгайте такъ, мама, сказала Эдита съ снисходительностью, усилившей раздражительность старушки. Вы разгорячитесь и разстроите себѣ нервы.

Эта сцена, послѣ того какъ было заявлено о мягкосердечіи миссъ Эдиты, можетъ показаться какъ-бы въ противорѣчіи съ этимъ заявленіемъ, но только для поверхностныхъ людей. Еслибы ея мать испытала сотую часть той досады и того раздраженія, какое проявляла теперь, отъ всякой иной причины, она могла бы вполнѣ разсчитывать на симпатію дочери. Но тутъ замѣшалась въ дѣло любовь, и каждая желала провести своего кандидата, а Эдита готова была на все, лишь бы только не дать матери восторжествовать надъ собой. Она во что бы то ни стало желала участвовать въ любовной исторіи, такъ какъ лично ей не довелось быть героиней на своемъ вѣку. Было нѣчто святое въ набожной мысли, что она можетъ спасти богатство миссъ Фарръ отъ суетнаго мота и передать его въ руки духовнаго лица.

Въ то время какъ миссъ Уайнкотъ шила, мысли ея вдругъ остановились съ большимъ неодобреніемъ на горничной миссъ Фарръ. Она не взлюбила новую горничную съ перваго ея появленія, но никогда еще она не казалась ей антипатичнѣе, какъ во время краткой утренней бесѣды. Манеры Гренджеръ были безпорно надменныя, а пока будутъ существовать горничныя на свѣтѣ, пріятельницы ихъ госпожъ никогда не согласятся, чтобы онѣ третировали ихъ de haut en bas. Чѣмъ болѣе раздумывала миссъ Уайнкотъ о манерахъ Гренджеръ, тѣмъ сильнѣе ихъ не одобряла.

Между тѣмъ Гренджеръ была по природѣ очень мягкаго и услужливаго характера, но мысль о томъ, что Эсденъ пріѣдетъ въ домъ, съ самаго начала заморозила ее, а когда она возвращалась домой, выполнивъ порученіе миссъ Уайнкотъ, она имѣла встрѣчу, совсѣмъ разстроившую ее.

Станція желѣзной дороги и домъ находились на большой дорогѣ, хотя и въ довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга, но дорога въ деревню вела черезъ густую рощу. Посреди этой рощи бѣжалъ руче-

екъ, очень неширокій, и хотя очертаніе его береговъ показывало, что зимою онъ могъ разливаться, но въ настоящее время года ручей былъ не шире одного фута, и деревянный мостъ, перекинутый черезъ него, казался нелѣпо длиненъ. Въ то время какъ Гренджеръ подходила къ этому мосту, она увидѣла джентльмена, мрачно стоявшаго на немъ, опершись локтями на перила и помахивая тростью. Она подобрала платье и собралась живо прошмыгнуть мимо его, такъ какъ въ качествѣ городской дѣвушки пугалась уединенія, безмолвія и безлюдья лѣса. Незнакомая, пустынная улица въ городѣ темной ночью не показалась бы ей такой страшной, какъ эта рощица. Когда она находилась въ разстояніи двухъ-трехъ аршинъ отъ мрачнаго джентльмена, тотъ обернулся и такъ быстро выпрямился, что она почти налетѣла на него. Она отскочила назадъ съ подавленнымъ крикомъ.

— Пропустите меня, м-ръ Эсденъ!

— Вы кажется очень торопитесь, сказалъ Эсденъ, глядя ей въ лицо непривычно-мрачнымъ взглядомъ.

— Я тороплюсь. Меня послала миссъ Уайнкотъ съ порученіемъ, пропустите меня.

— Вы прежде не убѣгали отъ меня такъ поспѣшно.

— Я удивляюсь, сердито покраснѣла она, что у васъ достаетъ духа напоминать мнѣ про эти времена, я удивляюсь... тутъ голосъ ея задрожалъ, что вы смѣете...

И тутъ, къ великому смущенію и отчасти удивленію Эсдена, она заплакала. Отвернувшись отъ него, она достала носовой платокъ и закрыла имъ лицо. Рыданія ея перешли въ конвульсивныя, и вся она тряслась, стараясь подавить ихъ. Онъ охватилъ рукой ее за талію, собираясь утѣшать, но она отскочила отъ него и, отнявъ платокъ отъ заплаканнаго лица, взглянула на него съ гнѣвомъ.

— Какъ вы смѣете! вскрикнула она. Есть ли у васъ совѣсть! Какъ смѣете вы задерживать меня!

— Я никакъ не ожидалъ, что вы такъ меня любите, Полли, сказалъ Эсденъ.

— Какое право имѣете вы говорить, что я васъ люблю? Вы бы бросили меня на произволъ судьбы, еслибы я была такъ глупа и полюбила васъ.

— Душа моя, если вы считаете меня за скотину, который бросаетъ женщину, добившись отъ нея любви, то очень ошибаетесь. Съ своей стороны я никогда не думалъ, что вы разсчитываете на то, что я женюсь на васъ.

— Когда мужчина говоритъ дѣвушкѣ, что любитъ ее, то или хочетъ жениться на ней или же онъ негодяй. Развѣ вы разговариваете съ миссъ Фарръ такъ, какъ со мной? Развѣ вы смѣете думать о ней такъ дурно, какъ обо мнѣ?

— Оставьте въ покоѣ миссъ Фарръ. Я очень жалѣю, что оскорбилъ ваше самолюбіе. Очень жалѣю, что мы не поняли другъ друга.

— Оскорбили *мое* самолюбіе? Я за васъ оскорблена, а не за себя! Я считала васъ джентльменомъ!

— Ну хорошо, хорошо, Полли, успокоивалъ ее Эсденъ. Оставимъ прошлое. Я прошу у васъ прощенія. Право же, мнѣ очень жаль.

Она презрительно отказалась отъ протянутой руки, а онъ, пожавъ плечами, повернулся и пошелъ прочь, съ болѣе мрачнымъ и унылымъ, чѣмъ прежде, видомъ. Оставшись одна, дѣвушка невѣроятными усиліями подавила свои слезы и, сойдя съ берега къ ручью, намочила водой носовой платокъ и стерла съ лица всѣ слѣды недавнихъ слезъ.

Эсденъ тѣмъ временемъ пошелъ къ дому по порученію миссъ Фарръ, и скорая ходьба—какъ это всегда бываетъ съ людьми его темперамента—развлекла его и заставила позабыть о его заботахъ.

На слѣдующій день Арнольдъ пріѣхалъ изъ города съ первымъ же поѣздомъ и встрѣтилъ ледяной пріемъ со стороны старухи тетки. За то кузина была необыкновенно привѣтлива, и такого гостепріимства, и такого ласковаго обращенія съ ея стороны онъ еще не встрѣчалъ.

Миссъ Фарръ была неутомима въ занятіи новой игрушкой, и старикъ докторъ былъ ея покорнымъ рабомъ, такъ какъ она привыкла съ дѣтства владычествовать надъ нимъ. Она была очень ловка и толкова, и подъ руководствомъ такого опытнаго наставника, вѣчно торчавшаго около нея, дѣлала быстрые успѣхи. Они разбили палатку на лужайкѣ и теперь снимали домъ съ десяти различныхъ пунктовъ. М-съ Уайнкотъ, читавшая книгу, сидя въ палаткѣ, въ моментъ прибытія Арнольда, была обрадована тѣмъ, что богатая невѣста совсѣмъ иначе встрѣтила его, нежели Эсдена. Миссъ Фарръ немножко дичилась джентльмена духовнаго и не выразила никакого удовольствія при встрѣчѣ съ нимъ.

Самъ Арнольдъ, казалось, былъ не въ духѣ, а молодой адвокатъ такъ неотступно занимался наслѣдницей, что если бы не Эдита, то бѣдному викарію не съ кѣмъ было бы и

словомъ перемолвиться. За завтракомъ однако и онъ вступилъ въ общій разговоръ, при чемъ совсѣмъ нечаянно произвелъ въ обществѣ смятеніе.

— Какъ ты думаешь, кого я встрѣтилъ въ городѣ прошнымъ вечеромъ, Уайнкотъ? обратился онъ къ кузену.

— Почемъ я знаю, небрежно отвѣчалъ Уайнкотъ.

— Я встрѣтилъ Бумера, Бумера Броунъ.

— Не можетъ быть! вскричалъ Эсденъ, выскакивая изъза стола.

Онъ выпрямился во весь ростъ съ разгорѣвшимся лицомъ и поспѣшно обвелъ взглядомъ присутствующихъ. Затѣмъ поблѣднѣлъ и снова сѣлъ, придвигая за собою стулъ.

— Прошу извиненія, проговорилъ онъ съ легкой дрожью въ голосѣ. Я слыхалъ, что Бумеръ умеръ. Ропсъ говорилъ мнѣ это. Извѣстіе Арнольда — онъ обратился къ теткѣ съ волненіемъ—меня поразило. Я точно увидѣлъ привидѣніе. Я долженъ ѣхать и повидаться съ Бумеромъ, Арнольдъ.

— Ну въ такомъ случаѣ торопись, отвѣчалъ Арнольдъ. Онъ, кажется, уѣзжаетъ снова сегодня вечеромъ.

— Уѣзжаетъ? куда?

— Назадъ, въ Гондурасъ.

— Дорогая тетушка, поднялся съ мѣста Эсденъ на этотъ разъ медленно. Я увѣренъ, что вы извините меня, такъ какъ это большой мой пріятель. Я думалъ, что онъ умеръ и что я никогда больше его не увижу. Я долженъ повидаться съ нимъ. Вы извините меня, не правда ли? Мы были вмѣстѣ въ Кембриджѣ, старикъ Бумеръ и я. Лучшаго человѣка въ мірѣ не существуетъ.

Онъ былъ страшно взволнованъ, и всѣ за столомъ это замѣтили.

— Ступай, конечно, Уайнкотъ, отвѣтила старушка.

— Ты знаешь, гдѣ онъ остановился, Арнольдъ?

— Да. У Лангама. Онъ тамъ пробудетъ до шести часовъ.

— Отлично. Когда идетъ отсюда поѣздъ?

— Поѣздъ идетъ черезъ четверть часа, сэръ, отвѣтилъ слуга, подававшій завтракъ. Въ часъ двадцать пять минутъ, сэръ.

— Я съ нимъ и поѣду. Возьму только ручной сакъ на тотъ случай, если мнѣ удастся уговорить Бумера остаться еще на одну ночь въ городѣ. Я бы ни за что въ мірѣ не хотѣлъ пропустить случая съ нимъ повидаться.

Съ этими словами онъ вышелъ и слышно было, какъ онъ побѣжалъ по лѣстницѣ, черезъ три ступеньки разомъ. Вскорѣ слышно было, какъ онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и, просунувъ въ дверь голову, съ сіяющимъ лицомъ объявилъ:

— Если я не вернусь въ девять часовъ, то не ждите меня сегодня.

— Хорошо, мой другъ, отвѣтила м-съ Уайнкотъ. Но онъ уже исчезъ.

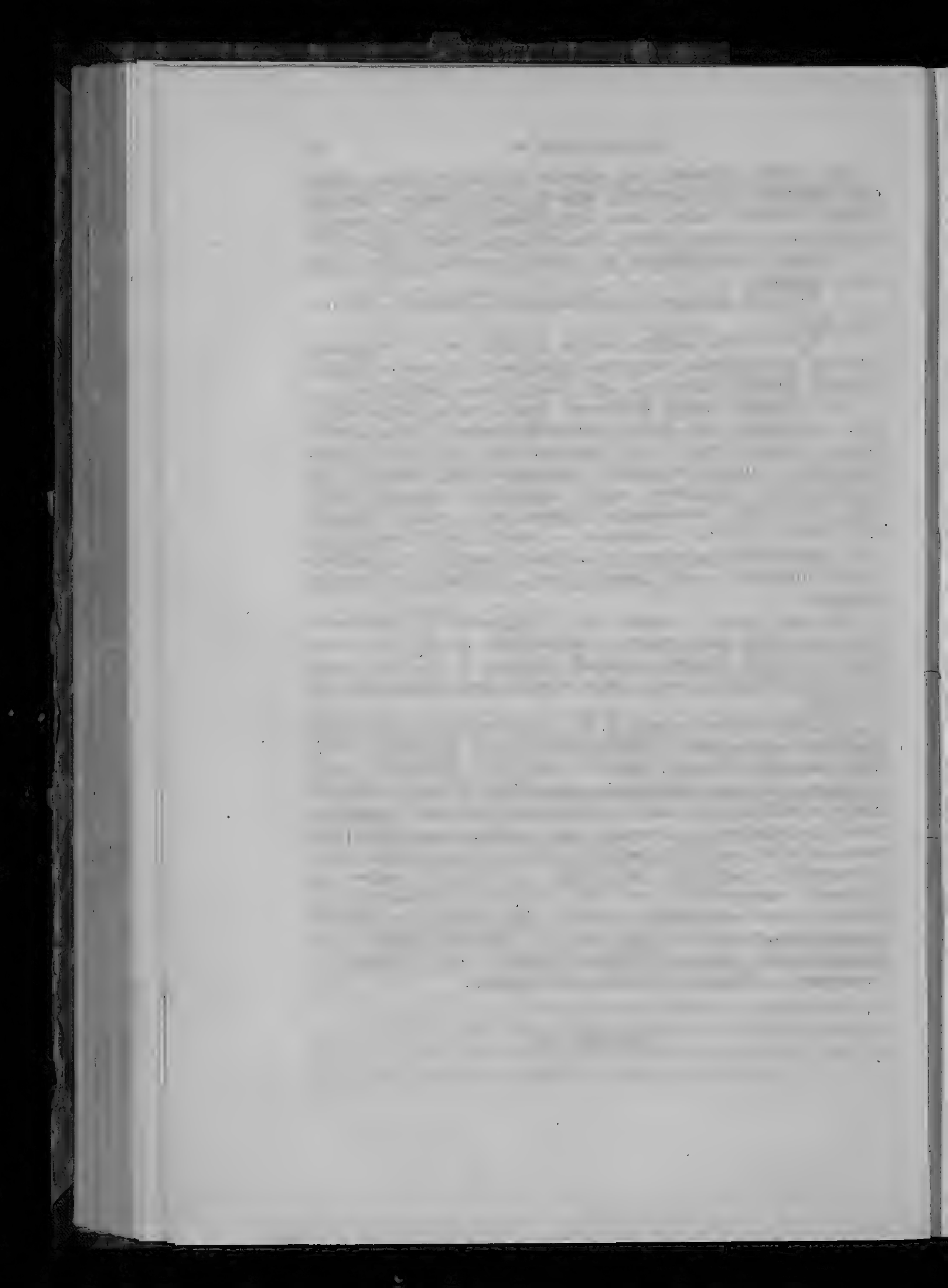
— Трогательно видѣть такую дружбу между молодыми людьми, продолжала старушка, обращаясь къ миссъ Фарръ; бѣдный, милый Уайнкотъ, онъ былъ очень растроганъ.

Что бѣдный, милый Уайнкотъ былъ очень растроганъ— было очевидно для самаго невнимательнаго наблюдателя. Но не теплота души и не привязанность къ другу играли тутъ роль. Говоря по правдѣ, причина этому была та, что Бумеръ былъ не только самый щедрый и любезный человѣкъ изъ всѣхъ знакомыхъ Эсдена, но и самый богатый. Ему стоило только разсказать о своихъ затрудненіяхъ, и тотъ непремѣнно выручитъ его. Эсденъ какъ будто слышалъ голосъ пріятеля:—тебѣ надо триста, говоришь ты? возьми пятьсотъ.

Не надо думать однако, что Гондурасскій милліонеръ былъ со всѣми такъ щедръ и податливъ, но ему случилось какъ-то спасти Эсдена, который тонулъ, и съ тѣхъ поръ онъ привязался къ нему, какъ еслибы самъ произвелъ его на свѣтъ.

— Спасти злополучнаго Д. П.... спасти самого себя! какая пріятная перспектива! Никогда еще солнце не свѣтило такъ ярко, казалось Эсдену, какъ въ это утро. Широкая земля улыбалась его радостнымъ надеждамъ. Онъ пустилъ заботу по вѣтру и сидѣлъ, какъ царь, окруженный мыслями, точно своими царедворцами, въ то время, какъ поѣздъ медленно провозилъ его мимо зеленыхъ пастбищъ. Когда онъ достигъ мѣста назначенія и кликнулъ извощика, то былъ въ такомъ радужномъ настроеніи, что самъ кэбменъ усмѣхнулся въ отвѣтъ на его счастливую улыбку. Всю дорогу до Лангама улыбка не сходила съ его лица. У Лангама темная ночь окутала всю природу. Броунъ уѣхалъ. Онъ уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ и не оставилъ адреса.

(До слѣд. №).

ПРОРИЦАТЕЛЬ.

Романъ Вальтера Безанта.

Въ трехъ частяхъ.

ПРОЛОГЪ.

I.

Двое молодыхъ людей сидѣли въ саду. Это былъ прекрасный садъ, довольно старый—а это для сада такая же похвала, какъ и для портвейна. Будь то англійскій садъ, онъ былъ бы еще старѣе и обнесенъ кругомъ красивой кирпичной стѣной, покрытой мохомъ—желтымъ, бѣлымъ и краснымъ—и съ верхнимъ бортомъ, усаженнымъ цвѣтами и высохшими травами.

Но дѣло было въ Америкѣ, гдѣ, кажется, нѣтъ вовсе садовъ, насчитывающихъ болѣе двухсотъ лѣтъ и немногіе изъ нихъ видѣли подъ своей сѣнью болѣе трехъ поколѣній мужчинъ и женщинъ, говорящихъ по-англійски.

Въ этомъ саду былъ и цвѣтникъ, и фруктовый садъ, и огородъ. Въ фруктовомъ саду росли, главнымъ образомъ, яблони и на нихъ дозрѣвали въ настоящую минуту яблоки, старательно подставляя свои румяные бока жаркому солнцу первыхъ сентябрьскихъ дней.

Молодая дѣвушка сидѣла на низенькомъ стулѣ, а молодой человѣкъ прислонился къ стволу стараго дерева. Это обстоятельство не пустое, такъ какъ доказываетъ, что мы не въ Англіи, гдѣ на закатѣ ранняго осенняго дня молодые люди любятъ бѣгать, играть въ лаунъ-теннисъ, совершать дальнія прогулки и вообще быть въ движеніи. Въ

Америкѣ, гдѣ жара гораздо сильнѣе, они, естественно, менѣе подвижны.

Домъ, передъ которымъ раскинутъ былъ этотъ садъ, прочно выстроенъ и безобразенъ; то былъ домъ м-ра Рюисдаля, законовѣда и именитаго гражданина небольшаго городка, отстоящаго на нѣсколько сотъ миль отъ Бостона.

Около дѣвушки—Висаи Рюисдаль—лежали на травѣ альбомы съ эскизами и ящикъ съ красками. Она снимала этюды съ деревьевъ. Но въ настоящую минуту сидѣла сложивъ руки, и глядѣла въ лицо молодому человѣку. Гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ я не разъ высказывалъ мнѣніе, что лучшая женщина въ мірѣ—это женственная женщина, женщина, которую любятъ другія женщины, о которой онѣ не говорятъ съ горечью, или намеками и переглядываясь другъ съ другомъ. Она можетъ быть и красива, но женщины нераспространяются объ ея красотѣ; она можетъ быть изящна и обладать всѣми талантами, умомъ, искусствами, которые въ большой чести между дамами, но другія женщины не придаютъ этому большаго значенія; онѣ говорятъ про такія качества, какимъ не научатъ въ школѣ, — отсутствіе эгоизма, доброта, заботливость о другихъ, симпатичность и проч. Она никогда не изощряется, какъ другія дѣвушки въ искусствѣ привлекать мужчинъ, какъ магнитъ: она совсѣмъ не понимаетъ силы любовной страсти въ мужчинѣ и нисколько этимъ не интересуется. Но она знаетъ, что нѣкоторыя женщины слабы и что хорошенькое личико не всегда служитъ признакомъ безгрѣшной души, хотя бы неблагоразумные мужчины и думали противное; и когда въ разныхъ книгахъ ей попадаются пышныя, страстныя преувеличенія поэтовъ, драматическихъ писателей и романистовъ, любящихъ изображать возлюбленную героя красивой богиней, исполненной всякихъ совершенствъ, она кладетъ такую книгу и беретъ другую, написанную въ болѣе умѣренномъ и разсудительномъ тонѣ. Выходя замужъ, она сохраняетъ спокойствіе духа и самообладаніе; она отдаетъ свое сердце безъ иллюзій; она знаетъ собственныя слабости и не слѣпа къ недостаткамъ мужа, но считаетъ, что самое большое счастіе въ жизни—это все-таки душевный миръ и что не стоитъ гоняться за преувеличенными восторгами и наслажденіями. И однако съ такою женой мужъ бываетъ счастливъ всю жизнь. Между тѣмъ очень часто такія женщины совсѣмъ не выходятъ замужъ.

Висая Рюисдаль была изъ такихъ дѣвушекъ. Ея спокойное, умное лицо, ясные сѣрые глаза, твердый ротъ, твер-

дыя очертанія щекъ—все внушало довѣріе. Даже простая, дѣловитая прическа темно-каштановыхъ волосъ говорила, что она вполнѣ разсудительная и надежная женщина; не вѣтреная, прихотливая, большимъ юморомъ одаренная женщина—въ исторіи прошлаго столѣтія мы находимъ нѣсколько превосходныхъ типовъ прихотливыхъ или одаренныхъ юморомъ женщинъ, но въ настоящее время онѣ рѣдки—не восторженная, впечатлительная или истерическая. Что касается красоты, то у нея была такая наружность, про которую обыкновенно никто не распространяется. И совсѣмъ тѣмъ она была недурна собой и очень мила: немного блѣднѣе чѣмъ здоровая англійская дѣвушка, немного худѣе и легче фигурой и общимъ видомъ. Когда дѣвушка поставитъ себѣ цѣлью привлекать вниманіе своей наружностью, или своимъ туалетомъ, то, само собою разумѣется, она этого достигаетъ. Но Висая не проявляла ни сознанія своей красоты, ни малѣйшаго желанія быть замѣченной.

Говорятъ, что нѣтъ мѣста во всей вселенной, гдѣ бы молодые люди были такъ замѣчательно хороши собой, какъ въ Нью-Йоркѣ. Говорятъ, что древніе греки, ревнивые къ собственной славѣ, присылали узнавать, правда ли это. Молодой человѣкъ, прислонившійся къ дереву, обладалъ въ полной мѣрѣ и во всемъ блескѣ этой замѣчательной красотой. Вы знаете портретъ Шелли съ его дѣвическимъ лицомъ и чудными страстными глазами, полными блеска и серьезной, безбоязненной мысли. Ну вотъ: это лицо всегда напоминало мнѣ лицо Цефона, хотя Цефонъ—этотъ молодой человѣкъ—не былъ такъ высокъ и голова его не была несоразмѣрно велика съ ростомъ. Какой давно забытый бракъ или скрещеніе расъ создали такое удивительное лицо въ городкѣ штата Новая-Англія? Отъ какого предка или отъ какой прабабушки унаслѣдовалъ юноша это чудное лицо и эти чудные глаза? Его мать не была ни артистка, ни поэтесса и ни въ какомъ отношеніи не отличалась художественными наклонностями. Она была строгая христіанка и замѣчательная хозяйка, и книги, которыя она читала, равно какъ и ея собственное воображеніе, на сколько всякій могъ судить, были такъ же ограничены, какъ и ея вѣра. Его отецъ, конечно, могъ бы быть поэтомъ, но торговый складъ, которымъ онъ весьма удачно завѣдывалъ, давно убилъ всякій зародышъ поэзіи, если только онъ существовалъ въ немъ. Онъ былъ вообще очень респектабельный человѣкъ. Продавая рѣшительно все, начиная отъ контрафакціи англійскаго романа, цѣной въ десять центовъ и кончая связкой луку, боченкомъ ябло-

ковъ или банкой патоки, онъ былъ дьякономъ въ своей церкви и когда не говорилъ о долларахъ, то распространялся о религіи—союзъ здѣшняго и того свѣта: спасеніе души и вѣрное помѣщеніе капитала—такія вещи часто совмѣщаются по ту сторону Атлантическаго океана. Оба, и отецъ и мать, будучи вполнѣ довольны сами собой, страстно желали, чтобы ихъ единственный сынъ слѣдовалъ по имъ стопамъ и избралъ бы для себя какую-нибудь торговую отрасль; если же не это—такъ какъ великій и славный даръ кованія денегъ дается не каждому,—они желали, чтобы онъ сталъ юристомъ и политикомъ, а затѣмъ мэромъ своего города, губернаторомъ своего штата и быть можетъ—кто знаетъ—президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Но какое было у юноши этого лицо!

Быть можетъ—средніе классы не ведутъ родословной—въ дальнемъ поколѣніи предковъ этого юноши была какая-нибудь итальянка, или же страстная андалузка, можетъ быть, цыганка или провансалка, отъ которой ему достались эти чистыя и нѣжныя черты, эти черные глаза, мягкіе и блестящіе и надѣленные всѣми поэтическими качествами, какъ нѣжность, симпатія, проницательность и чувствительность. Фигура юноши была тонка и высока. Въ подвижныхъ губахъ, въ посадкѣ головы, въ длинныхъ тонкихъ пальцахъ можно было разглядѣть еще болѣе нервный темпераментъ, чѣмъ вообще бываетъ у его соотечественниковъ. Куда приведетъ эта нервность американцевъ—Богъ знаетъ. Быть можетъ, въ амальгамѣ будущаго, когда всѣ націи міра дадутъ частицу себя на созиданіе американца, эта нервность темперамента измѣнится. Но что, если она еще усилится? Но къ чему приведетъ эта крайне напряженная организація теперешняго поколѣнія—каждый можетъ видѣть. Одни выходятъ великолѣпными ораторами, другіе краснорѣчивѣйшіе проповѣдники; третьи—ярые партизаны; нѣкоторые—ревностные мученики; иные—оригинальнѣйшіе изобрѣтатели; а есть и ловкіе мошенники, шарлатаны высшей школы — всѣ качества эти вообще развиты въ превосходной степени.

Мы узнаемъ сейчасъ, куда привела чувствительная и нѣжная организація этого молодаго человѣка. Никогда еще со временъ—увы! слишкомъ краткихъ—Авессалома, не бывало такого прелестнаго юноши, говорю, какъ Авессаломъ—именно въ томъ отношеніи, что у каждаго при мысли объ Авессаломѣ воскресаетъ представленіе о длинныхъ волосахъ. Они были раздѣлены съ боку и падали на его бѣлые виски естественными завитками. Казалось вполнѣ натуральнымъ

то, что онъ носилъ длинные волосы; если это и была аффектація, то единственная, такъ какъ его костюмъ былъ простъ и даже мѣшковатъ.

— Не пытайся меня отговаривать, говорилъ онъ. О! Висая, я еще никогда такъ не нуждался въ симпатіи, какъ теперь, и если ты мнѣ въ ней откажешь, у меня не будетъ ни одного друга. Всѣ противъ меня.

— Я не противъ тебя, Цефъ. Тебѣ бы слѣдовало это знать.

— Я сейчасъ встрѣтилъ твоего отца, и онъ прочиталъ мнѣ нотацію о вѣрныхъ путяхъ и о невѣрныхъ. Прекрасно: много людей избирали этотъ путь и терпѣли неудачу, я это знаю. Но если даже меня и постигнетъ неудача—чего быть не можетъ—я буду счастливѣе, чѣмъ тогда, когда бы я совсѣмъ не предпринималъ этого.

— Ты говорилъ съ отцомъ и матерью?

— Да... это было такъ же легко, какъ вырвать зубъ. Я бы даже лучше хотѣлъ, чтобы у меня ихъ вырвали два, чѣмъ снова пережить эту сцену. Но я обязанъ былъ имъ сказать, а теперь дѣло сдѣлано—и пожалуйста, Висая, не отговаривай меня.

— Я не буду. Но... о! еслибы только ты былъ увѣренъ, что избираешь самое разумное и вѣрное. Неужели ты не могъ подождать годъ или два—я увѣрена, что въ восемнадцать лѣтъ рано претендовать на литературный трудъ,—отчего не подождать... крошечку... не сдѣлать такъ, какъ хочетъ твой отецъ.

Она не безъ колебанія произнесла послѣднія слова, изъ чего можно было заключить, что отцовскія желанія не по душѣ и ей самой.

— Отмѣривать коленкоръ и отвѣшивать чай? Нѣтъ... нѣтъ, я этого не могу.

— Но онъ предлагалъ тебѣ быть юристомъ, если ты хочешь.

— Я ненавижу законовѣдѣніе. Это все мошенничество!

— Ну такъ ты бы могъ быть докторомъ... или священникомъ. Подумай. Вѣдь ты могъ бы вдохнуть поэзію въ свои проповѣди и заставить всѣхъ насъ плакать.

— Нѣтъ, нѣтъ... я хочу быть поэтомъ и писателемъ. Не отговаривай меня, Висая. Это моя судьба.

Онъ имѣлъ величественный видъ, этотъ юный Аполлонъ, закладывая руку за жилетъ и выпрямляясь во весь ростъ,

между тѣмъ какъ вѣтерокъ игралъ его прекрасными, длинными волосами.

— Моя судьба зоветъ меня... человѣкъ долженъ повиноваться судьбѣ.

Изъ всѣхъ библейскихъ героевъ, Цефонъ, сынъ Гада, наименѣе замѣчателенъ. О немъ упоминается всего два раза, и даже существуютъ сомнѣнія на счетъ того, какъ слѣдуетъ произносить его имя; нѣкоторые думаютъ даже, что это скорѣе прозвище нежели имя. Быть можетъ, юнаго поэта нарекли такъ, когда онъ былъ младенцемъ, изъ христіанскаго смиренія. Цефонъ Триндеръ! Ни имя, ни фамилія не соотвѣтствовали романической наружности, поэтическимъ глазамъ и жаждѣ литературной славы. Но что дѣлать? Не сами мы выбираемъ себѣ имена, такъ же, какъ и предковъ, и безсильны измѣнять ихъ, если только не назовемъ себя вымышленнымъ именемъ и фамиліей, а это уже въ своемъ родѣ поддѣлка. Благодаря великому генію, самое пошлое имя, даже такое, какъ Джонни Бригсъ или Цефонъ Триндеръ, можетъ сдѣлаться прекраснымъ въ глазахъ свѣта. Но такъ или иначе, а всегда кажется, что у великихъ поэтовъ, романистовъ, живописцевъ и всякаго рода художниковъ были красивыя и музыкальныя имена. Какъ красиво звучитъ имя Рафаэль, Тассо, Теннисонъ, Байронъ, Вордсвортъ, Тальма, Рашель, Росетти, Мередитъ, Альма Тадема! Быть можетъ, привычка къ этимъ именамъ и частое повтореніе отполировало ихъ, и они теперь блестятъ и сверкаютъ на солнцѣ и ослѣпляютъ глаза; между тѣмъ какъ еслибы они красовались на вывѣскѣ, то нисколько не восхищали бы.

— Хорошо, Цефъ, настаивала молодая дѣвушка, но подумай немножко. Ты можешь быть докторомъ или юристомъ, или священникомъ и при этомъ быть и писателемъ. Вспомни про Оливера Гольмса. Онъ медикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, литература дѣло священное. Она не терпитъ соперничества. Я принадлежу сердцемъ и душой литературѣ.

— Ты честолюбивъ, Цефъ,—юноша покраснѣлъ—никто кромѣ тебя и меня не знаетъ, какъ ты честолюбивъ. Почему не идти проторенной дорогой? Каждый, кто хочетъ составить карьеру, начинаетъ съ того, что дѣлается юристомъ. Въ Англіи можетъ быть это не такъ. По крайней мѣрѣ я не слыхала, чтобы лордъ Салисбёри или м-ръ Гладстонъ начали свою дѣятельность въ конторѣ стряпчаго. Но здѣсь... подумай объ этомъ, Цефъ.

— Я не могу объ этомъ и думать.

— Ты думаешь, что можешь существовать на тѣ деньги, которыя получишь за свои поэмы, разсказы и прочее...

Замѣтьте, что мужчина, грубый мужчина никогда не могъ бы такъ холодно говорить съ другомъ о самыхъ дорогихъ стремленіяхъ этого друга. Женщина, не имѣющая иллюзій, безъ угрызеній совѣсти приподнимающая завѣсу и разсѣевающая золотой туманъ, всегда позволяетъ себѣ такія вещи.

Висая знала о мечтахъ юноши и сочувствовала имъ; но она знала также или воображала, что знаетъ, ничтожную коммерческую цѣну тѣхъ рукописей, которыми набитъ былъ его письменный столъ, а потому и говорила: поэмы, повѣсти и все прочее.

— Конечно, отвѣчалъ юноша, я очень хорошо знаю, что не могу сразу разсчитывать на удачу. Я долженъ ждать терпѣливо и работать. Я могу жить очень малымъ. Я поселюсь въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ платятъ не дороже пяти долларовъ въ недѣлю. Печатать одну поэму въ недѣлю—не могутъ же они предложить меньше пяти долларовъ за поэму—время отъ времени какую-нибудь статейку, коротенькій разсказецъ, въ родѣ тѣхъ, какіе тебѣ такъ нравятся... о! я легко проживу на это.

— Хорошо, но не можешь ты ожидать, чтобы издатели брали отъ тебя по поэмѣ въ недѣлю? Пожалуйста не думай, Цефъ—прибавила она, увидя, что онъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ—что мнѣ не нравятся твои поэмы. Я нахожу ихъ прекрасными. Много поэмъ, не лучше твоихъ, еженедѣльно печатается въ нашей газетѣ...

— О! Висая! не лучше!.. Цефъ былъ возмущенъ, но сдержалъ себя.

— И все-таки я боюсь, что тебѣ не удастся печатать по одной поэмѣ въ недѣлю. А если ты хочешь усовершенствоваться, то долженъ учиться писать все лучше и лучше, а для этого нужно, чтобы ты стоялъ выше заботы о хлѣбѣ насущномъ.

— Хорошо... если я встрѣчу затрудненія, то сдѣлаюсь журналистомъ. Это ступенью ниже, но все-таки литература.

— Если ты хочешь быть журналистомъ, настаивала дѣвушка, зачѣмъ тебѣ ѣхать въ Нью-Иоркъ? Почему не начать здѣсь, на мѣстѣ? Или напримѣръ въ Салемѣ, откуда твой отецъ родомъ и гдѣ у тебя есть родственники. Почему

не начать въ Салемѣ, который не погрязъ въ такомъ нечестіи, какъ Нью-Йоркъ.

— Нѣтъ, я долженъ ѣхать въ Нью-Йоркъ. Въ Салемѣ я былъ бы схороненъ на вѣки. Только въ Нью-Йоркѣ человѣкъ можетъ говорить такъ, чтобы его услышали на всемъ американскомъ континентѣ, да и по ту сторону океана. Я хочу всемірной славы!

Тутъ онъ прелестно покраснѣлъ, запутался въ словахъ и умолкъ на минуту, потому что ему стыдно было даже говорить о своемъ честолюбіи.

— Я хочу всемірной славы, повторилъ онъ, успокоиваясь. Только такая слава удовлетворитъ меня. Я хочу, чтобы голосъ мой былъ слышенъ во всѣхъ концахъ вселенной. Никто этого не знаетъ, кромѣ тебя. Каждый посмѣялся бы надо мной, еслибы узналъ.

— Я никогда не буду смѣяться надъ тобой, Цефъ.

Дѣвушка была моложе его, но юноша довѣрялъ ей, спрашивалъ совѣта и слушался ее.

— Ну, хорошо... значитъ ты знаешь, что я думаю. Какъ *могутъ* люди жить въ такомъ мѣстѣ, какъ здѣшнее? Оно мало, пошло и некрасиво, а люди въ немъ невѣжественны, самонадѣянны и глупы. Въ книгахъ мы читаемъ,—то есть ты, да я, а кромѣ насъ никто другой—про искусство и общество и всѣ великолѣпныя вещи, которыя происходятъ въ мірѣ, но здѣсь ничего этого не видимъ—мы не принадлежимъ къ настоящему свѣту, къ свѣту цивилизованному, который создавался такъ медленно и долго.

— Но мы читаемъ про него. Развѣ этого тебѣ не довольно? Конечно, мы не можемъ уѣхать и жить въ Лондонѣ, если это то, что тебѣ хочется. Но намъ такъ же хорошо живется, какъ и другимъ американскимъ гражданамъ. Мы создаемъ свою собственную культуру, и каждый согласится, что она глубже и реальнѣе нежели аристократическія культуры Европы.

— Мы читаемъ про великихъ людей, но никогда ихъ не видимъ. Здѣсь все одни маленькіе люди. Вчера я былъ на кладбищѣ и глядѣлъ на могилы. Сколько сотенъ людей схоронено на немъ. И однако нѣтъ ни одного... ни одного, который бы былъ извѣстенъ за предѣлами своего околодка, или бы остался въ памяти людей, когда умрутъ его дѣти. Какъ могутъ они быть довольны такой долей?

Юноша часто говорилъ такъ и раньше. Но его слова

имѣли теперь больше значенія, когда онъ собирался ринуться въ обширный и неизвѣстный міръ.

Висая поспѣшила указать на утѣшенія религіи.

— Да, да, отвѣчалъ юноша съ сомнѣніемъ... Но какъ хорошо сознавать, что живешь не безцѣльно, что оставилъ слѣдъ въ своемъ поколѣніи, что про тебя будутъ говорить, пока англійскій языкъ будетъ жить, и что тебя не забудутъ тотчасъ же, какъ только твоя душа разстанется съ тѣломъ...

Онъ остановился и вздохнулъ.

— Вѣчные толки о славѣ и объ отличіяхъ, Цефъ! Ты, кажется, только объ этомъ и думаешь. Не лучше ли было бы думать, что твое дѣло—доброе дѣло и хорошо выполнено, все равно, сталъ ли ты отъ того знаменитъ или остался въ неизвѣстности? Ты умрешь тогда съ увѣренностью....

— Ты говоришь такъ, какъ еслибы каждый только и дѣлалъ, что ходилъ въ церковь, перебилъ юноша съ нетерпѣніемъ. Ужь если дѣлать доброе дѣло и оставаться неизвѣстнымъ,то лучше....

Онъ умолкъ, потому что въ ушахъ дѣвушки его слова показались бы богохульствомъ.

— Кромѣ того, продолжалъ онъ, они такъ самонадѣянны, эти темные деревенскіе люди. Почему они болѣе увѣрены въ себѣ, чѣмъ люди, которые борются на глазахъ у всего міра.

— Если ты говоришь о борьбѣ, то вспомни, сколько гладіаторовъ умирало въ невѣдѣніи и забвеніи.

— Ну, что жъ такое, они благородно пали, потому что пали въ борьбѣ, а эти люди умираютъ такъ же низко, какъ и жили.

Нѣкоторое время продолжалось молчаніе. Солнце поздно опустилось, и вечерній воздухъ былъ тихъ. Слышались только колокольчики коровъ, медленно разбредавшихся по дорогѣ и останавливавшихся каждая у своихъ воротъ.

— Цефъ, спросила Висая шепотомъ, сколько у тебя денегъ?

— Матушка даетъ мнѣ сто долларовъ, батюшка ничего не даетъ. Когда я истрачу свои сто долларовъ, говоритъ онъ, тогда онъ успѣетъ послать мнѣ денегъ на обратный путь домой.

— У меня отложено сто долларовъ, Цефъ. Возьми ихъ себѣ.

— О! нѣтъ, нѣтъ!

— Да, возьми непремѣнно. Вѣдь мы съ тобой школьные товарищи, все равно, что братъ и сестра!

— Правда!

— Двѣсти долларовъ не велика сумма, но, можетъ быть, тебѣ и хватитъ.

— О! навѣрное. Я увѣренъ, что успѣю. Я чувствую, что долженъ успѣть. А когда я вернусь назадъ, я буду... голосъ его задрожалъ... знаменитъ. Я буду знаменитъ!

— Знаменитъ, повторила дѣвушка, стараясь на этотъ разъ не огорчить его пророчествами въ духѣ Кассандры. И надѣюсь, что будешь тогда счастливъ.

Она не желала славы и не вѣрила, что слава можетъ дать счастіе.

— Помнишь того медіума, который пріѣзжалъ сюда прошлой зимой? вдругъ спросилъ Цефъ.

— Да... помню... Онъ былъ просто обманщикъ. Почему ты о немъ вспомнилъ?

— Не знаю. Онъ дѣлалъ удивительныя вещи...

— Онъ пилъ много виски. Это несомнѣнно!

— Можетъ быть и пилъ. Но предположи—я высказываю это только, какъ предположеніе,—что, при помощи духовъ, мы могли бы получить новое откровеніе о будущей жизни, что мы могли бы получить отъ нихъ совѣтъ и руководство и при ихъ помощи достичь успѣха. Подумай, какъ чудесно было бы, еслибы мы могли положиться на мудраго духа, какъ на совѣтника, который бы училъ, какъ надо поступать.

— Ну, Цефъ, вѣдь это мечта поэта. Поди и напиши поэму и выведи въ ней человѣка, которымъ руководитъ духъ, какъ Беатриче руководила Данте.

— Данте—да. Его водили и въ рай, и въ адъ, и въ чистилище. Но я хочу сказать... еслибы человѣкъ желалъ отличиться, то какъ было бы пріятно найти духа, который бы показалъ ему путь къ тому.

Онъ обвелъ садъ взглядомъ, точно надѣясь открыть въ немъ одного или двухъ благодѣтельныхъ духовъ...

— Все о величіи, Цефъ? Подумай о тѣхъ милліонахъ людей, которые умираютъ въ неизвѣстности! Какъ можешь ты надѣяться избѣжать общей участи? Одинъ или двое въ каждомъ поколѣніи оставляютъ память среди людей. И ты жаждешь быть однимъ изъ нихъ.

— Знаю, что это невѣроятно, но что-за дѣло. Еслибы только шестеро мужчинъ и женщинъ въ цѣломъ свѣтѣ должны

были спастись, ты бы постаралась же попасть въ ихъ число. Вѣдь такъ? Ну вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ медіума и удивительныя вещи, какія онъ дѣлалъ, я пытался узнать, не медіумъ ли я самъ.

— Цефъ!

— Потому что, еслибы я имъ былъ, то могъ бы приподнять завѣсу съ тайны, какъ и онъ.

— Цефъ!

— И тогда нашелъ бы духа и заставилъ бы его дѣлать все, что мнѣ угодно.

— О, Цефъ! я увѣрена, что это грѣшно. Не дѣлай, не дѣлай этого.

— Я пробовалъ наединѣ, у себя въ комнатѣ. Надо сѣсть и ничего не дѣлать. Глядѣть передъ собой, сохранять полную ясность ума. И вотъ наступитъ моментъ, когда комната, въ которой ты находишься, какъ-то стушевывается. И все тогда стушевывается. Ты теряешь сознаніе самого себя... ты выдѣляешься изъ своего тѣла... твоя душа носится...

— Цефъ, да перестань, умоляю тебя.

Говоря, онъ понизилъ голосъ, и глаза его приняли такое неопредѣленное выраженіе, точно онъ видитъ что-то далекое, но не видитъ свою собесѣдницу.

— Я готовъ приподнять завѣсу! прошепталъ онъ, тихо раскачиваясь съ вытянутыми впередъ руками, точно въ потемкахъ.—Я слышу шелестъ крыльевъ и шепотъ голосовъ. Кругомъ меня чудная музыка: нѣжныя руки прикасаются ко мнѣ; странныя губы прижимаются къ моимъ губамъ; въ воздухѣ распространяется благовоніе; ноги мои на порогѣ...

— Цефъ!

Дѣвушка вскочила на ноги и, схвативъ его обѣими руками за плечи, принялась энергически трясти.

— Перестань актерствовать!

Онъ съ упрекомъ взглянулъ на нее.

— Актерствовать! продолжалъ онъ. Она называетъ это актерствовать!

— Ты состроилъ совсѣмъ такое лицо, какое старался состроить медіумъ. Ему это не удавалось потому, что у него были глаза какъ у поросенка и жирныя щеки. Но, чтобы ты, Цефъ, ты, унизился до этого жалкаго существа, мошенническія продѣлки котораго обличали столько разъ. О!

Цефъ! это хуже чѣмъ безуміе, никакой духъ не поможетъ тебѣ, и ты только погубишь себя.

— Развѣ я актерствовалъ? повторилъ онъ мечтательно. Иногда человѣкъ самъ не знаетъ, когда онъ играетъ комедію, когда нѣтъ. Увѣрена ли ты, что не оторвала меня отъ порога того свѣта... отъ знанія и власти?

— Вздоръ, пустяки! рѣшительно произнесла дѣвушка.

II.

Шесть мѣсяцевъ спустя, молодой человѣкъ, бѣдно одѣтый, въ стоптанныхъ и дырявыхъ сапогахъ, медленно шагалъ по Бродвею въ Нью-Йоркѣ. Его лицо, исхудалое и блѣдное выражало полнѣйшее отчаяніе. Въ большомъ городѣ такъ много встрѣчается печальныхъ лицъ, что жителей Нью-Йорка можно извинить за то, что они не обращали никакого вниманія на это печальное лицо.

Юноша,—онъ былъ еще очень юнъ—подошелъ къ двери, на которой прибитая мѣдная дощечка извѣщала, что здѣсь контора „Spread Eagle Magazine“. Онъ остановился, колебался съ минуту, и, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ контору.

— Я пришелъ за рукописью, сказалъ онъ, которую недавно послалъ издателю.

— Заглавіе и подпись? коротко спросилъ конторщикъ.

— Рукопись озаглавлена: „Кордуанскій монахъ въ забралѣ“.

— Подпись?

— Подписано: Пауль.

— „Кордуанскій монахъ въ забралѣ“, соч. Пауля, машинально повторялъ конторщикъ, записывая на клочкѣ бумажки.

— Подождите минутку.

Молодой человѣкъ повиновался съ уныніемъ.

— Вы давно занимаетесь этимъ? спросилъ конторщикъ.

— Чѣмъ этимъ?

— Разсылкой рукописей по редакціямъ?

— Нѣтъ, недавно.

— Ахъ! и еще ни одной не приняли?

— Нѣтъ еще не приняли.

— Такъ я и думалъ, поглядѣлъ конторщикъ на его из-

ношенное платье и стоптанные сапоги. Другаго занятія у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ послушайтесь моего совѣта, бросьте писательство. Помилуйте, мы получаемъ тысячи рукописей. Ихъ присылаютъ со всѣхъ концовъ Америки! изъ Канады и даже изъ Англіи... и съ письмами, и безъ оныхъ. Если съ письмами, то въ нихъ говорится, что авторъ умираетъ съ голода; если безъ письма, то приложена замѣтка съ просьбой къ издателю какъ можно скорѣе напечатать и прислать деньги съ слѣдующей почтой. Займитесь чѣмъ-нибудь другимъ... увѣряю васъ, займитесь чѣмъ-нибудь другимъ.

Молодой человѣкъ взялъ рукопись и уныло вышелъ, не говоря ни слова. То была его послѣдняя надежда; онъ позволилъ себѣ въ послѣдній разъ лелѣять надежду, что его сочиненія примутъ и вотъ ему говорятъ, что лучше заняться чѣмъ-нибудь другимъ.

Молодой человѣкъ былъ никто другой, какъ Цефонъ Триндеръ. Онъ испыталъ полгода литературной жизни—онъ называлъ это литературной жизнью—и ему не удалось пристроить ни единой изъ своихъ поэмъ, ни одной статьи, повѣсти или очерка—ни одного.

Онъ пріѣхалъ полный восторга и надежды, съ портфелемъ, набитымъ чудесными произведеніями, которыя должны были сразу покорить всѣхъ издателей, поразить восторгомъ и удивленіемъ всѣ Соединенные Штаты, не говоря уже о Великобританіи и ея колоніяхъ. Онъ началъ съ того, что перебиралъ въ умѣ, къ какому журналу ему обратиться сначала къ „Horper“, или „Scribner“, или „Century“, или „Atlantic“; или же не попытать ли ему сначала англійскіе журналы: „Longman's“, „Temple Bar“, „The Cornhill“ и т. д. Въ концѣ концовъ рѣшилъ быть патріотомъ и отдать первые плоды своего генія родной странѣ. Потомъ уже они перейдутъ черезъ океанъ и заставятъ поблѣднѣть отъ зависти англійскихъ писателей.

Къ чему разсказывать его исторію? Каждый пойметъ, что незрѣлыя произведенія умнаго мальчика не встрѣтили одобренія. Онъ забросалъ всѣхъ издателей своими рукописями. И ни отъ единаго не слышалъ ни одного привѣтливаго слова, а теперь все кончено. Онъ всѣхъ перебралъ, и всѣ отвергли его, и у него не было больше денегъ. Положеніе поистинѣ ужасное. Въ концѣ недѣли онъ долженъ будетъ

съѣхать съ квартиры и среди зимы ему негдѣ будетъ преклонить голову.

И всего лишь полгода назадъ онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, съ твердымъ рѣшеніемъ пробить себѣ дорогу, заработать себѣ славу и деньги. И вотъ чѣмъ это кончилось! Вотъ чѣмъ увѣнчалось его честолюбіе! Много восемнадцатилѣтнихъ юношей мечтали о томъ же самомъ, но не многіе такъ сильно вѣровали въ мечту, чтобы попытаться привести ее въ исполненіе! Бѣдный Цефонъ! Что-то съ нимъ теперь будетъ!

Онъ былъ такъ несчастенъ, что не смѣлъ думать, но бродилъ безцѣльно по улицамъ и прислушивался къ разговору прохожихъ.

Сначала прошли двѣ дѣвушки, закутанныя въ мѣхъ, съ густыми вуалями, муфтами, перчатками и защищенныя отъ холода такъ уютно. Онѣ болтали о тряпкахъ и быстро пробѣжали мимо него. За ними послѣдовали двое среднихъ лѣтъ господъ, толковавшихъ про доллары; они тоже прошли мимо. Послѣ того прошли двѣ пожилыхъ дамы; онѣ разговаривали про своего священника; прошло двое молодыхъ людей, говорившихъ о долларахъ. Затѣмъ еще двое молодыхъ людей, и тѣ толковали про доллары. Еще нѣсколько женщинъ и нѣсколько мужчинъ, и всѣ они говорили о нарядахъ или долларахъ и всѣ прошли мимо.

Затѣмъ появилось двое людей, говорившихъ о чемъ-то другомъ.

— Говорю вамъ, докторъ, что вамъ слѣдуетъ взять ученика.

— Я часто думалъ объ этомъ. Но затрудненіе въ томъ, гдѣ его найти.

— Вы не стары, но вы можете умереть, и тогда ваша неподражаемая сила и ваши знанія умрутъ вмѣстѣ съ вами... я говорю, возьмите себѣ ученика.

— Мой дорогой другъ, гдѣ я его найду. Мнѣ нужна тысяча качествъ, соединенныхъ въ одномъ, а всѣ они рѣдки даже взятыя отдѣльно. Напримѣръ, мнѣ нужна молодость, острый умъ, симпатія, высшая нервная и чувствительная организація, поэтическія способности, большая начитанность и хорошее воспитаніе. Мнѣ нуженъ молодой человѣкъ вполнѣ свободный отъ всякихъ узъ родственныхъ, общественныхъ, всякаго рода путъ. Мнѣ нуженъ кромѣ того такой, который бы былъ безусловно послушенъ и хранилъ бы, если я того потребую, ненарушимую тайну. Кромѣ

того, онъ долженъ быть чистымъ юношей, свободнымъ отъ всякихъ пороковъ и согласиться отложить на неопредѣленное время погоню за долларами. Скажите мнѣ, мой другъ, гдѣ я найду такую жаръ-птицу, такого феникса себѣ въ ученики.

Они прошли.

И вдругъ слова эти поразили Цефона, лѣниво слушавшаго то, что говорили прохожіе. Ради какой цѣли требовался этому джентльмену такой ученикъ? Онъ прибавилъ шагу и пошелъ за этими господами. Скоро одинъ изъ нихъ простился съ другимъ, тѣмъ, котораго онъ называлъ докторомъ, и которому нуженъ былъ ученикъ.

Цефонъ пошелъ за этимъ человѣкомъ. Онъ свернулъ съ Бродвея въ одну изъ боковыхъ улицъ, пересѣкающихъ его подъ прямымъ угломъ, и остановился у дверей одного изъ домовъ.

Тутъ вдохновеніе осѣнило Цефона. Онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ:

— Сэръ, извините, могу я сказать вамъ два слова?

— Что такое?

— Вамъ нуженъ ученикъ. Возьмите меня.

Человѣкъ, котораго звали докторомъ, съ любопытствомъ глядѣлъ на него нѣсколько секундъ.

— Войдите, сказалъ онъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ половинѣ седьмаго въ гостиную, еще пустую, вошла дѣвушка, одѣтая какъ одѣваются на вечеръ. Для всѣхъ вообще это была миссъ Бруденель, единственная дочь м-ра Кира Бруденеля. Но среди болѣе многочисленныхъ изъ своихъ друзей и знакомыхъ, мужскаго и женскаго пола, она слыла подъ именемъ Весталки, или Сивиллы, или же Додо. Она отзывалась на всѣ эти прозвища, хотя бы уже по той простой причинѣ, что ее нарекли при крещеніи Сивиллой Додоной. Ее нарекли бы, я ни мало въ томъ не сомнѣваюсь, Манто-Амальтея-Дафна-Пиѳія—и тогда у нея

было бы дѣйствительно прекрасное имя—еслибы только классическія познанія ея папá не хромали. Но вы согласитесь, конечно, что и настоящее ея имя звучало таинственно-язычески, какъ оракулъ, какъ отголоски имени дѣвственной весталки. Такое имя должно было бы по-настоящему принадлежать дѣвушкѣ съ большими, лучистыми глазами, блѣдными щеками и низкимъ лбомъ, властительнымъ какъ у древней жрицы, надѣленной священнымъ огнемъ прорицанія.

Но природа любитъ контрасты: Бланки часто бываютъ брюнетки, а Віолетты походятъ на пышныя розы; сыновья математиковъ дѣлаются поэтами, а изъ сыновей поэтовъ выходятъ инженеры. Міръ, въ дѣйствительности, полонъ людьми, которыхъ родители предназначали къ высшимъ и почетнѣйшимъ должностямъ, и которые заняли въ немъ совсѣмъ противуположное мѣсто.

Что касается Сивиллы, то природа-мать создала ее дѣвушкой нисколько не похожей на весталку—не смотря на то, что она съ колыбели была торжественно обречена этому званію. Быть можетъ, я ошибаюсь. И несомнѣнно въ тѣ дни, когда весталки ходили выручать преступниковъ, украшали своимъ присутствіемъ процессіи, увѣнчивали жертвеннаго быка, къ его вящему тщеславію, вѣнками изъ розъ и занимали переднія мѣста въ циркѣ, когда гладіаторы убивали другъ друга, весталки имѣли опредѣленный типъ.

Говоря о весталкахъ, каждый представляетъ себѣ непремѣнно отрекшихся, не легкомысленныхъ дѣвушекъ, но блѣдныхъ, строгихъ, убивающихъ свою плоть и слѣдовательно некрасивыхъ, съ радостью остригшихъ свои чудесные волосы, съ упоеніемъ одѣвающихся въ безобразную хламиду. Таково, полагаю, популярное понятіе о весталкѣ.

Наружность нашей молодой дѣвицы говорила о чемъ угодно, только не о жизни самоистязанія, уничиженія или лишеній. Большіе смѣющіеся глаза, розовыя, готовыя постоянно сложиться въ улыбку губы, пушистые, вьющіеся волосы, румяныя щеки, высокая, стройная фигура—все это такія черты, которыя, быть можетъ, и не мѣшаютъ подобному призванію, но вообще не считаются его отличительными признаками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она носила свое шелковое платье, съ такимъ видомъ, что это доставляло ей существенное и прочное удовольствіе, и что въ ней отсутствовало всякое стремленіе къ иному одѣянію. Въ рукахъ она дер-

жала вѣеръ изъ перьевъ, совсѣмъ суетную хорошенькую вещицу, а на рукѣ у нея красовался золотой браслетъ, осыпанный бирюзой.

И однако ее звали Сивилла-Додона. Лампы и свѣчи—у леди Августы была такая же страсть къ восковымъ свѣчамъ, какая существовала въ восемнадцатомъ вѣкѣ—были зажжены, огонь въ каминѣ разведенъ, но гости еще не пріѣзжали. Сивилла поглядѣла сначала на часы; она сошла во̀-время, за полчаса до пріѣзда гостей. Послѣ того она поглядѣлась въ зеркало, чтобы провѣрить то, что она видѣла въ собственномъ зеркалѣ и въ чемъ увѣряла ее горничная. Довольная тѣмъ, что видѣла, Сивилла улыбнулась, какъ вдругъ въ эту минуту растворилась дверь, и вошелъ молодой человѣкъ—безъ доклада, потому что онъ жилъ въ домѣ; улыбка Сивиллы стала еще радостнѣе, и она покраснѣла, когда молодой человѣкъ, скромно вошедшій въ комнату, оглядѣвшись кругомъ и убѣдясь, что въ ней никого не было, подбѣжалъ къ Сивиллѣ, схватилъ ее за обѣ руки и, поцѣловавъ въ обѣ щеки и въ губы, съ самымъ преступнымъ невниманіемъ ко времени и мѣсту, прошепталъ:—Милая, милая Додо!

Только счастливый влюбленный могъ позволить себѣ это.

Онъ могъ бы быть и гораздо некрасивѣе. Многимъ дѣвушкамъ приходится довольствоваться гораздо менѣе красивыми поклонниками. Начать съ того, что этотъ молодой человѣкъ былъ очень силенъ. Длина и пропорціальность его членовъ и ширина груди показывали атлета. Я не знаю въ точности, какую тяжесть онъ могъ поднять, и какъ высоко прыгнуть и тому подобное. Но всѣ говорили, что Томъ атлетъ. Онъ былъ однако болѣе нежели атлетъ. Аттестаты, свидѣтельствовавшіе объ его успѣшномъ пребываніи въ вертепахъ естественной науки и лабораторіяхъ, подготовили его къ занимаемому имъ мѣсту демонстратора въ Горномъ Институтѣ.

Люди, занимающіе такой постъ, разсчитываютъ современемъ стать профессорами и считаютъ даже самого профессора Гёксли не болѣе какъ своимъ предшественникомъ, а себя преемниками его знанія и славы; они намѣрены сдѣлаться членами королевской академіи наукъ, въ свое время докторами Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, членами клуба Athenaeum, causa honoris; и—какъ вѣнецъ своей ученой карьеры — ректорами университетовъ Гласго Сент-Андрюсъ и Абердина. Слабымъ пунктомъ у этихъ ученыхъ молодыхъ людей является ихъ наклонность къ преждевременной серьезности. Пріятно видѣть двадцатипятилѣт-

няго молодаго человѣка сіяющаго весельемъ и жизнерадостнаго. Поэтому пріятно замѣтить, что Томъ Лангстонъ—такъ звали молодаго человѣка—не былъ еще избалованъ своей профессіей, но могъ смѣяться, шутить и быть счастливымъ.

Знавшіе Тома Лангстона сказали бы, что Сивилла не ошиблась, довѣряя ему счастіе всей своей жизни.

— У насъ всего лишь нѣсколько минутъ въ распоряженіи, сказала она. Ты очень хорошо сдѣлалъ, Томъ, что такъ рано одѣлся. Нѣтъ, сэръ, прошу васъ не такъ близко; а то насъ могутъ застать врасплохъ. Стойте спокойно по ту сторону камина, а я буду стоять по эту сторону. Вотъ такъ-то лучше. Что еслибы папà вошелъ и накрылъ насъ? Что тогда, Томъ?

— Я бы кажется желалъ, чтобы такъ было. Тогда бы сразу все и объяснилось—почему ты не позволяешь мнѣ переговорить съ нимъ, Сивилла?

— Не теперь еще! о! совершенно безполезно было бы говорить теперь. Нельзя даже и выбрать болѣе неподходящаго момента. Мы ждемъ сегодня вечеромъ къ себѣ самаго удивительнаго человѣка. Онъ готовится все перевернуть вверхъ дномъ. Медіумы—жалкіе старые болваны!—совсѣмъ разбиты и уничтожены съ ихъ постукиваніями и всякимъ вздоромъ. Всѣ прежніе духи замѣняются новыми, и у насъ будетъ совсѣмъ новое откровеніе. М-ръ Эмануэль Чикъ и Лавинія Медлокъ приглашены также на сегодняшній вечеръ, бѣдняжки! Лэди Августа ждетъ, что весь свѣтъ немедленно обратится въ новую вѣру, и мое воспитаніе не будетъ болѣе въ загонѣ, такъ что я тотчасъ же приступлю къ своимъ обязанностямъ весталки, какъ только найдется пригодный человѣкъ. Конечно, въ концѣ концовъ обнаружится, что это новый шарлатанъ, но, должно быть, онъ ловкій малый. О! Томъ! если ты меня любишь, не говори пока съ папашей.

— Черезъ нѣсколько недѣль ты будешь совершеннолѣтняя, Сивилла; и тогда даже твой отецъ...

— Томъ, не говори этого. Я хочу выйдти замужъ, какъ и всѣ другія дѣвушки, съ согласія и съ благословенія своего отца.

Ея голосъ задрожалъ, а въ глазахъ появились слезы.

— Ты не знаешь, какъ сильно онъ меня любитъ и какихъ великихъ вещей ждетъ отъ меня. Его сердце разобьется, когда онъ узнаетъ, что я не могу сдѣлать то, чего онъ ждетъ и на что надѣется.

— Великихъ вещей! Отъ постукиванія!

— Полагаю, что совсѣмъ безполезно говорить это, но право же, Томъ, если ты хочешь получить его согласіе, то долженъ притвориться медіумомъ и разговаривать съ духами, и все такое.

— Какъ это грустно, Сивилла! но я рѣшительно не въ состояніи притворяться.

Сивилла тяжело вздохнула.

— Нѣтъ, Томъ, конечно, ты не можешь обманывать. Но, право же, я чувствую... я не смѣю признаться въ своемъ невѣріи.

— Но вѣдь ты не вѣришь?

— Нѣтъ, я утратила всякую искру вѣры, и мнѣ страшно въ этомъ признаться. Всю свою жизнь я присутствовала при манифестаціяхъ и посланіяхъ, и всегда это было одно и то же. И, о! Боже мой! несмотря на всѣ посланія, мнѣ кажется, что мы топчемся все на одномъ мѣстѣ.

— Да, такъ что или же и самые духи ничего не знаютъ, или же ихъ вовсе нѣтъ.

— И я наконецъ узнала, какъ это все продѣлывается: стуки, музыка и всѣ прочіе фокусы.

— Конечно, Додо, это все фокусы. Подумать только, что разсудительный человѣкъ можетъ всю свою жизнь поощрять обманщиковъ! Когда передъ нимъ цѣлый міръ науки.

Это было сказано со всѣмъ презрѣніемъ не просто юнаго демонстратора, но цѣлаго профессора.

— Будь терпѣливъ съ папа́, ради меня, Томъ, просила Сивилла. Онъ не изъ пустаго любопытства пытается проникнуть тайны, но чтобы открыть, если можно, что такое будущая жизнь...

— А у меня полны руки тѣмъ, чтобы узнать здѣшній свѣтъ, гдѣ я живу. Дайте мнѣ науку, чтобы ею жить и любить ее, и когда жизнь пройдетъ, я безстрашно буду ждать будущаго.... У каждой эпохи есть своя формула. Можетъ быть это формула нашей эпохи.

Было безъ двадцати минутъ восемь, и гости начинали съѣзжаться.

Прежде всѣхъ явились двѣ дѣвушки, которыя тоже пришли безъ доклада, потому что жили въ томъ же домѣ. Одна Цицели Лангдонъ, двоюродная сестра Тома и какъ и онъ находившаяся подъ опекой м-ра Кира Бруденеля, была слѣпа съ младенчества, но всюду ходила по дому безъ вожатаго, хотя компаньонка неотступно находилась при ней.

— Ты здѣсь, Томъ? сказала она, подходя прямо къ

тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ у камина. Ты рано сегодня одѣлся. Вотъ чудо.

— Нисколько, Цисъ. Нетерпѣніе поскорѣе увидѣть сегодня вечеромъ фейерверкъ заставило меня поторопиться.

Цицели улыбнулась и сѣла, съ закрытыми глазами, со сложенными руками, въ терпѣливой и патетической позѣ слѣпыхъ.

Дѣвушка, вошедшая вмѣстѣ съ ней, была ея компаньонка, Гетти Медлокъ. Компаньонки, гувернантки и частные секретари всѣ на одинъ покрой. Или у нихъ мрачный и недовольный видъ, который они тщетно стараются скрыть, или же они напускаютъ на себя невозможную веселость, точно имъ страхъ какъ нравится ихъ доля, и они избрали бы ее преимущественно передъ всѣми остальными, еслибы имъ предоставили выборъ.

Гетти была еще слишкомъ молода, чтобы быть постоянно мрачной, но сегодня вечеромъ она казалась чѣмъ-то недовольна; всего вѣрнѣе своимъ платьемъ, которое не могло уже претендовать на свѣжесть—это достаточная вполнѣ причина недовольства для дѣвушки. Быть можетъ, она была недовольна своимъ положеніемъ, хотя ей слѣдовало бы благодарить Бога за то, что она попала въ компаньонки къ такой добрѣйшей и кротчайшей дѣвушкѣ.

Гетти была дочерью нѣкогда знаменитой Лавиніи Медлокъ, чистокровнаго медіума той эпохи, нынѣ отдаленной отъ насъ уже цѣлой четвертью вѣка, когда люди любили вертѣть столы, слушать стуки и получать посланія отъ духовъ самаго первобытнаго свойства, когда для осиротѣлаго сердца было величайшимъ счастьемъ получить извѣстіе отъ умершаго родственника, что онъ счастливъ. Въ этомъ отношеніи никто не могъ сравниться съ Лавиніей Медлокъ. Но хотя она все еще продолжала поддерживать телефоническія бесѣды съ духами, люди перестали посѣщать ея домъ съ цѣлью узнать результатъ этихъ бесѣдъ. Злые люди ставили ее не разъ въ глупое положеніе, заставляя сообщаться съ умершими личностями, никогда не существовавшими. Замѣчательные умы, вызываемые ею, какъ лордъ Байронъ, Шекспиръ и д-ръ Джонсонъ покрывали ее стыдомъ, отвѣчая несомнѣнную нелѣпицу, такъ что ея кліенты почти совсѣмъ оставили ее, и она была теперь вынуждена содержать меблированныя комнаты. Ея мужъ давно уже убѣжалъ отъ нея, выжитый изъ собственнаго дома, какъ онъ самъ говорилъ, стуками, вздохами, колокольчиками, шепотомъ, холоднымъ дыханіемъ и тому по-

добными явленіями. Онъ терпѣлъ, сколько могъ, но онъ не былъ изъ числа храбрыхъ, и нервы его не вынесли. Поэтому онъ уѣхалъ, захвативъ съ собою небольшой ручной мѣшокъ, и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти. Еслибы у Гетти было не такое недовольное выраженіе лица, она была бы очень хороша собой, болѣе поразительно хороша, чѣмъ Сивилла.

У ней были большіе, блестящіе глаза, почти черные, вещь очень рѣдкая у англійской дѣвушки, и роскошные густые черные волосы. То было лицо дѣвушки способной на сильную страсть, въ испанскомъ или итальянскомъ духѣ, со жгучей ревностью и местью.

Къ счастію, такія дѣвушки, въ наше время, когда сдержанность обязательна и считается стыдомъ проявлять сильныя чувства, рѣдки.

— Хорошо, сказалъ Томъ, я надѣюсь, что великій жрецъ успѣшно выполнитъ свое служеніе и разсѣетъ всѣ существующія сомнѣнія; какъ ты думаешь, Цисъ?

— Да и теперь уже очень мало кто сомнѣвается, отвѣтила Цисъ съ спокойнымъ убѣжденіемъ вѣрующей.

— О! я сказалъ только то, что считаю умѣстнымъ послѣ каждой новой манифестаціи духовъ.

— Для меня, отвѣчала Цицели, жизнь есть тѣнь. Говоритъ ли со мной духъ изъ здѣшняго міра или изъ другаго, разница не велика, лишь бы онъ былъ добрый духъ. Иногда мы приходимъ въ общеніе съ подобными духами.

— Вотъ именно, и единственное средство избавиться отъ нихъ—это входить въ общеніе только съ здѣшними духами. Судя по той нелѣпицѣ, которую они всегда говорятъ, я склоненъ думать, что мы никогда не сообщаемся съ добрыми духами того свѣта. Какъ вы думаете, миссъ Медлокъ?

— Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете, м-ръ Лонгстонъ? Вѣдь вы знаете, что моя мать была медіумомъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ? Неужели же я могу согласиться, что всѣ ея друзья недобрые духи?

Тутъ вошла лэди Августа, въ сопровожденіи м-ра Кира Бруденеля, и стали появляться одинъ за другимъ гости, приглашенные обѣдать и присутствовать при томъ, что могло затѣмъ послѣдовать.

II.

М-ръ Киръ Бруденель былъ впродолженіи многихъ лѣтъ, какъ всѣмъ извѣстно, признаннымъ вожакомъ спиритуали-

стическаго міра въ Лондонѣ. Другіе люди могли на минуту выдвигаться впередъ въ силу особыхъ дарованій. Они съиграютъ свою роль, заслужатъ апплодисменты и исчезаютъ. Но м-ръ Киръ Бруденель остается. Въ каждой партіи, въ каждомъ дѣлѣ, въ каждомъ движеніи имѣется свой м-ръ Бруденель, имя котораго неразрывно съ нимъ связано. Онъ долженъ быть богатъ и женатъ; онъ долженъ жить въ большомъ домѣ, и жена его должна постоянно принимать гостей. Далѣе, онъ долженъ искренно вѣрить въ свое дѣло. Короче сказать, чѣмъ былъ для евангелической церкви лордъ Шефтсбёри, чтобы не ходить далеко за примѣромъ—это всѣмъ извѣстное дѣло—тѣмъ былъ м-ръ Киръ Бруденель для спиритуалистовъ.

М-ръ Бруденель былъ вторымъ сыномъ покойнаго м-ра Авраама Бруденеля, судостроителя и милліонера. Не знаю, какимъ образомъ умъ Кира Бруденеля впервые обратился къ спиритуализму. Можетъ быть, въ этомъ играло роль любопытство, а можетъ быть и естественное желаніе людей узнать неизвѣстное и узрѣть невидимое. Впродолженіи тридцати и болѣе лѣтъ, онъ производилъ свои опыты и былъ однимъ изъ тѣхъ послѣдователей, которыхъ ничто не можетъ разочаровать. Онъ присутствовалъ при неисчислимыхъ сеансахъ, онъ былъ вознаграждаемъ за свое усердіе созерцаніемъ удивительныхъ чудесъ; въ его присутствіи самые степенные столы становились игривыми и шаловливыми и солиднѣйшіе изъ медіумовъ теряли свой вѣсъ и носились по воздуху, съ поразительнымъ легкомысліемъ. И однако онъ все еще не былъ удовлетворенъ, такъ какъ по части чудесъ, такъ же какъ и относительно ѣды, l'appetit vient en mangeant.

Что касается лэди Августы, его второй жены...

Существуетъ извѣстный типъ жены, который боюсь, съ развитіемъ женскаго образованія и критическихъ способностей въ женщинѣ, будетъ все рѣже и рѣже, пока совсѣмъ не исчезнетъ. Я разумѣю жену, которая ревностно принимаетъ вѣру мужа, его убѣжденія, догматы, всѣ его увлеченія и фантазіи. Если мужъ человѣкъ науки, она будетъ дышать научной атмосферой и всю жизнь вращаться въ научномъ мірѣ; если онъ художникъ, она будетъ жить въ мастерскихъ и говорить только объ искусствѣ; если онъ музыкантъ, она будетъ говорить и думать только о музыкѣ.

Лэди Августа принадлежала къ этому типу. Она не чувствовала сомнѣній, не знала колебаній.—Я слишкомъ много видѣла, говорила она, чтобы сомнѣваться. О! мы наканунѣ

новаго откровенія. Я его жду ежедневно; я жду пророка; онъ можетъ явиться каждую минуту и тогда... о! тогда въ моей гостиной наступитъ новая эра, которая вернетъ счастіе страждущему человѣчеству.

Дни проходили, а ожидаемый пророкъ все не являлся!

Лэди Августа, все еще красивая женщина, насчитывала тридцать пять лѣтъ. Это годы не старые для королевы. Лэди Августа была безспорной королевой спиритуалистовъ и держала свой дворъ съ изяществомъ и восхитительнымъ гостепріимствомъ.

Быть принятымъ у лэди Августы значило обезпечить за собой общественное вниманіе. Каждый медіумъ направлялся прямо въ ея гостиную, имя ея было отлично извѣстно и въ Нью-Йоркѣ, и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ каждомъ спиритуалистическомъ центрѣ. Безъ сомнѣнія, сокровенные философы, магатмы и приверженцы Тибета съ благоговѣніемъ относились къ ней, хотя никогда еще не посѣщали ее. У ней былъ свой кругъ царедворцевъ и непрерывный ареопагъ новыхъ и богато-одаренныхъ медіумовъ, искавшихъ себѣ кліентели и доходовъ; вокругъ нея сбирались всѣ тѣ мыслители, которые непрерывно заняты однимъ: приподнять завѣсу съ истины.

III.

Однако былъ уже десятый часъ, и всѣ съѣхались, за исключеніемъ героя вечера; герой вечера, впрочемъ, всегда опаздываетъ. Гости сидѣли или стояли съ условными улыбками и холодными взорами, обмѣниваясь ничего не значущими словами и кипя отъ негодованія при мысли, что ничтожный медіумъ смѣетъ заставлять ихъ дожидаться обѣда. Пусть человѣкъ славится несомнѣнной, сверхъестественной силой, тѣмъ не менѣе въ спиритуалистическихъ кружкахъ существуетъ широко-распространенное мнѣніе, что медіумъ долженъ знать свое мѣсто, и ему не подобаетъ заставлять дожидаться лэди и джентельменовъ.

Въ настоящемъ случаѣ гости принадлежали къ высшему кругу спиритуалистовъ

Въ числѣ другихъ находился, напримѣръ, знаменитый присяжный повѣренный Этельстанъ Кильбёрнъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ м-ръ Этельстанъ Кильбёрнъ сталъ чле-

номъ-основателемъ перваго общества психическихъ изслѣдованій, учрежденнаго въ Кембриджѣ, съ тѣми самыми цѣлями, какъ позднѣйшая ассоціація м-ра Генри Сайджвика, по всей вѣроятности основанная въ подражаніе первой.

Съ тѣхъ поръ друзья его всѣ отдались практическимъ вопросамъ, и нѣкоторые высоко поднялись по общественной лѣстницѣ, стали епископами, судьями, архидіаконами, деканами, врачами, критиками въ толстыхъ журналахъ, издателями, профессорами, выдающимися писателями и даже романистами. Этельстанъ Кильбёрнъ продолжалъ изслѣдовать и принесъ въ жертву духамъ и свое честолюбіе, и свою карьеру.

Здѣсь же находился, столь же извѣстный, преподобный Эмилій Гортонъ, старшій fellow въ коллегіи короля Генри въ Кембриджѣ, который врачуетъ посредствомъ прикосновенія, исцѣляетъ хромыхъ и калѣкъ и возвращаетъ способность движенія ревматикамъ. По крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ. Онъ также претендуетъ на то, что предсказалъ землетрясеніе, случившееся въ Египтѣ по случаю транзитнаго прохожденія Венеры десять лѣтъ тому назадъ, или около того.

Онъ говоритъ, что это случилось въ согласіи съ его предсказаніемъ и что онъ ясно почувствовалъ сотрясеніе, хотя газеты условились пройти его молчаніемъ. Наконецъ онъ поддерживаетъ прямыя сообщенія съ множествомъ духовъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣлаютъ для него рисунки, состоящіе изъ очертаній необычайной формы и невиданнаго дотолѣ цвѣта.

Какъ и слѣдовало ожидать, такія права на власть заставляютъ его единомышленниковъ очень гордиться имъ и всюду и вездѣ, гдѣ только можно, прославлять его.

Представителемъ профессіональныхъ медіумовъ являлся м-ръ Эмануэль Чикъ. Онъ теперь уже преклоннаго возраста и также вышелъ изъ моды, какъ и его прежняя соперница Лавинія Медлокъ. Но въ былые дни онъ фигурировалъ и въ Тюильри при Императорѣ Наполеонѣ III, и въ Петербургѣ. О немъ заговаривали газеты и журналы; ему посвящены были передовыя статьи въ „Saturday“ и въ „Spectator“; онъ повергалъ даже свои „притязанія“ разслѣдованію профессоровъ Гёксли и Тиндалля. У него было слѣдовательно славное прошлое, которымъ онъ могъ утѣшаться въ теперешнія тугія времена. По виду, однако, м-ръ Чикъ смахивалъ на гарсона въ третьестепенномъ ресторанѣ

Сити. Невольно какъ-то взоръ искалъ у него подъ мышкой салфетки.

Въ то время какъ они дожидались и разговаривали, лэди Августа возвысила голосъ.

— Да, сказала она, г. Пауль уже находится здѣсь въ домѣ! Онъ пріѣхалъ съ часъ назадъ.

— О! и вы его уже видѣли?

Спрашивала это м-съ Траси Ганли, воскресные вечерніе рауты которой всѣмъ извѣстны.

— Нѣтъ еще. Онъ прямо прошелъ въ свою комнату. Но я могу разсказать вамъ нѣчто про него, если успѣю. Я получила письмо отъ нашей пріятельницы, Анны Петровны, хорошо извѣстной вамъ петербургской адептки. Она пишетъ....

Лэди Августа раскрыла письмо и начала читать:

„Братъ нашъ, Пауль, отправляющійся въ Англію, одно изъ тѣхъ рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ человѣческихъ существъ, которые рано въ жизни получаютъ власть; такую власть болѣе тупые люди пріобрѣтаютъ лишь годами труда и усилій. Онъ предлагаетъ, если встрѣтитъ симпатическій ему кругъ людей....“

— Встрѣтитъ, о, встрѣтитъ! сказала м-съ Траси Ганли.

...„проповѣдывать высшую философію способомъ, совершенно для васъ новымъ. Объявляю, что пока я не увидѣла собственными глазами проявленія той силы, о которой прежде только слышала или читала, я не имѣла истиннаго понятія о философіи. Моя дорогая сестра, дорогая по связи болѣе священной, нежели узы крови, начните съ того, что изгоните изъ ума всѣ предвзятыя идеи о спиритуализмѣ, равно какъ и всѣ предразсудки и подозрѣнія. Пауль образуетъ поворотный пунктъ къ новому. Душа его—сама чистота; онъ невиненъ, какъ лилія; онъ такъ же неспособенъ къ обману, какъ тѣ возвышенные духи, съ которыми находится въ непрерывномъ общеніи; онъ вѣритъ и ждетъ вѣры къ себѣ. Однимъ словомъ, моя дорогая Августа, полюбите его“...

Быть можетъ, голодъ заставилъ м-ра Эмануэля Чика крякнуть на этомъ мѣстѣ.

„Только симпатіей, довѣріемъ и любовью можетъ онъ быть завоеванъ шагъ за шагомъ и открыть свою душу. Онъ стоитъ выше всякихъ денежныхъ соображеній; его потребности, очень простыя, удовлетворяются его друзьями; смотрите, не вздумайте предлагать ему денегъ“.

Несомнѣнно голодъ заставилъ м-ра Эмануэля Чика громко вздохнуть на этомъ пунктѣ.

„Не знаю, что вамъ еще сказать въ смыслѣ рекомендаціи. Моя дорогая сестра, мы находимся наканунѣ самаго необычайнаго переворота въ мысляхъ, какой когда-либо видѣлъ міръ. Онъ начнется въ Англіи... христіанской, набожной, суевѣрной, консервативной Англіи...

— О!—м-съ Траси Ганли всплеснула руками и прижала ихъ къ груди,—какъ это восхитительно! И его имя... Пауль... Пауль... вѣдь это по-нѣмецки значитъ Павелъ. Почему это у нихъ всегда такія странныя имена? Судя по имени онъ, должно быть, нѣмецъ. Вѣроятно, онъ уже не молодъ. Онъ, конечно, не заботится о костюмѣ и съ пренебреженіемъ относится къ разнымъ нашимъ свѣтскимъ *convenances*... но это не бѣда. У него, навѣрное, очки и голубые глаза, и длинная борода, и онъ ни о чемъ не говоритъ, кромѣ какъ о духахъ.

— Мы этого и должны ожидать у насъ въ домѣ и отъ такого человѣка; что касается меня... и лэди Августа обвела глазами комнату... я живу среди духовъ, они непрерывно шепчутъ мнѣ, я слышу шелестъ ихъ крыльевъ...

Пріятельница ея вздрогнула. Да, это былъ странный домъ.

— Но вотъ только, милая лэди Августа, я боюсь, что отъ него пахнетъ табакомъ и онъ произноситъ мягко *с*. Вмѣсто *со* все будетъ *зо* [1]). Но и табачный запахъ не бѣда, если человѣкъ такъ одаренъ.

Лэди Августа улыбнулась съ превосходствомъ человѣка знающаго.

— Пауль можетъ быть совершенная противуположность всему, что вы себѣ представляете. Я думаю, судя по другому отрывку изъ письма Анны Петровны, что онъ будетъ имѣть большой успѣхъ, не только въ томъ родѣ, на какой указываетъ Анна, но — тутъ лэди Августа понизила голосъ — и въ свѣтскомъ отношеніи. Какъ велики будутъ его успѣхи вообще, объ этомъ я не смѣю думать. Намъ нуженъ новый толчокъ. Все у насъ въ застоѣ. Всѣ отвѣты на всѣ вопросы неудовлетворительны. Всѣ старыя системы рухнули. Мы наканунѣ общаго столкновенія между систе-

[1]) Англичане не выносятъ нѣмецкаго мягкаго произношенія буквы *s*. У англичанъ она твердая. Они произносятъ, напримѣръ, *со—со*, а не *зо*, какъ нѣмцы.

мами и вѣрами, и ничего дѣйствительно новаго намъ не предлагалось. Въ сущности, моя душа, намъ нужно... намъ нужно новое евангеліе. Я желаю, чтобы этотъ иностранецъ проповѣдывалъ бы его міру... въ моей гостиной.

Въ этотъ моментъ появился и самъ Пауль. Кажется, что всѣ ожидали увидѣть такого человѣка, какъ описала м-съ Траси Ганли. Этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что все собравшееся общество ахнуло, точно по уговору. Дѣло въ томъ, что представшій передъ ними человѣкъ былъ вовсе не пожилой германецъ въ очкахъ, измышленный этою дамой. Въ немъ не было ничего тевтонскаго кромѣ имени. Онъ былъ и не пожилой, и не въ годахъ, и въ рукахъ не держалъ трубки съ длиннымъ чубукомъ. Они увидѣли юнаго джентльмена, очевидно слишкомъ юнаго для того, чтобы онъ могъ совершить что-нибудь замѣчательное.

Этотъ молодой человѣкъ—неужели же онъ былъ дѣйствительно тотъ Пауль?—этотъ молодой человѣкъ былъ не старше двадцати пяти лѣтъ. У него не было ни бороды, ни плѣши, ни сѣдыхъ волосъ, но гладкое лицо съ маленькими усиками; онъ не былъ одѣтъ въ театральный, такъ сказать, костюмъ германскаго философа, но какъ любой джентльменъ, понимающій значеніе внѣшности и внимательный ко всѣмъ деталямъ костюма, такъ что онъ былъ одѣтъ не только хорошо, но и просто, безъ всякихъ драгоцѣнностей. Украшеніемъ служилъ только бѣлый цвѣтокъ въ петлицѣ.

Могъ ли быть этотъ человѣкъ тѣмъ великимъ свѣтиломъ тайной науки, о которомъ съ такимъ восторгомъ писала теософическая сестра изъ Петербурга?

Росту онъ былъ средняго, а именно выше пяти футъ десяти дюймовъ; но фигура его была стройная, элегантная и живая, онъ болѣе похожъ на француза, нежели на англичанина. Черты лица удивительно тонкія и правильныя.

— Додо, прошепталъ Томъ, я увѣренъ, что этотъ юноша изъ Нью-Йорка. Я видѣлъ тамъ такихъ.

Его черные глаза, хотя и глубоко сидѣвшіе въ орбитахъ, были остры, живы и лучезарны; лобъ высокъ и бѣлъ; щеки блѣдныя. Никогда, конечно, съ тѣхъ поръ какъ спиритуализмъ, ясновидѣніе, телепатія и таинственная философія впервые появились, не бывало еще такого медіума. Всегда медіумы бывали неотесанные и не знакомые съ манерами хорошаго общества и всегда они дурно одѣты и дурнаго тона, и вообще среднихъ лѣтъ. Конечно, если этотъ человѣкъ былъ медіумъ, то онъ перлъ въ своемъ родѣ.

Волосы его, такіе темные, что казались почти черными, были нѣсколько длиннѣе, чѣмъ позволяла мода; онъ носилъ ихъ съ проборомъ на боку, и они ложились у него на лбу природной и очень эффектной волной.

То былъ на дѣлѣ никто иной, какъ самъ Пауль. Онъ остановился на секунду въ дверяхъ и окинулъ собраніе быстрымъ взглядомъ. Затѣмъ безъ малѣйшаго замѣшательства и съ спокойными и увѣренными манерами, но безъ всякой излишней самонадѣянности или заносчивости, направился къ хозяйкѣ. Быть можетъ, онъ узналъ ее по тому, что она направилась къ нему навстрѣчу. Какъ бы то ни было, онъ ни мало не колебался.

— Лэди Августа! и онъ низко поклонился.

Слѣдовательно онъ былъ не англичанинъ, потому что ни одинъ англичанинъ не умѣетъ кланяться. Онъ приподнялъ голову и взялъ ея руку.

— Я уже видѣлъ васъ, прошепталъ онъ, когда былъ въ Петербургѣ. Я духомъ побывалъ здѣсь. И уже увѣренъ, что наши души симпатизируютъ другъ другу.

Голосъ его былъ чрезвычайно мягокъ и музыкаленъ, а глаза встрѣтились со взглядомъ лэди Августы, выразивъ столько дружелюбія и ласки, что она была тронута. И онъ продержалъ ея руку въ своей такъ долго, какъ другъ, привѣтствующій долго отсутствовавшаго друга.

Неужели... о! неужели онъ давно желанный пророкъ?

Послѣ того онъ обратился къ м-ру Бруденелю, котораго тоже, повидимому, зналъ:

— М-ръ Киръ Бруденель, сказалъ онъ, я привезъ вамъ много посланій и нѣсколько даровъ отъ моихъ друзей, которые давно оцѣнили ваше достоинство.

М-ръ Бруденель вообще подавалъ своимъ медіумамъ только два пальца, какъ покойный лордъ Шефтсбёри низшему духовенству, но въ данномъ случаѣ онъ протянулъ всю руку. Пауль пожалъ ее съ неменьшимъ жаромъ, чѣмъ и руку лэди Августы, и съ любопытствомъ поглядѣлъ въ лицо м-ра Бруденеля, какъ бы стараясь прочитать на немъ нѣчто.

— Очень радъ, м-ръ Пауль, сказалъ хозяинъ дома, стараясь принять покровительственный тонъ, какимъ онъ обыкновенно встрѣчалъ своихъ медіумовъ,—очень радъ съ вами познакомиться.

— Я былъ съ вами—духомъ. Это было вчера утромъ, м-ръ Бруденель, въ вашей библіотекѣ. Вы читали.

— Да, я читалъ, отвѣтилъ м-ръ Бруденель.

Каждый зналъ, что м-ръ Пауль только сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга. Но никто не удивлялся. Въ этомъ домѣ все могло случиться.

— Вы читали романъ Уйда.

М-ръ Бруденель нѣсколько измѣнился въ лицѣ, а нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись.

— Ахъ, да!.. дѣйствительно, я проглядывалъ одно изъ ея сочиненій.

— Вы дочитали до страницы 144, продолжалъ Пауль, а сегодня утромъ продолжали читать и дошли до стр. 280.

— Да... да, сказалъ м-ръ Бруденель, очень сконфуженный тѣмъ, что его уличили въ чтеніи романовъ. Ахъ! въ этомъ домѣ — знаете ли, мы ничему не удивляемся, даже если намъ напомнятъ о мелочахъ жизни, которыя происходятъ... въ тиши кабинета. Мы ничему не удивляемся... и гм! ждемъ многаго, очень многаго...

Онъ хотѣлъ, надо думать, намекнуть во-первыхъ на то, что для нихъ привычное дѣло, чтобы люди являлись въ безтелѣсномъ видѣ и видѣли все, что дѣлается вокругъ, а во-вторыхъ, что его кабинетъ долженъ быть неприкосновеннымъ для любопытства и въ третьихъ, что послѣ такой выходки онъ будетъ требователенъ и придирчивъ.

— Романы, замѣтилъ Пауль нѣсколько строго, не совсѣмъ подходящее чтеніе для подготовки себя къ спиритуалистическимъ изслѣдованіямъ. Состояніе вашего духа не дозволило мнѣ войти съ вами въ сообщеніе, м-ръ Бруденель.

Всѣ опустили глаза при такомъ реприманде и не смѣли взглянуть въ лицо своему вожаку. Слыхали ли что-нибудь подобное? И такъ говоритъ съ м-ромъ Бруденелемъ какой-то медіумъ!

Пауль повернулся снова къ лэди Августѣ.

— Я долженъ извиниться, что запоздалъ, началъ онъ болѣе мягко. Но послѣ того, какъ меня провели въ мою комнату, я получилъ посланіе... довольно важное... отъ моихъ друзей.

— Посланіе, мистеръ Пауль?

Понимаете: какъ! Пробылъ всего лишь три четверти часа въ домѣ, и уже получилъ посланіе.

— Телеграмму?

— Нѣтъ, улыбнулся онъ, не телеграмму. Мои друзья не употребляютъ всего этого. Посланіе прибыло изъ глубины

Абиссиніи. Я долженъ былъ имъ немедленно заняться, и это задержало меня...

Онъ говорилъ безъ малѣйшей аффектаціи, точно ничего ровно не было удивительнаго въ томъ, чтобы получить посланіе изъ Абиссиніи и притомъ быстрѣе чѣмъ по телеграфу.

— Додо, шепнулъ Томъ, этотъ франтъ заткнетъ за поясъ бѣднягу Чика.

Доложили, что обѣдъ поданъ, и всѣ могли слышать вздохъ удовольствія, вырвавшійся у м-ра Чика. Пауль, вмѣсто того, чтобы скромно знать своё мѣсто и идти позади всѣхъ, безъ дамы, какъ это всегда бывало съ м-ромъ Эмануэлемъ Чикомъ и другими медіумами, спокойно подалъ руку лэди Августѣ.

— Это мой первый вечеръ въ Англіи и первый обѣдъ у васъ. Могу ли я воспользоваться привилегіей своего положенія, лэди Августа? Здѣсь мы всѣ спиритуалисты, по имени по крайней мѣрѣ—что онъ хотѣлъ сказать своимъ взглядомъ на м-ра Чика?—а въ іерархіи спиритуалистовъ я—глава.

Всѣ пошли къ обѣду парами—кавалеры и дамы.

(*Продолженіе будетъ*).

Латинско-Русскій словарь географическихъ, мифологическихъ и историческихъ именъ, упоминаемыхъ латинскими классическими писателями. Составилъ И. Лебединскій. Выпускъ 1-й (15 листовъ, съ буквы А д. Canymedes). Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Словарь составленъ такъ, чтобъ при чтеніи и изученіи классическихъ писателей, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, читатель и ученикъ находили бы полное объясненіе каждаго встрѣтившагося *по географіи, мифологіи и исторіи слова.*

Латинско-Русскій словарь мифологическихъ, географическихъ и историческихъ именъ, встрѣчающихся въ классическихъ сочиненіяхъ. Сост. И Лебединскій. Часть II и послѣдняя (*печатается*).

Начальныя основанія минералогіи. Фр. Александрова. IV изд. съ 127 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Кристаллы и ихъ свойства. Неметаллическіе минералы; углеродъ, сѣра, соединенія — фтористыя, хлористыя, углекислыя, сѣрнокислыя и фосфорнокислыя, кремнеземъ и глиноземъ. Металлическіе минералы: марганцевыя руды, мышьякъ, цинкъ, олово, свинецъ, желѣзо, мѣдь, ртуть, серебро, золото и платина.

Первобытный міръ. *Очерки изъ исторіи мірозданія.* Д-ра К. Цителя. Переводъ подъ редакціею профессора А. Иностранцева (съ 174 рисунками въ текстѣ). Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Содержаніе: Образованіе земли, первоначальное ея состояніе и будущность. Геологическія измѣненія настоящаго. Разрушающая и созидающая дѣятельность вулкановъ и воды. Сохраненіе и геологическая дѣятельность организмовъ. Слоистыя и массивныя горныя породы. Окаменѣлости. Правильное расположеніе осадныхъ образованій. Методъ классификаціи. Ученіе о формаціяхъ. *Первый періодъ.* Первобытныя горныя породы. Гнейсовая и первобытная сланцовыя формація. Строеніе и образованіе первобытныхъ горныхъ породъ. Метаморфизмъ. Эозоонъ. Драгоцѣнные камни и рудныя мѣсторожденія. *Второй періодъ.* Общій характеръ, дѣленіе и распространеніе. Царство животныхъ втораго періода. Трилобиты. Лучистыя животныя. Мягкотѣлыя. Позвоночныя. Общій обзоръ. Растенія и каменный уголь. *Третій періодъ.* Общій характеръ, дѣленіе и распространеніе. Тріасовая, юрская и мѣловая формаціи. Альпы, во время третьяго періода. Растенія и животныя его. Флора. Морскія животныя: губки, кораллы и другія лучистыя животныя. Мягкотѣлыя. Позвоночныя. Наземныя прѣсноводныя животныя. *Четвертый періодъ.* Общій характеръ и дѣленіе. Третичная формація. Эогенъ и неогенъ. Диллювіальная формація. Составъ и происхожденіе диллювіальныхъ образованій. Ледниковая эпоха. Ископаемый человѣкъ. Диллювій въ Америкѣ и Австраліи. Заключеніе. Законы прогрессивнаго усовершенствованія организмовъ и постепеннаго приближенія ихъ къ настоящему. Продолжительность жизни организмовъ. Мысли объ исторіи мірозданія.

Растительность земнаго шара, согласно климатическому ея распредѣленію. Очерки сравнительной географіи растеній. А. Гризебаха. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями А. Бекетова.— Томъ I. Цѣна 3 р. 50 коп., съ перес. 3 р. 75 к.

Содержаніе: Естественныя флоры: I. Арктическая флора; II. Лѣсная область восточнаго материка; III. Область Средиземнаго моря; IV. Область степей и V. Китайско-Японская область. Въ каждомъ отдѣлѣ разсматривается особо: климатъ, растительныя формы, растительныя формаціи, поясы и растительные центры.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.